

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – VIII АНТИЧНОСТЬ – ВИЗАНТИЯ – ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Материалы VIII Международной
научной конференции
к 100-летию со дня кончины
акад. Н.П. Кондакова

2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – VIII

АНТИЧНОСТЬ – ВИЗАНТИЯ – ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Материалы VIII Международной научной конференции
к 100-летию со дня кончины акад. Н.П. Кондакова

Белгород 2025

УДК 94(3)(495)(47).02
ББК 63.3 (0) 3
К 64

К 64 **Кондаковские чтения – VIII. Античность – Византия – Древняя Русь:** материалы VIII Международной научной конференции к 100-летию со дня кончины акад. Н.П. Кондакова / отв. ред.-сост: Н.Н. Болгов. – Белгород: ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2025. – 403 с. – URL : ... – Текст: электронный.

ISBN XXX-X-XXXX-XXXX-X

В настоящее издание вошли материалы VIII международной научной конференции, проведенной 30 октября 2025 г. в Белгороде. В центре внимания авторов публикуемых материалов – научные проблемы, находившиеся в сфере интересов академика Н.П. Кондакова (1844–1925), одного из творцов византиноведения в России, уроженца современной Белгородчины. Материалы сборника соответствуют задачам постпроектной деятельности проекта «Византийское древо» программы «Приоритет-2030» НИУ «БелГУ (2022–2024) и призваны актуализировать наследие ученого на его родине и на всем научном пространстве, сложившемся на протяжении XIX–XXI вв. Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы археологии и истории искусства православного мира, краеведения, интересуется истоками отечественной цивилизационной традиции.

Минимальные системные требования
Yandex (20.12.1) или Google Chrome (87.0.4280.141) и т. п.
скорость подключения – не менее 5 Мб/с, Adobe Reader и т. п.

УДК 94(3)(495)(47).02
ББК 63.3 (0) 3

ISBN XXX-X-XXXX-XXXX-X

© НИУ «БелГУ», 2025

Содержание

КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2025 Г.	7

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Анисимов К.А. (Тула)</i> «Царь сапеев Котис» – призрак фракийской истории.....	8

<i>Арутюнян А.Ж. (Ереван, Армения)</i> Вопрос границ Великой Греции в «Древнеармянской Географии» («Ашхарацуйц»)	15

<i>Баринов Н.К. (Воронеж)</i> Наместник и его окружение: детали организации управления римскими провинциями в трудах Страбона, Плиния Младшего, Ульпиана	18

<i>Беликов А.П. (Ставрополь)</i> Апостол Пётр и результат его проповедей в иудейском мире	24

<i>Болгов Н.Н. (Белгород – Севастополь)</i> Протевон Флавий Стратегий II Апион (475–542).....	27

<i>Болгов Н.Н. (Белгород – Севастополь)</i> Тюрки и византийский мир: проблемы взаимоотношений и взаимовлияний	32

<i>Болгова А.М. (Белгород)</i> Галатия и ее интеллектуалы ранневизантийского времени	47

<i>Ващева И.Ю. (Нижний Новгород)</i> «Град, нисходящий с небес»: к интерпретации символического языка армянской церковной архитектуры VII в.	51

<i>Говоров В.В., протоиерей (Белгород)</i> История церковных соборов в Италии в IV-V вв.	60

<i>Гоголев Д.А. (Тюмень)</i> Уточнения в названиях городов в «Церковной истории» Феодорита Кирского	68

<i>Егизарян Э.М. (Заокский)</i> Социальная стратиграфия в Утопии Иезекииля	71

<i>Ермолин С.А., Буравлев С.А. (Москва – Керчь)</i> Усадьба эллинистического времени с винодельней на ближней хоре Херсонеса Таврического	78
<i>Ермолович Р.А. (Белгород)</i> Путешественники XIX в. во Фригии: опыт сбора материала и значение исследований	81
<i>Задорожная-Ремарчук А.Н. (Белгород – Севастополь)</i> Порты и портовая инфраструктура Северного Причерноморья в эпоху Юстиниана	86
<i>Иванкова В.Ю. (Белгород)</i> Мишель Монтень и Лукреций: диалог двух эпох.....	89
<i>Ильязова А.Р. (Белгород)</i> Контекст и интерпретация росписей Капеллы Исхода: образ св. Феклы	93
<i>Клейменов А.А. (Тула)</i> Отказ Александра Македонского от предложенной воды: проблема достоверности вариативного предания	97
<i>Колтунов А.Н. (Белгород)</i> Последствия Великого Иллирийского восстания 6-9 гг. для Римской империи.....	104
<i>Литовченко Е.В. (Белгород – Севастополь)</i> Споры о природе души в V в.: Сидоний между Фавстом и Клавдианом Мамертом	108
<i>Лобынцев Д.В. (Белгород)</i> Некоторые замечания о развитии портовой инфраструктуры Исаврии и западной Киликии в IV-VII вв.	114
<i>Муртазин И.А. (Белгород)</i> Землетрясения на Крите в IV-VII вв. как фактор дестабилизации в регионе	119
<i>Нагиев Г.Г. (Москва)</i> Города Азербайджана в античных источниках	122
<i>Писаревский Н.П. (Воронеж)</i> Исконные эллины античной традиции.....	128

Прокопенко С.Н. (Белгород)

Особенности функционирования системы
водоснабжения позднеантичной Перги 138

Пядочкина У.С. (Тула)

Бастарны на Нижнем Дунае: от Марка Красса до Траяна 142

Радченко М.Л. (Белгород)

Взаимоотношения риторы позднеантичного периода
с представителями имперской власти 149

Розмысл Е.В. (Гродно, Белоруссия)

Экспансия Ромейской державы в Закавказье (конец IX – середина XI вв.):
анализ историографии Армянской и Грузинской ССР 154

Руднева М.А. (Белгород)

Александрия под властью Зенобии:
к вопросу о влиянии военных конфликтов на топографию города 163

Сапожникова М.Г. (Белгород)

Практика опекуинства императорской семьёй
как часть внешней политики ранневизантийских императоров
(на примере Феодосия II и Петра Ивера) 169

Семененко А.А. (Воронеж)

О происхождении античного щита с боковыми выемками
или вогнутостями в широкой индоевропейской перспективе 173

Снежко И.В. (Ростов-на-Дону)

Земельные владения Тита Помпония Аттика
в историографии XIX – начала XXI в. 181

Сурков П.Р. (Воронеж)

Военный авторитет полководца Велисария
в освещении Прокопия Кесарийского 189

Таран В.С., Фомин М.В. (Севастополь)

Гассаниды – арабы-христиане на службе Византийской империи 194

Таранова П.С. (Белгород)

Эдесса христианская: о становлении новой религиозной среды города 198

Титов С.С. (Тула)

Трехручный черняховский сосуд из коллекции Центра археологических
исследований «Киммерия» ТГПУ им. Л.Н. Толстого 202

Федулова Е.С. (Белгород)

Религия и культовые практики в Карфагене:
жертвоприношение и тофет 206

Федулова Е.С. (Белгород)

Город и повседневная жизнь Карфагена 210

Федченко О.В. (Москва)

Гирлянды в ритуальной практике древних римлян 215

Черкасов А.И. (Ставрополь)

Истоки исторической традиции о подвиге Публия Деция Муса
во время Первой Самнитской войны 218

Швыряев И.А. (Тула)

Роль киликийских пиратов в становлении римского митраизма 223

Шушунова Е.В. (Тула), Ярцев С.В. (Тула – Белгород), Бобин Р.М. (Тула)

Проблема интерпретации фрагмента унгентария, найденного в ходе
раскопок 2025 г. поселения «Аджиэль I» в Восточном Крыму 230

Юркова Д.С. (Тула)

Некоторые аспекты изучения Крымской Скифии
в отечественной историографии в 1940–1980-е гг. 235

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**Синица М.М. (Севастополь), Болгов Н.Н. (Белгород – Севастополь)**

Патриарх Фотий. Мириобиблион (cod. 186-222) 240

ХРОНИКА**Болгов Н.Н. (Белгород – Севастополь), Болгова А.М. (Белгород)**

Археологическое путешествие в Кесарию Палестинскую 394

КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2025 Г.

VIII международная научная конференция «Кондаковские чтения: античность – Византия – Древняя Русь» (2025) объединила на площадке НИУ «БелГУ» исследователей из России, Армении, Белоруссии и Сирии.

«Кондаковские чтения» проводятся один раз в три года. Тематический и хронологический диапазон конференции охватил временной период от ветхозаветного Древнего Востока до Древней Руси, но основная тематика сосредоточилась вокруг классической античности и Ранней Византии.

В этот раз чтения состоялись 30 октября 2025 г. в рамках постпроектной деятельности проекта программы «Приоритет-2030» «Византийское древо: корни православной духовности и нравственности» под руководством профессора кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ» Н.Н. Болгова.

Конференция проводится с 2004 г. Чтения призваны актуализировать тематику научных исследований академика Никодима Павловича Кондакова – уроженца нашего края, крупнейшего византолога, историка искусства, археолога.

Тематика конференции совпадает с работой научного направления НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция», которое, по сути, продолжает данные исследования.

Наибольшая делегация докладчиков представляла кафедру всеобщей истории НИУ «БелГУ». Особенно важным было участие аспирантов и молодых учёных, делающих первые шаги во «взрослой» науке в сотрудничестве с ведущими учеными.

Слушателями конференции стали студенты и молодые исследователи проблемной группы и студенческого клуба НИУ «БелГУ» «Византийское древо».

В целом участие в «Кондаковских чтениях» приняли более 50 представителей различных вузов и научных организаций Москвы, Нижнего Новгорода, Воронежа, Ростова-на-Дону, Севастополя, Тюмени, Тулы, Ставрополя, Белгорода, Керчи, Элисты, Борисоглебска, Заокского, Еревана (Армения), Гродно (Белоруссия), Алеппо (Сирия). В целом географический охват участников вырос на треть по сравнению с предыдущей конференцией 2022 г.

Помимо докладов и сообщений в сборнике публикуются материалы, связанные с изучением позднеантичных и ранневизантийских письменных источников, а также хроника. Традиции конференции, сложившиеся за 21 год ее проведения, бережно поддерживаются ее бессменными на протяжении всего этого времени организаторами.

В.А. Лихошерстов, Р.А. Ермолович

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

«ЦАРЬ САПЕЕВ КОТИС» – ПРИЗРАК ФРАКИЙСКОЙ ИСТОРИИ

К.А. Анисимов (Тула)

В данной статье рассматривается проблема генеалогии фракийской царской династии Сапеев, правившей во II-I вв. до н.э. Сапейским царством, а в 31 г. до н.э. – 46 г. н.э. – объединенным Фракийским царством. Несмотря на то, что родственные связи Сапейского Дома с царями Боспора и Понта неоднократно привлекали внимание исследователей, осталось много вопросов, касающихся раннего этапа истории этой династии. В частности, остается проблема установления личности царей, правящих Сапейским царством в первой половине I в. до н.э. Недостаток информации по этому периоду подталкивает исследователей предполагать правление сапейских царей по имени «Котис». Распространение подобных гипотез в историографии заставляет нас вновь обратиться к анализу письменных и эпиграфических источников, чтобы оценить степень достоверности подобных гипотез.

Ключевые слова: сапеи, одрисы, асты, фракийцы, Фракия, генеалогия.

В статье 1984 г. С.Ю. Сапрыкин отмечал, что правильное истолкование генеалогии фракийских царей позволяет лучше узнать внутреннее положение во Фракии периода римской экспансии на северо-восток¹. Тем не менее, несмотря на значительное количество исследований, посвященных как отдельным, так и общим вопросам генеалогии фракийских царских династий, едва ли можно говорить о том, что здесь достигнут консенсус. Кроме того, фракийские царские династии были связаны родственными узами с понтийскими и боспорскими царями, что делает сложной проблему фракийской генеалогии, выходящей за пределы собственно фракийской истории. Все это является веским основанием вновь обратиться к данной теме.

Вопросы царской генеалогии остаются одной из наиболее дискуссионных тем фракийской истории. При том, что эта тема в целом весьма запутана в силу фрагментарности имеющихся в нашем распоряжении источников, особенную сложность для изучения представляет I в. до н.э. Причем, именно в силу обильности материала. Причина этого парадокса проста. Из имеющихся источников не всегда ясно, о ком именно идет речь, так как в этот период действует большое количество правителей с одинаковыми именами. Кроме того, характер источников способствует тому, что на страницах исследований порой количество этих правителей увеличивается еще больше.

Характерным примером таких историографических фантомов является череда царей с именем «Садал» (I, II, III). Как уже было показано ранее, на самом деле нужно говорить только о правлении Садала I и его внука Садала II. Появление же фантомов стало следствием неверного истолкования источников².

¹ Сапрыкин С.Ю. Пифодорида – царица Фракии // Вестник древней истории. 1984. 2. С. 141.

² Делев П. Последните тракийски династии и формирането на «клиентното царство» в Тракия // Археология на властта. Интердисциплинарни диалози. София, 2020. С. 173-181.

Значительно больше информации, а вместе с тем, больше сложных вопросов – о представителях Сапейской династии. До 40-х гг. до н.э. о сапейских династах имеется лишь редкая отрывочная информация. Так, накануне Третьей Македонской войны упоминается могущественный и амбициозный царь сапеев Абрупполис, «друг и союзник римского народа» (Polyb. XXII, 8; Liv. XLII, 13, 5; XLII, 40, 5; XLII, 41, 10-11; Diod. XXIX. 36). Почти столетие спустя еще один Абрупполис (Аблуполис) вместе с Реметалком и Тиутой упоминаются в надписи времен Первой Митридатовой войны¹. В 80 г. до н.э. им было направлено требование Гнея Корнелия Долабеллы освободить Фасосскую перею, которую Сулла вернул фасосцам. Имена и география позволяют довольно уверенно видеть по меньшей мере в Абрупполисе и Реметалке сапеев. По мнению М. Тачевой, традиционное толкование этих фракийских династов как союзников Митридата Евпатора неверно. Скорее следует, что сапеи продолжали выступать в качестве союзников Рима, а перею они завладели в рамках действий против понтийских войск².

Наконец, в 48-42 гг. до н.э. на страницах истории появляются братья Рескупорид I и Раск, сыновья не известного по имени фракийского царя (Caes. B. Civ. 3.4; App. B. Civ. IV. 11. 87 – 17. 138), а в 31 г. до н.э. Реметалк I, хорошо известный античной письменной традиции (Cass. Dio LIV, 20, 3; LIV, 34, 5-7; LV, 30, 6; Tac. Ann. II, 64; Flor. II, 27). При последнем Фракийское царство, вновь объединенное при помощи и под эгидой римлян, переживало свой заключительный расцвет, уже в качестве одного из клиентских царств на границах Римской империи.

Сапейская династия, правившая вплоть до превращения Фракии в римскую провинцию в 46-48 гг., представлена обширным корпусом источников – нумизматических³, эпиграфических⁴ и нарративных, из которых особенно следует упомянуть Аппиана (App. B. Civ. IV. XI, 87 – XVII, 138), Кассия Диона (Cass. Dio LIV, 20, 3; LIV, 34, 5-7) и Тацита (Tac. Ann. II, 64-67).

Анализ этих источников позволил в целом восстановить генеалогию Сапеев 48 г. до н.э. – 48 г. н.э. Они возводили свой род к мифическому предку Эвмолпу (Ovid. Ex. Ponto. II, 9). Рескупорид I, по всей видимости, был родоначальником последующих сапейских царей. Ряд эпиграфических памятников из Афин (IG III 552 = IG II/III² 3442; IG III 553 = IG II/III² 3443),

¹ Тачева М. История на българските земи в древността през елинистическата и римската епоха. София, 1997. С. 77.

² Там же. С. 77.

³ Обзор нумизматических источников: Юркова Й. Монетите на тракийските племена и владетели. Том I. София, 1992. С. 185-196.

⁴ Обзор надписей: Делев П. За генеалогията на Сапейската династия // СΥΜΠΟΣΙΟΝ: сборник в памет на проф. Димитър Попов (Studies in memory of prof. Dimitar Popov). 2016. С. 148-173.

Маронеи (Loukoroulu, E207) и Платинополя (Loukoroulu, E458)¹ позволяют утверждать, что его наследником был царь Котис, в свою очередь, приходившийся отцом Рескупорида II.

Котис сын Рескупорида и Рескупорид II сын Котиса упоминаются Кассием Дионом в связи с событиями 16-11 гг. до н.э. (Cass. Dio LIV, 34, 5-7). После смерти Котиса власть фактически переходит к Реметалку I, которого Кассий Дион называет дядей и опекуном «сыновей Котиса» (Cass. Dio LIV, 20, 3). После гибели Рескупорида II в 11 г. до н.э. Реметалк сосредоточил в своих руках царскую власть над Фракией. О судьбе его младшего брата (Рескупорида III) и сына (Котиса) сообщает Тацит (Tas. Ann. II, 64-67). Тацит называет сыном Рескупорида III Реметалка II.

Многочисленные источники знакомят нас с семьей Котиса, сына Реметалка I: его супругой Антониной Трифеной (дочерью Полемона I Понтийского и Пифодориды), сыновьями Реметалком III (последний царь Фракии в 38-46 гг.), Полемоном II (царем Понта ок. 37-63 гг.) и Котисом Младшим (царем Малой Армении в 38-48 гг.), дочерью Пифодоридой II (супругой Реметалка II), также известен внук Антонины Трифены Гай Юлий Раск. Последний известный потомок Сапейского Дома во Фракии упоминается в III в. (Dexipp., fr. 18). С этим семейством традиционно связывают Гепепирию, боспорскую царицу и родоначальницу царской династии Тибериев Юлиев².

То, что нам известно о Сапеех до 48 г. до н.э., позволяет утверждать, что уже во II в. до н.э. существовало достаточно могущественное Сапейское царство (Polyb. XXII, 8; Liv. XLII, 13, 5; XLII, 40, 5; XLII, 41, 10-11; Diod. XXIX. 36). К 42 г. до н.э. под властью сапейских царей находилось все побережье Фракии между устьем Неста и устьем Гебра, а также корпилы к востоку от устья. Рескупорид I и его брат Раск, совместно правившие сапеями и корпилами, могли выставить войско в 6 000 всадников (App. B. Civ. IV. 11, 87). Очевидно, сапеям принадлежали значительные территории Родопских гор. Страбон называет их соседями бессов (Strabo. VII, fr. 48). Все это заставляет предполагать, что и в 1-й половине I в. до н.э. Сапейское царство должно было играть большую роль в политической жизни Фракии.

Однако, мы не находим прямых сведений о могущественных сапейских царях в письменных источниках. Закономерными стали попытки заполнить лакуну между царствованием Абруполиса в 171 г. до н.э. и Рескупоридом I (48 г. до н.э.) за счет приписывания сапеям информации о влиятельных фракийских правителях этого периода. Важное место в этих попытках занимают правители с именем «Котис».

¹ Λουκοπούλου Α., Ζουρντζή Α., Παρισάκη Μ.Γ., Ψωμά Σ. Επιγραφές της Θράκης του Αιγαίου μεταξύ των ποταμών Νέστου και Έβρου (νομοί Ξάνθης, Ροδόπης και Έβρου). Αθήναι, 2005.

² Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 163-165; Сапрыкин С.Ю. Заметки по боспорской эпиграфике // Древности Боспора. Том 15. 2011. С. 271.

Первым в этом ряду выступает «царь фракийцев» Котис, которого упоминает Диодор Сицилийский (Diod. XXXVII, fr. 5a), рассказывая о судьбе молодого македонского аристократа Эвфения. Последний в 91 г. до н.э. объявил себя царем Македонии, желая восстановить былую славу этой державы. Под знамена мятежника собрались «многие, в ожидании предвидимой поживы». Царь состоял в дружественных отношениях с Эвфением, пригласил его к себе, а потом задержал и передал отцу, который не разделял планов своего сына.

С этим же Котисом ряд исследователей связывают интересный абдерско-теосский декрет (Syll³. 656)¹, из которого следует, что некий фракийский царь Котис захватил хору абдеритов, что вынудило последних искать защиты в Риме. Мнения исследователей разделились. Часть считает, что декрет относится к периоду после Третьей Македонской войны, а упомянутый Котис есть не кто иной, как царь одрисов Котис, сын Севта (известный в литературе как «Котис II»; по нашему мнению, его следует обозначать как «Котис III»). Другие, как было сказано выше, придерживаются мнения о том, что «героем» этого декрета является Котис, упомянутый Диодором в связи с событиями 91 г. до н.э. (Diod. XXXVII, fr. 5a), определяя его как «царя сапеев»².

Нельзя не признать, что «царь сапеев» был бы наиболее подходящим кандидатом на роль Котиса из истории Диодора и декрета Syll³. 656 уже в силу географии расселения сапеев³. Тем не менее, доказательств в пользу такого вывода недостаточно. В случае с декретом мы наблюдаем расхождение мнений относительно его датировки. С одной стороны, у нас есть достоверно известный царь одрисов, широко известный античной письменной традицией. Как союзник македонского царя Персея, этот Котис вполне мог получить земли сапеев после изгнания Персеем сапейского царя Абруполиса. Этого требовали как необходимость держать под контролем враждебных Македонии сапеев, так и необходимость координации действий Македонии и одрисов⁴. После поражения Персея Котису III удалось наладить дружеские отношения с

¹ Тачева М. Ук. соч. С. 81.

² Delev P. Cotys son of Seuthes // *Ex nummis lux. Studies in Ancient Numismatics in honour of Dimitar Draganov*. Sofia, 2017. P. 229-234.

³ О проблемах расселения сапеев и их ранней истории: Анисимов К.А. Междуречье Нижнего Гебра и Нижнего Неста (430-359 гг. до н.э.) // Кондаковские чтения – VII. Античность – Византия – Древняя Русь. Материалы VII международной научной конференции. Белгород, 2022. С. 33-41; Анисимов К.А., Ярцев С.В. Спорные вопросы истории междуречья Нижнего Неста и Нижнего Гебра в VII – конце VI вв. до н.э. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. Вып. 2 (14). 2023. С. 42-55.

⁴ Следует добавить, что П. Делев в последних статьях на эту тему пошел еще дальше, предположив, что сам Котис III был на самом деле не одрисским, а сапейским царем, поставленным Персеем вместо свергнутого Абруполиса. «Одрисы» же в данном случае выступают в роли синонима фракийцев вообще. Несмотря на то, что определенная логика в этих рассуждениях имеется, нам сложно согласиться с выводами уважаемого болгарского исследователя, поскольку они полностью противоречат всему корпусу источников о Котисе сыне Севта. Помимо собственно письменных источников, определяющих Котиса III как «царя одрисов» (Polyb. XXVII, 12; XXX, 18; Liv, XLII, 29, 12; XLII, 51, 10; XLIV, 42, 1), известна ограниченная серия монет этого правителя, обнаруженная в окрестностях Филиппополя, в коренных землях одрисов: Delev P. Did a Late Odrisian Kingdom ever existed // *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis*, 2018. P. 191-196; Койчев А. Монетосеченето с надпис ОДРОΣΩΝ и владетелите от одриската, астейската, кенийската и сапейската династии през II-I в. пр. Хр. // *Numismatika bulgarica II*. София, 2003. Кн. 1. С. 14-68.

Римом, тем самым, не только сохранив свои приобретения во Фракии, но и укрепив свое положение как союзника Рима. В контекст этих событий декрет теосцев и абдеритов прекрасно вписывается. С другой стороны, у нас есть гипотетический (!) «царь сапеев», который предположительно (!) угрожал безопасности Абдер в начале I в. до н.э.

Если обратиться к известию Диодора, то мы сталкиваемся с аналогичной дилеммой. Альтернативой сапейской гипотезе происхождения является гипотеза о том, что упомянутый царь Котис должен быть отнесен к династии Бизии, которую толкуют как одрисскую, астейскую или астейско-одрисскую¹. Этот Котис (Котис IV по нашей нумерации) признается первым представителем линии «Котисов-Садалов», правящих Бизией до 31 г. до н.э. и отцом Садала I. Правление Котиса IV в районе Бизии подтверждается находкой его монет, датируемых рубежом II-I вв. до н.э.² Соответственно, мы вновь должны делать выбор между достоверно известным царем из Бизии и гипотетическим царем сапеев. Вывод, на наш взгляд, напрашивается сам собой, причем счет не в пользу сапеев.

«Котис Сапейский», предположительно правивший сапеями в начале I в. до н.э., не единственный подобный историографический фантом. П. Делев вскользь упоминает, что сапейским царем можно считать также фракийского царя Котиса, который подкупил римского наместника Македонии Пизона, чтобы тот убил правителя бессов Рабокента (Cic. In Pis. 84). В этом случае у нас в очередной раз есть возможность выбора: гипотетический царь сапеев или надежно известный по эпиграфическим, нумизматическим и нарративным источникам царь из Бизии, сын Садала I и отец Садала II.

Этими двумя случаями проблема поисков «царя сапеев Котиса» не ограничивается. Впрочем, в третьем случае ситуация существенно сложнее, поскольку напрямую связана с проблемами генеалогии Сапейской династии 2-й половины I в. до н.э. В литературе высказывалось мнение о том, что первые достоверно известные сапейские цари I в. до н.э., братья Рескупорид I и Раск, могли быть сыновьями некоего «царя сапеев Котиса»³. П. Делев отождествил его с Котисом, упомянутым Цицероном. В пользу этого он привел также афинскую надпись в честь «царя Рескупорида сына Котиса» (IG III 552 / IG II/III² 3442), однако сам же добавляет, что не менее вероятно, что эта надпись относилась к Рескупориду II (ок. 15-11 гг. до н.э.), внуку Рескупорида I. Сыном последнего и отцом Рескупорида II был Котис VI, правивший приблизительно с 42/31 по 19 г. до н.э. Около 19 г. до н.э. Марк Лоллий оказал помощь Реметалку I, дяде и регенту при сыновьях Котиса VI (Cass. Dio LIV, 20, 3).

Сведения Кассия Диона логичнее всего понимать так, что Реметалк I приходился братом покойному Котису VI. Это следует из формулировки самого Кассия Диона, который выбрал для определения родства регента с его

¹ Тачева М. Ук. соч. С. 61-83.

² Койчев А. Ук. соч. С. 14-68.

³ Делев П. За генеалогията на Сапейската династия. С. 148-173.

подопечными термин «θεῖος», обозначающий по преимуществу дядю по линии отца. Поэтому гипотезу, согласно которой Реметалка представляют дядей сыновьям Котиса по линии матери¹, сложно принять. Таким образом, наиболее вероятным остается предположение о том, что Котис VI, Реметалк I и Рескупорид III приходились друг другу братьями.

Выше мы приводили данные Тацита о родственных связях членов Сапейского Дома. Приведенные данные знаменитого римского историка выглядят столь надежными, что редко когда высказываются сомнения в них. Однако, есть ряд надписей, которые ставят перед нами сложные вопросы. Речь идет о посвящениях за «фракийского династа Реметалка, внука царя Котиса и внука по материнской линии царя Реметалка, сына фракийского династа Рескупорида» (Dawkins, Hasluck, 1). Речь в данном случае безусловно идет о Реметалке II, которого Тацит называет сыном Рескупорида III. В других надписях Реметалк II уже именуется «фракийским царем» или называется без титула (Dumont 377/62e²; IGBulg, 378; IGBulg, 399; IGBulg, 743).

В попытках согласования данных Тацита и собственно фракийских источников были предложены различные варианты их объяснения в сочетании с данными Кассия Диона. Эти попытки сводятся либо к отрицанию достоверности Кассия Диона³, либо к необходимости введения в родословную Сапеев еще одного «царя Котиса», который будет приходиться сыном Рескупориду I и отцом Котису VI (Котису Кассия Диона), Реметалку I и Рескупориду III⁴.

На наш взгляд, в данном треугольнике (Кассий Дион – надписи за Реметалка II – Тацит) исследователи слишком доверяют Тациту и недостаточно внимания уделяют Кассию Диону. Безусловно, Тацит является очень надежным и информированным источником. Тем не менее, нельзя исключать, что римский историк вполне мог запутаться в многочисленных Рескупоридах и Реметалках, именами которых представлена Сапейская династия.

Между тем, все встает на свои места, если предположить, что после убийства Котиса VII, сына Реметалка I, и падения его убийцы Рескупорида III, власть над Фракией вновь была передана в руки представителя старшей ветви династии – Реметалка II, сына Рескупорида II, погибшего в 11 г. до н.э. Его дядя и опекун – Реметалк I – вполне мог выдать за подопечного свою дочь⁵. У юного фракийского династа (Кассий Дион не называет его царем, так

¹ Dawkins R.M., Hasluck F.W. Inscriptions from Bizye // Annual of the British School at Athens. 12. 1906. P. 175-183; Dessau H. Reges Thraciae qui fuerint imperante Augusto // Ephemeris Epigraphica. 9. 1913. P. 696-706; Тачева М. Ук. соч. С. 83-95.

² Dumont A. Melanges d'archeologie et d'epigraphie. Paris, 1892.

³ Manov M. Who was Rhascuporis, killed in 11 B.C. // Thrace and the Aegean. Proceedings of the Eighth International Congress of Thracology. Vol. II. Sofia, 2002. P. 627-631.

⁴ Lenk B. Thrake (Geschichte) // RE 6A. 1936. P. 414-452; Делев П. За генеалогията на Сапейската династия. С. 148-173.

⁵ Подобное толкование предложили уже в момент публикации надписи из Бизии, однако эта точка зрения, незаслуженно, на наш взгляд, не получила должного внимания: Dawkins R.M., Hasluck F.W. Op. cit. P. 175-183.

что он мог и не носить этот титул, хотя упомянутая выше афинская надпись (IG III / IG II/III² 3442) называет царем «Рескупорида сына Котиса»). Такое решение куда лучше согласуется с тем, что семья Рескупорида III едва ли могла сохранить доверие императора Тиберия, учитывая, что даже видный македонский (!) аристократ не избежал репрессий по делу Рескупорида III (Тас. Ann. III, 38).

Следует также добавить, что сторонники умножения числа сапейских правителей по имени «Котис» игнорируют вопросы хронологии. Первая пара сапейских царей – братьев (Рескупорид I и Раск) сходит со сцены вскоре после 42 г. до н.э. Уже в 31 г. до н.э. действуют Котис VI (сын Рескупорида I) и Реметалк I (брат Котиса VI?). В этом промежутке трудно найти место для еще одного «царя Котиса», который мог бы соединить эти два поколения фракийских правителей. При этом, как мы видели, именно к этому времени относится появление многочисленных надписей в честь царей «Котиса сына Рескупорида» и «Рескупорида сына Котиса», однако мы не видим ни одной надписи, в которой бы упоминался «Котис сын Котиса».

То, что Рескупорид I и Раск уступают бразды правления новому поколению между 42 и 31 гг. до н.э., также указывает на то, что они в 48-42 гг. до н.э. были уже весьма зрелыми людьми, имеющими (по крайней мере, Рескупорид I) взрослых сыновей, способных в 31 г. до н.э. участвовать в войнах и управлять царством. Это, в свою очередь, ставит вопрос о том, кто же мог править сапеями до братьев.

Нам представляется, что в попытках заполнить лакуну в списке царей Сапеев 1-й половины I в. до н.э. за счет мнимых Котисов, исследователи уделяли недостаточно внимания эпиграфическому памятнику, упоминающему трех фракийских правителей – Аблуполиса (Абруполиса), Реметалка и Тиуту. Они активно действовали в годы Первой Митридатовой войны, расширив свои владения за счет фасосской переи. Скорее всего, участвовали они в этой войне на стороне Суллы, что объясняет достаточно дружественное к ним обращение со стороны римских военачальников. Имена «Абруполис» и «Реметалк», как мы видели, являются традиционными именно для сапеев. Это позволяет предположить, что как минимум эти двое являлись сапейскими династами. Возможно, что даже царями – соправителями, как позднее Рескупорид I и Раск, а также их потомки.

Поскольку попытки поместить в 1-й половине I в. до н.э. правление гипотетического царя Котиса не представляются нам удачными с точки зрения соответствия имеющимся источникам, более уместным кажется поместить в этот период Абруполиса, Реметалка и, может быть, Тиуту. С учетом традиций имянаречения представителей Сапейского Дома в последующем столетии, логичнее всего кажется связывать происхождение Рескупорида I и Раска с одним из этих трех династов, а именно с Реметалком (которого предлагаем называть Реметалком Старшим, чтобы не нарушать традиционную нумерацию царей Сапейской династии).

«KING SAPAEANS KOTYS» – THE GHOST OF THRACIAN HISTORY

K.A. Anisimov (Tula)

This article examines the problem of the genealogy of the Thracian royal dynasty of the Sapaeans, which ruled the Sapaeans kingdom in the II-I centuries BC, and the united Thracian Kingdom in 31 BC – 46 AD. Despite the fact that the family ties of the Sapaeans House with the kings of Bosphorus and Pontus have repeatedly attracted the attention of researchers, many questions remain regarding the early stage of the history of this dynasty. In particular, there remains the problem of identifying the kings who ruled the Sapaeans Kingdom in the first half of the first century BC. The lack of information on this period leads researchers to assume the reign of the Sapaeans kings named "Kotis". The spread of such hypotheses in historiography forces us to turn again to the analysis of written and epigraphic sources in order to assess the degree of reliability of such hypotheses.

Keywords: Sapaeans, Odrisians, Astae, Thracians, Thrace, Genealogy.

ВОПРОС ГРАНИЦ ВЕЛИКОЙ ГРЕЦИИ В «ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ГЕОГРАФИИ» («АШХАРАЦУЙЦ»)¹

А.Ж. Арутюнян (Ереван)

В статье рассматривается вопрос границ Великой Греции на территории древнего Рима. Отмечается, что вопреки всем античным источникам (начиная от Геродота и до недавнего времени), сейчас находят, что на севере Апеннинского полуострова греки дошли до Неаполя. Согласно сведениям «Древнеармянской географии» становится очевидным, что греческие колонии находились также севернее этого города. Не исключено, что греки в какой-то период дошли и до Рима.

Ключевые слова: «Древнеармянская география» («Ашхарацуйц»), Великая Греция, колония, Рим.

В «Древнеармянской географии» (или «Ашхарацуйц»-е) среди всех перечисленных 12-ти стран Европы шестой упоминается Италия (при описании европейских стран армянский источник использует словосочетание «природный мир»): «Шестым природным миром является Италия...» (Хоренаци, Ширакаци. Ашхарацуйц. III, 34). При описании этой территории особо привлекает внимание то обстоятельство, что рассматриваемая страна названа Италия, а не Рим, как это было принято в античности, что говорит о том, что текст армянского историографа Мовсеса Хоренаци через определенный промежуток времени был дополнен, поскольку отец армянской историографии в своей «Истории Армении» неоднократно при упоминании Италии использует географический термин Рим. Всего лишь один раз Хоренаци называет эту страну современным термином – Италия (См. Хоренаци. III, 62).

¹ Исследование проводилось в рамках гранта 24SSAH-6A021 Государственного комитета по высшему образованию и науке Республики Армения. The study was conducted within the framework of a grant 24SSAH-6A021 from the State Committee of Higher Education and Science of Armenia.

Как видно из сказанного, при Хоренаци (жил в 410-490 гг. или до начала VI в.) не было принято рассматриваемую страну называть Италией. Так стали именовать ее чуть позже, в начале раннего средневековья (476-1050 гг.). Принимая во внимание все вышесказанное, можно заключить, что фрагмент «Ашхарацуйц»-а об Италии был исправлен и дополнен естествоведом Ананией Ширакаци (ок. 610 г. – ок. 685 гг.), которого мы вслед за Э.Л. Даниеляном считаем вторым автором этого историко-географического памятника¹. Можно предположить, что данный источник получил окончательный географический крен именно благодаря Анании Ширакаци.

В начале фрагмента источника, посвященного Италии, при перечислении некоторых административно-территориальных делений и городов этой страны авторы с севера страны постепенно «спускаются» на юг. После упоминания города Равенны (Ravenna) мы читаем: «А на юге находится область Сатурниана и Латинская область², где находится Большой Рим³, Великая (Большая – А.А.) Эллада⁴, где находится великолепная Кампания⁵, которая близка как к ней, так и к острову Сицилия» (Ашхарацуйц. III, 42). Область Сатурниана – это та же область Лаций (или Лациум, Latium), которая находится в самом центре Апеннинского полуострова.

Армянское (равно как и русское) название Сатурниана происходит от латинского Saturnalia (Сатурналии). Это праздник в честь бога земледелия Сатурна (Saturnus). С его именем жители области Лаций связывали зарождение земледелия в этой области. Днем Сатурна изначально считался 17 декабря, однако далее праздник стали отмечать с 17 по 23 декабря. Об этом упоминают многие древнеримские авторы (см. Ливий Андроник, фр. 2 Уормингтон; Овидий. Метаморфозы. I, 113; Нонн. Деяния Диониса II 173; Вергилий. Энеида. VIII, 319; Аврелий Виктор. Происхождение римского народа. III, 1; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I, 36, 1; Вергилий. Георгики II 548; Юстин. Эпитома Помпея Трога. XLIII 1, 3. Отметим, что это неполный список историков, упоминающих об этом римском боге)⁶.

¹ Об авторстве см: Даниелян Э.Л. Политическая история Армении и армянская апостольская церковь (VI–VII вв.). Ереван, 2000. С. 31, 39–42 и т.д.; Арутюнян А.Ж. К вопросу определения авторства древнеармянской карты (или «Ашхарацуйц»-а) // Сборник материалов I международной научно-практической конференции «Интеграция мировых научных процессов как основа общественного процесса (М-1). Общество науки и творчества». Казань, 2013. С. 1–5. Слово ашхарацуйц происходит от армянских слов *ашхар*^h (мир, на арм. *աշխարհ*) и *цуйц* (на древнеарм. *ցոյց*, новоарм. *ցуйц* - *ցույց*, т.е. показывать).

² Сатурниана (*Saturnus*, от слова *satus*, т.е. *посев*, на арм. Сатурния – *Սատուռնիա*, Латинская область (*Лаций*, *Latium*, арм. *Латинакан еркрамас* – *Լատինական երկրամաս*).

³ *Roma*, арм. *Ром* – точ. *Hrom* – *Հռոմ*.

⁴ Древнегреч. *Μεγάλη Ἑλλάς*, лат. *Magna Graecia*, арм. *Ме҃ Эллада (Hellada)* – *Մեծ Հելլադա*.

⁵ Арм. *Кампаниа/Campania* – *Կամպանիա*.

⁶ Ельницкий Л.А. О социальных идеях Сатурналии // ВДИ. 1946. № 4. С. 54-65; Mueller H.Fr. Saturn // The Oxford Encyclopedia of Ancient Greece and Rome. Oxford, 2010, P. 221–222; Dolansky F. Celebrating the Saturnalia: Religious Ritual and Roman Domestic Life. Rawson, New Jersey. 2011.

Итак, мы выяснили, что область Сатурниана в «Древнеармянской географии» – это та же Латинская область, которая находилась между г. Римом и областью Кампания юго-западнее Рима. Северо-западной границей Кампании были города Капуа (Καπύη, Саруа, расположен на левом берегу р. Вольтурно)¹, чуть южнее Кумы (Κῶμη – Cumaе), Дикеархия (Δικαίᾱρχει, *Dicaearchia* или *Dicaearchia* (Путеолы; ныне г. Поццуоли) и Питекуссы (Πιθηκούσσι (Πιθηκούσσαι) на острове Искья (см. Parercullus. Historiarum, II, 17, 1; 18, 6). Все они находились на берегу Неаполитанского залива².

До сих пор в историографии доминирует точка зрения о том, что северной границей Великой Греции был кампанский город Неаполь (Νεάπολις, от νέα πόλις, Neapolis). Это часть Рима называлась Великой Грецией, поскольку там были основаны многочисленные греческие колонии (их называли ἀποικία, apoikiaí, т.к. они были независимыми городами и эмпорионами (ἐμπόριον, emporia, на лат. colōnia). Многочисленные колонии были также на берегу Ионического моря (Ἰόνιον Πέλαγος, mare Ionium) в бассейне залива Таранто (Tarentinus Sinus – Тароентский залив). В отличие от данных регионов на восточном Адриатическом (Αδρίακ κόλπος, Mare Superum или Mare Hadriaticum) побережье Италии была только одна колония – Сипус (так ее именовали греки) или Сипонтиум (римское название; Σίποῦς, Sipontium).

Вопреки вышесказанному, совершенно иная точка зрения о распространении греческих колоний на севере Рима представлена в «Древнеармянской географии». Из армянского текста следует, что Великая Эллада, в состав которой входила и область Кампания «... близка как к ней (т.е. Большому Риму – А.А.), так и к острову Сицилия ...»

Это предложение заставляет нас рассматривать вопрос северной границы Великой Греции на Апеннинском полуострове в совершенно в ином ракурсе. Поскольку эти три географические области армянские авторы разместили в одном предложении и не видят между ними никаких границ,

¹ Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998; Грэхем А. Западные греки // Кембриджская история древнего мира. Т. 3. Ч. 3: Расширение греческого мира: VIII–VI вв. до н.э. М., 2007. С. 1854 и дал.; Ельницкий Л.Е. Легендарная история колонизации Сицилии и Великой Греции // ВДИ. 1947. № 2. С. 114-123; Bury J.B. A History of Greece. Cambr., 2015. P. 105ff; Malkin I. A Small Greek World: Networks in the Ancient Mediterranean. Oxf., 2013; *ibid.*: Religion and Colonization in Ancient Greece. Brill Academic Publishers, 1987; Rhodes P.J. A History of the Classical Greek World: 478-323 BC. Wiley-Blackwell, 2010; Jonathan H.M. A History of the Archaic Greek World: ca. 1200-479 BCE. Wiley-Blackwell, 2006; Cerchiai L., Janelli L., Longo F., Smith M.E. The Greek Cities of Magna Graecia and Sicily. J. Paul Getty Museum, 2004; Boardman J. The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade. Thames & Hudson, 1999; Sealey R. A History of the Greek City States, 700-338 B.C. California, 1976.

² Колесников М.А. Греческая колонизация Средиземноморья (опыт анализа миграционного механизма). Киев, 2003; Грант М. Указ. соч. С. 289 и дал.; Яйленко В.П. Греческая колонизация. VII–III вв. до н.э. По данным эпиграфических источников. М., 1982 С. 135 и дал.

постольку можно предположить, что границы Великой Греции вышли за пределы области Кампания. Значит, Великая Греция распространялась и на территории Лациума (в северо-западном направлении от Кампании).

Возможно, то же самое можно предположить и о Самнии (Σαυνιτῶν, Samnium), и Луцерии (Luceria; обе области находились восточнее Кампании). Не исключено, что там находились также Сабиний (Sabini; жители *Σαβίνοι*, *Sabīni*) и Пицена (др.-греч. Πικηνόν, Πικεντίνη, Picenum; обе области находились восточнее Лациума).

Итак, древнегреческие колонии, которые расположились почти на всех окраинах Средиземного моря (не говоря о Мраморном, Черном и Азовском морях), на территории Италии распространились почти до самого Рима. Они играли важную роль в развитии как этих регионов, так и всей Италии.

THE QUESTION OF GREATER GREECE IN «ANCIENT ARMENIAN GEOGRAPHY» («ASHKHARATSUYTS»)

H.Zh. Harutyunyan (Yerevan)

The article discusses the issue of the borders of Great Greece on the territory of ancient Rome. It is noted that, contrary to all ancient sources (from Herodotus to modern times), it is now established that the Greeks reached Naples in the north of the Apennine Peninsula. According to the ancient Armenian geography, it becomes obvious that the Greek colonies were also located to the north of this city. It is possible that the Greeks reached Rome at some point.

Key words: «Ancient Armenian Geography» («Ashkharatsuyts»), Magna Graecia, colony, Rome.

НАМЕСТНИК И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ: ДЕТАЛИ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОВИНЦИЯМИ В ТРУДАХ СТРАБОНА, ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО, УЛЬПИАНА

Н.К. Баринев (Воронеж)

В статье рассматриваются аспекты управления римских провинций двух видов: императорских и сенатских (или народных). Отмечаются должности, которые занимаются управлением провинций двух типов. Также рассматривается спектр полномочий и обязанностей этих должностей, их эволюция в эпоху раннего принципата.

Ключевые слова: римские провинции, история, Ульпиан, Плиний Младший, Страбон.

История провинциального управления римского государства весьма интересна на всём протяжении его многовековой истории. Контроль над такой огромной территорией, с разнообразием этносоциальных условий каждого отдельного региона вызывает особый интерес у отечественных и зарубежных историков и на сегодняшний день. Что же касается эпохи раннего принципата, отраженной в трудах Страбона, Плиния Младшего и Ульпиана, то учитывая всю специфику данной эпохи, изменения реальных полномочий и предметов ведения

различных магистратур, мы не можем не рассмотреть изменения в управлении территориями Римской империи. В своём исследовании мы постараемся рассмотреть такие аспекты провинциального управления, как власть наместника в провинциях императорского и сенатского типа, а также аппарат управления при наместнике провинций, и выявить общую тенденцию развития провинциального управления Римской империей выделенного периода.

Во времена Октавиана Августа наблюдается смена провинциальной системы, провинции разделяются на две категории: провинции сенатские и провинции императорские. Свидетельство данного разделения отражено в последней, XVII книге «Географии» Страбона: «Он (Август Цезарь) разделил всю территорию империи на 2 части: одну часть он назначил себе, а другую – отдал в управление народу... одни называются «Провинциями Цезаря», другие же – «Провинциями народа»» (Strabo XVII, 25). По всей видимости, причиной подобного разделения столь большого количества провинций является факт того, что провинции народа не нуждаются в дополнительном военном контроле, потому они и находятся в управлении сената, а не принцепса.

Что же касается разработки темы аппарата управления при наместнике провинций, то в отечественной и зарубежной историографии имеются различные точки зрения по этому вопросу. Так, А.Л. Смышляев в своей работе «Римский наместник в провинциальном городе» уделяет большое внимание повседневной жизни наместника, подробно разбирая позицию и роль проконсула в провинциальном управлении. Он делает вывод о многогранном взаимодействии местных элит с наместником, влиянии личных отношений на работу проконсула и на эффективность управления в целом¹. В зарубежной историографии вопрос провинциального управления рассматривается Ф. Милларом, где он во всех подробностях разбирает различные формы провинциального управления, уделяя больше внимания вопросам легатского управления. Главным тезисом Миллара является утверждение, что республиканские элементы управления провинции сохранялись исключительно юридически, в то время как реальная власть наместника провинции строилась на непосредственных взаимоотношениях с императором, например, в формате писем².

Главой своих провинций император назначал легатов и прокураторов, в то время как «народные провинции» управлялись направляемыми преторами и проконсулами, о чём в своей работе, помимо видов нового провинциального разделения, пишет Страбон.

Специфика эпохи не позволяет нам объединять должности, описанные Страбоном, под единым понятием – «наместник». Каждая из этих должностей должна быть подробно изучена, поскольку каждая из них имела свою определённую специфику и место в иерархии магистратур.

¹ Смышляев А.Л. Римский наместник в провинциальном городе // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 31.

² Millar F. Review of Rome, the Greek World, and the East Vol. 1: The Roman Republic and the Augustan Revolution. London: USK, 2002. P. 291.

В своём исследовании управления императорскими и сенатскими провинциями мы далее опирались на письма Плиния Младшего и на выдержки из книги «Об обязанностях проконсула» Домиция Ульпиана, сохранившиеся в составе «Дигест» Юстиниана.

Письма Плиния Младшего, в частности, десятая книга, содержит переписку Плиния в должности легата области Вифиния и Понт с императором Траяном. Данный источник позволяет нам выявить степень непосредственного вмешательства императора в дела управления провинциями, а также выявить основные функции легата августа пропретора (официальное название должности).

Функции наместников со стороны сената мы можем лучше проследить, обратившись к работе «Об обязанностях проконсула» Домиция Ульпиана, где юрист даёт разъяснения по основным аспектам провинциального управления, а также разграничивает круг прав и обязанностей данной магистратуры.

На момент назначения Плиния легатом провинция Вифиния и Понт была вовсе не императорской, а народной. Причину данного назначения мы видим в ряде писем Плиния, где тот описывает сложившуюся ситуацию в провинции: растраченные средства, недостроенные сооружения, неразрешённые судебные дела, вопросы амнистии изгнанников, расположения солдат (Plin. Epist. X. 22, 23, 27, 29, 31, 39, 49).

Здесь же мы видим широкий спектр обязанностей легата на территории провинции, а также широкий круг полномочий, ограниченный лишь спорными вопросами, окончательное решение которых Плиний предоставляет самому Траяну. Для решения возникших проблем Плиний иногда запрашивает у Траяна помощи в поиске специалистов для решения тех или иных задач, например, при строительстве канала в регионе: «Остается тебе прислать, если ты согласен, нивелировщика или архитектора, который бы тщательно исследовал, выше ли это озеро, чем море. Здешние знатоки утверждают, что оно выше на сорок локтей» (Plin. Epist. X. 41, 3).

В работе легата провинции нередко возникают спорные ситуации, окончательное слово по решению которых Плиний на себя не берет. Такой пример мы видим в письме 96 которое полностью посвящено христианам на территории провинции, о суде над которыми Плиний пишет следующее: «Я никогда не присутствовал на следствиях о христианах: поэтому я не знаю, о чем принято допрашивать и в какой мере наказывать. Немало я и колебался, есть ли тут какое различие по возрасту, или же ничем не отличать малолеток от людей взрослых» (Plin. Epist. X. 96).

Тут же мы видим типичную модель взаимоотношений легата и императора: легат принимает предварительное решение по вопросу: «Пока что с теми, на кого донесли как на христиан, я действовал так, пишет Плиний. Я спрашивал их самих, христиане ли они; сознавшихся спрашивал во второй и третий раз, угрожая наказанием; упорствующих отправлял на казнь. Я не сомневался, что в чем бы они ни признались, но их следовало наказать за непреклонную закоснелость и упрямство...»

Тут же, после введения в суть дела и подачи предварительного заключения, Плиний спрашивает совета у императора: «Поэтому, отложив расследование, я прибегаю к твоему совету. Дело, по-моему, заслуживает обсуждения, особенно вследствие находящихся в опасности множества людей всякого возраста, всякого звания и обоих полов, которых зовут и будут звать на гибель». Стоит сказать, что подобные случаи единичны, легат обращается к императору исключительно по разрешению чрезвычайных дел.

Согласно письмам Плиния, мы видим, что прокураторы в иерархии должностей находятся на ступень ниже легатов. Это видно из фрагмента, где Плиний положительно оценивает работу посланного Траяном прокуратора Максима: «Максим, твой отпущенник и прокуратор, владыка, в течение всего времени, пока мы были вместе, проявил себя как честный, деятельный и старательный слуга, горячо преданный своему делу и твердый в дисциплине» (Plin. Epist. X. 85).

Стоит отметить социальный статус прокуратора Максима – он является вольноотпущенником императора. Этот случай не единичен в письмах, что свидетельствует о формировании штата легата провинции императором на основе доверия своим людям, исключая демократические пути его формирования.

Мы можем встретить и другой эпизод, где всё тот же Максим просит увеличения количества солдат для охраны при выполнении поручения по заготовке хлеба (Plin. Epist. X. 74). Таким образом, в структуре провинциального управления существует определённая иерархия, вершина которой принадлежит легату, поскольку именно он заведует делами провинции, а вмешательство императора в этом случае весьма редкое. Из писем мы можем видеть, что власть принцепса в отношении своих провинций статична. Император, как правило, не начинает переписку самостоятельно, а лишь реагирует на письма своего легата¹.

По мнению британского антиковеда Ф. Миллара, тезис о прямом вмешательстве императора в управление своими провинциями в целом несостоятелен. Император не управлял императорскими провинциями в целом или по отдельности «через» своих легатов; легаты управляли своими провинциями сами².

Что касается иных представителей штата легата, то в этом случае мы можем увидеть лишь единичные упоминания. Под руководством легата находились прокураторы, как правило из числа вольноотпущенников императора. Они не несли каких-либо конкретных функций, но выполняли поручения разных типов от легата и императора. Помимо прокураторов существуют единичные упоминания префектов провинции, когорты и т.д., исполняющих обязанности в соответствии с областью их назначения: контроль за стабильностью провинции или за определённым видом войск (Plin. Epist. X. 86-87). Сам легат обращался к своим подчиненным, по всей видимости, не на постоянной основе, а лишь при необходимости решения локальных проблем.

¹ Millar F. Op. cit. P. 288.

² Там же. С. 289.

Подводя итог, мы можем сказать, что явным представителем власти императора в его провинциях был легат, который обладал весьма обширным объёмом прав и обязанностей в подконтрольной ему провинции, а также большим количеством средств для решения возникших проблем.

Такие аспекты работы проконсула сенатских провинций, как рекомендации о въезде в провинцию, о назначении легата, об объезде провинции, определение порядка гражданского судопроизводства, разбор вопросов, касавшихся муниципальных дел, лучше выделены в работе Ульпиана, который систематизировал все знания о сенатском провинциальном управлении. В целом, стоит отметить, что обязанности проконсула в провинции весьма схожи с обязанностями легата при Траяне.

Спустя практически век с момента публикации переписки Плиния и Траяна, грань между двумя видами провинций постепенно стиралась, что мы видим в работе Ульпиана, где он пишет о разрешении дел в сенатских провинциях, опираясь на постановления для легатов провинций принципса: «Как раз (по этому поводу) имеется постановление божественного Пия к легату Лугдунской провинции Пакату. Этот рескрипт пространен, и поэтому я вместо того, (чтобы его цитировать), сказал здесь вкратце о его цели» (Ulp. *De officio proconsulis libri X.* 2192, 4).

Проконсул в отношении суда «наделен всеобъемлющей юрисдикцией, он один осуществляет (в провинции) полномочия всех лиц, которые в Риме вершат суд в качестве магистратов или в экстраординарном порядке, и нет в провинции такого (дела), которое не мог бы решить он сам...» (Ulp. *De officio proconsulis libri X.* 2148). Существенная особенность юрисдикции наместника заключалась в том, что она не была разграничена с юрисдикцией городских магистратов, наместник осуществлял – в числе прочих – также и полномочия местных магистратов и мог разбирать те же самые дела, что и они¹.

Важна и осведомлённость проконсула в отношении особенностей провинции: (проконсулу) необходимо знать, какие имеются личные и имущественные повинности, а также – какие имеются почетные должности (Ulp. *De officio proconsulis libri X.* 2164). Всё, что касается наделения особыми должностями, распределения повинностей – дела проконсула.

Обязанностью проконсула является и сохранение стабильности провинции: хорошему и достойному президу надлежит заботиться о том, чтобы провинция, которой он управляет, была мирной и спокойной. Этого нетрудно будет добиться, если он постарается очистить провинцию от злонамеренных лиц и примет меры к их розыску (Ulp. *De officio proconsulis libri X.* 2181).

Мы приходим к выводу о наличии канцелярских служащих при проконсуле: «Однако существует много примеров, когда проконсулы наказывали не только (рабов) своих официалов или (рабов) более высокопоставленных подчиненных, но и собственных рабов» (Ulp. *De officio proconsulis libri X.* 2238).

¹ Смышляев А.Л. Ук. соч. С. 30.

Оффициалы и более высокопоставленные подчинённые составляли штат наместника. Оффициалы в этом случае – канцелярские служащие, представленные многочисленными писцами, секретарями, посыльными, в целом – чиновниками, которые обеспечивали административную и юридическую поддержку проконсулу провинции.

В штате проконсула также находятся и легаты, о которых Ульпиан пишет следующее: «Обычно (проконсулы) поручают следствие по делам находящихся под стражей легатам с тем, чтобы они, выслушав арестантов, отсылали их к проконсулам, дабы проконсул сам осуществлял освобождение невинных» (Ulp. De officio proconsulis libri X. 2144). В этом случае мы видим, что функции легата в провинциях сената сводятся к функции советника при проконсуле провинции.

Если в отношении императорских провинций у нас имеются письма, свидетельствующие о прямых контактах легата и императора, то факта подобного взаимодействия между проконсулом народной провинции и сената не наблюдается. Сохранились распоряжения сената в отношении отдельных провинций или общин в них, в то время как распоряжения принцепса применялись не только на территории подконтрольных ему провинций, но и на всех провинций в целом.

Если рассматривать эволюцию провинциального управления в динамике посредством работ Страбона, Плиния и Ульпиана, где разница между написанием «Географии» и трактата об обязанностях проконсула составляет более 200 лет, то мы можем увидеть явную тенденцию к всё большему вмешательству императора в дела провинциального управления. Его указы уже к III веку распространяются на провинции обоих типов, он непосредственно вмешивается в дела народных провинций посредством легатов, о чем имеются многочисленные свидетельства, начиная с писем легатов императору Августу.

Таким образом, система провинциального управления эпохи принципата весьма своеобразна, обязанности наместников разных провинций весьма обширны, имперские легаты, назначенные лично императором, имели большой вес в управлении провинцией, поскольку являлись представителями принцепса, мы видим противостояние принцепса и сената в делах управления провинциями, где император, несомненно, имеет приоритет.

THE GOVERNOR AND HIS CIRCLE: DETAILS OF THE PROVINCIAL GOVERNMENT IN THE WORKS OF STRABO, PLINUS THE YOUNGER, AND ULPIAN

N.K. Barinov (Voronezh)

The article examines the aspects of governance of the Roman provinces of two types: imperial and national. There are two types of posts that manage provinces. The range of powers and responsibilities of these positions and their evolution in the era of the early principate are also considered.

Key words: Roman provinces, history, Strabo, Ulpian, Pliny the Younger.

АПОСТОЛ ПЁТР И РЕЗУЛЬТАТ ЕГО ПРОПОВЕДЕЙ В ИУДЕЙСКОМ МИРЕ

А.П. Беликов (Ставрополь)

В статье кратко рассматривается жизнь и деятельность апостола Петра. Основное внимание уделяется его проповедям христианства в иудейском мире и дискуссионной проблеме: почему иудеи, изначально положительно относившиеся к христианству, в конечном счёте, стали воспринимать его отрицательно. Отмечая, что одной из главных причин было их желание сохранить свою этническую идентичность, автор в то же время отмечает, что этот вопрос требует отдельного специального исследования.

Ключевые слова: Апостол Пётр, христианство и иудеи, причины неприятия иудеями христианства в «период рассеивания».

Об одном из самых известных и влиятельных апостолов сохранилось достаточно упоминаний в Новозаветной литературе, трудах раннехристианских писателей, а также свидетельств нехристианских писателей первых трёх веков новой эры. Если кратко суммировать имеющуюся информацию, то необходимо отметить следующее.

Симон, сын Ионы, родился в Вифсаиде, небольшом городе на берегу Галилейского моря (Ин. 1:44). Повзрослев, в поисках лучшей жизни он вместе с братом Андреем переселился в Капернаум, где вступил в брак, но из-за бедности вынужден был жить в доме своей тёщи (Мк. 1:29-31; 1Кор. 9:5). Средства к существованию он зарабатывал рыбной ловлей. В Капернауме Симон сблизился с семьей рыбака Зеведея, особенно с его сыновьями Иаковом и Иоанном (Мф. 4:21; Лк. 5:7-10). Все четверо отправились на Иордан слушать проповедь Иоанна Крестителя (Ин. 1:28 сл.), где впервые встретили Иисуса.

Именно от него Симон и получил новое имя Кефа, или Кифа, что по-арамейски означает скала, камень (Ин. 1:42). Поскольку в этом регионе было сильное культурное и языковое влияние эллинов, то многие на греческий лад стали называть его Пётр (петрос – камень).

С этого момента Симон/Пётр стал последователем Христа, но окончательно присоединился к нему только в Галилее после чудесного улова рыбы (Лк. 5:1-11), которое, видимо, произвело на него, рыбака, очень сильное впечатление. Более того, он стал самым близким учеником и последователем Иисуса: тот поселился в доме Петра, пользовался его лодкой; в списках 12 апостолов Петр всегда упоминается первым. Можно считать, что ему даже действительно принадлежало некое главенство: он выступал от лица всех апостолов, часто единолично принимал за них решения.

«Сразу после сошествия Святого Духа», апостол Пётр, от лица всех апостолов, произнёс проповедь. Как утверждает традиция, его речь была проникнута красотой истины и убеждения. Очевидно, это была самая первая христианская проповедь. В ней он обратился к тем самым иудеям, которые совсем недавно в безумном неистовстве кричали Понтию Пилату: «Распни, распни его!». Апостол Пётр осудил их за распятие Христа, призвал покаяться и креститься. Собравшиеся были настолько поражены силой проповеди Петра, что в тот же день, как утверждают Деяния, в едином порыве крестилось около трёх тысяч человек (Деян. 2:41).

В 44 году апостол Пётр был схвачен в Иерусалиме по приказу царя Агриппы I, но спасся чудесным образом (Деян. 12). К сожалению, традиция не сообщает подробностей, о чём именно идёт речь. После этого он покинул город и стал странствующим проповедником, проповедуя преимущественно среди иудеев рассеяния. В 51 г. он присутствовал в Иерусалиме на «апостольском соборе» (Деян. 15), после которого, посетив Антиохию, проповедовал иудеям рассеяния в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии, которым и адресовал своё Первое Апостольское Послание¹.

Выдержки из этого Послания наглядно демонстрируют, что именно Пётр многое внёс в формулировки сути праведного христианина и самих основ христианского вероучения.

«Петр, Апостол Иисуса Христа, пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии... благодать вам и мир да умножится... Возлюбленные! прошу вас как пришельцев и странников... вести добродетельную жизнь между язычниками, дабы они... увидя добрые дела ваши, прославили Бога... Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа... Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым... Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям... Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но ... в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа... Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с жёнами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни... Не воздавайте злом за зло... Более же всего имейте усердную любовь друг к другу, потому что любовь покрывает множество грехов» (I Пет. 1:1-4:8).

По общецерковному преданию, засвидетельствованному древними источниками (Климент Римский, Папий, Гай, Евсевий), к концу жизни апостол прибыл в Рим, где был распят на кресте, по его собственному желанию вниз головой². Его прибытие в Рим можно отнести к 63 г., а казнь – к 64 или к 67 г., когда по приказу императора Нерона было замучено множество христиан. Апостол Петр был погребен на Ватиканском холме близ места своего распятия. Как считается, остатки именно его гробницы были найдены археологами под алтарём базилики св. Петра в Риме.

Церковь очень рано признала Послания Петра боговдохновенным писанием. Первые ссылки на них встречались во II в. у Поликарпа Смирнского и у Ириния Лионского. Климент Александрийский, Ориген, Киприан, Афанасий Великий и другие Учители Церкви цитируют Послания Петра уже как канонические книги³. Авторитет его со временем лишь возрастал, превращая его жизнь и деятельность в образец для любого служителя Церкви.

Нужно сказать, что уже первоначальное воздействие христианства на еврейский народ было весьма значительным: на апостольскую проповедь

¹ Дворкин А.Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2005. С. 56.

² См.: Борисов М. Деяния святых апостолов: толкование и руководство к изучению. М., 2003. С. 505.

³ Там же. С. 506.

откликнулись очень многие. Как полагал известный специалист по раннему христианству В.В. Болотов, по некоторым данным, за первое столетие существования христианства в него обратилось до трети всего еврейского народа¹. Вполне возможно, что это явное преувеличение, но в любом случае следует признать, что раннее христианство в силу каких-то конкретных причин оказалось весьма привлекательным для многих рядовых иудеев.

Даже некоторые из самых строгих последователей Моисеева Закона и его самых традиционных интерпретаций, т.е. фарисеи, примкнули к ученикам. Тем не менее, ни иудейские власти, ни весь народ не последовали по «Пути» (одно из ранних самоназваний христиан; в русском синодальном переводе – «Путь Господень»). Причины этого остаются дискуссионными.

По мнению А.Л. Дворкина, с одной стороны, христианство не обещало поддержки националистам-зелотам, ожидавшим удобного часа для восстания против Рима. А с другой стороны, оно было слишком радикальным для еврейского истеблишмента, проводившего компромиссную политику коллаборации с оккупационными властями в секулярных вопросах, но при условии поддержки римлянами религиозного консерватизма². Значительная часть религиозной верхушки иудеев, действительно, надеялась, что в ответ на лояльность к римской власти, получит невмешательство Рима в свои внутренние, особенно, религиозные дела.

Но, помимо этого, всё более насущной становилась проблема отношения христиан к язычникам. Это был принципиальный вопрос, вызвавший глубокие расхождения во мнениях внутри самой Церкви. Для подавляющего же большинства иудеев совершенно неприемлемым был тезис, декларируемый Петром в проповедях, и являвшийся одним из краеугольных камней христианства. Предельно чётко этот постулат был сформулирован в послании уже апостола Павла к галатам: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Для народа, утратившего государственность, именно религия оставалась единственной возможностью сохранить свою этническую идентичность, не дать раствориться в окружающих народах.

Представляется, что это и стало главной причиной, по которой иудеи не хотели переходить в христианство. А в конечном счёте, в «эпоху рассеивания» иудаизм пытался активно противодействовать распространению христианства вообще.

Однако, на наш взгляд, эта проблема требует отдельного самостоятельного исследования. Особенно в плане того, насколько же апостол Пётр оказался результативным в распространении христианства в такой специфической среде, как рассеянные по восточным провинциям Римской империи иудеи.

¹ Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. В 4 т. Т. 2. История Церкви в период до Константина Великого. Киев, 2005. С. 237.

² Дворкин А.Л. Указ соч. С. 53.

THE APOSTLE PETER AND THE RESULT OF HIS SERMONS IN THE JEWISH WORLD

A.P. Belikov (Stavropol)

The article briefly examines the life and work of the Apostle Peter. The main focus is on his preaching of Christianity in the Jewish world, and the controversial issue of why Jews, who initially had a positive attitude towards Christianity, eventually began to perceive it negatively. Noting that one of the main reasons was their desire to preserve their ethnic identity, the author notes at the same time that this issue requires a separate special study.

Keywords: The Apostle Peter, Christianity and the Jews, the reasons for Jews' rejection of Christianity during the "period of dispersion".

ПРОТЕВОН ФЛАВИЙ СТРАТЕГИЙ II АПИОН (475-542)¹

Н.Н. Болгов (Белгород – Севастополь)

Настоящая работа затрагивает три круга проблем. Во-первых, она касается Египта как одного из регионов Ранней Византии. Во-вторых, карьера Стратегия II как протевона позволяет сделать важные наблюдения за финальной эволюцией муниципального строя города. Наконец, в-третьих, Стратегий был членом известной египетской семьи Апионов, чья жизнь и деятельность представляют собой самостоятельную научную тему.

Ключевые слова: Египет, Ранняя Византия, город, элита, византинизация, протевон, семья Апионов.

Заключительная фаза истории муниципального строя городов поздней античности вызывает интерес с различных сторон. В процессе византинизации города в Восточном Средиземноморье² выделяется слой новой, внешней по отношению к городу, знати, связанной с государством. Для таких людей в городах учреждаются новые должности и ранги, меняются функции прежних.

Важнейшей должностью в позднеантичном городе был ранг «первенствующего» (протевона), который происходил из муниципальной организации, но связывал курию с государственной администрацией.

По мере появления в среде городской элиты «новых людей», обязанности местного совета перешли к новым куриям, состоявшим из крупных землевладельцев (ктиторов), отставных военных и чиновников, духовенства.

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002).

This research was carried out by N.N. Bolgov under the State Assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University: "Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in Late Antiquity and the Middle Ages" (FEFM-2025-0002).

² Болгов Н.Н. Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы // Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. Т. 1. СПб.: Алетейя, 2023. С. 196–216.

Полномочия протевонов зафиксированы в имперском законодательстве конца V – VI вв. Они избирали и контролировали муниципальных должностных лиц, выдвигали кандидатов на пост епископа города, выполняли поручения имперской администрации.

По мнению А. Ланиадо, египтянин Флавий Стратегий из семьи Апионов (ок. 475-542 гг.) (PLRE II, 1034-1036) является самым выдающимся из всех известных *πρωτεύοντες* Ранней Византии¹.

О первом известном представителе семьи Апионов, Стратегии I, известно из оксиринхских папирусов. Он служил управляющим в императорских поместьях (*domus divina*) в 430-х гг. – в этом качестве он впервые упоминается в 436 г., но вероятно до этого он занимал важное положение как куриал. Вначале он был диойкетом в городе Оксиринхе, а затем стал управляющим всех поместий в этом номе. Между 457 и 460 гг. он получил титул комита священной консистории (*comes sacri consistorii*), а затем звание *vir spectabilis*, относящееся к сенаторским званиям. В документах он упоминается как землевладелец, и его владения были не только в Оксиринхе. Вероятно, к моменту смерти, до 14 декабря 469 г., он был обладателем высокого сенаторского звания *vir illustris*. Возможно также, что именно этому Стратегии написал поздравление Исидор Пелусиот в одном из своих посланий по случаю назначения дуксом (префектом) провинции Августамника (северо-восточная часть диоцеза Египет).

Единственным известным ребёнком Стратегия I является его дочь Исида, которая как минимум до 482 г. самостоятельно управляла своим имуществом.

Апион I (Аппий, Апион 2 PLRE), по всей видимости, ее муж, происходил из богатой гераклеопольской семьи Септимиев Флавианов (*Septimii Flaviani*). Его отец Флавиан I занимал должность комита священных щедрот.

Впервые Апион I упоминается в 472 г., когда он исполнял в Оксиринхе обязанности дефенсора города вместо своего умершего тестя. Затем он появляется в Константинополе, где упоминается в письменных источниках на важных имперских постах. Во время войны с Персией 502-506 гг. он отвечал за снабжение византийской армии. В 503 г. был патрикием. В 510 г. он попал в немилость императора Анастасия I (491-518), либо за проступки во время войны, либо в связи со своими религиозными взглядами. Поместья Апиона были конфискованы, а сам он вместе со своим сыном Гераклидом был пострижен в монахи.

При императоре Юстине I (518-527) Апион был прощён и стал префектом Востока. Сообщается, что Апион был обращён из миафизитства в халкидонизм Юстинианом. Поскольку Юстиниан сочетался браком с Феодорой примерно в 525 г., к этому времени он ещё был жив. Умер он, вероятно, до 532 г.

¹ *Laniado A. Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin. Paris, 2002. P. 208.*

У него было два сына – Геркалид и Стратегий II. О Гераклиде известно только, что он был принципалом (*principalis*) в Гераклеополе перед своим пострижением в монахи.

Стратегий II (вероятно, младший из братьев) (PLRE II, 1034-1036)¹ впервые упоминается как *vir clarissimus*, куриал и землевладелец в Оксиринхе. Полное имя: Р. Оху. 1928. 1983-1984.

Поскольку его отца Апиона I много лет не было в Египте, Стратегий получил свою собственность от матери или деда в несовершеннолетнем возрасте. К 497 г. он уже распоряжался своим имуществом самостоятельно.

В период между 497 и 507 гг. он исполнял обязанности комита щедрот диоцеза Египта. Есть сомнительный кейс занятия Стратегием должности *comes domesticorum* (вероятно, почетный) в 497 г. (Р. Оху. XVI 1982). Было предложено восстановить его имя как имя *ἐνδο]ξοτατῶ [κ]αὶ πολί[τ]ενομενῶ*, упомянутое в папирусе 489 (Р. Flor. III 325, 2). Поскольку почетная *comitiva domesticorum* не предоставляет куриального иммунитета (CJ X, 32, 64; 66), возникает вопрос, не была ли ссылка на куриальный статус произвольно опущена в папирусе 497 г.

В какой-то момент он получил звания почетного военного магистра (магистр милитум) (почетный, так как непоследовательно упоминается среди его других чинов) и почетного консула (*ex consulibus*, апоипат) 518 г. (возможно, носил эти титулы в октябре 518 г. (Р. Оху. 1928 – прославленный апоипат и стратилат)). Он мог получить звание консула от Юстина между июлем и октябрём 518 г. Его консульство не упоминается в Фастах как ординарное, и, следовательно, было скорее всего почетным.

Патрикий 530 г. *Comes sacrarum largitionum* (священных щедрот) Востока 535-538 гг. В это время он был владельцем всей собственности Апионов, однако не известно, включали ли они ранее конфискованные поместья.

Важнейшей должностью Стратегия, заложившей основы его имперской карьеры, была должность *префекта августалов* (Египта) 518-523 г.²: этот чин давал гражданскую власть (архэ) в Александрии (до сентября 523 г.; Just. Ed. 13, 15-16). Юстиниан упоминает эту должность после префектуры Марина (512-515 гг.)³. Поэтому предположительно Стратегий не мог получить этот пост до царствования Юстина и ссылки его отца.

Как *патрикий* Стратегий упоминается 30 декабря 530 г. (Р. Оху. 2779).

Как *agens viset магистра оффикий* Стратегий был назначен Юстинианом присутствовать на встрече ортодоксальных и монофиситских епископов по обсуждению доктринальных расхождений, которая была собрана во дворце Хормисды в Константинополе.

¹ The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II: A.D. 395–527 / Ed. J.R. Martindale. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 1034-1036.

² Laniado A. Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin. Paris, 2002. P. 247.

³ Болгов Н.Н., Жуков А.А. К проблеме этатизации позднеантичного полиса: Марин Сириец и проблема роспуска городских курий в начале VI в. // Via in tempore. История. Политология. Т. 51(4). 2024. С. 820-830.

Comes sacrarum largitionum (священных щедрот) Востока – наивысший реальный пост Стратегия, который он занимал с апреля 535 по 538 г. Во время исполнения этих обязанностей Стратегий был послан Юстинианом разрешить споры между арабскими вождями Аламундаром и Арефой относительно владения какой-то пустынной местностью в Палестине. Он донес свое мнение императору о том, что это дело было связано исключительно с необходимостью обеспечить для Персии предлог для возобновления войны (Proc. BP II, 1, 9). Эти события следует отнести скорее всего к 538 г.

Также Стратегий был отправлен Юстинианом как посланник вести переговоры с персами в 531 г. (после битвы при Каллинике, вместе с Руфином 13) и 532 г. (после воцарения Хосрова, в связи с Руфином) (Malal. XVIII, 61, 70). Однако, Прокопий (BP I, 22, 1) не называет его среди коллег Руфина по данным делам.

В 532 г. он принимал участие во встрече императора Юстиниана I с сирийскими епископами,

Упоминается в письмах Севира Антиохийского в связи с процессом в Маронее (Epist. De Coll. Cum Sev. 8 = ACO IV 2, p. 170). В эпизоде с Маронеей говорится, что Стратегий замещал тогда пост магистра оффикий, приблизительно в 532 г.

Стратегий II имел земельные владения в Оксиринхе (Р. Оху. 1984), особенно определенно – в 523 г.; и Р. Оху. 2779 для 530 г. (поместье в Оксиринхском номе).

Флавий Стратегий упоминается в двух папирусах, датируемых 530 и 535 гг. соответственно, как *πρωτεύων* двух городов одновременно: Гераклеополя и Оксиринха. Хотя термин *протевон* мог иметь более широкое значение (аналог *honoratus*)¹, все же более вероятно, что это городская должность (Just. Nov. 128, 16). Их происхождение восходит к городской курии, и они по определению не являются *honorati*.

Также являясь *comes sacrarum largitionum*, вероятно, в 532-539 гг., он нормативно не должен был одновременно быть действующим муниципальным магистратом². Однако, на практике это могло быть и не так. В качестве комита священных щедрот он участвовал в восстановлении собора св. Софии и его освящении 27 декабря 537 г.

Comites или *ex comitibus* немногочисленны среди *πρωτεύοντες*. Некоторые *πρωτεύοντες* лишены каких-либо почетных титулов или званий. Таким образом, титул *πρωτεύων* однозначно является муниципальным, а не имперским.

Муниципальные деятели, чьи достоинства, звания и титулы позволяют категорически утверждать, что они не связаны с курией, встречаются очень редко. Другими словами, количество консулов, почетных консулов, *patricii* или бывших действительных сановников префектурного ранга (префектов или *magistri militum*) в провинции очень невелико. Фл. Стратегий, *πρωτεύων* из

¹ Laniado A. Op. cit. P. 207.

² Ibid. P. 74.

Гераклеополя и Оксиринха (Аркадия), является почетным консулом (*απο υπατων*), *magister militum* (*στρατηλατης*; вероятно, в качестве почетного консула) и *patricius* (*P. Оху. XVI 1983 (535)*). Почетное консульство и патрикиат доказывают, что он не был связан обязательствами перед курией.

Предположительно, Стратегий II умер в начале 542 г. – 18 февраля он ещё был жив, а уже 1 марта на пост комита был назначен Пётр Барсима.

Согласно надписи, датируемой более поздним периодом, 546 г., некий Фл. Стратегий, *pater civitatis* и *πρωτεύων* из Кесарии Приморской, является *περίβλεπτος* (*vir spectabilis*) (PLRE III, 1202)¹. В Кесарии *pater civitatis* и *πρωτεύων* Фл. Стратегий построил апсиду на средства города (*ἀπὸ πολιτικῶν*), но эта эдилитарная деятельность больше подпадает под его статус *pater civitatis*, чем под статус *πρωτεύων*. При всем соблазне отождествить этого Стратегия с нашим, скорее всего, это другой человек (стемма 27 PLRE II).

Стратегий II женился на женщине по имени Леония. Их сын, Флавий Стратегий Апион II, был назначен консулом на 539 год, что случилось крайне рано, вскоре после достижения совершеннолетия (или даже раньше), когда его семья находилась на пике могущества. Получил титул *comes domesticorum*. Умер около 578 г.

Семья Апионов поддерживала ортодоксальные имперские взгляды в религиозных спорах с зарождающейся Коптской нехалкидонской церковью.

Последним известным представителем семьи был Апион III, который умер в конце 619 г., возможно, став жертвой персидского вторжения.

Апионы – одна из немногих египетских семей, оказывавших политическое влияние на императорский двор.

Таким образом, занимая важные имперские должности и будучи приближенным ко двору, Стратегий II может в полной мере считаться государственным деятелем имперского масштаба. Однако, даже в 1-й половине VI в. такие люди должны были иметь независимый от государства источник дохода и общественно-политическую легитимность в виде городского гражданства и должностей.

Пример Стратегия II показывает, что он, как богатый и знатный землевладелец из Оксиринха, будучи протевонем в родном городе, занял ряд имперских государственных должностей, вплоть до почетного консула, но сохранял свои позиции на родине до самой смерти. Важное значение имеет факт занятия Стратегием должности протевона в Гераклеополе, что делает его в этом городе представителем имперской внешней знати.

Еще более ярким примером такого могло бы стать занятие Фл. Стратегием должности протевона и «отца города» в Кесарии Палестинской, однако, в историографии считается, что это разные люди.

Процесс этатизации ранневизантийского города продолжился до конца VI в., но должность протевона сохраняется, хотя и окончательно теряет связь с отмирающим городским самоуправлением.

PROTEVON FLAVIUS STRATEGIUS II APION (475-542)

¹ Lifshitz B. Inscriptions grecques de Césarée de Palestine // RB. 68. 1961. P. 122, n 15.

N.N. Bolgov (Belgorod – Sevastopol)

This work addresses three sets of issues. First, it concerns Egypt as a region of Early Byzantium. Second, the career of Strategius II as a *protevono* allows for important observations on the final evolution of the city's municipal structure. Finally, Strategius was a member of the renowned Egyptian Apion family, whose life and work constitute a separate scholarly topic.

Keywords: Egypt, Early Byzantium, city, elite, Byzantinization, *protevon*, Apion family.

ТЮРКИ И ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ВЗАИМОВЛИЯНИЙ¹

Н.Н. Болгов (Белгород – Севастополь)

В работе предпринята попытка представления общего очерка истории взаимоотношений тюркских народов и Византии в контактных зонах между ними. Важной темой является христианизация тюркских народов.

Ключевые слова: тюрки, Византия, взаимоотношения, христианизация.

Центром христианского мира в раннее средневековье была Восточная Римская империя, которую в современной западной историографии называют Византия по имени ее столицы Константинополя, древнее название которого – Византий.

Под влиянием Римской империи и окружающие народы просвещались христианским вероучением, входя в культурно-цивилизационный круг позднеантичной цивилизации. Это касается не только народов Кавказа (армяне, иверы, аланы), германских племен (готы, вандалы, франки), или славянских народов (болгары, сербы, русские), но и кочевников восточно-европейских степей. Прежде всего это касается гуннских и тюркских народов, которые в раннесредневековый период были смешаны между собой.

Регионами взаимодействия римской цивилизации и кочевого варварского мира выступали каспийско-черноморский регион: территории Кавказа и Восточного Причерноморья, полуостров Крым, а также Северное и Западное Причерноморье с придунайскими регионами, где проходила сухопутная граница мира кочевников в Римской империей.

В IV-VI вв. на этих территориях осели гуннские племена. Готский историк и епископ VI в. Иордан упоминает несколько гуннских народов в регионе (Iord. 37-39). Это альциагиры, кочевавшие близ Херсона и вдоль

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002).

This research was carried out by N.N. Bolgov under the State Assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University: “Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in Late Antiquity and the Middle Ages” (FEFM-2025-0002).

причерноморского побережья, а также хунугуры и савиры. Также он говорит о живших над Понтийским морем племенах булгар (протоболгар), которых исследователи также определяют как гуннские кочевые народности до их смешения со славянами¹. Также рядом с булгарами у Иордана помещаются акациры, названные «сильнейшим племенем», соседним эстам и видивариям близ Вистулы.

У историка и дипломата V в. Приска Панийского акациры названы самым сильным племенем, подчиненным гуннам (Prisc. fr. 8); также указаны племена сарагуров, урогов и оногуров, которых изгнали савиры, в свою очередь, изгоняемые аварами (Prisc. fr. 24); у «Каспийских ворот» Приск локализует гуннов-кидаритов (эфталитов), воевавших с персами (Prisc. fr. 25).

В VII в. «Равеннский аноним» называет акациров хазарами (Anon. Rav. IV.1). Гуннов-сабилов византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский локализует на Кавказе между Черным и Каспийским морями около так называемых «Каспийских ворот» (Proc. B.G. IV.3).

Церковный писатель V-VI вв. Захария Ритор, епископ Митиленский, дает перечень кочевых народов Кавказа и Предкавказья в Восточном Приазовье, живущих в палатках и питающихся мясом и рыбой: огоры, сабиры, болгары, хортигуры, авары, хасары/хазары, дирмары, саургуры, багарский, хуласы, абдели, эфталиты (Zach. HE. XII.7). Эти народы имели тюркское и гуннское происхождение, а информация об их миграциях с востока на запад содержится в армянских, персидских и китайских источниках².

В V в. многочисленные племена восточноевропейских степей были объединены в Гуннской империи Аттилы, но она распалась в середине V века³. В итоге все эти племена начали развиваться самостоятельно. Прокопий Кесарийский сообщает о гуннских племенах кутригуров и утигуров, которые расселились в Таврике и близ нее в V в. после миграции вандалов в Африку. Кутригуры откочевали в Западное Причерноморье, откуда совершали набеги через Истр/Дунай, в то время как утигуры решили остаться в Восточном Приазовье близ Керченского пролива (совр. Таманский полуостров) (Proc. B.G. IV.5).

Крым христианизировался с начала IV в., находясь под влиянием Восточной Римской империи, с которой имел тесные связи. Уже на I Вселенском Соборе 325 г. присутствовал боспорский епископ Кадм, который поставил свою подпись под актами Собора. Несмотря на то, что его имя стояло на последнем месте, возможно, указывая на слабость и окраинность епархии, на момент событий Собора эта епархия существовала⁴. В IV в. в Таврике уже известны Херсонская, Боспорская и Готская епархии, затем появились

¹ Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987. С. 38.

² Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 51-78.

³ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств до VI в. М., 1984. С. 116.

⁴ Болгов Н.Н. Северное Причерноморье от античности к средневековью (2-я пол. III – 1-я пол. VII вв.). Белгород, 2021. С. 354.

Фулльская и Сурожская епархии¹. Системная христианизация Таврики, подтверждаемая археологическими свидетельствами: массовые христианские захоронения и эпиграфика, появление христианских архитектурных сооружений (храмы, молельни, баптистерии), наличие христианской утвари на городищах и некрополях, – датируется примерно VI в.²

Христианство среди кавказских народов также распространялось очень быстро. Армения стала еще раньше Римской империи страной, где официально приняли христианство как государственную религию. Крещение Армении датируется 301 г. при царе Трдате III³. Немногим позже, в 1-й половине IV в., произошла христианизация соседних грузинских земель (Лазика, Иверия), где христианская традиция выводится еще от апостольских времен, миссионерской деятельности св. Апостола Андрея Первозванного⁴. В несколько этапов, с конца III по VII вв., происходила христианизация территорий Алании⁵. Это были важнейшие центры христианства на Кавказе. Через них христианство распространялось на другие народы Кавказа (Proc. V.G. IV.3).

Именно через Таврику и Кавказ свет христианского вероучения проливался на окружающие кочевые племена.

Уже в начале IV в. варварские выходцы из этого региона занимали видное место в церковной иерархии христианской Церкви. В начале IV в. известен епископ Том Феотим Скиф, сподвижник св. Иоанна Златоуста, который защищал его от нападок Феофила Александрийского, а также являлся автором нескольких христианских сочинений. О нем упоминают христианские авторы IV-V вв. блаженный Иероним Стридонский и церковные историки Сократ Схоластик и Созомен (Hier. De vir. ill. 131; Socr. HE. VI.12; Soz. HE. VIII.14). Прозвище «скиф» четко указывает на варварское происхождение епископа, вероятно, готское. В то же время, епископ Феотим известен как просветитель гуннских и других племен, среди которых распространял христианство⁶. По словам Созомена, гунны настолько уважали его святость, что называли «римским богом». Сам епископ неоднократно встречался с гуннами и проводил миссию среди них (Soz. HE. VII.26).

¹ Макарий (Булгаков), архиеп. Харьковский. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1868. С. 51–74.

² Ермолин С.А. Европейский Боспор в VI-I пол. VII вв.: проблемы смены населения и христианизации: дисс. ... к.и.н. Белгород, 2019. С. 137.

³ Арутюнова-Фиданян В.А. Христианизация на цивилизационном пути Армении // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. 2016. Вып. 4 (49). С. 9-23.

⁴ Соловьева Л.Т. Крещение Грузии: народная традиция и исторические свидетельства // Традиции и современность. 2020. №24. С. 19-32.

⁵ Кузнецов В.А., Чибиров Л.А. К вопросу о христианизации Алании // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им В.И. Абаева. 2023. Вып. 47 (86). С. 5-17.

⁶ §178. Феотим Скифский // Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский и Нежинский. Историческое учение об отцах церкви. В 3-х тт. Т. 2. СПб., 1859. С. 269-270.

Гуннские племена приобщались к христианству также и благодаря своим пленникам-христианам, которых обменивали на выкуп, взаимодействуя с имперскими властями и христианскими епархиями, отправлявшими дипломатические и религиозные миссии к гуннам. Помимо этого, взаимодействие греков-христиан и гуннов происходило и на бытовом уровне. Еще в V в. Приск Панийский встречает в стане гуннов ассимилировавшегося среди них грека, который выбрал жизнь среди гуннов социально-экономическому гнету в Восточной Римской империи (Prisc. fr. 8).

На Азиатском Боспоре применительно к V в. находятся эпиграфические данные с именами гуннов, состоящих в христианской общине фиаситов, в частности, об этом свидетельствует надпись этого времени из Гермонассы: «Виноградарей Своих почти, Господи, оживотвори их и помяни меня со святыми; здравие. [В 7..] году и месяце ксанфике [..-го числа]. Фиаситы же следующие: Дуцаг, Саваг комит, Форимаг, Даппай, Трофим, Омар, Салих, Мидах, .овулгаий, Аттасий, Алдаг, Кандитций, Адмаций, Севраг, Да..., аминь» (КБН 1099/IOSPE V.331). Исследователь В.П. Яйленко определяет эти имена как греческие, иранские и гуннские¹.

Также и на Европейском Боспоре мы находим склепы с христианскими погребениями. Одна из наиболее известных надписей – это длинная надпись из керченской катакомбы 491 г.², разбитая на четыре части, в которой присутствует текст псалма 90 и имена погребенных: Саваг и Фаиспарта (IOSPE V.305). В окрестностях боспорского города Китей также встречается христианское надгробие с именем некоего Завага IV в. (IOSPE V.323), а на месте античного города Акра находятся христианские амулеты-филактерии IV в. еще с одним именем Фаиспарты³. Известна христианская строительная надпись боспорского правителя Тиберия Юлия Дуптуна (КБН 67/IOSPE V.265), которую, на наш взгляд, следует датировать (из возможных вариантов) 502-503 гг., временем ослабления боспорской государственности и попытками сближения с Восточной Римской империей эпохи императора Анастасия I⁴. В данном случае нам интересно, что и имя «Саваг»/«Забаг», и имя «Фаиспарта», и имя «Дуптун» (при всех оговорках определения его именно как гуннского правителя) считаются некоторыми исследователями гуннскими⁵. Это отражает процессы христианизации гуннских кочевников Таврики в V в., которые также, вероятно, частью интегрировались в состав позднеантичной боспорской знати.

¹ Яйленко В.П. Гуннский именник V в. н.э. с Тамани и его чувашские соответствия // Ономастика Поволжья. 1991. №6. Ч. 1. С. 126-137.

² Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 г. / Материалы по археологии России. 1891. № 6. 30 с.

³ Болгов Н.Н. Северное Причерноморье... С. 359-360.

⁴ Болгов Н.Н., Зайцева И.В. Тиберий Юлий Дуптун – последний царь Боспора и политика императора Анастасия // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2019. №11. С. 517-526.

⁵ Зинько А.В. Восточная Таврика в эпоху Великого переселения народов // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Вып. 18. Симферополь, 2013. С. 415-436.

Центром гуннских поселений была Фанагория на азиатском берегу Боспора. Прокопий Кесарийский называет ее Фанагурис, а «Равеннский аноним» – Фанугория и Фанагурон (Proc. B.G. IV.5; Anon. Rav. I.17; IV.5). Причем страны Фанагурон, как и Сугдабон, а также «болота Меатидон» описываются отдельно от Боспора (Босфораны), имея «гуннскую» огласовку (Anon. Rav. IV.5). Это позволяет предполагать, что к VI-VII в. эти территории были под контролем гуннов. Раскопки последних лет на некрополе Фанагории обнаруживают гуннское присутствие. В VIII в. Фанагория является центром Хазарского каганата (Nic. Brev. a. 704).

О христианской миссии к гуннам конца V – начала VI вв. свидетельствует Захария Ритор. Он рассказывает о том, что по явлению ангела епископ страны Арран в Закавказье Кардуцат (Феоклет) (Кардост) вместе с тремя пресвитерами отправился в гуннские земли для окормления живших там пленников-христиан и их потомков. Также он начал просвещать самих гуннов, переводя священные книги на гуннский язык. Миссию продолжил армянский епископ Маку, который построил в землях гуннов кирпичную церковь и крестил многих (Zach. HE. XII.7). Эту миссию поддержал имперский посол Проб¹, отправленный Юстином I с дипломатическими целями к гуннам в 526 г.: по приказу императора он доставил гуннам продовольствие и одежду, а также сосуды для причастия (Proc. B.P. I.12; Zach. HE. XII.7).

Первая попытка системного крещения гуннов была предпринята примерно в 528 г. правившим на Боспоре гуннским вождем Гродом. Как свидетельствует сирийско-греческий хронист VI в. Иоанн Малала, Грод прибыл в Константинополь и воспринял крещение, где его крестным отцом выступил сам император. Вернувшись на Боспор, Грод переплавил языческие статуи из электра. Однако его попытка не увенчалась успехом, так как это вызвало восстание языческих жрецов гуннов, убивших вождя и назначивших его брата Мугеля на царство (Malal. Chron. XVIII.14; Theoph. a. 6020/520²). Гунны также подчинили Боспор, в результате чего император вынужден был послать византийское войско через Фракию и флот для отвоевания Боспора, который в итоге впервые перешел под прямое управление Восточной Римской империи³.

Несмотря на некоторые неудачи системной христианизации гуннов в 1-й половине VI в., она продолжалась далее в частном порядке. И принятие христианства отдельными представителями кочевой варварской знати продолжалось. Летописец IX в. Феофан применительно к 539 г. упоминает военачальника войск Иллирика Акума – это гунн, названный крестником самого императора. Он отражал набег кочевников-болгар во Фракии. Первоначально ромейским войскам под командованием Акума удалось

¹ Fl. Probus 8 // PLRE. II, 912-913.

² В «Хронографии» летописца IX в. Феофана датировка дается по александрийской эре, которая датирует события на 8 лет раньше стандартной византийской эры.

³ Болгов Н.Н. Византийцы на Боспоре VI в. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. 2017. Вып. 9. С. 373-380.

отразить набег одной группировки, но они попали в засаду другой группировки болгар. В итоге Акум попал в плен, его не смогли выкупить, а болгары увели его в свои земли (Theoph. a. 6031/531). Как видно из этой истории, Акум был христианином, а его крестным стал сам император. После крещения, несмотря на свое варварское происхождение, Акум смог занять один из высших военных постов в империи.

Интерес к обращению в христианство варваров этого региона продолжился. Интересна информация церковного историка 2-й половины VI в. Евагрия Схоластика, который сообщает, что туземцы за Танаисом (как сказано выше, там проживали гунны-утигуры) просили у императора Юстиниана епископа. Об этом же говорит и Прокопий Кесарийский, так что речь может идти о готах-тетракситах (Evagr. HE. IV.23; Proc. B.G. IV.5).

С середины VI в. в восточноевропейские степи массово проникают тюркские народы, объединившие уже живших тут кочевников в составе Аварского и Тюркского каганатов. Как и у гуннов, этногенез тюрков связывают с регионом Алтая. Тюркский каганат раскинулся от территорий Китая до Причерноморья¹. Историк VII в. Феофилакт Симмокатта указывает, что персы называли тюрков «гуннами» (Theoph. Sim. Hist. III.6.9).

Авары считались тюркским народом, отделившимся от массы основных тюрков и откочевавшим на Запад ранее. По словам Феофилакты Симмокатты, это не настоящие авары, а племена уар и хунни, которые взяли себе это имя на новом месте, воспользовавшись славой аварского народа (Theoph. Sim. Hist. VII.8.1-6). Тюрки/турки же их преследовали, называя «беглые рабы». Затем они начали воевать с гуннами-эфталитами (Menandr., fr. 10).

Авары первыми отправили посольство в Восточную Римскую империю, оно состоялось в 558 г., связавшись с византийцами через аланов. Тогда император Юстиниан I был в пожилом возрасте, так что не решился с ними воевать, и византийцы стали выдавать им деньги, поселив в Паннонии, в придунайском регионе. Затем авары начали войну против дружественных Восточной Римской империи гуннов в Причерноморье, а также подчинили гуннов-сабиров (Menandr., fr. 4-6). После смерти Юстиниана авары, разгромившие окружающие народы, пытались победить императора Юстина II, но безуспешно (Menandr. fr. 14).

Посольство тюрков-тюркютов прибыло в Константинополь в 568 г. Будучи естественными союзниками Восточной Римской империи как против авар, так и против Персии, турки заключили союз с византийцами. В том же году состоялось ответное посольство Земарха к туркам, шедшее через территорию Кавказа. Посредниками между турками и византийцами также как в случае аваров, выступили аланы (Menandr., fr. 18-20; Theoph. a. 6064/564). Во время посольства Земарха турки еще были язычниками, а их шаманка проводила специальные обряды в отношении послов.

¹ Юдин Т.М., Гумелёв В.Ю., Постников А.А. Тюркский каганат и этногенез тюркских народов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 311–315.

Новое посольство византийцев к туркам было в 576 г. при императоре Тиверии II. Оно добиралось через Черное море и степи Крыма, но было неудачным. Правитель турок Турксанф проводил экспансию, воевал с приазовскими гуннами, а также претендовал на Таврику. Поэтому, воспользовавшись информацией о римско-аварском договоре как поводе для разрыва отношений, Турксанф вторгся в Таврику, надеясь завоевать Боспор (Menandr., fr. 45, 47). В 580 г. тюркюты уже «поставили стан у Херсона», то есть, готовились штурмовать и этот город (Menandr., fr. 66). Вторжение турок в Крым стало ключевой вехой в жизни региона, так как во время этого нашествия наблюдается массовое уничтожение городов Боспора и смена этнического состава населения. С этого времени в Таврике начинают расселяться хазары, подчиненные Тюркскому каганату¹.

На момент 576 г. на государственном уровне тюрки оставались язычниками, так как Турксанф приносил языческие человеческие жертвоприношения, отправляя убитых пленников «послами» в мир духов к покойному отцу (Menandr. fr. 45). В то же время на бытовом и частном уровне христианство стало постепенно распространяться у турок. Этому способствовали как проповеди среди тюркских народов христианских подвижников, так и чудеса, свидетельствовавшие им силу христианского Бога.

Применительно к 589 г., повествуя о событиях гражданской войны в Персии, где Восточная Римская империя победоносно выступила на стороне свергнутого Хосроя (до этого тюрки были разбиты персами), Феофан рассказывает о неких находящихся в персидском плену тюрках, у которых были на лбу чёрные точки изображения креста. Когда вернувший себе трон Хосрой спросил их, почему они носят такой знак, эти люди рассказали, что некогда в их землях была эпидемия, а жившие там христиане посоветовали сделать такой знак, чтоб спастись от болезни. Это помогло, и с тех пор тюрки носят такой знак (Theoph. a. 6080/580, 6082/582). В данном случае мы видим, что в землях Тюркского каганата жили христиане; возможно, это были пленники, увезенные с Боспора. И они распространяли христианскую веру среди тюрков, которая подкреплялась божественными чудесами.

Хосрой распорядился отпустить тюрков-христиан. Возможно, благодаря этому отношения тюрков с византийцами возобновились, а Боспор снова вернулся под власть христианских императоров. 589-590 гг. датируется христианская строительная надпись из Пантикапея-Боспора, посвященная прославлению того, что император Маврикий возобновил здания с помощью стратилата из Херсона (IOSPE V. 330).

В 598 г. тюркский каган решил возобновить дипломатические отношения с Восточной Римской империей. Он хвастался императору Маврикию, что разгромил гуннов-эфталитов, подчинив их себе, а также подчиняет себе племена настоящих (восточных) аваров и огур. Настоящая суть сообщения была в том, что каган пытался утвердиться как победитель в гражданской войне в Тюркском каганате и заручиться международной

¹ Ермолин С.А. Указ. соч. С. 150-154.

поддержкой (Theoph. Sim. Hist. VII.7.1-14, 8.7-11, 9.1-6). Очевидно, византийцы отправили тогда новое посольство к тюркам, так как Феофилакт Симмокатта передает сведения о внутренней географии и обычаях в Тюркском каганате. По словам историка, в составе Тюркского каганата были племена уннугуров, тарнихов, котзагиров и забендер. Последние три сбежали из-под власти тюрков и присоединились к аварам в Европе (Theoph. Sim. Hist. VII.8.13-17). Также по данным византийского автора в Тюркском каганате по-прежнему господствовало язычество, поклонение природным стихиям и жертвоприношения местному божеству (Theoph. Sim. Hist. VII.8.14-15).

После распада Тюркского каганата в VII в. многочисленные тюрко-гуннские племена снова выделились как независимые. Они были заинтересованы в союзах с Восточной Римской империей, что также способствовало и распространению христианства среди них. Константинопольский патриарх VIII в. Никифор в своей «Краткой истории» в промежутке между 613 и 619 гг. рассказывает о некоем посольстве гуннского племени, которое хотело приобщиться к христианской вере. Ромейские сановники стали крестными родителями гуннов, равно как их жены – гуннских женщин. Император Ираклий I одарил неофитов дарами, а также даровал им высшие звания (Nic. Brev. a. 613-619).

Под 622 годом автор дает данные о посольстве к тюркскому кагану самого императора Ираклия, у которого были затруднения с аварами и персами. Патриарх Никифор описывает пышную встречу императора со стороны кагана и его придворных, а также переговоры о заключении брачного союза. При этом император называет кагана своим сыном в Боге (Nic. Brev. a. 622). Это, как и сам факт династического брака, позволяет сделать вывод о том, что именно тюркский каган принял крещение со своим народом несколькими годами ранее. Он назван «гуннским правителем», вероятно, потому что под его властью были гуннские племена.

Косвенно на христианизацию тюрков может намекать и «История императора Иракла» армянского епископа и историка VII в. Себеоса. Применительно к 618 г. он сообщает, что после смерти армянского правителя Смбата армянские вельможи перешли под власть великого кагана, царя северных стран (Seb. Hist. Her. 19). Скорее всего, имеется в виду как раз Тюркский/Хазарский каганат. Армяне могли перейти под власть кагана, так как он также стал христианином.

Выделение хазар из состава Тюркского каганата начинается примерно около 625 г. Именно под этим годом Феофан называет хазар «восточными тюрками» (Theoph. a. 6117/617). Согласно аутентичному эпохе VII в. «Равеннскому анониму» Хазария являлась обширной страной, где было много рек, в том числе река Куфис (совр. Кубань). Она описана отдельно от «Великой Скифии», где были Рифейские горы (совр. Уральские) (Anon. Rav. IV.1). То есть, речь идет о Восточном Приазовье.

Рядом с хазарами в этом же регионе, около реки Куфис, Танаиса и Меотийского болота изначально жили кочевники-болгары с родственным народом котрагов (вероятно, кутригуры), как сообщают патриарх Никифор и

Феофан (Nic. Brev. a. 673-680; Theoph. a. 6171/671). И это была их историческая территория, которую Феофан называет «Великая Болгария». В IV в. болгары разделились на 5 частей, по пяти сыновьям умершего вождя: старший сын Ваян остался в земле предков, второй сын Котраг поселился напротив него – вероятно, описанное Прокопием разделение утигуров и кутригуров (Proc. B.G. IV.4-5). Еще 3 младших сына откочевали на запад, расселившись от Днепра до Дуная. Из них один брат подчинился аварам в Паннонии, другой откочевал в Италию (Пентаполис около Равенны) и подчинился христианским правителям, а третий Аспарух поселился в междуречье Днепра и Днестра. В данном случае мы можем сказать, что самая западная часть племени болгар оказалась под влиянием христианской страны. Также и живущие от Днепра до Дуная болгары начали вступать в активные военные столкновения с византийцами. 679 год, относительно которого Феофан сообщает о болгарях, был годом нападения болгар на восточноримские земли, в то же время автор отмечает, что византийский император предпочитал мир войне и делал акцент на религиозных вопросах, а не на военных вопросах (Theoph. a. 6171/671).

Изначальные земли болгар стали с IV в. занимать хазары, двинувшиеся из Верзилии по соседству с первой Сарматией, подчинившие оставшихся в регионе болгар Ваяна (Nic. Brev. a. 673-680; Theoph. a. 6171/671). Здесь вероятно, речь идет о подчинении болгар-гуннов хазарам-тюркам.

Языки болгар и хазар, по замечаниям арабских источников, были похожи, что указывает на родственность племен. Исследователи, ссылаясь на арабские и кавказские источники, локализуют ранних хазар в регионе от Кавказа до Волги вдоль Каспийского моря¹.

На основании данных египетского епископа и историка VII в. Иоанна Никиусского есть основания предполагать, что болгары под именем гуннов были крещены вместе с тюрками при императоре Ираклии I в 1-й четверти VII в. В частности, Иоанн Никиусский сообщает, что Кубрат/Куврат был «вождем гуннов» и племянником Органа, крещенным в Константинополе в детстве и воспитанный там. В силу своего воспитания он поддерживал детей императора Ираклия I после его смерти (Ioan. Nik. Chron. CXIX.47). Патриарх Никифор называет Кубрата вождем гунно-гундулов, который восстал против аваров и прогнал их с родной земли, а также заключил союз с императором Ираклием, который соблюдал всю жизнь (Nic. Brev. a. 635-638). По мнению исследователей, Кубрат был главой протоболгарского военно-политического объединения, освободившегося от власти Западно-Тюркского каганата в 632 г.²

У Иоанна Никиусского сообщается, что Кубрат «после животворящего крещения победил всех язычников и варваров силой святого крещения» (Ioan. Nik. Chron. CXIX.47). Учитывая формулировку этого предложения, можно предположить, что речь идет не о военных, а о религиозных победах, то есть,

¹ Артамонов М.И. Указ. соч. С. 114-118.

² Краткая история Болгарии... С. 39.

при Кубрате состоялось массовое крещение протоболгар-гуннов. Сам же он был в числе отданных на воспитание в Константинополь детей подчиненных тюркам племен после их массового крещения между 613 и 619 гг.

Помимо крещения западной части гуннских племен – протоболгар, во 2-й половине VII в. состоялось массовое крещение кавказских гуннов-савиров. Армянский историк VII в. Мовсес Каганкатвацци и его позднейшие продолжатели в книге «История агван» сообщают о крещении гуннов-сабиров епископом Исраэлом (Mos. Kal. Hist. II.40, 51).

Укреплению христианства в Хазарском каганате способствовали его связи с Таврикой: Боспором и Херсоном, где в VIII – 1-й половине IX вв. был установлен византийско-хазарский кондоминиум, совместное правление¹. Там присутствовали и представители византийской власти, а Херсон и Боспор были официальной окраиной Восточной Римской империи, местом ссылки опальных людей. В то же время там были и представители тюркско-хазарской администрации, собиравшие налоги, а также осуществлявшие фактический протекторат над Таврикой, как географически наиболее близкая сила.

О распространении христианства в Хазарском каганате свидетельствует история последнего представителя династии Ираклия – императора Юстиниана II Ринотмета (685-695, 705-711), а также его херсонской ссылки и херсонской мести (Nic. Brev. a. 685-697, 704-713; Theoph. a. 6180/680 – 6203/703). Отметим связи Юстиниана II во время его херсонской ссылки с хазарским каганом, который соглашается выдать замуж за него свою сестру Феодору. Она носит христианское имя, Юстиниан спокойно заключает с ней брак, в котором она рождает сына-наследника Тиверия (Theoph. a. 6196/696, 6198/698; Nic. Brev. a. 704). Ни патриарх Никифор, ни Феофан не упоминают, что дочери хазарского кагана надо было креститься, то есть, на тот момент она уже была христианкой. Также Феодора лично предана своему мужу, раскрывая интриги и заговор своего брата, хазарского хана – это тоже косвенно может указывать, что у нее нет религиозных различий с мужем.

Также интересны связи Юстиниана II со своим союзником, болгарским правителем Тервелем. Ему Юстиниан II за помощь обещает в жены свою дочь, и тоже не упоминается никаких религиозных препятствий к такому браку, то есть, Тервель тоже христианин (Theoph. a. 6196/696; Nic. Brev. a. 704). Впоследствии, когда Юстиниан II пытался мстить христианскому Херсону, желая перебить всех граждан, они обратились именно к хазарскому кагану за защитой от своего императора-кровавийцы (Nic. Brev. a. 710; Theoph. a. 6203/703).

В эпоху иконоборчества в Восточной Римской империи в VIII в. Таврика стала главным местом ссылки христиан-иконопочитателей, что способствовало распространению там именно такого течения христианства в противовес официальной византийской идеологии. Это отражено в «Житии св. Иоанна Готского», посвященном религиозной деятельности св. Иоанна, епископа Готской епархии, жившего в VIII в. и уроженца региона.

¹ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии. М., 2017. С. 401-405.

Там говорится, что он был поставлен местными жителями в качестве епископа после того, как прежний византийский епископ подписался под актами иконоборческого собора 754 г. при императоре-еретике Константине V Копрониме. Так как в Восточной Римской империи в тот период преследовали православие, то св. Иоанн Готский был рукоположен католикосом Иверии (Vit. S. Ioan. Goth. 2). Св. Иоанн Готский подвергался преследованиям со стороны хазарского кагана, но особо указано, что это по политическим, а не религиозным мотивам, так как он поддерживал выход Готской епархии из-под власти Хазарского каганата (Vit. S. Ioan. Goth. 5, 7). В «Житии» св. Иоанна указано, что он жил при власти императоров Константина (741-775) и Льва (775-780), в то время как хазары уже отошли от языческих верований, но еще не приняли иудаизм, к которому они пришли в течение 780-х гг.¹ Также в «Житии» нигде не отражено, что святого подвергали каким-то гонениям за его христианские взгляды или молитвы. Более того, каган освободил его последователей по молитвам святого, считая, что они невиновны (Vit. S. Ioan. Goth. 7). Здесь отсутствует традиционная тема мученичества за веру, обычная для житий, когда гонения производятся по религиозным основаниям, наоборот, акцент делается на несправедливости обвинений со стороны кагана.

«Житие св. Стефана Нового» рассказывает о гонениях со стороны императора Константина V Копронима на св. подвижника Стефана Нового и его учеников. В одном из эпизодов говорится об одном из учеников св. Стефана, которого сослали в Херсон за иконопочитание и там намеревались убить. Однако он бежал к хазарам и так спас свою жизнь². И Хазарский каганат, где не преследовали за христианскую веру, служит убежищем для репресслируемых при исаврийской династии христиан-иконопочитателей.

Также исследователи полагают, что там была своя Оногурская епископия в VIII в., являвшаяся частью Готской епархии, ставшей митрополией³. Это подтверждается списками епископов VIII-IX вв., где выделяются «этнические» епархии в Готской митрополии: Хотцизская, Оногурская, Гуннская. Исследователи связывают это со стремлением правителей Хазарского каганата как-то институционализировать христианскую общину в стране, показывая, в целом, религиозное рвение каганов-христиан⁴.

Христианизация Европейского Боспора под властью хазар VII-VIII вв. также отражена в археологических и эпиграфических материалах. В этот период там распространяется много плиточных и грунтовых могил с христианской атрибутикой, а также находятся остатки христианских храмов⁵.

¹ Абдулпатахова Х.М. К вопросу о распространении иудаизма в Хазарии // Вестник Дагестанского государственного университета. 2006. №3. С. 27-30.

² Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Указ. соч. С. 432.

³ Артамонов М.И. Указ. соч. С. 158.

⁴ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Указ. соч. С. 436-438.

⁵ Ермолин С.А. Указ. соч. С. 195.

Также эпиграфические надписи на могилах этой эпохи в регионе в большинстве носят христианский характер (IOSPE V.249, 254, 307, 316, 321, 339).

Более того, в Хазарском каганате не просто было христианство, а там сохранилась православная вера. И именно оттуда император Лев III Исавр взял невесту для своего сына Константина V. Это была христианка, носившая греческое и христианское имя Ирина, которая была православной. Патриарх Никифор сообщает, что император Лев послал к правителю хазарского народа и пригласил его дочь в жены своему сыну (Nis. Brev. a. 732), в то время как Феофан говорит, что это девушка из скифского народа, которая была обращена Львом в христианскую веру (Theoph. a. 6223/723). В то же время Феофан далее несколько нелогично сообщает, что девушка, приняв имя Ирина и изучив божественные писания и украсившись благочестием, обличала нечестие императоров-иконоборцев. Однако, если бы ее обращали при императоре Льве в христианство, то Ирина должна была быть воспитана как христианка иконоборческих взглядов. Так что скорее всего, Ирина именно в Хазарском каганате стала христианкой, как и жена Юстиниана II Феодора, а летописец в данном случае использует стереотипы о варварах-язычниках, даже не указывая конкретный народ, откуда происходит жена императора Константина V. Далее Феофан сообщает, что у Константина именно от дочери хазарского кагана родился сын Лев (Theoph. a. 6241/741).

Лев был сделан соправителем своего отца еще во младенчестве, в 751 г., будучи известен как Лев IV Хазар (Nis. Brev. a. 751). Сам Лев взошел на престол в 775 г., после ужасной смерти своего отца. При этом Феофан отмечает его религиозное благочестие, то, что он был любителем монахов, раздавал деньги нуждающимся. Также он заставил войско принести присягу своему малолетнему сыну на кресте, а сама церемония была пропитана религиозностью с важной ролью патриарха (Theoph. a. 6268/768). То есть, исходя из отзывов Феофана, можно сделать вывод о том, что Лев Хазар был воспитан как иконопочитатель и глубоко религиозный правитель.

В целом, в VIII в. как Восточная Римская империя и Таврика, так и Болгария, и Хазария воспринимаются как единое культурное пространство. В частности, Феофан рассказывает историю о замерзании причерноморского побережья в 763 г., когда во всех вышеперечисленных землях люди ходили по льду как посуху (Theoph. a. 6255/755).

После начала восстановления иконопочитания византийцы снова привлекают тюрок-христиан к имперской службе. В частности, у Феофана впервые за долгое время упоминается византийский военачальник с прозвищем Турк, которого легионы готовы были признать узурпатором. Прозвище указывает на его тюркское происхождение, в то время как должность и политический статус — на христианское вероисповедание (Theoph. a. 6295/795). Тюрки воспринимались византийцами как свои братья по вере.

В то же время после принятия иудаизма в качестве официальной религии в Хазарском каганате в конце VIII в. роль христианства стала там быстро

снижаться. Это могло быть связано также с полукочевым образом жизни в каганате, где быстро менялся этнический состав, вливались новые народы. В итоге христианство уходило на периферию общественной жизни.

С попыткой возродить значение христианства в Хазарском каганате связана «хазарская миссия» святых просветителей славян Константина/Кирилла Философа и его брата Михаила/Мефодия 860-861 гг. Причем эта миссия, если следовать «Житию Константина Философа», была отправлена по запросу хазарского кагана, который хотел, чтобы от Византии приехал богослов, дабы опровергать учение иудеев и мусульман, которые проповедуют в Хазарском каганате. Миссия св. Константина шла через Херсон/Корсунь, где он также освоил древнерусский язык. В самом каганате св. Константин Философ победил в спорах иудея и крестил 200 человек¹. С этой миссией связывают создание Фульльской епархии в Крыму, расположенной около города Сугдея². Интересно то, что наряду с хазарской миссией почти сразу же св. Константин отправился в Болгарское государство по запросу царя Бориса I для крещения болгар-славян в 864 г.³

Возможно, обе миссии рассматривались в Византии как часть единой политики. Несмотря на то, что болгары славянизировались, в Восточной Римской империи к ним мог оставаться традиционный подход как к гуннским племенам, родственным хазарам.

Этническая ситуация в восточноевропейских степях стремительно меняется в IX-X вв., когда там появляются новые кочевые племена венгров-мадьяр и печенегов. Венгров-мадьяр или угров, которых византийские авторы также называют «тюрками», в отличие от тюрков-хазар, мадьяры считались «западными тюрками» (Const. De adm. imp. 13) прогнали из-за Волги в Причерноморье печенеги⁴.

Печенегов исследователи соотносят с тюрко-угорскими кочевыми народами, у которых много обычаев тюрков. К IX-X вв. они заняли пространство между Хазарским каганатом и Восточной Римской империей и играли важнейшую геополитическую роль в регионе⁵. Это ярко отражено в трактате X в. византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». Он рассматривает печенегов/пачинакитов как важнейшую силу для сдерживания как Хазарского каганата, так русов, болгар и тюрков-мадьяр. Пачинакитам и их роли посвящены первые 8 глав трактата, также есть упоминания и в других главах (Const. De adm. imp. 1-8, 9, 13). В связи с этим император советует византийским правителям поддерживать как можно более тесные и выгодные связи с печенегами.

¹ Черных Е.А. Хазарская миссия Константина Философа: о возможной проповеди Кирилла и Мефодия у восточных славян // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2014. №1. С. 64-74.

² Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Указ. соч. С. 444-445.

³ Черных Е.А. Указ. соч. С. 64-74.

⁴ Артамонов М.И. Указ. соч. С. 343.

⁵ Сакович Е.Г. Происхождение этнонима «печенеги»: сведения источников и мнения исследователей // Народы и религии Евразии. 2019. №1 (18). С. 73-80.

В концепции сраживания народов каспийско-причерноморского региона также император также советует использовать против хазар аланов и черных болгар, против мадьяр – франков, моравов и пачинакитов. Это все нужно для защиты византийских владений в Крыму (Const. De adm. imp. 10, 11-12).

В то же время в X в. византийцы, как кажется, отходят от христианизации окружающих народов, пытаясь получить более выгодную геополитическую конфигурацию. Это проявляется в отказе от династических браков и крещения, или посылки мантий и венцов из византийских храмов соседним народам, чтобы их статус не мог сравниться со статусом ромеев, и они не могли претендовать на византийский трон. Император Константин жестко критикует своих предшественников, которые породнились с хазарами и болгарами. По его мнению, также следует избегать любых родственных связей с некрещенными варварскими народами (Const. De adm. imp. 13). В целом, эта политика стремилась рационально лавировать между разными силами в регионе с учетом ослабления Византии к X в. и усиления ее соперников¹. Но в то же время Византия как бы самоустранилась от христианской и просветительской деятельности, ограничиваясь геополитическими интригами.

Несмотря на то, что Византия к X в. стала самоустраниваться от миссионерской деятельности среди новых народов восточноевропейских степей, в это время формируются новые христианские центры. Одним из таких центров стала Древняя Русь, разгромившая Хазарский каганат и принявшая крещение в 988 г. Именно из Древней Руси свет христианского просвещения распространялся на новые народы степей, как печенегов, а также торков, так и появившихся в XI в. кипчаков-половцев.

В условиях половецкой угрозы печенеги и торки стали заключать союзы с русскими князьями, обязуясь охранять южнорусское приграничье. Они получили названия «черные клобуки» или «свои поганые», то есть, язычники². Но постепенно происходила христианизация и этих народов.

Древнерусские источники оставили свидетельства о том, что в южном приграничье Руси и Степи (Поросье) была основана епископия в городе Юрьев. Во время одного из половецких набегов епископия была уничтожена, но через несколько лет восстановлена³. Как в случае с Византией, христианизация кочевых народов степей проходила также через многочисленных пленников-христиан, оказавшихся у печенегов или половцев, а также их потомков, зачастую от смешанных браков, усваивавших религию и традиции родителей⁴.

¹ Литаврин Г.Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире VII-XII вв. // Византия между Западом и Востоком: опыт исторической характеристики. СПб., 2001. С. 11-48.

² Инков А.А. К вопросу о распространении христианства среди кочевых народов южнорусских степей в домонгольское время // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. №5. С. 33-40.

³ Толочко П.П. Кочевые народы и Киевская Русь. Киев, 1999. С. 96.

⁴ Инков А.А. Указ. соч. С. 33-40.

Также некоторые произведения древнерусской агиографической литературы (жития, патерики) сохранили сведения о попытках миссионерской деятельности среди кочевников со стороны попавших в плен монахов. Например, этому посвящено «Житие черноризца Никона», которое рассказывает о его пленении половцами, а затем просветительской деятельности среди них, хотя они подвергали его различным мучениям. Несмотря на это, инок Никон отказался от выкупа из плена, сумев обратить некоторых половцев в христианство¹.

Таким образом, рассматривая христианизацию кочевых народов, следует отметить, что гуннские и тюркские народы в раннесредневековое время были смешаны и зачастую воспринимались как одно и то же, поэтому их христианизацию также надо рассматривать синкретично. Основными центрами христианства были христианские страны Кавказа и христианские греческие государства Таврики, находившиеся под влиянием Византии. Христианизация гуннских народов началась с V в., но системно это стало происходить с VI в. Тогда же в регионе Причерноморья появились тюрки как самостоятельные этносы.

VII в. следует считать временем массовой христианизации гунно-тюрков: гунны, тюрки, хазары, болгары.

В VIII в. в период иконоборчества в Византии именно такие периферийные регионы, как Таврика и Кавказ смогли сохранить истинную православную веру, также ее хранителями выступают христианизированные кочевые государства, в частности, Хазарский каганат.

В IX в. Византия отправляет новые импульсы христианизации к соседним народам, примером чего могут служить миссии Константина Философа как в Хазарский каганат, к славянским государствам Моравия и Болгария.

В X в. Византия начинает сворачивать миссионерскую деятельность из-за ослабления геополитических позиций, нисходя на уровень политических интриг и лавирования между различными народами.

Приход турок-сельджуков в Малую Азию в XI в. привел к прямому и массовому соприкосновению тюркских народов и Византии. Между державами устанавливается сложная система взаимоотношений и взаимовлияний.

С ослаблением Византии ее функции постепенно берет на себя окрепшая Русь, принявшая христианство и распространявшая его среди кочевников восточноевропейской степи на юге своих границ: печенегов, половцев.

Византийским наследием следует считать историю христианского народа гагаузов. Хотя относительно обстоятельств их христианизации у историков нет однозначного мнения, все же существует ряд концепций. XIII век (1259-1320) – период христианизации предков гагаузов (восходящих к печенегам и половцам) на Балканском полуострове, оказавшейся возможным

¹ О смиренном и многотерпеливом Никоне-черноризце // Киево-Печерский патерик / Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 483.

главным образом в результате многолетней миссионерской деятельности легендарного Сары Салтыка. XIV век (1320-1347) – часть предков гагаузов находились в независимом болгарском Карвунском княжестве на северо-востоке Болгарии под предводительством тюркоязычного христианина кыпчакского происхождения Балык-Бея.

Дальнейшие проявления христианизации тюрок связаны с возвышением Московского государства (XV-XVI вв.), а гибель Византии в 1453 г. кладет предел ее истории.

TURKS AND THE BYZANTINE WORLD: PROBLEMS OF RELATIONSHIPS AND INTERFACES

N.N. Bolgov (Belgorod – Sevastopol)

This work attempts to present a general overview of the history of relations between the Turkic peoples and Byzantium in the contact zones between them. An important topic is the Christianization of the Turkic peoples.

Keywords: Turks, Byzantium, relations, Christianization.

ГАЛАТИЯ И ЕЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ

А.М. Болгова (Белгород)

В работе предпринимается попытка очерка известных из источников интеллектуалов из позднеримской Галатии – внутреннего региона Малой Азии. На основании представленного материала определяется региональная специфика Галатии относительно данной проблемы.

Ключевые слова: Галатия, интеллектуалы, Малая Азия, провинция, регион, риторика.

Важным регионом ранневизантийской Малой Азии была Галатия, расположенная в центре страны, между Пафлагонией и озером Татта. Пришедшие сюда в начале эпохи эллинизма кельты (галаты) надолго определили этнокультурную специфику региона.

Ок. 25 г. до н.э., после гибели царя Аминты, владения галатов стали римской провинцией со столицей в Анкире. Границы провинции были значительно больше, чем собственно Галатия. В 70-114 гг. Галатия вместе с Каппадокией и Малой Арменией составила «большую Галатию», объединенную провинцию в центральной и восточной Малой Азии до верхнего течения Евфрата.

В собственно Галатии сохранялись кельтский язык (до VI в.), ономастика, топонимика, пережитки в области религии и политической организации (по крайней мере до кон. IV в.: Hieron. Ep. ad Gal. 2). Сохранялись и прочие местные наречия. Греческих эпитафий в Галатии найдено не много, хотя все надписи римской эпохи делались по-гречески. Сильный

эллинистический элемент в провинции стал причиной того, что римляне часто называли эту область Галлогреция (Liv. Hist. Rom. 28. 8; Cicero. Harusp. 13. 28).

При Августе в собственно Галатии на месте древних поселений образовались города Пессинунт, Анкира и Тавия; был выведен ряд колоний.

На рубеже III-IV вв. в результате административных реформ Диоклетиана вместо «большой Галатии» было образовано несколько новых провинций, а собственно Галатия превратилась в небольшую провинцию с центром в Анкире.

Хотя Галатия, внутренняя страна с суровым климатом и малым количеством деревьев, была малонаселена по сравнению с богатыми провинциями Эгейского региона, она хорошо подходила для разведения овец и коз, а также поддерживала связанные с ними отрасли текстильного производства и производства красителей. По всей вероятности, большая часть этой промышленности была сосредоточена в Анкаре и обслуживала нужды армии¹.

На I Вселенском Соборе в Никее в 325 г. Галатия была представлена епископами Анкиры, Тавии, Гадамавы, Юлиополя, Кинны и Аспоны. Эти города находились в центральной и восточной части страны.

В середине IV в., в период борьбы сторонников и противников Никейского Собора, в Анкире много лет длилось противостояние епископов Маркелла, защитника Никейского Символа веры, и *Василия Анкирского* (Hier. De vir. III. 89), ставленника партии Евсевия Никомидийского, впоследствии возглавившего партию омиусиан. Возвращение Маркелла в Анкиру в 348 г. стало причиной открытого столкновения партий на улицах.

По мнению В.В. Болотова, Василий был «одним из достойнейших лиц своего времени, серьезный богослов»². Его расхождения во взглядах с Афанасием Великим, лидером «никейской» партии, если и были, носили не принципиальный характер. Первоначальное образование Василия было медицинским. Таким образом, Василий Анкирский предстает перед нами как крупный христианский интеллектуал Галатии IV в. Он стал жертвой гонений Юлиана Отступника в 362 г.

Иероним сообщает, что «Василий, епископ Анкирский, ученый медик (иатрософист), написал книгу против Маркелла, о девственности и ряд других работ».

Вторым важным богословом Галатии является *Нил Анкирский* (сер. IV – после 430 г.) – автор корпуса аскетических и экзегетических сочинений, а также писем. Впервые о Ниле Анкирском упоминает Прокопий Газский в катене на Книгу Песнь Песней Соломона (CPG, N 7431), составленной в конце V – начале VI в. К сожалению, в науке нет единства относительно сочинений Нила, часть которых приписывается Нилу Синайскому и Евагрию.

¹ Foss C. Late Antique and Byzantine Ankara // DOP. 1977. Vol. 31. P. 30.

² Болотов В.В. История Церкви в период Вселенских Соборов. М.: Поколение, 2007. С. 85.

Время жизни Нила с относительной точностью определяется исходя из некоторых данных, содержащихся в его сочинениях. В письмах Нила, считающихся подлинными, а также в его трактатах, упоминается ряд лиц, живших в конце IV – начале V в. Некоторые письма Нила обнаруживают близкое личное знакомство их автора со свт. Иоанном Златоустом (Ер. I 184, 309; II 183; III 199), В письме 407 г., адресованном императору Аркадию (Ер. II 265), Нил отказывается молиться за столицу, недавно пораженную землетрясением. Имя Нила упоминается также в «Хронике» Георгия Амартола наряду с учениками свт. Иоанна Златоуста. «Слово о нестяжательности к Магне» посвящено «досточтимейшей диакониссе Анкирской», также упоминаемой Палладием Еленопольским в «Лавсаике. После смерти мужа она вела суровую аскетическую жизнь в Анкире, где вокруг нее собралось ок. 2000 дев (Pallad. Hist. Laus. 67).

Исходя из этих данных можно заключить, что Нил жил на рубеже IV и V вв. в Анкире или в окрестностях этого города, в горах, где подвизались монахи-отшельники. Тот факт, что о Ниле практически не упоминают его современники, свидетельствует о том, что его влияние и известность в IV-V вв. носили локальный характер и были важны для Галатии.

Ряд работ Нила упоминает патриарх Фотий в «Библиотеке» (cod. 201b).

Большинство прочих интеллектуалов ранневизантийской Галатии известных нам по источникам, связаны с кругом («социальной сетью») Либания¹.

В Галатии в значительной степени имелись факторы, способствовавшие вербовке Либания, *Геллеспонт* учил риторике. Либаний написал ему в 355/56 г., комментируя тот факт, что он еще не видел сына софиста, который посетил Антиохию (Ер. 461)². Либаний выразил сожаление, что Геллеспонт не смог присутствовать на одной из его речей, так как он был благожелательным судьей.

Геллеспонт в зрелости стал студентом знаменитого Хрисанфия из Сард, по-видимому, обучавшего философии³. В своем последнем путешествии он отправился в Апамею в Вифинии, где одним из его студентов был, по-видимому, *Прокопий*, который стал софистом (Eunapius VS 23.4.11–12, 6.2–7, 504–505)⁴.

Либаний также имел дружеские отношения с *Андроклом*, который преподавал риторику в Анкире в 364 г. и который послал ему бывшего студента Евсевия XX, из знатного семейства Агесилая (ер. 77). Даже если он не имел из первых рук знания красноречия Андрокла, Либаний выводил из его письма, что он обладал чудесными навыками – и, конечно, поспешил сделать ему комплимент.

¹ Дальнейшее изложение основано на: *Cribiore R. The School of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 71-72.

² П. Пети включает этого молодого человека в число студентов Либания, но это дело далеко от определенности. Этот юноша был бы более бережен, если бы Либаний был назначен его учителем, а не просто был «другом его отца».

³ Риторика также высоко ценилась среди компетенций философа.

⁴ Procopius 10.

В более позднее время *Аблабий* учил риторике в *Анкире*¹. Можно говорить о *риторической школе* в столице региона. Но внешнее радушие тона писем нередко скрывало некоторые профессиональные обиды. Ер. 921, которое Либаний отправил Аблабию в 390 г., ссылалось на теплые воспоминания о предыдущем посещении. Либаний с тоской вспоминал об «узком пути, недалеко от дома», где Аблабий выступал со своими проповедями (лучше, чем на форуме в Риме!), но он выразил сожаление, что он не поставил ему никаких студентов. Письмо, написанное спустя год, показывает, что ходатайство подвело некоторые итоги их отношений (Ер. 1015).

Летой VI поступил в школу, и в этой связи Либаний с удовольствием призвал Аблабия отправить приглашение другим студентам, как он обещал, если, конечно, он «не нашел недостатков в школе». Похоже, что в это время Аблабий был еще язычником, каким он был, когда он получил письмо 233 от Григория Богослова, который напомнил ему, что «играть среди молодых мужчин» должно быть временным занятием, но приобретение добродетели – конечная цель. Аблабий позже стал священником и епископом.

Другая *школа риторики в Галатии* в те годы находилась в *Тавии*, где *Пэоний 2/II*, студент Либания в 359 г., учил вместе с ритором *Фалерием*. Ер. 1080 представляет большой интерес, потому что оно показывает начало школы. Пэоний сначала приехал в Тавий, но его репутация в качестве студента Либания была такова, что Фалерий, который учил других, переехал туда. Либаний предположил, что Пэоний стал «гаванью» для друга, чтобы приобрести славу и богатство. Но тогда, смягчая свою позицию, он представил Фалерия как любителя обучения и «учителя студентов», который заботился не только о том, чтобы учить, что он знал, так как он это делал раньше, но также узнавать новые вещи от его коллег.

В конце IV в., при Феодосии I, Галатия была разделена на две провинции: Галатию Прима (Анкира)² и Галатию Секунда (Пессинунт). Епископы обеих новых провинций – Леонтий Анкирский и Димитрий Пессинунтский – впервые зафиксированы в актах Собора «У дуба» в 403 г.

В византийское время в Галатии кроме Анкиры и Пессинунта существовали епископские кафедры в городах Тавия, Юлиополь, Аморий, Аспона, Палия (Юстинианополь), Кинна, Мниз, Калумна, Василиополь, Анастасиополь и др. Там работали интеллектуалы уже византийской эпохи.

GALATIA AND ITS INTELLECTUALS OF THE EARLY BYZANTINE PERIOD

A.M. Bolgova (Belgorod)

This paper attempts to outline the intellectuals known from sources from late Roman Galatia, an inland region of Asia Minor. Based on the presented material, the regional specifics of Galatia with respect to this issue are determined.

Keywords: Galatia, intellectuals, Asia Minor, province, region, rhetoric.

¹ Ablabius 2/i.

² Foss C. Late Antique and Byzantine Ankara // DOP. 1977. Vol. 31. P. 27-87.

«ГРАД, НИСХОДЯЩИЙ С НЕБЕС»: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ЯЗЫКА АРМЯНСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ VII В.

И.Ю. Ващева (Нижний Новгород)

В статье проводится комплексный анализ главного архитектурного памятника Армении VII в., собора Звартноц (643–652 гг.) как целостного богословского высказывания, сформированного в контексте эсхатологических настроений VII в. Рассматриваются архитектурные особенности храма, его иконографическая программа, литургическая практика и этимология названия в параллели с вавилонской концепцией «axis mundi». Автор выдвигает тезис о том, что архитектурная форма в данный период осмысливалась не только как функциональное пространство для литургии, но и как сложный богословский текст, воплощенный в камне. Символический язык этой архитектуры интерпретируется через призму концепции «Града Нисходящего с Небес» – идеального Небесного Иерусалима, который в сакральной топографии храма нисходит на землю.

Ключевые слова: армянская архитектура, VII век, храм Звартноц, Нерсес III Строитель, Вавилонская башня, axis mundi, апокалиптика VII в., Себеос, Небесный Иерусалим.

*«И я, Иоанн, увидел святой
город, новый Иерусалим, сходящий от
Бога с неба, приготовленный как
невеста, украшенная для мужа
своего» (Откровение 21:2)*

VII столетие стало «золотым веком» армянской церковной архитектуры, когда были созданы уникальные памятники, сформировался символический язык, превращающий строительные конструкции в сложную богословскую систему.

Ключевым памятником армянской архитектуры этого периода является храм Звартноц, построенный в 643–652 гг. католикосом Нерсесом III Строителем. Несмотря на более чем столетнюю историю изучения¹, собор Звартноц продолжает оставаться одним из наиболее проблемных и дискуссионных объектов в истории мировой средневековой архитектуры.

Научный дискурс до сих пор в значительной степени сосредоточен на решении инженерно-археологических загадок его реконструкции и генезисе трехъярусной структуры. При этом целостному осмыслению его

¹ Комплекс построек VII в. был раскопан вардапетом Эчмиадзинского монастыря Хачиком Дадяном в 1901–1907 гг. с участием архитектора Тороса Тораманяна (с 1904). Раскопки, консервация и фрагментарное восстановление некоторых форм проводились в середине и конце XX в. Наиболее ценные находки хранятся в музее, основанном в 1937 г. к юго-западу от ансамбля. История открытия и изучения храма представлена на сайте музея – <https://www.armmuseum.ru/news-blog/zvartnots-excavations>, а также в работах: Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. М.: Locus Standi, 2012. Тт. 1–4; Мнацаканян С.Х. Звартноц. Памятник армянского зодчества VI–VII веков. М.: Искусство, 1971; Баликян З.О., Оганесян Д. Докладные записки Х. Дадяна о раскопках в Звартноце // Вестник общественных наук АН АрмССР. 1984. № 5. С. 78–87.

символического кода как ключевого компонента замысла католикоса Нерсеса III уделяется незаслуженно мало внимания. Подходы к интерпретации зачастую фрагментарны, ограничиваясь либо анализом декора, либо общими указаниями на его «небесную» символику, без ответа на главный вопрос о заложенной в нем богословско-иконографической программе.

Классические труды Т. Тораманяна¹ и Й. Стржиговского² заложили фундамент стилистического и типологического анализа памятника. Современные исследователи, такие как А.Ю. Казарян³, детально проанализировали строение Звартноца в контексте развития армянской центрической композиции. Однако в этих работах доминирует архитектуроведческая парадигма. Системная связь между его уникальной пространственной иконографией и богословской концепцией «нисходящего града» в имеющихся работах не рассматривается. Таким образом, в научном знании образуется лакуна: архитектурный шедевр известен, но его глубинный теологический нарратив остается не прочитанным в полной мере.

Поэтому целью нашей работы является попытка интерпретации ключевого памятника эпохи, храма Звартноц, как сложного, наполненного символами текста, «богословия, воплощенного в камне», попытка расшифровать этот сложный символический язык через призму иеротопии. Архитектура с этих позиций предстает как визуальная теология, где каждый элемент – от плана до декора – несет определенное богословское послание.

Одним из первых вопросов, встающих перед исследователями храма, является вопрос о целях его создания и авторском замысле. Середина VII века представляет собой уникальную эпоху. Это – время, на которое пришлось рождение ислама, закат Сасанидской империи и трансформация Византийской империи, время тотальной перестройки геополитической ситуации и цивилизационного кризиса, которое характеризуется учеными как «мировой кризис»⁴.

Византийско-иранские войны, последовавшие за этим завоевательные походы арабов, в целом столкновение геополитических устремлений мировых держав той эпохи оказывали сильнейшее воздействие на средиземноморскую ойкумену и воспринимались современниками действительно как глобальная катастрофа, крушение устоявшегося миропорядка. Армения в этих обстоятельствах находилась в самом эпицентре событий.

С другой стороны, историки культуры констатируют, что именно на VII век приходится «золотой век армянской архитектуры», ведется колоссальное каменное строительство, создаются потрясающие памятники архитектуры, формируются те особенности, которые будут определять лицо армянской архитектуры на протяжении столетий. Соответственно одним из главных вопросов, требующих осмысления и разрешения, является вопрос о

¹ *Toramanian T. Materials on the History of Armenian Architecture. Yerevan, 1948.*

² *Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918*

³ *Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века. М., 2012.*

⁴ *Howard-Johnston J. Witnesses to a World Crisis: Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 70.*

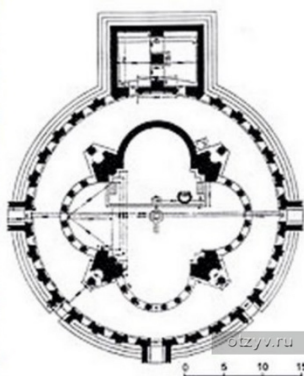
том, почему и зачем армяне (в данном случае католикос Нерсес III Строитель) в тяжелейших условиях кризиса, не жалея сил и средств, создают потрясающие памятники архитектуры, какие цели преследовал Нерсес III в своей строительной деятельности и какая идея была реализована в главном армянском храме VII века.

По реконструкции Т. Тораманяна, храм представлял собой круглое трехъярусное купольное сооружение (диаметр нижнего яруса 35,75 м). В круг основания вписан крест, три крыла которого образованы по полукругу 6 колоннами, а восточное крыло – апсида – было глухой стеной, которую покрывали мозаики и фрески. У алтарной апсиды – высокое возвышение, с одной стороны – амвон, впереди – крестильная купель. Сзади к апсиде примыкало квадратное помещение,

видимо, ризница, из которой поднимались по лестнице в коридор, шедший по верху первого яруса. Высота храма предположительно составляла 49 м.

Проводившийся учёными сравнительный анализ не позволил идентифицировать прямые прототипы этого храма ни в византийской, ни в закавказской архитектурной традиции¹.

По всей видимости, он был воплощением самостоятельного архитектурного замысла с глубокой идейной программой.

Храм представлял собой трехъярусную ротонду, вписанную в тетраконх (четыре апсиды). Эта форма, не имеющая ярко выраженного фасада, символизировала вселенскую,

космическую природу Церкви, собранной вокруг Евхаристии. Ярусность и общая высота (около 45-50 м) создавали мощный вектор вертикального устремления. Таким образом, Звартноц был радикальным отходом от традиционной базиликальной и крестово-купольной схем.

Однако указанные архитектурные особенности храма могут быть интерпретированы и в богословском контексте. Богословская интерпретация архитектуры храма позволяет провести параллели с двумя сакральными прототипами: Вавилонской башней и храмом Гроба Господня в Иерусалиме.

Параллель между Звартноцем и Вавилонской башней не случайна, но строится на намеренном противопоставлении. И вавилонский зиккурат, и

¹ Казарян А.Ю. Звартноц // Православная энциклопедия. Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/182733.html>

Звартноц претендовали на роль «axis mundi» – оси мира, соединяющей небо и землю. Однако вавилонская «ось» была символом человеческой гордыни и дерзости. В основе ее лежала идея восхождения, штурма. Звартноц же был «Местом [нисхождения] Бдящих Сил». Его вертикаль – это ось божественной благодати, нисходящей в мир. В этом контексте Звартноц выступает прямым противопоставлением Вавилону, архитектурным опровержением вавилонской гордыни и утверждением христианской концепции смирения и богообщения.

Данная параллель подтверждается упоминанием Вавилонской башни в тексте Откровения Иоанна и прямым противопоставлением ей нового Иерусалима, «Града, нисходящего с небес». Так, в гл. 18 прямо говорится: «После сего я увидел иного Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую; земля осветилась от славы его. И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице...». А далее в гл. 21: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их».

Архитектурная композиция Звартноца обнаруживает глубокую смысловую связь и с другим великим прообразом – храмом Гроба Господня в Иерусалиме. Ротонда Анастасиса, созданная при Константине Великом, была общепризнанным символом Воскресения, и ее форма обладала огромным авторитетом. В научной литературе прямая связь между двумя памятниками, как отмечает А.Ю. Казарян¹, подробно рассматривалась лишь С.Х. Мнацаканяном². Последний апеллировал к исследованиям Л.А. Дурново, выявившей общие мотивы в декоре (чередование треугольных и полуциркульных архивольтов), а также к типологическому сходству: оба храма представляли собой мартирии, где

¹ Казарян А.Ю. Ротонда воскресения и иконография раннесредневековых храмов Армении – <https://azbyka.ru/otechnik/ikona/vostochnohristianskij-hram-liturgija-i-iskusstvo/6/>. Примечательно также, что католикос Нерсес III предпринимает попытки воссоздать топографию Святой Земли не только в Звартноце, но и в других памятниках. А.Ю. Казарян делает весьма ценное наблюдение: «Анализ архитектурных произведений католикоса Нерсеса приводит к предположению о дважды осуществленных им попытках воссоздания топографии Святой Земли. В контексте этой программы в каждом случае было реализовано не менее трех построек. Впервые в 640-е гг. на просторах Араратской долины, наряду со Звартноцем, был возведен кафедральный собор в Двине – крестовокупольный триконх, напоминающий церковь Рождества в Вифлееме, а также построена церковь Богоматери в Хор Вирапе, круглая восьмиколонная структура которой могла воспроизводить один из подобных палестинских храмов» [Армянский Иерусалим История, археология, архитектура. Материалы к лекции Армена Казаряна. М., 2016. С. 10]. Это наблюдение еще раз подтверждает обоснованность параллелей между Звартноцем и Храмом Гроба Господня в Иерусалиме.

² Мнацаканян С.Х. Звартноц. Памятник армянского зодчества VI–VII веков. М., 1971. С. 45.

центральная ротонда отмечала место, священное благодаря реликвиям – Кувуклии Христа в Иерусалиме и памяти св. Григория Просветителя в Звартноце. В то время как другие исследователи искали генезис Звартноца в местной традиции или сиро-месопотамских тетраконхах, гипотеза Мнацаканяна позволяет рассматривать армянский храм не как изолированный феномен, а в контексте общехристианской архитектурной символики, где иерусалимский образец был ключевым ориентиром.

Таким образом, строительство Звартноца было попыткой создать свой, локальный центр христианского мира. Звартноц осмыслялся как образ Небесного Иерусалима из Откровения Иоанна Богослова – идеального, «сходящего от Бога с неба» Града (Откр. 21:2). Эту идею подтверждает и посвящение храма – «Бдящим Силам» (Небесным Ангелам). Ангелы – это служители Небесного Престола, жители того самого Града, который и пытался изобразить в камне Звартноц. Трехъярусная структура храма в таком контексте представляла собой развернутую модель мироздания – от земной Церкви (нижний ярус) через сферу ангельских сил (второй ярус) к Престолу Божию (купол).

В этом же контексте, вероятно, стоит рассматривать и этимологию названия храма Звартноц (арм. *Զվարթնոց*). Первым, кто назвал храм «Звартноц», был епископ Себеос, автор «Истории императора Иракла». Он рассказывает легенду о том, что святому Григорию, после долгих лет молитвы о том, чтобы Бог указал место для строительства главного собора, явилось видение: с неба сошел столп света, окруженный ликующими ангельскими силами (т.е. «звартноц»), которые указали на это место. На том месте первоначально была построена часовня, а позже, в VII в., католикосом Нерсесом III Строителем – величественный храм, унаследовавший это сакральное название.

Однако сообщение Себеоса оставляет возможность разных трактовок. Речь идет о том, был ли храм назван «Звартноц» или назван *в честь* «Звартноца». Эта смысловая дихотомия, наглядно проявляющаяся при сравнении переводов Ст. Малхасянца и А.Ю. Казаряна, порождает различные гипотезы о переводе и значении слова «Звартноц».

Одни выводят название храма от слова «звартун», что означает «ангел». Другая, и притом большая часть исследователей, выводит название Звартноц из корня «Зварт» (*զվարթ*) – радость, ликование, блаженство и суффикса «-ноц» (*-նոց*), указывающего на место. Таким образом, буквально «Звартноц» означает «место радости», «место ликования» или «место блаженства». Однако это не бытовая радость. Это калька с греческого «Πανηγυρικός» – термина, которое в византийской богословской традиции означает «торжественное собрание» или «празднество», но не в земном, а в небесном смысле, обозначающего таким образом торжественное, ликующее славословие Небесных Ангельских Сил. Оно относится к «Небесным Силам Бесплотным» – ангельским чинам, которые предстоят перед Престолом Божиим и непрестанно славят Его. То есть, «Звартноц» – это «Храм Бдящих Ангельских Сил», но это одновременно и место соединения хора земного и

хлора небесного. Эта концепция напрямую восходит к византийскому канону утрени, где есть песнопение, начинающееся со слов: «Всякое ныне житейское отложим попечение...», которое по-армянски называется «Звартноц» и символизирует соединение земного богослужебного собрания с небесным ангельским хором. Архитектура Звартноца стала каменным воплощением этой идеи. Его ярусы, по замыслу, могли ассоциироваться с небесными иерархиями, а круглая форма, не имеющая начала и конца, – с вечностью и единством тварного мира в славословии Творца. Храм был гигантским литургическим инструментом, призванным сделать зримым и осязаемым невидимое ликование всей твари, обозначить место встречи неба и земли, где земная литургия соединяется с ангельской.

Иконография Звартноца (реконструируемая по уцелевшим фрагментам резьбы) дополняла архитектурный замысел. Основными мотивами вполне ожидаемо были виноградная лоза и крест, символизирующие Евхаристию (Лоза – Христос, Ин. 15:1) и искупительную жертву. Однако в Звартноце впервые появляются некоторые мотивы, которые также вызывают неоднозначную трактовку исследователей.

К таким неоднозначным и довольно необычным сюжетам относятся скульптурные изображения орлов на капителях колонн, символически поддерживающих небосвод Вселенной. В раннехристианском искусстве орел, как птица, способная смотреть на солнце не моргая, символизировал Христа, побеждающего тьму греха и смерти. Поэтому и здесь они, очевидно, символизируют Христа-Победителя, восходящего к Солнцу-Правде и попирающего тьму смерти, что актуализирует тему Воскресения и вечной жизни. Но этот образ фигурирует и в другой смысловой плоскости: орлы прямо отсылают к символу евангелиста Иоанна Богослова, таким образом, объединяя оба эти смысловые поля, орлы выступают вестниками Небесного Откровения.

Вторым важным и символически нагруженным образом является гранат. Как пишет исследовательница Нина Степанян, «после нескольких веков “забвения” мотива граната, в середине VII в. католикос Нерсес III, уроженец Тайка, начинает близ Вагаршапата строительство грандиозного по тем временам храма, где “главным действующим лицом”, а точнее, одним из двух доминирующих мотивов, наряду с виноградом, является гранат. Именно с этого храма начинается возрождение, “выход из подполья” мотива граната. Речь идет о Храме Бдящих сил – Звартноце. Орнаментальные мотивы Звартноца воспринимаются нами как сугубо традиционные. А между тем, изображение граната на стенах армянского христианского храма было отнюдь не обычным и должно было представляться даже, говоря современным

языком, сенсационным для современников католикоса Нерсеса»¹. Именно в Звартноце мотив граната появляется впервые в армянском христианском искусстве². Причем, интересно, что если виноградная лоза, заполняющая архивольты наружных сводов, строго, ритмически повторяясь, трактуется большей частью орнаментально, то в отношении граната в Звартноце мы видим “живое”, а не схематичное изображение, изображение именно гранатовых кустов... здесь изображены, “гранатовые деревья и побеги, охватывающие кольцом армянский храм»³.

Но более всего потрясает деталь, которая не известна нам из предшественников звартноцкого храма и не была повторена на храмах, построенных после Звартноца вплоть до наших дней – это огромные, размером превосходящие человеческую голову, плоды граната,

помещенные выше треугольников между арками. К этим громадным, даже не горельефным, а скульптурным изображениям плодов граната, которые высились над развилками между арками, опирающимися на двойные полуколонки, склонялись, с одной стороны гранатовые ветви, с другой – виноградные лозы. Несколько из таких каменных шаров можно и сегодня увидеть на самих развалинах храма, в музее при Звартноце, а наиболее хорошо сохранившийся фрагмент хранится в Музее истории Армении⁴.

Таким образом, гранат, трактованный как Древо Жизни, представляет собой сознательное и смелое художественное новаторство католикоса Нерсеса III. Кульминацией этой концепции являются гигантские скульптурные плоды граната, превосходящие человеческую голову, которые не имеют аналогов в армянской архитектуре. Этот образ не только утверждает идею рая и плодородия, но и прямо отсылает к эсхатологическому образу Древа Жизни в Откровении Иоанна Богослова, неся тем самым идею вечного обновления и спасения. Так, иконография Звартноца, объединяя орла – вестника Небесного Откровения, и гранат – Древо Вечной Жизни, создает целостный образ храма как места явления Божественной силы, победы над смертью и врат в Царство Небесное.

Среди декоративных элементов, украшавших Звартноц, выделяются скульптурные поясные изображения людей – целая портретная галерея. Под одним из барельефов читается надпись «Ованес» – некоторые исследователи считают, что это имя и портрет главного строителя храма.

¹ Степанян Н. Мотив граната в раннесредневековом искусстве Армении // Историко-филологический вестник. Ереван. 2008. № 2. С. 217.

² Токарский Н. По страницам истории армянской архитектуры. Ереван, 1973. С. 74.

³ Токарский Н. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946; Асратян М. Армянская архитектура раннего христианства. М., 2000.

⁴ Степанян Н. Указ. соч. С. 217.

Правда, другие исследователи считают, что мастер просто изобразил крестьян-садоводов: у них в руках инструменты, похожие на садовые, а над барельефами вьется орнамент из переплетающихся ветвей граната и виноградных лоз¹. Как показывает А.Ю. Казарян, трактовки этих антропоморфных рельефов, располагавшихся под роскошным виноградно-гранатовым фризом, весьма сильно отличаются. «Часть изображенных держит в руках строительные или садовые инструменты, поэтому одни исследователи считают их строителями храма², другие – ктиторами³, третьи – садовниками⁴. Согласно недавно выдвинутой версии, это изображения царя Трдата III Аршакуни, свт. Григория Просветителя и других деятелей Церкви, которые в армянских хрониках именовались «строителями»⁵. Образы в контексте райского сада, а также их аналоги в рельефах с изображением апостолов на барабанах собора Эчмиадзин (ок. 620 г.) и апостолов или пророков (?) на барабане собора св. Апостолов в Карсе (30-е гг. X в.) позволяют видеть в них пророков, апостолов, евангелистов и даже равноапостольных святых Армянской Церкви. Ключи в руке одного из них (как и на аналогичном рельефе Эчмиадзина) указывают на то, что это может быть ап. Петр. На данный момент обнаружено 12 изображений, но всего их могло быть 28; лики ни одного из них не сохранились»⁶. Нам кажется наиболее вероятной трактовка самого А.Ю. Казаряна, видевшего в этих изображениях святых апостолов. В этом контексте упомянутый выше Ованес, вероятно, является апостолом Иоанном Богословом, к Откровению которого отсылает зрителя вся иконографическая программа храма Звартноц⁷.

Таким образом, изложенные выше наблюдения позволяют нам предположить, что грандиозный замысел Нерсеса III состоял не в том, чтобы «служить делу пропаганды его догматических воззрений... и своей грандиозностью, необычайностью вида и великолепием отделки затмить все выстроенное до него ...»⁸, и не в том, чтобы создать грандиозный мартирий

¹ Там же.

² *Тораманян Т.* Материалы по истории армянской архитектуры. Ереван, 1942. Т. 1. С. 249; *Аракелян Б.Н.* Сюжетные рельефы Армении IV-VII вв. Ереван, 1949 (на арм. яз.). С. 75; *Халпахчян О.Х.* Архитектура Армении // *Всеобщая история архитектуры*. М., 1966. Т. 3. С. 221; *Дурново Л.А.* Очерк изобразительного искусства средневековой Армении. М., 1979. С. 41.

³ *Мнацаканян С.Х.* Звартноц: Памятник армянского зодчества VI-VII вв. М., 1971 (арм.). С. 130-134.

⁴ *Токарский Н.М.* Архитектура Армении IV-XIV вв. Ереван, 1961. С. 136.

⁵ *Акопян З.* Символический образ Звартноца: К вопросу определения рельефных образов // *Эчмиадзин*. 2006. № 6. С. 76-85 (на арм. яз.). С. 84.

⁶ *Казарян А.Ю.* Звартноц // *Православная энциклопедия*. Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/182733.html>

⁷ Ср.: «Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати апостолов Агнца» (откровение Иоанна, гл. 21).

⁸ *Токарский Н.* Указ. соч.

просветителю Армении св. Григорию¹, и не в стремлении к объединению и примирению: «объединению древней, наиболее архаичной круглой формы сакральной постройки с новой крестовой формой церкви; старых, языческих культов с новой, христианской верой; армянской апостольской церкви со вселенской, халкидонитской; и, возможно также, стремление примирить тех, кто боготворил св. Григория – с теми, кто не мог простить ему разрушения древних святынь»².

Сопоставление архитектурной программы Звартноца с нарративами современной ему эпохи, в частности, с «Историей императора Иракла» епископа Себеоса, позволяет кардинально пересмотреть замысел католикоса Нерсеса III. В этом ракурсе храм предстает не просто как выдающееся архитектурное творение, а как материальное воплощение универсальной христианской космологии – модели мироздания, где сакральное строение становится мостом между земным и божественным, прообразом грядущего преображенного творения. Эта интерпретация получает особую силу в свете эсхатологических ожиданий, обострившихся в середине VII в., когда архитектура и иконография Звартноца, насыщенные образами Конца Времен, начинают восприниматься как мощный визуальный ответ на исторические катаклизмы.

Ключом к пониманию этой идеи является концепция сакрального центра, напрямую связывавшегося с Крестом Господним – «живым Древом», «животворящей крепостью». «Чрезвычайно значимым для авторов VII века оказывается *мотив пребывания Креста Господня в центре христианского мира*. Именно с Крестом связывается сила и могущество греческого царства. И если в тексте армянской истории Себеоса топоним Креста как символа мирового центра и мирового господства присутствует имманентно, то в «Откровении» Псевдо-Мефодия эта мысль уже высказывается совершенно четко: «Нет ведь народа или царства под небом, которое сможет одолеть царство христианское, как и [я] говорил вам, возлюбленные: если посреди земли водружено живое Древо, животворящая крепость (=сила) Креста, то от неё концы вселенной исполняются многой премудростью, по широте и долготе, в высоту и глубину, ибо какая крепость или сила превозможет крестную силу?» (VI.10)³.

Однако исторические реалии – захват и разорение Иерусалима персами в 614 г., а затем его переход под власть арабов в 638 г. – поставили под сомнение незыблемость прежнего центра. Величайшая христианская святыня Крест Господень и сам г. Иерусалим оказались во власти «нечестивцев». Захваченный и оскверненный Иерусалим лишается своей

¹ «Эта купольная ротонда... по мысли ее строителей, не являлась только патриаршим собором, утверждавшим величие власти первосвященника армянской церкви, но одновременно и памятником св. Григорию – “просветителю Армении”, его мавзолеем, хранилищем его мощей”: Всеобщая история искусств. Т. 2. М., 1960. С. 78.

² Степанян Н. Указ. соч. С. 222.

³ Ващева И.Ю. «История императора Ираклия» Себеоса: попытка интерпретации // Graphosphera (сборник к 100-летию А.П. Каждана). 3/2. 2023. С. 43-75.

сакральной значимости. В этой ситуации Себеос подводит читателя к мысли о том, что вместе с переносом Креста перемещается и центр (христианского) мира.

Именно в этом контексте строительство Звартноца обретает свой полный смысл. Если земной Иерусалим утратил свою роль, то его место должен был заменить новый духовный центр, локализованный в Армении. В условиях утраты Иерусалимом и Крестом Господним своей сакральной значимости Звартноц становится зримым воплощением «Нового Иерусалима» – нового духовного центра мира, смещенного в землю праведных, верных заветам – Армению. Его архитектура, пронизанная символами Откровения – от Орлов-Евангелистов до Древа Жизни, – провозглашает Армению и ее народ не пассивными жертвами истории, но новым избранным народом, хранителем истинной веры и прообразом грядущего Царствия Небесного. Звартноц оказывается не храмом конца, а храмом обетования: спасение – в верности, а новый центр мира – там, где пребывает эта верность. А замысел Нерсеса III оказывается не просто архитектурным новаторством, но смелой богословско-политической декларацией, утверждающей Армению и ее Церковь в роли нового сакрального ядра христианской ойкумены в преддверии грядущего Царствия Небесного.

**"THE CITY DESCENDING FROM HEAVEN":
TOWARDS THE INTERPRETATION OF THE SYMBOLIC LANGUAGE
OF 7TH-CENTURY ARMENIAN CHURCH ARCHITECTURE**

I.Yu. Vashcheva (Nizhny Novgorod)

The article offers a comprehensive analysis of the main architectural monument of 7th-century Armenia, the Zvartnots Cathedral (643–652), as a holistic theological statement, formed in the context of the eschatological mood of the 7th century. The article examines the cathedral's architectural features, its iconographic program, liturgical practice, and the etymology of its name, in parallel with the Babylonian concept of "axis mundi." The author advances the thesis that architectural form during this period was conceived not only as a functional space for liturgy but also as a complex theological text embodied in stone. The symbolic language of this architecture is interpreted through the prism of the concept of the "City Descending from Heaven" – the ideal Heavenly Jerusalem, which descends to earth within the cathedral's sacred topography.

Keywords: Armenian architecture, 7th century, Zvartnots temple, Nerses III the Builder, Tower of Babel, axis mundi, 7th century apocalypticism, Sebeos, Heavenly Jerusalem.

ИСТОРИЯ ЦЕРКОВНЫХ СОБОРОВ В ИТАЛИИ В IV-V ВВ.

протоиерей В.В. Говоров (Белгород)

История церковных соборов IV и V столетия несомненно связано с территорией могущественной Римской империи, располагавшейся на территориях Европы, Азии и Африки. И неразрывно с Римской империей связана история Вселенских соборов, сформулировавших догматические истины церковного учения. Именно в период эпохи Вселенских соборов проходят известные церковные соборы на территории Италии,

внесшие существенный вклад в развитие церковного богослужения, права и правильного понимания христианского вероучения. В свою очередь, проведение соборных заседаний неразрывно связано с известными именами Отцов раннехристианской Церкви – святителей Афанасия Александрийского и Амвросия Медиоланского.

Ключевые слова: Римская империя; Вселенские соборы; церковное учение; Италия; право; богослужение; Отцы раннехристианской Церкви; святители; Афанасий Александрийский; Амвросий Медиоланский.

События церковной истории IV-V вв. отчётливо показывают динамику отношения государственной власти к христианской вере. Как известно, первые годы IV столетия охарактеризованы периодом страшных гонений на представителей христианской веры. Императоры Римской империи Диоклетиан (284-305) и Максимиан (284-305) крайне враждебно относились к тому обществу, которое не принимало языческую веру, ввиду её лживости и тщетности. Начиная с преемника лютых гонителей Диоклетиана и Максимиана, императора Константина Великого (306-337), Церковь постепенно обретает свободу и перестаёт быть преследуемой со стороны императорской власти. Миланский эдикт 313 г. – важная хронологическая дата в истории Христианской Церкви. Начиная именно с этого события, Церковь вступает в новый период своей истории «Эпохи Вселенских Соборов». Именно в IV в. на территории Римской империи проходят важные события, должным образом внесшие существенный вклад в развитие христианского вероучения и в борьбе с ложными течениями – ересями.

Прежде чем рассматривать итальянские церковные соборы, мы должны в нескольких словах описать ситуацию в церковной среде, складывающуюся на территории всей Римской империи.

IV-V вв. – эпоха развития христианской догматики, выразившейся в решениях Вселенских соборов и соборов, проведённых в отдельных Поместных Церквях.

Основополагающим событием в истории Вселенских соборов принято считать I Вселенский собор, состоявшийся в 325 г. в городе Никее, в присутствии императора Константина Великого. Поводом для созыва такого масштабного собрания стало активное распространение учения Ария, осознанно утверждавшего, что «Иисус есть творение», а не Богочеловек. В ходе длительных споров и диспутов, участники Собора постановили: Второе Лицо Святой Троицы «единосущно (ὁμοούσιος) Отцу». Тем самым, утверждая, что «Сын является тем же самым Богом по сущности, что и Отец: «Бог от Бога»»¹. В результате, было сформулировано исповедание веры, именуемое «Никейский Символ веры».

Помимо осуждения ереси Ария, Никейский собор 325 г. утвердил время празднования Святой Пасхи. Она должна праздноваться в первое воскресенье после весеннего равноденствия. Вопрос празднования Святой Пасхи являлся для императора Константина Великого не менее важным, как и вопрос

¹ *Карташёв А.В.* Вселенские соборы. Минск: Белорусский Экзархат, Харвест, 2008. 639 с.

касательно отношения к учению Ария. Историк В.В. Болотов утверждает: «Константин Великий очень сильно вооружался против обычая праздновать пасху по примеру иудеев. Иудеи могут сказать, – говорил он, – что христиане даже важнейшего своего праздника не могут отпраздновать, не отрешившись от иудейского обычая»¹. Говоря о личностях I Вселенского Собора, то в его деяниях участвовали святители: Афанасий Великий; Николай, архиепископ Мир Ликийских; Спиридон, епископ Тримифунтский и т.д. Деяния Собора оказали существенное влияние на развитие христианской жизни в дальнейшей истории её становления.

В период IV столетия проводился и II Вселенский собор в городе Константинополе в 381 г. при участии императора Феодосия I (379-395). Поводом для созыва собора стало стремительное развитие учения патриарха Константинопольского Македония. Патриарх Македоний отрицал Божество Святого Духа, считая его сотворенной Силой, подобной Ангелам. В ходе обсуждений, отцами II Вселенского собора было постановлено, что «Святой Дух – есть Господь Животворящий, исходящий от Отца»². Символ веры, принятый на I Вселенском соборе, был дополнен вставкой о Святом Духе и уже окончательно был сформулирован как Никео-Цареградский Символ веры. Историк А.В. Карташёв говорит об этом следующее: «Лишь спустя ряд столетий было бесспорно признано вселенское достоинство как самого II Константинопольского собора 381 г., так и связываемого с ним ныне символа веры...»³.

Также в решение Константинопольского Собора 381 г. вошли вопросы, касающиеся функций церковного суда. Более того, Собор подтвердил высокий статус патриарха Константинопольского по чести и авторитету, как второго после Римского епископа. И говоря о равноправии епископов, стоит также указать и тот факт, что II Вселенский собор подтвердил запрет епископам одной Поместной Церкви вмешиваться в дела другой Поместной Церкви.

Рассмотрев Вселенские соборы IV в., переходим к изучению Вселенских соборов V столетия. Как известно, V в. характеризуется дальнейшей эпохой Вселенских соборов. В 431 г. в Эфесе и в 451 г. в Халкидоне проходят два собора, ознаменовавших борьбу с учениями Нестория, считавшего Богородицу «Христородицей», и Евтихия, настоятельно утверждавшего, что «во Христе присутствует только божественная природа». В результате, «Несторий и поддерживающие его епископы отказываются явиться на собор, на котором анафематствуют Нестория, без участия последнего в нём»⁴.

¹ Болотов В.И. Лекции по истории Древней Церкви. Том 3. История церкви в период Вселенских Соборов (I. Церковь и государство. II. Церковный строй). СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. 340 с.

² Петр (ЛЮилье), архиеп. Правила первых четырех Вселенских Соборов. М.: Сретенский монастырь; Московская Духовная академия, 2005. 526 с.

³ Карташёв А.В. Вселенские соборы. Минск: Изд. Белорусский Экзархат, Харвест, 2008.

⁴ Храпов А.В., Асмус В., прот., Цыпин В., прот. Вселенский III собор // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. IX. С. 588-596.

Обобщая решения Эфесского и Халкидонского соборов, стоит привести высказывание преподобного Никодима Святогорца, ссылающегося на документы соборных заседаний. Преподобный Никодим лишь подтверждает итоги соборов: «Анафема Несторию, и тому, кто не называет Святую Марию Богородицей, и тому, кто разделяет одного Сына Единородного, а также анафематствовав Евтихия и всякую ересь»¹. В свою очередь, известный церковный историк А.П. Лебедев в книге «Вселенские соборы IV и V веков: Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской» лишь подтверждает атмосферу, царившую на соборе 451 г., подчёркивая, что «собор оставил неприкосновенным общий Символ первого, Никейского, и второго, Константинопольского, Соборов, предав анафеме тех, кто дерзнет добавить к нему или устранить из него что-либо»².

Говоря о соборах, проведенных на территории Италии в период IV-V столетий, несомненно, стоит отметить, факт того, что в подавляющем большинстве они проходили в городе Риме в одном из двух крупнейших храмов: 1) в базилике св. Иоанна Крестителя в Латеране; 2) в базилике св. Петра в Ватикане.

На протяжении данного времени было проведено свыше десяти соборных заседаний. Обобщая временные рамки соборных деяний периода IV-V вв., стоит разделить эти события на три периода:

I период – Итальянские соборы времён святителя Афанасия Великого;

II период – Итальянские соборы времён святителя Амвросия Медиоланского;

III период – Итальянские соборы, проведенные в момент возвышения Римского престола в V в.

Говоря о I периоде Римских соборов, несомненно стоит акцентировать внимание на личности святителя Афанасия Великого – защитника христианского учения от лжеучений и ересей. Именно, святитель Афанасий является одним из Отцов Церкви, активно занимавшихся развитием догматической науки и становлением христианского вероучения. Большая доля его деятельности связана с непрерывной борьбой с арианством – ересью, опровергавшей единство Святой Троицы. Именно, благодаря активной роли святителя Афанасия и удалось принять Никейский Символ веры. Также, святитель негативно относился к представителям арианской ереси, тем самым препятствуя им вступать в число верующих Александрийской Церкви. Его жизнь не была простой и по большей части, он неоднократно находился в изгнании и лишениях со стороны властей, поддерживавших еретические лжеучения.

¹ Пидалион: Правила Православной Церкви с толкованиями: в 4 т.: пер. с греч. Т. 2: Правила Вселенских соборов. Екатеринбург: Изд-во Александро-Невского Новотихвинского женского монастыря, 2019. 424 с.

² Лебедев А.П. История Вселенских соборов. Сергиев Посад: 2-я тип. А.И. Снегиревой, 1896. Часть I: Вселенские соборы IV и V веков. 321 с.

В отношении духовного наследия святителя Афанасия Великого стоит упомянуть его немалочисленные комментарии к Священному Писанию; сочинения касательно апологетики и догматики; слова; беседы и наставления. Во многом, его труды, несомненно были направлены на борьбу с арианством.

В список Римских соборов, проведенных в период архиерейства Афанасия Александрийского, стоит отнести:

- Римский собор 340 г.;
- Медиоланские соборы 346 г. и 348 г.; Медиоланский собор 355 г.; Ариминский собор 359-360 гг.

Как ранее нами было акцентировано, святитель Афанасий активно занимался противодействием ереси Ария на территории Римской империи. Именно поэтому, в 340 г. в Риме проходит собор епископов в составе пятидесяти человек под председательством папы Римского Юлия I. Результатом работы данного собора стала реабилитация святителя Афанасия и Маркелла, епископа Анкирского и возвращение их на свои архиерейские кафедры. Также была подтверждена непоколебимость постановлений Никейского собора 325 г. и общеобязательность исполнения его постановлений.

Соборы 346 и 348 гг., проходившие в городе Медиолане, ставили целью своего проведения примирение Римского епископа Юлия I с епископами, придерживавшимися арианского учения. В результате, собор 346 г. осудил деятельность епископа Фотина Сирмийского. Собор 348 г. лишь дополнительно подтвердил осуждение Фотина и, тем самым, лишил его архиерейского сана.

Спустя несколько лет, в том же городе Медиолане в 355 г. проходит новый собор епископов, целью которого стало разрешение споров и разногласий между христианами и представителями арианской ереси. Итогом заседания собора стала отправка святителя Афанасия Александрийского и его сторонников в ссылку и победа ариан, позволившая им ненадолго восстановить своё влияние на императорскую власть.

Спустя три года, в 359 г. на территории города Аримина, императором Констанцием II созывается новый собор, ставивший своей задачей разрешение разногласий, касательно арианского вопроса. Согласно предположениям, изложенным в исследовании Г.Е. Захарова, «можно с полной уверенностью утверждать, что совещание проходило в присутствии и при активном участии императора Констанция. Об этом свидетельствует сама преамбула четвертой сирмийской формулы: «Изложена кафолическая вера в присутствии государя нашего благочестивейшего и победоносного василевса Констанция Августа, вечного, досточтимого...»¹. Именно поэтому, несмотря на первоначальное осуждение еретического учения представителей арианской ереси, Собор под угрозой Констанция принял арианскую версию Символа веры, впоследствии

¹ Захаров Г.Е. Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV – начало V в.). М.: ПСТГУ, 2014. 373 с.

считавшуюся основным исповеданием веры западных ариан до VIII столетия. На Ариминском соборе 359-360 гг. оканчивается эпоха Итальянских соборов времён святителя Афанасия Великого.

Спустя несколько десятилетий в западной Церкви появляется новый богослов — святитель Амвросий Медиоланский. Говоря о жизни и деятельности епископа Амвросия, стоит отметить факт его хорошего знакомства с римской и греческой литературой, а также его широкой компетентности в римском праве. Вся его святительская деятельность была направлена на защиту христианского вероучения от лжеучений, в частности, от вышеуказанного арианства. Его патристические труды, в основном, были направлены на толкование мест Священного Писания и раскрытие догматических истин. Также стоит учесть и важную роль святителя Амвросия в развитие церковной гимнографии. Его авторству принадлежит свыше десятка гимнов, используемых в богослужении.

Одним из первых дел Итальянских соборов времён святителя Амвросия Медиоланского стало дело девы из Вероны, Индиции, обвиняемой в нарушении обета целомудрия. В результате, Собор под председательством епископа Амвросия отверг обвинения в адрес Индиции, а клеветников подверг осуждению.

Год спустя, в 381 г., проходит Аквилейский собор, рассматривавший состоятельность обвинений арианской ереси в отношении епископа Иллирийского Палладия. На соборе присутствовали епископы из разных частей Римской империи: Африки, Галлии, Иллирии и Италии. В конечном счёте, Собор осудил епископа Палладия и его сторонников, сместив их с епископских кафедр и предав анафеме.

В 393 г. в Медиолане снова проходят соборные заседания, рассматривавшие дело Иовиниана, отрицавшего необходимость монашеской жизни, постов и критиковавшего учение о первородном грехе. Также, в осуждение ему, вменялось отрицание Приснодевства Пресвятой Богородицы. На немногочисленном соборе взгляды Иовиниана были осуждены, а сам он был изгнан из города.

Собор 398 г., проходивший в Турине, был связан с церковно-административным делением. В вопросы его компетенции вошли: спор кафедр Вьенны и Арелата за митрополичий статус и законность митрополичьего ранга Прокула Массилийского. В обоих случаях вопрос был решён положительно. Епископы кафедр Вьенны и Арелата получили статус митрополитов, а ранг митрополита Прокула Массилийского был дополнительно подтверждён. Эпоха святителя Амвросия Медиоланского сменяется на эпоху возвышения Римского престола в диптихе Поместных Церквей.

Переходя к истории Поместных соборов, проходивших на территории Италии в V в., мы непременно увидим факт возвышения Римского патриаршего престола. По большому счёту, предпосылкой для усиления его влияния в среде Поместных Церквей стал политический статус Рима, являвшегося императорской резиденцией правителя Западной империи. Более того, понимание высокого положения Рима было связано и с тем, что

в той же западной части империи именно Рим являлся единственной кафедрой, основанной во времена апостолов. А если Рим был основан в апостольские времена, а именно первоверховным апостолом Петром, то непременно это сказывалось на его положении. По словам историка Е. Гергея, «именно с конца IV века и на протяжении всего V века папы все решительнее выступали за утверждение примата Рима. В то время они направляли основные усилия скорее на детальную теоретическую разработку принципа примата, чем на практическую его реализацию. Собор в Халкидоне одновременно с восстановлением единства вероучения сделал новый шаг навстречу размежеванию восточной и западной церквей. Император добился того, что 28-й канон собора провозглашал: Константинополю на Востоке положено занимать первое место, его епископ по рангу и авторитету стоит наравне с Римом. Таким образом, ранги Константинополя и Рима стали равными»¹.

Несмотря на равноправие патриарших престолов Константинополя и Рима, последний всячески старался не соблюдать это равноправие. Наоборот, Римский престол старался и получить главенство в решении государственных дел. Нередко бывало, что папы ставили под сомнение необходимость императорской власти и многократно принимали политические решения в индивидуальном порядке, отвергая необходимость согласования решения с императором.

V век наполнен хронологией следующих соборов:

- Медиоланский собор 451 г.;
- Римский собор 465 г.;
- Римский собор 499 г.

Медиоланский собор 451 г. является важным звеном в борьбе с ересью Евтихия. Именно отцы Медиоланского собора 451 г. под председательством святителя Евсевия Медиоланского должным образом осудили распространявшуюся ересь, и тем самым направили своё решение на утверждение Константинопольскому патриарху Флавиану.

В 465 г. в самом городе Риме проходит собор под председательством епископа Римского Илария, в составе 48 участников. Причиной созыва данного соборного совещания стали неканонические действия епископа города Калагуррис, Сильвана. Епископ Сильван, не имея законного права, в самоличном порядке рукополагал епископов на разные кафедры, не согласовывая данный вопрос с папской властью и отвергая апостольские правила. В результате, сам Сильван был осуждён, а отцы собора утвердили запрет любому епископу назначать себе при жизни преемника.

В 499 г. в том же городе Риме проходит собор, созданный папой Симмахом. Поводом для его созыва стала борьба за папский престол между архидиаконом Симмахом, избранным папой, и архипресвитером Лаврентием, также избранным римским епископом. Междоусобица двух оппонентов вылилась в кровавые столкновения между их сторонниками. В результате

¹ Гергей Е. История папства. М.: Республика, 1996.

собора позиции папы Симмаха были укреплены, а соборные решения собора 499 г. подтвердили незыблемость решений собора 465 г. о категорическом запрете епископу назначать себе преемника и о суровом наказании тех, кто нарушит данный запрет, лишая их священного сана.

Важно отметить, что V столетие характеризуется стремительным падением Западной Римской империи. Из-за ряда политических, экономических, социальных и военных причин, некогда могущественная империя стала стремительно угасать. В результате в 476 г. Рим пал, а сама Западная империя прекратила своё существование. В свою очередь, падение империи существенно повлияло на институт папства. Как ранее было сказано: авторитет римских пап существенно возростал, а они в свою очередь возвысили своё духовное влияние. После 476 года фактически римские понтифики занимались административно-хозяйственной деятельностью Рима. Они решали вопросы благоустройства, снабжения города хлебом. В случае нападения со стороны противника, организовывали оборону.

Подводя итог роли итальянских соборов IV-V вв. в развитии церковной жизни, стоит сказать, что они являлись звеном, способным защищать и сохранять церковное единство того времени. Именно, благодаря большинству соборных деяний Итальянских соборов и формулировалась активная повестка работы Вселенских соборов, опиравшихся на решения соборов нижестоящей инстанции – Поместных соборов.

Большинство решений Итальянских соборов позволили: сформировать правосубъектность церковного суда; определить роль и значение епископа – как главы отдельной кафедры; отметить несостоятельность мнения о том, чтобы епископ сам назначал себе преемника, и т.д. По своей сути, решения, как Вселенских, так и Итальянских соборов – есть общее, единое мнение Церкви, выраженное через её представителей – епископов, являющихся непосредственными преемниками Святых Апостолов.

THE HISTORY OF CHURCH COUNCILS IN ITALY IN THE IV-V CENTURIES

V.V. Govorov, archpriest (Belgorod)

The history of the church councils of the fourth and fifth centuries is undoubtedly connected with the territory of the powerful Roman Empire, which was located in Europe, Asia and Africa. And the history of the Ecumenical Councils, which formulated the dogmatic truths of church teaching, is inextricably linked with the Roman Empire. It is during the era of the Ecumenical Councils that famous church councils take place in Italy, which have made a significant contribution to the development of church worship, law and a correct understanding of the Christian faith. In turn, the holding of council meetings is inextricably linked with the famous names of the Fathers of the early Christian Church – Saints Athanasius of Alexandria and Ambrose of Milan.

Keywords: Roman Empire; Ecumenical Councils; church doctrine; Italy; law; worship; Fathers of the Early Christian Church; saints; Athanasius of Alexandria; Ambrose of Milan.

УТОЧНЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ГОРОДОВ В «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ФЕОДОРИТА КИРСКОГО

Д.А. Гоголев (Тюмень)

В статье представлен анализ употреблений названий городов, связанных с именами церковных иерархов, в «Церковной истории» Феодорита Кирского. Выделены несколько типов упоминаний городов. В одних случаях название города выступает частью имени религиозного деятеля без уточнений, в других случаях содержится детализирующая информация.

Ключевые слова: Феодорит Кирский, одноименные города, географические уточнения, церковные иерархи.

Сведения различного характера, касающиеся значительного количества городов, сохранились в трудах многих античных писателей. В сочинении Феодорита Кирского «Церковная история» содержатся упоминания о более чем 60 поселениях, большинство из которых являлись городами, а около 20 из них обозначались термином полис¹. Некоторые относятся к одноименным городам, расположенным в разных частях античного мира: Александрия, Антиохия, Бероя, Гераклея, Кесария, Селевкия².

В труде Феодорита неоднократно можно столкнуться с ситуацией, когда название одного и того же города, связанного с именем церковного иерарха, присутствует в тексте в двух вариантах: в первом – с детализацией, прежде всего, географического характера, а во втором – без нее. Далее приводится список таких городов.

Александрия являлась крупнейшим городом Египта. Дополнение, касающееся региона ее нахождения – Египта – встречается однократно и связано с известным религиозным деятелем – Арием: «Ἀρείος τε γάρ, Ἀλεξανδρείας τῆς Αἰγυπτίας πρεσβύτερος ὢν» (286.5³). Во всех остальных случаях, когда речь идет о епископах Александрии, детализация отсутствует.

В случае с Анкирой присутствует прежде всего имя церковного иерарха с добавлением названия города: «Μαρκέλλου Ἀγκυρογαλατίας» (102.10; 103.3; 110.18), в расширенном виде – «Μάρκελλος ὁ Ἀγκύρας τῆς Γαλατῶν μητροπόλεως» (100.19); «Βασίλειον τὸν ἐν Ἀγκύρᾳ» (111.5); «Λεόντιον τὸν Ἀγκύρας» (331.3); встречается и уточнение, используемое отдельно от имени

¹ См.: Гоголев Д.А. Поселения, названные городами, в «Церковной истории» Феодорита Кирского // *Via in tempore. История. Политология.* 2020. 47(1). С. 47-53.

² Важность географических уточнений применительно к названиям одноименных городов неоднократно отмечалась в исследованиях. См.: Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Таврике // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* Вып. 2. Симферополь, 1991. С. 119-122; Косоуров Д.А. К вопросу о церковном статусе и религиозной ситуации в византийской феме Иверия // *Вестник Пермского университета. История.* 2022. № 2(57). С. 14-22; Сапрыкин С.Ю. Новая Митридатовская катойкия на Боспоре // *Вестник древней истории.* 2006. № 2. С. 79-96.

³ Здесь и далее ссылки на издание: Theodoret. Kirchengeschichte / Hrsg. von L. Parmentier, bearb. von F. Scheidweiler. Berlin: Akademie-Verlag, 1956. XXIX+445 S.

иерарха – «Ἀγκύρας μὲν τῆς Γαλατῶν μητροπόλεως» (156.5-6). Примечательно, что автор «Церковной истории» счел необходимым внести дополнение, относящееся к провинции Галатия, хотя в античности был известен один город с таким именем.

Церковные деятели Антиохии в Сирии названы в тексте «Церковной истории» без уточнений: Филогоний, предстоятель церкви антиохийской, Стефан, Мелетий, Флавиан, Александр, Феодот. Во всех случаях подразумевалось, что речь идет о самом известной из Антихий – Антиохии-на-Оронте, Антиохии Великой. Несмотря на это, в одном случае и отдельно от имен иерархов присутствует дополнение «Ἀντιοχεία τῆς Συρίας» (293.25).

Среди религиозных деятелей из других центров с именем Антиохия в «Церковной истории» упоминается Иаков, «епископ Антиохии мигдонской, которую сирияне называют Низибою»¹ (I,7) («Ἰάκωβος μὲν γὰρ ὁ Ἀντιοχείας τῆς Μυγδονίας (Σύροι δὲ αὐτὴν καὶ Ἀσσύριοι Νίσιβιν ὀνομάζουσι)» (31.2-4). Несомненно, автору потребовалось внести дополнение, благодаря которому становилось понятным, что речь идет о городе Антиохия в Месопотамии, в регионе Мигдония.

Города с именем Бероя, упоминавшиеся в «Церковной истории», располагались на разных территориях – во Фракии и в Сирии. Уточнение, касающееся места, относится и к Берое фракийской – «Δημόφιλος ὁ Βερόης τῆς Θράκης» (349.11), и к расположенному на Ближнем Востоке городу – епископ Акакий имел свою паству в «сирском городе Берозе» (V,24) («Ἀκάκιος, ὁ Βεροίας μὲν τῆς ἐν Συρίᾳ πόλεως») (323.20-21).

Из многочисленных Гераклея в тексте источника встречается лишь название города во Фракии. Оно присутствует исключительно в имени иерарха в двух вариантах: «Θεόδωρος ἂπὸ Ἡρακλείας» (109.11) и с добавлением названия провинции Европа – «Θεόδωρον τὸν ἀπὸ Ἡρακλείας τῆς Εὐρώπης» (111.9). Перинф, бывшее название Гераклеи, встречается применительно к епископу Феодору, но с оговоркой, что город, с которым он связан, теперь называется Гераклеей: «Ἡράκλειαν δὲ νυνὶ τὴν Πέρινθον ὀνομάζουσιν» (82.16), «Θεόδωρος ὁ Πέρινθιος» (97.11-12), «Ἡρακλεώ τὴν δὲ αὐτὸν ὀνομάζουσιν οἱ πολλοί» (97.13-14). Еще в двух местах имя епископа встречается в форме без уточнений – Феодор Перинфский (87.16-17; 286.11).

Достаточно обширная конкретизация имеется в отношении города Иринополь: «Наркис, епископ Неронии, бывшей городом второй Киликии и называемой ныне Иринополем» (I,7) («ἐπίσκοπος ὢν καὶ ὁ Νερωνιάδος Νάρκισσος (Κιλικίας δὲ τῆς δευτέρας ἢ Νερωνιάς ἐστὶ πόλις ἣν νῦν Εἰρηνούπολιν ὀνομάζομεν)» (33.1-3). Ниже этот же церковный деятель именуется по-другому – «Νάρκισσος ἀπὸ Νερωνιάδος τῆς Κιλικίας» (109.11), «Νάρκισσον τὸν ἀπὸ Νερωνιάδος τῆς Κιλικίας» (111.10), т.е. без указания на более позднее имя города – Иринополь.

¹ Здесь и далее цитирование русского перевода по изданию: Феодорит Кирский. Церковная история. М.: Российская политическая энциклопедия; Православное товарищество «Колокол», 1993. 239 с.

В античном мире существовало немало городов с именем Кесария, однако у Феодорита можно обнаружить описания, связанные с Кесарией в Каппадокии (242.24), и – значительно больше – с Кесарией в Палестине. В одних случаях имя города в составе имени иерарха присутствует без уточнений, например, когда это касается Евсевия, епископа Кесарии. В других местах, связанных с Акакием, кесарийским епископом, можно встретить упоминание о нем как «Ἀκάκιον τὸν ἀπὸ "Καίσαρείας τῆς Παλαιστίνης» (111.10-11), так и «Ἀκάκιος ὁ Καίσαρείας» (172.3-4). Указание на регион присутствует в имени еще одного пастыря этого центра – «Γελάσιος ὁ Καίσαρείας τῆς Παλαιστίνης» (288.2).

Античный город Мурса, современный Осиек в Хорватии, известен тем, что около него в 351 г. произошла битва между армиями во главе с императором Констанцием II и войсками, поддерживающими узурпатора Магненция. В «Церковной истории» дважды упомянут епископ Мурсы Валент с уточняющей информацией, касающейся названия провинции – Паннония: «Οὐάλης ἀπὸ Μυρσοῦ τῆς Παννονίας» (109.14), «Οὐάλεντα τὸν ἀπὸ "Μυρσῶν τῆς Παννονίας» (111.12-13). Примечательно, что пояснение было использовано не с целью отличить данный город от других одноименных центров, которых не существовало. Это, скорее всего, делалось для того, чтобы читатель имел возможность представить его местоположение.

Город Птолемаида являлся крупным позднеантичным центром в Египте. Его название в книге Феодорита встречается и с географическим уточнением – «ὁ Πτολεμαῖδος τῆς Αἰγυπτίας Σεκοῦνδος» (33.4), и без него – «Σεκοῦνδον τὸν ἀπὸ Πτολεμαῖδος» (39.13).

Сингидон, современный Белград, упомянут в связи с именем епископа этого города Урзакия. В обоих случаях присутствует дополнение географического характера – «Σιγγιδούνου τῆς Μυσίας» (109.14; 111.12).

Имя Эфеса, древнего городского центра на западе Малой Азии, в тексте труда церковного историка использовано как часть имени епископа Минофанта. Лишь в одном из трех случаев можно встретить уточняющую деталь, касающуюся провинции Азия – «Μηνόφαντος ἀπὸ Ἐφέσου τῆς Ἀσίας» (109.13).

Следует подчеркнуть, что названия 10 поселений, часть из которых представлена выше, упоминаются в тексте «Церковной истории» исключительно в составе имен церковных деятелей: Аназарб, Кордова, Мопсуестия, Мурса, Птолемаида, Сингидун, Скифополь, Триполи, Халкидон, Эфес.

В заключение необходимо сделать следующие выводы:

1. В «Церковной истории» Феодорита Кирского можно выделить несколько типов упоминаний городов, связанных с именами церковных иерархов:

– название города является частью имени церковного иерарха без каких-либо уточнений. Речь должна идти о таких случаях, когда читатели могли без труда идентифицировать названия упоминаемых городских центров;

– к имени города добавлено название провинции, области, региона. Это было обусловлено необходимостью различить одноименные города;

– помимо действующего названия города приводятся и их бывшие имена (Нерония → Иринополь, Перинф → Гераклея).

2. Феодорит уточняет местоположение даже тех городов, название которых невозможно спутать с другими из-за отсутствия одноименных поселений (Анкира, Мурса, Никея). Это можно объяснить стремлением автора обеспечить понимание читателями места действия.

CLARIFICATIONS IN THE NAMES OF CITIES IN THE «CHURCH HISTORY» OF THEODORET OF CYRUS

D.A. Gogolev (Tyumen)

The article presents an analysis of the use of city names associated with the names of church hierarchs in the «Church History» of Theodoret of Cyrus. Several types of city references are identified. In some cases, the city name appears as part of the religious figure's name without further elaboration, while in others, it contains detailed information.

Key words: Theodoret of Cyrus, cities of the same name, geographical clarifications, church hierarchs.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИГРАФИЯ В УТОПИИ ИЕЗЕКИИЛЯ

Э.М. Егизарян (Заокский)

Данная статья посвящена исследованию утопической программы пророка Иезекииля на предмет социальной структуры обновлённого после вавилонского плена общества. Обсуждается проблема жанра Утопии и природы самого текста Иезекииля 40–48. Особое внимание уделяется фигуре князя и отношению к иноземцам в обновлённом обществе.

Ключевые слова: утопия, Иезекииль, общество, социальная структура.

Утопией принято называть заключительную часть (40–48 главы) книги пророка Иезекииля – еврейского пророка, оказавшегося в плену во время переселения тысяч евреев в Вавилон в 597 году до н.э. На долю пророка выпала трудная миссия обличения народа за идолопоклонство; он, как пророк и священник, должен был ответить на сложные, в том числе теологические, вопросы о том, почему было допущено разрушение столицы Иудейского царства – Иерусалима, и религиозного центра яхвизма – Храма. Однако, помимо обличений пророк вдохновляет пленников и даёт надежду. Эта надежда, в основном, и содержится в завершающей части книги Иезекииля.

Структура книги. В своё время в учёном мире состоялась дискуссия в отношении структуры всей книги Иезекииля. Не вдаваясь в подробности, которым в данной статье нет возможности уделить внимание, можно сказать лишь то, что ряд учёных высказали идею, что в книге Иезекииля не существует никакой «симметрии»¹.

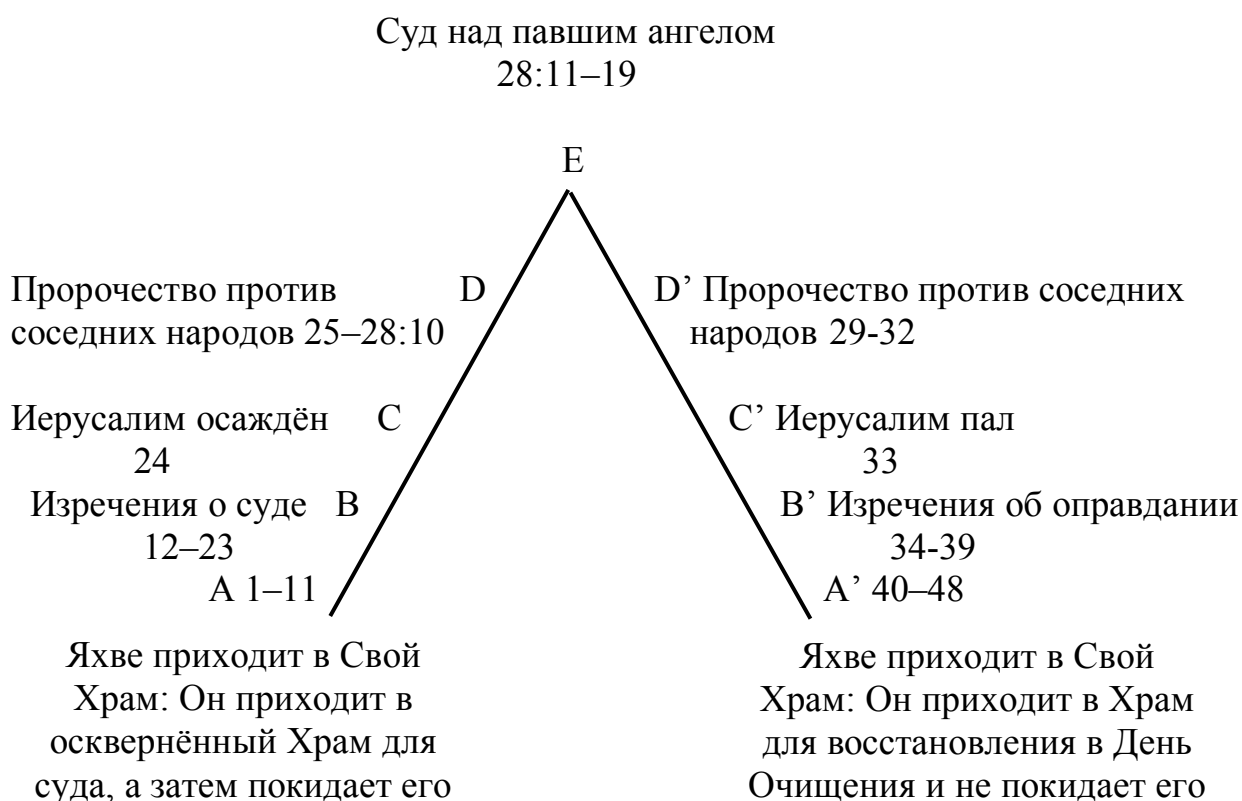
¹ См. позицию Дорси: *Dorsey, David A. The Literary Structures of the Old Testament: A Commentary on Genesis–Malachi*. Grand Rapids, MI: Baker Books, 1999. С. 253–258. Например, на стр. 258 автор подчёркивает, что: «книга не выстроена в общей симметрии», поэтому всю книгу он делит на определённые разделы: 1–7, 8–13, 14–19, 20–24, 25–32, 33–39 и 40–48.

Однако нужно признать, что самое глубокое на сегодняшний день исследование литературной структуры книги Иезекииля представил Ричард Дэвидсон¹. Он увидел в книге хиастическую структуру², которая проходит по всему произведению пророка.

Дэвидсон выделил центр структуры (28:11–19), а последняя её часть (40–48), согласно правилам такой хиастической структуры, закономерно параллельна первой части книги (1–11 главы).

И если в первой части (1–11) Бог приходит в Свой Храм для суда и после его осквернения покидает его, то в заключительной части (40–48) Бог приходит в Свой Храм чтобы восстановить его и больше никогда его не покидать.

Вот как это выглядит в схеме Ричарда Дэвидсона³:

Таким образом заключительная часть книги Иезекииля посвящена не просто восстановлению жизни после плена, здесь представлена пророческая

¹ Davidson, Richard M. The Chiastic Literary Structure of the Book of Ezekiel // To Understand the Scriptures: Essays in Honor of William H. Shea. Berrien Springs, MI: Institute of Archaeology/Siegfried H. Horn Archaeological Museum, 1997. P. 71–93.

² Хиастическая структура (или хиазм, происходит от греческой буквы χ) – является «одной из самых значительных стилистических форм в библейской литературе». См. Протоиерей Джон Брек. Хиазм в Священном Писании. М.: Изд-во Общедоступного Православного Университета, основанного протоиереем Александром Менем, 2004. С. 25. Смысл хиазма многозначен, однако «общим знаменателем... является симметричная структура, включающая какую-либо форму инверсии: обратный порядок слов в симметричных строках» Там же.

³ Davidson, Richard M. Op. cit. P. 75.

мечта о возвращении Яхве в новый город и Храм. Однако в этом довольно большом отрывке реальность граничит с несколько фантастическими нотами, поэтому этот текст среди библеистов принято называть Утопией Иезекииля.

Жанр текста. Визионерские и пророческие писания священника Иезекииля 40–48 долгое время не поддавались литературной классификации. До сих пор нет единого мнения относительно природы этих текстов¹. Тем не менее, важно отметить, что, будучи священником из рода Цадока и одновременно пророком в изгнании, Иезекииль писал как в пророческом/визионерском, так и в священническом/юридическом ключе². И действительно, в его книге пророческие жанры явно демонстрируют признаки влияния жречества, и наоборот³.

Изучаемый нами текст представляет собой «архетипическое видение мира, сосредоточенного на храме»⁴. Учитывая, что предыдущие две главы повествуют о войне Гога из земли Магог, а эта война является олицетворением апокалиптического завершения мира (ср. Откр. 20⁵), то отрывок 40–48 вполне соответствует жанру, известному как утопическая литература.

Эти главы представляют собой микрокосм творения, здесь в рамках святой земли происходит пересотворение на локальном уровне, и эта земля становится неким образцом мира. Этот микромир систематизирован и сосредоточен на Храме.

Святость храмового пространства подчёркивается и усугубляется геометрической и числовой точностью измерений его стен и различных помещений. Такие измерения, как правило, присущи именно апокалиптической литературе (ср. Зах. 2:1, 2; Откр. 21:15–17). Вместе с тем, называя этот отрывок «утопией», нельзя забывать, что измерения во всём древнем обществе представляли собой символ благоустройства и упорядочения; глагол *md* («измерять») и существительное *midda* («мера, измерение») в пророческих текстах обозначают будущее обустройство Израиля и Иерусалима. Поэтому «измерение – действие Божье для демонстрации того, что существующее в замыслах Божьих будет

¹ К сожалению, в рамках данной статьи нет возможности подробно говорить о всех аспектах этой «утопии» и о том, является ли этот текст утопией в действительности. Проблема заключается ещё и в том, к какому жанру отнести предыдущие две главы (38 и 39) Иезекииля. Учёные дискутируют о том, является ли эта часть эсхатологической.

² *Evans, John F.* An Inner-Biblical Interpretation of Ezekiel's Recognition Formulae with the Book of Exodus. PhD diss. University of Stellenbosch, 2006. P. 31.

³ *Cook, Stephen L.* Ezekiel 38–48. AYB. New Haven; London: Yale University Press, 2018. P. 4.

⁴ *Ibid.*

⁵ Здесь важно отметить, что числовой эквивалент в еврейском языке выражения Гог и Магог, о чём идёт речь в Откровении Иоанна, равен 70, а это число равно количеству народов, которые перечисляются в книге Бытие 10 как потомки патриарха Ноя. Таким образом апокалиптическая война подразумевает, с одной стороны, последователей Бога, а с другой – последователей всех народов мира.

осуществлено, хотя этого нет ещё в природе»¹. В таких текстах протология становится эсхатологией, то, что было в истории изначально (*Urzeit*) повторяется в последние времена (*Endzeit*)², однако это повторение имеет тенденцию к расширению в масштабах.

Таким образом, обращая внимание на эту утопию, или, говоря иначе, «мечту пророка», необходимо сосредоточиться на тех социальных стратах, которые пророк решил выделить в качестве основных, поскольку таким образом он говорит нам о том, как он представляет идеальное общество.

Социальные страты. Прежде всего здесь стоит упомянуть важную статью Уолтера Циммерли о «программе» Иезекииля 40–48, в которой автор выдвигает тезис о «благословении нулевого пункта»³. В данном случае «нулевой пункт» – это время радикального краха, которое может стать временем новых возможностей для тех, кто сумеет пережить эти времена. Такой нулевой пункт открывает возможности для пересмотра прежних ошибок и создания чего-то нового. Тезис Циммерли очень важен особенно в контексте планов по реставрации общества после плена. Такой реставрацией видится текст Иезекииля 40–48, хотя и с признаками утопии.

Здесь нужно отметить очень важную вещь: описание этой утопии начинается с измерения стены и внешнего двора Храма, далее следует описание ворот внутреннего двора и самого Храма. Однако в тексте присутствует важная деталь – вид Храма можно показать в том случае, если народ устыдится своих беззаконий (43:11). По сути, в этом разделе, помимо измерений сакрального пространства и помещений, делается акцент на нескольких важных социальных группах.

Священство. В отношении священства текст Иезекииля (44:4–31) во многом перекликается с текстами пророка Исаии (56; 66)⁴. Однако в отличие от последнего Иезекииль в своей утопии не приветствует участие иноземцев в культовом служении. Кроме того, Иезекииль утверждает, что в служении нового Храма должны принимать участие только потомки священника Цадока (который помазал на царство Соломона, и от которого пошла целая династия священников-цадокидов). Такая постановка вопроса создаёт определённый «конфликт» с представлениями Исаии. Подобная полемичность приводит к определённому выводу: видение пророков относительно некоторых аспектов будущей жизни порой существенно отличалось друг от друга. Здесь «происходит диалог между двумя духовными фракциями, ни одна из которых не является левитами»⁵. Стивен Туелл заметил, что «цадокиды имеют доступ к алтарю; остальные же священники исполняют обязанности во внутреннем

¹ Егизарян, Эдуард. Возрождение после катастрофы. Восемь ночных видений пророка Захарии. Заокский: Источник жизни, 2025. С. 76.

² Cook, Stephen L. Ezekiel 38–48. P. 5.

³ Zimmerli W. Planungen für den Wiederaufbau nach der Katastrophe von 587 // VT. Vol. 18, Fasc. 2 (Apr.). 1968. P. 229.

⁴ В библеистике Ветхого Завета существует представление, что отрывок Исаии 56–66 главы был написан в персидскую эпоху и называется Третье-Исаия.

⁵ Cook, Stephen L. Ezekiel 38–48. P. 17.

дворе и здании Храма»¹. Таким образом в тексте Иезекииля становится заметно отчуждение левитов, низшей категории жречества, от священнодействия. Им позволено лишь быть сторожами и прислужниками храма (см. 44:10–14). Более того, в утопии пророка нет места для первосвященника.

Фигура князя. Исследователи давно заметили, что в своей утопии Иезекииль возвращается к особой, домонархической лексике в описании общественно-политической жизни общества². В связи с социальной структурой общества в утопии пророка особое внимание привлекает к себе фигура князя (евр. *nāśî'*). Самое значительное использование этого термина встречается именно в писаниях пророка Иезекииля. По статистике Иезекииль использует это понятие в своей книге 36 раз, из них не менее 20 раз термин *nāśî'* относится к будущему князю из рода Давида³. При этом, если такие тексты как 34:24 и 37:25 в целом прозрачны для понимания, это тексты мессианского характера, то в отношении *nāśî'* из утопии Иезекииля не всё так гладко. Совершенно очевидно, что этот князь не является Мессией, он отличается от описанного в мессианских текстах. В связи с этим в учёном мире фигура князя из утопии стала довольно дискуссионной.

Например, Чарльз Фейнберг полагает, что он «будущий отпрыск династии Давида, который будет представлять Мессию на государственном уровне в делах земли»⁴. Джейкоб Мильгром и Дэниел Блок отмечают, что *nāśî'* это не культовая фигура, радикально отличающаяся от описаний в 1–39 главах, где *nāśî'* представлен как фигура Давида⁵. Здесь он лишь может наблюдать за принесением в жертву тех животных, которых он привёл в Храм. Стивен Кук поясняет, что, возрождая старый термин *nāśî'*, Иезекииль не отрицает роли Давидова руководства в судьбе Израиля. Однако пророк настаивает на том, что род Давида возвращается к своим скромным и сдержанным корням в племенную эпоху. Власть *nāśî'* строго ограничена, особенно во всех вопросах, касающихся святыни⁶.

Если попытаться обобщить всю деятельность *nāśî'*, то получится такая картина: *nāśî'* стоит во главе государства и от имени народа земли совершает жертвы Яхве (45:16; 45:17; 46:4 и слл.); сам он не является священником; князь не является также мессианской фигурой, возможно, он является неким олицетворением будущего Мессии; он приносит за себя жертву за грех, что говорит о его греховности, поэтому нельзя говорить, что он Мессия (45:22); у князя имеется административный аппарат (46:17), для обеспечения деятельности которого выделяется особая территория (46:16 и слл.; 48:21, 22), чтобы не брать «из наследственного участка народа, вытесняя их из владения их» (46:18; ср. 1 Цар 8:14)⁷.

¹ Tuell, Steven. Ezekiel. NIBCOT. Peabody, MA: Hendrickson, 2009. P. 288.

² Cook, Stephen L. Ezekiel 38–48. P. 204.

³ TWOT, 2:601.

⁴ Feinberg, Charles. The Prophecy of Ezekiel. Moody, 1978. P. 258.

⁵ Milgrom, Jacob; Block, Daniel I. Ezekiel's Hope. A Commentary on Ezekiel 38–48. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2012. P. 134.

⁶ Cook, Stephen L. Ezekiel 38–48. P. 204.

⁷ Егизарян, Эдуард. Иудея библейских времен: религиозно-общинная и повседневная жизнь. М.: ББИ, 2025. С. 116.

Иностранцы. В своё время ещё И.Д. Амусин заметил, что социальная утопия Иезекииля представляет интерес ещё и потому, что в ней предусматривается передел земли и предоставляется возможность для иностранца (евр. *gēr*), вероятно, в третьем поколении, права землевладения¹. Действительно, в отрывке 47:21–23 содержится закон будущего храмового государства о чужеземцах. Вот как звучит этот текст в Синодальном переводе: «И разделите себе землю сию на уделы по коленам Израилевым. И разделите ее по жребию в наследие себе и иноземцам (*gērîm*), живущим у вас, которые родили у вас детей; и они среди сынов Израилевых должны считаться наравне с природными жителями (*'ezrāhîm*), и они с вами войдут в долю среди колен Израилевых. В котором колене живет иноземец (*gēr*), в том и дайте ему наследие его, говорит Господь Бог».

Как уже отмечалось несколько выше, Иезекииль исходит в своём представлении о социальном порядке из ранних дополненных ветхозаветных правил. В данном случае он, вероятно, руководствуется текстом из Второзакония 23:7, 8: «Не гнушайся Идумеянином, ибо он брат твой; не гнушайся Египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его; дети, которые у них родятся, в третьем поколении могут войти в общество Господне». В таком случае «проект Иезекииля был беспрецедентным не только на древнем Востоке, но также и в древней Греции»².

Чужие. В отношении категории людей, которые назывались *nokrî* или *nēkār* (чужестранцы) Иезекииль проявляет особое негодование (44:6–9). Он называет мерзостью введение под кров святилища людей «необрезанных сердцем и необрезанных плотью, чтобы они были в Моем святилище и оскверняли храм Мой» (44:7). Возможно, именно благодаря тексту Иезекииля в более позднюю эпоху Ездры и Неемии эти два лидера были абсолютно непреклонны в вопросах брака между евреями и чужестранцами-*nokrî*, что привело к суровой брачной реформе... То есть, с позиции Иезекииля, этой группе людей, даже в том случае если они проживают среди Израиля, не может быть места в Храме, то есть, в Божественном присутствии.

Рабы. Иезекииль упоминает и рабов: «Если же он (князь) даст из наследия своего кому-либо из рабов своих подарок, то это будет принадлежать ему только до года освобождения и тогда возвратится к князю. Только к сыновьям его должно переходить наследие его» (46:17). Отрывок из 46:16–18, посвященный вождю и его земле, занимает логическое место в утопическом видении. Автор настаивает на том, что стяжательство и насилие никогда не искажали ключевую социальную роль правящего вождя³. Стивен Кук замечает, что в этом важном отрывке во главу угла ставится аграрная этика, основанная на происхождении и присущая ушедшей племенной эпохе⁴.

¹ Амусин И.Д. Негражданское население в Иудейском обществе в первой половине I тысячелетия до н.э. // Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока (I тысячелетие до н.э.) по библейским источникам. М.: Наука, 1993. С. 91.

² Там же.

³ Cook, Stephen L. Ezekiel 38–48. P. 254.

⁴ Ibid. P. 253.

В утопии Иезекииля периферия общества становится безопасной и сильной. Этот текст преследует цель, чтобы все семейные линии жили вечно в своих собственных владениях, чтобы вся земля всегда ценилась как священная. Таким образом пророк делает ударение не на присутствии рабов, а на аграрной этике, которая подразумевает неотчуждаемость земли от того или иного рода.

О каких стратах не говорится в тексте. Важно сказать о тех социальных стратах, о которых Иезекииль не говорит. Прежде всего он умалчивает о царе (евр. *melek*). В его видении мира отсутствует эта категория. За многие столетия, начиная с конца XI века до н.э., монархия неоднократно себя компрометировала. Царь – ненадёжная корпоративная фигура, которая задаёт тон, в том числе и духовный, для всего народа в целом. В пример можно привести монархию Северного царства – Израиля. За 208 лет существования этого царства в нём насчитывается девятнадцать царей, которые были представителями десяти (!) династий, и ни один из них не был благочестивым. Именно это послужило причиной для уничтожения этой монархии в 722 г. до н.э. В конце концов, у пророков прослеживается настойчивая мысль о единственном царе из рода Давида, который будет совершенным правителем. Речь, конечно же, идёт о мессианском царстве! Поэтому в утопии Иезекииля нет царя, а административные функции, как уже было сказано, возложены на *nāšî'* – князя.

Ещё одна неотмеченная категория – *tôšāb* или поселенец. Это слово встречается во всём корпусе Ветхого Завета всего 14 раз и относится к временному, безземельному наемному работнику¹. Разница между *gēr* и *tôšāb* – вопрос очень дискуссионный, однако, можно сказать, что анализ текстов свидетельствует «об однородности или однопорядковости»² этих терминов. Возможно, поэтому, Иезекииль не упоминает о них отдельно.

Заключение. Мы можем подвести небольшой итог. Прежде всего в утопии пророка Иезекииля социальная иерархия не подразумевает присутствие царя. Монархия как таковая себя изжила и скомпрометировала, поэтому общество возглавляет князь, который исполняет в основном административные функции, а также приносит жертвы за себя и за народ.

Самым главным институтом утопии является священство, однако до отправления культа допускаются лишь священники-цадокиды (и в этом Иезекииль радикально отличается от пророка Исаии), левитам же разрешено только быть на страже ворот в будущем городе. О первосвященнике пророк также не говорит, ничего не сказано о его присутствии и видах деятельности.

Чужестранцы не допускаются в сакральное пространство Храма даже несмотря на то, что они могут проживать среди Израиля. Однако в отношении иностранцев (*gērîm*) Иезекииль более снисходителен – они могут, вероятно, в третьем поколении, иметь право землевладения.

О рабах пророк говорит совершенно вскользь, в контексте аграрной этики, поскольку вводит правило землевладения. Таким образом, о рабстве как таковом не говорится вообще.

¹ TWOT, 1:412.

² Амусин И.Д. Негражданское население в Иудейском обществе. С. 102.

Список сокращений

AYB – The Anchor Yale Bible

NIBCOT – New International Bible Commentary on the Old Testament

TWOT – Theological Wordbook of the Old Testament. 2 vols. / R. Laird Harris, Editor. Chicago: Moody Press, 1980.

VT – Vetus Testamentum.

SOCIAL STRATIGRAPHY IN EZEKIEL'S UTOPIA

E.M. Egizaryan (Zaoksky)

This article examines the prophet Ezekiel's utopian program for the social structure of a society renewed after the Babylonian captivity. The genre of Utopia and the nature of the text itself (Ezekiel 40–48) are discussed. Particular attention is paid to the figure of the prince and the attitude toward foreigners in the renewed society.

Key words: utopia, Ezekiel, society, social structure.

УСАДЬБА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ С ВИНОДЕЛЬНОЙ НА БЛИЖНЕЙ ХОРЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

С.А. Ермолин, С.А. Буравлев
(Москва – Керчь)

В работе вводятся в научный оборот материалы спасательных работ 2020 г. в Севастополе, где была открыта усадьба эллинистического времени.

Ключевые слова: усадьба, Херсонес, эллинизм, спасательные раскопки.

В июле 2020 г. в г. Севастополь сотрудниками Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН при проведении спасательных работ в районе мыса Хрустальный (Артиллерийский), была выявлена усадьба эллинистического времени с винодельней.

В ходе раскопок были открыты четыре помещения, возведенные на выходе скалы (рис. 1-4). Четкая разбивка на местности, тщательная кладка стен, находки фрагментов черепицы – все это позволяет предположить, что исследованиям подвергается усадьба ближней хоры Херсонеса Таврического.

Находки из обнаруженных помещений, главным образом многочисленные фрагменты тарной и столовой керамики (в том числе и чернолаковой), датируют постройки концом IV – 1-й половиной III в. до н.э. Хронологические рамки, установленные датировками тарной керамики, подтверждают находки монет Херсонеса, датируемые концом IV – началом III в. до н.э.

Среди находок численно преобладали фрагменты амфор Херсонеса. В значительно меньшем количестве встречены обломки импортных тарных сосудов нижеследующих центров: Синопы, Гераклеи, Хиоса, Книда, Фасоса и Менды. Часть тары клейменная (рис. 5).

Находки пирамидальных грузил и рыболовного крючка в слое эллинистической усадьбы позволяют предположить, что ее обитатели занимались, в том числе, ткачеством и рыболовством (рис. 5).

Рис. 1.

Рис. 2.

Небезынтересна и находка кремневого ножа, свидетельствующая об использовании каменных орудий в обиходе населения эллинистической усадьбы (рис. 5).

О занятии виноделием свидетельствует винодельня, обнаруженная в одном из помещений исследуемой усадьбы. Объект представлял собой давяльную площадку (тарапан) со сливом и небольшую цистерну, вырубленные в скале, которая являлась полом помещения.

Тарапан прямоугольной формы, размерами 170x80 см, глубиной 5 см, в южной части со скругленными углами. Дно тарапана имеет серповидный профиль, в одной из коротких сторон выполнен слив, нависающий над горловиной цистерны (диаметр ее 85 см, глубина 72 см).

В непосредственной близости от цистерны в скале вырублено углубление, предположительно для установки пифоса.

Скромные размеры винодельни не предполагают товарного производства и свидетельствуют о том, что вино изготовлялось для нужд обитателей усадьбы.

Находка и изучение памятника лишний раз свидетельствуют о необходимости полного обследования всей территории херсонесской хоры. Это может привнести дополнительные штрихи в наше понимание состояния эллинистической хоры Херсонеса Таврического.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

A HELLENISTIC ESTATE WITH A WINERY AT NEAR CHORA IN TAURICA CHERSONESOS

S.A. Ermolin, S.A. Buravlev (Moscow – Kerch)

This paper introduces materials from the 2020 rescue operations in Sevastopol, where a Hellenistic estate was discovered, into scholarly circulation.

Keywords: estate, Chersonesos, Hellenism, rescue excavations.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ XIX В. ВО ФРИГИИ: ОПЫТ СБОРА МАТЕРИАЛА И ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Р.А. Ермолович (Белгород)

В статье даётся краткий очерк истории исследований центрального малоазиатского региона Фригия в контексте путешествий XIX в. по местам греко-римского мира. Приводятся фамилии наиболее известных ученых, совершавших поездки по памятникам позднеантичной Фригии: Фрэнсиса Арунделла, Георга Вебера и Уильяма Рамсея, являющегося наиболее авторитетным из представленных исследователей. Приводится

краткая характеристика работ данных путешественников, выявляются основные аспекты, на которые они делают акцент. Характеризуются отдельные памятники региона, представляющие основные тенденции развития материальной культуры Фригии в период Поздней античности, когда происходила активная христианизация региона.

Ключевые слова: Малая Азия, Фригия, Н.П. Кондаков, Ф. Арунделл, Г. Вебер, У.М. Рамсей.

Необходимо отметить, что тема, связанная с путешествиями по местам античного наследия в Малой Азии, выбрана отнюдь не случайно. Н.П. Кондаков (1844-1925) известен, в том числе, как исследователь-путешественник, совершивший не одну поездку по знаковым для антиковедения и византистики точкам земного шара, что говорит о его безусловной самоотдаче общему делу¹.

По этой причине будет вполне символично рассмотреть похожие примеры историков, утвердившихся в странствиях по одной из исторических областей Малой Азии – Фригии, которая отметилась важными для ранневизантийской истории тенденциями².

Заметную роль следует отдать английскому путешественнику и священнику Ф. Арунделлу, предпринявшему несколько поездок по территории Малой Азии и не только. В частности, речь идет о Писидии, Антиохии, Палестине³.

В результате его поездок появилась книга, посвященная, в том числе, одному из фригийских памятников – ранневизантийской базилике, расположенной на горе, ныне носящей название Калеикиги. Арунделлу удалось покорить вершину и зафиксировать особенности ее строения⁴.

¹ В частности, можно отметить следующие работы учёного, посвященные его экспедициям: *Кондаков Н.П.* Путешествие на Синай в 1881 году. Из путевых впечатлений: Древности Синайского монастыря. Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. 160 с.; *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. М.: Индрик, 2017. 352 с. (Современное переиздание работы 1904 г. со вступительной статьей М.Н. Бутырского – исследователя византийского искусства).

² В этом отношении наиболее примечательны крайне быстрые темпы распространения христианства, что было выражено появлением в начале данного периода многих монументальных христианских храмов, в том числе, мавзолея апостола Филиппа, принявшего мученическую смерть на территории фригийского Гиераполя: *Caggia M.P.* The Marbles of the Church of St Philip in Hierapolis. Phases of Construction and Opus Sectile Flooring // *Ancient Quarries and Building Sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and other cities in south-western Anatolia: archaeology, archaeometry, conservation.* Bari. 2016. P. 473-488. О некоторых особенностях городского пространства см.: *Болгов Н.Н.* Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований.* 2023. Т. 1. С. 199-219.

³ Более подробные сведения об английском антикваре и его поездках см.: Courtney W.P. Arundell, Francis Vyvyan Jago // *Dictionary of National Biography: in 63 volumes.* London: Smith, Elder, & Co., 1885. Vol. 2. P. 143-144.

⁴ *Arundell Fr. V.J.* Discoveries in Asia Minor including a description of the ruins of several ancient cities and especially Antioch of Pisidia. London, 1834. Vol. I. P. 191-194.

Путешественник указал на греческие буквы, сохранившиеся на блоках, что могло быть указанием для строителей. Это обстоятельство вместе с фактом наличия кладки высокого уровня дало Ф. Арунделлу основание предположить, что на месте церкви ранее располагалась другая постройка, что в целом имело место, если учитывать одну из тенденций, свойственную материальной культуре позднеантичных городов Фригии и выражавшуюся в том, что здания меняли свое назначение в соответствии с вызовами времени и христианизацией. Также материалы античных памятников могли служить ресурсом для новых построек¹.

В этом контексте немаловажно выделить Георга Вебера, также направившего взор своих исследований в это место. Так, он счёл утверждение Арунделла безосновательным, указав на то, что кладка, хотя и выглядит по уровню качества как относящаяся к эллинистическому периоду, но она не имеет следов более раннего пользования, а планировка однозначно христианская².

Ко всему прочему Вебер ещё и датировал храм как памятник эпохи Константина (современная точка зрения – VI в.). Вместе с тем, он составил и более точный план сооружения, нежели англичанин³.

В отношении как полуострова в целом, так и отдельно Фригии, особенно выделяется фигура учёного, которого в какой-то степени, исходя из размаха и направления его деятельности, вполне можно назвать «Английским Кондаковым» – Уильяма Митчелла Рамсея (1851-1939) – историка греко-римских древностей и представителя протестантской церкви, что играет определенную роль в выборе направления для его научного путешествия.

Это обуславливается тем, что к рубежу веков условия, при которых католическая церковь «приватизировала» апостола Петра, признаваемого ею покровителем папского престола, и, по большому счету, присвоившая изыскания в области римской истории, спровоцировали протестантскую церковь заняться подобными трудами в другом направлении – Восточном Средиземноморье, где проповедовал апостол Павел⁴.

¹ Данную тенденцию можно увидеть во многих случаях, касающихся христианизации Лаодикеи и Гиераполя, в частности, можно вспомнить о том, что храм мученика Филиппа, где располагается гробница святого мученика, частью состоит из античных саркофагов: *Ahrens S., Brilli M., Piera Caggia M. Marble Sarcophagi From The St Philip Church of Hierapolis and The North-East Necropolis: Archaeometric Characterization And Marble Provenance Identification // Ancient Quarries and Building Sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and other cities in south-western Anatolia: archaeology, archaeometry, conservation. Bari, 2016. P. 259-276.*

² *Weber G. Dinair (Gueïkler). Célènes. Apamée Cibotos avec un plan et deux cartes. Besançon, 1892. P. 34-35.*

³ Сопоставительный анализ концепций и схем двух ученых см.: *Седов В.В. Ранневизантийский храм в Апамее Киботос (Динаре): предварительное сообщение о работах 2009–2010 гг. // Российская археология. 2011. № 3. С. 99-100.*

⁴ *Беляев Л.А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. СПб.: Алетей, 2000. С. 111.*

Но, возвращаясь непосредственно к Фригии, мы не можем не упомянуть, что она становится местом действия нескольких монографий Рамсея. Основной вектор внимания направлен на города, представляющие регион. Так первая часть представляет собой обзор основных центров – Лаодикеи, Гиераполя и Колосс, и вместе с тем затрагивает небольшие населенные пункты по отношению к перечисленным. Вторая часть закрывает перечень крупных городских центров Апамеей Кибот. Немалая часть монументального труда посвящена различного рода надписям¹.

В этом отношении нельзя не упомянуть работу ученого конкретно в Гиераполе, где им было доказано существование епископа этого города – Аверкия², в том числе, якобы совместно с Аполлинарием (также в свое время являвшегося гиерапольским епископом) боровшегося с фригийскими ересями, свидетельства чего мы можем встретить у Евсевия Кесарийского, называющего священнослужителя Авиркием Маркеллом (Euseb. Hist. eccl. V.16.3).

Рамсею принадлежит находка надгробия некоего Александра, почившего в начале III в., надпись с которого отчасти совпадала с текстом жития Аверкия. Позже при исследовании терм были найдены два других фрагмента, позволяющие восстановить исходный текст³.

Обстоятельства возникновения данной эпитафии связаны с историей о путешествии Аверкия в Рим, где он избавил от влияния нечистых сил дочь Марка Аврелия и впоследствии нанес эпитафийную надпись на бывший языческий жертвенник, доставленный в Гиераполь. В совокупности это повышает степень важности данной находки⁴.

В дальнейшем надписи продолжили играть значительную роль во фригийских исследованиях археолога. Примечательно, что на их основании Рамсей начал делать выводы не только о поборниках веры, но и об их непосредственных противниках в виде представителей еретических направлений, главным из которых можно назвать монтанизм⁵.

Данное учение, отличающееся от гностических ответвлений прагматизмом и условием возникновения в захолустье, отличалось в целом

¹ См.: Ramsay W.M. The Local History of Phrygia from the Earliest Times to the Turkish Conquest. The Cities and Bishoprics of Phrygia. Vol. I. Part II. West and West-central Phrygia. Oxford: Clarendon press, 1897. 794 p.; Ramsay W.M. The Local History of Phrygia from the Earliest Times to the Turkish Conquest. The Cities and Bishoprics of Phrygia. Vol. I. Part I. The Lycos Valley and South-Western Phrygia. Oxford: Clarendon press, 1897. 359 p.

² Подробнее о жизни святого и чудесах, совершенных им см.: Память святого равноапостольного Аверкия, епископа Иерапольского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского в 12 кн., 2 кн. доп. Т. II: Октябрь. М.: Ковчег, 2010. С. 476-488.

³ Беляев Л.А. Указ. соч. С. 113-114.

⁴ Подробнее об обстоятельствах появления эпитафии, а также перевод её текста см.: Аверкиева эпитафия // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь в 12 томах / под ред. проф. А.П. Лопухина. Петроград: Т-во А.П. Лопухина, 1900. Т.1. С. 137-143.

⁵ Беляев Л.А. Указ. соч. С. 115.

своеобразием от большинства современных ему ересей. Центральные фигуры секты – непосредственно Монтан и две пророчицы, Прискилла и Максимилла – постоянные участники, деятельность которых отмечалась экстатическими видениями¹.

Исследования Рамсея в этом направлении отмечены выводами о взаимосвязи многих языческих и христианских традиций, а также выделением некоторой роли иудейской общины, с которой были связаны христианские группы населения.

В частности, ученый сделал вывод о том, что имперские поместья северной части региона стали центральными оплотами монтанизма; в то же время, среди фригийской аристократии непосредственно были и евреи. Данная точка зрения имеет место, хотя в какой-то степени и нуждается в осмыслении на уровне современных исследований².

В этом отношении примечательно, что последователи Рамсея продолжили линию изучения монтанистов. Так В.М. Кальдер издал один том свода памятников, где указал более точное расположение Пепузы и Тимиона – одних из главных городов в монтанистическом учении³.

Остальные работы Рамсея во многом посвящены путешествиям апостола Павла, а также семи азиатским церквям, упоминаемым Иоанном Богословом – одним из наиболее авторитетных церковных центров Восточного Средиземноморья⁴.

Таким образом, мы видим, что Фригия – регион, не обделенный вниманием исследователей, что выразилось в трудах Ф. Арунделла, Г. Вебера и, конечно, У. Рамсея, которому принадлежат одни из наиболее полных трудов, касающихся отдельных аспектов развития исторической области. При этом акцент делался в основном на раннехристианскую составляющую Фригии, что, исходя из невероятно быстрых темпов распространения новой религии там, делает этот регион особенно ценным в этом контексте.

В заключение стоит отметить, что исследования, продолжающиеся по сей день, являются, по сути, преемственными по отношению к тем авторам-первооткрывателям, которые некогда побывали в этих краях.

TRAVELERS OF THE 19TH CENTURY. IN PHRYGIA: THE EXPERIENCE OF COLLECTING MATERIAL AND THE IMPORTANCE OF RESEARCH

R.A. Ermolovich (Belgorod)

The article provides a brief outline of the history of research in the central Asia Minor region of Phrygia in the context of 19th-century travels to places in the Greco-Roman world.

¹ Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. СПб.: Тип-я В. Меркушева, 1910. Т. II. История Церкви в период до Константина В. С. 352-353; Об истоках монтанизма с опорой на обильный эпиграфический материал см.: *Mitchell S. An epigraphic probe into the origins of Montanism // Roman Phrygia: Culture and Society. Cambridge: University Printing House, 2013. P. 168-197.*

² Беляев Л.А. Указ. соч. С. 113-115.

³ Там же.

⁴ См.: *Ramsay W.M. St. Paul The Traveller and The Roman Citizen. London: Hodder & Stoughton, 1896. 395 p.*; *Ramsay W.M. The Letters to the Seven Churches of Asia: and their Place in the Plan of the Apocalypse. London: Hodder & Stoughton, 1904. 443 p.*

The names of the most famous scientists who traveled to the monuments of late Antique Phrygia are given: Francis Arundell, Georg Weber and William Ramsay, who is the most authoritative of the researchers represented. A brief description of the work of these travelers is given, the main aspects on which they focus are identified. The individual monuments of the region are characterized, representing the main trends in the development of Phrygian material culture in the period of Late antiquity, when the region was actively Christianized.

Keywords: Asia Minor, Phrygia, N.P. Kondakov, F. Arundell, G. Weber, W.M. Ramsey.

ПОРТЫ И ПОРТОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭПОХУ ЮСТИНИАНА

А.Н. Задорожная-Ремарчук
(Белгород – Севастополь)

В статье проводится комплексный анализ портовой инфраструктуры византийского Причерноморья в эпоху Юстиниана I (527–565 гг.). На основе синтеза данных письменных источников, археологии, нумизматики и сфрагистики реконструируется многофункциональная модель портов как ключевых узлов в системе имперских коммуникаций. Особое внимание уделяется выявлению региональных особенностей и общих закономерностей развития портовой сети, их роли в системе византийской средиземноморской торговли и военно-политического контроля. Порты Причерноморья образовывали единую, иерархически организованную систему, функционировавшую как важнейший элемент экономической и административной инфраструктуры Византийской империи.

Ключевые слова: Византия, Причерноморье, портовая инфраструктура, Юстиниан I, византийская экономика, коммерции, морская торговля, византийская археология.

Эпоха правления императора Юстиниана I (527–565 гг.) характеризуется масштабными административными и экономическими реформами, направленными на восстановление и укрепление империи. Важнейшей составляющей этой политики был контроль над торговыми путями, в системе которых порты Причерноморья играли стратегическую роль. Современные исследования демонстрируют, что черноморские порты представляли собой не разрозненные пункты, а единую систему, интегрированную в общеимперские экономические механизмы¹.

Изучение портовой инфраструктуры византийского Причерноморья долгое время оставалось в тени исследований античного периода. Однако благодаря активизации подводной археологии и применению комплексных естественнонаучных методов в последние десятилетия эта тема вышла на передний план.

Целью данного исследования является комплексный анализ портовой инфраструктуры региона как элемента централизованной экономической системы Юстиниана через интеграцию данных письменных источников, археологии и палеогеографии для реконструкции роли и устройства портовых комплексов.

¹ *Leidwanger J.* Roman Seas: A Maritime Archaeology of Eastern Mediterranean Economies. New York: Oxford University Press, 2020. P. 158–165.

В качестве основного нарративного источника традиционно выступает трактат Прокопия Кесарийского «О постройках» (Procop. Aed. III. 7. 10), где император Юстиниан I предстает масштабным градостроителем, укрепившим Херсонес-Херсон среди прочих опорных пунктов империи. Хотя Прокопий не дает детального описания портовых сооружений, сам контекст масштабных строительных работ в приморском городе не оставляет сомнений в том, что гавань как ключевой элемент его жизнедеятельности также была модернизирована. Более того, в «Войне с готами» (Procop. Bell. VIII. 5. 23) он прямо указывает на стратегическую роль черноморских коммуникаций для переброски войск и снабжения. Ценность свидетельств Прокопия заключается не в технических деталях, а в фиксации общей политики Константинополя, направленной на контроль над морскими путями и портами.

Ключ к пониманию роли портов лежит в законодательных документах эпохи. «Свод гражданского права» (Corpus Iuris Civilis), особенно Дигесты (Dig. 14. 2. 9) и Кодекс Юстиниана, содержат многочисленные установления, регулирующие морскую торговлю, обязанности портовых чиновников, сбор пошлин и поставки для армии. Эти тексты рисуют картину жестко регламентированной государством портовой деятельности¹.

Особое значение имеют данные сфрагистики. Свинцовые пломбы коммеркиариев, найденные в Херсонесе и на Боспоре, свидетельствуют о присутствии фискального аппарата в этих портах. Как показал Н. Ойкономидес, эти чиновники отвечали за государственную монополию и контроль над торговлей в ключевых пунктах².

Качественно новые данные предоставляет современная археология, сместившая фокус с наземных укреплений на прибрежную и подводную среду. Фундаментальные работы А.И. Айбабина и С.Б. Сорочана задали широкий исторический контекст, определив Херсонес как главный византийский порт в Крыму³, через который осуществлялась связь со степным миром⁴.

Однако настоящий прорыв связан с комплексными исследованиями, инициированными под руководством А.А. Букатова. Проведенные им геофизические и палеогеографические изыскания в Карантинной бухте Херсонеса позволили не только выявить остатки причальных линий и волноломов, но и реконструировать древний береговой контур⁵. Оказалось,

¹ Carrié J.-M. Late Roman Empire // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World. Cambridge, 2007. P. 676; Leidwanger J. Op. cit.

² Oikonomides N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: The Seals of Kommerkiarioi // Dumbarton Oaks Papers. 1986. Vol. 40. P. 34.

³ Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.): очерки истории и культуры. В 2 ч. Ч. 1-2. Харьков: Майдан, 2005. С. 315–340.

⁴ Айбабин А.И. Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXIII. С. 192–197.

⁵ Букатов А.А., Бондарев И.П., Дюженко Т.В. Порт Херсонеса Таврического в Карантинной бухте и природные процессы // Херсонесский сборник. Вып. XX. 2019. С. 9; Букатов А.А., Глазунов В.В., Ефимова Н.Н., Панченко В.В. Комплексные археологические и геофизические исследования в портовой части Херсонеса Таврического // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXVII. 2022. С. 34.

что в ранневизантийский период уровень моря был несколько иным, а бухта имела большую площадь и лучшие естественные защитные свойства. Эти выводы кардинально меняют представления о физических параметрах порта и объясняют его стратегический выбор.

Херсонес Таврический демонстрирует в VI в. период интенсивного использования порта¹. Комплексные исследования выявили следы реконструкции причальных линий и складов. Боспор Киммерийский сохраняет значение в системе византийско-кочевой торговли. Находки пломб коммеркиариев прямо связывают порты Боспора с фискальным аппаратом империи². Как отмечает А.И. Айбабин, через Боспор осуществлялись поставки хлеба и другие формы товарообмена с кочевым миром³. Южное Причерноморье (Трапезунд, Синоп) обеспечивало коммуникации с фронтом персидских войн. Укрепление Трапезунда, описанное Прокопием, было направлено в том числе на защиту его гавани, игравшей ключевую роль в снабжении византийской армии на востоке (Procop. Aed. III. 7. 1-6).

Не менее информативен анализ керамического материала, без которого любая реконструкция торговых связей остается умозрительной. Здесь ключевую роль играет классификация позднеримской керамики, разработанная Джоном Хейсом⁴. Массовые находки в Херсонесе амфор типов LRA 1, LRA 2 и LRA 4, стандартизированных по Хейсу, являются вещественным доказательством регулярных поставок вина, оливкового масла и других товаров из Малой Азии, Сирии и Палестины. Эта керамика, выступая в роли маркера, позволяет проследить конкретные морские маршруты, которые сходились в порту Херсонеса, превращая его в транзитный узел первой величины.

Синтез всех видов источников позволяет предложить новую, более сложную модель функционирования византийского порта в Причерноморье. Это был не просто перевалочный пункт, а многофункциональный комплекс, включавший таможенно-административные учреждения (коммеркиарии), о чем свидетельствуют свинцовые печати, найденные в Херсонесе⁵; склады для государственной анноны; ремонтные мастерские и гарнизон, обеспечивавший безопасность.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что при Юстиниане порты Причерноморья образовывали единую, иерархически выстроенную сеть, выполнявшую военно-логистическую функцию по переброске войск и снабжения для войн на Западе и Востоке⁶, экономико-фискальную функцию

¹ Букатов А.А., Глазунов В.В., и др. Ук. соч. С. 36.

² Oikonomides N. Op. cit. P. 44.

³ Айбабин А.И. Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXIII. С. 186–209.

⁴ Hayes J.W. Late Roman Pottery. London: British School at Rome, 1992. P. 52–82.

⁵ Oikonomides N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: The Seals of Kommerkiarioi // Dumbarton Oaks Papers. 1986. Vol. 40. P. 50.

⁶ McCormick M. Origins of the European Economy: Communications and Commerce, A.D. 300–900. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 504–512.

через централизованную торговлю и сбор таможенных пошлин¹, а также дипломатическую функцию, о чем свидетельствует Менандр Протиктор (Men. Prot. fr. 12. 5), описывающий посольства через черноморские порты к народам Северного Причерноморья и Кавказа.

Таким образом, портовая инфраструктура Причерноморья в эпоху Юстиниана I представляла собой целенаправленно развиваемую и жестко контролируемую государством систему. Ее создание и функционирование было прямым следствием глобальных задач, которые ставил перед собой император. Развитие портов, и в первую очередь Херсонеса, в VI в. не было случайностью или данью прошлому. Это был результат целенаправленной государственной политики Юстиниана I, нашедшей свое материальное воплощение в каменных причалах, таможенных печатях и тысячах амфор, которые тысячелетие спустя позволяют ученым с уверенностью говорить о Херсонесе как о ключевых воротах Византии в Северном Причерноморье. Археологические находки, законодательные акты и свидетельства современников единодушно подтверждают, что черноморские порты стали в этот период жизненно важными артериями, питавшими экономическую и военную мощь Византии.

PORTS AND PORT INFRASTRUCTURE IN THE NORTH BLACK SEA REGION IN THE ERA OF JUSTINIAN

A.N. Zadorozhnaya-Remarchuk
(Belgorod – Sevastopol)

The article presents a comprehensive analysis of the port infrastructure in the Byzantine Black Sea region during the era of Justinian I (527-565 AD). Through the synthesis of data from written sources, archaeology, numismatics, and sigillography, a multifunctional model of ports as key nodes within the imperial communication system is reconstructed. Particular attention is paid to identifying regional characteristics and general patterns in the development of the port network, as well as their role within the system of Byzantine Mediterranean trade and military-political control. It is demonstrated that the Black Sea ports formed a unified, hierarchically organized system that functioned as a vital element of the economic and administrative infrastructure of the Byzantine Empire.

Keywords: Byzantium, Black Sea region, port infrastructure, Justinian I, Byzantine economy, *commercarii*, maritime trade, Byzantine archaeology.

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ И ЛУКРЕЦИЙ: ДИАЛОГ ДВУХ ЭПОХ

В.Ю. Иванкова (Белгород)

В статье рассматривается степень влияния творчества и философского учения античного автора Лукреция на французского ренессансного мыслителя Мишеля Монтеня. Приводится характеристика фигуры и идей Лукреция в целом. Раскрываются аспекты «Опытов», которые в своей основе содержат черты эпикуреизма, воспринятые Монтенем через Лукреция. Приводятся отдельные отрывки «Опытов» и сочинений Лукреция,

¹ Carrié J.-M. Op. cit. P. 682–687; Oikonomides N. Op. cit. P. 33–53.

выбранных Монтенем для иллюстрации основных тезисов в рамках рассуждения о тех или иных вещах, соответствующих общественной жизни и природе человека. Выявляется мнение Монтеня в целом о Лукреции, а также статистика упоминаний наиболее повлиявших на «Опыты» античных поэтов.

Ключевые слова: Мишель Монтень, Тит Лукреций Кар, «Опыты», эпикуреизм.

Философия гуманиста эпохи позднего Ренессанса Мишеля де Монтеня подобна мозаике, где тесным образом переплелись разные философские течения и наследие авторов греко-римского мира¹. В контексте эпикурейской составляющей концепции французского мыслителя, безусловно, одним из наиболее часто упоминаемых и цитируемых является римский поэт и философ-материалист² Лукреций (1-я пол. I в. до н.э.).

При этом в случае Лукреция эти две сущности являются целым и неделимым, что пыталось оспариваться рядом авторов, но не нашло какой-либо поддержки в научном сообществе³.

К тому же, Тит Лукреций Кар является одним из наиболее ярких сторонников эпикуреизма⁴. И это сыграло важную роль в том, что до нас дошли некоторые отдельные аспекты упомянутого философского учения, ибо от самого Эпикура остались лишь отдельные отрывки⁵.

В контексте же связи Монтеня с Лукрецием необходимо сказать о том, что и французский мыслитель был материалистом, питающим определенные симпатии к философии эпикурейцев. Более того, именно через Лукреция Монтень и воспринял основные положения этого учения⁶.

Огромная связь «Опытов» Монтеня со взглядами Лукреция прослеживается через мысль о том, что источником добродетели выступает природа⁷, состоящая из мельчайших частиц – атомов. И вместе с тем душа человека также состоит из таких единиц. Что же в таком случае до богов и бессмертия души – то их не существует, они обусловлены, в первую очередь, страхом, который, в свою очередь, своим источником имеет общество⁸.

¹ Под «мозаикой» стоит понимать философскую концепцию Мишеля Монтеня, которая объединила в себе идеи античного скептицизма, стоицизма и эпикуреизма.

² Материализм – философская концепция, приписывающая действительное бытие материи, и отрицающая какую-либо самостоятельность в явлениях духовного порядка: Радлов Э. Материализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896. Т. XVIII. С. 798-801.

³ Ременец О.М. Античный материализм и искусство поэзии // Тамбов на карте генеральной: социально-экономический, социокультурный, образовательный, духовно-нравственный аспекты развития региона. Мичуринск: Мичуринский гос. аграрный университет, 2016. С. 127-130.

⁴ Об Эпикуре (342-270 гг. до н.э.) и его философском направлении см.: Шакир-заде А.С. Эпикур. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963. 220 с.; Шахнович М.М. Сад Эпикура: Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры. СПб.: СПбГУ, 2002. 283 с.

⁵ Ременец О.М. Указ. соч. С. 129.

⁶ Шахнович М.М. Указ. соч. С. 165.

⁷ Там же. С. 165-166.

⁸ Волков М.В. Материалистическое учение Тита Лукреция Кара // Теоретические и практические подходы к решению глобальных вызовов в эпоху перемен. Сборник статей Международной научно-практической конференции 15 июня 2024 г. Уфа: Аэтерна, 2024. С. 103-104.

Данный аспект философской концепции Монтеня, слившись со скептицизмом, был направлен на разделение знания как такового от руководства веры, т.е. за победу рационалистического подхода от влияния схоластики¹.

Касаемо того, в каком ключе Монтень упоминает Лукреция, то в первую очередь, это иллюстрация доводов собственных и других философов. Один из первых таких примеров, который мы встречаем у эссеиста, посвящен соотношению заслуг при жизни и счастья после неё. Так, рассуждая об идеях Солона и Аристотеля о том, что счастье может быть обретено только после смерти, Монтень справедливо полагает, что понятие счастья в целом неприменимо к человеку уже почившему².

И здесь же цитата из Лукреция: «Сам того не сознавая, всякий предполагает, что от него должно нечто остаться, и он не может полностью отделить себя от протертого трупа и отрешиться от него»³. Смысл наличия данной цитаты скорее в сожалении автора «Опытов», что человек неосознанно сам идёт на то, что не имеет смысла, что определяет во многом жизненный путь.

Похожий пример встречается в рассуждениях Монтеня о соотношении телесного и духовного. Под духовным в данном случае понимаются чувства. Так, французский философ задается вопросом, будет ли объективная реальность иметь значение, если чувства являются ложными? В пример Монтень приводит борова Пиррона⁴, который не почувствовал страха смерти, но, если поколотить свинью, она завизжит от боли. Соответственно, чувство в данном отношении является основополагающим фактором⁵. Об этом говорится и в словах Лукреция, которые приводит французский мыслитель: «Если чувства будут не истинны, то весь наш разум окажется ложным»⁶.

Или же, в вопросе о постоянстве счастья, Монтень приводит довод, что оно не может являться бесконечным, ибо судьбы человеческие переменчивы⁷. «Так некая скрытая сила рушит человеческие дела, и попирает великолепные фации и грозные секиры для нее, видно, забава»⁸ – такими словами Лукреция Монтень сопровождает свои собственные доводы.

¹ Шахнович М.М. Указ. соч. С. 165.

² Монтень М. Опыты. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 1. С. 21.

³ Sed facit esse sui quiddam super inscius ipse,
Nec removet satis a proiecto corpore sese, et
Vindicat (лат.).

⁴ Пиррон из Элиды (ок. 360-275 гг. до н.э.) – древнегреческий философ, считающийся основоположником античного скептицизма, идеи которого впоследствии продолжили развивать Энесидем и Секст Эмпирик. Подробнее см.: Лосев А.Ф. Пиррон // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 254–255.

⁵ Монтень М. Указ. соч. С. 69.

⁶ Qui nisi sunt veri, ratio quoque falsa sit omnis (лат.).

⁷ Монтень М. Указ. соч. С. 100.

⁸ Usque adeo res humanas vis abdita quaedam
Obterit, et pulchros fasces saevasque secures
Proculcare, ac ludibrio sibi habere videtu (лат.).

Однако для Монтеня важны не только слова великого поэта и мыслителя прошлого, но и сама фигура Лукреция. Какого бы о нем высокого мнения не был французский философ, Монтень всё же признает, что и у него, как и у любого человека, есть свои слабости. Сколько бы Лукреций не «зарекался и философствовал», были случаи, когда и его свалил бы опьяняющий напиток. То есть, при всем великолепии античного поэта, он был человеком и остается им в памяти потомков¹.

При этом необходимо отметить, что высокая оценка Монтенем Лукреция и его творчества звучит в тексте «Опытов» прямо: «мне всегда казалось, что в поэзии издавна первое место занимают Вергилий, Лукреций, Катулл и Гораций»².

И хотя Лукреций занимает высокое место, всё же для Монтеня он второй после Вергилия. Это прослеживается в оценочных суждениях французского философа: «„Георгики“ Вергилия ... я считаю самым совершенным поэтическим произведением; при сравнении их с «Энеидой» нетрудно убедиться, что в ней есть места, которые автор, несомненно, еще отделал бы, если бы у него был досуг. Наиболее совершенной мне представляется пятая книга „Энеиды“». И далее «Люди времен, близких к Вергилию, жаловались на то, что некоторые сравнивали его с Лукрецием. Я нахожу, что это действительно неравные величины, и особенно укрепляюсь в этом убеждении, когда вчитываюсь в какой-нибудь прекрасный стих Лукреция»³.

И всё же это не мешает Монтеню соединять стихи обоих авторов. Данный случай соответствует рассуждениям французского автора по поводу цикличности времен года, символизирующих жизнь человека, который рождается, взрослеет и потом постепенно угасает. И в этом случае жизнь сама способствует возникновению следующего поколения⁴:

«Мы возвращаемся и пребываем всегда среди одного и того же

И к себе по своим же следам возвращается год»⁵.

Суммарно же цитаты из творчества Лукреция, а также фигура самого поэта упоминаются в тексте «Опытов» 142 раза. Но, как ни странно, Вергилия Монтень упоминает всего лишь около 120 раз, что, впрочем, ещё не позволяет нам делать какие-то конкретные выводы, учитывая, что многие вещи зависят от контекста повествования.

Таким образом, мы видим прямое влияние Лукреция на философскую концепцию Монтеня, которая берет части многих направлений античной мысли, но в большей степени именно от скептицизма и эпикуреизма, последний из которых был воспринят французским мыслителем через Лукреция. То есть, творчество античного автора, его учение стали во многом одним из тех столпов, на которых зиждутся идеи автора «Опытов».

¹ Монтень М. Опыты. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 2. С. 22.

² Там же. С. 97-98.

³ Там же. С. 98.

⁴ Монтень М. Опыты. Т. 1. С. 119.

⁵ *versamur ibidem, atque insumus usque* (Lucr. III. 1080)

Atque in se sua per vestigia volvitur annus (Verg. Georg. II. 402).

V.Y. Ivankova (Belgorod)

The article examines the degree of influence of the creativity and philosophical teachings of the ancient author Lucretius on the French thinker Michel Montaigne. The article describes the figure and ideas of Lucretius in general. The aspects of the "Experiments" are revealed, which basically contain the features of epicureanism, perceived by Montaigne through Lucretius. Separate excerpts of the "Experiments" and writings of Lucretius are given, selected by Montaigne to illustrate the main theses in the framework of reasoning about certain things corresponding to social life and human nature. Montaigne's opinion of Lucretia as a whole is revealed, as well as statistics on mentions of the most influential ancient poets.

Keywords: Michel Montaigne, Titus Lucretius Car, "Experiments", epicureanism.

КОНТЕКСТ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОСПИСЕЙ КАПЕЛЛЫ ИСХОДА: ОБРАЗ СВ. ФЕКЛЫ

А.Р. Ильязова (Белгород)

Статья посвящена капелле Исхода в египетском некрополе Эль-Багават (IV-V вв.) и её уникальным росписям. Рассматриваются библейские сюжеты, изображение святой Феклы в сцене огненного суда и особенно – Процессия семи дев, интерпретируемая как изгнание девственников из Александрии во время арианских гонений. Капелла представляет собой важный памятник раннехристианского искусства, отражающий как религиозные мотивы, так и, возможно, исторические события.

Ключевые слова: капелла, некрополь, Египет, св. Фекла.

Капелла Исхода, расположенная в некрополе Эль-Багават в оазисе Харга, в Египте, представляет собой небольшой квадратный мавзолей, увенчанный невысоким куполом. Внутреннее пространство украшено мотивами виноградной лозы и разделено на два регистра с фигуративными изображениями. Датировка этого исторического памятника относится к концу IV – началу V в.¹

Эта конструкция, получившая название «гробница с библейскими персонажами», по версии В.Г. Бока², обозначена №30 в классификации, принятой А. Фахри³. Размеры часовни, как и у большинства погребальных объектов, довольно скромны: её длина составляет 4 м, ширина – 3,7 м, а высота – 3,2 м. Общая площадь достигает приблизительно 15 кв. м, в то время как диаметр купола составляет 2,5 м. Купол, площадь которого немного превышает 5 кв. м, украшен живописью на светло-желтом фоне, где изображены фигуры людей, архитектурные формы, корабли, лодки, а также разнообразные животные, птицы и растения. В росписи специалистами выявлено 13 основных сюжетов, более полусотни персонажей.

Первое событие – это изгнание прародителей Адама и Евы из Рая. Этот момент символизирует начало человеческой истории и потерю невинности. Следом идет история спасения праведного Ноя с его семьей во время потопа. Далее – жертвоприношение Исаака, встреча слуги Авраама с будущей женой

¹ Куватова В.З. Иконография женской процессии в капелле Исхода (некрополь Эль-Багават, Египет): источники и параллели // Вестник РГГУ, 2016, №1. С. 18.

² Бок В.Г. Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901. С. 21.

³ Fakhry A. The Nekropolis of El-Bagawät in Kharga Oasis. Cairo, 1951. P. 71.

Исаака Ревеккой. Самый насыщенный сюжет – это Исход израильтян из Египта. Также представлены образы пророков Иеремии и Даниила, три отрока в огненной печи и праведная Сусанна, символизируя испытания, которые прошел израильский народ. Кроме того, в сюжетах «вкраплены» изображения героев, таких как страдалец Иов, пророк Иона и Исайя, и т.д.

Стоит отметить, что основные герои, изображённые художником – это персонажи Священного писания, но автор считал возможным изобразить и св. Феклу, жившую в Малой Азии в городе Иконий (совр. Турция, г. Конья) в I – начале II в.¹

Первым на изображение святой обратил внимания В.Г. Бок и описывал ее так: «Левее (сцены жертвоприношения Авраама), отделённая от стада деревом, изображена св. Фекла стоящей в пылающем костре»².

Фигура Феклы представлена в позе оранты (рис. 1), характеризующейся вытянутыми верхними конечностями и запрокинутой головой. Слева от головы идентифицируется надпись на греческом языке, предположительно, указывающая на недавнее ее уничтожение. Непосредственно над фигурой наблюдается тёмно-серое дождевое облако, структура которого содержит элементы больших крестиков – возможно, условное обозначение града. Ниже облака визуализирована полоса светло-серых вертикальных элементов, имитирующих осадки, направленные непосредственно на голову Феклы. Сцена является изображением суда над Феклой у огня из 22 главы «Деяний Павла и Феклы»³.

Рис.1. Св. Фекла в огне (деталь), настенная роспись, Эль-Багават, часовня Исхода, восточная арка. Вверху серый гром-облако с градом и дождем⁴.

¹ Каковкин А.Я. Роль образа святой первомученицы Феклы в росписи «Часовни Исхода» в Эль-Багавате // Византийский временник. 2004. Т.63(88). С. 227.

² Бок В.Г. Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901. С. 23.

³ Davis S.J. The cult of Saint Thecla: a tradition of women's piety in late antiquity. Oxford, 2003. P. 155.

⁴ Ibid. P. 278.

Сцена процессии семи дев (рис. 2), расположенная над северо-западной опорой капеллы, представляет собой феномен, нечасто встречающийся в раннехристианском погребальном искусстве. Фигуры дев, с покрытыми головами и светильниками в руках, направляются к зданию с портиком и лестницей в семь ступеней. Подобное архитектурное изображение трижды встречается в живописи капеллы Исхода.

Рис. 2. Процессия дев с факелами или лампами в руках, настенная роспись, Эль Багават, часовня Исхода, восточная арка¹.

Надпись, сопровождающая сцену – греческое слово "ΠΑΡΘΕΝΟΙ" (девы), породила множество различных интерпретаций. Одни исследователи, как В.Г. Бок, А. Грабар и Д. Чиприани, видят в этом шествии аллюзию на евангельскую притчу о мудрых и неразумных девах (Мф 25: 1-13). Другие, например, Г. Штерн, предполагают, что процессия символизирует шествие девственниц к святилищу или мартирию, воздвигнутому в честь св. Феклы. Й. Шварц связал изображение с текстом пророка Иеремии, рассматривая его как шествие «печальных дев» из Плача Иеремии (Плач. 1:4). М. Зибави предложил интерпретацию, основанную на истории семи девственниц, описанной Нилом Анкирским в «Страдании мученика Феодота и с ним семи дев».

Однако, более поздняя и, возможно, наиболее значимая гипотеза принадлежит М.Л. Терель, чьи идеи были поддержаны С.Д. Дэвисом. Они выдвинули теорию о том, что сцена изображает изгнание девушек из Александрии в период острых церковных распрей².

Эта теория получает убедительное подтверждение, если обратиться к труду С.Д. Дэвиса, который, в свою очередь, ссылается на «Apologia de fuga sua» епископа Александрийского Афанасия. Афанасий описывает зверства,

¹ Ibid. P. 279.

² Куватова В.З. Иконография женской процессии в капелле Исхода (некрополь Эль-Багават, Египет): источники и параллели // Вестник РГГУ. 2016, №1. С. 19.

совершенные арианами против его последователей в Александрии, отмечая, что женщины-аскеты, особенно из числа девственников и вдов, стали объектами жестоких преследований. Он сообщает, что на Пасху 357 г. девственницы были заключены в тюрьму, а дома вдов конфискованы. В день Пятидесятницы того же года ариане прибегли к изощренным пыткам: они помещали девушек к огню, пытаясь заставить их отречься от веры. Когда пытки не увенчались успехом, их раздели догола и избили, так что опознать их было почти невозможно.

После этих истязаний девственников ариане сослали всех тех, кто был схвачен, в Великий Оазис. Дэвис предполагает, что некоторые из этих девушек, почитавшие Феклу как свою святую покровительницу, могли быть среди тех, кто изображен на фреске. Сам Афанасий адресовал свой трактат «О девстве» именно такому сообществу александрийских дев, призывая их продолжать подражать жизни св. Феклы. Дэвис считает, что Афанасий написал этот трактат для дев, еще находясь в Александрии, когда им уже грозили пытки и изгнание. Он, вероятно, даже включал в свои наставления намеки на угрозу арианских гонений¹.

Капелла Исхода в некрополе Эль-Багават представляет собой уникальный памятник раннехристианского искусства конца IV – начала V в. Росписи капеллы, помимо библейских сюжетов, включают изображение св. Феклы, что указывает на её почитание в данной местности. Особый интерес вызывает сцена с процессией семи дев, которая интерпретируется исследователями по-разному: от аллюзии на евангельскую притчу до изображения изгнания девственников из Александрии в период арианских гонений.

THE CONTEXT AND INTERPRETATION OF THE FRESCOES OF THE CHAPEL OF THE ASCENSION: THE IMAGE OF SAINT FECLE

A.R. Pyazova (Belgorod)

The article is dedicated to the Chapel of the Exodus in the Egyptian necropolis of El-Bagawat (4th-5th centuries AD) and its unique frescoes. It examines biblical themes, the depiction of Saint Thecla in the scene of the fiery trial, and especially – the procession of seven maidens, interpreted as the expulsion of virgins from Alexandria during the Arian persecutions. The chapel represents an important monument of early Christian art, reflecting both religious motives and, possibly, historical events.

Key words: Chapel of the Exodus, El-Bagavat, Necropolis, Saint Thecla, procession of virgins, Arian persecutions, Athanasius of Alexandria, early Christian art.

¹ *Davis S.J.* The cult of Saint Thecla: a tradition of women's piety in late antiquity. Oxford, 2003. P. 158.

ОТКАЗ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО ОТ ПРЕДЛОЖЕННОЙ ВОДЫ: ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ВАРИАТИВНОГО ПРЕДАНИЯ

А.А. Клейменов (Тула)

В статье осуществляется анализ происхождения и историчности известного античного предания об отказе Александра Македонского от воды, поданной ему в пустынной местности. Определяется, что рассказ представлен в сохранившихся письменных памятниках в заметно различающихся вариантах, однако присутствовал уже в первых сочинениях, посвященных деяниям Александра. Наиболее близкой к исторической реальности можно считать версию события, изначально изложенную Аристубулом и позже представленную в трудах Курция Руфа и Плутарха.

Ключевые слова: Александр Македонский, Арриан, Курций Руф, Плутарх, Аристул, Клитарх.

Весьма сложно в безграничном перечне исторических деятелей найти того, кто смог бы превзойти Александра Македонского по количеству сопутствующих легенд и преданий. Для современного исследователя, пытающегося препарировать античный нарратив и обнаружить «настоящего» Александра, самым простым выходом являются шоры гиперкритицизма, позволяющие отнестись ко всему необычному, связанному с македонским полководцем, как к следствию изначальной мифологизированности его образа. Гораздо сложнее попытаться понять, где в письменном предании представлен вымысел, а где – реальные детали жизни действительно удивительного человека, кардинально изменившего судьбу большого числа стран и народов. Особенно непростым объектом анализа выступают поступки Александра, которые не только приобрели легендарный характер, но и представлены в нескольких заметно различающихся версиях. Именно таковой является знаменитая история отказа завоевателя от воды, предложенной ему в условиях страдания войска от жажды в пустынной местности.

Самая известная версия данного происшествия в наиболее подробном виде представлена в сочинении Флавия Арриана. Рассказывая о переходе македонской армии через суровые земли Гедросии, автор, согласно его же словам, решил упомянуть именно здесь «прекрасный поступок» Александра, отдельно указав, что некоторые считают его совершенным ранее в области парапамисадов. Описывая происшествие, Арриан сообщает о нахождении небольшой лужи воды воинами, отошедшими от войска в поисках источников. Набранную воду они преподнесли Александру в шлеме, но царь, поблагодарив, прилюдно вылил содержимое, чем, как указывается, придал армии сил (Anab. VI, 26. 1–3). Близкие, но более лаконичные рассказы о поданной в шлеме и выплеснутой Александром воде приводят Полиэн (IV, 3. 25) и Фронтин (Strat. I, 7. 7), причем первый автор делает это без хронологической и географической локализации, а второй связывает с некими «африканскими пустынями» (*deserta Africae*). Версия, представленная

Курцием Руфом, сильно отличается от упомянутых выше. После описания перехода македонян через земли парапамисадов и Бактрию он пространно повествует о недостатке воды и иных лишениях, с которыми Александр и его люди столкнулись в «пустынях согдийцев» (*deserta Sogdianorum*). Далее упоминается встреча монарха и двух воинов, несших в мехах воду для своих страдавших от жажды сыновей. Один из воинов наполнил чашу и протянул царю, а Александр, в свою очередь, спросил кому несли воду. Узнав о сыновьях, он вернул полную чашу назад и заявил, что не может пить один, если нельзя разделить на всех, в конце велел отдать воду детям (Curt. VII, 5. 1–12). Схожие детали передает и Плутарх, однако он относит происшествие ко времени преследования Дария в Гиркании, упоминает преподнесение воды в шлеме, который царь и вернул полным (Alex. 42).

Дать оценку происхождения столь вариативно репрезентируемого сюжета, определить его изначальный облик и, тем более, историчность, крайне сложно. Это обстоятельство следует считать главной причиной большого разнообразия представленных в историографии мнений. Чаще всего исследователи при пространственно-хронологической локализации эпизода и характеристике его событийной стороны отдают предпочтение информации Арриана¹. Подобная ситуация хорошо вписывается в общую тенденцию, подразумевающую восприятие «Анабасиса Александра», созданного при опоре на сведения Птолемея Лага и Аристобула, как наиболее точного из источников, освещающих деятельность завоевателя². Тем не менее, в данном случае следует согласиться с неоднократно высказывавшимся замечанием о недопустимости предоставления информации Арриана приоритета «по умолчанию»³, а также констатировать неубедительность попыток отдать предпочтение изложенной указанным автором версии «рассказа о воде» по более конкретным основаниям. В частности, существует предположение, согласно которому Александр своим показательным отказом от воды при переходе через пустыни Гедросии постарался пробудить в солдатах

¹ К примеру: *Hammond N.G.L.* Alexander the Great: King, Commander and Statesman. Park Ridge: Noyes Press, 1980. P. 235; *Stoneman R.* Alexander the Great. London; New York: Routledge, 1997. P. 73-74; *Nawotka K.* Alexander the Great. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 334.

² Наиболее выпукло данное мнение выражено в научном наследии У. Тарна (*Tarn W.W.* Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. P. 91-106), однако фиксируется и в большом числе работ других исследователей (*Шофман А.С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань: КГУ, 1976. С. 14; *Kornemann E.* Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios I. Von Aegypten. Leipzig; Berlin: Teubner, 1935. S. 8; *Green P.* Alexander the Great and the Hellenistic Age. London: Weidenfeld and Nicolson, 2007. P. 27-28).

³ *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 43; *Bosworth A.B.* Errors in Arrian // *Classical Quarterly*. 1976. Vol. 26. No. 1. P. 138-139; *Seibert J.* Alexander der Grosse. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. S. 5-6.

самообладание и готовность ждать очереди у источников¹. Это утверждение вступает в противоречие с текстом сообщения, где фигурирует не полноценный источник, а маленькая лужа, при этом опирается на представленные в античной литературе (Arr. Anab. VI, 25. 5–6; Strab. XV, 2. 6) описания беспорядков, возникавших при обнаружении водоемов в Гедросии. Последний блок информации, как предполагается, восходит к сочинению Неарха, передавшему явно утрированную картину событий². Мало того, не известно, откуда именно Арриан взял сведения для рассказа об отвергнутой воде и какой облик они имели изначально. В историографии присутствуют выводы о связи сообщения с материалами Аристула³ или Птолемея⁴, однако оба мнения сугубо гипотетичны. Кроме того, Арриан мог привнести в сюжет немало своего. Смысловой контекст фрагмента показывает, что автор знал и другие варианты пространственно-хронологической привязки эпизода, однако передал его именно в рамках повествования о событиях в Гедросии дабы подчеркнуть способность Александра к самоконтролю и его навыки управления людьми⁵. Также высказано предположение о сознательном отказе Арриана от локализации происшествия в стране парапамисадов из-за стремления не заострять внимание на трудностях, испытанных македонянами в районе Гиндукуша⁶.

Безусловно, иные поздние писатели также внесли немало своего в представленные ими версии «рассказа о воде», во многом определив разнообразие преданий, однако это обстоятельство все же не позволяет полностью принять утверждение П. Бриана, согласно которому древние авторы обращались с сюжетом чрезвычайно вольно и помещали его в повествование там, где считали нужным⁷. Еще более критично следует отнестись к концепции А. Демандта, назвавшего историю с отказом от воды легендой, созданной для спасения идеализированного образа Александра от несоответствующей ему картины страданий армий в Гедросии⁸. Преградой

¹ Naiden F.S. *Soldier, Priest, and God: A Life of Alexander the Great*. New York: Oxford University Press, 2019. P. 216. О связи поступка Александра с беспорядками у источников также см. O'Brien J. *Alexander the Great: The Invisible Enemy*. London; New York: Routledge, 1994. P. 175.

² Bosworth A.B. *Alexander and the East: The Tragedy of Triumph*. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 173-174; Will W. *Alexander der Grosse: Geschichte und Legende*. Darmstadt: Primus Verlag, 2009. S. 65.

³ Strasburger H. *Ptolemaios und Alexander*. Leipzig: Dieterich, 1934. S. 45, Pearson L. *The Lost Histories of Alexander the Great*. New York: American Philological Association, 1960. P. 179.

⁴ Kornemann E. *Op. cit.* S. 87.

⁵ Taietti G.D.M. *Arrian's Historiae: The Anabasis Beyond Military History // The World of Alexander in Perspective. Contextualizing Arrian* / Ed. R. Rollinger, J. Degen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022. P. 201.

⁶ Liotsakis V. *Alexander the Great in Arrian's Anabasis: A Literary Portrait*. Berlin; Boston: de Gruyter, 2019. P. 117.

⁷ Бриан П. Дарий в тени Александра / Пер. с франц. А.Н. Степановой. М.: Вече, 2007. С. 263-264.

⁸ Demandt A. *Alexander der Grosse. Leben und Legende*. München: Beck, 2013. S. 325.

для подобных трактовок выступают данные, предоставленные, как это не покажется странным, Курцием Руфом, чье сочинение, согласно оценкам специалистов, особо изобилует случаями искажения сведений первичной традиции и литературным вымыслом¹.

Даже простое сравнение представленного в труде Курция Руфа «рассказа о воде» с другими сведениями показывает, что он весьма близок к версии, переданной Плутархом, отличаясь от нее географической локализацией и отдельными деталями происшествия, а также перекликается с указанием Арриана на наличие сообщений, связывающих сюжет с землями парапамисадов. Само событие в сочинениях Курция Руфа и Плутарха, где фигурирует не выливание, а возвращение воды, подано с меньшей театральностью, что также свидетельствует об опоре указанных авторов на ранние версии событий². А. Френкель, основываясь на сходстве информации, назвал источником рассказов Плутарха и Курция Руфа труд Клитарха³. Подобное предположение полностью отвечает закрепившимся в историографии установкам, в соответствии с которыми любая информация, приводимая Курцием Руфом и альтернативная сведениям Арриана, воспринимается как часть клитарховой традиции⁴. Тем не менее, нельзя игнорировать различающиеся детали происшествия в версии Курция Руфа и Плутарха, очевидно, связанные с применением разных источников⁵. Считать причиной расхождений упомянутые особенности творческого почерка Курция Руфа не представляется возможным. Согласно убедительным выводам С. Мюллер, римский писатель в своем сочинении сознательно чередовал похвальные и неблагоприятные поступки Александра для демонстрации поэтапного нравственного разложения, причем отрывок с отказом от воды выбивается и из этой тенденции, и из общего тона второй половины *«Historiae*

¹ См. *Atkinson J.E.* A Commentary on Q. Curtius Rufus' *Historiae Alexandri Magni*. Books 5 to 7.2. Amsterdam: Adolf Hakkert, 1994. P. 24-25; *Baynham E.* Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 20-23; *Müller S.* Alexander, Dareios und Hephaistion. Fallhöhen bei Curtius Rufus // *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption* / Hrsg. H. Wulfram. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2016. S. 18; *Peltonen J.* Alexander the Great in the Roman Empire, 150 BC to AD 600. London; New York: Routledge, 2019. P. 41-42.

² См. *Gnuse R.K.* Hellenism and the Primary History: The Imprint of Greek Sources in Genesis – 2 Kings. London; New York: Routledge, 2021. P. 42.

³ *Fränkel A.* Die Quellen der Alexanderhistoriker: ein Beitrag zur griechischen Literaturgeschichte und Quellenkunde. Breslau: J.U. Kern's Verlag, 1883. S. 91.

⁴ См. *Bosworth A.B.* Introduction: Some Basic Principles // *Alexander the Great: A Reader* / Ed. I. Worthington. London; New York: Routledge, 2003. P. 12-13; *Baynham E.J.* The Ancient Evidence for Alexander the Great // *Brill's companion to Alexander the Great* / Ed. J. Roisman. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 21; *Stoneman R.* Primary Sources from the Classical and Early Medieval Periods // *A Companion to Alexander Literature in the Middle Ages* / Ed. Z.D. Zuwiyya. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 11.

⁵ *Hamilton J.R.* Plutarch, Alexander. A Commentary. Oxford: Clarendon Press, 1969. P. 113.

Alexandri Magni Macedonis», где пороки полководца описаны особо нарочито¹. Это показывает, что событийную сторону происшествия и его хронологическую привязку Курций Руф передал, точно следуя за источником.

Следует обратить внимание на оригинальное и при этом вполне оправданное заключение Н. Хэммонда, который на основании сравнения смежных фрагментов сочинения Курция Руфа определил изложенный им «рассказ о воде» как позаимствованный у Аристобула². Данное утверждение хорошо соотносится с выводами других исследователей, в самых разных фрагментах труда Курция Руфа обнаруживших признаки опоры на материал этого раннего автора³. Мало того, сочинение Аристобула активно использовал при создании жизнеописания Александра и Плутарх⁴. Видимо, последний также привлек информацию Аристобула для создания своей версии сюжета, отчасти совпадающей с вариантом Курция Руфа, однако дополнил повествование деталями, позаимствованными из иных источников. Не менее важно и общее соответствие основным особенностям сочинения Аристобула. Как сейчас определяется, этот автор, непосредственно участвовавший в Восточном походе, отличался как стремлением показать Александра идеальным вождем, так и достаточно скупой, лишенной литературных ухищрений манерой повествования⁵. Соответственно, больше оснований полагать, что «скучный» вариант предания, изложенный Курцием Руфом и, отчасти, Плутархом, восходит именно к Аристобулу, а не к Клитарху, для чьего сочинения, напротив, были характерны вымышленные детали и искусственно привнесенный драматизм⁶. Неприкрытая патетичность рассказа Арриана, в свою очередь, в большей степени соответствует писательскому стилю Клитарха. Как показывает сравнительный анализ, Арриан знал материал восходящей к Клитарху традиции, однако относился к нему критично⁷. Возможно, в данном случае автор «Анабасиса

¹ Müller S. Op. cit. S. 35.

² Hammond N.G.L. Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 140.

³ См. Atkinson J.E. A Commentary on Q. Curtius Rufus' *Historiae Alexandri Magni*. Books 3 and 4. Amsterdam: J.C. Gieben, 1980. P. 63-64; Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 2. Commentary on books IV-V. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 21; Pownall F. Ptolemy and Aristobulus // The Cambridge Companion to Alexander the Great / Ed. D. Ogden. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 384-385.

⁴ Подробнее см. Hamilton J.R. Op. cit. P. xlix-liii.

⁵ Маринович Л.П. Ук. соч. С. 30-32; Brunt P.A. Notes on Aristobulus of Cassandreia // Classical Quarterly, New Series. 1974. Vol. 24. No. 1. P. 65-69; Zambrini A. The Historians of Alexander the Great // A Companion to Greek and Roman historiography. Vol. 1 / Ed. J. Marincola. Oxford: Blackwell, 2007. P. 218-219.

⁶ Об этом см. Pearson L. Op. cit. P. 241-242; Seibert J. Op. cit. S. 16-18; Hammond N.G.L. Three Historians of Alexander the Great... P. 23-27.

⁷ Hammond N.G.L. Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's *Anabasis Alexandrou*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 210; Lane Fox R. P.OXY. 4808 and Historians // The Historiography of Alexander the Great / Ed. K. Nawotka, R. Rollinger, J. Wiesehofer, A. Wojciechowska. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. P. 97-98; Degen J. Source and Criticism: Traces of Alexander's 'Official Language' in the *Anabasis* // The World of Alexander in Perspective. Contextualizing Arrian / Ed. R. Rollinger, J. Degen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022. P. 52. Cp. Bosworth A.B. From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation. Oxford: Clarendon Press, 1988. P. 93.

Александра», исходя из творческих соображений и стремления продемонстрировать выдающиеся лидерские качества героя своего сочинения, изменил обычным установкам¹. Вывод об опоре на сведения Клитарха также неплохо объясняет общее сходство рассказа Арриана и сообщений из сборников стратегем. Известно, что труд Клитарха в позднереспубликанское и имперское время был наиболее популярным историческим сочинением, посвященным македонскому завоевателю².

Вышеизложенное позволяет определить эпизод с отказом от предложенной воды как появившийся уже в первых письменных памятниках, освещающих деяния Александра. Считать источником сюжета некий сборник примечательных историй из жизни завоевателя³ оснований нет. Тем не менее, излишне категоричными выглядят и вывод, согласно которому «сдержанный» вариант истории, представленный у Курция Руфа и Плутарха, выступил отправной точкой всех версий⁴, и предположение о создании рассказа о поданной воде самим Аристобулом⁵. Учитывая раннее появление нескольких вариантов предания, можно полагать, что изначально оно бытовало в солдатской среде, постепенно обрастая различными деталями. Это отнюдь не позволяет отбросить саму историю как простую армейскую «байку». Согласно замечанию выдающегося отечественного фольклориста В.Я. Проппа, основанные на реальных событиях рассказы при передаче из уст в уста, как правило, дополняются вымышленными элементами, но сохраняют основное фактическое ядро⁶. Аристобул мог узнать об отвергнутой Александром воде от очевидцев еще при жизни царя, а не участвовавший в Восточном походе Клитарх – от ветеранов, чьи воспоминания, очевидно, составляли заметную часть его источниковой базы⁷. Есть немало причин считать оправданными выводы специалистов, оценивающих представленный Курцием Руфом рассказ как более близкий к реальности⁸. К такому заключению подталкивают личная вовлеченность Аристобула в события азиатской экспедиции, меньшая театральность его версии и большее ее соответствие тому отношению к воде, которое может проявить в условиях ее нехватки человек, часто

¹ Близкий вывод см. *Will W.* Op. cit. S. 67.

² *Pearson L.* Op. cit. P. 212-213; *Prandi L.* Fortuna e realtà dell'opera di Clitarco. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. P. 14-22.

³ См. *Rutz W.* Lucan und die Rhetorik // *Lucain. Sept exposés suivis de discussions* / Sous. ed. M. Durrey. Genève; Vandoeuvres: Fondation Hardt, 1968. S. 248.

⁴ *Gnuse R.K.* Op. cit. P. 42.

⁵ *Pearson L.* Op. cit. P. 180.

⁶ *Пронн В.Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1976. С. 52.

⁷ *Шахермайр Ф.* Александр Македонский / Пер. с нем. М.Н. Ботвинника и Б. Функа. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. С. 96-97; *Jacoby F.* Kleitarchos, 2 // *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. XI.1. 1921. S. 651-653; *Heckel W.* The Conquests of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 7.

⁸ *Worthington I.* Alexander the Great: Man and God. Harlow: Pearson Longman, 2004. P. 175; *Freeman P.* Alexander the Great. New York: Simon & Schuster, 2011. P. 294.

сталкивавшийся с невзгодами трудных походов. Считать сцену отказа от воды чистым вымыслом, напротив, оснований мало. Этому мешает не только ранее появление предания, но и хорошее сочетание происшествия с другими эпизодами полководческой карьеры Александра, являвшегося ярким харизматичным лидером, неоднократно демонстрировавшим готовность терпеть лишения, рисковать здоровьем и жизнью наравне с подчиненными¹. Обозначенное соответствие также выступило одной из ключевых причин распространенности рассказа. Здесь будет уместно вспомнить наблюдение М. Блока, порожденное его богатым жизненным опытом и высочайшей научной квалификацией: искаженные, и даже явно ошибочные свидетельства, приживаются лишь тогда, когда согласуются с пристрастиями общественного мнения². Иными словами, ветераны Восточного похода и их современники верили в возможность подобного поступка покорителя Азии.

Подводя итог следует подчеркнуть, что многократно репрезентируемое в античной традиции и приобретшее немалую культурную значимость предание об отказе Александра от воды, поданной ему в условиях страдания войска от жажды, нельзя считать простой выдумкой лишь на основании большой вариативности письменных сообщений. Появившийся в нескольких исторических памятниках, созданных участниками Восточного похода и их современниками, возможно, под влиянием солдатского фольклора, данный сюжет вполне мог основываться на реальном поступке македонского полководца и в любом случае соответствовал тому образу Александра, что сложился у лиц, вместе с ним прошедших череду трудных походов и кровопролитных сражений. Сбрасывать со счетов их отношение современный исследователь, пусть и вооруженный традиционным научным скептицизмом, не должен.

ALEXANDER THE GREAT'S REFUSAL OF THE OFFERED WATER: THE PROBLEM OF THE RELIABILITY OF A VARIABLE LEGEND

A.A. Kleymeonov (Tula)

The origin and historical basis of the famous ancient legend about Alexander the Great's refusal of water given to him in the desert is under consideration in this article. It is defined that this story is presented in the surviving written works in very different versions, but was already present in the first writings devoted to the deeds of Alexander. The version of the story that was originally presented by Aristobulus can be considered the closest to historical reality. At a later time, his information was presented in the treatises of Curtius Rufus and Plutarch.

Key words: Alexander the Great, Arrian, Curtius Rufus, Plutarch, Aristobulus, Cleitarchus.

¹ *Martin T.R., Blackwell C.W.* Alexander the Great: The Story of an Ancient Life. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 152; *Ferguson M.P., Worthington I.* The Military Legacy of Alexander the Great: Lessons for the Information Age. London; New York: Routledge, 2024. P. 265. Лакоичный, но при этом качественный анализ методов, позволявших Александру управлять настроениями солдатской массы, см. *Keegan J.* The Mask of Command. London: Jonathan Cape, 1987. P. 44-47.

² *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е.М. Лысенко. М.: Наука, 1973. С. 59.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОГО ИЛЛИРИЙСКОГО ВОССТАНИЯ 6-9 ГГ. ДЛЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

А.Н. Колтунов (Белгород)

Великое Иллирийское восстание (6–9 гг.) стало крупнейшим и самым кровопролитным внутренним конфликтом Римской империи при Августе. Восстание хорошо обученных иллирийских вспомогательных войск поставило Рим на грань катастрофы. Несмотря на подавление ценой колоссальных ресурсов и тактики «выжженной земли», война истощила силы Рима, отсрочила дальнейшую экспансию и косвенно привела к разгрому в Тевтобургском лесу, надолго определив границы Империи на Дунае.

Ключевые слова: Великое Иллирийское восстание, Римская империя, Октавиан Август, Паннония, Далмация.

Великое Иллирийское восстание – одно из крупнейших восстаний на территории Римской империи времен императора Октавиана. Младший Цезарь и его легионеры плавно перевели дело в полномасштабную войну против паннонских племен, расширив территории империи до среднего Дуная, о чем говорит Дион Кассий (Dio. Cass., LIV, 20, 2) и сам император. Но, несмотря на усмирение паннонских племен, их южные соседи в Далмации продолжали доставлять неприятности на балканском лимесе. Как отмечают ученые, здесь установление прочного контроля с последующей романизацией и развитием инфраструктуры покоренных племен не происходило, и вообще было отложено до лучших времен¹. Экспансивная и достаточно агрессивная внешняя политика Октавиана Августа привела к желанию установить полный контроль над племенами, которые вниз располагались по течению реки Данубий (Дунай) от Богемии до Мёзии.

Как отмечает Светоний, главнокомандующим для подавления данного восстания являлся Тиберий. И, по его мнению, данная война являлась «... самой тяжелой из всех войн римлян с внешними врагами после Пунических: с пятнадцатью легионами и равным количеством вспомогательных войск ему пришлось воевать три года при величайших трудностях всякого рода и крайнем недостатке продовольствия». Светоний не описывает детали военных действий, но, подводя итог, говорит о том, что Тиберию удалось захватить весь Иллирик, подчинить его и «привести к покорности» (Suet., Tib., 16, 1).

Основной трудностью для римлян при проведении военных кампаний в 6-9 гг. был состав восставших, которые были хорошо подготовленными по римскому образцу вспомогательных войск, которые планировали отправить в Богемию к основным легионам. Так, имеются сообщения о численности войск восставших, которая, конечно, не является абсолютно точной, но дает понимание о том, что восстало порядка 200 тыс. пехотинцев и 9 тыс. конницы. (Vell. Paterc., II, 110, 3). Ещё одной явной проблемой являлась недооценка военной подготовки иллирийцев и плохое знание местности, чем восставшие очень успешно пользовались.

¹ Парфёнов В.Н. Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика. СПб.: Алетея, 2001. С. 176.

На ранних этапах повстанцы пользовались плохой организацией войск империи. Главнокомандующий восставших – Батон Иллирийский – пытался осадить Сискию, но получил ранение и снял осаду. Но при этом римские легионы были очень измотаны и потеряли большое количество войск, о чем косвенно говорит и тяжелый сбор новых легионов из вольноотпущенников и рабов, которые до этого были задействованы лишь для охраны порядка в Риме в голодные годы, и переброски легионов с африканского направления (Suet., Div. Aug., 25, 2).

Военная кампания под руководством Тиберия проходила достаточно напряженно, хотя и вполне успешно. Но далее завершать войну Октавиан позволил Германику, а не альтернативному кандидату – Агриппе, что привело к затягиванию военных действий. Дион Кассий писал о том, что такое решение было продиктовано тем, что «... последний отличался рабскими наклонностями и увлекался рыбалкой ...; также был он подвержен вспышкам гнева, да и самого Августа часто упрекал из-за отцовского наследства. И так как Агриппа был не в своем уме, [Август] отрекся от него» (Dio. Cass., LV, 32, 1).

По мнению современных историков, в частности, Э. Кёстермана, в основе этого решения лежал политический расчет – предоставление «наследному принцу» возможности без особых затруднений приобрести военную славу эффектным завершением войны, однако молодой военачальник явно не справлялся с задачей, война затягивалась, и на театре военных действий вновь появляется Тиберий, который заканчивает подавление восстания¹.

По замечанию В.Н. Парфенова, С. Грюэна и также ряда иных авторов, это были 4 кровавых года, которые нельзя занести в военный актив Октавиана и его военачальников. Лишь сосредоточив на театре военных действий чуть ли не треть вооружённых сил империи, применяя голодную блокаду, тактику выжженной земли и геноцид, римляне сумели добиться победы².

Каковы же были основные последствия военных кампаний 6-9 гг.? Следует остановиться на итогах событий, как для отдельных личностей, так и для империи в целом. К моменту начала восстания наместником Далмации и Паннонии являлся Марк Валерий Мессала Мессалин. По словам Веллея Патеркула, мятеж застал его неожиданно, но тот вывел большинство своих легионов из окружения, а той немногочисленной частью, которая осталась, уничтожил порядка 20 тысяч восставших, за что получил триумф по окончании войны (Vell. Paterc., II, 112, 2).

Но были также два важных человека, роль которых триумфом или знаками отличия не были отмечены. Первый из них – легат Мёзии Авл Цецина Север (Dio. Cass., LV, 29, 2), который помог снять осаду Сирмия Батоном и не дал потерять главный гарнизон Рима на среднем Дунае, а также с помощью фракийской конницы царя Реметалка I разгромил отряд

¹ Там же. С. 188-189.

² Gruen E.S. The Expansion of the Empire under Augustus. IV. The Balcans // The Cambridge Ancient History. Vol. 10. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 178.

Батона, бежавшего с частью своей армии после одного из сражений (Dio. Cass., LV, 30, 2). Второй – Марк Плавций Сильван, который пришел с подкреплением из двух легионов и совместно с Авлом Севером и фракийской конницей двигался с востока на запад, к Тиберию, для блокирования противника. Их вклад точно помог Тиберию и Германику в данной военной кампании.

Следует также отметить и вклад Марка Эмилия Лепида, который проводил очень жестокую, но в то же время эффективную военную деятельность в отсутствие Тиберия. Но Лепид не остался незамеченным, о чем написал Веллей Патеркул: «Будь это осуществлено под его собственными ауспициями, ему полагался бы триумф; в согласии с мнением выдающихся граждан и по воле сената он был награжден триумфаторским облачением» (Vell. Paterc., II. 115. 3, 4). По его же замечанию, несмотря на то, что Лепид получил такие же награды, как и деятели, указанные ранее, его вклад был намного более весомым, чем у остальных.

Германик за не самое удачное командование войсками получил меньше, чем Октавиан и Тиберий, но, тем не менее, по сообщению Диона Кассия, «Германику были даны триумфальные украшения, которыми были награждены и прочие военачальники, а кроме того, преторские отличия, право при голосовании высказывать свое мнение сразу после бывших консулов и право занять консульскую должность раньше, чем было положено по обычаю» (Dio. Cass., LVI, 17, 3).

Сами же Октавиан и Тиберий получили по этому поводу императорские звания, а также им назначен триумф, который по некоторым данным Август либо не принял, либо просто не отмечал, в отличие от Тиберия, справившего триумф в 12 г. Им также оказаны некоторые другие почести, в том числе возведение двух триумфальных арок в Паннонии (Dio. Cass., LVI, 17, 1).

Теперь же стоит выделить последствия данного восстания и его влияние на дальнейшую жизнь империи. Октавиан озаботился охраной внутренней территории империи от дальнейших подобных восстаний, и теперь на территории Паннонии Иллирии и Мёзии стояло на 3 легиона больше, нежели ранее, что, несомненно, усиливало внутренний контроль, так требовавшийся на Балканах¹.

Адриан Голдсворти делает важный вывод об «неповоротливости» римской армии, которая была продиктована ее же доктриной, по которой основной задачей являлось быстрое подавление мятежа силами, которые можно собрать в кратчайшие сроки. Октавиан действовал в полном соответствии с этой доктриной, но наспех собранная армия из вольноотпущенников, ветеранов и рабов, которые не имели мотивации, без должной подготовки, являлась очень уязвимой, что и доказала кампания 7 года, во время которой было убито порядка 10 тысяч ветеранов и немногим

¹ Егоров А.Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л.: ЛГУ, 1985. С. 123-124.

больше обычных воинов. Данное восстание заставило младшего Цезаря отказаться от дальнейшей экспансионистской политики, и перейти к удержанию территории под собственным контролем¹.

Удивительно по окончании войны также и то, что римляне, и прежде всего сам Октавиан, который превозносил каждую свою победу, в этом случае почти ничего о ней не упоминает. Это позволяет предположить, что для общественного мнения, это была не самая лучшая страница истории Рима. Об этом пишет и Дион Кассий, который, несмотря на определенного рода тенденциозность своих сведений, заявлял, что эта война стоила очень многих людских и денежных ресурсов².

Ещё одним итогом событий было ослабление других участков границ, что привело, например к трагедии в Тевтонбургском лесу в 9 г. и потере контроля над землями Германии. Одни из самых боеспособных легионов были переброшены с участка рейнской границы на Дунай вместе с Тиберием, который являлся грамотным военачальником, в отличие от Квинтилия Вара, оставшегося в Германии.

Из работы Светония мы можем узнать, что численность воинского контингента в Иллирии составляла 75 тыс. чел. (15 легионов), и ещё почти столько же вспомогательных войск. Светоний также не учитывал в подсчетах легионы Авла Севера и Марка Сильвана, а вместе с ними и фракийскую конницу Реметалка. То есть, огромное войско, изначально не располагавшееся на Балканах, было переброшено сюда из, как оказалось, не менее взрывоопасного региона, Германии (Suet. Tib., 16, 1).

Завоевание Паннонии является, по мнению Ю.К. Колосовской, важнейшей частью внешней политики Рима, поскольку открыло выход к Среднему Дунаю. В результате присоединения к Империи Норика, покорения ретско-винделикских племен, завоевания Паннонии и Мёзии вся северная граница империи была продвинута до Дуная, ставшего римским рубежом на всем своем протяжении. Иллирик здесь должен был сыграть примерно ту же роль, что для Цезаря Галлия³.

Завоевания завершились, Средний Дунай попал под контроль Рима и стал важным звеном в цепи коммуникаций, соединявших северную Италию, Балканы и восточные провинции. Цезарь Август учреждает два новых военных командования, которые впоследствии становятся новыми провинциями Паннонией и Далмацией. Для народов Иллирии это была последняя попытка обрести независимость от Рима, с которым они боролись с III в. до н.э., что в итоге привело лишь к разрушению городов, разорению земель и убийствам населения.

¹ Goldsworthy A. Augustus: First Emperor of Rome. New Haven: Yale University Press, 2014. P. 435.

² Jason R. Abdale The Great Illyrian Revolt: Rome's Forgotten War in the Balkans, AD 6–9. Yorkshire: Pen & Sword Books Ltd, 2019. 192 p.

³ Куликова Ю.В. Памяти Юлии Константиновны Колосовской (1920–2002) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1 (31). С. 306–307.

THE CONSEQUENCES OF THE GREAT ILLYRIAN REVOLT OF 6-9 AD FOR THE ROMAN EMPIRE

A.N. Koltunov (Belgorod)

The Great Illyrian Revolt (6-9 AD) was the largest and bloodiest internal conflict of the Roman Empire under Augustus. The rebellion of well-trained Illyrian auxiliary troops brought Rome to the brink of catastrophe. Although it was suppressed at the cost of colossal resources and scorched-earth tactics, the war drained Rome's strength, postponed further expansion, and indirectly led to the disaster in the Teutoburg Forest, long defining the Empire's Danube frontier.

Keywords: Great Illyrian Revolt, Roman Empire, Octavian Augustus, Pannonia, Dalmatia.

СПОРЫ О ПРИРОДЕ ДУШИ В V В.: СИДОНИЙ МЕЖДУ ФАВСТОМ И КЛАВДИАНОМ МАМЕРТОМ¹

Е.В. Литовченко (Белгород – Севастополь)

В работе рассматриваются философско-богословские споры о природе души на латинском Западе в V в. через вовлеченность в них ключевой фигуры интеллектуальной жизни своей эпохи Аполлинария Сидония, что нашло отражение в его эпистолярной.

Ключевые слова: Сидоний, природа души, послания, переписка, Галлия.

Спор о природе души в V в. становится одним из центральных экзегетических конфликтов: Отцы Церкви, как и любые другие уважающие себя знатоки Писания, считали необходимым высказаться на этот счет, приводя свои аргументы. Появившийся в Галлии ок. 468 г. в контексте данной проблемы анонимный трактат «Quaeris a me» (Спроси меня), утверждавший телесность души, вызвал широкий резонанс и ответное сочинение Клавдиана Мамерта (ум. ок. 473 г.) «De statu animae» (О природе (или состоянии) души)². Письмо Фавста Регийского (нач. V в. – между 490 и 495 гг.), датированное периодом, предшествующим появлению De statu anime, в котором также кратко сформулирована телесность души (Ер. 3), возможно, дало Клавдиану основание подозревать, что именно Фавст является автором «Quaeris a me». Письмо, о котором идет речь, было написано в 468 г. неизвестному священнику, интересовавшемуся мнением Фавста об арианской и македонианской ересь. В своем ответе, ссылаясь на авторитет наиболее

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002).

² Об этом см.: *Fortin E.* Christianisme et culture philosophique au cinquième siècle. La querelle de l'âme humaine en Occident, Paris 1959, о работе Фавста, в частности: P. 43-74; *Pricoco S.* Sidonio Apollinare tra Claudiano Mamerto e Fausto di Riez e la datazione del 'De Spiritu Sancto' // *Nuovo Didaskaleion*. 1965. Vol. 15. P. 113-140; *Di Marco M.* La polemica sull'anima tra Fausto di Riez e Claudiano Mamerto, Roma 1995. 200 p.; *Hanaghan M.* Sidonius Apollinaris contra Claudianus Mamertus: Jerome, Julianus Pomerius, and the Subversion of Praise // *Journal of Early Christian Studies*. 2021. 29(2). P. 215-236, et al.

известных отцов Церкви, Фавст утверждает, что все создания Божьи материальны, телесны. Эти характеристики распространяются также на ангелов и души людей, которые имеют объем (пространственное измерение), даже если не всегда можно определить ее местонахождение (*quicquid locum occupiat, corpus est*, все, что занимает какое-то место, является телом, *in loco sine loco*). То есть, понятие тела без всякой жесткости применимо ко всему объему сотворенных субстанций, в том числе и духовных (душ и ангелов). Что же касается структуры этих субстанций, Фавст говорит, что они созданы из воздуха и огня. Только Бог бесплотен, бесконечен и существует везде; такие же характеристики присущи Христу как сыну Божьему (Ер. 3)¹. Если состояние смерти, рассуждает Фавст, касается только тела человека и не касается души, то это не мешает ей переносить адские наказания. С другой стороны, поскольку в земном раю согрешили две части человека, *anima et corpus*, то если бы этого не произошло, оставалось бы объяснить, почему только плоть предназначена для искупления смертью, как если бы общая вина не была приписана обоим (Ер. 5). Душа вместе с плотью разделяет ответственность за заблуждение, ведь тело обращается ко греху именно тогда, когда душа не проявляет своей воли². Таким образом, для Фавста душа, согласно его весьма туманному объяснению, обладает своеобразной телесностью, не сравнимой с телом, подпадающим под чувственное восприятие³. Клавдиан же, напротив, очень ясно и однозначно определяет понятие тела (тело есть все, что состоит из четырех элементов и простирается в трех измерениях согласно своим частям)⁴.

Фактически, ключевым моментом спора является разное отношение к сущности категорий тела и пространства, а, вернее, тот факт, что Фавст не разделял эти категории, тогда как Клавдиан представлял душу как бестелесную и внепространственную (*inlocalis*) субстанцию⁵, вводя еще и определение *inlocalis* как доказательство бестелесности, ведь, если что-то не имеет пространственного измерения, следовательно, оно нематериально.

Такова вкратце суть полемики; при этом, своего рода, узлом коммуникации, видимо, сам того не желая, выступил галло-римский аристократ и епископ Сидоний Аполлинарий (ок. 430 – ок. 486 гг.), знавший обоих и полагавший каждого по отдельности своим другом. При этом Фавста Сидоний считал также и своим духовным наставником, о глубоком почтении и христианской любви к которому свидетельствует посвященное ему стихотворение «Благодарение епископу Фавсту».

¹ *Colish M.L.* The Stoic Tradition from Antiquity to the Early Middle Ages: Stoicism in Christian Latin thought through the Sixth century. Studies in the History of Christian Thought. Vol. 2. Leiden; New York, 1990. P. 128.

² *Barcellona R.* Fausto di Riez interprete del suo tempo un vescovo tardoantico dentro la crisi dell'impero. Soveria Mannelli, Rubbettino, 2006. P. 122.

³ *Di Marco M.* Op. cit. P. 187.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 188.

Клавдиан Мамерт – галло-римский теолог, брат св. Мамерта (ум. ок. 475 г.), епископа Вьенна. Происходил, вероятно, из знатнейшей семьи, но отказался от мирских благ и принял монашескую жизнь. Он помогал своему брату в выполнении его функций, конкретно, занимался литургическим пением. Сидоний сообщает, что Клавдиан составил сборник фрагментов из Священного Писания на случай определенных церковных праздников (Ер. IV. 11, 6; V, 13-15) и, кроме того, представляет его знатоком архаизмов и «антикваром» (Ер. IV. 3, 3)¹.

В центре нашего внимания письма к Клавдиану Мамерту и от него (IV. 2 и IV. 3). В переписке речь идет о запрошенной Клавдианом «рецензии» на его произведение, которое он посвятил Сидонию. В своем письме Клавдиан упрекает друга за его молчание: «признаюсь, меня ранит то, что ты не даешь ответа на те книжицы (*libellos*), которые не отказываешься освятить своим именем. Но, возможно, у тебя нет свободного времени, раз ты не можешь уделить хоть немного нашей большой дружбе» (IV. 2. 2). Этот пассаж важен для понимания роли Сидония как востребованного ценителя не только светских художественных текстов, но и религиозных.

Далее Клавдиан пишет следующее: «Мне любопытно, будешь ли ты когда-нибудь интересоваться чем-то, что не может быть обращено на пользу другим людям? Когда ты обращаешься с молитвой к Богу, ты просишь Его не только за своих друзей, но и за людей, которых ты никогда не видел; когда ты исследуешь тайны Священного Писания, то, чем глубже твой ум погружается в учение, тем полнее тот поток [мыслей], который ты передаешь другим. Когда ты тратишь свои средства на бедных, в некотором смысле можно сказать, что ты служишь себе, но твоя цель – служение другим. Ни одно твоё действие не является настолько бесплодным, чтобы приносить обильные плоды для тебя самого, а не для множества других людей» (IV. 2, 3).

Этот фрагмент можно признать «наиболее программным» из приводимого письма, так как в нем в полном формате раскрывается христианская ипостась Сидония: он беззаветно служит людям, не жалея средств помогая обездоленным, и он – знаток Писания, доносящий до паствы свет истины. Известно, что сам Сидоний скромно предпочитал не комментировать Библию в письмах, по крайней мере, вошедших в его коллекцию и обычно перенаправлял собеседников, обращающихся с подобными вопросами, к более компетентным, по его мнению, толкователям. Вероятно, проповеди Сидония могли бы пролить свет на факт его погруженности в христианские священные тексты, по крайней мере, Григорий Турский свидетельствует о том, что его проповеди были выдающимися (HF II. 22), но они не сохранились.

Таким образом, Клавдиан Мамерт запрашивает у Сидония оценку своего произведения и, собственно, ей посвящено обширное письмо епископа

¹ Здесь и далее перевод писем Сидония сделан по изданию: Sidonius Apollinaris. *Epistulae et carmina* // *Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum*. T. 8. Sidonius, Faustus, Ruricius / Eds. C. Luetjohann, B. Krusch. Berlin, 1887. 484 S.

Клермона (IV. 3). Принимая во внимание эти обстоятельства, исследователи, в частности, Майкл Хэнэген, расценивают и посвящение, и запрос Клавдиана, как принуждение Сидония, поскольку все знали о его теплых отношениях с Фавстом. В качестве одного из аргументов рассматривается следующая фраза Мамерта: «...другие часто получают твой отзыв, не стремясь к нему, и, возможно, заслуживают этого не больше меня, и это не слишком сообразуется с законами дружбы» (IV. 2. 2)¹. Стать арбитром в споре о материальности/нематериальности души, принципиальном для того времени, означало испортить отношения либо с одним другом, либо с обоими. Косвенно это подтверждает и факт долгого молчания епископа Клермона, который, видимо, не хотел открыто выражать одобрение трактату Мамерта, чтобы не обидеть епископа Регия. В общем, на наш взгляд, Сидоний прошел по лезвию ножа, чтобы сохранить дружбу и с Фавстом, и с Клавдианом.

Начинает Сидоний с неумеренных восхвалений в честь Мамерта, которые, в общем-то, не заканчиваются до самого финала текста: «...я не должен оценивать твои достижения, сравнивая их с серьезностью Фронтоня или мощью Апулея; ибо по сравнению с тобой Варроны, и тот, что из Атакса, и тот, что из Реата, и Плинии, дядя и племянник, всегда будут казаться простецами (*rusticabuntur* или провинциалами)...» (IV. 3, 1). «...[нельзя не отметить] твое непревзойденное, уникальное образование, заметное во многих областях, и позволяющее вести себя свободно с великими мастерами в обсуждении любого предмета. [Ты] не стесняешься, при необходимости, владеть плектром с самим Орфеем, или посохом с Эскулапом, или правилом с Архимедом, гороскопом с Евфратом, компасом с Пердиксом, отвесом с Витрувием; не перестаешь исследовать время с Фалесом или звезды с Атласом; изучать вес с помощью Цета, числа с Хрисиппом или измерения с Евклидом» (3, 5). «Вот писатель, который мыслит, как Пифагор, имеет ясную логику Сократа; он может раскрыть [любую] тему с Платоном или же Аристотелем; ему присущ шарм Эсхина и гнев Демосфена; он такой же свежий и яркий, как Гортензий; он бушует как Цетег, стремителен, как Курион, осторожен, как Фабий; в изяществе равен Крассу, в сдержанности – Цезарю, в морализаторстве – Катону, в разубеждении Аппию, в убедительности – самому Туллию (*suadet ut Cato dissuadet ut Appius persuadet ut Tullius*)» (3, 6). «Сравнивая же со святыми отцами, вы найдете его поучительным, как Иероним, разрушительным, как Лактанций, созидательным, как Августин, выпененчим, как Иларий, смиренным, как Иоанн; Василий – в упреке, в утешении – Григорий. Он говорит свободно, как Орозий, но кратко, как Руфин; у него есть дар повествования Евсевия и сила Евхерия, чтобы взволновать, оживляющий глас Павлина и настойчивость Амвросия» (3, 7).

В данном фрагменте четко прослеживаются три части, в которых Сидоний, восхваляя автора «*De Statu Animae*», демонстрирует собственные, буквально энциклопедические, познания: в первой части, сравнивая таланты Клавдиана с классиками латинской литературы, во второй части, отмечая

¹ Hanaghan M. Op. cit. P. 220-221.

свойственные ему способности признанных античных ученых и философов, в третьей – находит в нем черты, присущие выдающимся христианским писателям, тем самым, давая понять читателю, что он хорошо знаком с творениями всех перечисленных деятелей прошлого и настоящего.

Что же касается оценки непосредственно самого произведения, то мы имеем не так много, как нам бы хотелось: «... [в череду выдающихся сочинений, несомненно] входит твой том, в котором ты содержательно изложил [свои мысли] о природе души, со всем богатством доказательств и мастерством слога, в котором ты представляешь моё имя; его не прославят мои книги, но увековечат твои. Но, великий Боже, как великолепен этот труд, глубокий по сути, но лаконичный в изложении, с четкой аргументацией, хотя и трудный из-за запутанных силлогизмов, но смягченных буйным цветом красноречия!» (IV. 3. 2). «О книга, могущественная во всех отношениях, о красноречие, тонкое до гениальности, которое не раздувается гиперболическими порывами и не подавляется высокопарными мыслями!» (3. 4). «Теперь, если позволишь, я скажу, что я думаю о твоём гимне: он богат запятыми¹, сладок и возвышен, по поэтическому очарованию и исторической правде, превосходит любые лирические стихотворения или дифирамбы, которые я знаю. Это твоя особая заслуга, что ты соблюдаешь каждую стопу в метре, каждый слог в стопе и каждое ударение в слог; ... ты умудряешься употреблять все богатство слов; сжатый, лаконичный метр не исключает красоту витиеватой манеры. Для тебя простая игра – [манипуляции] с крошечными хореем и мельчайшими пиррихиями (стопами), которая по эффективности превосходит не только молосский и анапестический троичный, но даже четверичный, эпитритный и пеонийский ритмы (*molossicas anapaesticasque ternarias sed epitritorum etiam paeoniumque quaternatas supervenire iuncturas*)» (3, 8).

Завершает Сидоний, следуя тропу *captatio benevolentiae*, уничижительным сравнением тонкого ручейка своей речи с полноводной рекой речи Мамерта и замечает, что, «ни сами Афины не были столь аттичны, ни музы столь мусичны, как Клавдиан» (3, 9).

Итак, из обширного текста письма епископа Клермона мы не узнаем никаких содержательных подробностей трактата. Сидоний выражает неумную радость от посвящения и многословно хвалит форму и стиль произведения. Мощный акцент на форме и стиле письма позволил некоторым ученым воспринимать его намеренным: как отмечает С. Прикоко, Сидоний впоследствии написал Фавсту (IX. 9), хваля его именно за знание философии, того самого предмета, который Клавдиан резко критикует в своем трактате²: «...кто бы ни бросил тебе вызов, – стоик, киник, перипатетик, ересиарх, – все будут побиты их же собственным оружием и раздавлены их собственными приемами» (IX. 9, 15)»³.

¹ *commaticus est copiosus*: похвала, свидетельствующая о блестящем владении литературным языком, позволяющим складывать длинные предложения.

² *Prigoco S. Op. cit. P. 120.*

³ *Лутовченко Е.В.* Некоторые аспекты «*enkyklios paideia*» в корреспонденции Сидония (Ер. IV. 3 и IX. 9) // *Via in tempore. История. политология.* 2022. 49(4). С. 795-804.

Таким образом, в двух посланиях Сидоний дает оценку талантам своих друзей, но Клавдиана он хвалит, по большей части, за литературный талант, а Фавста за глубину и философское проникновение в суть предмета. Восхваляя работу Клавдиана, Сидоний старательно избегает какого-либо доктринального или философского аргумента, который мог быть расценен как оппозиционный по отношению к взглядам Фавста, его оценка основана только на стилистических нюансах. В 1933 г. Эдвард Стивенс утверждал, что это письмо Сидония было «худшим обзором, который когда-либо был написан»¹.

Итак, у нас есть несколько углов зрения, под которыми можно рассматривать описанную ситуацию. Первый связан с признанием как частью априорной элитарности. Как писал позже Руриций Лиможский: «Тот, кто общается с хорошими людьми, [и сам] не совсем плох» (Rur. Ep. 1.12). То есть, Сидоний ценит обоих друзей и его письма посвящены восхвалению их талантов без всякого двойного дна, просто, чтобы подчеркнуть, что в его собственном окружении – только самые достойные люди, потому что и сам он выдающийся человек. Этот тезис хорошо согласуется с мотивом самопрезентации, стимулирующим любую переписку позднеантичного периода. Знаменитые друзья выступают зеркалом, в котором запечатлено отражение великолепного, но скромного автора. Похвала не только показывает их качества, но и выступает средством демонстрации своей собственной блестящей образованности. При этом польский исследователь Й. Штыка вообще не учитывает сложный контекст взаимоотношений между Сидонием, Клавдианом и Фавстом, и полагает, что «общим намерением Сидония Аполлинария было показать своего друга [Клавдиана] как чрезвычайно динамичную личность, наделенную незаурядным умом и высоким художественным талантом»².

Второй подход не только принимает во внимание ситуацию вокруг полемики о природе души, но и возводит епископа Оверни в ранг непревзойденного стратега, поскольку он сделал все, чтобы уйти от конфронтации, не обидев никого из друзей: у него запросили оценку, он ее дал, причем максимально положительную. При этом, исследователи обращают внимание на тот факт, что Сидоний намеренно не раскрывает суть рецензируемого произведения, намеренно акцентирует только стилистику Клавдиана, чтобы выказать свою поддержку именно Фавсту. То есть, это был очень тонкий расчет: Клавдиан вознесен до небес, но все, кто мог бы ознакомиться с полной коллекцией писем Сидония, могут сравнивать с характеристикой Фавста и делать вывод о лояльности Сидония именно к нему. Кстати, коллекция Сидония была опубликована уже после смерти Клавдиана, так что оценить свою характеристику в сопоставлении с данной Фавсту он не мог.

¹ Stevens C.E. *Sidonius Apollinaris and his age*. Oxford, 1933. P. 17.

² Styka J. *Claudianus Mamertus in the Eyes of Sidonius Apollinaris* // *Classica Cracoviensia* 2014. XVII. P. 200.

Наконец, третий вариант – Сидоний просто был неспособен в принципе на религиозно-философские рассуждения, поэтому писал о том, что хорошо знал – о красноречии и риторическом качестве текста. Майкл Хэнэген, однако, считает, что это не так и приводит в качестве доказательства одно письмо Сидония (VII. 14), адресованное Филагрию, где он пространно рассуждает, в частности, о тех преимуществах перед животными, которые человеку дает разум. На наш взгляд, это недостаточное обоснование, хотя и с уверенностью утверждать обратное мы не можем. Вероятно, все же, что его блестящее образование в сочетании с живым умом позволяли ему, по крайней мере, хотя и не без трудностей, воспринимать богословские тексты, но он просто не любил сам полемизировать на подобные темы.

В конечном итоге, все три подхода имеют право на существование и такой сложно организованный человек, как Сидоний, мог руководствоваться сразу всеми выявленными мотивами.

DISPUTES ABOUT THE NATURE OF THE SOUL IN THE 5TH CENTURY: SIDONIUS BETWEEN FAUSTUS AND CLAUDIANUS MAMERTUS

E.V. Litovchenko (Belgorod – Sevastopol)

This paper examines the philosophical and theological debates about the nature of the soul in the Latin West in the 5th century through the involvement of Apollinaris Sidonius, a key intellectual figure of his era, as reflected in his epistolary writings.

Keywords: Sidonius, nature of the soul, letters, correspondence, Gaul.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О РАЗВИТИИ ПОРТОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ИСАВРИИ И ЗАПАДНОЙ КИЛИКИИ В IV–VII ВВ.

Д.В. Лобынцев (Белгород)

В статье исследуется эволюция портовой инфраструктуры Исаврии и Западной Киликии в IV–VII вв., происходившая на фоне экономического расцвета региона. На основе археологических источников анализируются такие феномены, как строительство припортовых укреплений, развитие термальных комплексов и появление механизмов снабжения портов пресной водой. Рассматриваются конкретные примеры, такие как Корасион, Анемурий и Элеуса Себаста, Келендерида, Аккале и др. Показано, что модернизация гаваней была тесно связана с ростом сельскохозяйственного производства и необходимостью транзита товаров. Сделан вывод о комплементарности процессов развития портов и общего экономического развития Киликии и Исаврии в позднеантичный период.

Ключевые слова: Исаврия, Западная Киликия, портовая инфраструктура, поздняя Античность, морская торговля, археология.

На протяжении позднеантичной эпохи такие регионы Малой Азии, как Киликия и Исаврия, в экономическом отношении переживали бурный «взлёт». Это обстоятельство прекрасно подтверждается данными археологии, свидетельствующими, в частности, о количественном росте производства

керамических изделий¹, о развитии мощных производственных масло- и винодельческих комплексов², о появлении роскошных архитектурных комплексов в ряде сельских поселений данных провинций³ и т.д. Одной из наиболее ярких и вместе с тем недооценённых «граней» этого процесса является процесс развития прибрежных портовых поселений данных провинций.

В ряде случаев, конечно, данные о таких процессах ограничивается исключительно фактом существования гавани и развитием поселения, с которой оно было связано. Такие порты, как Антиохия-на-Краге, Харадр или Иотапе, видимо, действовали в IV–VII вв. вообще без значительных изменений, и об их активности остаётся судить по обширным находкам керамики LR1⁴, предназначенной для транзита масла или вина. О существовании гавани Кестра известно из почётной надписи, посвящённой некоему её жителю или служащему Мутете⁵, хотя о функционировании её в позднеантичную эпоху свидетельствуют лишь фрагменты транспортной керамики в окрестностях гавани⁶, но не прямые архитектурные свидетельства. Более явными свидетельствами тому являются многочисленные якоря ранневизантийского периода, обнаруженные в ряде портов киликийско-исаврийского побережья, или непосредственно обломки кораблей данного периода⁷.

Однако в действительности на протяжении веков данные изменения продолжались. Они могут в целом быть сведены к феноменам массового генезиса припортовых фортификаций, развития припортовых термальных комплексов и сооружения портовых цистерн.

¹ *Ferrazzoli A.F.* Cilician Ceramic Production from Roman to Byzantine Age. New Data from Elaiussa Sebaste // OLBA. 2009. Cilt 17. P. 37.

² См.: *Aydinoğlu Ü.* Olive Oil Production in Rough Cilicia: Production Installations – Settlement Pattern – Dating // Olive Oil and Wine Production in Anatolia During Antiquity International Symposium Proceedings: 06-08 November 2008, Mersin-Turkey / Ed. Ü. Aydinoğlu, A.K. Şenol. Mersin, 2010. P. 3–4; *Dodd E.K.* Roman and Late Antique Wine Production in the Eastern Mediterranean: A Comparative Archaeological Study at Antiochia ad Cragum (Turkey) and Delos (Greece). Oxford, 2020. P. 48.

³ См.: *Eichner I.* «Urbanised» Villages in Early Byzantium. An Overview // Transformations of City and Countryside in the Byzantine Period / Ed. B. Böhlendorf-Arslan, R. Schick. Heidelberg, 2021. P. 14–16.

⁴ *Dodd E.* Roman and Late Antique wine production in the Eastern Mediterranean: a comparative archaeological study at Antiochia ad Cragum (Turkey) and Delos (Greece). Oxford, 2020. P. 52–53.

⁵ *Bean G.E., Mitford T.B.* Journeys in Rough Cilicia 1964–1968. Wien, 1970. P. 166–167 (№176).

⁶ *Akkemik Ü.* Rough Cilicia Archaeological Survey Project: Report of the 2004 Season // Purdue University. – URL: <https://docs.lib.purdue.edu/rcas/13/> (дата обращения: 03.11.2025).

⁷ *Harpster M., Varinlioğlu G.* Stemware & Slipways. A maritime survey at Boğsak, Turkey reveals evidence for the Late Antique habitation of Rough Cilicia // INA Quarterly. 2015. Vol. 42 (1). P. 22–23; *Öniz H.* 2016 Mersin Province Underwater Research and Silifke Dana Island Shipyard Studies // ANMED. 2017. Vol. 15. P. 192–194.

В позднеантичную эпоху, которая применительно к данному региону была связана с регулярными исаврийскими мятежами, значительная часть гаваней в городах Киликии была дополнительно укреплена. Как свидетельствуют источники, на протяжении IV–V вв. захват исаврами кораблей или портовых сооружений, видимо, не был редкостью (Amm. Marc. XIV. 2. 19; Theoph. Chron. A.D. 5987/487).

Одним из наиболее ярких свидетельств тому является реставрация крепости Корасион, о которой известно из ныне утраченной надписи, созданной между 367 и 375 годами¹. Планировка гавани демонстрирует стремление одновременно минимизировать площадь поселения и охватить бухту, глубоко вдающуюся в сушу на этом участке. Принято считать, что Корасион должен был служить гаванью для Селевкии-на-Каликадне, хотя его расположение на прибрежной дороге, связанной с рядом сельских поселений региона, предполагает участие Корасиона в вывозе сельскохозяйственных товаров из региона. Обнаруженный в гавани большой 50-метровый портовый склад, помещения которого были разделены аркадами², допускает такую возможность.

Также примечательна в данном контексте реставрация стены, обращённой к морю, в Анемурии в 382 г. Из помещённой в стене надписи известно, что стена была «в спешке закончена по приказанию безупречного Матрониана, достопочтенного комита, Евсевием, доблестным префектом воинства храброго Первых Армян (т.е. I Армянского легиона. – Д.Л.), слава чья велика». Важно, впрочем, отметить, что ключевой целью таких работ была, прежде всего, организация обороны; на поспешный характер работ, связанный именно с этим обстоятельством, намекает использование споллий³.

Обращает на себя внимание и фортификационный комплекс Элеусы Себасты – вероятно, одного из крупнейших позднеримских портов в регионе. Помимо непосредственного возведения стены над гаванью Элеусы, которая располагалась в островной части города (что позволяло защитить, впрочем, не только сам порт, но и городскую территорию), византийцы в целом значительно перестроили эти укрепления по периметру⁴. Данный памятник вообще значительно выделяется среди прочих портов юго-востока Малой Азии: с V в. Элеуса Себаста стала крупным центром экспорта транспортной керамики типа LR1, о чём свидетельствуют возведённые здесь в позднеантичную эпоху масштабные склады и печи для обжига керамики⁵. Крепостной стеной, позднее дополненной целой массой иных сооружений, обзавёлся и Корик⁶ – крупнейший торговый порт региона.

¹ Hagel S., Tomaschitz K. Repertorium der Westkilikischen Inschriften. Wien, 1998. S. 170 (Krs 1).

² Cubas Díaz J.C. Korasion: Eine unsichtbar gewordene kilikische Kleinstadt // OLBA. 2020. Vol. 28. S. 353, 355.

³ См.: Jones C.P. The Inscription from the Sea-Wall at Anemurium // Phoenix. 1972. Vol. 26 (4). P. 396–399; Smith C.L. Excavation Report, Eski Anamur (Anemurium), 1968 // Türk Arkeoloji Dergisi. 1968. Sayı 18, №2. S. 177.

⁴ Elaiussa Sebaste I. Campagne di scavo 1995–1997 / a cura di E.E. Schneider. Roma, 1999. P. 45–46.

⁵ Ferrazzoli A.F., Ricci M. Cilician Ceramic Production from Roman to Byzantine Age. New Data from Elaiussa Sebaste // OLBA. 2009. Cilt 17. S. 37; Vann R.L. Some Observations on Byzantine Harbors in Isauria // Византийский временник. 1998. Т. 55. С. 83.

⁶ Vann R.L. Указ. соч. С. 82–83.

В позднеантичный период значительная часть прибрежных селений обзаводится портовыми банями. Они были обнаружены в Келендериде, Элеусе Себасте, Милах, Ольмах, Кызлар-Хамамы и других комплексах. Практически все они были возведены в IV–VI вв. Бани Кызлар-Хамамы, воздвигнутые около IV в. в стиле изодомической кладки и украшенные блоками с лепниной, можно считать эталоном строительной практики в данном регионе. В ряде случаев, как отмечают исследователи, такие бани были слиты со складскими комплексами, примерами чему являются Келендериде и Корасион¹.

Бани Келендериды были воздвигнуты, по-видимому, около III в., хотя отнесение постройки водопровода, снабжавшего баню, к IV в., свидетельствует о том, что этот комплекс мог строиться в несколько этапов. О длительной модификации (или о затянувшемся процессе строительства) свидетельствует возведение в V–VI вв. т.н. Келендеридской мозаики, достаточно точно изображавшей гавань этого поселения².

Кейс Аккале представляется нам гораздо более сложным, поскольку во 2-й половине V в. это поселение представляло собой проастий, длительное время принадлежавший военному магистру и патрикию Иллу. Однако помещение в припортовой бане почётной надписи с христианской символикой, по-видимому, должно было означать, что комплекс был рассчитан на достаточно широкий круг посетителей. Впрочем, как отмечает А. Морёл, в северной Сирии подобные сооружения получили широкое распространение непосредственно в ходе значительного роста населения в сельской округе³.

Примечательно, наконец, возведение бань в бухте Нарлыкую, предварявшей вход в древнее святилище Корикийской пещеры. В начале IV в. житель близлежащего Корики, Поймений, упомянутый в надписи как «*доверенный императорам комит*» («...φίλον βασιλεῦσιν ἑτέρων»), возвёл купальни близ протекавшего здесь источника, а в VI в. купальни были украшены роскошным мозаичным полом с изображением трёх граций⁴. Однако функциональным назначением гавани было, конечно, не осуществление товарообмена, а привлечение потока паломников. В связи с Нарлыкую памятны и портовый комплекс исаврийских Мил – крупной деревни к югу от Селевкии-на-Каликадне, где в IV–V вв. уже существовавшая гавань была соединена более удобными лестницами с северным склоном холма

¹ Dumankaya O., Başdemir A. Ancient Harbour Research in Kızlar Hamamı Bay // *Arkhaia Anatolika*. 2023. Cilt 6. S. 103.

² Friedman Z., Zoroglu L. Kelenderis Ship-Square or Lateen Sail? // *The International Journal of Nautical Archaeology*. 2006. Vol. 35. P. 108; Tekocak M. Kelenderis Liman Hamamı // *OLBA*. 2008. Cilt 16. S. 154.

³ Furlan I. Illo e le epigrafi relative alla sua tenuta di Akkale // *ΕΡΚΟΣ*. Studi in Onore di Franco Sartori. Padova, 2003. P. 109; Mörel A. A Port Settlement in Eastern Rough Cilicia (Isauria). Akkale // *Rural Settlements and Urban Centers in Mediterranean in Antiquity Symposium Proceedings* / Ed. Ü. Aydınoglu, A. Mörel. Mersin, 2017. P. 102–103.

⁴ Merkelbach R., Stauber J. Steinepigramme aus dem griechischen Osten. Band 4: Die Südküste Kleinasien, Syrien und Palaestina. Leipzig, 2002. S. 199–200.

бухты, на котором был расположен монастырь св. Феодора¹. Однако новые припортовые сооружения крайне редко возводились в регионе исключительно с данными целями.

В ходе исследования небольшого прибрежного поселения Астерия на о. Богчак исследователи обнаружили несколько цистерн позднеантичного времени, расположенных вблизи островной гавани и в значительном отдалении от основного комплекса поселения. Расцвет Астерии относят к периоду между IV и IX вв., хотя первые жилые постройки на острове, несомненно, относятся ко времени до IV в.², и принято считать, что цистерна в Астерии была предназначена для кораблей, проходивших вдоль исаврийского берега. Сооружение с аналогичными функциями было воздвигнуто и в Аккале (причём само поселение, по-видимому, испытывало значительную нехватку воды), и его возведение можно достаточно уверенно связывать с деятельностью вышеупомянутого Илла³. Эта традиция, очевидно, имела достаточно широкое распространение в регионе в IV–VII вв., хотя и не была чем-то новым.

Обобщая данные свидетельства, мы должны в очередной раз отметить, что модернизация портовой инфраструктуры поселений, конечно, не нечто уникальное для позднеантичной эпохи. На протяжении предыдущих веков гавани поселений обзаводились волноломами, пристанями, кольцами для швартовки судов, припортовыми термами и т.д. Процесс этот, частично прерванный кризисом III в., получил большое развитие в юго-восточной части Малой Азии. Не может, однако, не обращать на себя внимание тот факт, что интенсификация этой строительной деятельности сопровождала разрастанию сельских поселений на киликийско-исаврийском побережье – к югу от Селевкии-на-Каликадне и к северу от неё (в междуречье Ламоса и Каликадна), близ Антиохии-на-Краге и Афродисия и т.д. Как отдельные такие многофункциональные гавани⁴, так и их кластеры были явно рассчитаны на неиссякающий транзит людей и товаров, хотя Нарлыкую и Милы, прежде всего, были местами для приёма паломников. Увеличение спроса на сельскохозяйственные и некоторые иные товары явно требовало усиления транспортных мощностей местных гаваней. Эти обстоятельства, думается, позволяют несколько лучше увидеть комплементарность процессов развития региональной инфраструктуры и феномена экономического взлёта Киликии и Исаврии в позднеантичную эпоху.

¹ *Roch G.* Das Heiligtum des Hg. Theodoros bei Holmoi (Isauria) Wiedergefunden! // ADALYA. 2007. Cilt 10. S. 263.

² *Esmer M.* Houses on an Island. Boğsak (Asteria in Isauria) in Late Antiquity // The Archaeology of Anatolia. Volume II: Recent Discoveries (2015–2016) / Ed. S.R. Steadman, G. McMahon. Cambridge, 2017. P. 266, 269–271.

³ *Aydinoğlu Ü.* 2018 Excavations at The Ancient Harbor Settlement of Akkale (Erdemli/Mersin) // ANMED. 2019. Vol. 17. P. 27; *Mörel A.* Op. cit. P. 105–106.

⁴ *Aydinoğlu Ü.* 2018 Excavations... P. 27; *Esmer M.* Op. cit. P. 255–256.

NOTES ON THE DEVELOPMENT OF THE PORT INFRASTRUCTURE OF ISAURIA AND WESTERN CILICIA FROM 4TH TO 7TH CENTURIES AD

D.V. Lobyntsev (Belgorod)

This article examines the evolution of port infrastructure in Isauria and Western Cilicia from the 4th to 7th centuries, amidst the region's economic prosperity. Archaeological sources are used to analyze phenomena such as the construction of port fortifications, the development of thermal complexes, and the emergence of mechanisms for supplying ports with fresh water. Specific examples are considered, including Korasion, Anemurium, Elaiussa Sebaste, Kelenderis, Akkale and so on. It is noted that harbor modernization was closely linked to the growth of agricultural production and the need for goods transit. A conclusion is drawn regarding the correlation between port development and the economic development of Cilicia and Isauria in the Late Antiquity at all.

Key words: Isauria, Western Cilicia, seaport infrastructure, Late Antiquity, maritime trade, archaeology.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ НА КРИТЕ В IV-VII ВВ. КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В РЕГИОНЕ

И.А. Муртазин (Белгород)

В данной статье даётся попытка проанализировать Крит в IV-VII вв., когда происходят активные подземные толчки. Главной задачей является проследить по археологическим данным результаты землетрясений и их последствия и влияние на обыденную жизнь, а также ответить на вопрос – действительно ли происходит дестабилизация на острове?

Ключевые слова: Крит, землетрясения, Гортина, археология.

В период существования ранневизантийского государства (IV-VII вв.) проявляется разносторонность влияния географических факторов применительно к условиям разных провинций. Связано это с большой территориальной площадью Восточной Римской империи – 750000 кв. км¹. Каждая провинция была разнообразна и имела свои природно-географические особенности.

В данной работе будет рассмотрен остров Крит. Связано это с особой уникальностью его расположения – относительной изолированностью и близостью к магистральным путям. Более подробно стоит акцентировать последний пункт, так как благодаря этому существовал торговый путь, направлявшийся от берегов Северной Африки, в основном из египетских городов, в Константинополь². Это позволяло местным жителям не только приобретать важные товары – керамические изделия из Африки, но и продавать свои. Это подтверждается богатым убранством, а также важными постройками в области прибрежных городов или портов: фресками, административными сооружениями, точками торговли и т.д.³

¹ История Византии. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 68.

² Tsigonaki C., Sarris A. Recapturing the Dynamics of the Early Byzantine Settlements in Crete: Old Problems – New Interpretations through an Interdisciplinary Approach // LAC 2014 Proceedings. VU E-Publishing, 2014. P. 1.

³ Sweetman R.J. The Mosaics of Roman Crete. Art, Archeology and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 87.

На пути к процветанию остров Крит, однако, подстерегали и опасности непреодолимого характера, известные еще по минойскому времени. Это стихийные бедствия – землетрясения.

Стихийные бедствия, преимущественно землетрясения, на Крите проходили весь ранневизантийский период. Самыми главными являются подземные толчки 365, 375, 438 и 468 гг. Все они подтверждаются археологическими и письменными свидетельствами. Например, в 365 г. в городе Артена были найдены остатки амфитеатра и жилых кварталов с явными последствиями движений подземных плит¹.

Также мы можем привести в пример и другие места, находящиеся недалеко от Крита. Например, бедствие на Кипре, оценивающееся по шкале сейсмической активности в 7-8 баллов², даёт понимание того, насколько сильным было данное событие.

Указания на эти бедствия с датами есть в некоторых письменных источниках, например, в работах Зосима «Новая история», в «Хронографии» Иоанна Малалы, в «Церковной истории» Евагрия Схоластика, и др.

Можно утверждать о существовании определённого историографического мнения относительно ранневизантийских землетрясений. Некоторые исследователи выделяют отдельный исторический период, существовавший на территории Крита – Early Byzantine Tectonic Paroxysm³, начинающийся с IV в. и заканчивающийся VII в.

Таким образом, мы можем сказать, что в период IV-VII вв. происходили сейсмические активности возле Крита, подтверждающиеся найденными остатками сооружений, а также упоминаемые события у некоторых позднеантичных авторов. На их основании создана историографическая периодизация землетрясений на острове.

Первой датой землетрясений на Крите, которые выделяют историки в VI веке, является 552 год. Это событие почти не нашло отражения в научной литературе. В археологических исследованиях, проведённых в Гортине, храме св. Тита, были обнаружены свидетельства о разрушениях из-за толчков. На южной стороне нефа на полу была найдена мозаика, которая была в быстром темпе восстановлена⁴. По мнению Спираса Папагеоргиу и Статиса Стироса, разрушение этой мозаики было прямо связано с землетрясением 552 г. Весьма интересен достаточно быстрый темп ремонта – уже к 553 г.⁵

Также из надписей мы знаем имя главы мастеров, восстанавливавших храм св. Тита – Ветраний, который и руководил процессами ремонта⁶. Стоит сразу же сказать, что это единственное свидетельство данного события.

¹ Francis J.E., Kouremenos A. Roman Crete. Oxford: Oxbow Books, 2016. P. 136.

² Болгов Н.Н., Болгова А.М., Денисова И.В. Древний и византийский Кипр. Белгород, 2023. С. 67.

³ Roussos K. Port and Harbour Networks in Crete during Late Antiquity (4th – mid-7th c. AD): A Modern Approach // Journal of Greek Archaeology. 6. 2021. P. 334.

⁴ Sweetman R.J. The Mosaics of Roman Crete. Art, Archeology and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 121.

⁵ Ibid.

⁶ Tsigonaki Ch. Pulpit of St. Titus Basilica in Gortyna // Travaux et Memoires, 15. Paris, 2005. P. 519.

Однако, если провести аналогию с другими упоминаниями землетрясений тех лет в области Эгейского моря, то можно сказать о таком историческом регионе как Пелопоннес. Поселения вокруг Асклепиона стали оставаться местными жителями. Причину связывают с периодом землетрясений в 550-555 гг.¹ Таким образом, мы можем сказать, что подземные толчки происходили не в единственном месте, а в разных частях Эгейского моря. Однако, событие 552 г. ни к какой дестабилизации на острове не привело. По крайней мере, других сведений о бедствии тех лет у нас нет.

Дальнейшее событие переносит нас в конец VII века – 670 год. О данном историческом эпизоде упомянуто во ряде источников и исследований. В частности, в западной историографии приводятся разнообразные мнения относительно данного события и его последствий.

Главное историческое событие VII в. на Крите – нашествие арабов, которое по своим последствиям сопоставимо с землетрясениями.

В 670 г. столица острова Гортина пострадала от тектонических толчков, что повлекло за собой разрушение значительной части города². Во 2-й половине VII в. роль Гортины как столицы и важного административного центра на Крите постепенно утрачивается, и к концу столетия она превращается в небольшую деревню³. Если мы и наблюдаем здесь какую-то жизнь, то это в основном исчезновение общественных зданий и наличие простых жилых домов⁴.

На запустение Гортины также в достаточной степени повлияли набеги арабов⁵, приведшие к возвышению Ираклиона как нового административного центра на Крите.

Базилика св. Тита, расположенная в Гортине, также подверглась разрушению. Ещё в период с 610 по 616 гг., по нумизматическим данным, можно проследить локальный эпизод, связанный с частичным разрушением храма, однако в последующем он был восстановлен и использовался в полной мере⁶. Проведённые исследования установили факт разрушения мозаичных полов из-за новых тектонических толчков⁷.

¹ *Bourbou C.* Health Patterns of Proto-Byzantine Populations (6-7 centuries AD) in South Greece: the Cases of Eleutherna (Crete) and Messene (Peloponnese) // *International Journal of Osteoarchaeology*, 13, 2003. P. 304.

² *Tsougarakis D.* Byzantine Crete. From the 5th Century to the Venetian Conquest. Athens: Historical Publications S.D. Basilopoulos, 1988. P. 22.

³ *Garraffo S.* Notes on coin production, use and circulation in Tripolitania and Crete in late Roman and early Byzantine times (resume) // *Coin finds and coin use in the Roman world. The Thirteenth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History*. Berlin, 1996. S. 183.

⁴ *Baldini I.* The Functional Transformations during the Byzantine Era // *Archaeological work in Crete 2. Proceedings of the 2nd meeting, Rethymno, 26-28 November 2010, Rethymno 2012*. P. 254.

⁵ *Harrison G.W.M.* Gortyn in Byzantine Crete // *Journal of Roman Archaeology* 3. 1990. P. 504.

⁶ *Συθιακάκη Β.* Προκαταρκτική παρουσίαση των αποτελεσμάτων της αρχαιολογικής έρευνας στο ναό του Αγίου Τίτου Γόρτυνας κατά τα έτη 2013-2015 // *ΔΧΑΕ* 40. 2019. Σ. 85.

⁷ *Sweetman R.J.* The Mosaics of Roman Crete. Art, Archeology and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 223.

До 2010 г. считалось что базилика св. Тита после 670 г. перестаёт использоваться в Гортине из-за разрушения от землетрясений, но далее археологическими работами Болонского университета было выявлено, что церковь использовалась до начала VIII в.¹ Это может говорить о существовании какой-то прослойки городских граждан или клириков, которые были заинтересованы в ремонте сооружения.

Таким образом, можно сказать, что в VI-VII вв. происходит некоторая дестабилизация на Крите. Однако, VI век не так сильно ее выражает, а в следующее столетие это проявляется достаточно сильно. Большая часть городов перестаёт существовать или же становится сельскими поселениями.

В то же время, сложно сказать, что было главной причиной упадка – землетрясения или арабские нашествия. При этом, попытки проведения в порядок острова тоже были. Так в Житии Андрея Критского есть сведения о попытке восстановления Гортины этим святым². Но, как видим, стабилизация в данном городе была либо временным событием, либо вовсе не увенчалась успехом, если Ираклион становится в будущем важнейшим административным городом на Крите.

EARTHQUAKES IN CRETE IN THE 4TH-7TH CENTURIES A.D. AS A FACTOR OF DESTABILIZATION IN THE REGION

I.A. Murtazin (Belgorod)

This article attempts to analyze Crete in the 4th and 7th centuries A.D., a period of intense earthquake activity. The main objective is to trace the effects of earthquakes and their impact on everyday life using archaeological data, as well as to answer the question: was destabilization truly occurring on the island?

Key words: Crete, earthquakes, Gortyna, archeology.

ГОРОДА АЗЕРБАЙДЖАНА В АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Г.Г. Нагиев (Москва)

Изучение городской культуры, исследование экономических, политических, социально-культурных и других градообразующих факторов – актуальные вопросы исторической науки. При решении большинства вопросов по истории античных городских памятников особое место занимает анализ письменных сообщений. Статья посвящена анализу работ некоторых античных авторов об исторических городах Азербайджана.

Ключевые слова: античные города Азербайджана, письменные источники о древних городах, города Атропатены, города азербайджанской Албании.

¹ Baldini I. Early Byzantine churches in Crete and Cyprus, between local identity and homologation // Cahiers du Centre d'Etudes Chypriotes. Vol. 43. 2013. P. 35.

² Salvatore R. From Gortyn to Heraklion? A note on Cretan urbanism during the 8th century // Byzantina Symmeikta. Vol. 29. 2019. P. 74.

При решении большинства вопросов по истории древних городов особое значение имеет метод анализа письменных источников. В сообщениях греческих и римских авторов содержатся значимые данные о природных богатствах, политических и торгово-экономических отношениях, а также о городах древних государств на территории Азербайджана – Атропатены и Албании¹.

В работах Геродота (ок. 484 – 425 гг. до н.э.), Страбона (64/63 г. до н. э. – ок. 23/24 г. н.э.), Плиния Старшего (22/24 – 79 г.), Птолемея (ок. 100 – ок. 170), Диона Кассия (между 155 и 164 гг. – 230-е гг.), Стефана Византийского (VI в.) и др. зафиксированы названия нескольких городов Атропатены и Албании.

В некоторых случаях ранний период развития этих городов можно связывать с поселениями, упоминаемыми в ассирийских клинописных текстах VIII–VII веков до н.э., относящихся к мидийскому племенному союзу².

По сообщению Геродота, царь Деиок «воздвиг большой укрепленный город – нынешние Акбатаны, в котором одна стена кольцом охватывала другую. Крепостные стены были построены так, что одно кольцо [стен] выдавалось над другим только на высоту бастиона. Местоположение города на холме благоприятствовало такому устройству [стен], однако местность была еще немного изменена искусственно. Всех колец стен было семь; внутри последнего кольца находятся царский дворец и сокровищница. Длина наибольшего кольца стен почти такая же, что и у кольцевой стены Афин. Бастионы первого кольца стен белые, второго – черные, третьего – желто-красные, четвертого – темно-синие, пятого – сандаракового цвета³. Таким образом, бастионы всех этих пяти колец пестро окрашены. Что же до двух последних колец, то бастионы одного были посеребренные, а другого – позолоченные»⁴.

Несколько времени спустя после Геродота Экбатана упоминается у Страбона: «большой город и столица Мидийской державы (еще и теперь он служит парфянам столицей, а их цари проводят здесь, по крайней мере, лето, так как Мидия – страна холодная; зимой они пребывают в Селевкии на Тигре, недалеко от Вавилона)⁵. Экбатана (Ecbatana) основана царем Селевком – считает Плиний.

В Мидии есть и греческие города⁶, – сообщает Страбон, «среди этих городов назову Лаодикею, Апамею, город около Раг, и саму Рагу, основанную Селевком Никатором. Последний назвал её Европом, а парфяне – Арсакией». По словам Аполлодора из Артемиды, этот город лежит приблизительно на 500 стадий южнее Каспийских Ворот»⁷.

¹ *Нагиев Г.Г.* Античные и средневековые авторы об укреплениях городов Азербайджана // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2021. Т. 103. № 3. С. 77.

² *Мамедзаде С.* Из ранней истории городов Атропатены // Академическая история и мысль. Том 7, № 4. 2020. С. 2331–2354.

³ Оранжево-красный цвет (сандарак – сернистый мышьяк).

⁴ *Геродот.* История (под редакцией С.Л. Утченко). Л.: Наука. 1972. С. 43.

⁵ *Страбон.* География в 17 книгах. Книга XI. М.: Ладомир, 1994. С. 495.

⁶ Города, построенные македонянами.

⁷ *Страбон.* Указ. соч. С. 482.

По античным свидетельствам, в первой войне Рима с Парфией (36 г. до н.э.) римский полководец, участник второго триумvirата 43–33 гг. до н.э. Марк Антоний с большим войском предпринял осаду одного из мощных городов-крепостей Атропатены. Согласно Страбону, этот город носит название *Ουερα* (Вера), является зимней столицей Атропатены, один из городов, откуда осуществлялось административное управление Атропатаканом при парфянах. Эта крепость находится в 2400 стадиях от реки Аракса..., как сообщает Деллий, друг Антония, описавший его парфянский поход, в котором ему самому пришлось участвовать в качестве легата»¹.

У Диона Кассия этот город-крепость называется *Πραασπα* (Прааспа) (Cassius Dio. Rom. Hist. 25, 49), а у Плутарха – *Φραατα* (Фраата) (Plut. Ant. 38, 50). Исследователи сопоставляют этот топоним с названием города Парда², известного по надписям Саргона II (722–705 гг. до н.э.)³ как столица (URU šarġu-ti «царский город»), восточно-маннейской области Зигирту.

В первой половине XIX в. один из основателей ассириологии, британский археолог Генри Кресвик Роулинсон все три названия ошибочно относил к городу Тахт-и-Сулейман (Шиз), руины которого расположены примерно в 160 км к юго-востоку от озера Урмия.

Фрааспа некоторыми учеными локализуется на месте Гале-и Зоухак недалеко от города Мийане в Южном Азербайджане⁴. Крепость расположена на горной возвышенности, имеет полукруглые и круглые оборонительные башни. На территории городища обнаружено множество изделий парфянского периода⁵.

Укрепленный город Вера одними исследователями идентифицируется крепостью Фраата, которая расположена у подножия горы Сахенд, в 16 км севернее города Марага, а другие считают, что Вера и Фраата – названия разных населенных пунктов городского характера⁶. Еще одна версия предполагает, что «Фраата» – третье по счёту название Мараги, и т.д.

В «Руководстве по географии» Клавдия Птолемея название этого города звучит как *Φαναασπα* («Фанааспа») и указаны его координаты: 850 30' северной широты, 400 30' восточной долготы⁷.

¹ Страбон. Указ. соч. С. 494–495.

² Город Парда идентифицируется со средневековым городом Барза, который, согласно арабскому автору Хордадбеку, находился в 15 фарсах (около 90 км) от Мараги. Он впервые упоминается в 737 г. до н.э. в связи с походом войска Тиглатпаласара III в страну «могучих мидян». Парда разрушена в 714 г. до н.э. вместе с окружающими её 23 городами.

³ Мамедзаде С. Об идентификации трех городов Манны и Атропатены // Проблемы истории, филологии, культуры. 3. 2020. С. 114–119.

⁴ Minorsky V. Roman and Byzantine Campaigns in Atropatene // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 11, No. 2. 1944. P. 261–262; Алиев И.Г. Очерк истории Атропатены. Баку: Азернешр, 1989. С. 106; Kleiss W. Qal'eh Zochak in Azerbaidjan // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. 1973. № 6. P. 186.

⁵ Kleiss W. Указ. соч. P. 164, 166, 168–169.

⁶ Алиев И.Г. Указ. соч. С. 106–107; Fazili A. R. Atropatena. E.e. IV – b.e.VII esrleri. Bakı: Elm, 1992. S. 81.

⁷ Птолемей. Руководство по географии. Книга VI, 2; Касумова С.Ю. Южный Азербайджан в III–VII вв.: (Проблемы этнокультурной и социально-экономической истории). Баку: Элм, 1983. С. 24.

Последним античным автором, упоминавшим этот город, был Стефан Византийский, у которого, помимо Фрааспа («Фрааспа»), встречается вариант Прааспа («Прааспа»)¹.

Страбон в «Географии» сообщает, что летней столицей Атропатены является Газака, расположенная на равнине². В.В. Минорский на основании византийских источников отождествлял этот город с Тахт-и-Сулейманом (Шиз)³. Последние исследования Газаку локализуют на месте современной деревни Лейлан на восток от города Мийандоб. По версии некоторых ученых крепость Вера является цитаделью города Газака.

Еще один город Атропатены, который упоминается у Птолемея – это город Аганзана – Αγανζανα (или Αγαζα) (Ptol. VI, 2, 8). Пол Рост предложил отождествлять этот город с топонимом Агази текстов времен Саргона II, что было поддержано другими исследователями⁴. Ученые предполагают, что город существовал со времен аккадских царей. Топоним Агазу встречается в хозяйственных текстах архива города Гасур (иначе Нузи, около современного Киркука) постаккадского (кутийского) периода (XXII в. до н.э.). Агази – сокращенная форма от Аганзана, где «ана» – греческая приставка. Город отождествляется с современным Зенджаном⁵.

Вопрос об идентификации еще одного города Зазака (Ζαζακα) (Ptol. VI, 2, 8) у Птолемея – вызывает большие дискуссии.

Рассказывая о городах Мидии, Плиний (Plin. VI, 14) рядом с Аганзаной упоминает город Алациа (греческое название «Апамия»), который назывался также Рафан («Рафан»)⁶.

Топонимы Σιμβακα («Симбака») у Страбона (Strabo, XI, 13, 2), 'Αλου'ακα («Албака») у Плиния отождествляются с названием области / города Арбаку, которе встречается в текстах Ашшурназирапала II в связи с военными действиями в области под названием «Внутренняя Хабхи»⁷.

Древнегреческий историк и военачальник Полибий (ок. 200 – ок. 120 до н.э.), описывая Мидию, сообщает о равнинах, «густо занятых городами...»⁸. Он знал о существовании в Атропатене более 70 городов, но он не называет не

¹ *Наджафова И. М.* К вопросу о столицах Мидии-Атропатены // Вестник Бакинского университета. Т. 4, Баку, 2003. С. 170.

² *Страбон.* Указ. соч. С. 494.

³ *Нагиев Г.Г.* Средневековый город Гянджа (о фортификации города и социальной структуре) // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2020. № 4 (40). С. 85.

⁴ *Rost P.* Das Sogenannte Mederreich und das Emporkommen der Perser Untersuchungen zur Altorientalischen Geschichte // Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, 1897. P. 83–116; *Streck M.* Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilinschriften // Zeitschrift Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie, 1901. P. 257–382.

⁵ *Алиев И.Г.* Очерк истории Атропатены. С. 106.

⁶ *Алиев К.Г.* Древнегреческие и латинские первоисточники по истории Азербайджана. Баку, 2010. С. 218.

⁷ *Мамедзаде С.* Из ранней истории городов Атропатены // Академическая история и мысль. С. 7, S. 4. 2020. С. 2349.

⁸ *Алиев К.Г.* Античные источники по истории Азербайджана. Баку: Элм, 1987. С. 11.

одного из них¹. Кроме того, ему был известен указ Александра Македонского о строительстве у границ мидийской сатрапии с целью «защиты от варваров» городов-крепостей (Polyb. X, 27).

О сложных урбанизационных процессах в Атропатене свидетельствуют результаты археологических раскопок в районе городов Маранд, Арша, Борудж, Герми².

Сообщения письменных источников о расположении в античной Албании крупных и мелких населенных пунктов подтверждается результатами археологических раскопок. Известный археолог И.А. Бабаев отмечает: «Поселения, лежащие на удобных путях и в местах, благоприятных для развития ремесла и торговли, постепенно превращались в города и становились культурно-экономическими центрами страны. Такие города в Албании были в значительном количестве, о чем, в частности, свидетельствуют письменные источники»³.

Города Габала (Кабалака), Нахчыван (Наксуана), Шамахи (Кемахийя), Шеки (Шекии), Шабран (Shoptrane), Пайтакаран и др. упоминаются в античных источниках.

По данным Страбона «айнианы... построили в области витиев укрепленный город, который называется Айнианой / Энианой (Αἰνιάνη) (Strabo, XI, VII, 1)⁴. Город Айниана исследователями локализуется по-разному⁵. Его связывают с албанской областью Пайтакаран⁶, городом Йунан⁷. Предполагают, что он был расположен к северу Байлакана (Оренгала)⁸ или около современного города Агдам⁹, и т.д.

Плиний в своем труде «Естественная история», говоря об Албании, упоминает, что её главным (orpidum)¹⁰ городом является Габала (Кабалака) (Plin. VI, 10, 29). То есть, Габала – один из городов Албании¹¹.

¹ Он же. Древнегреческие и латинские первоисточники... С. 6.

² Fazili A.R. Указ. соч. С. 8 – 9.

³ Бабаев И.А. О городах древней Кавказской Албании // <https://ilyas-babayev.az/> / Статьи.

⁴ Страбон. География: [В 17 кн.]. М.: Ладомир, 1994. С. 509.

⁵ Нагиев Г.Г. Древний город Азербайджана Шиз (топографические и фортификационные особенности) // История. Философия. Культура. Сборник научных статей. СПб., 2021. С. 7–15.

⁶ Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. СПб. 1908. С. 56–57.

⁷ Османов Ф. Л. История и культура Кавказской Албании IV в. до н.э. – III в. н.э. (на основании археологических материалов). Баку: Тахсил, 2006. С. 110.

⁸ Ямпольский З.И. К изучению древнеазербайджанского города Юнана // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1959, № 67. С. 366.

⁹ Меликов Р. С. Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества (VI – IV вв. до н.э.). Баку, 2003. С. 125.

¹⁰ Согласно Варрону, термин orpidum означает укрепленное поселение (Terenzio Varrone De lingua latina, IV, VII, XXXII).

¹¹ Нагиев Г.Г. Средневековый город Габала (топография и фортификация) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2024. № 3 (34). С. 12–16.

Особую важность о городах Азербайджана античного периода представляют труды известного географа и астронома Клавдия Птолемея (I–II вв.). В сочинении «Географическое руководство», снабженном картой, Птолемей упоминает названия городов, селений, рек, торговых путей и горных проходов, указывает их географические координаты. Он перечисляет 29 городов и других крупных населенных пунктов. Следует отметить, что у Птолемея количество албанских городов и поселений значительно больше, чем в соседних с ней странах.

Птолемей, описывая границы (с севера, запада и юга) Албании, указывает не только реки её, но и перечисляет города и поселения. «... Города и деревни Албании следующие: между Иберией и рекой, вытекающей с Кавказа и впадающей в Кир, которая течет по всей Иберии и Албании...: Тагода, Бакрия, Сануя, Дегляна, Нига» – сообщает Птолемей. «За устьем реки Соаны – город Телайба; устье реки Герра – город Гелда; устье реки Кайсия – город Албана; устье реки Албан – город Гайтара, за которым устье реки Кюр» (Ptol. XI, 1, 5) – продолжает он.

О локализации многих упоминаемых Птолемеем городов и рек в исторической науке до сих пор нет единой точки зрения. Ошибочное представление его о длине окружности Земли создает значительные препятствия для их идентификации. Последние исследования ставят под сомнение предположение ученых о соответствии числа населенных пунктов, упомянутых Птолемеем, примерно 26 албанским племенам. Важно учесть, что он описывает лишь поселения на левом берегу реки Кюр, тогда как эти племена расселились по обоим берегам.

Птолемей при описании географии Албании опирался на работы предшественников, которые обладали разной степенью знаний. Он использовал сообщения Марина Тирского (конец I в.) и его карту с описанием в первую очередь побережий.

Несмотря на отдельные неточности, которые встречаются в труде Птолемея, его географическое описание дает возможность оценить масштаб влияния греческих и римских купцов на отдалённые восточные земли и реконструировать маршруты некоторых торговых путей.

Сведения античных авторов об азербайджанских городах в основном носят фрагментарный характер и не дают полного представления о них. Нередко труды, повторяя друг друга, заимствуя один от другого, создают противоречия, что требует детального анализа, внимательного сравнения и сопоставления с другими материалами. В то же время, упоминание городов Азербайджана в древних сочинениях свидетельствует об их значительной роли как социально-экономических и культурных центров.

CITIES OF AZERBAIJAN IN ANCIENT SOURCES

G.G. Nagiyev (Moscow)

The study of urban culture, the investigation of economic, political, socio-cultural, and other city-forming factors are relevant issues in historical science. In addressing most questions

concerning the history of ancient urban monuments, the analysis of written records occupies a special place. The article is devoted to the analysis of the works of some ancient authors on the historical cities of Azerbaijan.

Keywords: ancient cities of Azerbaijan, written sources about ancient cities of Azerbaijan, cities of Atropatena, cities of Azerbaijani Albania.

ИСКОННЫЕ ЭЛЛИНЫ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Н.П. Писаревский (Воронеж)

Целью статьи является аргументация тезиса, согласно которому термин «исконные эллины» в приложении к говорящей по-гречески части населения города Гелона, расположенного на периферии Скифии, является у «отца истории» обозначением их этнической принадлежности по языку и культуре. Подборка аналогичной терминологии как в труде Геродота, так и в других по типу нарративных источниках, свидетельствует о том, что указанная идиома имеет смысл «самые первые, первоначальные эллины».

Ключевые слова: эллины, миф, матрица, мнемон, виртуальность, культурогенез, селлы, пеласги, будины, гелоны, ионяне, Афины, Эллада, Скифия.

Путешествовавший в III в. до н.э. по Греции Гераклид Тарентский сообщил нам, что в Беотии, особенно в Фивах, он видел множество блондинов, а в Анфедоне рыжеволосых женщин. И хотя, издавший этот фрагмент труда эллинистического автора Ф. Пристер считал, что указанное сообщение необходимо воспринимать в качестве неподдельного и подлинного свидетельства, поскольку оно почерпнуто из современных ему комедий и фольклора, его оппоненты, акцентируя внимание на том, что с победой античной цивилизации каждый греческий полис приспособлял мифы к своим собственным потребностям, призывали своих коллег к осторожности в интерпретации свидетельств античной традиции о «ксанфах», как и интерпретации данных греческой мифологии вообще¹.

В самое последнее время такая точка поддерживалась и в отечественной историографии². Её сторонниками, в особенности, указывалось на то, что рецепция мифологического наследия предполагает его обязательное

¹ *Priester F.* Die Reisen bilder des Herakleides. Einleitung, Übersetzung und Kommentar. Wien, 1951.

² *Андреев Ю.В.* Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990. С. 221; *Манзура И.В.* Археология основного мифа // Стратум+: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997. С. 26-46; *Воронцов В.А.* Генезис языка, сказки и мифов в контексте антропо-социо-культурогенеза. Казань, 2012. С. 393; *Клейн Л.С.* Археологическая песнь о Нибелунгах (Hedeager L. Iron Age myth and materiality: An archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London; New York: Routledge, 2011. 287 p.) // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 582-588; *Сафонова З.Н.* Миф и история: эволюция взаимовлияния // Литература и межкультурная коммуникация. 2006. Вып. 5 (<http://www.my-luni.ru/journal/clauses/93/>) (дата обращения 2. 05. 2019); *Доманина С.А., Хазина А.В.* История и миф, или миф в истории: из опыта преподавания авторского курса «Сравнительная мифология» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 206-209.

приспособление к потребностям и реалиям другого времени (времени и обстоятельствам заимствования). Неизбежное следствие этого выражалось в переистолковании мифа, поскольку основным условием его освоения, инкорпорирования его в культурно-социальный мир своего времени и усвоения новым поколением слушателей выступали актуальные потребности, оказывавшие воздействие как на меру, так и на само понимание мифологического наследия¹. В результате, как они полагают, обновлённый миф приобретал новое качество по причине наполнения старых представлений новыми смыслами, не имевшими к нему никакого отношения, поскольку отражали исторические реалии последующих исторических эпох, включая сюда и политико-идеологические потребности². Более того, вторичное воссоздание архаических мифов предполагало преднамеренное использование древнего содержания в новом конкретно-историческом обрамлении³. Только в этом контексте, как считалось, архаическая мифология обретала новую жизнь⁴.

Справедливости ради, необходимо сказать, что в историографии античности существовала, а с 2010-х гг. укрепила свои позиции новая, диаметрально противоположная тенденция в исторической интерпретации мифа и мифологии. Она проявилась в обосновании историзма и историчности мифа⁵. Согласно концепции её сторонников, соединяя в себе историческую реалию и её художественный образ, а также воплощённые в них (и проистекающие из них) представления, миф создаёт матрицу – мнемон виртуального мира, сущность которого определяется основными элементами его конструкции – диалектикой мнимых и реальных истин. В этом смысле миф, как арсенал и почва античной культуры, всегда конкретен и историчен. И именно по этой причине для преобладающего большинства древних греков эпохи классики (и не только) мифы оставались формой сохранения исторической памяти, в которой откладывались этесенты действительной их истории.

¹ Вуд М. Что есть миф // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 г., г. Севастополь) / Под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 37-38.

² Ставицкий А.В. Миф в историческом поле культуры: психологический аспект // Миф в истории, политике, культуре. Севастополь, 2018. С. 460-463.

³ Селиванова Л.Л. Аполлоновы лебеди // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 381; Ельницкий Л.А. Элементы религии и духовной культуры древних этрусков // Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964. С. 194; Подопригора А.Р. Образ Геракла в контексте этнополитической истории Средиземноморья II тыс. до н.э. – начала I тыс. до н.э. / Автореф. дис. ... к.и.н. Казань, 2006. С. 16, 21-22.

⁴ Эллиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В.П. Большакова. М., 2010. С. 21-22.

⁵ Немировский А.И. Мифы древности. Научно-художественная энциклопедия. Эллада. М., 2000. С. 389; Козолупенко Д.П. Миф на гранях культуры. М., 2005; Козолупенко Д.П. О специфике «древней» или «примитивной» мифологии: поэтический и социально-психологический подходы в изучении мифов // Философия и культура. 2012. № 8(56). С. 69-85; Козолупенко Д.П. Анализ мифопоэтического мировосприятия (file:///C:/Users/D683~1/AppData/Local/Temp/analiz_mifopoeticheskogomirovospriyatiya.pdf); Nagy G. Greek Mythology and Poetics. Ithaca, 1990.

Основной постулат сторонников данного подхода прагматичен и прост: смысл и сущность мифа нужно выводить из него самого. Миф – повествование, передающее отложившиеся в общественном сознании представления гражданского населения полисов относительно своего происхождения и древнейшей истории¹. Весьма чётко по данному вопросу высказался К. Кереньи: «Миф – это давняя история, некогда пережитая предками и дошедшая до потомков»².

Пожалуй, и первая, и вторая точки зрения, каждая по своему, абсолютизирует свои позиции. На самом деле, как нам представляется, нужно искать золотую середину и находить в свидетельствах мифопоэтической традиции рациональное, соответствующее контексту истории, данным археологии и античной традиции, зерно. В указанном отношении, по нашему мнению, будет правомерной постановка вопроса, основанная на сопоставительном сравнении содержания ведийской и древнегреческой мифологии, с учётом общности происхождения древних греков и ведийских ариев.

Последнее означает, что если мифология Древней Индии постоянно «подрабатывалась» кастой брахманов, в особенности наследниками выдающихся эпических кланов риши, то, насколько можно судить по труду Павсания, унификации древнегреческой мифологии не происходило. Каждая область Греции, наряду с общеэллинскими сказаниями, располагала своими собственными мифами, которые (в особенности о происхождении, этногенезе и прародителях-эпонимах) сохраняли отложившуюся в них историческую информацию, которая прослеживается за инновациями или модернизацией их содержания в угоду политике или идеологического обоснования интересов отдельных групп населения как внутри греческих полисов, так и между ними.

Диалектика этих двух уровней мифологических свидетельств не так давно получила своё довольно верное объяснение. «В связи с древнегреческой культурой, – пишет М. Фрагулаки, – мифо-историческая перспектива не означает, что греки некритично относились к мифу, или что они не проводили различия между мифическим и историческим временем, или между вымыслом

¹ Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика / Пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. СПб., 2004; Воронцов В.А. Генезис языка, сказки и мифов в контексте антропо-социо-культурогенеза. Казань, 2012. С. 251-285; Козолупенко Д.П. О специфике «древней» или «примитивной» мифологии: поэтический и социально-психологический подходы в изучении мифов // Философия и культура. 2012. № 8(56). С. 69-85; Немировский А.И. Мифы и легенды народов мира. Т. 1. Древняя Греция. М., 2004. С. 4; Цыганков А.С. Миф как форма интерпретации истории (социально-философский анализ). Дисс. ... к.филос.н. М., 2015. С. 41; Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2013. С. 118; Burkert W. Antike Mythen in der europäischen Tradition. Tübingen, 1999; Ben-Yehuda N. Sacrificing Truth: Archaeology and The Myth of Masada (http://www.bibleinterp.com/articles/ben-yehuda_masada.shtml) 05.05.2019; Gehrke H.-J. Griechische Mythen als Geschichte der Griechen: Motive–Formen Strukturen (<https://www.degruyter.com/downloadpdf/books/9783110350999/9783110350999.37/9783110350999.37.pdf>) (дата обращения 4. 05. 2019); Hall J.M. Ethnic Identity in Greek Antiquity. Cambridge: University Press, 1997; Wells J. Studies in Herodotus. Oxford, 1923. P. 293-291.

² Кереньи К. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. М., 2000.

и «правдой»/«фактами». Скорее, мифо-историческая перспектива предполагает, что греки использовали мифические повествования для формирования самоощущения и раскрытия понимания своего исторического прошлого и настоящего. Миф был когнитивным инструментом и постоянно действующим компарандумом, с помощью которого прошлое можно было запомнить, обработать и описать»¹.

Мифы о происхождении и генеалогические исследования – наиболее показательный, как мы полагаем, этому пример. Типичный образец такого толкования мифологической традиции мы находим в труде Геродота, когда он рассказывает о персидских посольствах в Грецию, убеждавших, в особенности, население Арголиды присоединиться к Ахеменидам против Спарты и Афин по причине своего общего родства (сингении) с её населением (Herod., VII, 150, 1–2).

В указанном отношении особую актуальность приобретает рассмотрение проблемы «исконных эллинов» и представлений о них в античной традиции в сопоставлении с современными трактовками как генезиса их материальной культуры, так и складывания её основных этнических характеристик.

Исследования последнего десятилетия указали на важность рассмотрения всех этих аспектов с учётом сохранившихся данных генеалогических преданий и династийной генеалогии древних греков о своей прошлой истории, факты которой просматриваются в топонимии, гидронимии и ономастике². «Значение всего этого для Древней Греции, – считал Й. Бинтлиф, – заключается в том, что, несмотря на множество различных племён, которые могли передвигаться как в регион, так и из него, отображая время от времени размытую в памяти древнейшую физическую адаптацию..., не исключена возможность со временем увидеть наряду с этим и тенденцию к формированию как гомо-, так и гетерогенности. «Красно-фигурные» люди могли иметь общие черты, составлять общность, однако похоже, что, находясь один на один с местными автохтонными общинами, они длительное время, похоже, не могли поддерживать ярко выраженное, контрастное, физическое, и может быть, языковое разнообразие»³.

¹ *Fragoulaki M.* Introduction – Collective Memory in Ancient Greek Culture: Concepts, Media, and Sources // *Shaping memory in Ancient Greece: poetry, historiography, and epigraphy* / Eds. Christy Constanropoulou, Varia Fragoulaki. Newcastle upon Tyne, 2020. P. IX.

² В частности, гидроним Анфедон принадлежит названию реки в области Фтия, в которой располагался, по Гомеру, народ Эллады и проживали наряду с мирмидонами, ахейцами и самые первые, упоминаемые в античной традиции Гомером, эллины/геллеги, которые совершали религиозные обряды и поклонялись Зевсу на горе Гелленион (Элланион) на о. Эгина. См.: *Swiss-Greek excavation of the sanctuary of Zeus on the island of Aegina* (<https://www.esag.swiss/aegina2023/> (дата обращения 01.09.2025)). Показательно и то, что вторым названием название одной из главных рек Фтии – реки Сперхей является Эллада (или Аламана). См.: *Yue, Mengzhen.* Naming the Greeks in the Archaic Period: “Panhellenes,” “Hellenes,” “Hellas” and the Notion of Panhellenism // *Journal of Ancient Civilizations*. 2016. Vol. 31. P. 51, et al.

³ *Bintliff J.L.* Multi-ethnicity and population movement in Ancient Greece: Alternatives to a world of 'Red-Figure' people // *Troianer sind wir gewesen – Migrationen in der antiken Welt* / Hrs. E. Olshausen, H. Sonnabend. Stuttgart, 2006. P. 109; *Bintliff J.L.* Explorations in Boeotian population history. *Festschrift for J.M. Fossey* // *The Ancient World*. 2005. Vol. 36. Iss.1. P. 15-17.

Исследования, проведённые в названном направлении в Арголиде, Фтии, Этолии, Беотии, Аттике и затронувшие самые разнообразные проблемы этно-, полито- и культурогенеза древних эллинов и других народов эпохи древности от Индии до Италии, дали убедительные результаты в пользу многомерности указанных процессов, существо которых в конечной стадии выражалось в различной комбинации характеристик, определявших лицо того или иного этноса как этно-языкового и социально-политического образования¹.

Они дали следующие результаты:

1) аборигенные племена показывали свою отличительную этническую идентичность даже в римское время посредством переоформления традиций использования погребальной керамики в гробницах эпохи классики и эллинизма, сознательно и целенаправленно выстраивая погребальный обряд им соответствующий в умышленно возрождаемой архаической традиции;

2) начиная с заключительного этапа доистории, упоминаемые в античной традиции конкретные поселения неоднократно меняли своё место, однако, передислокация их происходила в одном и том же ландшафтном пространстве, причём, всегда в весьма ограниченных пределах, и с передвижением на небольшие расстояния;

3) приток нового, иногда инокультурного, но родственного по языковой семье населения в ту или иную область после длительного совместного проживания выражался в эволюции гетерогенности и поликультуризма в сторону гомогенности и рождения новой монокультуры, отображавшей традиции сосуществования двух или нескольких культурных общностей, языковых диалектов и этнических признаков;

4) восходящие к архаическим слоям общественного сознания представления древних греков о собственной этничности находили своё материальное выражение в сохранении тех же типов жилищ, материальной культуры вообще, и религиозных представлений, причём, они были общими для этнических групп греков в различных областях Балканского полуострова, островов Эгеиды и западного побережья Малой Азии, несмотря на то, что под давлением новых мигрантов те вынуждены были переселяться на расположенные поблизости от прежних мест проживания территории².

¹ *Vlassopoulos K. Ethnicity and Greek History: Re-Examining Our Assumptions // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2015. Vol. 58, N. 2. P. 1–13.*

² Показательным примером в указанном отношении является этноним «ахейцы», который засвидетельствован для трёх регионов Балканской Греции в течение раннего микенского периода (шахтных гробниц – *Н.П.*), а именно: в Ахайе Фтиотийской и Фессалии на северо-востоке, Элиде и Мессении на западе и Аттике на юго-востоке. См.: *Nagy G. Homer the Preclassic. Berkeley; Los Angeles, 2010. P. 177-210; Nagy G. Questions while viewing Greek myths and rituals through the lens of Pausanias, IV: Is Athena, viewed theologically, a person? – URL: <https://classical-inquiries.chs.harvard.edu/questions-while-viewing-greek-myths-and-rituals-through-the-lens-of-pausanias-iv-is-athena-viewed-theologically-a-person/> (13. 05. 2020).*

Таким образом, современные представления относительно диалектики гетеро-и гомогенности в процессе рождения древнегреческого этноса акцентируют внимание на том, что различные этнические и языковые группы порождали бесчисленное множество гетерогенных социумов, каждый из которых, по выражению М. Кершнера, имел свою особую и дискретную историю. Однако, вместе взятые, сосредоточенные на одной территории по местоположению, с рождением гомогенной и единой письменной традиции, несмотря на диалектные различия и множество несообразностей, представленных в различии мифопоэтических традиций, они располагали критериями, которые в «гомогенизированном» труде Геродота стали основополагающими признаками этноса эллинов.

Указанная природа закономерного исторического явления проявилась в конкретности противоречий, свойственных свидетельствам греческих мифов. Сущность и главную причину его достаточно давно проницательно определил В.В. Иванов: «Объяснением этому может служить только то ..., что древние мифологии имели мозаичный характер, соответствовавший мозаичному этническому облику общностей, в которых они создавались»¹.

Сложившаяся ситуация в науке характеризует складывание оценки сложности и чрезвычайной подвижности конструкции (или системы конструкций), характеризующих этнос древних греков². Наряду с этим она включает в себя большой процент многозначности и двусмысленности. Их исключению, по нашему мнению, помогает рассмотрение словоупотребления «исконные эллины» в произведениях античных авторов. Тем более, что оно имеет прямое отношение к письменному определению «первоэллинов» или «исконных эллинов» Геродотом посредством, как выясняется, установившейся в языке стандартной формулы ἡ ἀρχαῖη Ἑλληνες (Herod., IV, 108).

Но особенно важное значение в указанном отношении приобретает сочетающееся с данными Паросской хроники свидетельство «Илиады» Гомера. В нём присутствует указание о её нахождении в области Додоны с почитавшими пеласгийского Зевса обитателями – селлами. Дословная фраза эпического поэта такова: «Зевс Пеласгийский, Додонский, далеко живущий владыка Хладной Додоны, где селлы, пророки твои, обитают» (Ζεῦ ἄνα Δωδωναῖε Πελασγικὴ τηλόθι ναίων Δωδώνης μεδέων δυσχεμέρου, ἀμφὶ δὲ Σελλοὶ σοὶ ναίουσ' ὑποφῆται ἀνιπτόποδες χαμαιεῦναι (Il., XVI, 234-235) и совпадающее с ним мнение

¹ Иванов В. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 27; Топоров В.Н. Вритра // Мифы народов мира. Т. 1 / Под ред. С.А. Токарева. М., 1991. С. 253; Топоров В.Н. Тразтона // Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. Кн. 2 / Ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 2014. С. 380–385; Романчук А.А. «Сжимающие змей» в древнекитайской традиции и индоевропейцы // Третьи Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока / Отв. ред. С.В. Пахомов. СПб., 2006. С. 214-219; Davaras C. Parallels and Affinities between Crete and India in the Bronze Age: Some speculations. Amsterdam, 2003. P. 239; Davaras C. Bronze Age Crete and India // Indian Historical Review. 2005.Vol. XXXII, № 1. P. 126-139.

² Skinner J. Writing Culture: Historiography, Hybridity, and the Shaping of Collective Memory // Shaping memory in Ancient Greece: poetry, historiography, and epigraphy / Ed. Christy Constanropoulou, Varia Fragoulaki. Newcastle upon Tyne, 2020. P. 193.

Аристотеля, согласно которому «древнейшая Эллада» располагалась на исконных её землях, т.е. в округе Додоны и реки Ахелой. «Там, – подчёркивает он, – жили селлы и те, кто назывался тогда греками, а ныне зовутся эллинами» (καὶ γὰρ οὗτος περὶ τὴν Ἑλληνικὸν ἐγένετο τόπον μάλιστα, καὶ τούτου περὶ τὴν Ἑλλάδα τὴν ἀρχαίαν. αὐτὲ δ' ἐστὶν ἡ περὶ Δωδώνην καὶ τὸν Ἀχελῷον. οὗτος γὰρ πολλαχοῦ τὸ ῥεῖμα μεταβέβλεκεν. ὥκουν γὰρ οἱ Σελλοὶ ἐνταῦθα καὶ οἱ καλούμενοι τότε μὲν Γραικοὶ νῦν δ' Ἕλληνες (Arist., Met., I, 14). В том же районе размещал её, если доверять схолиастам, и составитель од Пиндар, определявший её как общину или город (Pind., Isthm., I, 14)¹.

Очень важно обратить внимание на формулу Аристотеля. Фактически, смысловое значение используемого им прилагательного в объяснении понятия «исконная Эллада» он сконцентрировал во фразе περὶ τὸν Ἑλληνικὸν μάλιστα τόπον καὶ τούτου περὶ τὴν Ἑλλάδα τὴν ἀρχαίαν (Arist., Meteor., I, 14). Уникальность данного свидетельства в том, что оно указывает на Эпир как на древнейшую область проживания греков в период до рождения сказаний о своём эпониме Эллина, которого традиция связывает с Фессалией². Во-первых, Аристотель называет эту область «самой первой», первоизданной, Грецией ἡ Ἑλλάς ἡ ἀρχαία и указывает, что это «самая древняя территория», занимаемая греками. Более того, из его сообщения следует, что на ней проживали selloi и те, кто во времена Девкалионова потопа называли себя graikoi, а в годы жизни самого Аристотеля именуют себя эллинами³.

С учётом возможностей, открывающихся на новом этапе понимания мифологического историзма в науке, своего переосмысления требует сообщение Геродота об «исконных эллинах» города Гелона в стране будинов, расположенного на 15 дней вверх пути по Танаису от угла Меотиды (Herod., IV, 108-109).

Повествующий об этом фрагмент труда «отца истории» неоднократно становился предметом специального изучения в специальной литературе. К нему обращались учёные разных специальностей: филологи-классики, лингвисты, археологи и историки Античной Греции. Полемика между ними велась либо относительно локализации Гелона, либо по вопросу о толковании важнейших понятий, присутствующих в тексте. Среди них своеобразным камнем преткновения стала проблема толкования используемого Геродотом словоупотребления ἐστὶ γὰρ οἱ Γελωνοὶ τὸ ἀρχαῖον Ἕλληνες для выражения мысли, согласно которой «жители Гелона издревле были эллинами» (Herod., IV, 108; пер. Г.А. Стратановского)⁴.

¹ Справедливости ради, следует отметить, что земли Додонского оракула, как населённые селлами (или геллами/эллами), если такая информация верна, первым назвал Гесиод (Hes., fr. 240).

² Казаров С.С. Додонская мифология // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 195; Веллас Г.Я., Писаревский Н.П. Скотоводы Восточно-Европейской степи и лесостепи, доантичный Эпир, эллины и Эллада (К проблеме происхождения и этногенеза древних греков). Воронеж, 2001.

³ Verlinsky A. The flood in Aristotle's Meteorology (I, 14) // Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption / Hg. Jochen Althoff, Bernard Herzhoff, Georg Wohrle. 2006. Bd. XVI. S. 53-55.

⁴ Геродот. История греко-персидских войн в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. М., 2004. С. 198.

К анализу мысли, заложенной античным историком и переданной текстами оригиналов его труда, выполненных средневековыми переписчиками, как отмечалось выше, наука обращалась неоднократно. В частности, известный интерес представляет по этому поводу небольшой этюд С.А. Жебелёва относительно интерпретации аналогичного (и присутствующего в той же IV книге труда Геродота) выражения ἡ ἀρχαία Σκυθία – «Старая Скифия». И если в отношении первого определения τοῦ ἀρχαίου он никаких сомнений не высказывал, то перевод второй рассматривался учёным не вполне удовлетворительным (Herod., IV, 99, 2)¹.

Поставив задачу выяснения сущности заключённого в нём смысла, учёный рассмотрел взгляды по этому вопросу, существовавшие в науке 20-х-30-х гг. прошлого века. Он обнаружил по интересующему вопросу трактовки немецких и английских антиковедов, которые высказали близкие друг другу точки зрения. Если в немецкой науке учёные толковали ἀρχαία как *ursprüngliche* («подлинный, первоначальный») или *eigentliche* (истинный, первоначальный, настоящий)², то их английские коллеги останавливались на определении *old* (в смысле «древний, старый»), что входило в противоречие с другим понятием греческого языка – ἡ παλαιά, через которое и передавалось это определение³. В частности, через него Страбон сообщал о существовании в окрестностях дорического полиса, основанного в 422/1 г. до н.э. «древнего Херосонеса» (ἡ παλαιὰ Χερρόνησος κατεσκαμμένη). Сопоставление существовавших взглядов обусловило принятие С.А. Жебелёвым той трактовки, которая была дана немецким учёным Штейном, в связи с чем он остановился на переводе определения ἀρχαία Σκυθία как «исконная Скифия». В обоснование своей позиции учёный писал: «Она могла быть названа Геродотом так потому, что территория (береговая) от Нижнего Дуная до Каркинитского залива была известна и ему, и его предшественникам, и в первую очередь, ионийским мореходам, конечно, гораздо лучше, чем степная Скифия, и потому за ней упрочилось название «исконной» Скифии...»⁴.

Как нетрудно убедиться, отечественный антиковед остановился на логической, вытекавшей из понимания им смыслового содержания понятий «исконный, первоначальный, истинный, настоящий»⁵, в его трактовке словосочетания в труде Геродота. В основу им была положена степень знакомства и расширение представлений о Скифии, формировавшихся в общественном сознании древних греков по мере освоения греческими моряками акватории Северного Понта. Однако понимание слова ἀρχαία в смысле «давняя, древняя, изначальная», хотя и не совсем вписывается в

¹ Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.

² Там же.

³ Weiler I. Greek and Non-Greek World in the Archaic Period // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1968. Vol. 9 No. 1. P. 22-24.

⁴ Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 343.

⁵ Stein H. Herodotos. Berlin, 1962. S. 255-256.

современные представления о первоначальной области распространения скифских племён в Причерноморье, весьма примечательно. И оно сможет сыграть решающую роль в трактовке, с одной стороны, текста сообщения Страбона о «древнем Херсонесе», а с другой – относительно понимания смысла соотнесённого Геродотом с упомянутым им городом (πόλις) Гелоном и его жителями: гелонами-эллинами и будинами-ариями, разговаривающими на разных, но доступных двум народам языках. Тем более, что в таком направлении поиска убеждают несколько близких, но уточняющих смысл, значения этого слова в его переводах, представленных в древнегреческо-английском словаре Лиддела-Скотта-Джонса – «бывший, давний, старый»¹. В указанном отношении весьма красноречивы оценки, присутствующие, как в трудах современных специалистов, так и в этимологических словарях Р. Бикеса, П. Шартрена и Г. Фриске².

В отношении определения Геродота весьма информативными оказываются и дополнительные данные, указывающие на огненно-рыжий волосной покров гелонов и будинов, а также на практику татуировки тел, которая у них напоминала соответствующий обычай у фракийцев. Вспомним, что эпоним гелонов, согласно этнологическому скифскому мифу, был братом Агафирса и Скифа – эпонимов фракийского и скифского племён.

В понимании смысла, закладывавшегося античными авторами в понятие «исконные эллины» определяющее значение приобретает множество филологических ему параллелей, которые присутствуют в их трудах. Сходные определения обнаруживаются:

1. У того же Геродота афинский посол заявляет тирану Гелону: «...мы афиняне, древнейший народ (ἀρχαϊότατον μὲν ἔθνος) (Herod., VII, 161).

2. В том же смысле и особенно показательными выступают два свидетельства «отца истории»: «Ионяне издревле были пеласгийского происхождения, дорийцы – эллинского (τὸ ἀρχαῖον τὸ μὲν Πελασγικόν τὸ δὲ Ἕλληνος) (Herod., I, 56).

3. Он же использует определение, согласно которому «древнейшей, исконной Скифией» (ἡ ἀρχαία) считаются те земли, которые расположены по соседству с Истрией (Herod., IV. 99).

4. Идентичное словоупотребление он допускает в описании культа священного меча у скифов и почитании ими бога, напоминающего греческого Ареса (ἀκινάκης σιδήρεος ἵδρυται ἀρχαῖος ἐκάστοισι (Herod., IV, 62).

¹ Wells J. Studies in Herodotus. Oxford, 1923. P. 66.

² Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. With the assistance of Lucien van Beek. Vol. I. Leiden; Boston, 2010. P. 145; Stork P. Index of verb-forms in Herodotus on the basis of Powell's Lexicon. Groningen: E. Forsten, 1987.

5. Такое же определение «отец истории» вставляет в уста афинского посла в ходе разговора последнего с тираном Гелоном: «если мы, афиняне, древнейший народ ...» (ἀρχαιότατον μὲν ἔθνος (Herod., VII, 161)¹.

6. Солон называл Афины «исконной (τὸ ἀρχαῖον) землёй Ионии» (Solon. Fr. 4a. West).

7. Диодор таким же термином τὸ ἀρχαῖον определял детей Гелиоса в своём рассказе об изгнании пеласгов (Diod., V, 61, 1).

Приведённые примеры не оставляют сомнений в сущности, смысле и значении употребляемой в античной традиции и эпиграфических источниках фразы. Данное наблюдение, как уже отмечалось, находит подтверждение и в современных этимологических словарях².

Приводимые нами факты позволяют составить представление о содержательном смысле понятия «исконные эллины», которое неоднократно встречается в античной традиции. Более того, разделить его с восприятием древними греками своей этнической идентичности в период после Греко-персидских войн, когда, во всяком случае, говоря об афинянах и спартанцах, Геродот утверждал, что они – один народ, один язык, одна культура, одна идеология и одинаковая повседневная жизнь (Herod., VIII, 144). Это позволяет высказать соображение о том, что отдельные аспекты такого взгляда на этничность имели место и ранее – в доархаическую эпоху истории Древней Греции. Наличие такой постановки вопроса в труде Геродота позволяет вывести наблюдение и о том, что она, возможно, сопровождала понимание отцом истории того, кого считать самыми первыми эллинами в истории греческих племён. Эта мысль, надо думать, отображала закономерность, согласно которой «этническая, или общинная, идентичность, охватывая несколько аспектов идентичности человека, включала в себя генеалогию, религию, родство, обычаи и другие различимые явления»³. Если это наблюдение верно, то генеалогический аспект общей мифологической родословной древних греков (их этногенетический миф) можно назвать предшественником и важнейшей составной частью представлений древних греков о своей древнейшей истории⁴.

¹ Гуцин В.Р. Образ прошлого как политический миф. Афинская автохтония V-IV вв. до н.э. // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Vol. 13. № 1. С. 180-197; Myth of Autochthony, Athenian Citizenship and the Right of Enktesis: A Legal Approach to Eripides' Ion // Legras B., Thür G. (hrsg.). Symposion Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Wien, 2011. S. 135-152.

² Verlinsky A. The flood in Aristotle's Meteorologica (I, 14) // Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption / Hg. Jochen Althoff, Bernard Herzhoff, Georg Wohrle. 2006. Bd. XVI. S. 53-55.

³ Whitney Ross B.A. Development of Diaspora Synagogues Toronto, 2012. P. 32.

⁴ Malkin I. Ancient perceptions of Greek ethnicity. Cambridge, 2001; Luraghi N. The Study of Greek Ethnic Identities // A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean. Wiley-Blackwell, 2014. P. 213-227; Hall J.M. Ethnic Identity in Greek Antiquity. Cambridge University Press, 1997; Hall J.M. Hellenicity: between ethnicity and culture. Chicago, 2002; Vlassopoulos K. Ethnicity and Greek History: Re-Examining Our Assumptions // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2015. Vol. 58, N. 2. P. 1-13.

THE ORIGINAL HELLENES OF THE ANCIENT TRADITION

N.P. Pisarevskiy (Voronezh)

The purpose of the article is to argue the thesis according to which the term "native Hellenes" in the application to the Greek-speaking part of the population of the city of Gelona, located on the periphery of Scythia, is the "father of history" designation of their ethnicity in language and culture. A selection of similar terminology both in Herodotus and in other narrative sources indicates that he has the meaning of "the very first, the original Hellenes."

Keywords: Hellenes, myth, matrix, mnemon, virtuality, cultural genesis, forces, Pelasgians, Budins, Gelons, Ionians, Athens, Hellas, Scythia

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ПЕРГИ

С.Н. Прокопенко (Белгород)

Статья посвящена анализу системы водоснабжения античного города Перга в Памфилии как ключевого фактора его развития. Центральным объектом исследования является уникальный открытый канал и монументальные нимфеи (F3 и F2/F4), которые не только удовлетворяли нужды жителей города в воде, но и формировали архитектурный облик города. На примере Перги показано, что в позднеантичный период система не пришла в упадок, а была адаптирована: проводились ремонты, внедрялись новые элементы распределения (трубы в парапетах), что свидетельствует о гибком подходе к управлению ресурсами и сохранении функциональности инфраструктуры.

Ключевые слова: поздняя античность, Памфилия, Перга, город, система водоснабжения, нимфей.

Пожалуй, из всех систем жизнеобеспечения городов водоснабжение всегда играло первостепенную роль. Мы можем утверждать, что наличие или отсутствие эффективной системы удовлетворения потребности городского населения в пресной воде прямым образом оказывало влияние на процесс развития города. Доступ к водным ресурсам формировал города физически, технологически, экономически и эстетически. Таким образом, опираясь на анализ состояния системы водоснабжения и водоотведения в античных городах в конкретный исторический период, можно обозначить кризисные и прогрессивные тенденции в их развитии.

Реализация строительства крупномасштабных систем водоснабжения требует ресурсов и больших организационных затрат. Но вот переустройство и трансформация гидротехнических сооружений, представляющих собой систему последовательно связанных между собой компонентов, требовало куда меньше усилий. В отличие, например, от переустройства уличных сетей, состоящих из смежных физических пространств. Поэтому не стоит переоценивать значение проведенных работ по реставрации и ремонту систем водоснабжения в позднеантичный период.

Начало строительства централизованной системы водоснабжения городов Памфилии приходится на II в. До этого времени снабжение водой осуществлялось путем сбора воды в цистернах и использования близлежащих природных источников¹.

¹ Martini W. Nymphäum und Tor. Zur Wasserkultur in Perge in Pamphylien // Beck-Brandt B., Ladstätter S., Yener-Marksteiner B. (Hrsg.). Turm und Tor. Siedlungsstrukturen in Lykien und benachbarten Kulturlandschaften. Akten des Gedenkkolloquiums für Thomas Marksteiner in Wien. Forschungen in Limyra 7. Wien, 2015. S. 279.

Именно во II в. была создана система снабжения водой античной Перги с нимфеем F3¹, которую питали воды реки Кестр (ныне Аксу) и подземные источники. Для обеспечения максимального доступа к водным ресурсам горожан проектировщики заложили открытый канал (шириной 2,5 м), протянувшийся от нимфея, расположенного в северной части «нижнего» города, вдоль улицы, с севера на юг к воротам Адриана². Данное решение позволило горожанам отказаться от сооружения многочисленных фонтанов в разных частях города³. Этот канал, расположенный посередине главной улицы, представляет собой уникальное явление в архитектуре римского времени благодаря своим необычным пропорциям. Его ширина в три раза превышает высоту, тогда как стандартные каналы римских акведуков обычно имеют высоту вдвое больше, чем ширину⁴.

Эти элементы системы водоснабжения, появившиеся во II в., не только удовлетворяли повседневные потребности населения в воде, но и являлись выражением городского архитектурного облика. За их постройкой стоят осознанные градостроительные решения центрального органа, возможно, городского совета и конкретных меценатов⁵.

Полученные результаты показывают, что трубы, начинающиеся от водного канала на уровне земли и идущие в восточную часть города, могли транспортировать до 72 м³ воды в час в пустой резервуар, независимо от расхода воды в основном канале. При максимальном расходе в канале в бассейн отдельного сегмента канала поступало 710 м³ воды в час. Это в десять раз больше, чем поток, поступающий в одно ответвление. Таким образом, одновременно можно было использовать до девяти ответвлений на полную мощность (т.е. ведущих к пустым резервуарам), не опасаясь осушения основного канала⁶.

¹ *Dorl-Klingenschmid Cl.* Prunkbrunnen inkleinasiatischen Städten. Funktion im Kontext // Studien zur antiken Stadt 7. München, 2001. S. 145; *Longfellow B.* Roman Imperialism and Civic Patronage Form, Meaning and Ideology in Monumental Fountain Complexes. Cambridge, 2011. P. 156-161; *Aristodemou G.A.* Monumental fountain structures: The role of Nymphaea within the urban context of the cities of the Graeco-Roman East // IWA Regional Symposium on Water, Wastewater and Environment: Traditions and Culture. Patras, 2014. P. 531–532.

² *Mansel A.M.* Die Nymphäen von Perge // *IstMitt.* 25. 1975. S. 367-372, 369-370; Taf. 68-69; *Dorl-Klingenschmid Cl.* Prunkbrunnen inkleinasiatischen Städten. Funktion im Kontext. S. 97-98, 145-146, 228, Abb. 21. 57. 158; *Martini W.* Nymphäum und Tor. Zur Wasserkultur in Perge in Pamphylien. S. 280, 283, Abb. 4.

³ *Heinzelmann M.* Städtekonkurrenz und kommunaler Bürgersinn. Die Säulenstraße von Perge als Beispiel monumentaler Stadtgestaltung durch kollektiven Euergetismus // *Archäologischer Anzeiger.* 2003. S. 201, Abb. 1-3. 6; *Özdizbay A.* Perge'nin M. S. 1.-2. Yüzyıllardaki Gelişimi – Die Stadtentwicklung von Perge im 1.-2. Jh. n. Chr. // *Adalya Suppl.* 10. Antalya, 2012. S. 256-257.

⁴ *Viollet P.-L.* L'hydraulique dans les civilisations anciennes: 5000 ans d'histoire. Paris, 2004. S. 138.

⁵ *Vandeput L.* Kaiserzeitliche Wasseranlagen zur Verschönerung der Städte Pamphyliens und Pisidiens // *Urbanitas – urbane Qualitäten: Die antike Stadt als kulturelle Selbstverwirklichung.* Heidelberg, 2017. S. 154.

⁶ *Vekemans O., Haut B.* Hydraulic analysis of the water supply system of the Roman city of Perge // *Journal of Archaeological Science.* 2017. Reports 16. S. 327–328.

Система водоснабжения Перги в конце II – начале III в. была дополнена монументальным завершением в виде нимфея F2/F4¹. Данное сооружение было интегрировано в уже существовавшую на момент распределительную сеть, что очень часто практиковалось в римский период.

Пространственная и функциональная принадлежность центральной системы водоснабжения, представленная акведуками и ее подсистемами в виде нимфеев, была тщательно изучена Дж. Ричардом², который разделил систему на следующие элементы: сбор и транспортировка (источники, акведуки), распределение и хранение (резервуары), снабжение и использование (бассейны фонтанов, каналы), дренаж (трубопроводы).

Согласно схеме Ричарда, система водоснабжения Перги включала вторую и третью модели соотношения акведуков и нимфеев. В этих моделях нимфей выполняет вспомогательную функцию и использует акведук вместе с другими водопроводными сооружениями. Например, нимфей F3 в Перге мог получать воду из акведуков-резервуаров или распределительных емкостей. В другом случае нимфей мог действовать как подчиненное сооружение, входя в городскую сеть и оказывая незначительное гидравлическое воздействие на общую систему. В таких условиях использовались трубы меньшего диаметра, и ожидалось, что в бассейн будет поступать меньше воды³. Обычно это относится к нимфеям, которые позднее будут интегрированы в центральную систему, например, F2/F4 в Перге. Нимфей был сооружен при попечении верховной жрицы Императорского культа Аврелией Паулиной (*IK Perge I, №195*) как необходимый элемент к водоснабжению южных терм Флавия.

До недавнего времени в научной литературе нимфеи F2 и F4 рассматривались как два отдельных сооружения, хотя Клаудия Дорль-Клингеншмид⁴ пыталась заявить, что этим постройкам свойственен единый замысел. Кристиан Гливицки доказал, что F2/F4 представляют собой единый монументальный комплекс⁵. Он состоял не только из двух двухэтажных половин собственно нимфея. Северная часть (F2) интегрировала вход в более древний грот-источник. Южная часть комплекса (F4) зеркально повторяла структуру северной. Обе постройки были симметрично расположены по сторонам от бассейна нимфея. Ворота в её западной стене обеспечивали доступ в апсидальный зал, функция которого до настоящего времени не ясна.

¹ *Dorl-Klingeschmid Cl.* Prunkbrunnen in kleinasiatischen Städten. P. 146.

² *Richard J.* Water for the City, Fountains for the People. Monumental Fountains in the Roman East: An Archaeological Study of Water Management. Turnhout, 2012. P. 63–80.

³ *Ibid.* P. 90.

⁴ *Dorl-Klingeschmid Cl.* Prunkbrunnen in kleinasiatischen Städten. S. 146.

⁵ *Gliwitzky Ch.* Späte Blüte in Side und Perge. Die pamphyllische Bauornamentik des 3. Jahrhunderts n. Chr. Bern. 2010. S. 36-44, Plan 11, Abb. 1-5; *Martini W.* Nymphäum und Tor. Zur Wasserkultur in Perge in Pamphylien. S. 280-282.

Важным основанием для Вольфрама Мартини и Кристиана Гливицки считать комплекс единым послужила обнаруженная надпись, согласно которой следует, что жрица Артемиды Аврелия Паулина возвела его в период между 198 и 211 гг. в честь императоров из династии Северов¹. Оба автора полагают, что надпись относится ко всему комплексу, и считают жрицу Артемиды единственным эвергетом.

На основе простых подсчетов объемов системы водоснабжения, расчетный расход воды в канале мог составлять почти 17 000 м³/сут. Учитывая, что в Древнем Риме среднестатистическое ежедневное потребление воды на человека составляло от 200 до 500 л, этот канал мог обеспечивать население численностью от 34 000 до 85 000 жителей. Учитывая размеры города, эти цифры позволяют предположить, что данный канал был, вероятно, единственной артерией для транспортировки воды с севера на юг².

Ремонт или восстановление основных и второстепенных водоводов прослеживается во многих городах региона вплоть до IV–V вв., а в некоторых местах – даже до VI в. Наравне с ремонтными работами водоводов, можно ожидать, что восстановление эффективно работающих общественных фонтанов было одной из главных задач, так в Перге отмечены ремонтные работы на нимфее F3³. Он претерпел значительные изменения конструкции своего бассейна: два боковых парапета были заложены невысокими кирпичными стенками, что сделало забор воды с боковых сторон невозможным. Вода могла покидать бассейн несколькими способами. Во-первых, через центральный каскад, питавший открытый канал, проходивший по середине колоннадной улицы и сохранивший своё первоначальное состояние. Во-вторых, жители города могли зачерпывать воду через левую часть лицевого парапета⁴. Несмотря на более утилитарное обращение с нимфеем, эстетически приятный внешний вид фонтана в значительной степени остался нетронутым: декоративный двухэтажный фасад не был перестроен.

В позднеантичный период были внесены изменения в конструкцию парапета открытого канала. Была осуществлена прокладка труб с целью перенаправить часть водных ресурсов на отдаленные объекты. Эта операция могла нарушить функциональность сооружения, ограничив доступность к одной или нескольким секциям канала, с другой стороны, эта мера позволила обеспечить прямой доступ к водным ресурсам большего числа потребителей,

¹ *Martini W.* Nymphäum und Tor. Zur Wasserkultur in Perge in Pamphylien. S. 281 Abb. 8; *Gliwitsky Ch.* Späte Blüte in Side und Perge. Die pamphyliche Bauornamentik des 3. Jahrhunderts n. Chr. S. 44-45.

² *Vekemans O., Haut B.* Hydraulic analysis of the water supply system of the Roman city of Perge. P. 328.

³ *Vandeput L.* Kaiserzeitliche Wasseranlagen zur Verschönerung der Städte Pamphyliens und Pisidiens. S. 146.

⁴ *Jacobs I., Richard J.* «We Surpass the Beautiful Waters of Other Cities by the Abundance of Ours»: Reconciling Function and Decoration in Late Antique Fountains // *Journal of Late Antiquity*. Vol. 5. № 1. Spring. 2012. P. 58.

что в итоге повысило эффективность распределения водных ресурсов. Стоит заметить, что качество воды оставалось предметом озабоченности жителей города, именно поэтому трубы были вставлены в парапет в верхней части, что гарантировало более высокое её качество¹.

Эти сооружения явно не являлись результатом организованной программы: их хаотичное расположение и тот факт, что большинство труб были проложены непосредственно по мостовой улицы, указывают на то, что они устанавливались сугубо прагматично, в соответствии с конкретными потребностями.

Нет никаких оснований утверждать об общем упадке инфраструктуры водоснабжения позднеантичной Перги. При этом многие наблюдаемые изменения в сооружениях системы водоснабжения демонстрируют гибкий и прагматичный подход к управлению водными ресурсами.

Даже если многие из этих позднеантичных изменений на первый взгляд могут показаться менее эстетичными или технически более агрессивными, они свидетельствуют о том, что города по-прежнему стремились поддерживать свою городскую инфраструктуру, а следовательно, и своё развитие.

FEATURES OF THE WATER SUPPLY SYSTEM FUNCTIONING IN LATE ANTIQUE PERGE

S.N. Prokopenko (Belgorod)

The article analyzes the water supply system of the ancient city of Perge as a key factor in its development. The central focus of the research is the unique open channel and the monumental nymphaea (F3 and F2/F4), which not only met the water needs of the city's inhabitants but also shaped its architectural appearance. Using Perge as an example, the study demonstrates that during the Late Antique period, the system did not fall into decline but was instead adapted: repairs were carried out, and new distribution elements (pipes in the parapets) were introduced, evidencing a flexible approach to resource management and the preservation of the infrastructure's functionality.

Keywords: Late Antiquity, Pamphylia, Perge, city, water supply system, nymphaeum.

БАСТАРНЫ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ: ОТ МАРКА КРАССА ДО ТРАЯНА

У.С. Пядочкина (Тула)

В статье рассматривается положение бастарнов на Нижнем Дунае после их поражения в 29 г. до н.э. в столкновении с наместником Македонии Марком Лицинием Крассом до правления римского императора Траяна. С новой стороны рассматривается вопрос исчезновения связанной с ними Поянешть-Лукашевской культуры в середине/второй половине I в. до н.э. Несмотря на факт гибели культуры, согласно письменным источникам, в 19 г. н.э. бастарны вновь выступают как серьезная военно-политическая сила в регионе, хотя и перестают принимать активное участие в событиях в Нижнем Подунавье после их разгрома римским полководцем. В работе также затрагивается проблема частых миграций бастарнов, конец которым, вероятно, положили усиление сарматов в Северном Причерноморье и завоевание Дакии Траяном.

Ключевые слова: бастарны, даки, сарматы, Марк Красс, культура Поянешть-Лукашевка, Нижний Дунай, миграции.

¹ Ibid. P. 70.

Бастарны – древний народ, этническая принадлежность которых на сегодняшний день четко не определена. Сведения античных авторов по этому вопросу различны, но в основном бастарнов относят к германцам или кельтам¹. Во II в. до н.э. они достаточно прочно закрепляются на Нижнем Дунае и становятся одним из наиболее могущественных народов этого региона.

Впервые имя бастарнов появляется на страницах истории в III в. до н.э.: Помпей Трог упоминает какие-то их «передвижения» в 233-229 гг. до н.э. (Trog. Proleg. XXVIII, 1). Но из этого упоминания не ясно, где эти «передвижения» происходили: на Балканах или на каких-то других территориях. В Низовьях Дуная бастарны относительно точно локализируются на рубеже III-II вв. до н.э. местным историком Деметрием из Каллатиса, фрагменты труда которого сохранились в трактате Псевдо-Скимна. В нем бастарны отмечены как «пришельцы» (Ps. Scimn. 797).

Во II в. до н.э. бастарны оказываются втянуты в противостояние Македонии и Рима: македонские цари Филипп V и Персей планировали использовать их в качестве наемников. И хотя сама эта идея потерпела неудачу, македонская дипломатия спровоцировала серию балканских походов бастарнов во Фракии и Иллирии. К этому же времени, вероятно, следует относить известие о столкновениях бастарнов с даками, возглавляемыми царем Оролом, из которых, по крайней мере на первых порах, бастарны выходят победителями (Just. XXXII, 3, 16)².

В период Митридатовых войн бастарны отмечаются как сильнейшее племя к северу от Дуная (App. Mithr. XV, 69). Их союз с царем Понта и последующий конфликт с римским наместником Македонии Гаем Антонием Гибридой, при котором бастарны захватили даже римские штандарты – знаменитых орлов (Dio Cass. LI, 26, 5), неизбежно должны были привлечь внимание античных писателей.

Географ Страбон, вероятно, опираясь на трактат своего предшественника Посидония³, сообщает более подробные сведения о расселении и племенном составе бастарнов⁴. Так, к югу от Дуная географ помещает бастарнов-певкинов, проживающих на о. Певка, а к северу, между Дунаем и Борисфеном, – атмонов и сидонов (Strabo, VII, 3, 17).

Исходя из данных письменных источников о местах проживания бастарнов, а также их истории, с бастарнами уверенно связываются памятники

¹ Колосовская Ю.К. Рим и мир племён на Дунае I-IV вв. н.э. М.: Наука, 2000. С. 60-61.

² Ткачук М.Е. Гетика, которую мы потеряли. Из антологии хронологических разрывов // Stratum plus. 1999. № 3. С. 277-278.

³ Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. (этнополитический аспект). Запорожье: Запорожский государственный университет, 1995. С. 22.

⁴ Вероятнее всего, данные относятся к рубежу II-I вв. до н.э.: Щукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. С. 152-153.

культуры типа Поянешть-Лукашевка¹. М.Б. Щукин высказывал предположение, что сведения Страбона позволяют отнести к «северным бастарнским племенам» также зарубинецкую культуру², однако эта гипотеза встретила обоснованные возражения³.

Приблизительно в середине / 2-й половине I в. до н.э. прекращаются захоронения на могильниках поянешть-лукашевской культуры. В историографии представлено несколько мнений относительно того, что могло стать причиной ее исчезновения. Во-первых, это экспансия даков. После упоминания о разгроме бастарнами армии македонского наместника Антония Гибриды в 61 г. до н.э. (Dio Cass. XXXVIII, 10) этот народ несколько десятилетий не упоминается в источниках. Царь даков Буребиста в это время создал могущественное военно-политическое объединение с центром в Трансильвании и развернул широкую экспансию во всех направлениях. На западе он разгромил дунайских кельтов – теврисков и бойев, превратив их земли в «пустыню» (Strabo, VII, 1, 5; 3,11). На востоке его войска разорили греческие полисы на западном и северо-западном побережье Черного моря. Была, в частности, разрушена и Ольвия на Днепро-Бугском лимане⁴. Поскольку бастарны выступали союзниками греческих городов в период Митридатовых войн, и их земли располагались между владениями Буребисты и черноморским побережьем – все это служит веским основанием подозревать, что бастарны также могли стать жертвой экспансии даков⁵.

Сторонники более поздней датировки прекращения эксплуатации могильников поянешть-лукашевской культуры связывают эти события с кампанией римского военачальника Марка Лициния Красса на Нижнем Дунае в 29-28 гг. до н.э. Бастарны перешли на южный берег Дуная, угрожая провинции Македония и фракийским союзникам Рима. Это вынудило

¹ Щукин М.Б. Забытые бастарны // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 5. С. 80. Однако, совсем недавно появились сомнения в обоснованности такой связи народа с культурой: Дробушевский А.И. Культура Поянешти-Лукашевка и бастарны // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2025. № 4. С. 391-415.

² Время возникновения этих памятников датируется концом III – началом II в. до н.э., совпадая с временем появления бастарнов. Они относятся к кругу т.н. латенизированных культур, что соответствует нашим данным о происхождении бастарнов. Распространение их в лесостепной зоне между Карпатами и Днестром – юго-западнее первая и северо-восточнее вторая соответственно – по мнению М.Б. Щукина вполне соответствует локализации трех групп бастарнов у Страбона. Памятники Поянешть-Лукашевка автор связывает с певкинами (южными бастарнами), а зарубинецкие памятники – с атмонами и сидонами: Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 58-60.

³ Критики теории М.Б. Щукина отмечают довольно вольную трактовку сведений Страбона: Дробушевский А.И. Зарубинецкая культура и бастарны // Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова. Кишинев: Stratum Plus, 2022. С. 176-177.

⁴ О походах Буребисты против полисов Северного и Западного Причерноморья: Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. М.: Наука, 1989. С. 263–272.

⁵ Щукин М.Б. Забытые бастарны // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 5. С. 81.

римского полководца совершить ряд карательных походов, что, по мнению некоторых исследователей, поспособствовало исчезновению памятников типа Поянешть-Лукашевка¹.

Обе гипотезы вызывают серьезные сомнения, на наш взгляд. Есть ряд моментов, которые не учитываются их сторонниками. В первую очередь, следует отметить полное молчание источников о столкновениях бастарнов с Буребистой. Так как бастарны – могущественный народ, сохранявший гегемонию в регионе вплоть до возвышения Буребисты, трудно представить, что античная традиция, зная о разорении даками кельтов Среднего Подунавья, могла проигнорировать судьбу победителей Антония Гибриды. С другой стороны, накануне столкновения с Марком Крассом бастарны вновь выступают как значительная военная сила, доминирующая в Нижнем Подунавье². Все это заставляет исключить предположение о тотальном разгроме их Буребистой и искать другое объяснение прекращению эксплуатации поянешть-лукашевских памятников.

Ответ, как нам представляется, подсказывает Кассий Дион, столь подробно описавший подвиги Марка Красса (Dio Cass. LI, 23-27). Его сведения позволяют нам утверждать, что бастарны, задумав переход через Дунай, покинули свои прежние места обитания и переместились на территорию современных Мунтении и Олтении. Эта миграция повлекла за собой прекращение функционирования могильников Поянешть и Лукашевка, что, в свою очередь, привело к исчезновению самой культуры.

Дальнейшая судьба этого народа с трудом поддается реконструкции. Задача осложняется тем, что археологически культура их больше не выделяется в общей массе памятников Карпато-Дунайского региона. Мы вынуждены оперировать исключительно отрывочными сведениями античных авторов. Так, в начале I в. бастарнов упоминает в своих «Скорбных элегиях» поэт Овидий. Сосланный в город Томы (совр. Констанца), он пишет о том, что живет возле устья Дуная и указывает на опасность со стороны языгов, гетов и др., а также отмечает у левого берега Понта земли бастарнов и савроматов³. Бросается в глаза, что бастарны в это время явно не представлялись главной угрозой для жителя Добруджи, в отличие от сарматов (языгов) и гето-даков. Эта картина находится в полном согласии с другими источниками, где главным противником римлян на Дунае в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. выступают именно племена даков. Известно, что в 10 г. до н.э. даки по льду пересекли Дунай и принялись грабить земли созданной накануне провинции Паннонии. Следствием частых набегов даков являлась и последующая операция наместника Иллирика Марка Виниция против

¹ Там же.

² Казакевич Г.М. Балканский поход бастарнов 29 г. до н.э. и одно погребение пшеворской культуры Верхнего Поднепровья // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2010. №. 4. С. 132.

³ Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / Пер. с латин. Сост. и предисл. М. Гаспарова. Коммент. и ред. переводов М. Гаспарова и С. Ошерова. М.: Худож. лит., 1973. С. 394-395.

задунайских племен, в том числе и даков. В 6 г. н.э. разразилось паннонско-далматское восстание, чем воспользовались даки: они перешли Дунай и проникли вглубь римских владений до границ с Фракией, чему, видимо, способствовала поддержка местного восставшего населения¹.

Усиление активности даков логично объяснить серьезным поражением, которое бастарны понесли в ходе столкновения с Марком Крассом тремя десятилетиями раньше, а также потерей ими своих прежних территорий. Создается впечатление, что бастарны покинули после своего разгрома побережье Дуная, переместившись в более северные районы. В пользу этого говорят данные Плиния Старшего и Клавдия Птолемея. Однако, в нашем распоряжении есть источники, которые говорят о том, что ситуация была несколько сложнее.

Рассказывая о трагических событиях, развернувшихся в царской семье, правящей во Фракии², Корнелий Тацит упоминает, что фракийский династ Рескупорид под предлогом войны против бастарнов и скифов укрепляет свои силы вновь набранными всадниками и пехотинцами. Дело происходило в 19 г. (Тас. Ann. II, 65, 5). Это незначительное, на первый взгляд, известие полностью меняет всю геополитическую картину в регионе. Бастарны выступают как потенциальная угроза для Фракии и римских владений, наряду со «скифами». Под последними, вероятно, следует понимать кочевое население Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья. Для фракийцев «скифами» вполне могли выступать сарматские орды, такие как языги и роксоланы. В то же время, мы не видим среди потенциальных противников гето-даков. Их место снова занимают бастарны. Все это говорит о том, что во втором десятилетии I в. бастарны вновь выступают как серьезная военно-политическая сила в регионе. Следовательно, можно предположить, что и после событий 29-28 гг. до н.э. бастарны не потеряли своего значения в Нижнем Подунавье, однако, находясь относительно далеко от места ссылки Овидия, не представляли серьезной угрозы для западнотийских городов. Исчезновение же их памятников в Поднестрове легко объясняется тем, что они перебрались выше по течению Дуная.

Новых столкновений римлян и фракийцев с бастарнами в 19 г. и позднее не случилось. Они вновь надолго исчезают из поля зрения античных историков и географов. Следующее известие о них мы находим уже у Плиния Старшего. Он отмечает, что на территориях, примыкающих к побережью, живут сарматы/савроматы. Выше, между Дануviем и Герцинским лесом находятся сарматы-языги, потеснившие в горы и леса даков, а к востоку и северо-востоку от Карпатской дуги он помещает бастарнов (Plin. H.N. IV, 80-81). Локализация языгов в Потисье служит

¹ Рубцов С.М. Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I – начало II вв. н.э.). М.: Филоматис, 2003. С. 33-34.

² После смерти верного римлянам царя Реметалка I, во Фракии развернулась борьба между его братом Рескупоридом III и сыном Котисом VII. Последний был фаворитом императора Тиберия, что вызывало зависть Рескупорида. Дело закончилось коварным убийством Котиса, арестом Рескупорида и его последующей гибелью (Тас. Ann. II, 64, 3-67).

надежным хронологическим маркером, позволяющим датировать эти сведения около 50 г. Именно в это время языги захватывают степные районы Альфёльда, будучи призванными царем квадов Ванныем, нуждавшимся в союзниках (Tac. Ann. XII, 29-30)¹.

Сравнение приведенных данных показывает, что между 19 и 50 гг. произошли какие-то события, которые не позволили бастарнам закрепиться окончательно в Нижнем Подунавье, вновь заставив их искать новые земли для проживания. Письменные источники и археологические данные позволяют утверждать, что причина очередной миграции бастарнов заключается в экспансии сарматских орд: миграции языгов в Потисье (Plin. H.N. IV, 80), усиление роксоланов в Нижнем Подунавье (Tac. Hist. I, 79; Plin. N.H. IV, 80)², появление аорсов к западу от Дона (Ptol. Geogr. III, 5, 22), отмечаемые античными источниками, дополняются резким увеличением сарматских древностей в Поднестровье и Поднепровье. С сарматским нашествием связывают также гибель зарубинецкой культуры: около середины I в. гибнут все зарубинецкие городища, прекращаются захоронения на могильниках, а на землях, принадлежавших носителям зарубинецкой культуры, появляется целый ряд сарматских памятников³. Одновременно в Северном Причерноморье формируется новое могущественное сарматское объединение под властью царя Фарзоя.

Прямым следствием этих масштабных событий стала ситуация, описанная в эпитафии римского наместника Мёзии Плавтия Сильвана. События, зафиксированные в этом документе, датируются 60-ми гг.: Плавтий Сильван совершил поход вдоль побережья Черного моря от низовий Дуная до Херсонеса в Крыму против «поднявших волнения» сарматов и осадивших Херсонес скифов. Сообщается, что он «возвратил царям бастарнов и роксоланов их сыновей, а царю даков – братьев, взятых ранее в плен или захваченных врагами» (CIL XIV, 3608).

Из надписи следует, что бастарны в этот период проживали где-то рядом с даками и роксоланами. Все три народа подверглись давлению со стороны какой-то новой силы, в которой логичнее всего видеть «царство Фарзоя»⁴. По всей видимости, действия Плавтия Сильвана содействовали формированию клиентских отношений между Римской империей и правителями освобожденных от прежней зависимости племен. Локализация даков и роксоланов в этот период в общем понятна. Это позволяет также строить предположения о местах проживания бастарнов в этот период.

¹ Щукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. С. 222-224.

² Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 239-240.

³ Щукин М.Б. Забытые бастарны // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 5. С. 86.

⁴ Воронятов С.В. Локализация бастарнов и некоторые другие проблемы элогии Тита Плавтия Сильвана Элиана // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2013. № 39. С. 148-158.

М.Б. Щукин связывал с бастарнами эпитафии Плавтия Сильвана выделяемую археологами т.н. звенигородскую группу памятников Верхнего Поднепровья. Здесь выявлены несколько погребений «княжеского» ранга со смешанной культурой, сочетающей сарматские, гето-дакийские и пшеворские элементы. Наличие их позволило высказать предположение, что в этой местности существовало особое «клиентское» варварское государство, аналогичное «царству Ванния», созданное римлянами в качестве «буферной зоны» против варваров¹. Подобная локализация, с одной стороны, не противоречит данным эпитафии Плавтия Сильвана, а с другой соответствует локализации бастарнов у Плиния Старшего, а позднее у Клавдия Птолемея, в Верхнем и Среднем Поднепровье.

Карта Европейской Сарматии Клавдия Птолемея представляет собой очень сложный памятник, в котором, по мнению исследователей, смешались сведения разного времени². Например, данные о языгах и роксоланах в Приазовье и ревксиналах в Поднепровье восходят к эпохе Митридатовых войн, а данные о языгах-метанастах в Потисье – ко второй половине I в. Это демонстрирует, насколько осторожно нужно работать с этим источником.

На карте Клавдия Птолемея отдельно показаны бастарны и певкины. Приблизительно их можно локализовать в Верхнем или Среднем Поднепровье. Рядом названы карпы и костобоки, игравшие важную роль в регионе во II в. (Ptol. Geogr. III, 5). Очевидно, этот слой информации восходит к актуальным данным, которые оказались у римлян после походов Траяна. Интересно, что певкины, которых Страбон помещал в устье Дуная, теперь оказываются где-то у истоков Днестра. Эти данные созвучны тому, что сообщал о бастарнах Плиний, помещая их где-то у истоков Тисы, на границе с языгами, а также с гипотезой М.Б. Щукина о «Звенигородском» царстве бастарнов, созданном под эгидой римлян. Вероятно, именно этих певкинов имел в виду Тацит, когда в «Описании Германии» упоминал о бродячих отрядах венедов, нападающих повсеместно между певкинами и феннами (Tas. Germ. 46). В историографии уже предлагалось связывать эту ситуацию с гибелью зарубинецкой культуры³. Археологически весь этот регион представляет собой чересполосицу пшеворских и гето-дакийских памятников. Смешение этих традиций мы видим также в княжеских курганах звенигородской группы. Утрата бастарнами их культурных особенностей объясняется их частыми переселениями, конец которым, вероятно, положили усиление сарматов в Северном Причерноморье и завоевание Дакии Траяном.

¹ Щукин М.Б. Забытые бастарны // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 1999. № 5. С. 85.

² Удадьцов А.Д. Племена Европейской Сарматии II в. н.э. // *Советская этнография*. 1946. №2. С. 41-50.

³ Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 69.

Подводя итоги, можно отметить, что когда-то сильнейшее племя бастарнов в период последних десятилетий I в. до н.э., а также в I в. н.э. постепенно теряет этот статус ввиду сложных военно-политических обстоятельств, которые порождали постоянные миграции этого народа. Так, сразу же после их разгрома наместником Македонии Марком Крассом, бастарны были вынуждены покинуть Подунавье и уйти в более северные районы. Известие об опасности со стороны бастарнов Фракии в 19 г. демонстрирует период их некоторого возвышения, однако экспансия сарматов на запад так и не дала им закрепиться на Нижнем Дунае. После этих событий античные авторы локализуют бастарнов в Верхнем и Среднем Поднестровье, поэтому вполне обоснованно их можно связать со звенигородской группой памятников и, возможно, образованным римлянами в качестве буферной зоны «Звенигородским» царством. С момента усиления сарматов в Северном Причерноморье и Рима на Нижнем Дунае, в частности, завоевания Дакии Траяном, нередкие переселения бастарнов прекращаются.

BASTARNAE ON THE LOWER DANUBE: FROM MARCUS CRASSUS TO TRAJAN

U.S. Pyadochkina (Tula)

This article examines the situation of the Bastarnae on the Lower Danube after their defeat in 29 BC in a clash with the Macedonian governor Marcus Licinius Crassus before the reign of the Roman Emperor Trajan. It also examines the disappearance of the associated Poianești-Lukashevskaya culture in the middle/second half of the first century BC from a new perspective. Despite the cultural demise, according to written sources, in 19 AD the Bastarnae again emerged as a significant military and political force in the region, although they ceased to actively participate in events in the Lower Danube region after their defeat by the Roman general. The paper also addresses the frequent migrations of the Bastarnae, which were likely halted by the rise of the Sarmatians in the Northern Black Sea region and Trajan's conquest of Dacia.

Key words: Bastarnae, Dacians, Sarmatians, Mark Crassus, Poyanesti-Lukashevka culture, Lower Danube, migrations.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РИТОРОВ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ПЕРИОДА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ

М.Л. Радченко (Белгород)

В статье ставится вопрос о деятельности позднеантичных риторов в контексте рассмотрения их отношений с государственными чиновниками и императорами. Покровительство императорских лиц и поддержка выдающихся деятелей Антиохии, столицы одной из ключевых восточных провинций Империи, языческого ритора Либания и его ученика – известнейшего христианского проповедника Иоанна Златоуста, показывают, как внутренняя политика Империи формировала специфику выстраивания социальных связей в системе развитого в государстве патроната. Особенностью взаимоотношений интеллектуалов с имперской властью становится исторический фон – христианизация восточно-римских провинций и упадок значимости куриального сословия.

Ключевые слова: поздняя античность, риторы, софисты, чиновники.

Одним из актуальных направлений в зарубежной, а также в отечественной историографии по праву считаются исследования в области позднеантичного и ранневизантийского периодов. Процессу трансформации языческого позднеантичного полиса в христианскую державу посвящено немалое количество монографий и статей, часть из которых направлена на выявление специфики взаимоотношений приверженцев языческой традиции и христианства. В свою очередь, не малоинтересным остается вопрос, касающийся выстраивания коммуникационных сетей риторам позднеантичного периода.

Ритор этого времени представлял собой не только образ наставника и учителя. Он также был тесно связан с представителями государственных структур, «поставляя» в административно-управленческие органы новые кадры. Регулярная переписка, касающаяся вопросов протекционизма в периоды обучения в риторических школах и далее при устройстве на имперскую службу, составляет значительную часть деятельности раторов рассматриваемого периода. Но вопросы, поднимающиеся риторам в переписке, затрагивали не только тему учеников, но и освещали, в частности, вопросы имперской и муниципальной власти. Отношения местной аристократии и государства носили противоречивый характер, и зачастую сами риторы выступали связующим звеном, стараясь урегулировать проблемные вопросы.

Интересно развитие отношений имперской власти с муниципальной знатью восточных провинций. Имперская политика христианизации натолкнулась здесь на вполне четко выраженную оппозицию в лице местных куриалов, отстаивающих позиции язычества в регионе, в связи, с чем столкновения интересов столичной и местной власти проявлялись зачастую весьма остро.

По мнению М.А. Ведешкина, как раз муниципальная аристократия в провинциях стала основой формирующейся языческой оппозиции, сложившейся как реакция на ослабление общественно-политического значения куриального сословия¹. Реформы Константина и Констанция II привели к несогласию с политикой центральной власти и усилению новой военно-бюрократической и церковной элиты, оспаривавшими первенство куриалов в экономической и политической жизни Империи. Дополнительным аспектом выражения несогласия между оппозиционной и имперской властью выступал религиозно-философский контекст деятельности куриалов-язычников, точно подмеченный в свое время Г.Л. Курбатовым.

В связи с этим, любопытным будет рассмотрение социальных сетей отдельных раторов позднеантичного периода, отображавших их взаимоотношения с имперской властью. В частности, антиохийский ритор

¹ Иванов И.А., Гаврилов И.Б., Джарман О.Б. Христианство и язычество в контексте становления византийской государственности. Отзыв на монографию: *Ведешкин М.А. Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV-VI вв.).* М., 2018. 358 с. // Христианское чтение. № 5; 2028. С. 186.

Либаний, благодаря обширному эпистолярному материалу, дает нам возможность проследить важные аспекты, освещающие разноплановые вопросы как риторического образования на Востоке, так и положение курий в Антиохии.

Характеризуя центральную власть, Либаний не раз ссылаясь на проблему коррумпированности и злоупотребления власти среди сенаторов и военачальников (Or. XLVII). В результате этого, жители провинции, куриалы вынуждены были обращаться к системе патроната и протекции со стороны более влиятельных граждан Империи.

Со своей стороны, Либаний не раз выступал с ходатайствами за своих подопечных, стремясь обеспечить им определенные экономические или социальные выгоды, если дело касалось курий. С другой стороны, Либаний достаточно часто вступал в переписку с чиновниками, протектируя своих студентов. Относительно вопросов определения студентов на административные должности, как правило, у Либания сложностей не возникало. По мнению Р. Крибиоре, большая часть рекомендательных писем была написана Либанием в ранний период¹. Адресатами Либания, которым ритор рекомендовал своих студентов, являлись как высокопоставленные должностные лица, так и провинциальные администраторы. Отправляя письма комиту Востока Модесту (Ep. 617.2) или губернаторам Максиму VI, Модесту, Саллюстию², Либаний выражал не только интересы студентов, за которых просил, но и реализовывал свои надежды на продвижение учеников. Хотя, по мнению Р. Крибиоре, Либаний в меньшей степени был заинтересован в том, чтобы его студенты занимали административные посты, вместо того, чтобы продолжить обучение риторике³.

С ходатайством к игемону Иерию обращался Григорий Нисский, вступаясь за Синезия, привлекаемого по судебному делу⁴. Считая Синезия несправедливо обвиненным, Григорий выступает против судебной системы, указывая на коррупцию и на практику использования уголовных дел, как инструмент давления на граждан⁵.

Г.Р. Зиверс в своей монографии отмечает, что Либанием, в общей сложности, только за период 360-621 гг. было отправлено около 100 писем с ходатайствами, как за студентов, так и за сограждан⁶.

Любопытно, что отношения Либания с представителями государственной власти имели противоречивый характер, и не всегда ритор добивался положительного результата. При этом, по данным Раффаэлли Крибиоре и Поля Пети, ходатайства Либания по вопросам устройства своих студентов, как правило, были удовлетворены. Несколько иначе выглядит

¹ *Cribiore R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, 2007. P. 211.*

² *Petit P. Les etudiants de Libanius. Paris, 1956. P. 159.*

³ *Cribiore R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, 2007. P.212.*

⁴ *Авилова А.А. Письма Григория Нисского как исторический источник // Византийский клуб. Альманах. 2025. Белгород, 2025. С. 350-353.*

⁵ *Святитель Григорий Нисский. Письмо VII. Иерию игемону // Аскетические сочинения и письма. М., 2007. С. 266.*

⁶ *Sievers G.R. Das Leben des Libanius. Berlin, 1868. P.69.*

ситуация с просьбами в отношении куриалов. Так, из 22 протекционных писем только 11 были рассмотрены в пользу Либания и куриалов, за которых он выступал. Иначе говоря, возможности самого ритора были также ограничены, и отношения с имперской властью у Либания, хотя и имели в некоторой степени позитивный характер, не всегда приносили ему желаемого результата. Так, ритор не раз просил за освобождение своего сына Кимона от выполнения муниципальных обязательств, но положительного результата не добился¹.

Отношения риторов не всегда сводились исключительно к частной переписке с сенаторами или военачальниками. В контексте рассмотрения деятельности позднеантичных риторов, исследователями не раз был отмечен факт непосредственного взаимодействия с императорами. Так покровительство Юлиана Отступника Либанию обозначалось практически всеми историками, работающими в данной области. В свою очередь, отношение Либания к Юлиану и проводимой им политике имело одобрительный характер. Интересно замечание Г.Р. Зиверса, что у Либания имелось влияние на императора. Так, его протекция за уроженца Коринфа Аристофана была полностью удовлетворена Юлианом².

Таким образом, порицая судебную систему, несправедливую и коррупционную, выступая против усиления давления на курии и сокращение некоторых прав муниципальной аристократии, Либаний поддерживал имперскую власть, представленную в лице Юлиана. Сложно сказать, что было целью Либания в данном случае. Поддержка императора обозначала для Либания и возможность успешного карьерного роста, как ритора Антиохии, также обеспечивала функционирование и самой школы риторики. С другой стороны, политика возрождения язычества не могла не привлекать ритора-язычника, выражавшего интересы муниципальной знати. Не исключен и личностный фактор. Столкнувшись с императором Юлианом в Никомедии, Либаний не мог на то момент напрямую заручиться поддержкой императора, поскольку являлся открытым язычником (Socr. HE. III.1). Но Юлиан, не имея также возможности посещать Либания, покупал его речи (Lib. Or. XVIII). Впервые император увидел своего любимого ритора только в 363 г. в Антиохии³. Сожаления Либания о смерти Юлиана, выраженные в его монодии, обозначали для ритора не только потерю высочайшего покровителя, но и крах надежд на возрождение языческих традиций и, вместе с тем, возвращение куриям прежних социально-политических прав.

Не отрицал роль государства и имперской власти и ученик Либания — Иоанн Златоуст. Хотя Златоуст не являлся представителем языческой среды, но то обстоятельство, что оба выдающихся представителя Антиохии являются современниками и были одно время тесно взаимосвязаны в системе учитель — ученик, определяет интерес к одному из виднейших отцов христианской

¹ *Liebeschuetz J.W.* Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. P. 179.

² *Sievers G.R.* Das Leben des Libanius. Berlin, 1868. S. 94.

³ *Денисова И.В.* К вопросу обучения императора Юлиана в Афинах // Преподаватель XXI век. 2023. № 4-2. С. 309-319.

церкви. Деятельность ритора-язычника Либания и проповедника христианской морали Иоанна Златоуста показывали, какое влияние на специфику формирования восточного христианства оказали собственные особенности развития восточно-римского общества в момент угасания языческой традиции при воздействии имперской власти.

Для Златоуста государство важно не меньше, чем для кого-либо (MPG, 54, 596), а деятельность чиновников и военачальников, определена и неприкосновенна. Безусловно, коррумпированность и злоупотребления оцениваются Златоустом резко негативно¹. Но в целом, власть императора и административного аппарата находят одобрение со стороны Златоуста. Возвышение Златоуста, избрание его епископом Константинополя, как в свое время назначение Либания ритором Антиохии, вполне можно назвать покровительством со стороны имперской власти.

Любопытно, как меняется отношение к имперской власти в момент смены самой власти и расхождения во взглядах на религиозную и социально-политическую обстановку в Империи.

После гибели Юлиана Либаний утрачивает прежнее покровительство и возможное влияние, и, по мнению Г.Р. Зиверса, правление Валента стало для Либания периодом трудностей и наветов со стороны приближенных императора². Но, в то же время, ритор продолжает пользоваться поддержкой, хотя и в меньшей степени, со стороны правящих лиц, если и осуждая действия новой власти, то не столь явно, как это было в отношении императора Константина (Lib. Or. XLII). Скрытые обвинения, прозвучавшие в речи Либания «За Талласия» И.А.Миролюбов считает не более как выпадом против имперской власти в контексте агрессивной языческой традиции³.

Сложность отношений с представителями новой знати империи, чиновников, против которых звучали обвинения Златоуста в расточительстве и злоупотреблении положением, привели к обвинениям против епископа и последующей его ссылке.

Таким образом, отношения представителей имперской власти и интеллектуалов позднеантичного периода проявлялись в контексте частной переписки, целью которой часто являлись вопросы покровительства и протекции. Для Либания это было возможностью оказать поддержку своим ученикам, повысив и престиж риторической школы. В то же время, просьбы о предоставлении льгот для куриального сословия в ряде случаев не приносили ритору желаемого результата. Выстраиваемые на взаимосвязанности социальные связи носили противоречивый характер, влияние на который оказывали как социально-политические и религиозные воззрения, так и личностный фактор.

¹ Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л.: ЛГУ, 1991. С. 131.

² Sievers G.R. Das Leben des Libanius. Berlin, 1868. P. 94.

³ Миролюбов И.А. Либаний о личной жизни Константина Великого // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. № 22-2. С. 869-877.

CONTACTS OF LATE ANTIQUITY RHETORIC WITH IMPERIAL AUTHORITIES

M.L. Radchenko (Belgorod)

The article raises the question of the activities of the late antiparty rhetoric in the context of examining their contacts with government officials and emperors. The patronage of imperial persons and support of prominent figures of Antioch, one of the key eastern provinces of the Empire, the pagan rhetoric of Libania and its disciple – the famous Christian preacher John Zlatoust, show how the internal policy of the Empire shaped the specificity of building social contacts in the system of patronage developed in the state. The historical background becomes a feature of contacts of intellectuals with imperial power – Christianization of oriental-Roman provinces and decline of importance of chicken class.

Key words: late antiquity, rhetoricians, sophists, officials.

ЭКСПАНСИЯ РОМЕЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ (КОНЕЦ IX – СЕРЕДИНА XI ВВ.): АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ АРМЯНСКОЙ И ГРУЗИНСКОЙ ССР

Е.В. Розмысл (Гродно, Белоруссия)

Опираясь на труды по истории Византии советского периода истории России (1917–1991 гг.), раскрываются этапы ромейской экспансии в Закавказье в период Македонской династии (867–1056 гг.). Ключевое внимание уделено спорным вопросам данной политики и ее оценке в русскоязычной историографии Армянской и Грузинской ССР. Отмечено влияние исследований дореволюционных ученых, складывание византиноведения в СССР.

Ключевые слова: история Византии, византиноведение, историография Армянской и Грузинской ССР, экспансия, наследство Давида Курополата, буферные государства.

Период Македонского Ренессанса (867–1056 гг.) в истории империи ромеев отмечен активной внешнеполитической экспансией. Ярким примером выступает политика василевсов в отношении стран Закавказья. Противоречия этого процесса отразились в трудах советских историков Армении и Грузии.

Политика Византии в Закавказье не получила глубокого изучения в дореволюционной историографии, и среди работ рубежа XIX–XX в. можно выделить краткие сведения в работе А.А. Васильева¹ и в «Очерках по истории Византии» В.Н. Бенешевича². Последним отмечается, что экспансия василевса Романа I (920–944 гг.) позволила вырвать Армению из-под влияния халифата при Ашоте II Железном (914–928 гг.), когда был признан его сюзеренитет над князьями Васпуракана, Албании (часть Грузии и Азербайджана), Иверии и

¹ Васильев А.А. Византия и арабы. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1902. С. 102, 111, 216–217.

² Очерки по истории Византии / под ред. и с предисл. В.Н. Бенешевича. СПб.: Издание Студенческ. Издат. Комитета при Ист. Фил. факультет Имп. Пгр. Университета, 1912/13. 580 с.

Абхазии¹. После историк отмечает роль иверского и тао-кларджетского куропалата Давида, оказавшего помощь в подавлении мятежа Варды Склира в 979 г.² Упоминается роль армянских дружин в борьбе с Самуилом Болгарским, отмечая гибель в 996 г. Григория Таронита³.

Именно В.Н. Бенешевичем были подняты дискуссионные вопросы в наследовании Византией наследства Давида Курополата и последовавшей за этим на рубеже 1021–1045 гг. аннексии земель Армении и Грузии⁴, ставшие камнем преткновения в трудах советских историков.

В 1921 г. ученый издает труд про анийские надписи XI в., в которых раскрывает деятельность магистра Аарона. Армянин, который после падения Болгарии в 1018 г. перешел на сторону василевса Василия II (976–1025 гг.) и сначала занимал важный пост при дворе, с 1049 по 1057 гг. оборонял рубежи Византии от набегов турок-сельджуков⁵, что свидетельствует о роли армянской знати в жизни империи.

Одновременно продолжает свою работу до 1928 г., несмотря на события 1917 г., академик Ф.И. Успенский. Результатом становится его многотомное издание по истории Византии⁶.

В своих трудах историк подтвердил тезис В.Н. Бенешевича о важной роли армянских государств во внешней политике Византии. Отмечено заключение в 893 г. союза между Львом VI (886–912 гг.) и Смбатом I (890–914 гг.) против арабов. При этом подчеркивается, что деятельность альянса окончилась неудачей⁷. Второе дыхание отношения получают уже с походами Иоанна Куркуаса во времена Романа I, когда «цари Македонской династии вступили в особенно близкие отношения с армянами, которые приняли деятельное участие в войнах с арабами в X в., ибо обстоятельства побуждали империю иногда все войска переводить на Балканы». В доказательство приводятся примеры успешных операций⁸.

Если контакты Византии и армянских царств в X в. рассмотрены Ф.И. Успенским как партнерство в борьбе с исламом, то в контексте политических изменений XI в. историк поднимает вопрос о роли закавказских государств в условиях ослабления эмиратов и завоевания ромеями Сирии.

¹ Там же. С. 88.

² Там же. С. 100.

³ Там же. С. 104.

⁴ Там же. С. 106, 116.

⁵ *Бенешевич В.Н.* Три анийские надписи XI в. из эпохи византийского владычества. Пг.: Государственное издательство, 1921. С. 4–10.

⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи: Период Македонской династии (867–1057). М.: Мысль, 1997. 527 с.; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари. Палеологи. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997. 829 с.

⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи: Период Македонской династии (867–1057). М.: Мысль, 1997. С. 190.

⁸ Там же. С. 289, 293, 295.

В частности, обращается внимание на начальное признание автономии Армении и Грузии, но, вскоре, на фоне своего влияния, ромеи навязывают им требование войти в состав Византии в качестве лена по завещанию лидеров стран Закавказья. Любопытно, что Ф.И. Успенский начинает не с наследства Давида Курополата, а с договора о защите от набегов кочевников царя Ани Иоанна Сембата и правителя Васпуракана Сеннакерима в 1021 г.¹

В то же время ромеи, не желая ждать пресечения династий закавказских государств, содействуют развитию междоусобиц между наследниками, что видно на Великой Армении во время правления Гагика II. Константин IX (1042–1055 гг.) стремясь заставить армянского царя отдать Ани, заключает договор о разделе его земель с эмиром Абул-Севаром. Это вынуждает Гагика II передать столицу Армении Константинополю².

Именно данная аннексия в 1045 г., по мнению академика, стала одним из катализаторов кризиса на восточной границе империи, что проявилось в восстании Льва Торника, представителя армянских Багратидов в 1047 г., и утраты «заслона» воинственной армянской знати, боровшейся с набегам тюрков. Последнее привело с 1048 г. к постоянной войне на восточной границе³.

С выходом трудов историков дореволюционной школы закладываются основы изучения истории в Закавказских республиках. В 1920 г. открывается крупнейшее хранилище армянских рукописей – Матенадаран⁴. Однако, на фоне трансформаций на рубеже 1920–1930-х гг., и с уходом Ф.И. Успенского, историческая наука, в том числе и византиноведение, застagnировало до середины 1930-х гг. Несмотря на это, при основании Тбилисского университета создается кафедра византиноведения. Здесь, изначально, ученые Грузии и Армении лишь анализируют византийские источники. Выходят исследования Г.Ф. Церетели, К.С. Кекелидзе, С.Г. Каухчишвили⁵. Однако первая серьезная работа в стране выходит лишь в 1940 г. – «История Византии: краткий очерк» М.В. Левченко⁶. С выходом данного труда формируется марксистский подход к изучению истории Византии. Этому способствовало создание в 1939 г. в Ленинградском отделении АН византийской группы⁷.

Несмотря на то, что основатель ленинградской школы не уделяет внимания ромейской экспансии в Закавказье, он обращает внимание на механизм соподчинения василевсами региона. Отмечается, что в «Книге церемоний» Константина VII (944–959 гг.) армянские правители выступают в

¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари Палеологи. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997. С. 24.

² Там же. С. 27–28.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари Палеологи. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997. С. 28–29, 52–55.

⁴ Византиноведение в СССР за 40 лет // Византийский временник. 1958. Т. 13. С. V.

⁵ Курбатов Г.Л. История Византии (Историография). Л.: ЛГУ, 1975. С. 142–143, 153; Соколов Н.П. Сорок лет советского византиноведения. Горький: ГГУ, 1959. С. 38.

⁶ Левченко, М.В. История Византии: краткий очерк. М.-Л.: Госсoc-экономизд, 1940. 272 с.

⁷ Соколов Н.П. Указ. соч. С. 4.

роли вассалов империи, в чьи обязанности входило выделять помощь ромеям военные контингенты¹.

Возрастает интерес к ромейско-закавказским отношениям в 1950-е гг., когда складывается научно-исследовательская база советского византиноведения. Еще в ноябре 1943 г. при Институте истории АН СССР создана профильная группа², которая в 1956 г. под руководством Е.А. Косминского трансформируется в сектор. В РСФСР складывается 3 центра изучения истории Византии: Москва, Ленинград, Свердловск³.

Однако первые серьезные исследования по ромейско-кавказским отношениям выходят в Армянской ССР: В. Исаакяну принадлежит диссертация о взаимоотношениях Византии и Армении в IX–XI вв. И.К. Кусикьян осветил вопросы взаимоотношений в общей истории Армении.

Историки Грузии касались политических связей с Византией. Помимо общих работ С. Джанашиа, Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, следует выделить труд М.Л. Кахада «Грузины в политической и общественной жизни Византии», что свидетельствует о грузинском влиянии на власть в империи ромеев⁴.

В 1957 г. в Тбилисском государственном университете выходит публикация «К истории восстания Варды Склира» Н.Ю. Ломоури⁵. Основное внимание грузинский историк обращает на роль грузинских и армянских правителей в мятеже Варды Склира в 979 г. Проанализировав источники, автор приходит к выводу о том, что Давид Куропалат помогал Василию II не из вассально-ленных обязательств, а в личных интересах⁶. На это указывает поддержка восстания Склира армянскими вождями. Учитывая, что Давид стремился объединить вокруг Тао-Кларджети всю южную Грузию, победа мятежника была ему не выгодна⁷. Н.Ю. Ломоури отмечает, что за поддержку василевса представитель Багратионов потребовал передать ему спорные области в районе Федосиополя⁸, что Василий II и делает.

Восстание «двух Вард» в 986–989 гг. дало Давиду возможность на сей раз поддержать мятежников, что аргументируется его стремлением полностью избавиться от вассальных обязательств перед ромеями и объединить Грузию под своей властью. Однако победа василевса в этой усобице вынудила правителя Тао-Кларджети, стремясь сохранить свои земли, принести оммаж Василию II и завещать свои земли империи⁹.

¹ Левченко М.В. Указ. соч. С. 142.

² Соколов Н.П. Указ. соч. С. 4.

³ Византиноведение в СССР за 40 лет // ВВ. 1958. Т. 13. С. V; Соколов Н.П. Указ. соч. С. 4.

⁴ Соколов Н.П. Указ. соч. С. 38.

⁵ Ломоури Н.Ю. К истории восстания Варды Склира // Труды ТГУ. Тбилиси: ТГУ им. Сталина, 1957. Т. 67. С. 36–44.

⁶ Ломоури Н.Ю. Указ. соч. С. 36–38.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Там же. С. 38–39.

⁹ Там же. С. 39–44.

Процесс вхождения закавказских земель в орбиту Византии в 1-й половине XI в. отмечен в работе Р.М. Бартикяна¹. Армянский историк, изучая завещание Евстафия Воилы (1059 г.), выделил элементы аннексии Армении и Грузии империей: переселение местных феодалов в Византию и внедрение ромейской администрации в лице дукатов, катапанов, магистров. Однако протест аристократии и местных говорит о крахе данной политики².

Результаты работы грузинских и армянских историков нашли отражение в фундаментальной трехтомной «Истории Византии»³. Авторы ее обратили внимание на важность позиции Армении в конце IX в., отмечая, что она стала предметом политического торга между империей и халифатом. Это выразилось в признании обеими сторонами Ашота II «шахиншахом»⁴. Распад единого государства приводит к снижению влияния Армении на борьбу Константинополя и Багдада, что отмечено в стремлении патриарха Николая Мистика призвать Багратидов к сплочению, давая повод в 921 г. возобновить союз, что дает ромеям возможность отвоевать земли до Евфрата⁵.

Обращено внимание на политику Василия II в Закавказье. Помимо подчинения земель Давида Курополата, рассмотрена борьба с Грузией в 1021–1022 гг., в результате которой василевс навязывает правителям Армении требование завещать свои земли, что приводит к формированию на северо-востоке новых фем: Васпуракана, Иверии и Феодосиополя⁶. Несмотря на это, в 1027 г. абхазская знать пытается вернуть земли в Асфарагане, что приводит к браку с наследником Георгия Абхазского Багратом племянницы Романа III (1028–1034 гг.). Это событие рассматривается как признак слабости империи⁷. Тем не менее, Константин IX завершает покорение Закавказья, однако, важно отметить, что советские историки согласны с позицией Ф.И. Успенского о негативном влиянии этого процесса на империю⁸.

В 1970–1980-е гг. период Македонской династии, в том числе закавказская политика Второго Рима, становится объектом пристального внимания не только грузинских и армянских историков, но и

¹ Бартикян Р.М. О значении завещания Евстафия Воилы (1059 г.) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества (XI век). М.: Изд. вост. лит., 1960. 14 с.

² Там же. С. 5–6.

³ История Византии в 3-х т. / под ред. С.Д. Сказкина. М.: Наука, 1967. Т. 2. 472 с.

⁴ Там же. С. 194.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 225.

⁷ Там же. С. 270.

⁸ Там же. С. 274; Успенский Ф.И. История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари Палеологи. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997. С. 24, 27–29, 52–55.

всесоюзных центров византиноведения. В Ленинграде этот вопрос изучает К.Н. Юзбашян¹; в Москве – В.А. Арутюнова-Фиданян и А.П. Каждан²; в Свердловске – В.П. Степаненко³.

Серьезное внимание уделяется проблеме присоединения армянских княжеств к империи ромеев, что отмечено в исследовании С.Т. Еремян⁴. Отмечая процесс восхождения армянских земель в конце IX в., обращено внимание на значение Карса, который во главе со спарапетом Абасом Багратидом (Армянином), по мнению историка, мог стать центром консолидации армянских земель⁵.

Если сын Смбата I, Ашот II и его дядя Абас понимали важность единства в борьбе с арабами, то после назначения последнего наместником Карса и его правление после смерти Ашота до 953 г. приводит к усилению его домена. Как следствие, происходит формирование Карсского царства⁶. Причина этого кроется в отсутствии связи земель окраин с центром, из-за чего в середине X в. держава Багратидов распадается. Наследник Армянина Ашот III Милостивый (953–977 гг.), перенеся центр в Ани, содействует обособлению Карса в 963 г. Именно эта тенденция открыла дорогу ромейской экспансии⁷.

Однако, как отмечает С.Т. Еремян, политика карсских царей Мушега (963–984 гг.) и Абаса (984–1029 гг.) содействовала консолидации и могла вновь объединить Армению, если бы не борьба из-за наследства Давида Куропалата, которая привела к ослаблению Карса и, в конце концов, к его аннексии империей в 1064 г.⁸

¹ Юзбашян К.Н. Некоторые проблемы изучения армяно-византийских отношений // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1971. Вып. 3. С. 37–40; *он же*. Грузинские послы в Ани в 1045 г. // Византиноведческие этюды. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 156–160; Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г. // ВВ. 1979. Т. 40. С. 77–87; *он же*. Армянские государства эпохи Багратидов и Византии (IX–XI вв.). М.: Наука, 1988. 300 с.

² Арутюнова-Фиданян В.А. Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи // Историко-филологический журнал. 1972. № 1 (56). С. 91–99; *она же*. Армянские средневековые историки об экспансии Византийской империи на Восток в X–XI вв. // Историко-филологический журнал. 1978. № 2 (81). С. 191–205; *она же*. Административные перемены на востоке Византии в X–XI вв. (К вопросу о «кризисе» феодального строя) // ВВ. 1983. Т. 44. С. 69–77; Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван: АН Армянской ССР, 1975. 190 с.; *он же*. Византийские Лапариты // Византиноведческие этюды. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 91.

³ Степаненко В.П. Политическая обстановка в Закавказье в первой половине XI в. // Античная древность и средние века. 1975. Вып. 11. С. 124–130; *он же*. О причинах и датировке передачи Васпуракана Византии // ВВ. 1977. Т. 38. С. 79; *он же*. Из истории армяно-византийских отношений второй половины X–XI в. (к атрибуции монет Кюрике куропалата) // АДСВ. 1978. Вып. 15. С. 43–48.

⁴ Еремян С.Т. Присоединение северо-западных областей Армении к Византии в XI в. // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1971. Вып. 3. С. 4–12.

⁵ Там же. С. 4–5.

⁶ Там же. С. 5–6.

⁷ Там же. С. 6–7.

⁸ Там же. С. 10–12.

Помимо проблемы отношений Второго Рима с армянскими княжествами, большее внимание историки уделяют и положению Грузии. Фундаментальное понимание отношений между ней и Византией отмечено в диссертации В.У. Копалиани¹. В работе не только рассмотрен период экспансии империи в Закавказье в отношении Грузии (970-е гг. – 1060-е гг.), но и отмечены ее истоки. В частности, обращено внимание на то, что во время натиска ислама в VIII–IX вв. представитель грузинской династии Багратиони перешел в подвластную ромеям грузинскую провинцию Кларджети и сделался вассалом василевса. Последний пожаловал ему титул куропалата². Однако, ленники не всегда выполняли обязательства перед Константинополем, о чем говорит принятие правителем Кларджети в 888 г. титула «царь картвелов», что вынудило Византию использовать дарование статуса как инструмент политического давления³. Несмотря на это, грузины участвовали в совместных походах против арабов вплоть до конца X в.⁴

Изменилась ситуация лишь с мятежом Варды Склира в 979 г., когда армяне и грузины поддержали противоборствующие стороны. На помощь империи пришел Давид Курополат. В.У. Копалиани подчеркивает, что это был судьбоносный момент для Македонской династии⁵. В благодарность он получил новые земли, но историк отмечает, что уже тогда василевс дал часть земель, «которые после его смерти вернутся в состав Византии»⁶. Это в корне отличается от позиции Н.Ю. Ломоури⁷.

Подобный жест империи объясняет, почему Тао-Кларджети выступило на стороне обоих Вард в 986 г. Стремление избавиться от обязательств перед Василием II выразилось во включении в борьбу с василевсом как грузин, так и армян⁸. Крах восстания позволил ромеям поставить вопрос о несоблюдении вассальных обязательств Давидом, обязав последнего завещать свои земли⁹.

Включение наследства Куропалата в состав империи в 1001 г. стало главным катализатором борьбы между Византией и Грузией, которая объединилась в лице Георгия I (1014–1027 гг.) и заняла спорный Тао, что и привело к войне в 1021–1022 гг.¹⁰

Ключевой итог конфликта – окончательная утрата армянскими княжествами своей независимости и включение Ани, Вананда, Васпуракана в

¹ Копалиани В.У. Политические взаимоотношения Византии и Грузии 70-е годы X в. – 20-е годы XII в. / автореф. дисс. ... д.и.н. Тбилиси: Тбилис. ун-т, 1971. 87 с.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 14–15.

⁵ Там же. С. 16–18.

⁶ Там же. С. 18–19.

⁷ Ломоури Н.Ю. Указ. соч. С. 38–39.

⁸ Копалиани В.У. Указ. соч. С. 20–23.

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Копалиани В.У. Указ. соч. С. 24–30.

состав империи. Несмотря на попытку использовать восстание Никифоров Ксифия и Фоки против василевса, Грузия признала политические изменения, отдав в качестве заложника сына царя Баграта¹.

Смерть Георгия привела к возобновлению борьбы за власть, но попытка Византии в 1028 г. подчинить Грузию провалилась. Тем не менее, ей удалось примкнуть грузинскую знать, что в результате ожесточенной борьбы, способствовало завоеванию в 1045 г. Ани². Этот успех, как отмечалось выше, имел негативные последствия на фоне экспансии турок-сельджуков, что вынудило Константинополь вернуть на трон Баграта IV (1027–1072 гг.)³.

Грузино-ромейские отношения стали объектом исследований М.Д. Лордкипанидзе, которая обратила внимание не только на внешние, но и внутренние контакты. Анализируя значение титула «курополат» в Тао-Кларджети, историк отмечает, что он изначально носил принцип феодального коллегиального управления. Это было выгодно империи, поскольку препятствовало укреплению единства грузинских земель, что видно на примере правления наследников царей. Что касается земель Давида Куропалата, то это удел той территории, которой владели потомки родоначальника династии Багратиони⁴. В отношении правителя Тао отмечается, что земли, какие тот получил после мятежа Склира, находились под властью арабов, которые грузин фактически завоевал, а после событий 986–989 гг. завещал империи⁵. Причина, почему остальная Грузия вцепилась в это наследство – завещание Давида, данное при воцелении на престол Баграта III (975–1014 гг.), и отмененное, когда Тао в 989 г. подчинилась Василию II⁶. Таким образом, представитель рода Багратиони, «торгуя» своими землями, привел империю и Грузию к войне⁷ со всеми вышерассмотренными последствиями для Закавказья. Эти же положения дублируются М.Д. Лордкипанидзе в ее монографии по истории Грузии XI – начала XIII вв.⁸

Рассматривая положение в Закавказье после событий 1020-х гг., историк отмечает важную роль Грузии в деле борьбы с агрессией сельджуков. В частности, после аннексии империей Ани в 1045 г., Баграт IV отказался от борьбы за армянское наследство и сфокусировал усилия на противостоянии с турками⁹. В этой конфронтации важно подчеркнуть роль Липарита Багваши,

¹ Там же. С. 31–39.

² Там же. С. 40–52.

³ Там же. С. 56–60.

⁴ Лордкипанидзе М.Д. Из истории грузино-византийских взаимоотношений на грани X–XI вв. // Вопросы истории Грузии феодальной эпохи. 1972. Кн. 2. С. 31–32, 34.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Там же. С. 35–36.

⁷ Там же. С. 37–43.

⁸ Лордкипанидзе М.Д. История Грузии XI – начала XIII века. Тбилиси: Мецниереба, 1974. С. 48–49.

⁹ Там же. С. 80.

получившего титул куропалата. Тот фактически является проводником интересов Византии в Грузии, что подчеркивал в своей диссертации В.У. Копалиани, поскольку его деятельность во многом определила ситуацию в Закавказье накануне трагедии Манцикерта 1071 г.¹

Обобщающей работой, позволяющей поставить определенную точку в исследованиях грузинских и армянских историков в вопросе экспансии империи в Закавказье, стали «Очерки по истории Грузии» в 8 томах². Помимо тех фактов, которые были рассмотрены, в данной работе обращено внимание на положение Абхазии как обособленного грузинского государства. Ее отношения с Византией с конца IX в. отмечены в названии западногрузинских правителей «архонтами» и «эксуснастами», подчеркивая их более низкий титул по отношению к василевсам. В то же время признавался независимый статус Абхазии по сравнению с другими правителями региона³. В связи с этим, империя пытается ослабить Абхазию, вмешиваясь в ее дела после кончины царя Георгия I Аносиды (861–868 гг.), и оказывая помощь его сыну Баграту I (868–873, 887–893 гг.) в 881 г.⁴

В отношении других грузинских царей, вмешательство ромеев приводит к междоусобицам⁵. Это позволило фактически подчинить дом Багратионов и они, как вассалы Византии, обязаны были завоевывать земли и крепости для империи и служить ей. Однако имелись и рычаги влияния. Когда правитель Картвельского царства Гурген передал ромеям крепость Артануджи, то Багратионы потребовали ее возврата, под угрозой перейти на службу к арабам⁶. Уже это говорит о степени соподчинения грузинских правителей, что подтверждается и признанием ромеями завоеваний, которые ими осуществлялись в процессе борьбы с арабами⁷.

Обращено внимание на Давида Куропалата и проблему его наследства⁸, а также важность захвата им Манаскерта (Манцикерта), что побудило мусульман его отбить, но царь Тао-Кларджети в 997–998 гг. сумел разгромить арабов, что укрепило позиции христиан в Закавказье и говорит о его мощи⁹, несмотря на фактическое подчинение Византией.

Таким образом, внешняя политика Византии Македонской эпохи в Закавказье получила широкое рассмотрение в историографии Армянской и Грузинской республик СССР. Благодаря глубокому анализу источниковой базы, удалось рассмотреть ключевые элементы ромейской дипломатии в данном регионе. Начиная с создания альянсов с армянскими и грузинскими

¹ Там же. С. 80–81; Копалиани В.У. Указ. соч. С. 52–62.

² Очерки истории Грузии в 8 т. / под ред. М.Л. Лордкипанидзе, Д.Л. Мухелишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1988. Т. II. Грузия в IV–X вв. 580 с.

³ Там же. С. 297–299.

⁴ Там же. С. 299.

⁵ Там же. С. 314–315, 323–325.

⁶ Там же. С. 325–326.

⁷ Там же. С. 328.

⁸ Там же. С. 329–332.

⁹ Там же. С. 332–334.

княжествами на рубеже IX–X вв. и пользуясь успехами в борьбе с арабами с продвижением к озеру Ван, Ромейская держава переходит к подчинению Закавказья, что проявляется в развитии вассалитета, за исключением Абхазии и проблеме Тао-Кларджетского наследства Давида Куропалата. Последнее является дискуссионной страницей армянских и грузинских исследований. В результате подчинения наследства Тао, империя сумела к середине XI в. завершить процесс аннексии земель армянских Багратидов и ослабить позиции Грузии. Однако, последовавшая вскоре экспансия турок-сельджуков привела к упадку имперской внешней политики.

EXPANSION OF THE ROMAN EMPIRE IN TRANSCAUCASIA (LATE 9TH – MID 11TH CENTURIES): AN ANALYSIS OF THE HISTORIOGRAPHY OF THE ARMENIAN AND GEORGIAN SSR

E.V. Rozmysl (Grodno, Belarus)

In this article the author drawing on works on Byzantine history from the Soviet period of Russian history (1917–1991), this article explores the stages of Byzantine expansion into Transcaucasia during the Macedonian Dynasty (867–1056). Key attention is given to the controversial issues surrounding this policy and its assessment in Russian-language historiography of the Armenian and Georgian SSRs. The influence of pre-revolutionary scholars and the development of Byzantine studies in the USSR are noted.

Keywords: Byzantine history, Byzantine studies, historiography of the Armenian and Georgian SSRs, expansion, legacy of David Kuropalates, buffer states.

АЛЕКСАНДРИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ЗЕНОБИИ: К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ТОПОГРАФИЮ ГОРОДА

М.А. Руднева (Белгород)

В статье рассматривается влияние противостояния Зенобии и Аврелиана на историческое развитие топографии Александрии. Проанализирована специфика отражения событий в источниках. Косвенные данные источников свидетельствуют о возможности разрушительного влияния противостояния войск Пальмирского царства и римлян на топографию Александрии; существует вероятность того, что Александрийская библиотека и Мусейон пострадали в период военного конфликта.

Ключевые слова: Восточная Римская империя, Александрия, Египет, топография, конфликты.

Александрия Египетская – один из крупнейших городов Восточного Средиземноморья – был основан Александром Македонским в 331 г. до н.э. как центр политического влияния в регионе. Его история римского и ранневизантийского времени демонстрирует внушительное развитие социально-экономической жизни и культуры, формировавшейся под влиянием как Запада, так и Востока¹.

¹ Густерин П.В. Александрия Египетская // Преподавание истории в школе. № 8. М., 2023. С. 41–47.

Значительное влияние на городскую топографию Александрии в период существования древнего города оказывали общественные и военные конфликты. Такое состояние нельзя было рассматривать в качестве нормы, тем не менее, город с определенной периодичностью становился местом столкновения различных сил. Конфликтные ситуации сопровождались насилием и оказывали разрушительное влияние на топографическую картину города.

Исследование влияния военных столкновений на топографию Александрии, в том числе, в период нахождения города под властью пальмирской царицы Зенобии, представляет интерес в контексте исследования трансформации города в ретроспективе и является актуальным.

Септимия Зенобия (Юлия Аврелия Зиновия Септимия¹) (240 – 272/273 гг. или после 274 г.) – была правительницей Пальмиры и вследствие завоевательной политики включила в сферу своего влияния Римский Восток от Малой Азии до Египта в период с 267 / 268 по 272 гг. Была второй супругой экзарха города-оазиса Пальмира Септимия Одената. После гибели мужа в 267 г. стала регентом несовершеннолетнего сына Вабаллата.

Активизация завоевательной политики Зенобии была связана с ослаблением центральной власти в Римской империи² в период кризиса III в.; также определенную роль могли оказать личные политические амбиции царицы³ и стремление взять под контроль альтернативный торговый путь к Евфрату, который был перекрыт из-за войны с Сасанидской империей⁴. Исследователи полагают что нападение на Египет демонстрировало открытые агрессивные действия пальмирской царицы против римской власти⁵.

Относительно точного времени начала военного похода Зенобии в Египет существуют разночтения. Большинство исследователей относят это событие к 269 г.⁶ или к 270 г.⁷ Действия войск Пальмиры в Египте совпали с волнениями в регионе завоевания или сопровождались ими, возможно, ввиду противостояния сторонников и противников царицы⁸.

¹ Хвальков Е.А. «Ἐπιτομή Ἱστορίων» Иоанна Зонары. Кризис III века: императоры от Александра Севера (222–235) до Максимиана II Дазы (305–313) в книгах XI–XII // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2024. № 4 (25). С. 246–303.

² Степина Д.Н. К вопросу о противостоянии Пальмирского царства с Римской Империей в III веке // Византийский клуб. Альманах. 2023. Белгород, 2023. С. 33–36.

³ Watson A. Aurelian and the Third Century. L.; New-York, 2004. P. 61.

⁴ Smith II, Andrew M. Roman Palmyra: Identity, Community, and State Formation. Oxford, 2013. P. 178.

⁵ Лукьянов А.О., Комлев П.А. Пальмирская держава: «Особый статус» как фактор усиления римского контроля на Востоке // Язык. Культура. Коммуникации. 2016. № 1 (5). С. 3.

⁶ Empereur J.-Y. The Destruction of the Library of Alexandria: An Archaeological Viewpoint. What Happened to the Ancient Library of Alexandria? / Ed. M. El-Abbadi, O.M. Fathallah. Leiden; Boston, 2008. P. 75–88.

⁷ Watson A. Aurelian and the Third Century. P. 62; Southern P. Empress Zenobia: Palmyra's rebel queen. L.; New-York, 2008. P. 113.

⁸ Watson A. Aurelian and the Third Century. P. 62.

События противостояния Аврелиана и Зенобии по-разному отражены в письменных источниках и далеко не всегда обладают большой информативностью в отношении освещения событий в Египте и Александрии. Источники содержат достаточно запутанные и часто противоречивые данные об исследуемых событиях¹. В биографическом произведении «История августов» («Scriptores Historiae Augustae»; предположительно IV в.) содержится одно из наиболее детализированных и полных описаний личности Зенобии, её завоевательной политики и противостояния с императором Аврелианом в письменной традиции. В источнике приводится информация о том, что пока Аврелиан воевал с Зенобией, Египет оказался под властью некоего Фирма, и регион находится в положении «независимого государства» (SHA. Aurelian. XXXII. 2). Выступив против узурпатора, Аврелиан отвоевал Египет, а после «отомстил за замыслы» (SHA. Aurelian. XXXII. 3).

В «Бревиарии от основания города» римский автор Евтропий (IV в.) ограничивается кратким упоминанием о том, что Зенобия после смерти мужа правила Востоком, и победа над ней была одержана Аврелианом в легком сражении у Антиохии, не акцентируя внимания на военных действиях в Египте (Eutrop. IX 13.2).

В «Хронографии» Иоанна Малалы (ок. 490 – 578 гг.) акцент делается на противостоянии Аврелиана Зенобии, но о Египте и Александрии особо не упоминается (Malal. XII. 30).

В «Новой истории» Зосима (2-я пол. V – начало VI вв.²) содержится указание на то, что овладеть Египтом войскам пальмирцев и их союзников удалось лишь путем сложного противостояния с римскими войсками, пытавшимися вернуть регион под контроль (Zosim. I. 44).

В «Хронике» Георгия Синкелла (? – ок. 810) действия Зенобии по завоеванию Египта прямо охарактеризованы как восстание против римлян (Georg. Syncell. Am 5764).

Византийский историк Иоанн Зонара (XII в.) особо отметил значение факта захвата Зенобией Египта и восстановления власти над регионом Аврелианом (Zonar. XII. 27).

Период властвования Зенобии над Египтом датируется 270–272 гг.³ Включение Египта в сферу влияния наряду с Сирией, Северной Месопотамией, Аравией и Иудеей способствовали складыванию Пальмирской империи⁴. В 270 г. в Антиохии и Александрии чеканились

¹ Bland R. The Coinage of Vabalathus and Zenobia from Antioch and Alexandria // The Numismatic Chronicle. Vol. 171. 2011. P. 133–186.

² Болгов Н.Н., Болгова А.М. К просопографии ранневизантийских интеллектуалов: шесть Зосимов V века // Лістападаўскія сустрэчы – XIV: матэрыялы міжнароднай навуковай выкладчыцка-студэнцкай канферэнцыі ў гонар акадэміка М.М. Нікольскага і У.М. Перцава, Мінск, 11–12 ноября 2021 г. Мінск, 2022. С. 49–54.

³ Bowman A.K. Egypt after the Pharaohs from Alexander to the Arab conquest: 332 BC – AD 642. Los Angeles, 1996. P. 44.

⁴ Махлаюк А.В. Римская империя и наследие эллинизма // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2024. № 2–3. С. 166–188.

монеты с изображением Аврелиана на реверсе и Вабаллата – на аверсе. Подобный жест мог символизировать признание Зенобией и Вабаллатом власти пришедшего к власти в Риме Аврелиана¹. Монеты, отчеканенные в Антиохии и Александрии в 271–272 гг., имеют изображения с новым римским императором Аврелианом на одной стороне и Вабаллатом на другой, с легендами, обозначающими последнего как *rex*, *imperator* и *dux Romanorum*. Потенциально они отражают призыв к разделению власти в то время, когда Аврелиан всё ещё укреплял свои позиции на Западе, и символизируют путь к санкционированию или уполномочиванию Вабаллата и Зенобии в Пальмире². Но когда Аврелиан начал насильственно продвигаться на восток против этих предполагаемых узурпаторов, на новых монетах начали провозглашать августом только Вабаллата, тем самым контратакуя Аврелиана «идеологически, претендуя на императорскую власть» – пусть и ненадолго³.

В исследовании К. Хааса приводится информация на основе анализа эпиграфических источников о возможном улучшении положения иудейских общин в Египте в период господства царицы Зенобии. В частности, об этом свидетельствует надпись, увековечившая повторное освящение синагоги. Хотя происхождение этой надписи неизвестно, она, вероятно, происходит из верхней Дельты, поскольку была обнаружена недалеко от Каира. Моммзен (и более поздние комментаторы) датируют табличку повторного освящения эпохой господства Пальмиры в Египте около 270–271 гг., поскольку в ней четко указано REGINA ET REX IVSSER(VN)T (CIJ 1449); вероятно, имеются в виду Зенобия и ее сына Вабаллат⁴. В исследовании А. Уотсона сделано предположение, что царица Пальмиры могла пользоваться поддержкой иудейской общины Александрии⁵.

Согласно мнению исследователей, исчезновение из исторических записей Александрийской библиотеки и Мусейона могло быть связано с разрушением их зданий в период противостояния Зенобии и Аврелиана в 269–270 гг., либо 273 г.⁶ Вероятно, разрушение библиотеки могло последовать во

¹ *Сергеев И.П.* Римская империя в III веке нашей эры. Харьков, 1999. С. 132.

² *Christie N.* Wars within the frontiers: archaeologies of rebellion, revolt and civil war // *Late Antique Archaeology*. 8 (2). Leiden; Boston, 2013. P. 925–968.

³ *Ibid.*

⁴ *Corpus Inscriptionum judaicarum* / Ed. J.B. Frey. Rome, 1936–1952; *Ephemeris epigraphica: Corporis inscriptionum Latinarum supplementum*. 4. Oxford, 1881. P. 25–26; *Haas C.* Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict. Baltimore; L., 1997. P. 413; *Smallwood E.M.* Jews under Roman rule: from Pompey to Diocletian. Leiden, 1976. S. 518; *Bowersock G.W.* «The Miracle of Memnon» // *Bulletin of the American Society of Papyrologists*. 21. 1984. P. 21–33.

⁵ *Watson A.* Aurelian and the Third Century. P. 64.

⁶ *Бондаренко А.А.* Античный мусейон: рождение музея из мифа и ритуала // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2007. № 1. С. 257–273; *Зайцева И.В.* Интеллектуальная жизнь Александрии (на примере Александрийского мусейона) // *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2018. № 1. С. 84–90.

время похода императора Аврелиана против Зенобии в 272 г.¹ Разрушение комплекса библиотеки могло быть связано с активным сопротивлением, с которым войска Аврелиана столкнулись в городе². В период противостояния римские войска полностью разрушили «царский» квартал Брухейон, где находились названные выше интеллектуальные центры Александрии³.

Римский историк Аммиан Марцеллин (IV в.) упомянул о смутах времени правления императора Аврелиана и о том, что раздоры привели к тому, что «в результате кровавых столкновений» стены Александрии были разрушены, город потерял большую часть квартала «Брухейон, который служил в течение долгого времени местом жительства выдающихся мужей» (Amm. Marc. Res Gestae. 22. 16. 15). Вероятно, что библиотека и Мусейон могли примыкать друг к другу и производить впечатление единого комплекса⁴. Данный комплекс, вероятно, первоначально мог быть частью сооружений царского дворца⁵.

В целом, утрата библиотеки и Мусейона к настоящему моменту не может быть точно датирована, поскольку процесс их упадка мог быть постепенным и включал не одно, а ряд событий, способствовавших утрате. События, обусловившие прекращение работы библиотеки, варьируются в датах от 48 г. до н.э. до VII в.⁶ Вместе с этим, состояние археологического комплекса Александрии не позволяет установить точного топографического положения самого квартала, библиотеки и Мусейона⁷, а также оценить предшествующее состояние комплексов⁸, как и степень ущерба, нанесенного в период противоборства Зенобии и Аврелиана.

Как во время, предшествовавшее исследуемому конфликту, так и в дальнейшем происходила череда военных столкновений и землетрясений, которые также могли оказать разрушительное влияние на инфраструктуру города, в том числе и квартала Брухейон. Например, об осаде Брухейона

¹ *Watts E.J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria / The Transformation of the Classical Heritage, 41. Berkeley; Los Angeles, 2006. P. 150; *Watts E.J.* Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher. New York, 2017. P. 15.

² *El-Abbadi M.* The life and fate of the ancient library of Alexandria. Paris, 1990. P. 158; *Casson L.* Libraries in the Ancient World. New Haven, 2001. P. 47; *Phillips H.* The Great Library of Alexandria? // Library Philosophy and Practice. 2010. – URL: https://www.researchgate.net/publication/47329437_The_Great_Library_of_Alexandria

³ *MacLeod R.* Introduction: Alexandria in History and Myth. The Library of Alexandria: Centre of Learning in the Ancient World. L., 2010. P. 1–14; *Зайцева И.В.* Александрийская интеллектуальная традиция и медиализация знания (III – I пол. VII вв.) / Дисс. ... докт. ист. наук. Белгород, 2020. С. 100; *Мячин С.В.* Александрийский мусейон // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2020. № 1 (14). С. 80–83.

⁴ *Поршнев В.П.* Об архитектурном облике александрийской библиотеки // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. № 3 (32). СПб., 2017. С. 26–29.

⁵ *Борухович В.Г.* В мире античных свитков / Под ред. Э.Д. Фролова. Саратов, 1976. С. 152.

⁶ *Руднева М.А.* Город Александрия в ранневизантийское время: проблемы топографии и населения / Дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 2021. С. 45.

⁷ *Empereur J.-Y.* The Destruction of the Library of Alexandria. P. 75–88.

⁸ *Bagnall R.S., Davoli P.* Archaeological Work on Hellenistic and Roman Egypt, 2000 – 2009 // American Journal of Archaeology. Vol. 115. 1. 2011. P. 103–157.

римскими войсками сообщил Евсевий (ок. 260/265 – 339 гг.), описывая благие дела Анатолия Лаодикийского, оказавшего помощь в спасении осажденных александрийцев (Euseb. HE. VII. 32. 7-11). Исследователи полагают, что данные события относятся ко времени подавления мятежа префекта Эмилия, провозгласившего себя императором в 261 г.¹ В следующем году римские войска, посланные в Египет сместить узурпатора, разбили его сторонников, что сопровождалось военными действиями в пределах города.

Также разрушению интеллектуальных центров Александрии могло способствовать разграбление города в 297 г. при римском императоре Гае Аврелии Валерии Диоклетиане². Где-то в IV в. Мусейон, по-видимому, был восстановлен на другом месте, но, несмотря на разрозненные упоминания о членах Мусейона, ничего не известно о точных характеристиках этой более поздней организации. Как указал Аммиан Марцеллин в IV в.: «но и теперь не умолкли в этом городе разные науки» (Amm. Marc. Res Gestae. 22. 16. 17).

Судьба библиотеки после III в. столь же загадочна. К IV в. Серапеум и его библиотека, вероятно, стали крупнейшим хранилищем литературы в городе³. Однако, в 391 г. этот языческий храм подвергся разрушению. Далеко не полный обзор сведений о разрушении Александрийской библиотеки и Мусейона свидетельствует в пользу того, что процесс их угасания не был одномоментным и был связан скорее с чередой событий. В связи с этим, возможные разрушения времени противостояния Зенобии и Аврелиана, если и способствовали угасанию интеллектуальных центров, то могли не быть основными в этом процессе.

Таким образом, военный поход в Египет царицы Пальмиры Зенобии и конфликт с римскими властями мог оказать заметное влияние на историческое развитие топографии Александрии. Несмотря на фрагментарность и противоречивость сведений источников, можно сделать вывод о том, что разрушения этого периода могли быть существенными, но не решающими в процессе угасания Александрийской библиотеки и Мусейона.

ALEXANDRIA UNDER THE RULE OF ZENOBIA: ON THE IMPACT OF MILITARY CONFLICTS ON THE TOPOGRAPHY OF THE CITY

M.A. Rudneva (Belgorod)

The article examines the influence of the confrontation between Zenobia and Aurelian on the historical development of the topography of Alexandria. The specificity of the reflection of events in the sources is analyzed. Indirect data from sources indicate the possibility of a destructive influence of the confrontation between the troops of the Palmyrene Kingdom and the Romans on the topography of Alexandria; there is a possibility that the Alexandrian Library and Museion suffered during the military conflict.

Key words: Eastern Roman Empire, Alexandria, Egypt, topography, conflicts.

¹ Bardenhewer O. Geschichte der altkirchlichen literatur. Band 2. Freiburg im Breisgau, 1913. S. 227.

² Поршнев В.П. Об архитектурном облике александрийской библиотеки. С. 26–29.

³ Watts E.J. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. P. 150.

ПРАКТИКА ОПЕКУНСТВА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬЁЙ КАК ЧАСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ ФЕОДОСИЯ II И ПЕТРА ИВЕРА)

М.Г. Сапожникова (Белгород)

Статья рассматривает практику опеки императорской семьёй как инструмент внешней политики в ранневизантийский период. Основное внимание уделено анализу «кусыновления» императором Феодосием II Петра Ивера. Исследование выявляет, как через опеку и поддержку определённых лиц императорская власть стремилась укрепить международные позиции Византии, обеспечить стабильность на границах и расширить влияние в регионах.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Феодосий Младший, Пётр Ивер, Евдокия, Иберия.

В истории ранневизантийской империи практика опекунства императорской семьёй занимала важное место в системе внешних отношений. Опекунство нередко использовалось как инструмент внешней политики, позволяющий императорам укреплять международные связи, обеспечивать стабильность на границах и поддерживать влияние в различных регионах.

После удачного для Восточной Римской империи завершения конфликта с Сасанидами, ко двору Феодосия II был прислан царевич Мурван (или Набарнугий) Пётр – Петр Ивер (411-489 гг.).

Петр Ивер, будущий епископ Маюмы Газской, родился в Иберии. В контексте изучения жизни Петра в Грузии необходимо рассмотреть процесс христианизации этой территории. Одни источники указывают на то, что христианство впервые проникло на земли Грузии в начале IV в. Этот процесс был инициирован и активно продвигался благодаря миссионерской деятельности равноапостольной Нины, которая внесла значительный вклад в распространение христианской веры среди местного населения (314 г. – крещение царской семьи; 327 г. – традиционная дата принятия христианства в стране).

Однако данные, содержащиеся в житии святого за авторством Иоанна Руфа¹ (ок. 500 г.), противоречат этому, – там указано, что предок Мурвана царь Бакур был первым правителем-христианином в Грузии (Vit. Pet. 3). Но Вараз-Бакур II правил в 380-394 гг. и не был первым царем-христианином.

Другой родственник Петра – Арсилий, по словам Иоанна Руфа, вёл благочестивый образ жизни, схожий с укладом константинопольского двора:

¹ Ioan. Ruf. Vita Petri Iberi. 1895; Iohannes Rufus. The Lives of Peter the Iberian, Theodosius of Jerusalem, and the Monk Romanus / Ed. C.B. Horn, R.R. Phenix. Atlanta, 2008. 464 p.; *Март Н.Я.* Житие Петра Ивера, царевича-подвижника и еп. Маюмского, V в. // ППС. 1896. Вып. 47. Т. 16. Вып. 2. С. I-XXXIX (предисл.), 1-122. Помимо Иоанна Руфа житие Петра Ивера написал Захария Схоластик: Zacharia Mitylenensis. Fragmentum Vitae Petri Iberi // Vitae virorum apud Monophysitas celeberrimorum / Ed. E. W. Brooks. P.; Lpz., 1907. P. 11, 12. (CSCO. Syr. Ser. 3; 25).

подобно царю Давиду, Арсиль нанимал «священных певцов», которые сопровождали ежедневные трапезы «пением святых слов Божьих» (Vit. Pet. 11).

Петр Ивер был сыном царя Бузмира (около 422-424 гг.)¹, что подтверждает надпись, обнаруженная в 40-50-х гг. XX в. на месте раскопок грузинского монастыря св. Феодора в Бир-эль-Куте близ Иерусалима и датируемая 30-ми гг. V в., в которой среди здравствовавших на тот момент попечителей обители упоминаются Маруан (Мурван) и его отец Бузмир, а также указано, что со стороны матери Набарнугий являлся внуком Вараз-Бакура II².

Во время противостояния Персии и Восточной Римской империи отец царевича прятал его в семье кормилицы Зузо³. Этот метод был эффективен в детском возрасте, однако с наступлением совершеннолетия возникла необходимость в поиске альтернативных мер безопасности. Поэтому Бузмир принял решение отправить Мурвана в Константинополь к более сильному покровителю – Феодосию Младшему.

Вместе с тем, есть и иная версия событий. Бузмир был вассалом Ирана, а Феодосий потребовал перейти под его покровительство и выдать заложником царевича. То, что Бузмир согласился, можно рассматривать как смену геополитической ориентации царства Картли.

Стоит упомянуть, что и сам Феодосий II в малолетнем возрасте после смерти своего отца Аркадия был «усыновлён» персидским шахом Йездигердом (Procor., BP I, 2.1-10). Умиравший император принял это решение по нескольким причинам. Первая – он прекрасно понимал, что после его смерти в любой момент могла вновь вспыхнуть война с Сасанидами, поэтому необходимо было обезопасить государство, оставшееся под управлением ребёнка. И вторая причина – не дать захватить власть в Восточной Римской империи военным магистрам или другим представителям правящей элиты. Как мы увидим в будущем, этот расчёт Аркадия сработал – в течение длительного времени персы выполняли свои обязательства, данные императору, а также Феодосий II в отличие от своих западных соправителей не стал марионеткой военных регентов.

Император охотно принял юного царевича, поскольку желал сохранить лояльность Бузмира во время обострения римско-персидских отношений. В этом контексте Иоанн Руф чётко обозначает, что иберийцы придавали первостепенное значение союзу с римскими христианами, предпочитая его потенциальной поддержке со стороны зороастрийских Сасанидов.

По прибытию в Константинополь царевич был тепло принят императорской четой – Феодосием II и его супругой Евдокией. Интересно, что в источниках не упоминается в этой связи старшая сестра василевса

¹ Семенов И.Г. Генеалогия картлийских царей: от Мириана III до Вахтанга Горгасала. Махачкала, 2007. С. 34-36.

² Хурцилава Б.В. Надписи грузинского монастыря в Бир-эль-Куте и их хронология // Христианство на Ближнем Востоке. № 1. 2017. С. 129-151.

³ Brakmann H., Lordkipanidze O.D. Iberia II (Georgien) // Reallexikon für Antike und Christentum. 1994. Vol. 17. P. 36.

Пульхерия, которая некоторое время назад сама была регентом и занималась воспитанием брата. Корнелия Горн объясняет отсутствие информации об августе презрительным отношением к Пульхерии и самого Ивера, и его агиографа: они воспринимали её как активную сторонницу и, возможно, даже как организатора Халкидонского собора, что вызывало глубокое негодование и неприязнь¹.

Автор жития Ивера, Иоанн Руф подчёркивает, что принятое царевичем новое имя «Пётр» несло в себе многослойную символическую программу. В контексте апостольского служения, Пётр был предначертан как глава Церкви Христа, что, вероятно, подразумевало его роль как лидера антихалкидонской общины. Таким образом, Руф интерпретировал переименование как божественное предначертание, направленное на установление Петра в качестве ключевого деятеля антихалкидонского движения.

В это время в восточноримской столице епископствовал Несторий. На начальном этапе жизни юного Петра между ним и епископом Константинополя сложились весьма дружественные отношения. Однако, как подчёркивает биограф Петра, эти отношения подверглись значительным испытаниям, когда молодой человек стал свидетелем богословских проповедей Нестория, в которых тот выступал против использования термина «Богородица» в отношении Девы Марии.

При царском дворе той эпохи господствовала мода на «христианский эллинизм», установленная императрицей Евдокией, бывшей язычницей Афинаидой². Поэтому царевич Мурван получил хорошее классическое образование. К тому же в 425 г. был основан первый «протоуниверситет» в Константинополе, в котором теоретически мог обучаться подопечный императора³. Находясь при дворе, воспитанник обучался не только наукам, но и более практичным вещам – верховой езде и уходу за лошадьми (Zach. Chron. III, 4).

Вместе с тем, здесь же Мурван погрузился в атмосферу «монашеской жизни». Созомен очень подробно описывает аскетичный образ жизни царской семьи (Soz. IX. 1). Вместе с ними царевич посвящал много времени молитве и совершенствованию добродетелей. Интересно, что его духовным наставником, судя по источникам, был Иоанн Евнух (Митридат), имевший персидские корни (Vit. Pet. 21). Пётр был поражен не только благоговейным трепетом перед Богом и глубокой преданностью Христу Феодосия и Евдокии, но и степенью аскетической практики, которая проявлялась в поведении многих представителей придворной элиты.

¹ Horn C.B. *Asceticism and Christological controversy in Fifth-Century Palestine: the career of Peter the Iberian*. Oxford: oxford University Press, 2006. P. 62.

² Александрова Т.Л. Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401-450). СПб.: Алетейя, 2018. С. 65-66.

³ Janin R. *Constantinople Byzantine: de'veloppement urbain et re'pertoire topographique* // Archives de l'Orient Chretien 4A. Paris: Institut Francais d'Etudes Byzantines, 1964. P. 164.

Спустя какое-то время Мурван получил дар творить чудеса и пророчествовать. Его пример оказал значительное влияние на формирование монашеского идеала и стимулировал многих представителей аристократии к стремлению к духовной жизни и принятию монашеского обета (Vit. Pet. 15-19). Однако, его грузинская свита, прибывшая вместе с ним в Константинополь, была явно недовольна тем, что ей приходилось тоже жить в аскезе и отказаться от своих политических амбиций.

Одной из ключевых фигур в жизни царевича стала подвижница Мелания Младшая, с которой он познакомился в Константинополе благодаря Феодосию II и Евдокии в 437 г. Пётр Ивер мог увидеть в жизни подвижницы схожие события: знатное происхождение, вынужденный отъезд из родных мест.

Когда воспитанник императора решает покинуть дворец и отправиться на Святую Землю, Феодосий препятствует ему. К. Горн объясняет это нежеланием лишиться заложника, который служил залогом преданности Грузии Византийской империи¹.

Можно предложить и менее прагматичную версию: скорее всего, сама императрица отказывалась отпустить царевича. У Иоанна Руфа есть отрывок, в котором упоминается материнская любовь Евдокии по отношению к Иверу: «Императрица Евдокия, супруга благочестивого императора Феодосия Младшего, прослышала о рвении вышеупомянутой Мелании и тоже захотела жить в спокойствии и умиротворении Святого города, чтобы поклоняться и быть рядом с местом Страстей, которые Христос, Царь Славы, претерпел за нас. С помпой и церемониями она проезжала через разные города и наконец добралась до Святого города, по которому так скучала. Услышав, что там живёт отец Пётр, она захотела увидаться с ним, ведь она растила его с материнской любовью в царском дворце. Сначала он умолял её не входить в его келью, так как считал это искушением. Но она настояла на своём, и однажды он вышел, чтобы поговорить с ней. Она с вниманием отметила его великую кротость и мудрость и сказала: «Благословен ты, сын мой, ибо ты избрал добро! Поминай меня в своих святых молитвах!» Но он возразил: «Какую пользу могут принести молитвы грешника?» Но она ответила: «Пусть твои грехи падут на мою голову, сын мой». И он с миром вернулся в свою келью» (Vit. Pet. 141).

Таким образом, если изначально император Феодосий планировал держать царевича Мурвана при дворе в качестве заложника и гаранта устойчивых византийско-грузинских отношений в условиях римско-персидского конфликта, то постепенно он проникался к нему отеческой любовью. Взаимоотношения императорской четы с молодым заложником были обусловлены схожестью их мировоззренческих установок и интеллектуальных предпочтений.

¹ *Horn C.B. Asceticism and Christological controversy in Fifth-Century Palestine: the career of Peter the Iberian. Oxford: oxford University Press, 2006. P. 68.*

THE PRACTICE OF GUARDIANSHIP OF THE IMPERIAL FAMILY AS PART OF THE FOREIGN POLICY OF THE EARLY BYZANTINE EMPERORS (USING THE EXAMPLE OF THEODOSIUS II AND PETER IVER)

M.G. Sapozhnikova (Belgorod)

The article examines the practice of guardianship of the imperial family as an instrument of foreign policy in the early Byzantine period. The main focus is on analyzing the actions of Emperor Theodosius II and his interaction with Peter the Great. The study shows how, through the guardianship and support of certain individuals, the imperial government sought to strengthen the international position of Byzantium, ensure stability on the borders and expand its influence in the regions.

Keywords: Early Byzantium, Theodosius the Younger, Peter Iver, Evdokia, Iberia.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АНТИЧНОГО ЩИТА С БОКОВЫМИ ВЫЕМКАМИ ИЛИ ВОГНУТОСТЯМИ В ШИРОКОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А.А. Семенов (Воронеж)

Статья излагает гипотезу о щите с боковыми вогнутостями или выемками как маркёре расселения носителей индоевропейского языка из Индии в Иран, Сирию–Анатолию, Эгеиду, на Балканы, в Галлию и Италию.

Ключевые слова: щит, индоевропейцы, прародина, теория исхода из Индии.

Щит часто упоминается в Ригведе (3300–2600 – здесь и далее даты до н.э.). Овальный щит с боковыми полукруглыми выемками¹ с далеко выступающими внешними кромками вырезан между двумя лучниками на печати Зрелой Хараппы (2600–1900) из Чанхударо в Синде (С-23).² На позднехараппском кладбище Санаули (Западный Уттар-Прадеш) 2100–1800 нашли две модели овальных щитов с вогнутыми боками (далее ОЩВБ) формы скрипки: в кенотафе 28 – из медной ленты на почти уничтоженной коррозией основе с 28 медными пластинами внутри (исходно 6 пластин в 6 рядах), в кенотафе 106 – с пятью рядами стеатитовых накладок внутри, поперёк него – медные ножны, аналогичные таковым от антенновидного меча из могилы 14, с правой стороны от «щита» стеатитовые накладки были расположены по кругу. Эти находки – прототип овальной игровой доски из слоновой кости, с овальными боковыми выемками и круглой деталью на одном конце из слоя VIIA позднего бронзового века IIB 1300–1200 в Мегиддо в Израиле (Oriental Institute Museum, University of Chicago)³ и аналогичных

¹ Большинство иллюстраций см. в: Семенов А.А. Этюд о щите или ещё одно доказательство миграции арийских воинов из Индии в Европу. Воронеж: Электронная монография на правах рукописи, 2020. ISBN 978-5-6043336-2-4 – URL: <https://www.academia.edu/44019342/> (дата обращения: 03.09.2025).

² Corpus of Indus Seals and Inscriptions. 1. Collections in India. Eds. J. P. Joshi & A. Parpola. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1987. P. 333.

³ URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Gaming_board_for_the_game_of_58_holes,_Megiddo,_Stratum_VIIA,_Late_Bronze_IIB,_1300-1200_BC,_ivory_and_gold_-_Oriental_Institute_Museum,_University_of_Chicago_-_DSC07719.JPG (дата обращения: 03.08.2025).

синхронных досок с Северного Кладбища Бейт Шеана в Израиле (могилы 7 и 90)¹, что указывает на миграцию создателей Поздней Хараппы в Восточное Средиземноморье как индоарийских колесничих (марьяну). Остатки ОЩВБ из покрытой медными гвоздиками и накладками деревянной основы найдены рядом с медными мечом и факелом и колесницей в могиле 3 (ок. 1900 по С-14) некрополя культуры медных кладов и охряной керамики в 100 м от позднехараппского кладбища в Санаули.

Производные от щитов хараппско-санаулийского типа (далее ХСТ) восьмёркообразные щиты (далее ВЩ) характерны для минойско-микенской культуры греков – см. бусины из горного хрусталя (Metropolitan Museum of Art (далее ММА), инв. ном. (далее ИН) 26.31.404) и обсидиана (ММА, ИН 26.31.405) 1850–1450, золотой перстень (далее ЗП) с лазуритовыми вставками с Эгины 1850–1550 (British Museum (далее ВМ), ИН 1892,0520.4), два кувшина XVII в. из Санторини (Музей доисторической Тире), бронзовый кинжал с чернением и золотыми и серебряными вкладками на лезвии XVI в. (ИН 394) из гробницы круглой усыпальницы А, могилы IV Микен (National Archaeological Museum, Athens (далее НАМА)), ЗП и сердоликовая печать формы миндалины с обрубленными концами (далее ПФМОК) из шахтовой могилы (далее ШМ) III Микен XVI в., серебряные ритон (НАМА, ИН 608) и Кратер Битвы из ШМ IV Микен XVI в., две микенские печати (далее МП) со сценой поединка 1600–1450, модели из слоновой кости (далее МСК) и грушевидный сосуд 1600–1400 из могилы с толосом у Антеи (Турия, Археологический музей (далее АМ) Мессении в Каламате), аметистовая овальная МП 1600–1400 (ВМ, ИН 1935,0430.1), круглая печать (далее КП) из горного хрусталя 1600–1375 из Ялиса на Родосе (ВМ, ИН 1870,1008.38), ЗП из акрополя Микен 1580–1430, золотые бусины из Энкоми на Кипре (далее ЗБЭК) 1550–1050 (ВМ, ИН 1897,0401.736), овальная МП из обожжённого сердолика 1475–1300 (ВМ, ИН 1952,0506.2), минойская сердоликовая КП 1470–1315 (Museum of Fine Arts, Boston (далее МФАВ), ИН 68.543), агатовая ПФМОК из могилы Воина-Грифона у Дворца Нестора в Пилосе ок. 1450, КП из Lapis Lacedaemonius 1450–1350 с Крита (ВМ, ИН 1877,0728.3), гематитовая ПФМОК с Крита 1450–1300 (ВМ, ИН 1873,1022.3), настенная фреска (далее НФ) парадной лестницы дворца в Кноссе 1450–1350/1300 (АМ Ираклиона на Крите (далее НАМС)), МСК 1400–1350 из Эпано-Архане у Кносса (НАМС), ЗБЭК 1400–1200 (ВМ, ИН 1897,0401.604), фрагменты микенской таблички из слоновой кости с Делоса XIV–XIII вв. (Музей мрамора в Пиргосе на Тиносе), элладская КП из чёрного стеатита 1375–1130 (ВМ, ИН 1874,0305.37), золотое кольцо 1340–1200 из Хала Султан Текке (округ Ларнака, Кипр) (ВМ, ИН 1898,1201.177), фрагменты НФ во внутреннем дворе дворца Тиринфа 1325–1250 и в юго-западном здании культового центра акрополя Микен XIII в. из АМ Микен, две микенские НФ XIII в. (НАМА, ИН 11671, 11672), МСК из Дома Щитов в Микенах 1300–1190.

¹ *Liebowitz H.* Late Bronze II Ivory Work in Palestine: Evidence of a Cultural Highpoint // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. No. 265. Feb., 1987. P. 15–17; *Oren E. D.* The Northern Cemetery of Beth Shan. Leiden: Brill, 1973. P. 120–121.

Щит ХСТ фиксируется у хетто-лувийцев. Цилиндрическая печать из известняка (Кархемыш, Сирия) 1400–1200 (ВМ, ИН 116141) изображает стоящего на быке бога с ВЩ в левой руке. Овальные щиты с (не)глубокими полуовальными (сместёнными книзу) боковыми выемками держат в руках хеттские колесничие и пехотинцы в битве при Кадеше (между 1300 и 1269) на рельефах построек Рамсеса II (между 1304 и 1212) – заупокойного храма в Абидосе, Рамессеума в Луксоре, скального храма в Абу-Симбеле, пилоны храма Амона в Луксоре. На трёх базальтовых рельефах из Зенджирли (Северная Сирия, Vorderasiatisches Museum Berlin) 1000–700 воины держат гантелевидный щит (далее ГЩ) – у него боковые выемки с обеих сторон закруглены внутрь, но в основе читается исходный овал (ср. выше минойскую гематитовую ПФМОК с Крита 1450–1300 (ВМ, ИН 1873,1022.3) – и ОЩВБ¹.

В Эгеиде VIII в. дипилонский щит (далее ДП) овальной/округлой формы с боковыми выемками изображается на позднегеометрической керамике – трипод VIII в. из АМ Керамик в Афинах, кратер VIII в. из АМ Фив, аттический кратер (далее АКр) 800–775 художника Мастерской Нью-Йорка ММА 34.11.2 (ММА, ИН 34.11.2), фрагменты АКр художника из круга Дипилонского Мастера (далее ДМ) 760–750 из НАМА (ИН NM260, NM802), работы ДМ (ок. 760–735) – фрагменты АКр ок. 750 (Musée du Louvre (далее ML), ИН А 517), 750–725 (ML, ИН А547, А558, S523), работы Вазописца Хиршфельда – АКр 750–735 (ММА, ИН 14.130.14 и НАМА, ИН А990), фрагменты АКр 750–735 (МФАВ, ИН 1978.638 и НАМА), фрагменты АКр художника из школы ДМ 750–725 (Nicholson Museum, the University of Sydney (далее NMUS), ИН NM46.41), аттический охладитель вина 750–725 из Музея древней Агоры в Стое Атталы в Афинах, аттический скифос (далее АС) 740–720 (Los Angeles County Museum of Art (далее LACMA), ИН АС1992.152.2), АКр Субдипилонской Группы ок. 735 из Фив в Беотии (ВМ, ИН 1899,0219.1), ойнохойя из Группы Концентрических Кругов 735–720 (НАМА), аттический канфар 735–720 (НАМА), АС 735–720 (НАМА, ИН NM13038), фрагменты дипилонского кратера ок. 730 (Musée du Louvre-Lens, ИН СА3276), канфар из гробницы XXIII Тирифа 730–690 из АМ Нафплиона, АКр художника из Мастерской Трахона ок. 725 (ММА, ИН 14.130.15), амфора из Мастерской Вазописца Афин 894 720–710 (Walters Art Museum, Baltimore (далее WAMB), ИН 48.2231), фрагмент аттической амфоры 720–700 (Kunsthistorisches Museum Wien, Antikensammlung, (далее КМВА) ИН IV 3), аттические ойнохойи ок. 700 (ММА, ИН 12.198.1a, b и Museum August Kestner Hanover, ИН 1966.7), беотийский канфар ок. 700 (Antikensammlung Kiel, Universität Kiel, ИН В275). ДП изображают золотые бляшки изклада в Фоссе на Крите 900–700 (НАМС, ИН 1057–1058)² и бронзовая фигурка воина из Кардицы (Фессалия) 700–650 (НАМА, ИН 12831).

¹ URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Pergamonmuseum> (дата обращения: 03.09.2025).

² *Patane R. G. The Gold of Prinias // Eleutherna, Crete & the Outside World. Proc. of the Intern. Archaeological Conf. & Symposium. Eds. N. Chr. Stampolidis & M. Giannopoulou. Athens; Rethymno: University of Crete; Study Center Museum of Ancient Eleutherna; Mediterranean Archaeological Society; Аукс "Nikos Daskalantonakis – NDF", 2020. P. 295.*

Греческая керамика архаики и классики изображает округлый или овальный щит с боковыми выемками (с выступающими и (почти) смыкающимися внешними кромками) т.н. беотийского типа (далее БЩ) – протокоринфский арибалл из могилы В 20 некрополя Лехайон у Коринфа 690–680, рельефный пифос с Наксоса 660–650, аттическая чернофигурная (далее АЧ) гидрия (далее АЧГ) 580–530 из этрусского некрополя Бандитачча в Кере (Черветери, далее ЭНБК) (Museo Nazionale Etrusco di Villa Giulia, Rome (далее МНЕ)), АЧ килик (далее АЧК) Художника С из числа Сианских Чаш 575–550 из Сианы на Родосе (ВМ, ИН 1885,1213.12), фрагмент АЧ амфоры (далее АЧА) из Тирренской Группы (далее ТГ) Художника Прометея (далее ХП) 575–550 (ММА, ИН 56.128), фрагменты АЧ кратера (далее АЧКр) 575–550 (ММА, ИН 2011.604.3.767а–е), АЧА ХП 570–565 (МЛ, ИН Е866), АЧА Художника Лондона (далее ХЛ) В76 565–555 (Musée des Beaux-Arts de Lyon), АЧА Художника Голтира из ТГ 565–550 (Chazen Museum of Art, University of Wisconsin-Madison, USA), АЧК Художника С ок. 560 (Staatliche Antikensammlungen München (далее САМ), ИН 8966, 8954), фрагменты АЧ тарелки (далее АЧТ) сер. VI в. (Музей Бенаки в Афинах), АЧК из могилы 279 кладбища Архонтико ок. 550 (АМ Пеллы), АЧА 550–500 (WAMB, ИН 48.20), АЧА Антимена 550–500 (Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin (далее АСМБ), ИН F1842), АЧА Группы Е ок. 540 из Вульчи (Этрурия, далее ВЭ) (ВМ, ИН 1843,1103.19), АЧКр ок. 540 (ММА, ИН 24.97.95), АЧА гончара Андокида ок. 540 (ММА, ИН 1999.30а, b), АЧА из ТГ ок. 540 из Кере (ВМ, ИН 1847,0806.26), АЧК или Чаша Друпа художника из Группы Родоса 12264 ок. 540 (ММА, ИН 06.1021.161), АЧА Художника Качелей 540–530 (ММА, ИН 41.162.184), АЧА 540–530 (Государственный Эрмитаж (далее ГЭ), ИН ГР-8070), АЧГ Маста ок. 530 (ММА, ИН 14.105.10), АЧА Вазописца Ватиканской Плакальщицы или Художника Ватикана (далее ХВ) 350 ок. 530 из ВЭ (Museo Gregoriano Etrusco, Vaticano (далее МГЕ)), АЧА Андокида ок. 530 из ВЭ (МЛ, ИН G1), АЧГ ок. 530 (ЛАСМА, ИН 51.25.1), АЧА ок. 530 из ЭНБК (МНЕ), АЧА Лисиппида ок. 530 (Cleveland Museum of Art (далее СМА)), АЧ киаф (далее АЧКи) Никосфена 530–520 из Кере (МНЕ, ИН 50580), АЧ кубок с ручками кисти Bareiss Painter 530–520 (Museo Archeologico Etrusco, Firenze (далее МАЕФ)), АЧГ вазописца в манере Лисиппида 530–520 из Нолы (Кампания, Италия, далее НКИ) (Princeton University Art Museum (PUAM), ИН y171), АЧГ Антимена 530–520 (МНЕ), АЧКр вазописца в манере Лисиппида 530–515 из Базиликаты (Лукания, пров. Арменто Италии) (ВМ, ИН 1851,0416.6), АЧ динос вазописца из круга Антимена 530–510 из СМА, ИН 1971.46, АЧА Никосфена из “The Overlap Group” 530–510 из Кере (МГЕ), АЧКи Филона 530–500 (ММА, ИН 41.162.116), АЧКр 530–480 из Кере (МНЕ), АЧКр 525–500 (WAMB), ИН 48.29, фрагмент АЧА 525–500 (ММА, ИН 2011.604.3.2441), фрагмент АЧКи 525–500 (ММА, ИН 07.156.10), АЧГ из Группы Ватикана 424 525–500 (Museo Claudio Faina di Orvieto, Terni (далее МСФ)), АЧА Антимена ок. 520 из ВЭ (Museo archeologico di Firenze), АЧА Антимена ок. 520 (ММА, ИН 69.233.1), АЧА Антимена или художника его круга ок. 520 (ЛАСМА, ИН 36.11.1), АЧА ок. 520 (ЛАСМА, ИН 50.8.1),

фрагмент АЧКр 520–510 из Селинунта (Museo Archeologico Regionale Antonio Salinas, Palermo, ИН NI1850), АЧГ 520–500 из МНЕ, АЧГ ок. 510 (ММА, ИН 56.171.30), АЧА из Группы Леагра (далее ГЛ) (группы Вюрцбург 219) ок. 510 из ГЭ, ИН ГР-9396, АЧГ ок. 510 (ММА, ИН 1971.258.2), АЧА формы Никосфена из Класа Кабинета Медалей (далее ККМ) 218 ок. 510 (ММА, ИН 56.171.24), фрагмент АЧКр из ГЛ ок. 510 из PUAM, ИН y1987-34, АЧА из Группы Медеи ок. 510 (Getty Museum, Getty Villa, Los Angeles (далее GMGV), ИН 71.АЕ.441), АЧА из Eye-Siren Group ок. 510 из ВЭ (ВМ, ИН 1843,1103.101), АЧА из ГЛ 510–500 (Blanton Museum of Art, Austin, Texas), АЧГ 510–500 из ВЭ (ВМ, ИН 1843,1103.43), АЧ лекиф (далее АЧЛ) ок. 500 (Palác Kinských, Praha, ИН NM-N10 2173), АЧЛ Диосфа ок. 500 (ММА, ИН 25.70.2), фрагмент АЧК начала V в. (ММА, ИН 2011.604.3.2054), аттический краснофигурный (далее АК) киаф 500–490 из ВЭ (ВМ, ИН 1837,0609.70), АЧ на белой основе лекиф (далее АЧБОЛ) 500–480 из Камира на Родосе (далее КР) (ВМ, ИН 1863,0330.7), АЧБОЛ Класа Афин 581 500–475 (ММА, ИН 41.162.192), АЧЛ Вазописца Сапфо 490–480 из Капуи (Кампания) (ВМ, ИН 1873,0820.300), фрагмент АЧ на белой основе амфоры (далее АЧБОА) 490–480 (ММА, ИН 2011.604.3.447), АК амфора ок. 480 из ЭНБК (МНЕ).

Снаружи БЩ могли покрывать (чешуйчатыми) накладками (иногда видны шляпки крепящих их гвоздей), как на щите из Санаули – см. фрагмент коринфского чернофигурного кратера Художника Кавалькады 590–570 (ММА, ИН 12.229.9), АЧА из ТГ 575–550 из ВЭ (ВМ, ИН 1836,0224.223), АЧА из ТГ Художника Лани ок. 560 (SAM, ИН 1429 (=J127)), АЧ кубок с ручками художника Архикла ок. 550 (ВМ, ИН 1857,0805.1), фрагменты АЧА Принстонского Художника ок. 540 из ММА, ИН 1991.11.2, АЧТ Псиакса ок. 520 из святилища Зевса в Олимпии (ASMB, ИН F2099), бронзовую фигурку от котла 510–500 (ASMB, ИН Misc.7470). Часто на рисунках БЩ на античной керамике их боковые выемки так же смещены книзу, как на щитах хеттских колесничих на рельефах храма Рамсеса II в Абидосе. Скарабеоид из гелиотропа с Кипра 500–480 (ВМ, ИН 1899,0603.2) украшает рельеф с изображением воина с БЩ.

Греческая керамика VI–IV вв. изображает БЩ у богов (Афина, Арес и др.) и гигантов (гигантомахия эпохи Геракла), эпических героев первой (Геракл, амазонки (в т.ч. Ипполита – дочь Ареса), Герион, Кикн) и второй (Ахилл, Аякс, Неоптолем, Менелай, Эней, Мемнон, фракийцы) троянских войн, лапифов, при этом БЩ Ахилла и Мемнона изготовлены Гефестом – АЧГ из ТГ 575–550 (ML, ИН E869), АЧА из ТГ ХП 575–550 из Pescia Romana, Viterbo (MAEF), АЧКр ХЛ В76 ок. 560 (ASMB, ИН V.I.3763), АЧГ ХЛ В76 560–550 (ММА, ИН 45.11.2), АЧКр ХЛ В76 560–550 (Museo Arqueológico Nacional de España, Madrid (далее MAN)), ИН 1999/99/65, АЧ чаша Вазописца Верблюда ок. 550 из Феспий в Беотии (НАМА, ИН 433), АЧА ок. 550 (SAM), АЧ ваза Эксекия ок. 550 из ВЭ (SAM, ИН 1470 (=J1295)), фрагменты АЧА Эксекия 550–540 (MCF), АЧА Группы Е 550–540 из ВЭ (ВМ, ИН 1842,0314.3), АЧА Художника Берлина 1686 550–530 из КР (ВМ, ИН 1861,0425.50), АЧА Эксекия 550–525 (Musée de Boulogne-sur-mer), АЧБОА ККМ 218 550–500

(ML), АЧА Художника Качелей 540–530 (ML, ИН F226), АЧА Эксекия 540–530 из ВЭ (MGE, ИН 16757), АЧ сосуд 540–530 из Кере (KMWA, ИН IV3619), АЧ чаша 540–525 из PUAM, ИН 2018-23, АЧГ из ГЛ 540–480 (BM, ИН 1846,0128.2), АЧБОЛ 540–480 из Гелы на Сицилии (BM, ИН 1863,0728.243), АЧА Эксекия ок. 535 (BM, ИН 1849,0518.10), АЧА Лисиппида ок. 530 из Кьюзи (Тоскана, Италия) (BM, ИН 1851,0806.15), АЧА Художника Ватиканской Плакальщицы (или ХВ 350) ок. 530 из ВЭ из MGE, АЧКр в манере Эксекия из Фарсалы в Фессалии ок. 530 (NAMA, ИН. A26746), АЧА вазописца из Группы Бэйтмен ок. 530 (MMA, ИН 56.171.7), АЧА Антимена 530–520 (WAMB, ИН 48.17 и PUAM, ИН y1933-47), АЧА 530–520 (ГЭ, ИН ГР-6994), АЧА вазописца из круга художника Группы Е 530–520 (ML, ИН F218), фрагменты АЧА Андрокида из некрополя Кроцефиссо дель Туфо у Орвието (далее КДТО) 530–515 (MCF), АЧА Антимена 525–500 из ВЭ (NMUS, ИН NM77.1), АЧА 525–500 (MMA, ИН 06.1021.78), АЧГ Лисиппида из КДТО 525–500 (MCF), АЧ ольпа (далее АЧОл) из ГЛ 525–500 (Museo Civico 'Umberto Mastroianni', Marino), АЧА из круга Художника Торонто 313 525–500 (MMA, ИН 98.8.15), АЧБОЛ Вазописца Сапфо 525–475 (MNE), АЧА вазописца из круга Лисиппида ок. 520 из ВЭ (SAM, ИН 1523 (=J389)), АЧОл ок. 520 (Allard Pierson Museum of the University of Amsterdam, ИН 13.346), АЧК гончара Никосфена из ВЭ ок. 520 (ML, ИН F122), АЧТ ок. 520 из Олимпии (ASMB), АЧА ок. 520 (MWMW, ИН L200), АЧГ из Antiope Group 520–510 (MFAB, ИН 63.473), АЧА Класа Кембридж 49 520–510 из ВЭ (ML, ИН F222); АЧ на белой основе ойнохойя Художника Лувра F 118 520–510 (ML, ИН F118); АЧА Антимена 520–510 (ML, ИН F201), АЧГ 520–510 (ГЭ, ИН ГР-2003), АЧА вазописца из круга Художника Мадрида из ВЭ 520–510 (ASMB, ИН F1870), фрагмент АК килика (далее АКК) 520–500 (MMA, ИН 2011.604.1.2355), АЧГ из ГЛ 520–500 (Lowe Art Museum, Miami), АЧА 520–500 из ВЭ (BM, ИН 1836,0224.119), АКК Олта ок. 510 из ВЭ (BM, ИН 1978,0411.10), АЧГ Антимена ок. 510 из ВЭ (Martin von Wagner Museum, Würzburg (далее MWMW), ИН L 309), АЧГ из ГЛ ок. 510 (MMA, ИН 56.171.29, АЧА из ГЛ ок. 510 (SAM, ИН 1415 (=J380) и GMGV, ИН 86.AE.82), АЧА Антимена ок. 510 (NMUS, ИН NM2018.136), АЧА ок. 510 (MWMW, ИН L179), АЧА ХВ G31 ок. 510 из ВЭ (SAM, ИН 1482 (=J717)), АЧА из Группы Медеи ок. 510 (GMGV, ИН 71.AE.441), АЧА из Eye-Siren Group ок. 510 из ВЭ (SAM, ИН 1537 (=J317)), АЧЛ ок. 510 с Сицилии (SAM, ИН 1884 (=J762)), АЧА Художника Мюнхена 1410 ок. 510 из ВЭ (SAM, ИН 1410 (=J328)), АЧ ойнохойя (далее АЧОй) вазописца из круга Класа Ватикана G47 ок. 510 из ВЭ (SAM, ИН 1775 (=J1118)), фрагменты АЧА ок. 510 (SAM, ИН 1496 (=J91)), АЧА Художника Кьюзи ок. 510 (ASMB, ИН 1962.28), АЧА формы Никосфена ККМ 218 ок. 510 (MMA, ИН 56.171.24), АЧОй ок. 510 (MWMW, ИН L347), АК гидрия Группы Первопроходцев 510–500 (Sackler Museum, Harvard University, Cambridge), АЧА 510–500 из могилы 283 кладбища Фикеллура в КР (BM, ИН 1864,1007.212), АЧГ из ГЛ 510–500 из ВЭ (BM, ИН 1836,0224.128), АЧЛ из Группы Каподимонте конца VI в. (MMA, ИН 06.1021.62), АЧЛ конца VI в. (АМ Делоса), АЧК гончара Памфая конца VI в. из ВЭ (MGE), АЧБОЛ Художника Сапфо ок. 500 (MMA, ИН 41.162.35), АЧЛ Художника Эдинбурга

ок. 500 (MAN, ИН 1999/99/79), АЧА ок. 500 (MWMW, ИН L195), АЧОл ок. 500 (GMGV, ИН 86.АЕ.128 и 81.АЕ.150), АЧА из ГЛ ок. 500 (SAM, ИН 1417), АЧГ из ГЛ ок. 500 из ВЭ (SAM, ИН 1712 (=J409)), фрагменты АЧА вазописца из круга Художника Рассвета ок. 500 (BM, ИН 1848,0619.2), фрагмент АК скифоса Клеофрада 500–490 (ММА, ИН 2011.604.1.8727), АЧА Диосфа 500–490 из НКИ (ML, ИН F385), АЧОй из Briachos Class 500–480 из ВЭ (BM, ИН 1836,0224.118), фрагменты АК кратера Евфрония 500–475 (MNE), АКК Дуриса ок. 490 из Кере (KMWA, ИН IV3695), АЧГ ок. 490 (ММА, ИН 96.18.63), АЧБОЛ кисти Haimon Painter ок. 490 (NAMA, ИН NM12591), АЧБОЛ Вазописца Сапфо ок. 490 (NAMA, ИН NM457), АКК Художника Литейной 490–480 из ВЭ (ASMB, ИН F2294), АЧБОЛ Художника Афины 490–480 (PUAM, ИН y1952-47), АЧА 490–480 из ВЭ (BM, ИН 1836,0224.135 и 1836,0224.138), из Апулии – краснофигурная ситула вазописца Ликурга ок. 360 из Рово (Museo Archeologico Nazionale di Napoli, ИН 81863), краснофигурный кратер с волютами (далее ККВ) вазописца Дария или Кратер Реса ок. 340 (ASMB, ИН 1984.39), фрагмент ККВ Балтиморского Художника 330–310 (ММА, ИН 19.192.81.1, .7, .42, .46, .55).

Щит ХСТ применялся в древнем Иране – на рельефах дворца Дария I (522–486) в Персеполесе персидские копьеносцы держат овальные щиты со смещёнными книзу (как и на щитах хеттских колесничих на рельефах храма Рамсеса II в Абидосе) овальными выемками по бокам, края выемок снаружи при этом (почти) сомкнуты.

В V–IV вв. БЩ выбит на серебряных монетах Беотии (ниже все города, кроме оговоренных), Фракии и Великой Греции – Фивы – статеры 500–368 (Münzkabinett der Staatlichen Museen zu Berlin (далее MSMB), ИН 18200126, 18203378, 18205832, 18206872-18206874, 18215462, 18215603), Kunsthistorisches Museum Wien, Münzkabinett, ИН GR12686), тетартеморион (1/4 оболы) 395–338 (MSMB, ИН 18206870) и неутончённые монеты 395–387 (BM, ИН GC8 (BMC Greek (Central Greece)) (79) (103)) и 378–335 (BM, ИН EH,p377.24.Вое), Копайс – диобол 500–425 (MSMB, ИН 18206852), Фары – статер 475–450 (MSMB, ИН 18206865), драхма 475–450 (MSMB, ИН 18206862) и обол 475–450 (MSMB, ИН 18206864), Акрефия – статер 456–446 (MSMB, ИН 18206848), Галиарт – статер 450–440 (MSMB, ИН 18206854), 400–375 (Нумизматический музей Афин), обол (MSMB, ИН 18206857) и тетартеморион 450–425 (MSMB, ИН 18206858), Тарент в Калабрии – дидрахма с изображением наездника на дельфине с БЩ 425–415 (MSMB, ИН 18214524), Тасос на Тасосе к югу от Фракии – драхма с изображением Геракла с луком и БЩ под луком в 404–340 (MSMB, ИН 18244979, 18244980), Херония – полудрахма IV в. (MSMB, ИН 18206849, 18206850), Беотийский союз – дидрахма 395/390–335 (MSMB, ИН 18206842-18206844) и статер 379–368 (MSMB, ИН 18206845), Микалесс – неутончённая монета 387–374 (BM, ИН 1919,1120.71), Беотия – полудрахма 387–374 (BM, ИН 1994,0915.4), Платеи – обол 387–372 (MSMB, ИН 18206866). БЩ выбит на бронзовых монетах Беотии IV в. – Херония – неутончённая монета 360–340 (MSMB, ИН 18206851), Лебадея – обол 350–300 (MSMB, ИН 18206860).

После 360 БЩ выбивают на монетах Филипп II и Александр III – из-за захвата Фракии и Беотии и претензий на связь с эпическими героями Эллады. Филипп II чеканил в 359–336 тетрадрахмы с образом БЩ под поднятой левой передней ногой своего жеребца (ВМ, ИН 1878,0301.43; 2002,0101.1519), а в 345–336 – золотые статеры с изображением БЩ между передними и задними ногами коней биги (ВМ, ИН 1879,0604.4; 1994,0915.17; ЕН,р261.5.PhiII). Александр III в 336–323 чеканил тетрадрахму с образом Зевса на троне с орлом на руке и БЩ перед/под ним (ВМ, ИН 1878,0301.150; 1880,0603.14; 1888,0614.22; 1922,1020.52; 1922,1116.7; РРК,р79Е.20.AleIII) и медную монету с образом БЩ под вздыбленным жеребцом (ВМ, ИН 1911,0409.227; 2002,0101.1654-1656) и в 330–323 – золотую четверть статера с изображением БЩ над луком и дубиной (MSMB, ИН 18251878). В Пелле в 315–310 чеканилась тетрадрахма с именем Александра с образом Зевса на троне с орлом на руке и БЩ перед ним (MSMB, ИН 18251879, 18251881, 18251882, 18251884, 18251885, 18251887, 18251890, 18251891, 18251893, 18251894).

По Титу Ливию (*Ab urbe condita* libri I.20.4), щит «анцилия» (*ancile*) почитался в Риме как хранитель города (палладий) со времён второго царя, сабинянина Нумы Помпилия (715–672). По биографии Нумы Помпилия Плутарха (13), «щиты называют «анцилия» [*ancile*] – по их форме: они... имеют по краю вырез в виде волнистой линии, крайние точки которой близко подходят одна к другой в самой толстой части щита». На серебряном квинарии Г. Ю. Цезаря 48–47 щит Рима – ОЩВБ (MSMB, ИН 18217118; ВМ, ИН 1843,0116.715, 2002,0102.4463). Денарий монетария Г. Ю. Цезаря 44 Марка Меттия изображает на колеснице Юнону Соспиту с копьём и ОЩВБ (ВМ, ИН 1843,0116.813, 2002,0102.4688, R.9060; MSMB, ИН 18217185).

О наличии ВЩ или ГЩ у галлов говорят изображения его среди трофеев и пленных на денариях М. Ю. Брута 43–42 (ВМ, ИН 1843,0116.536, 1843,0116.705, 1855,1118.2, 1867,0101.1251, 1904,0204.84, 1968,0608.1, 2002,0102.4780, 2002,0102.4784, 2002,0102.4785, R.9247-9249; из MSMB, ИН 18207025, 18207030, 18217528, 18217531, 18217534-18217537); ауреях М. Ю. Брута 43–42 (ВМ, ИН 1848,0819.78, 1864,1128.9; MSMB, ИН 18202195, 18217526); денариях М. Антония 37 (ВМ, ИН 1867,0101.1131-1132, 2002,0102.4851-4853; MSMB, ИН 18214976, 18233909). Схематические ВЩ и ГЩ всадников выбиты на монетах галлов 300–1 (*Département des Monnaies, médailles et antiques, Bibliothèque nationale de France*, ИН BnF 2221A (GAU-2268), 2279-2282 (GAU-2328-2331), 2295 (GAU-2344), 2304 (GAU-2353), 6961A-B (GAU-7303-7304), 6980A (GAU-7326), 7234E (GAU-7604), 7243A-D (GAU-7600-7603), 7243F (GAU-7605), 8500 (GAU-8922), 8501 (GAU-8923), Côte.181; ВМ, ИН 1853,0714.2, 1919,0213.942, ЕН,р23.22.Gal).

Появление на монетах М. Ю. Брута 43–42 ВЩ или ГЩ среди трофеев вместе с титулом IMP[erator] и фракийским оружием ещё объясняется войной во Фракии – по Титу Ливию (*T. Livi Periochae omnium librorum*, 122), «Марк Брут успешно действует против фракийцев». Использование щита ХСТ во Фракии подтверждается античной вазописью.

Образ щита ХСТ распространён в индоевропейских (далее ИЕ) культурах индоариев, греков, хеттов, персов, италиков, галлов и фракийцев. Исключение – этруски, но оно объясняется влиянием на них их ИЕ соседей. Щит ХСТ в 2600–40 – индикатор культуры ИЕ племён юга Евразии от Индостана до Италии и Галлии. Анализ данных о распространении щитов ХСТ доказывает хронологический и типологический приоритет Южной Азии над другими ареалами ИЕ народов. Щиты ХСТ – маркёр расселения носителей арийского, анатолийского, древнегреческого, фракийского, итальянского и галльского диалектов ИЕ языка из Индии в Иран, Сирию–Анатолию, Эгеиду, на Балканы, в Галлию и Италию. Аргумент щита ХСТ как маркёра миграции воинов с арийской идеологией позволяет археологически проследить по физическим (вещным) остаткам культуры движение ИЕ племён из Индии в Иран, Сирию, Анатолию и Европу с прим. 2000.

**ON THE ORIGIN OF THE ANCIENT GREEK AND ROMAN SHIELD
WITH LATERAL NOTCHES OR CONCAVITIES IN A BROAD
INDO-EUROPEAN PERSPECTIVE**

A.A. Semenenko (Voronezh)

The article presents a hypothesis about a shield with lateral concavities or notches as a marker of the spread of Indo-European speakers from India to Iran, Syria-Anatolia, the Aegean, the Balkans, Gaul, and Italy.

Keywords: shield, Indo-Europeans, Homeland, Out-of-India Theory.

**ЗЕМЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ТИТА ПОМПОНИЯ АТТИКА
В ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.**

И.В. Снежко (Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается научная литература по проблеме хозяйственной деятельности римского всадника Тита Помпония Аттика, его земельных владений и особенностей их устройства. Проанализированы различные точки зрения отечественных и зарубежных историков XIX – начала XXI вв. Сделан вывод об ограниченном интересе ученых к проблеме земельной собственности Аттика в связи с длительным преобладанием в исторической науке модернистского подхода. Несмотря на появление в последней четверти XX в. ряда исследований по данной теме, она всё ещё остаётся на периферии историографии.

Ключевые слова: Тит Помпоний Атик, Эпир, вилла, латифундия.

Интерес исследователей к проблеме земельных владений Тита Помпония Аттика возрастал по мере обращения ученых XIX в. к теме экономического развития Рима в переломную эпоху I в. до н.э. Долгое время фигура Аттика оставалась в тени антиковедения и связывалась главным образом с Цицероном и их политической перепиской. Так, например, первое научное исследование нидерландского историка Яна Хюллемана, хотя и рассматривает вопрос о самостоятельности фигуры Аттика, сосредоточено почти исключительно на его отношениях с Цицероном и почти не касается его земельных владений¹.

¹ *Hullemann J.* Diatribe in T. Pomponium Atticum. Trier: C. van der Post, 1838. P. 38-39.

Однако постепенно среди исследователей развивается интерес к социально-экономическим проблемам. XIX век в европейской, и преимущественно немецкой, историографии античной экономики прошел под флагом борьбы между примитивизмом и модернизмом. Если в представлении примитивистов, наиболее ярко выраженных в работах К. Бюхера, античная экономика представляла собой совокупность замкнутых домашних хозяйств, где преимущественно отсутствовал товарный обмен¹, то с точки зрения модернистов (Э. Мейер, Р. Пёльман и др.) в античности уже существовал капитализм, развитый товарный обмен и промышленность. Землевладение рассматривалось ими в виде капиталистического фермерства, где основными производителями выступали различные категории свободных и зависимого населения, а не рабы². Эти взгляды нашли свое отражение в последующих исторических исследованиях, посвященных Аттику как землевладельцу.

В 1834-1844 гг. публикуется многотомное исследование Вильгельма Друманна, посвященное истории Рима через призму римских фамилий. В этом списке фигурирует и Помпоний. Аттику В. Друманн уделил обширную главу в 5 томе исследования и не обошел вниманием его земельные владения³. Следуя за яркой и комплиментарной характеристикой Аттика в его биографии у Корнелия Непота, В. Друманн считал, что Аттик обладал образцовыми, рационально организованными поместьями и стремился извлекать из них доход: это касается как его италийских поместий, Арретинской и Номентанской вилл (Nep. Att. 14, 3), так и эпирских угодий, географически прилегающих к античному Бутроту и его окрестностям. В. Друманн особенно отмечал высокую производительность эпирских поместий Аттика, расположенных вблизи дорог и моря, позволявших организовывать сбыт скотоводческой и земледельческой продукции и получать высокие прибыли⁴. Тем не менее, ученый не был склонен полностью доверять Непоту, скрывавшему факт активной ростовщической деятельности Аттика и отмечал, что гораздо более значительный доход он как всадник получал от финансовых операций и ростовщичества⁵. В. Друманн оказался первым исследователем, проанализировавшим географию владений Аттика в Эпире, отметив их концентрацию вокруг Бутрота. И все же работа В. Друманна носила в большей степени обзорный характер, а потому автор сосредоточил свое внимание на финансовых делах Аттика.

¹ Bücher K. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Tübingen: H. Laupp'sche Buchhandlung, 1910. S. 92-116.

² Этот взгляд, высказанный еще Т. Моммзеном (см., напр.: Mommsen T. Römische Geschichte. Band 2. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1857. S. 394-395), был развит в дальнейшей историографии, см.: Meyer E. Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums. Jena: Verlag von G. Fischer, 1895. S. 1-7; Pöhlmann R. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. Band 2. München: C.H. Beck, 1912. S. 433-441. Ср.: Немировский А. И. Историография античности конца XIX – начала XX в. // Историография античной истории. Под общей ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1980. С. 144-145.

³ Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Hrsg. v. P. Groebe. B. V, T. 3. Leipzig: Verlag von Gebrüder Borntraeger, 1919. S. 9-91.

⁴ Ibid. S. 64-65.

⁵ Ibid. S. 14; 66.

Сходную с В. Друманном картину земельных угодий Аттика рисовали Гастон Буассье и Джузеппе Сальвиоли, в представлении которых он выступал богатым дельцом, «капиталистом», умело спекулировавшим на земельных владениях, тогда как основной его доход был связан с финансовой деятельностью¹. География земельных угодий Аттика в представлении Дж. Сальвиоли имеет довольно зыбкую почву и основывается на собственных предположениях автора. Дж. Сальвиоли пишет, что Атик скупал земельные владения везде, где только мог: в Нуманции, Апулии, Байях, Кумах и др. местах, не ссылаясь при этом на источники².

Таким образом, в историографии XIX – начала XX вв. по большей части господствует модернистский взгляд на проблему земельных владений Аттика.

Первый наиболее обстоятельный очерк землевладения Аттика связан с именем отечественного дореволюционного ученого Ивана Михайловича Гревса. Его работа, вышедшая в 1899 г., представляет собой первую попытку проанализировать всю экономическую деятельность Аттика³. И.М. Гревс, разделявший взгляды К. Бюхера, считал Аттика преимущественно землевладельцем. Исходя из господствовавшей в историографии позиции о господстве латифундий в Италии I в. до н.э., И.М. Гревс предполагал, что итальянские владения Аттика необходимо отнести к хозяйствам латифундистского типа, на которых трудились толпы рабов⁴. Применяя сравнительный метод и привлекая источники, ученый обоснованно полагал, что Атик мог иметь в Италии множество поместий, не упомянутых Непотом и Цицероном. Однако он без достаточных оснований предполагал, что эти владения могли находиться за пределами Италии – в Сицилии и других регионах⁵. Говоря об эфирских поместьях Аттика, И.М. Гревс так же определял их как латифундии с широкой специализацией, развитым скотоводством и хлебопашеством, позволявшим извлекать колоссальные доходы⁶. В эфирских латифундиях часть рабочей силы была представлена колонами и другими зависимыми земледельцами, заинтересованными в своем труде больше, чем рабы.

Многие выводы И.М. Гревса выглядят достаточно натянутыми, что признает и сам исследователь, поскольку из-за недостатка источников приходилось строить предположения, опираясь на общие закономерности развития аграрных отношений в Италии и Эфире I в. до н.э. Тем не менее, труд И.М. Гревса стал важной вехой развития историографии земельных владений Аттика, но, увы, вехой незамеченной. Данная работа отличилась принципиально новым подходом к анализу его земельных владений, однако она по-прежнему малоизвестна в историографии⁷.

¹ Буассье Г. Цицерон и его друзья. М.: изд. К.Т. Солдатенкова, 1880. С. 111-112; Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире. Харьков: Госиздат Украины, 1923. С. 37-41.

² Сальвиоли Г. Указ. соч. С. 41.

³ Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. 288-367.

⁴ Там же. С. 318-319.

⁵ Там же. С. 321-338; 362.

⁶ Там же. С. 345-347.

⁷ Единственным, кто обратил внимание западного читателя был М.И. Ростовцев, уже будучи в эмиграции. См.: *Rostovtzeff M. The social and economic history of Roman empire*. L., 1926. P. 546, n. 11.

Первая половина XX в. прошла под флагом господства модернистской историографии. В 1920 г. в США была опубликована диссертация Элис Бирн, посвященная Помпонию Аттику¹. В своей работе исследовательница отразила общие тенденции предшествующих научных публикаций. При изучении экономической деятельности Аттика она указывала, что он занимался в большей степени спекуляцией землей, хотя и всегда обращал внимание на ее доходность при покупке. Эпир же в этом плане выделялся и приносил Аттику стабильный и высокий доход, что видно из регулярности посещения им своих владений². Взгляд Э. Бирн отразил характерную тенденцию в историографии тех лет, когда землевладению не уделялось достаточно внимания на фоне концепции «античного капитализма» и примата финансовой деятельности над сельским хозяйством. На ограниченный анализ земельных владений Аттика в работе Бирн указывал и М.И. Ростовцев, отмечая, что исследовательнице, к сожалению, оказались неизвестны труды И.М. Гревса и Дж. Сальвиоли³.

Схожим образом к проблеме доходов Аттика подошел Роберт Фегер в 1956 г. в подробной статье об Аттике в энциклопедии Паули-Виссова⁴. Р. Фегер привел географию земельных владений Аттика, осветил некоторые спорные вопросы их расположения в историографии, однако не проанализировал их характер⁵. Исследователь лишь отметил, что земельные владения служили Аттику лишь ширмой для создания образа благородного римлянина при занятии им ростовщической деятельностью, освещаемой ученым гораздо более подробно⁶.

Таким образом, Аттик как землевладелец оставался по-прежнему без подробного внимания исследователей. Интерес к биографии Аттика строится в этот период в связи с его участием в закулисной политической жизни Рима, философией и контактами с Цицероном. Особенно ярко это проявилось в последующих исследованиях об Аттике, связанных только с его политической и философской деятельностью⁷.

В связи с утверждением в российской историографии после 1917 г. марксистского подхода к истории, в советском антиковедении вырос интерес к проблемам римского землевладения, что коснулось и земельной собственности Помпонию Аттика. Василий Иванович Кузищин в монографии о развитии крупного землевладения Италии II в. до н.э. – I в. н.э. обращался к критическому рассмотрению выводов И.М. Гревса о характере земельных владений Аттика⁸. И.М. Гревс считал все поместья Аттика в Италии

¹ *Byrne A.* Titus Pomponius Atticus. Chapters of a biography. Bryn Mawr, Pennsylvania, 1920.

² *Ibid.* P. 3-4; 13.

³ *Rostovtzeff M.* Op. cit.

⁴ *Feger R.* Titus Pomponius Atticus // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Supplementband VIII.* Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, 1956.

⁵ *Ibid.* S. 516.

⁶ *Ibid.* S. 516-520.

⁷ *Ziegler H.* Atticus als Politiker. Diss. New York: The Stuyvesant Press, 1936 (München, 1926); *Leslie J.* The Epicureanism of Titus Pomponius Atticus. Philadelphia, 1950.

⁸ *Кузищин В.И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. – I в. н.э.). М.: МГУ, 1976.

латифундиями, что, с точки зрения В.И. Кузищина, неверно, поскольку не отражало тенденций развития экономики Италии, где в большинстве своем складывались рабовладельческие виллы средних размеров, коими обладал и Аттик, характер земельной собственности которого ничем не выделялся на фоне римской знати¹. Эпирское владение Аттика исследователь обозначил как «огромную» латифундию². В советской историографии достаточно подробно подходили к рассмотрению латифундий скотоводческой направленности, но, увы, земельные владения Аттика в данном контексте рассмотрены не были³.

В 1972 г., с выходом на Западе знаменитой работы Мозеса Финли «Античная экономика»⁴, утвердившей на несколько десятилетий антимодернистский взгляд на хозяйственные отношения древней Греции и Рима, произошел переворот в понимании значения землевладения в античных обществах⁵. С точки зрения М. Финли, земля выступала основой античного хозяйства, а владение ею обозначало статусность, подчеркивало добродетели владельца и приносило стабильный доход. При этом у самих собственников, как отмечал М. Финли, отсутствовало стремление к накоплению и предпринимательству, в традиционных обществах они выступали пассивными владельцами земли, тогда как ростовщическая деятельность активно осуждалась⁶.

Оживленный интерес к антимодернистской теории М. Финли оказал влияние и на проблему земельных владений Аттика. В диссертации американской исследовательницы Энн Маршалл (1986) хозяйству Аттика уделяется значительное внимание по сравнению со всей предшествующей историографией, источники рассматриваются более критически и привлекаются активнее⁷. Ученая обратила внимание на характер земельных угодий Аттика в Италии и предположила, что итальянские виллы приносили ему стабильный доход, поскольку Непот называет их *rusticum praedium* (Nep. Att. 14, 3). Номентская вилла находилась вблизи города и *Via Nomentana*, и была с точки зрения Э. Маршалл «не столь доходной и зависела от размеров поместья»⁸, что, однако, представляется не совсем верным, поскольку географически, как отмечает сама исследовательница, вилла располагалась вблизи дорог и в целом недалеко от Рима и могла обладать высокой рентабельностью⁹.

¹ Там же. С. 115.

² Там же.

³ См.: *Штаерман Е.М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М.: Наука, 1964. С. 84-88; *Кузищин В.И.* Римское рабовладельческое поместье. М.: МГУ, 1973. С. 242-247.

⁴ *Finley M.* The Ancient economy. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1999.

⁵ *Кошеленко Г.А.* Англо-американская историография античности (гл. 8, § 2) // *Историография...* С. 250-253.

⁶ *Finley M.* Op. cit. P. 53-61; 108-122.

⁷ *Marshall A.* A Biography of Titus Pomponius Atticus. Harvard: University, 1986.

⁸ Ibid. P. 90-91.

⁹ Античные авторы неоднократно указывали на высокую доходность виноградников в Номенте (Col. III. 3, 3; Plin. NH. 14. 5, 48-51; Suet. Gram. 23). См. также: *Шрот Г.* О рентабельности сельского хозяйства в Риме в конце Республики // *Вестник древней истории.* 1959. №2. С. 69-78.

В отношении «бутротской латифундии», однако, Э. Маршалл приводит не столь много ценных замечаний. Ученая обращает внимание на доходность и богатство эфирских поместий, однако не поднимает вопрос о структуре и характере латифундий Аттика. Вопрос рентабельности компенсируется анализом попыток римских властей конфисковать землю Бутрота для организации ветеранской колонии¹. Несмотря на подробный обзор ростовщических и финансовых операций Аттика, Э. Маршалл признает, что земельный доход был для него одним из главных, и вся его экономическая деятельность была вполне типичной для представителя всаднического сословия².

В дальнейшем проблему рентабельности эфирских владений Аттика Э. Маршалл проанализировала в специальной статье (1999), посвящённой причинам переселения Аттика на Восток ок. 86 г. до н.э.³. Эта работа была развитием тезисов Николаса Хорсфолла, опубликованных десятилетием ранее (1989)⁴. Исследователи выдвинули предположение о возможности осуществления поставок Аттиком в войска Суллы во время кампании против Митридата в Греции, ведь армейским обеспечением богатые всадники занимались часто, и что именно это – тесные контакты Аттика с сулланцами – послужило истинной причиной переселения Аттика на Восток и приобретения им эфирской собственности, в отличие от традиции, освещаемой Непотом (Nep. Att. 2, 1-2). Атик мог быть заинтересован в отвоевании провинции Азия и восстановлении на ней римских порядков, при которых публиканы играли ведущую экономическую роль. Вполне вероятно, как считал Н. Хорсфолл, Атик мог принимать участие в снабжении армии Цезаря во время войны с Помпеем: Бутрот использовался Цезарем как пункт снабжения его армии (Caes. Bel. Civ. III. 16). После сражения при Диррахии (48 г. до н.э.) Цезарь послал своих легатов за зерном (*frumentum*) в Эпир, однако в дальнейшем особо упоминает только доставленный мелкий рогатый скот, очевидно, с местных скотоводческих хозяйств (Caes. Bel. Civ. III. 42; 47)⁵.

Подход итальянской исследовательницы Маринеллы Пасквинуччи в статье об эфирском хозяйстве Аттика (1986) отличался от предшествующих, поскольку ученая обратилась непосредственно к климату и географии Эпира и анализу второй книги Варрона о скотоводстве⁶. М. Пасквинуччи указывала на полукочевой характер скотоводства в Эпире, особенности экономики Феспротии и Хаонии, а также связь местных латифундий с городским центром – Бутротом. На основе анализа исследовательница сделала вывод о том, что Атик выступал одним из крупнейших землевладельцев Эпира⁷.

¹ Marshall A. Op. cit. P. 94-101. Этой же проблеме посвящена специальная статья Э. Денье. См.: Deniaux E. Un exemple d'intervention politique: Cicéron et le dossier de Buthrote en 44 av. J.-C. // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1975. №2. P. 283-296.

² Ibid. P. 131.

³ Marshall A. Atticus and the Eastern Sojourn // Latomus. 1999. T. 58. Fasc. 1. P. 56-68.

⁴ Horsfall N. Atticus Brings Home the Bacon // Liverpool Classical Monthly. 1989. Vol. 14. №4. P. 60-62.

⁵ Ibid. P. 61-62.

⁶ Pasquinucci M. T. Pomponio Attico e allevamento in Epiro // Acta Archeologica Lovaniensia. 1985. №25. Leuven, 1986.

⁷ Ibid. P. 149-150.

Однако в работах 80-х гг. археология нашла чрезвычайно ограниченное применение¹. Именно в это время на территории Албании организовываются раскопки римских сельских вилл, а с начала 90-х гг. у западных исследователей возрастает интерес к археологии Бутрота. В Албании оказалось исследовано множество вилл, которые могли служить центрами латифундий I в. до н.э. на территории древней Хаонии: это виллы Диапорит, Малатра, Чука, Меток и др., расположенные в большинстве своем недалеко от побережья². Вилла Малатра, скотоводческая направленность которой подтверждается находками, имела исключительно выгодное положение, позволявшее контролировать значительную часть равнинной области Врина, а также западную часть равнины Кестрин³. Албанский историк Димитр Чонди предположил, что Малатра могла быть знаменитым Амальтеем Помпония Аттика; исследователь объясняет это созвучием названий, и тем, что Амальтей располагался у Фиамиса, согласно Цицерону (Cic. De leg. II. 3, 7)⁴. Данную виллу можно с высокой долей вероятности отнести к владениям Аттика хотя бы в связи с ее близостью к Бутроту (25 км)⁵.

Аналогичны и другие археологические комплексы, которые могли принадлежать Аттику⁶. Так, виллу Диапорит, расположенную к северу от Бутринта, на восточном побережье одноименного озера, некоторые исследователи относят к его возможному владению⁷. К югу от Фиамиса, в Феспротии, Молоссии и Амбракии, расположенных на территории современной Греции, раскопано значительное количество сельских вилл⁸. Одна из таких, расположенная у р. Фиамис и типологически близкая к вилле Малатра, могла так же принадлежать Аттику⁹.

¹ К сожалению, единственная работа по данной теме, оказавшаяся недоступной нам, это ценная статья Э. Денье, которая, вполне вероятно, могла опираться на археологические сведения, см.: *Deniaux E. Atticus et l'Épire // L'Illyrie méridionale et l'Épire dans l'Antiquité. Clermont-Ferrand, 1987. P. 245-254.*

² *Shpuza S. Aspekte të ekonomisë antike ilire dhe epirote // Illiria. 2009. №34. P. 94-96.*

³ *Çondi D. Fortesa – vilë e Malathresë // Illiria. 1984. №2. P. 143-147.*

⁴ *Ibid. P. 148.*

⁵ Проблема Амальтея, бывшего резиденцией Аттика и не обладавшего, строго говоря, экономическим значением, сознательно обойдена нами. См.: *Бугаева Н.В. Амальтей Аттика – попытка реконструкции // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2019. Т. 9. С. 122-131.*

⁶ *Çondi D. Dobër // Illiria. 1984. №2. P. 266-267; Dobër (Sarandë) // Çondi D. Illiria. 1986. №2. P. 262-263; Çondi D. Banesat e fortifikuara – Vila një aspekt i rëndësishëm në zhvillimin urbanistik të Kaonisë // Illiria. 2017. №41.*

⁷ *Bowden W., Hodges R., Lako K. Roman and Late-Antique Butrint: excavations and survey 2000-2001 // Journal of Roman Archaeology. 2002. №15. P. 209-214.*

⁸ *Antoniadis V. Tabula Imperii Romani: Thesprotia. Mapping the Roman Presence and Activities // Α' Διεθνές Αρχαιολογικό και Ιστορικό Συνέδριο για τη Θεσπρωτία. Ioannina, 2019. P. 389-401; Antoniadis V. Post-167 BC Romans in Central and Southern Rural Epirus: Analysing a specific settlement pattern // Orbis Terrarum. 2021. №19. P. 11-28.*

⁹ *Antoniadis V. Tabula... P. 393.*

В 1992 г. вышла последняя на сегодняшний день монография о Помпонии Аттике за авторством немецкого ученого Олафа Перльвитца¹. Исследователь подошел к проблеме земельных владений Аттика наиболее комплексно, активно привлекая письменные источники и археологию. Ученым была предпринята попытка определить местоположение Амальтея², а также системно проанализировать структуру латифундий.

С точки зрения О. Перльвитца, Аттик мог эксплуатировать площади больших масштабов и извлекать из них значительные суммы, если мы принимаем во внимание слова Непота о том, что весь доход (*pecuniae reditus*) Аттик получал от римских и эфирских владений (*Nep. Att. 14, 3*)³. О. Перльвитц доказал на ряде примеров, что в сельскохозяйственной деятельности Аттик, как человек образованный и начитанный, руководствовался советами известных агрономов⁴. Уделив внимание второй книге трактата Варрона, О. Перльвитц указывает на высокие знания Аттика в области скотоводства. Овцеводство – наиболее прибыльная сфера, и Аттик это успешно использует для увеличения доходов. Соотношение количества рабов при стадах (согласно Варрону, при сотне голов стриженных овец полагалось размещать одного пастуха, при сотне «одетых» – двоих (*Var. De re rust. II. 2, 20*)) свидетельствует о стремлении Аттика рационально организовать хозяйство, предоставить рабам самостоятельность и сэкономить средства⁵. Благодаря этому, считает ученый, Аттик увеличил купленную в Эпире стоимость земли в несколько раз, поэтому его земельные владения необходимо считать серьезной статьей доходов⁶.

Исследование О. Перльвитца представляет на сегодняшний день наиболее полный анализ земельной собственности Помпония Аттика. В рамках современного этапа (первая четверть XXI в.) наблюдается тенденция к рассмотрению деятельности Аттика исключительно как финансиста⁷.

Исходя из проведенного анализа историографии земельных владений Помпония Аттика, мы можем проследить несколько этапов ее становления и развития.

Первый этап (2-я половина XIX – начало XX вв.), выступивший периодом противостояния школ примитивизма и модернизма, отразил в целом модернистский подход к землевладению Аттика (В. Друманн, Г. Буассье, Дж. Сальвиоли), которое, если и анализировалось, то лишь с позиций спекуляций на недвижимой собственности в духе земельных магнатов Нового времени, тогда как примитивистская точка зрения И.М. Гревса оказалась в историографии незамеченной.

¹ *Perlwitz O.* Titus Pomponius Atticus. Untersuchungen zur Person eines einflussreichen Ritters in der ausgehenden Römischen Republik. Stuttgart: Steiner, 1992.

² *Ibid.* S. 67-70.

³ *Ibid.* S. 70-71.

⁴ *Ibid.* S. 72-77.

⁵ *Ibid.* S. 77-78.

⁶ *Ibid.* S. 78.

⁷ См.: *Welch K. T.* Pomponius Atticus: a Banker in Politics? // *Historia*. 1996. №45. P. 450-471; *Andreau J.* Banking and Business in the Roman World. Cambridge: Cambridge University Press, 1999 (2003). P. 17-22; 143-144; *Kay P.* Rome's Economic Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 195-196.

Второй этап (1-я половина XX в. – 1980-е) отличился отсутствием интереса к проблемам недвижимой собственности Аттика (Э. Бирн, Р. Фегер).

Советская историография, стоявшая особняком, внесла колоссальный вклад в проблемы римского землевладения, но, увы, поместий Аттика, способных дать богатый материал, практически не коснулась (В.И. Кузицин, Е.М. Штаерман). Для рассмотренных двух этапов характерно также излишнее использование сравнительного метода и ограниченное обращение к источникам, что часто лишало рассматриваемый вопрос реального содержания и сводило его к обобщениям.

Третий этап (1980 – 1990-е гг.) в историографии связан с расцветом антимодернизма, что привело к росту интереса к земельной собственности Аттика (Э. Маршалл, Н. Хорсфолл, М. Пасквинуччи, Э. Денье). Этому же способствовали успехи археологии (Д. Чонди, В. Антониадис), данные которой позволили расширить представления о характере римского землевладения в Эпире. Итог развития историографии земельных владений Аттика подвел О. Перльвитц, системно проанализировавший устройство его поместий с опорой на археологические сведения.

Современный этап (1-я четверть XXI в.) обозначил значительное снижение интереса к поставленной проблеме, которая, несмотря на ценные работы 80-90-х гг., продолжается оставаться по большей части вне исследовательского поля.

THE LAND HOLDINGS OF TITUS POMPONIUS ATTICUS IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE XIX – EARLY XXI CENTURIES

I.V. Snezhko (Rostov-on-Don)

The article examines the scientific literature on the problem of the economic activity of the Roman horseman Titus Pomponius Atticus, his land holdings and the features of their structure. The various points of view of Russian and foreign historians of the XIX-XXI centuries are analyzed. It is concluded that scientists have limited interest in the problem of Atticus' land ownership due to the long-term predominance of the modernist approach in historical science. Despite the appearance of a number of studies on this topic in the last quarter of the 20th century, it still remains on the periphery of historiography.

Keywords: Titus Pomponius Atticus, Epirus, villa, latifundia.

ВОЕННЫЙ АВТОРИТЕТ ПОЛКОВОДЦА ВЕЛИСАРИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

П.Р. Сурков (Воронеж)

В статье рассматривается восприятие военного авторитета полководца Велисария Прокопием Кесарийским. Отмечается изменение военного авторитета полководца на протяжении его участия в кампаниях Юстиниана I. Также рассматриваются аспекты взаимоотношения Велисария с василевсом.

Ключевые слова: Велисарий, Прокопий Кесарийский, персы, восстание Ника, вандалы, готы.

Флавий Велисарий – византийский военачальник времён императора Юстиниана I, считается одним из величайших полководцев византийской истории.

Приступая к рассмотрению военного авторитета полководца Велисария прежде всего следует уточнить значение самого понятия «авторитет военачальника». Кандидат философских наук, генерал армии И.И. Ефремов определяет авторитет военачальника как разновидность социального авторитета, как признание за военачальником выдающихся личностных качеств, достижений в военном искусстве и на этой основе его особое положение и значимость для общества, армии, государства¹.

«История войн» и «Тайная история» Прокопия Кесарийского есть поистине уникальные источники о жизни и деятельности полководца Велисария. При этом детали военных действий в «Тайной истории» не сообщаются, вследствие чего данный источник является второстепенным для изучения нашей темы.

Прокопий Кесарийский – это византийский историк, который получил юридическое образование и был назначен секретарём и советником Флавия Велисария самим василевсом Юстинианом. Он стремился к объективности изложенной им информации и старался использовать критический анализ. Был участником описываемых им событий, что говорит о высокой достоверности его трудов. Однако резкие противоречия описанного в «Историей войн» и «Тайной историей» могут говорить о влиянии предвзятого мнения автора в период написания одного из данных произведений, что снижает уверенность в объективности автора.

Данная тема получила освещение в большом количестве работ различных авторов.

Ш. Диль анализировал влияние военного авторитета Велисария на византийское войско. Исследователь пришёл к заключению о том, что Велисарий имел большое значение для истории Византии VI в., и во многом военные успехи Византии данного периода обусловлены талантами Велисария².

Ю.А. Кулаковский касался вопроса о взаимоотношениях Велисария с василевсом, личными телохранителями полководца и народом Византии, отдельно выделял положительное отношение Велисария к войску, которому он нередко платил жалованье из своего кармана и в котором не обделял вниманием больных и раненых. Исследователь полагал, что Велисарий пользовался огромным авторитетом среди народа и армии³.

З.В. Удальцова касалась проблемы взаимодействия Велисария со своим войском в полевых условиях и его отношения к подчинённым. По мнению

¹ Ефремов И.И. Авторитет военачальника как социальное явление // Военная мысль. 2004. №10. С. 48.

² Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб.: типография Альтшулера, 1908. 164 с.

³ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 2. 518-602 гг. СПб.: Алетейя, 1996. 135 с.

исследовательницы, военный авторитет Велисария был огромен до момента его поражения в Италии, что позволило василевсу обвинить полководца в заговоре и подвергнуть его опале¹.

А.А. Чекалова не исследует проблему военного авторитета полководца, однако ею рассматриваются моменты военного взаимодействия Велисария с верными ему воинами, что помогает раскрыть источник военного авторитета полководца. Автор приходит к тому выводу, что Велисарий и его солдаты сыграли ключевую роль в подавлении восстания Ника².

А. Голдсуорти излагает особенности военной тактики Велисария. Автор подытоживает, что во многом военный авторитет Велисария обусловлен его военными успехами³.

П.В. Шувалов подробно анализирует взаимоотношения Велисария и василевса, подчёркивает авторитет полководца в глазах василевса и отмечает способность Велисария воевать не числом, а умением. Автор считает, что Велисарий был правой рукой василевса во многом за счёт своих военных успехов и популярности⁴.

А.В. Банников останавливает своё внимание на особенностях военной тактики Велисария и затрагивает отдельные моменты взаимодействия полководца с войском и противниками. Учёный считает, что Велисарий был талантливым полководцем с оригинальной тактикой и стратегией⁵.

Н.Е. Золотухина и Н.Н. Болгов подробно останавливаются на проблеме отношения населения Северной Африки к Велисария. Специалисты резюмируют, что часть племён Северной Африки воевали с вандалами вместе с войсками Велисария в том числе воздействием процесса романизации⁶.

Таким образом, данные научные работы затрагивают вопрос военного авторитета полководца Велисария в контексте определённого события или ряда событий. При этом комплексное рассмотрение развития военного авторитета Велисария на протяжении военных кампаний Юстиниана не делается.

Целью нашей работы является выявление того, как менялся военный авторитет Велисария на протяжении его полководческой деятельности.

Изучение данной темы актуально в наше время потому, что в развитии военного дела сохраняется принцип преемственности. То есть, изучение развития военного авторитета одного из самых успешных полководцев средних веков позволяет ретроспектировать его опыт и передать современным полководцам.

¹ Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М.: АН СССР, 1959. 397 с.

² Чекалова А.А. Константинополь в VI в., восстание Ника. СПб.: Алетейя, 1997. 217 с.

³ Голдсуорти А. Во имя Рима. Люди, которые создали империю. М.: Транзит-книга, 2006. 484 с.

⁴ Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491-641 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 157 с.

⁵ Банников А.В. Римская армия от «Адрианополя» до «Стратегикона». СПб.: Евразия, 2019. 117 с.

⁶ Золотухина Н.Е., Болгов Н.Н. Общество Северной Африки накануне войны империи с вандалами и его отношение к юстиниановской реконкисте // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т.24, №6. С. 203.

Исходя из определения «авторитета военачальника», приведённого выше, можно говорить о развитии и укреплении военного авторитета полководца Велисария по мере его участия в военных кампаниях Византии.

Так, рассматривая «Историю войн» Прокопия Кесарийского, изложенную в хронологическом порядке историю военных кампаний полководца Велисария, можно заметить, что во время «Войны с персами» находятся воины, которые могут назвать полководца в лицо трусом и губителем их решительности (Procop. BP. 1. XVIII, 24).

Данный фрагмент из персидской кампании может говорить о недоверии к тактике полководца. Кроме того, сам факт оскорбления обычными воинами своего военачальника говорит о непризнании на данный момент за военачальником сопутствующего ему статуса ввиду отсутствия у него выдающихся личностных качеств и военных достижений.

Другой фрагмент из «Войны с персами» показывает прямое нарушение приказаний полководца: «Так увещевал Велисарий. Но те, которые были с Петром, ни во что поставив приказания Велисария, в полдень, томимые зноем (место это было очень жаркое), сняли с себя доспехи и, не обращая внимания на неприятелей, начали бродить безо всякого порядка, поедая растущие там огурцы» (Procop. BP. 2. XVIII, 18).

Помимо обычного отсутствия дисциплины в армии, данное событие говорит также о низком уровне военного авторитета полководца Велисария на тот момент, так как часть воинов также не доверяет тактике полководца и предпочитает следовать за выбранным ими лидером в лице Петра.

Можно говорить о том, что столь явные пренебрежения дисциплиной военного времени на данном этапе полководческой деятельности Велисария связаны с множеством факторов, однако фактор низкого уровня военного авторитета полководца в данных пренебрежениях всегда остаётся решающим. Также можно предположить о том, что во многом авторитет полководца на данном этапе его карьеры держался за счёт назначения его на должность самим василевсом Юстинианом, которого боялись и почитали как в народе, так и в армии.

К моменту действий, описанных в «Войны с вандалами», Велисарий смог укротить вверенное ему войско силовым путём, о чём свидетельствуют записи Прокопия Кесарийского о страхе, который испытывали войска при мыслях о нарушении приказа полководца (Procop. BV. 1. XX, 14-15).

Также в «Войне с вандалами» встречаются упоминания о жестоком наказании за нарушения в армии, которых не было во время исполнения столь же тяжких нарушений армейской дисциплины воинами Петра. Например, «Два массагета в состоянии крайнего опьянения убили одного из своих товарищей, посмеявшегося над ними. Массагеты больше всех других людей любят крепкое вино. Велисарий тотчас обоих этих воинов посадил на кол на холме, находившемся недалеко от Авидоса» (Procop. BV. 1. XII, 8-9).

Отсутствие столь явных проблем с дисциплиной в армии Велисария времён событий, описываемых в «Войне с вандалами», можно объяснить ростом военного авторитета полководца ввиду успешной первой персидской

кампании и участия Велисария в подавлении восстания Ника: «Все свои надежды василевс возлагал на Велисария и Мунда. Один из них, Велисарий, только что вернулся с войны с персами и привел с собой помимо достойной свиты, состоящей из сильных людей, множество испытанных в битвах и опасностях войны копьеносцев и щитоносцев» (Procop. BP. 1. XXIV, 40).

Из данного фрагмента «Войны с персами» может следовать то, что Велисарий помимо силовых путей к моменту восстания Ника использовал метод поощрения как инструмент для поднятия своего военного авторитета, так как наиболее достойных воинов он взял с собой в столицу на время своего визита.

Также здесь чётко прослеживается надежда василевса Юстиниана на Велисария и Мунда в наиболее тяжёлый для него момент.

А.А. Чекалова убеждена в том, что Велисарий во время восстания Ника оставался самым верным и преданным сторонником действующей власти в лице василевса Юстиниана¹.

Данные события показали армии и народу выдающиеся личностные качества Велисария, а успех в персидской кампании явился огромным достижением в военном искусстве полководца.

Таким образом, рост военного авторитета Велисария после первой персидской кампании и подавления восстания Ника связан с сохранением верности престолу в самых критических ситуациях и с успешным применением тактики чередования наказаний с поощрениями или тактики «кнута и пряника». Однако, несмотря на ряд успехов и завоевание авторитета, к моменту событий войны с вандалами Велисарий качественно не меняет свой подход к управлению войсками.

Во время действий, описываемых в «Войне с готами», военный авторитет Велисария был очень высок, так как он уже имел далеко идущую вперёд славу успешного полководца в сочетании со славой человека чести и слова, а также покровительство закрепившегося у власти василевса Юстиниана.

Теперь войска Велисария стыдились малейшего осуждения со стороны полководца: «Велисарий обратился к ним с суровыми и обидными словами и, выбрав из тех, кто окружал его, около двухсот, велел им идти с Магном. Желая вести их, вскочил в проход водопровода и Фотий, но Велисарий ему этого не позволил. Устыдившись упреков начальника и Фотия также и те, которые только что старались бежать от опасности, вновь почувствовали смелость подвергнуться ей и последовали за первыми» (Procop. BG. 1. X).

Велисарий же перешёл на качественно новый метод завоевания и удержания военного авторитета в своих руках. Личный пример отныне стал главным источником военного авторитета полководца: «Сам Велисарий всех тех, которые выступали против него, убивал одного за другим. В такой опасный момент особенно ярко проявилась любовь к нему его копьеносцев и щитоносцев: все, окружив его, проявили такую доблесть, какой, думаю, до этого дня не проявлялось ни к какому иному человеку» (Procop. BG. 1. XVIII).

¹ Чекалова А.А. Ук. соч. С. 210.

Однако, также стоит отметить, что «Тайная история», описывая момент конца войны с готами, сообщает о Велисарии как о трусе, который первым покинул Италию после ряда неудач, оставив своих воинов на произвол судьбы (Procop. HA. V, 16-17).

Ввиду акцента «Тайной истории» на закулисах придворной жизни, а не на военных действиях, считаем нужным относиться к данной информации скептически и рассматривать её в контексте сатирического и уничижительного отношения Прокопия Кесарийского к полководцу в данном труде.

Таким образом, военный авторитет Велисария возрастал по мере его военной деятельности. Данный рост происходил благодаря правильно подобранной тактике влияния на подчинённых: во время персидских войн, восстания Ника и вандальской войны это была тактика чередования наказаний и поощрений, или тактика «кнута и пряника»; во время готских войн это была качественно новая тактика завоевания военного авторитета через личный пример полководца, а также благодаря сохранению верности василевсу Юстиниану, который долгое время покровительствовал Велисарии.

THE MILITARY AUTHORITY OF GENERAL BELISARIUS AS DESCRIBED BY PROCOPIUS OF CAESAREA

P.R. Surkov (Voronezh)

This article examines Procopius of Caesarea's perception of the military authority of the general Belisarius. It notes the changes in the general's military authority during his participation in the campaigns of Justinian I. Aspects of Belisarius's relationship with the basileus are also considered.

Key words: Belisarius, Procopius of Caesarea, Persians, Nika revolt, Vandals, Goths.

ГАССАНИДЫ – АРАБЫ-ХРИСТИАНЕ НА СЛУЖБЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В.С. Таран, М.В. Фомин (Севастополь)

В статье рассматривается роль Гассанидов как ключевых союзников Византийской империи на Аравийском полуострове. Анализ их взаимоотношений демонстрирует неэффективность методов, используемых ромеями для реализации своих геополитических задач в регионе, что привело к распаду державы Гассанидов в 582 г. и ослаблению византийских границ, что, в конечном счёте, способствовало успеху арабского нашествия в VII в.

Ключевые слова: Византия, арабы, Гассаниды, христианство.

Изучая историю Византии IV-VI вв., видим, сколь важное место занимает противостояние Ромейской державы с Сасанидским Ираном. Этот конфликт определял судьбу не только двух государств, но и всего раннесредневекового мира. Суть противостояния заключалась в борьбе за контроль над торговыми маршрутами. Персия контролировала ключевые

территории, через которые проходили основные коммуникации Великого Шёлкового пути, и получала значительную прибыль от транзитной торговли, что создавало экономическое давление на Византию.

Стремясь начать прямую торговлю с производственными центрами Востока, Ромейская держава стремилась развивать неподконтрольные Персии морские торговые пути, доходившие до юга Аравийского полуострова, откуда уже пустынными трактами или по Красному морю товары везлись в византийские провинции Сирии, Египта и Палестины. Для развития такой торговли Византия нуждалась в союзниках из местного населения, среди которых ключевую роль в V-VII вв. играло арабское племя Гассанидов, выступавшее в качестве вассалов Ромейской державы. Понимание их роли в восточной политике Византии является важным для изучения ранневизантийского периода.

Актуальность изучения Гассанидов как союзников Византии обуславливается также малой изученностью данного вопроса. Конечно, во многом это связано с малой источниковой базой по истории этого христианского арабского племени. Лишь несколько греческих и сирийских авторов упоминает их в хрониках, посвящённых истории Византии V-VII вв.¹, а также о них упоминают более поздние арабские историки².

В отечественной историографии нет работ, посвящённых истории Гассанидов, хотя они упоминаются в обобщающих работах по истории доисламского арабского мира. Ключевой работой, дающей наиболее ценные сведения, является монография «Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв.» советской исследовательницы Н.В. Пигулевской. Кроме того, стоит отметить работы дореволюционного автора Н.А. Медникова³, современных М.В. Кривова⁴ и С.А. Французова⁵.

Западная историография даёт более подробные сведения об истории Гассанидов. Начиная от исследований немецкого ориенталиста XIX в. Т. Нёльдке, «византийским арабам» посвящали отдельные монографии такие исследователи как Жасмин Захран⁶, Фергюс Миллар⁷, Ирфан Шахид⁸ и др.

¹ Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. М.: Наука, 1964. С. 4-7.

² Медников Н.А. Палестина от завоевания её арабами до крестовых походов по арабским источникам / Восточная литература. – URL: <https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Arabien/Mednikov/index.phtml?id=5135&ysclid=mas4hv1x9t263932204>

³ Медников Н.А. Палестина от завоевания её арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1903.

⁴ Кривов М.В. Последние Гассаниды между Византией и Халифатом. Византийский временник Т. 42. 1981. С. 154-158.

⁵ Французов С.А. Гассаниды // Православная Энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т.10. М., 2010. С. 442-444.

⁶ Zahran Y. Ghassan Resurrected. London: Stacey International, 2006.

⁷ Millar F. Rome's 'Arab' Allies in Late Antiquity. Conceptions and Representations from within the Frontiers of the Empire. Commutatio et contentio // Studies in the Late Roman, Sasanian and Early Islamic Near East. L.; N.Y., 2010. P. 199-226.

⁸ Shahid I. Byzantium and the Arabs in the Fifth Century. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1989; Shahid I. Byzantium and the Arabs in the Sixth Century Vol. 2. Part 2. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2010.

Изучение истории вопроса выявляет серьёзную лакуну в исторической науке. Цель данной работы – попытка рассмотреть историю взаимоотношений Византии со своими арабскими союзниками и определить роль последних в ромейской политике на Ближнем Востоке.

Согласно византийским источникам, история Гассанидов начинается с конца V – начала VI вв., когда они появляются у южных границ империи на территории Леванта. Эти сведения заслуживают доверия, в отличие от арабских и греческих попыток проследить раннюю историю арабов-христиан, выводящих династию Гассанидских правителей из 32 поколений, начиная с III в.¹ С наибольшей вероятностью они происходили из Южной Аравии, где в древности располагалось Сабейское, а затем Химьярское царство. Вынужденное эмигрировать из-за политической нестабильности в регионе в III-IV вв., арабское племя под предводительством рода Джафна (Гассан) движется на север.

Оказавшись здесь в V в., Гассаниды подпадают под влияние христианских проповедников, активизировавших свою проповедническую деятельность в Сирийской пустыне². Спецификой распространения христианства в Аравийском регионе была отдалённость от культурно-политических центров, подконтрольных Константинополю, что позволяло сосуществовать в регионе нескольким течениям (несторианам, монофиситам, халкидонитам) одновременно. В такой обстановке Гассаниды восприняли христианство не в его официальном виде Халкидонской веры, принятой в Византии к V-VI вв., а его монофиситского направления – яковитства, заняв тем самым несколько оппозиционную позицию по отношению к ромеям. Тем не менее, принятие христианства в любом его виде само по себе служило маркером лояльности со стороны арабского племени, которое таким образом выражало своё желание приобщиться к Византии, став её союзником в Аравийском регионе.

Как уже говорилось, Империя была заинтересована в поисках союзников, что помогли бы обеспечить безопасность восточных границ от персидских набегов, стабилизировать обстановку в регионе и обеспечивать контроль и защиту торговых путей через Аравийский полуостров от ромейских провинций до портов Аксума и Химьяра на юге. Традиционно такая задача решалась за счёт вовлечения варварских племён с пограничья в зону влияния Византии и дарования им статуса федератов, которые в обмен на дотации, материально-техническое обеспечение и защиту со стороны империи обязаны были нести пограничную службу. Такие федераты становились буфером между Империей и агрессивными соседями. Их лояльность удерживалась за счёт экономических стимулов, подкупа племенных элит, получавших византийские титулы и прочие привилегии, а также распространения в варварской среде христианства, укрепляющего византийское культурное и политическое влияние.

¹ *Hoberman B.* The King of Ghassan // *Aramco world*. Vol. 34. N. 2. 1983. P. 21-23.

² *Кирилл Скифопольский.* Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого / Азбука веры. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Skifopolskij/zhitie-izhe-vo-svjatyh-ottsa-nashego-evfimija-velikogo/#source

Такую стратегию Византия использовала и на Аравийском полуострове, выбрав изначально в V в. в качестве основных федератов местное племя Салихидов, в подчинение к которым изначально попадают Гассаниды. Однако на рубеже V-VI вв. Гассаниды успешно перехватывают у Салихидов контроль над основными торговыми маршрутами, подчиняя себе территории северного Хиджаза и Палестины¹. Завершается процесс становления Гассанидов как ведущей провизантийской силы в Аравии в 529 г., когда император Юстиниан I (527-562 гг.) дарует лидеру Гассанидов Хариту ибн Джабалу (529-569 гг.) титул «царя всех арабов», создавая тем самым союзное арабское государство на Востоке.

Государство Гассанидов просуществует меньше столетия. За это время Харит ибн Джабал и его сын и преемник Мундар ибн Харит (569-582 гг.) будут активно выполнять союзнический долг перед Империей. Основными направлениями их деятельности будут: защита границ империи, участие в византийских военных кампаниях против Сасанидского Ирана, стабилизация обстановки в регионе, т.е. подавление местных восстаний против Византии.

Ключевыми эпизодами, иллюстрирующими их деятельность, являются рассказ о подавлении Харитом ибн Джабалом восстания в Палестине в 529 г.² и его же участие в битве при Каллинике³.

Однако роль арабов в описываемых событиях была спорной, как и польза Империи от их использования. В первом описываемом случае арабы не просто усмирили мятежную провинцию, но и полностью разорили её. Во втором эпизоде – сражении при Каллинике – они, по мнению некоторых историков, предали ромеев, вступив в сговор с персами.

Лояльность Гассанидов империи держалась в основном на экономическом факторе. Однако «аппетиты» арабских союзников постоянно росли и, не получая желаемого от Империи, они не гнушались разорять её провинции. Дополнительным сдерживающим фактором для них должно было выступать культурное влияние Византии, транслируемое через общую веру, однако, и в этом вопросе Гассаниды придерживались относительной независимости, не будучи ортодоксами, что давало им большую политическую независимость.

Усугубляла ситуацию и непоследовательная политика Империи в Аравийском регионе. Создав буферное государство в 529 г. на границе с Персией, император Юстиниан вскоре отказался от восточного направления развития империи, начав вандальскую и остготскую кампании для возвращения территорий на Западе. Для реализации масштабного проекта большая часть ресурсов с Востока была перенаправлена на западные рубежи империи, оставив восточные провинции практически беззащитными.

¹ Пигулевская Н.В. Ук. соч. С. 73.

² Там же. С. 91.

³ Прокопий Кесарийский. Война с персами. С. 56-59.

Не испытывающие сильной верности империи Гассаниды какое-то время справлялись с их защитой, однако отношения с Византией были натянутыми на почве политических и конфессиональных разногласий.

Итогом ромейско-гассанидских отношений станет ликвидация их государства императором Маврикием в 582 г., обвинившим Мундара ибн Харита в измене. После исчезновения консолидирующей силы арабские племена начнут бессистемные набеги на византийские провинции. Граница окончательно ослабнет, и империя не сможет остановить волну арабо-исламского нашествия в VII в. и потеряет практически все владения в Африке и на Ближнем Востоке.

GHASSANIDS – CHRISTIAN ARABS IN THE SERVICE OF THE BYZANTINE EMPIRE

V.S. Taran, M.V. Fomin (Sevastopol)

The article examines the role of the Ghassanids as key allies of the Byzantine Empire in the Arabian Peninsula. An analysis of their relationship demonstrates the ineffectiveness of the methods used by the Romans to achieve their geopolitical objectives in the region, which led to the collapse of the Ghassanid empire in 582 and the weakening of the Byzantine borders, which ultimately contributed to the success of the Arab invasion in the 7th century.

Keywords: Byzantium, Arabs, Ghassanids, Christianity.

ЭДЕССА ХРИСТИАНСКАЯ: О СТАНОВЛЕНИИ НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА

П.С. Таранова (Белгород)

В статье анализируются особенности христианизации Эдессы. Рассматриваются главные факторы, обусловившие успешное и быстрое распространение новой религии. В статье отмечаются основные этапы становления уникальной религиозной среды, которая впоследствии позволила Эдессе стать одним из основных центров христианства в восточном регионе.

Ключевые слова: Эдесса, христианство, царь Абгар, евангелизация, апостол Аддай, Ефрем Сирийский.

Город Эдесса, наравне с такими регионами, как Антиохия, Александрия и Константинополь, является одним из важнейших центров христианства на Востоке. Это, в первую очередь, связано с тем, что царство Осроена, столицей которого являлась Эдесса, в конце II в. стало первым государством, принявшим христианство как официальную религию. Современная историческая наука, тем не менее, признает данное мнение легендарным, так как единственным подтверждающим данный факт источником является апокрифическая легенда о царе Абгаре, описывающая христианизацию Эдессы.

Данная легенда наиболее подробно изложена в труде Евсевия Кесарийского «Церковная история» (323 г.) и, согласно анализу специалистов¹, полна несовпадений и ошибок. Царь Абгар, о котором ведется речь в легенде, – вовсе не Абгар Уккама (ܐܒܓܪ ܘܩܟܟܐ), как его называет автор, а Абгар Великий (ܐܒܓܪ ܒܠܝܝܐ), о чем свидетельствует его переписка с царем Адиабены («страны Ассирийцев») Нарсаем, упомянутая в христианском тексте «Учение Аддая»². Нарсай правил в Адиабене в конце II – начале III вв., следовательно, являлся современником Абгара Великого. Также известно, что апостолом, излечившим царя и проповедовавшим в Эдессе, был вовсе не Фаддей-Иуда из 12 первых апостолов, а Фаддей (Аддай) из 70 апостолов³.

Тем не менее, нельзя не отметить, что христианство действительно начало распространяться в Эдессе к концу II в. Об этом в первую очередь свидетельствуют записи из «Учения Аддая», факт строительства крупной христианской церкви в городе, а также сочинения Бардесана, крупнейшего философа и поэта Эдессы. Согласно легенде, после чудесного излечения Абгара Аддай провел проповедь для всех жителей города, призвав их «отказаться от поклонения богам и признать Иисуса единым богом»⁴. Многие горожане, в том числе вся царская семья, а также представители элиты, приняли христианскую веру: жители более не посещали старые алтари и места поклонений, в которых молились языческим богам⁵. Более того, в день проповеди было принято решение о строительстве христианской церкви, которым впоследствии руководил сам Аддай совместно с Аггаем, Палутом, Авшеламой и Барсамьей, в дальнейшем занявшими должности епископов или ставшими видными религиозными деятелями.

В учении Аддая утверждается, что христианизация Эдессы была ненасильственной и практически абсолютной: «И те, кто поклонялись камням и деревьям, сели у его ног, учась и избавляясь от исступленного языческого безумия. Также иудеи, <...>, тоже убедились и стали учениками и уверовали в Христа, <...>. Но ни Авгар-царь, ни Аддай-апостол не заставляли никого насильно уверовать в Христа, потому что не сила человека, а сила знамений заставила многих уверовать в Него»⁶.

Действительно, сам процесс евангелизации города в исторической науке принято считать максимально гуманным – какие-либо упоминания о принуждении или агрессии в источниках отсутствуют. Тем не менее, утверждать об абсолютном принятии веры жителями Эдессы невозможно. Дж. Сигал отмечает, что после христианизации епископы христианской

¹ Segal J.B. Edessa 'The Blessed City'. New Jersey: Gorgias Press, 2005. P. 70.

² См. Мещерская Е.Н. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997.

³ Segal J.B. Op. cit. P. 70.

⁴ Мещерская Е.Н. Ук. соч.

⁵ Segal J.B. Op. cit. P. 81.

⁶ Мещерская Е.Н. Ук. соч.

церкви почитались наравне с языческими жрецами¹, то есть, спустя годы после принятия христианской веры язычество все еще оставалось частью культуры и повседневной жизни города. Об этом же свидетельствует и тот факт, что главный алтарь для поклонения богам, расположенный в центре Эдессы, продолжал работу и оставался нетронутым еще долгое время².

Тем не менее, христианство, пусть и не было принято всеми в самом начале, распространялось среди горожан стремительно. Этому в первую очередь способствовала иудейская община, проживавшая в Эдессе. Задолго до евангелизации иудеи распространяли христианские вероучения³ в ближайшем кругу, поэтому уже в I в. в городе насчитывалось немалое количество христиан. Географическое положение Эдессы также стало одной из главных причин быстрого роста новой религии: город находился вблизи Антиохии и Палестины, крупнейших христианских центров, с которыми постоянно поддерживал экономические и культурные контакты, что не могло не сказываться на религиозной жизни города.

В Эдесской хронике при описании событий потопа 201 г. упоминается христианская церковь: «Она [река Дайсан] уносила все, что встречала перед собой <...>, повредила также храм церкви христианской»⁴. Данная церковь, вероятно, является той самой церковью, которую построил апостол Аддай в конце II в. В таком случае сооружение являлось сердцем христианства в Эдессе.

Стремительная евангелизация Эдессы, а также воспевание новой веры в трудах местных поэтов и философов, позволили христианству прочно укрепиться в сознании жителей города и стать важной частью культуры. В начале IV в. в Эдессе появились свои мученики, подвиги которых подробно описаны в «Деяниях Гурия, Самона и Авива». В 303 г. римский император Диоклетиан начал гонения на христиан: отдал приказы об уничтожении богословских текстов, закрытии церквей и преследовании нежелающих отречься от веры⁵. Самона, Гурий и Авив, простые жители Эдессы, несмотря на смертельную опасность, продолжали распространять христианскую веру, за что были жестоко казнены в 309 и 310 гг. Позднее, по мере развития христианства в Эдессе, сочинялись апокрифы и легенды и о других мучениках из города, например, «Деяния Шаврила, Бабайя и Барсамьи», однако они не являются достоверными.

Становлению Эдессы как христианского центра способствовала также специфика топографии, в частности, пруды и озера, которые до евангелизации использовались как места поклонения языческой богине

¹ Segal J.B. Op. cit. P. 82.

² Ibid. P. 82.

³ В I-II вв. это скорее были учения, представлявшие собой смесь христианских и иудаистских идей (Акопян А. Введение в арамеистику и сирологию. Сергиев Посад: МДА, 2022. С. 234).

⁴ Пугулевская Н.В. Эдесская хроника // она же. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000. С. 21-31.

⁵ Segal J.B. Op. cit. P. 83.

Атаргатис¹. Водные ресурсы города имели большое значение, так как сюжет легенды о царе Абгаре и апостоле Аддае построен вокруг чудесного исцеления правителя от тяжелой болезни (вероятно, подагры). В некоторых версиях легенды, а также похожих апокрифах о распространении веры в Эдессе, часто упоминаются источники, обладавшие целебной силой. Более того, после христианизации в Эдессе получила особое развитие медицина, которой обучали при церкви, а также для которой было необходимо наличие чистых водных источников в городе.

Во 2-й половине IV в. в поэмах Ефрема Сирина появляется первое упоминание о нахождении мощей апостола Фомы в Эдессе (вероятно, в упомянутой ранее церкви): «Апостол, которого убил я в Индии, опередил меня в Эдессе; <...>; Туда пошел я, и он был там: там и тут нашел я его к своему сожалению. Гроб Фомы убивает меня скрытой силой, что таится в нем, мучает меня» (*Carmina Nisibena*, Hymn 42).

Стоит отметить, что приблизительно в этот период апостол Фома становится святым апостолом Эдессы, с чем связано появление большого количества апокрифов и песен, повествующих о деяниях Фомы во времена обучения у Иисуса, а также о его деятельности в Эдессе, однако такие тексты нельзя считать достоверными, так как Фома проповедовал в Индии и Мидии².

В это же время была основана Эдесская богословская школа, которая сформировала собственную религиозную мысль и стала крупнейшим христианским центром Востока. Таким образом, христианство к концу IV в. окончательно закрепилось в культуре города и стало его главной религией.

В Эдессе, находившейся по соседству с крупными христианскими городами, а также являвшейся домом для крупной диаспоры иудеев, процесс становления христианской среды отличался особой стремительностью и отсутствием принуждения и агрессии. Евангелизация Эдессы стала основной темой большого количества апокрифов, легенд и поэм, благодаря которым город стал ассоциироваться с деятельностью великих апостолов Фомы и Аддая. Быстрое развитие религиозной литературы, уникальная богословская традиция, а также культурное богатство сделали Эдессу важнейшим центром христианского Востока III-VI вв.

CHRISTIAN EDESSA: ON THE DEVELOPMENT OF THE CITY'S NEW RELIGIOUS ENVIRONMENT

P.S. Taranova (Belgorod)

The article analyzes specific traits of the evangelization of Edessa. The article also considers the main factors determining fast and successful spread of the new religion. The main stages of a unique religious environment development – which allowed Edessa to become one of the most significant centres of Christianity of the eastern region – are highlighted.

Keywords: Edessa, Christianity, king Abgar, evangelization, apostle Addai, Ephrem the Syriac.

¹ *Акопян А.* Ук. соч. С. 240.

² *Segal J.B.* Op. cit. P. 72.

**ТРЕХРУЧНЫЙ ЧЕРНЯХОВСКИЙ СОСУД ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
ЦЕНТРА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ «КИММЕРИЯ»
ТГПУ ИМ. Л.Н. ТОЛСТОГО**

С.С. Титов (Тула)

Статья посвящена трехручному черняховскому сосуду из коллекции центра археологических исследований «Киммерия» ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Автор приходит к выводу о том, что сосуд изначально имеет сакральный характер и, вероятно, использовался для ритуалов, связанных с жертвоприношениями.

Ключевые слова: черняховская культура, керамика, трехручный сосуд, германцы, жертвоприношения.

В коллекции центра археологических исследований «Киммерия» ТГПУ им. Л.Н. Толстого находится сероглиняный трехручный сосуд, обычно называемый вазой или чашей (рис. 1, 2, 3). Высота чаши 12,2 см; внешний диаметр сосуда по венчику составляет 21,1 см, внутренний диаметр по венчику 15,2 см; дно плоское, диаметром 9,3 см; венчик Т-образный шириной 2,6 см, горизонтально несколько вытянут кверху. Три ручки соединяющие плечики с венчиком, плоские с небольшим желобком по центру. Ширина ручек 3,1 см, 2,9 см, 3,0 см. Материал – серая глина, изготовлен на гончарном круге.

Сосуд найден в 1981 г. экспедицией, возглавляемой В.В. Кропоткиным, на Думановском могильнике в погребении № 63 (Среднее Поднестровье), относящемся к черняховской культуре. Думанов – село в Каменец-Подольском районе Хмельницкой области, при речке Смотрич, левом притоке Днестра. Село находится в примерно 10 км по прямой от Каменец-Подольска. Материал данных раскопок не опубликован.

Данный тип сосудов, главная особенность которых – три небольшие ручки, является характерным для носителей черняховской культуры. Все трехручные чаши найдены в могильниках, датируемых III – 2-й половиной IV в.¹, и встречаются по всему ареалу распространения черняховской культуры. Дискуссионным остается вопрос о том, под чьим влиянием трехручные сосуды появились у представителей черняховской культуры. А.В. Гудкова видит в появлении исследуемого типа сосудов исключительное пшеворское влияние². Б.В. Магомедов, помимо пшеворского влияния, отмечает в некоторых типах трехручных чаш участие герульских и гето-фракийских компонентов³.

¹ Гаврилов А.В. Сосуды черняховского типа и лепная керамика из могильника Кара-Тау // История и археология Крыма. 2019. №10. С. 164.

² Гудкова А.В. Ранняя кружальная керамика черняховской культуры // Stratum plus. 2000. №4. С. 358.

³ Магомедов Б.В. К вопросу о влиянии культур Центральной Европы на черняховский керамический комплекс // Kultura pszeworska (materially z konferencji). Lublin: 1997. С. 44.

Практически всеми исследователями признается исключительно сакральный характер сосудов. Б.В. Магомедов считает, что трехручные вазы изначально являются сакральным предметом, в том числе потому, что чаще встречаются в погребениях, нежели на поселениях, а также ввиду неудобного для бытового пользования расположения ручек¹ (действительно, центр тяжести в таком случае не позволяет держать заполненную чашу). По мнению Б.А. Рыбакова, три ручки символизируют три триместра года, разделение на которые связано с сельскохозяйственными циклами². С.В. Ярцев считает, что подобные сосуды с нанесенным на них календарем для гаданий играли роль главного сакрального предмета черняховцев. Пиктограммы на подобных сосудах расположены на венчике, что подразумевает их считывание взглядом сверху (например, взглядом божества)³.

По нашему мнению, использование подобных сосудов в утилитарных целях действительно достаточно затруднено. Из-за особого центра тяжести и маленьких ручек, приспособленных лишь для одного пальца, держать заполненный сосуд крайне неудобно. Подобный сосуд с большими ручками был бы удобен на пирах или тризнах для передачи содержимого с одной части стола на другую, однако по обозначенным выше причинам чаша из коллекции центра «Киммерия», заполненная жидкостью или твердой пищей, крайне неудобна для использования. Возможно, данное гончарное изделие могло применяться для подвешивания чего-либо с целью защиты от грызунов. В таком случае третья ручка добавляла бы подвешенной таре устойчивости, однако при продевании веревки через ручки Т-образный венчик мешает ее естественному натяжению и создает дополнительное воздействие, изнашивающее веревку, упирающуюся в острый край венчика, что создает точку концентрации напряжения. Для утилитарного предмета это – фатальный конструктивный недостаток. Т-образный венчик свидетельствует о том, что, если сосуд все-таки применялся для хранения чего-либо, это была скорее жидкость, нежели твердые тела, поскольку такой толстый венчик предотвращал бы выплескивание жидкости при передвижении чаши.

По вышеуказанным причинам, для нас очевидно, что данный сосуд был предназначен исключительно для сакральных целей. Возможно, на широком венчике должно было быть календарное изображение, по аналогии с сосудом из Лепесовки. Вероятно, именно магическим назначением обусловлен тот факт, что чаще всего подобные трехручные сосуды находят именно в погребениях. Возможно, некоторые из таких чаш предназначались для крови и были связаны с так называемыми «пирами жертвенной крови», на которых

¹ Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. С. 30; С. 49.

² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 168.

³ Ярцев С.В. К вопросу о культовых местах и святилищах населения черняховской культуры // *Via in tempore*. История. Политология. 2013. №15. С. 17.

участников окропляли кровью жертвенных животных с применением своеобразного прута и специальной чаши (hlaut-bolli), которые фиксируются в скандинавских сагах¹, или характерного для германцев обряда гадания на крови убитых пленных, собранной в специальные котлы². Жертвенную кровь в скандинавских обрядах наливали в яму или специальные сосуды, которые использовали для гаданий; возможно, смешивали с пивом или медовухой и выпивали³. Чаши также упомянуты в «Саге об Олаве сыне Трюггви»: норвежский конунг Олав, узнав, что против него выстраиваются шведские боевые корабли, произносит: «...лучше бы шведам оставаться дома и лизать свои языческие жертвенные чаши (blôtbolla sîna)»⁴. Мы не считаем необходимым приводить все многочисленные свидетельства о сосудах для жертвенной крови в скандинавских сагах, однако приведем еще один эпизод из «Саги о людях с Килевого Мыса». Описывается языческий храм, где в большую медную чашу собирали кровь жертвенного скота, посвященного Тору, а затем окропляли друг друга ею (Kjalnesinga saga, 2).

Таким образом, вероятнее всего, трехручные чаши, имеющие исключительно сакральное назначение, являлись одним из важнейших предметов культа черняховцев. Предположительно, они использовались для обрядов, связанных с жертвенной кровью, зафиксированных в более поздних письменных источниках (в первую очередь, скандинавских сагах). Также подобные вазы могли использоваться для гаданий, в том числе зафиксированных Страбоном у кимвров (Strabo, VII, II, 3).

**THREE-HANDED VESSEL FROM THE COLLECTION OF THE CENTER
FOR ARCHAEOLOGICAL RESEARCH «KIMMERIA»,
TULA STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY NAMED
AFTER LEV NIKOLAEVICH TOLSTOY**

S.S. Titov (Tula)

The article is devoted to a three-handed Chernyakhov vessel from the collection of the Center for Archaeological Research «Cimmeria». The author concludes that the vessel was originally sacred and was probably used for rituals related to blood.

Key words: Chernyakhov culture, ceramics, three-handed vessel, Germans, sacrifices

¹ Хлевов А.А., Губанов И.Б. Обряд блотвейцла у древних скандинавов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. №4. С. 1306.

² Щукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В. «Готский путь», плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 180.

³ Гримм Я. Германская мифология. Т. 1 / пер. с нем., комм. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. 2-е изд. М.: ИД ЯСК, 2019. С. 209.

⁴ Сага об Олаве сыне Трюггви // Снорри Стурлусон. Круг Земной / изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. С. 161.

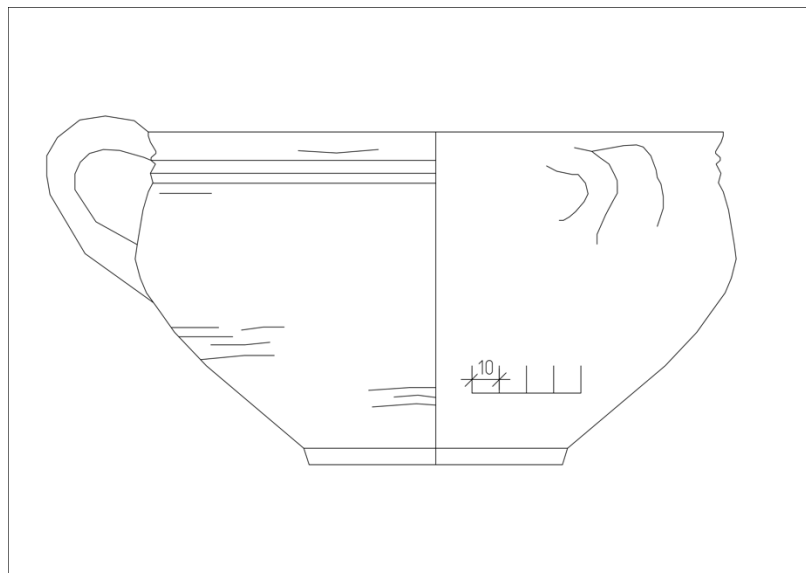

Рис. 1.

Рис. 2.

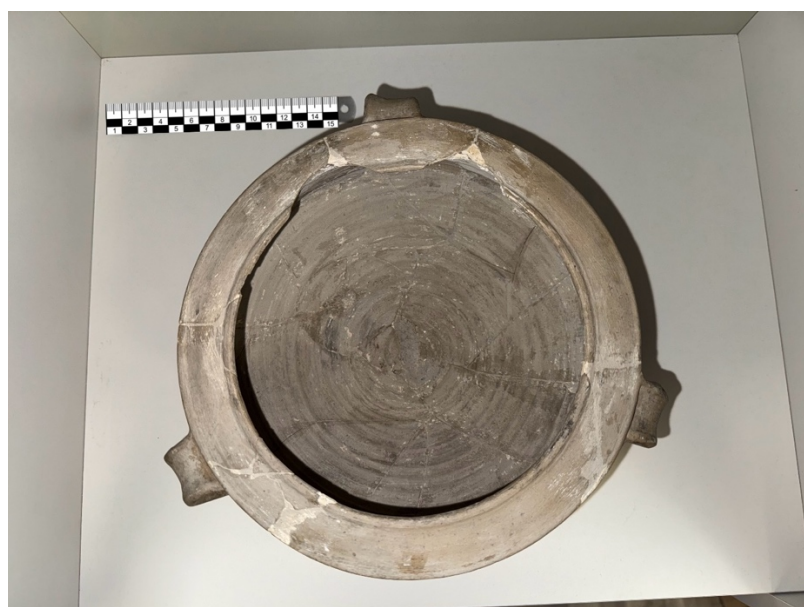

Рис. 3.

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТОВЫЕ ПРАКТИКИ В КАРФАГЕНЕ: ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ И ТОФЕТ

Е.С. Федулова (Белгород)

В статье рассматривается процесс жертвоприношения у карфагенян и священные места, где устраивались подобные мероприятия. Наибольший интерес вызывает площадка для ритуальных захоронений – тофет, хорошо определяемая археологически в карфагенских городах.

Ключевые слова: Карфаген, религия, пантеон, тофет, жертвоприношение.

«Они [карфагеняне] сознательно и намеренно обрекали в жертву богам своих детей, а бездетные покупали детей у бедных и убивали, словно ягнят или птенцов, и присутствующая при этом мать не выказывала ни горя, ни сожаления; если же она причитала и плакала, то подвергалась бесчестию, сына же ее все равно приносили в жертву; грохот тимпанов и звуки флейт перед идолом наполняли все оглушительным шумом, чтобы заглушить ее вопли» (Plut., De Superstit., 13).

Карфаген времен расцвета представлял собой крупное и влиятельное государство восточного типа, но территориально не на Древнем Востоке, а в Западном Средиземноморье, в тесном контакте с греками и римлянами. В силу этого его история имеет ряд важных отличий от прочих древневосточных государств. Пуническая религия тоже имела ряд своих особенностей. Она создала свой пантеон богов, где выделялись верховные боги Танит и Баал-Хаммон. Также у каждого божества был свой храм. Особое значение в культе придавалось жертвоприношениям, чаще всего в жертву приносили часть урожая, животных и людей.

Наиболее известен старинный обычай, который был принесен в Африку с Востока: богам приносили самое дорогое – перворожденного сына, чтобы обеспечить благополучие рода и государства. Филон Библский (FHG, III, fr. IV, V) пишет, что в древности могущественные лица государств или народов в случае опасности жертвовали богам в качестве искупления любимых детей.

В основном человеческие жертвы в Карфагене приносились Баал-Хаммону. Особенно известны жертвы детей, главным образом первенцев/мальчиков, но часто и девочек, притом в основном из аристократических семейств. Сожженные дети часто изображались на стелах с атрибутами и жестами божества, так что можно полагать, что пунийцы их героизировали или даже обожествляли, считая, видимо, что душа жертвы поднимается непосредственно к богу, входя в царство Баал-Хаммона. Правда, жертву не сжигали заживо; ребенка сначала умертвляли, а уже мертвого сжигали на бронзовых руках статуи бога, причем совершалось это ночью при звуках флейт, тамбуринов¹.

¹ Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1986. С. 177-178.

Людей жертвовали различным богам. Плиний (XXXVI, 39) сообщает, что пунийцы ежегодно приносили человеческую жертву Геркулесу – Мелькарту. По Валерию Максиму (IX, 2), жертвы приносились финикийскому «Нептуну». Часто в жертву приносили военнопленных, избирая зачастую среди них самых красивых, полагая, что так будет угодно богам (Diod. XX, 65,1).

Смерть ребенка защищала от гибели его отца. Поэтому вместо того, чтобы жертвовать царем, приносили в жертву его сына. Жертвоприношение преследовало двойную цель: жертвующий очищал себя от грехов и заключал союз с богом. Останки жертв хоронили на особом кладбище – тофете¹.

Принести в жертву собственного сына значило отдать божеству самое ценное, что есть у человека. В этом случае благоволение божества считалось наверняка обеспеченным. Изуверский характер этого обычая очевиден. Однако, не менее очевидно и то, что его источником являются представления глубокой древности, возникшие задолго до появления у финикийян какой-либо развитой цивилизации².

В Карфагене существовали специальные святилища, где происходило такое жертвоприношение. Карфагенский тофет представлял собой закрытый двор внутри которого была небольшая часовенка размером в один кв. м с собственным двориком, к которому вел лабиринт загородок. В таких святилищах приносили в жертву божеству грудных детей. Такие тофеты стали неотъемлемой частью пунических городов, они существовали, пока была жива пуническая цивилизация. Располагались тофеты, как правило, на краю города, рядом с городскими стенами. В Карфагене он находился на морском берегу, рядом с портом, видимо, на месте высадки первых колонистов³.

Тофеты, или святилища, где похоронены люди (дети), принесенные в жертву богам, были найдены в Африке, в Карфагене и Гадрумете; их очень много в тех местах Туниса, которые находились под властью Карфагена (например, в Мактаре, Фигнике и в окрестностях Фисдры) и даже на территории бывшего Нумидийского царства (например, у ворот Цирты (совр. Константина).

Однако, тофеты, найденные в глубине материка, появились в более поздние времена; самые ранние из них (например, Эль-Хофра) не старше III в. до н.э. Более того, в Утике или городах Триполитании тофетов точно не было. С другой стороны, в некоторых местах (Мотии) тофеты начали сооружать уже с 550 г. до н.э.

Итальянские археологи обнаружили подобные святилища на Сардинии, в Сулее, Норе, а недавно – и в Монте-Сирас. Последний появился поздно – в III или II в. до н.э. Стелы, обнаруженные в Норе и Сулее, появились немного раньше, но, несомненно, были созданы по образцу карфагенских стел V в. до н.э. (в форме маленького храма египетского типа)⁴.

¹ Волков А.В. Карфаген. «Белая» империя «чёрной» Африки. М., 2004. С. 268.

² Шифман И.Ш. Карфаген. СПб., 2006. С. 16.

³ Циркин Ю.Б. Ук. соч. С. 170.

⁴ Charles G. The Life and Death of Carthage. L., 1968. P. 32.

О типах жертвоприношений мы можем судить по изображениям и текстам на votivных стелах. Всего их насчитывается три: молкбаал, молкомор и молкадом. Они связаны с жертвоприношением детей. Два первых разрешали принести в жертву любое животное, за исключением птиц. Жертвователем, баал зуббах (буквально «распорядитель церемонии», то есть лицо, в чьих интересах осуществлялось жертвоприношение), не имел права ни на одну из частей жертвы и был обязан, помимо этого, уплатить 5 сиклей и 2 зора, если речь шла о животном небольшого размера, и вплоть до 10 сиклей серебром, если речь шла о быке. Третье жертвоприношение считалось более престижным, хотя божеству в этом случае ничего не доставалось.

Со временем пунийцы утратили желание приносить в жертву своих детей, особенно аристократическая верхушка, поэтому чаще всего от данного процесса уклонялись, вместо этого в жертву приносили богатые дары, или же уже мёртвого не выношенного ребёнка, а также животных.

Жертвы животных были издавна свойственны финикийской религии. Широко практиковались они и в Карфагене. Дошедшие до нас жертвенные тарифы относятся именно к таким жертвоприношениям. Из этих тарифов видно, что в жертву приносили быков или волов, баранов, оленей и других животных и различных птиц, а также хлеб, молоко, оливы.

Жертвенное животное делилось между жертвователем и жрецами, и, как нам кажется, именно первый получал большую часть, поскольку в одном из тарифов указывается, что только шкура зверя отходила жрецу.

Упоминание о третьем типе жертвоприношений встречается только в жертвенном тарифе из Марсалы. При его проведении принимались любые животные, включая и птиц. Жрецы получали компенсацию в денежном выражении, но не имели права ни на одну из частей животного. В случае, если жертвенное животное относилось к разряду рогатого скота, жертвователь также не мог присвоить себе ни одну из его частей. Ему позволялось забирать только мясо птицы¹.

Своеобразным видом жертвы могла быть священная проституция, когда женщины жертвовали богине любви свое тело. Такие женщины выступали как бы в роли жриц в обряде «священного брака». Это было присуще культу Астарты Эрицинской, отмечаемому в Сикке, куда специально для этого прибывали пунические женщины (Vai. Max. II, 6, 15)².

Остеологические исследования останков из тофетов в Карфагене, в Сусе (Тунис), в Фаросе (Сардиния) и Мотии (Сицилия) позволили сделать заключения относительно лиц, погребенных в тофетах. Наряду с останками очень маленьких детей были обнаружены кости животных (ягнят, коз и козлят, телят, собак, кошек и даже обезьяны) и иногда птиц (дроздов и т.д.), сложенных вперемешку с человеческими костями. Самый старший ребенок, захороненный в урнах архаического периода из тофета в Карфагене, имел

¹ Дриди Д. Карфаген и Пунический мир. М., 2009. С. 271-271.

² Циркин Ю.Б. Ук. соч. С. 180.

всего лишь 4-5 месяцев от роду. В урнах следующего периода были выявлены останки ребенка 12 лет, что может восприниматься как исключительное явление. Было также отмечено, что в одной урне могли одновременно находиться кости нескольких детей. Другими исследованиями было выявлено, что большая часть субъектов имела возраст от пяти месяцев внутриутробной жизни до нескольких недель после рождения. И, таким образом, ученые пришли к выводу о том, что тофет был местом погребения мертворожденных детей и детей, умерших вскоре после появления на свет¹.

Одним из самых знаменитых тофетов Карфагена является святилище Саламбо, посвящённое финикийским божествам Танит и Баалу. В тофете Саламбо было найдено несколько статуэток и впечатляющая коллекция керамических изделий, которые составляли неотъемлемую часть погребальных предметов. Начиная с 600 г. до н.э. в сосуды, в которые складывали прах умерших, стали помещать небольшие вещи. Это – миниатюрные часовни, троны и алтари, посвященные богам. Во всех могилах была одна и та же мебель, и только тип керамики и богатство ювелирных украшений помогали определить материальное положение умерших.

Одежда покойника, несомненно, могла бы указать на его занятие и социальный статус, но она истлела в сырой почве. У каждого человека имелось клеймо, на котором был вырезан особый знак. Эти знаки, несомненно, дали бы бесценную информацию, если бы их удалось расшифровать.

По одним этим останкам судить о религиозной жизни или учреждениях Карфагена очень сложно. Кроме того, практически не сохранилось следов культовых сооружений².

Для греков карфагенская религия была чрезвычайно мрачна. Их отвращение пережило тысячелетия и закрепилось в традиции. Религия римлян, заклятых врагов карфагенян, была в этом отношении ближе к пуническим верованиям. Римляне тоже не гнушались приносить людей в жертву. Относительно же жертвоприношений детей, известные факты основываются на археологических открытиях; скорее всего, подобная практика была воспринята карфагенянами со своей восточной родины.

RELIGION AND CULT PRACTICES IN CARTHAGE: SACRIFICE AND TOPET

E.S. Fedulova (Belgorod)

The article considers the process of sacrifice among the Carthaginians and the sacred places where such events were held. Of greatest interest is the ritual burial site, the tophet, which is well defined archaeologically in Carthaginian cities.

Keywords: Carthage, religion, pantheon, tofet, sacrifice.

¹ Там же. С. 282.

² *Chsrles G. Op. cit. P. 33.*

ГОРОД И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАРФАГЕНА

Е.С. Федулова (Белгород)

В статье исследуется город и повседневная жизнь Карфагена, его топографическая проблема, представление о быте жителей города и их занятий.

Ключевые слова: Карфаген, торговля, мастерские, гавани, сельское хозяйство, быт.

Карфаген – город, который является одним из наиболее значимых городов древнего Средиземноморья. Контроль над важными торговыми путями способствовал тому, что Карфаген превратился в крупный экономический, политический и культурный центр. Больше внимание при изучении города уделяется его взаимоотношениям с Римом, центральное место среди прочего занимают, конечно же, три Пунические войны. Однако, наряду с военной и политической историей, стоит обратить внимание и на изучение его топографии, повседневной жизни города, хозяйственной и культурной традиций его жителей. Повседневная жизнь Карфагена представляла собой сложный комплекс взаимодействий. Карфаген – центр не только торговли, но и многочисленных ремёсел, сельскохозяйственного производства, религиозных практик.

Проблема топографии Карфагена почти столь же сложна, как изучение его истории. Город был полностью разрушен римлянами, а позже на его месте был основан уже новый, практически не имевший ничего общего со старым. Археологам с трудом удастся добраться до пунических слоев, и то в очень немногих местах. Поэтому гораздо больше, чем археологические данные, дают сведения письменных источников. Однако сам пунический город мало интересовал античных авторов, и приходится пользоваться довольно отрывочными сообщениями, обычно вкрапленными в повествование о тех или иных конкретных событиях¹.

Первоначально карфагеняне владели узкой полоской земли на побережье Африки. Внутренние районы страны населяли ливийские племена, занимавшиеся земледелием. В горных районах и на окраине Сахары кочевали нумидийские племена, занимавшиеся животноводством. После 450 г. до н.э. карфагеняне подчинили себе значительную часть территории нынешних Туниса и Алжира. В окрестностях Карфагена процветало земледелие – на нем основывалось благосостояние державы; активно применялся рабский труд.

Полибий в свой «Всеобщей истории» сообщает, что «сам Карфаген расположен в заливе и выдается вперед в виде полуострова, так что с одной стороны он омывается морем, а с другой озером. Тот перешеек, которым город соединяется с Ливией, имеет около 25 стадий ширины. Недалеко от Карфагена со стороны, обращенной к морю, лежит город Утика; на другой стороне, у озера, находится Тунет» (Polyb., I, 73).

¹ Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1986. С. 112.

Страбон писал: «Вся область от Карфагена до Столпов отличается плодородием; в ней много диких зверей, как и во всей внутренней части материка (I. 4.33).

Аппиан сообщает следующие сведения, касаемые расположения города: «Карфаген был расположен в самой внутренней части очень большого залива и был очень похож в некотором роде на полуостров. От материка его отделял перешеек, шириной в 25 стадиев; от перешейка, между болотом и морем, тянулась к западу длинной и узкой лентой коса, шириной, самое большее, полстадия. Часть города, обращенная к морю, была окружена простой стеной, так как была построена на отвесных скалах, та же часть, которая была обращена к югу в сторону материка, где на перешейке находилась и Бирса, была окружена тройной стеной» (App. VIII, 95).

Аппиан сообщает о тройном ряде стен, однако некоторые источники сообщают лишь об одной стене. Самые ранние сведения, позволяющие говорить об укреплениях Карфагена, относятся к середине VI в. до н.э., когда Малх, чтобы захватить город, должен был сначала его осадить (Iust. XVIII, 7, 6). Эти ранние стены, видимо, напоминали тирские. Дальнейшая история карфагенских укреплений неизвестна. В середине III в. до н.э. они охватывали весь город, защищая его со всех сторон с суши и с моря¹.

По мере роста населения рос и сам город, пространство между Бирсой и портом постепенно застраивается. Бирса превращается в цитадель внутри города.

Первоначально Карфаген, по-видимому, напоминал старые восточные города с их запутанной планировкой и тесными узкими улочками. Вокруг города располагались погребения. Они находились на склонах².

Карфаген был крупным и тщательно организованным городом. Особое место занимала гавань. Она являлась сердцем экономики города, однако также считалась и символом его морской мощи.

Общая площадь города составляла примерно 20 кв. км. По данным археологических раскопок, первый искусственный порт был построен в Карфагене в 1-й половине IV в. до н.э. Он напоминал, скорее, длинный канал, прорытый к морю. Вскоре его засыпали, а вместо него построили два порта, торговый и военный. К началу III в. до н.э. морское сообщение Карфагена связывало его уже со всем Средиземноморьем.

Внутренняя гавань Котон была приспособлена для военных нужд. На набережных размещались верфи, где строились корабли, и склады, где содержалось все нужное для их оснащения.

Рядом с гаванью находилась главная площадь города – большая площадь неправильной формы, названная, как и сама гавань, – Котон. Три улицы вели отсюда к Бирсе.

Неподалеку от этой площади находилось здание, где заседал карфагенский сенат (иногда его заседания проходили в храме Эшмуна).

¹ Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1986. С. 114.

² Там же. С. 115.

Поблизости, под открытым небом, проводился суд. К югу от Котона располагался тофет – участок священных погребений. Здесь карфагеняне приносили в жертву детей¹.

Внутри города находились дворцы знати, храмы, жилые кварталы.

Повседневная жизнь карфагенян была тесно связана с торговлей и морем. На рынках продавались ткани, масла, драгоценные металлы. Домашний быт знати отличался роскошью, о чём свидетельствуют археологические находки. У простого населения жизнь была скромнее и зависела от работы на земле или в мастерских.

Вглубь полуострова вдавались жилые кварталы. Дома перемежались с садами и даже полями. Площадь, обнесенная городскими стенами, была достаточно велика, тем не менее, карфагеняне возводили дома в несколько этажей. В глухих, беленых стенах домов, выходивших на улицу, почти не было окон.

Расположенный у моря нижний город был шумным и восточным. Этот район – Малка – был застроен домами в шесть-семь этажей. Стены зданий были покрыты обычно белой штукатуркой. Дома эти походили, скорее, на казармы. Они теснились на пыльных улочках – таких узких, что с крыши одного дома на крышу другого можно было перейти по переброшенной доске. В этих строениях ютились красильщики, матросы, торговцы рыбой и портовые рабочие – городская чернь².

В древнем Карфагене было немало храмов. Одни из них почти не отличались от традиционных финикийских святилищ и представляли собой открытый двор, обнесенный стеной, где росло священное дерево и громоздились священные камни или колонны. В глубине двора находилось здание, состоявшее из вестибюля, целлы и недоступного для верующих помещения – святая святых. Однако некоторые храмы выглядели по-настоящему величественно. Правда, все они разрушены римлянами так основательно, что невозможно даже восстановить их план.

На вершине Бирсы, на высокой террасе, располагался храм Эшмуна, окруженный священными кипарисами, – самый знаменитый и богатый храм Карфагена.

Большую часть Карфагена занимало огромное предместье – Мегара. Его опоясывала стена; она отгораживала этот аристократический квартал от остального города. В Мегаре находились дворцы карфагенских богачей; они были похожи на загородные дома богатых финикийцев. Их окружали тенистые сады, в которых росли кипарисы, платаны, гранатовые деревья. Дорожки были выложены редкостными камнями. В прудах плескались диковинные рыбы. Над местностью веял аромат цветов³.

Аппиан сообщает такие сведения, касающиеся предместья: «Так как это предместье, Мегары, было занято огородами, богато плодовыми деревьями

¹ Волков А.В. Карфаген. «Белая» империя «чёрной» Африки. М., 2004. С. 231.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 238.

ранних сортов и полно терновником и загородками из ежевики и разного вида аканта, а также различными глубокими каналами с водой, шедшими во всех направлениях» (App. VIII, 117).

Главным источником богатства оставалась земля. Карфагенское земледелие с IV в. до н.э. испытало необычайный подъем и продолжало развиваться вплоть до падения города.

Конечно, многие карфагеняне пускались в торговые авантюры, чтобы разбогатеть. Могущество Карфагенской державы облегчало жизнь купцам, давало им господство в Западном Средиземноморье, но видеть в торговле основной мотив карфагенской политики неверно. Богатство Карфагена составляли его серебряные рудники и каменоломни, налоги и подати, собираемые с подданных. Карфаген был городом-государством, с самоуправлением, что отличает его от типичных древневосточных государств¹.

Карфагеняне в медицинских целях пользовались множеством местных растений. Из животных карфагеняне разводили в основном овец, а далее – коз, крупный рогатый скот и свиней. Кроме того, у них были куры и голуби. Для походов, путешествий, переноски тяжестей они использовали лошадей, ослов, мулов. Наконец, нельзя забывать о рыболовстве и рыбообрабатывающей «индустрии». Значительную роль играло также производство пурпурных тканей. Широко известно было качество карфагенских кожаных изделий².

В Карфагене имелось много мастерских. В них наряду с рабами трудились и свободные люди. Крупные гончарные мастерские снабжали свою продукцию фабричными клеймами. Особенно же славились карфагеняне металлообработкой, и, в первую очередь, своими работами с золотом и серебром.

В огромном количестве карфагеняне производили товары на продажу. Они экспортировали крашенные ткани, ковры, модные украшения, амулеты, расписные страусовые яйца, стекло, оружие, керамику, посуду, парфюмерию, но все эти товары пользовались у других народов репутацией массового и дешевого товара. Их охотно покупали, но знали, что качество их может оказаться весьма низким. В то время более качественным был греческий товар³.

Исследования археологов позволяют представить быт горожан. Раскопки позволили получить и некоторое представление о карфагенской мебели и о повседневных предметах, окружавших пунийцев в их обыденной жизни. Правда, мебель представлена главным образом маленькими копиями из металла и глины, сохранившимися в могилах; оттуда же происходит и большая часть повседневной керамики. Судя по этому, карфагеняне использовали невысокие столы, стулья, табуреты, плоские лежа. Почетное место в доме занимал большой деревянный сундук. В нем, видимо, хранились

¹ Там же. С. 216.

² Хусс В. История карфагенян. СПб., 2015. С. 342.

³ Волков А.В. Карфаген. «Белая» империя «чёрной» Африки. М., 2004. С. 218.

основные богатства дома. Те, кто был побогаче, покрывали его ковром, а бедняки циновкой. В темное время суток комнаты освещались керамическими лампами¹.

Богатые дома украшались статуями по греческому образцу; здесь можно было увидеть работы самых известных греческих скульпторов. Хозяева этих дворцов носили греческую одежду и греческие украшения, пользовались греческими светильниками и керамикой. У бедняков не было денег на подобные покупки, и они предпочитали продукцию карфагенских мастеров².

Носили карфагеняне широкую длинную тунику, ниспадающую вплоть до ступней, обычно не подпоясанную. Обычно, хотя и не всегда, карфагеняне ничего поверх туники не надевали. На ногах у них были башмаки или сандалии. Женщины носили такие же туники, только более короткие, обычно оставляющие открытыми ноги ниже колен. В отличие от мужчин они надевали пояс, иногда даже два: один под грудью, подчеркивающий ее, другой на талии. И мужская, и женская одежда была плиссированной, расшитой и довольно яркой – ее украшали полосы контрастных цветов, в том числе и пурпурного; одежда была перегружена вышивкой. Сверху женщины чаще, чем мужчины, носили плащ. Впрочем, карфагенянки довольно рано восприняли греческую моду, так что их одежда уже с V в. до н.э. мало отличалась от эллинской. В отличие от эллинов, пунийцы обычно надевали какой-нибудь головной убор. Это могли быть конические шапочки или высокие цилиндрические шляпы без полей³.

Что касается количества людей, проживавших на территории Карфагена, то об этом есть некоторые сведения у Страбона. Он сообщает, что, когда карфагеняне начали войну, они владели в Ливии тремястами городов, а население их города составляло 700000 чел. (XVII. 2.15).

Раскопки последних лет показывают, что в VI в. до н.э. Карфаген стремительно разросся. Если в VIII в. до н.э. город занимал площадь около 25 га, то двести лет спустя – 100 га. Примерно в такой же пропорции растет и число захоронений. Увеличивается количество жертвенных даров, приносимых в храм богини Таннит. Рост численности населения приводит к изменению топографии Карфагена.

Большая часть населения города состояла из рабов – африканцев и чужеземцев, в том числе греков, италиков и этрусков. Оценить же численность населения Карфагена, например, в IV в. до н.э., не представляется возможным. Единственное, из чего можно исходить в расчетах, это из площади городской застройки. В эпоху расцвета эта площадь составляла примерно 300-400 га. Французский историк Ж. Лассер, опираясь на данные археологических исследований, подсчитал, что в Карфагене в то время могло проживать 200-400 тыс. чел.⁴

¹ Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1986. С. 127.

² Волков А.В. Ук. соч. С. 240.

³ Циркин Ю.Б. Ук. соч. С. 126.

⁴ Волков А.В. Ук. соч. С. 249.

Карфаген был не только морской державой, но и сложным городским организмом. О развитии Карфагена также свидетельствует его укрепленные стены, продуманная система гаваней и развитая городская инфраструктура. Повседневная жизнь горожан отражала социальную стратификацию общества: с одной стороны – это богатая аристократия, с другой – ремесленники и торговцы. Хозяйственная жизнь Карфагена демонстрирует баланс между торговлей, ремеслом и сельским хозяйством.

THE CITY AND EVERYDAY LIFE OF CARTHAGE

E.S. Fedulova (Belgorod)

The article examines the city and everyday life of Carthage, its topographical problems, and the lifestyle and occupations of its inhabitants.

Keywords: Carthage, trade, workshops, harbors, agriculture, and everyday life.

ГИРЛЯНДЫ В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНИХ РИМЛЯН

О.В. Федченко (Москва)

Символическая ценность использования растений в античной культуре была очень высока. Декоративные украшения из растений, сплетённых определённым образом, играли большую роль в *sacra privata* древних римлян. В частности, гирлянда, используемая во время домашних праздников, способствовала ритуальной организации пространства, устанавливала определённые правила поведения членов римской семьи.

Ключевые слова: гирлянда, древние римляне, римские праздники, *sacra privata*.

В первой четверти текущего века флористические исследования римской античной литературы и иконографии стали важным направлением в изучении истории Древнего Рима, и хотя работы в этой области пока не многочисленны, выводы, сделанные авторами, предполагают существование некоторых особых форм использования объектов растительного мира древними жителями Апеннинского полуострова.

Одной из таких форм было плетение венков или «гирлянд». В архаической латыни нет слова «гирлянда», скорее всего римляне просто рассматривали гирлянду как «разновидность венка» и использовали слова «*corona*» и «*serta*» для обозначения различных видов венков, в том числе и гирлянды. Это же слово, – *serta*, *ae*, используется и при обозначении растения, – жёлтого донника. Донник неаполитанский (лат. *Melilotus neapolitanus*) – это вид травянистых растений рода Донник (*Melilotus*), семейства бобовых (*Fabaceae*)¹, который имеет определённые морфологические свойства, характерное соцветие в виде густой кисти, с 5-15 цветками и в котором угадывается некоторое сходство с формой гирлянды. Вероятно, это сходство и привело к полисемичности слова.

¹ См. более подробные сведения: Донник неаполитанский (*Melilotus neapolitanus*) – iNaturalist

Неизвестно, были ли слова *corona* и *serta* взаимозаменяемы, но, например, Ювенал, использует *serta*, когда пишет об украшении храма: «...ite igitur, pueri, linguis animisque fauentes / sartaque delubris et farra inponite cultris/ ac mollis ornate focos glebamque uirentem» (*Juv.* XII. 83–85), а слово *corona*, когда сообщает об украшении статуй домашних божеств: «...inde domum repetam, graciles ubi parua coronas/accipiunt fragili simulacra nitentia cera» (*ibid.* 87–88).

Илл. 1. *Melilotus neapolitanus*

Существует значительное количество упоминаний античных авторов относительно использования римлянами гирлянд. Сенека сообщает о *stemma* – выстраивании генеалогических связей, которые соединяли между собой изображения предков: «...Те, кто выставляют в атриумах изображения предков и помещают в передней части дома длинный ряд имён своей семьи, связанные между собою многочисленными изгибами родословного древа...» (*Sen. Ben.* III. 28. 2)¹. У Плиния просматривается иное значение слова *stemma*, – как гирлянды, соединяющей изображения таким образом, что формировалось некое подобие родословного древа: «линиями разбегались к нарисованным изображениям» (*lineis discurrebant ad imagines pictas: Plin. NH.* XXXV. 6).

О применении декоративных зделий из растений в дни поминовения умерших пишет Овидий: во время Паренталий – очень важного праздника, разжигали огонь, а в качестве жертвоприношения использовали фиалки, венки и угощения (*Ovid. Fast.* II. 533–539). Об этом сообщает и Вергилий, который рассказывает о жертвах Энея на могиле Анхиза, среди которых были «цветы пурпурные» (*Verg. Aen.* V. 77–79). В этом случае гирлянда (венки), становилась не столько украшением, сколько приношением умершему. Ф. Долански в статье «Чествование мёртвых в течение Паренталий: церемония, зрелище и память»², реконструируя ритуальную практику во время

¹ *Sen. Ben.* III. 28. 2: Qui imagines in atrio exponunt et nomina familiae suae longo ordine ac multis stemmatum inligata flexuris in parte prima aedium conlocant...

² *Dolansky F.* Honouring the family dead on the Parentalia: ceremony, spectacle and memory // *Phoenix.* Vol. 65. 1/2. 2011. P. 125–157.

названного ритуала, приходит к выводу о том, что приношения как таковые, выглядели незамысловато, но их символическое значение могло быть довольно сложным: например, вино и гирлянда (венки) из фиалок, могли быть заменителями крови жертвенного животного. Р. Туркан, дополняя по поводу изначального использования гирлянд, сообщает, что, несмотря на то, что эта практика восходит к похоронным дионисийским обычаям, она имела отношение не только к общению с существами загробного мира, но и использовалась во многих культах¹. Что касается примеров изображения гирлянд во время похорон, апулийская погребальная живопись III и II вв. до н.э. демонстрирует достаточное их количество².

В рамках *sacra privata*, как упоминалось ранее, при описании родословного древа, сплетённые гирлянды предположительно прикреплялись к стене и помещались поверх изображенных гирлянд на фресках, поскольку зафиксировано большое количество гвоздей и отверстий для гвоздей в домах в Помпеях. Ещё, помимо орнамента в виде гирлянд на стенах домов, часто встречается сюжет, где участники жертвоприношения, чествуя домашних божеств, несут гирлянды вместе с жертвами для ларов и пенатов³.

В Доме дикого кабана, на северных и западных стенах кухни, рядом с плитой, изображены лары и алтарь со змеями, справа от лара и непосредственно над очагом – продукты из свинины. Настенная живопись сохранилась только до края рамы над гирляндами, но в сохранившейся штукатурке есть полукруглые отверстия, в которые вставляли гвозди для подвешивания гирлянд⁴ (известно об использовании гирлянд на кухне и в других помещениях). Вообще в помпейских домах можно увидеть многочисленные изображения Фортуны, Весты, Геркулеса, Юноны, Минервы, Юпитера, Приапа и т.д.⁵ В атриуме одного из домов I. 16. 3 был обнаружен ларарий с изображениями Гения и Минервы, над Минервой сохранились два отверстия от гвоздей, на которые крепилась гирлянда⁶. В Доме Менандра над нишей с бюстами находились два гвоздя (теперь удалены), на них тоже могла крепиться гирлянда (но могла и просто занавеска).

Применение вышеуказанных сакральных элементов нашло своё отражение в быту и искусстве: Катон пишет об обязанностях вилики: «...очаг она ежедневно, перед тем как лечь спать, чисто обметёт. В календы, иды и ноны, и когда будет праздник, она возлагает на очаг венки и в эти самые дни приносит домашнему Лару жертву...» (*Cato*. 143). В комедии Плавта

¹ *Turcan R.* Les guirlandes dans l'apoc; antiquité classique (avec 3 figures et 7 planches) // *JbAC*. 1971.14. Münster, 1972. P. 95.

² *Ibid.* P. 100.

³ *Dylan R.* The Hanging Garlands of Pompeii: Mimetic Acts of Ancient Lived Religion // *Arts & Health*. 2020. 9 (2). P. 8.

⁴ *Giacobello F.* Larari Pompeiani: iconografia culto dei Lari in ambito domestic. Milano, 2008. P. 230. № 111.

⁵ *Fröhlich Th.* Lararien und Fassadenbilder in den Vesuvstädten: Untersuchungen zur volkstümlichen Pompejanischen Malerei. Mainz, 1991. S. 129–169.

⁶ *Dylan R.* Op. cit. P. 15.

«Горшок» лар открывает хозяину дома – Эвклиону – секрет о богатстве, спрятанном под очагом, потому что его дочь – Федра – «каждодневно в дар вино приносит, ладан или что-нибудь подобное, венки кладет...» (*Plaut. Aul.* 25–27). В другой своей комедии «Три монеты», Плавт пишет, что Калликс хочет украсить, видимо, святилище лара, гирляндой (*Plaut. Trinum.* 39).

Соответственно, такой широкий спектр использования декоративных украшений из растений, дошедший до наших дней, его происхождение и интерпретация не может не представлять интерес для дальнейшего изучения.

GARLANDS IN THE RITUAL PRACTICE OF THE ANCIENT ROMANS

O.V. Fedchenko (Moscow)

In ancient culture, the plants symbolic value was very high. Decorative ornaments made from plants woven in a certain way played a major role in the *sacra privata* of the ancient Romans. In particular, the garland used during home festivals contributed to the ritual organization of space and established certain rules of conduct for the Roman family members.

Key words: garland, ancient Romans, Roman festivals, calendar, *sacra privata*, legumes.

ИСТОКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ О ПОДВИГЕ ПУБЛИЯ ДЕЦИЯ МУСА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ САМНИТСКОЙ ВОЙНЫ

А.И. Черкасов (Ставрополь)

В статье исследуется подвиг военного трибуна Публия Деция Муса в 343 г. до н.э. на предмет выявления истоков его исторической традиции. На основе критического анализа сохранившихся сведений в нарративной традиции рассматривается вопрос о достоверности эпизода, а также проводится контент-анализ упоминания «анналов» в произведениях Цицерона. Сделан вывод о том, что краткий рассказ Цицерона о подвиге Деция Муса является самым древним среди всех имеющихся сведений о Первой Самнитской войне, поскольку он восходит к понтификальной летописи, которая упоминается в его трудах как «анналы» без авторства.

Ключевые слова: Публий Деций Мус, военный трибун, Великие анналы, Самнитские войны, раннереспубликанский Рим.

Рассказы о героических подвигах командующих и воинов составляли важную часть римской исторической традиции, которая тщательно фиксировала все выдающиеся деяния квиритов, особенно раннего времени. Однако патриотичные римские авторы, восхвалявшие доблесть своих предков и традиционную квиритскую *virtutis*, не задавались вопросом о достоверности описываемых событий, из-за чего изначальная память о различных подвигах по мере развития историографии обретала множество новых деталей, которые сильно преувеличивали деяния героев прошлого. Шаткость исторической традиции сформировала в исследовательской литературе крайне скептическое отношение к подобным эпизодам, зачастую историки заносят их в разряд «исторических анекдотов», т.е. вымыслов, которые заключали в себе сильный морализаторский или героический посыл, но не имели никакой исторической ценности.

В число подобных эпизодов также записывается подвиг военного трибуна Публия Деция Муса в 343 г. до н.э., несмотря на то, что в историографии он затрагивался только эпизодически в рамках общих трудов по истории Рима без системного изучения первоисточников¹. Отсутствие же специальных работ по данной проблеме создаёт необходимость проведения отдельного исследования истоков традиции о подвиге Деция Муса, поскольку только тщательный анализ подобных эпизодов на предмет первоисточников способен изменить восприятие и отношение к другим так называемым «историческим анекдотам».

Подвиг Деция Муса произошёл в контексте Первой Самнитской войны, поэтому предварительно стоит кратко очертить ситуацию в начале конфликта. Первая Самнитская война началась в 343 г. до н.э. в результате выступления Рима на стороне Капуи против самнитов в их войне с сидицинами и кампанцами. Для защиты нового союзника сенат снарядил две консульские армии: одна во главе с Марком Валерием Корвом была отправлена в северную Кампанию к горе Гавр, другая под предводительством Авла Корнелия Косса Арвина и при участии военного трибуна Деция Муса направилась к пограничному самнитскому поселению Сатикула (Liv. VII, 32.2). Однако войско второго консула Корнелия Арвина по прибытии к месту назначения попало в засаду самнитов в горном ущелье и было спасено только благодаря подвигу Деция Муса.

Наиболее подробное описание истории спасения изложено в повествовании Ливия. Согласно его версии, Деций Мус с принципами и гастатами из одного легиона отвлек внимание самнитов, заняв горную возвышенность, благодаря этому консул с войском сумел отступить из ущелья, но сам военный трибун оказался в окружении. Находясь в безвыходном положении, Деций Мус предложил дерзкий план, в соответствии с которым отряд должен был скрытно ночью пробраться через лагерь спящих самнитов и объединиться с силами консула. Однако, миновав половину вражеского лагеря, римляне по неосторожности пробудили спящих воинов и вынуждены были оставшуюся часть пути пробиваться с боем. Лишь благодаря замешательству самнитов Деций Мус с отрядом сумел добраться до консульского войска. В награду за спасение римлян военному трибуну был предоставлен лагерный триумф, золотой и травяной венок и сотня быков, а воинам из его отряда – по одному быку, две туники и вечное двойное довольствие (VII, 34-37). Ливий также дополняет, что после спасения отряда Деция Муса консульское войско вернулось в ущелье и разбило самнитов, многие из них бежали, а оставшиеся 30 тысяч были перебиты (VII, 36.13).

Отдельные детали истории упоминаются и другими античными авторами: Цицерон кратко сообщает о подвиге и словах Деция Муса, которому

¹ См. например: *De Sanctis G.* Storia dei Romani. Vol. 2. Torino; Milano; Roma, 1907. 575 p.; *Нетушил И.В.* Обзор римской истории. Харьков, 1912. 410 с.; *Briquel D., Brizzi G.* La marche vers le sud // Histoire romaine. T. 1: Des origines à Auguste. Paris, 2000. P. 245-292; *Forsythe G.* A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War. Berkeley; Los Angeles; London, 2005. 400 p.

во сне была обещана великая слава в случае смерти в окружении врагов (De divin. I, XXIV.51), Плиний Старший пишет о награждении военного трибуна травяным венком за спасение римских воинов (NH, XVI.5), а Фронтин и анонимный автор работы «О знаменитых людях» кратко пересказывают версию Ливия (Front. Strat. I, 5.14; IV, 5.9; De vir.ill. XXVI, 1-2).

Несмотря на общее согласие источников, подробное повествование Ливия содержит множество противоречий. Во-первых, он переносит устройство классического легиона на раннее время, упоминая гастатов и принципов в составе отряда Деция Муса. К тому же численность подобного отряда должна была составлять 2400 чел., что уже ставит под сомнение его возможность незаметно пройти через лагерь врага. Во-вторых, из текста Ливия вытекает абсолютно фантастическая цифра в 2500 быков для награждённых воинов и Деция Муса. Даже если его отряд и состоял из нескольких сотен человек, то всё равно представляется сомнительной возможность раздобыть настолько большое количество скота без разграбления прилегающих территорий. В-третьих, Ливий приводит крайне завышенную цифру самнитского войска, которое, по его мнению, состояло более, чем из 30 тысяч воинов. Для сравнения – в середине IV в. до н.э. одна консульская армия, состоящая из одного легиона и сопоставимого по численности контингента союзников, равнялась приблизительно 10 тысячам человек. В-четвёртых, сложно принять достоверность победоносного возвращения консула и Деция Муса в ущелье, поскольку римские войска всё также находились в заранее невыгодном положении. Ливий, исходя из патриотической пристрастности, нередко приписывал римлянам победу сразу после их поражения, чему яркий пример битва при Лавтулах в 315 г. до н.э. (Liv. IX, 23.3-17; ср.: Diod. XIX, 72.6-8), либо сражение под Луцерией в 294 г. до н.э. (Liv. X, 36; ср.: FRHist 24 Quadrigarius, F.35). Вероятно, всё описание Ливия о засаде при Сатикуле основывалось на работе позднего анналиста, возможно, Валерия Анциата, учитывая присутствие в тексте крайне завышенных цифр и множества малодостоверных деталей, которые были характерны для его произведения¹.

Значительная часть исследователей также поставила под сомнение не только повествование Ливия, но и в целом достоверность описываемых событий. Некоторые гиперкритики подмечали сходство засады при Сатикуле с Кавдинской битвой 321 г. до н.э., на основе чего отрицали весь эпизод².

¹ *Соболевский С.И.* Историческая литература I в. до н.э. // История римской литературы. Т. 1. М., 1959. С. 248; *Бокщанин А.Г.* Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 50; *Огилви Р.-М., Драммонд Э.* Источники по ранней истории Рима // Кембриджская история Древнего мира. Т. 7, Ч. 2. М., 2015. С. 20; *Сидорович О.В.* Анналисты и антиквары: римская историография конца III-I вв. до н.э. М., 2005. С. 143-146; *Rich J.* Valerius Antias and the construction of the Roman past // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2005. Vol. 48. P. 148-155.

² *Нетушил И.В.* Начало мировой политики Римской республики и конец Лация // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 9. С. 403; *Briquel D., Brizzi G.* Op. cit. P. 256-257; *De Sanctis G.* Op. cit. P. 272; *Forsythe G.* Op. cit. P. 288.

Однако наибольшую критику со стороны историков вызвал подвиг Деция Муса, который был наречён «героической песнью»¹, «пересказом драматического сюжета театрального представления»², «поздней анналистической беллетристикой»³. Суть недоверия к подвигу военного трибуна сводится к его сходству с отдельными эпизодами: одни считают, что рассказ является предвосхищением самопожертвования Деция Муса во время Второй Латинской войны⁴, другие находят аналогии в подвигах Цедия⁵ и Кальпурния Фламмы⁶ во время Первой Пунической войны. Также отмечается и поэтичность рассказа, на основе чего делается вывод, что история Деция Муса придумана поэтом Эннием⁷.

При таком количестве противоречий в повествовании Ливия и обширной критике исследователей подвиг Деция Муса можно было бы назвать мифом, если бы не одно примечание Цицерона, на которое ранее не обращали внимания. В частности, римский автор отмечает, что подвиг и слова Деция Муса *exstat in annalibus* («записаны в анналах») (*De div. I, XXIV.51*). На первый взгляд, приведённое уточнение ни о чём нам не говорит, поскольку практически все анналисты называли свои произведения подобным образом. Однако в данном случае важно понять, что конкретно Цицерон подразумевал под «анналами».

Во всех случаях, когда римский автор апеллирует к анналам без уточнения авторства, он всегда пишет о них как о чём-то особо древнем и авторитетном (*De fin. II, XXI.67*; *De divin. I, XVII.33*; *XL.89*; *XLIV.100*; *De sen., XIX.69*; *De off. II, VII.25*; *Verr., II.4*; *LII.115*; *Pro Rab. Perd., V.15*; *Pro Mur., VI.16*; *XIV.31*; *Pro Sull., IX.27*; *De Dom., XXXII.86*; *Pro Sest., XLVIII.102*; *De Prov. cons., IX.20*; *Phil. II, XXII.54*; *XLI.105*; *Fam. V, 12.5*). Анналы без авторства у Цицерона могут также упоминаться, когда речь идёт о ещё не написанном произведении его друга Аттика (*Att. II, 16.4*; *XII, 23.2*)⁸, однако это всегда прямо исходит из контекста. Но самое главное – если Цицерон ссылается на анналы как произведение одного из поэтов или историков, он всегда уточняет чья это работа: Энния (*De nat. II, XXXVII.93*; *Brut., XV.57-58*), Фабия Пиктора (*De divin. I, XXI.43*), Кальпурния Пизона (*Brut., XXVII.106*; *Fam. IX, 22.2*), Туберона (*Q. Fr. I, 1*; *III, 10*), Фанния

¹ Нич К.В. История Римской республики. М., 1908. С. 102.

² Немушил И.В. Начало... С. 403.

³ Forsythe G. Op. cit. P. 288.

⁴ Ibid.

⁵ Немушил И.В. Начало... С. 403.

⁶ De Sanctis G. Op. cit. P. 272.

⁷ Aly W. Livius und Ennius. Von römischer Art. Leipzig; Berlin, 1936. S. 18; Salmon E.T. Samnium and the Samnites. Cambridge, 1967. P. 196. n. 3.

⁸ Подробнее об «Анналах» Аттика см.: Drummond A. T. Pomponius Atticus: introduction // The Fragments of the Roman Historians. Vol. 1: Introduction. Oxford, 2013. P. 347-353; Снежко И.В. Идеи и образы Liber annalis Тита Помпония Аттика // Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья: материалы XVIII Международной археологической конференции студентов и аспирантов. Ростов-на-Дону, 2024. С. 75-76.

(De or. II, LXVII.270; Brut. XXI.81), Либона (Att. XIII, 30.3), либо же просто указывает их имена без названия труда. К тому же конкретно в «Дивинациях», в которых сообщается о подвиге, Цицерон почти под всеми историческими примерами приводит ссылки на имена авторов (I, XX.39-XXVII.57), в том числе анналистов (I, XXI.43; XXIV.48; XXVI.55-56), однако в отношении Деция Муса он ограничивается лишь указанием названия источника. Причём, если бы Цицерон ссылался на анналы как на произведения нескольких историков, то он, вероятно, указал бы их имена, как в случае с примером «Римских игр» из тех же «Дивинаций» (I, XXVI.55). Вследствие этого упоминание анналов без авторства должно было подразумевать источник, известный всем римлянам и не требующий уточнения.

В данном контексте стоит отметить, что Цицерон был напрямую знаком с «Великими анналами» (De Rep. I, XVI.25; II, XV.28-29; De or. II, XII.52; De leg. I, II.6), причём он отзывался о них крайне высоко, отмечая, что среди всех трудов о прошлом nihil potest esse iucundius («нет ничего более приятного») (De leg. I, II.6). На основе этого можно предположить, что Цицерон, упоминая анналы без авторства, имеет в виду именно государственную летопись, которая велась великими понтификами как минимум с V в. до н.э.¹ По отдельным сообщениям современников известно, что «Великие анналы» содержали краткие ежегодные заметки о людях, местах и достопамятных деяниях в мирное и в военное время (FRHist AM, T.2-3,10).

Тем самым подвиг Деция Муса, который в историографии считается одним из самых спорных эпизодов Первой Самнитской войны, оказывается из истории всего конфликта наиболее достоверным, поскольку восходит к доанналистической традиции и современным событиям 343 г. до н.э., которые были зафиксированы в «Великих анналах» и сохранились в краткой заметке Цицерона. Даже такая спорная деталь, как сон военного трибуна о великой славе в случае смерти в окружении, не является чем-то странным в летописи римских жрецов, поскольку они уделяли особое внимание религиозным аспектам и могли воспринять слова военного трибуна в качестве божественного предзнаменования, в связи с чем и записали его речь. В числе достоверных деталей можно также принять антикварные сведения Плиния Старшего о награждении Деция Муса травяным венком, а также некоторые детали у Ливия, такие как предоставление золотого венка и материальной награды, но без точных цифр. Большая же часть художественного описания Ливия, и особенно возвращение консульского войска в ущелье, уже является более поздним патриотическим наслоением на изначальное историческое ядро в «Великих анналах».

Таким образом, выявленная понтификальная традиция в сведениях Цицерона позволяет подтвердить достоверность не только самого подвига

¹ Относительно высокой датировки начала ведения записей о важных событиях римской общины см.: *Нетушил И.В.* Обзор... С. 357; *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 23-24; *Сидорович О.В.* Указ. соч. С. 75-76; *Rich J.* Annales Maximi: introduction // *The Fragments of the Roman Historians. Vol. 1: Introduction.* Oxford, 2013. P. 149.

Деция Муса, но и в целом Первой Самнитской войны. Кроме того, на основе проведённого контент-анализа упоминания «анналов» у Цицерона можно дополнить перечень фрагментов, относящихся к «Великим анналам». Приведённый пример с Децием Мусом также показывает, что многие подобные эпизоды могли иметь историческую основу, однако искажение ранней традиции со стороны поздних анналистов и Ливия сильно затрудняет определение достоверности различных рассказов, которые исследователи относят к разряду «исторических анекдотов».

ORIGINS OF THE HISTORICAL TRADITION ABOUT THE EXPLOIT OF PUBLIUS DECIUS MUS DURING THE FIRST SAMNITE WAR

A.I. Cherkasov (Stavropol)

This article examines the exploit of the military tribune Publius Decius Mus in 343 BC to identify the origins of its historical tradition. Based on a critical analysis of surviving accounts in the narrative tradition, it is examined the authenticity of this episode and conducted a content analysis of reference to «*annales*» in Cicero's works. It concluded that Cicero's brief story of Decius Mus's exploit is the oldest available account of the First Samnite War, because it originates from the pontifical *annales*, which are referred to in his works as «*annales*» without an author.

Key words: Publius Decius Mus, military tribune, *Annales maximi*, Samnite wars, early Republican Rome.

РОЛЬ КИЛИКИЙСКИХ ПИРАТОВ В СТАНОВЛЕНИИ РИМСКОГО МИТРАИЗМА

И.А. Швыряев (Тула)

В статье рассматриваются исторические условия, в которых классический митраизм формировался на юго-востоке Малой Азии. В центре внимания автора – Киликия, земли, где сформировался своеобразный вариант митраизма: мистерияльный, который, по мнению исследователя, затем объединился с коммагенским (царским), создав, весьма вероятно, прообраз более позднего римского митраизма.

Ключевые слова: митраизм, Киликия, пираты, коммагенский царский культ, мистерии.

Перед тем как перейти к описанию киликийского митраизма, необходимо дать представление о истории и населении этой области. Киликия – историческая область на юге Малой Азии. В III в. до н.э. на территории Киликии шли боевые действия между державами Селевкидов и Птолемеев. На уклад жизни и культуру аборигенов глубоко повлияли оба государства¹. Постоянные войны, прокатывавшиеся по этой земле, привели к росту воинственности населения, массовому притоку в нее наемников из самых разнообразных стран, массовому уходу местных в разбойники и

¹ *Абрамзон М.Г.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия. СПб.: Гуманитарная академия, 2005. С. 31; *Вебер Г.* Курс всеобщей истории. История римского государства. М., 2013. С. 191-197.

пираты. Последних часто привлекали противоборствующие силы, то одна, то другая. Так, например, известно, что киликийские морские разбойники воевали на стороне Антиоха III, царя Селевкидской державы, против Птолемеевского Египта в 4-й Сирийской войне.

Основным занятием жителей Киликии стало пиратство. Это было вызвано рядом факторов. Во-первых, это было связано с ландшафтом и природой их родины. По словам Страбона, Киликия Трахея была «неровной, скалистой». Казалось, что она создана для разбоя (Strabo, XIV.5). Гористая местность занимала большую часть области, из-за чего основная часть населения селилась в прибрежных низменностях. Обилие корабельного леса способствовало развитию кораблестроения. Поэтому местные издавна были отличными мореходами.

Таким образом развитию мореходства, а, следовательно, и, в те времена зачастую тесно связанного с ним, пиратства, способствовала сама природа области. Но были и важные причины политического характера, из-за которых расцвело последнее. Как уже упоминалось выше, Киликия была спорной территорией, на которую претендовали Селевкиды и Птолемеи, превратившие этот регион на столетие в поле битвы. В результате местное население вело военизированный образ жизни, занимаясь разбоем и пиратством. В III в. до н.э. в войне между Антиохом III Великим и Птолемеем IV Филопатором (Четвертая Сирийская война 219–217 гг. до н.э.) киликийские пираты участвовали в сражениях на стороне первого¹.

Попытки вмешавшейся в конфликт Римской Республики разрешить его дипломатически окончились неудачей. Рим сам оказался втянут в войну против Антиоха III, который снова использовал силы пиратов для борьбы на море². Согласно Аппиану и Полибию, киликийские пираты участвовали в морском сражении при Мионессе в 190 г. до н.э. Однако в самой битве они не участвовали: разбойники бежали при виде римского флота (Polyb. XXI.12; App. Syr. 29). После двух тяжелых поражений Антиох III начал переговоры, которые привели к заключению Апамейского мира в 188 г. до н.э.³ По этому договору Антиох III был обязан отказаться от малоазийских территорий к западу от Таврских гор. Кроме того, что более важно для нашего исследования, Селевкидам было запрещено формировать и поддерживать военный флот в Средиземном море (Liv. XXXVIII.38–39).

М.Г. Абрамзон пишет, что после заключения этого договора мы можем наблюдать, как власть Селевкидов в Киликии угасает. Многие области начали выходить из-под контроля и даже приступили к автономной чеканке монет без царского изображения⁴. После заключения Апамейского мира киликийское пиратство стало хаотичным. Пираты часто служили восточным правителям,

¹ Зельин К.К., Трофимова М.К. *Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода*. М.: Наука, 1969. С. 220–224.

² Jones A.H.M. *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxford, 1937. P. 190–197.

³ Magie D. *Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ*. Vol. I–II. Princeton, 1950. P. 277–280.

⁴ Абрамзон М.Г. *Ук. соч.* С. 42.

которые, помимо усиления своего флота, таким образом контролировали их. Отсутствие селевкидского флота давало киликийцам свободу действий. К середине II в. до н.э. Птолемеи и Селевкиды переживали глубокий кризис и не могли противостоять пиратству. Восстание Диодота Трифона против Селевкидов в 146–139 гг. до н.э. стало ключевым событием для развития пиратства¹. Диодот Трифон был бывшим рабом, провозгласившим себя сирийским царем. Он намеревался закрепить свою власть в Киликии Трахее с помощью пиратов². Покровительствуя им, он способствовал развитию морского разбоя в этих районах.

Диодот Трифон основал Коракесий, укрепление на крутой скале, соединенной с материком узким перешейком, своей опорной точкой (Strabo, XIV.5.2). Коракесий располагался рядом с хребтом Ташели на западной стороне, а его двойная крепость, Корик, была построена на восточном краю. Пираты со всего побережья находили здесь убежище. По словам Ф. Де Сузы, это место было настолько хорошо приспособлено для обороны, что крепость использовалась еще много веков местными жителями³.

В 139 г. до н.э. Антиох VII смог подавить восстание Трифона и заставить его совершить самоубийство. Однако к этому времени киликийские пираты уже слишком прочно закрепились на побережье Киликии. Начали формироваться многочисленные пиратские банды, уже без какого-либо влияния сверху.

Сначала киликийские пираты довольствовались добычей, которую могли получить вдоль маршрутов Леванта. Однако по мере роста их сил опустошение и грабеж распространились на все побережье Малой Азии⁴. Один из крупнейших рынков рабов находился на Делосе. Здесь была возможность продавать до десятков тысяч рабов в день. По этой причине пираты стекались сюда под видом работоторговцев с награбленным, чтобы сбыть его. Страбон отмечает, что цари Кипра и Египта помогали пиратам, так как те были врагами сирийцев (Strabo, XIV.5).

Римляне, разбогатевшие после разрушения Карфагена и Коринфа, были основными покупателями рабов. Поэтому они не сразу озаботились вопросом пиратства. Киликийцы не причиняли прямого ущерба Риму. Кроме того, столь развитый морской разбой окончательно подорвал власть Селевкидов. Тем не менее в 143 г. до н.э. Рим решил направить комиссию, включающую Сципиона Эмилиана, в Египет и Азию. Как указывает Страбон, комиссия была отправлена для «наблюдения за положением племен и городов на месте».

Сципион Эмилиан и другие сенаторы выяснили, что рост пиратства был вызван политическим кризисом в империи Селевкидов (Strabo, XIV, 5, 2). Римская дипломатическая миссия не увенчалась успехом из-за слабости

¹ Снисаренко А.Б. Властители античных морей. М.: Мысль, 1986. С. 155.

² De Souza, Philip. Piracy in the Graeco-Roman World. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 99.

³ Ibid. P. 98.

⁴ Ormerod H.A. Piracy in the Ancient World. Liverpool: The University Press of Liverpool, 1924. P. 205-206.

правительств этих стран. В II в. до н.э. римляне не имели достаточных возможностей для поддержания собственного флота на Востоке, поэтому Малую Азию оставили на произвол судьбы. Киликийские пираты доминировали в регионе, и, более того, римляне поддерживали с ними дружеские отношения¹.

Это изменилось в 133 г. до н.э., после того как Аттал III завещал Риму Пергамское царство. С этого момента римляне не могли игнорировать пиратство в регионе, поскольку оно напрямую входило в их зону влияния, и морской разбой стал прямой угрозой владениям Римской республики (Just. XXXVII.1). Если римляне и пытались контролировать безопасность на море, то у них это не получилось. Операции против морских разбойников в основном проводились по инициативе местных народов. В связи с этим Г. Ормерод упоминает эфесский декрет. Согласно ему, жители Астипалеи были в ярости, узнав о разграблении храма Артемиды Эфесской, и решили лично бороться с пиратами. Есть также свидетельство Диона Кассия о том, что города в Малой Азии не ожидали помощи от Рима и заключали соглашения с киликийскими пиратами (XXXVI.20). Г. Ормерод считает, что большинство населения в Памфилии, Писидии и Киликии к моменту кампании Марка Антония занималось пиратством².

Таким образом, к началу I в. до н.э. киликийские пираты были грозной и опасной силой: у них был большой флот, гавани, верфи, множество хорошо обученных моряков и воинов; их войска были многочисленны и хорошо организованы.

Теперь, после изложения исторической части, можно перейти к религиозной. В отечественной и иностранной литературе ранее не рассматривался вопрос о роли Киликии в распространении митраизма как самостоятельная тема. Изучение значения региональных вариантов митраизма очень важно для понимания процессов становления и распространения этого учения в Римской империи.

Митраизм – синкретическая восточная религия, связанная с поклонением Митре. Классический римский митраизм включает в себя мистерии, но некоторые учёные выделяют более ранний, домистеральный митраизм на основе дозораострийского мидийского культа Митры и зурванизма.

В формировании римского митраизма особую роль в эллинистический период сыграл регион Киликии. В Киликии и Ликии мистерии Митры, по сообщению Плутарха, были введены киликийскими пиратами: «Сами пираты справляли в Олимпе странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор ещё имеют распространение таинства Митры, впервые введенные ими» (Plut. Rom., XXIV). Плутарх пользовался сведениями, полученными от более древнего автора,

¹ Моммзен Т. История Рима. Т. 3. СПб.: Наука, Ювента, 1997. С. 65.

² Ormerod H.A., Op. cit. P. 247-248.

Посидония Апамейского (135–50 гг. до н.э.)¹. Город Олимп входил в шесть главных городов Ликийского союза (Strabo, XIV, V, 7). В начале I в. до н.э. Олимп был захвачен киликийскими пиратами под руководством Зеникета. Зеникет также захватил Корик, Фаселиду и много местностей в Памфилии. В 78 г. до н.э. Олимп был осаждён и разрушен Публием Сервилием Ватией Исавриком, проконсулом Киликии (C. Verrem II. 5; Ciceronis Marci Tulli. De lege agraria orations, II, 50; Evtorp. Breviarium historiae Romanae, VI, 3., Oros., V, 23.21).

Таким образом, мистерии Митры в Олимпе пираты, вероятно, справляли в начале I в. до н.э. Не исключено, что сам Зеникет или кто-то из его окружения явился основателем мистерий Митры. Киликийские пираты были полиэтничны, в их состав входили жители Киликии, Памфилии, Кипра и побережья Понта, выходцы из Сирии и других стран (App., XXII, 92). Но основное ядро составляли горные племена. Соответственно и религиозные культы в Киликии были разнообразны: малоазийские, греческие, финикийские, культ Исиды и Сераписа, иудаизм². После того, как в 540-е гг. до н.э. Киликия вошла в состав царства Ахеменидов с сохранением местной династии, здесь появились иранские поселенцы, а в места поселений иранцев пришли маги – жрецы иранских культов, в том числе, поклоняющиеся Митре как одному из главных богов в мидийском традиционном маздеизме. М. Бойс, со ссылкой на свидетельства киликийского епископа Феодора Мопсуестского и киликийского архиепископа Василия Исаврийского, отмечает, что иранские группы в Киликии продолжали существовать ещё в V в.³

В ахеменидский период граница Киликии, согласно Геродоту (Hdt., I, 72), проходила у Галиса. В состав Киликии входили Киликия Мазакенская с городом Мазака, позднее ставшим столицей Каппадокии, Ликаония и Коммагена⁴. Имеются материальные свидетельства влияния иранской религии в Мазакенской Киликии ахеменидского времени. В Мазаке был зороастрийский храм огня, располагавшийся на горе Аргей. В Каппадокии в эллинистический и римский период культ горы Аргей засвидетельствован римской монетой. Поклонение горам характерно для древнего зороастризма⁵.

На службе в персидской армии и флоте (Hdt., VI, 6; 7, VII, 91) киликийцы сталкивались с иранскими воинами, поклоняющимися Митре как своему покровителю. Так, киликийцы несли службу в персидских военных гарнизонах в Уруке, Ниппуре, Мемфисе и на Элефантине, а в этих городах

¹ Clauss M. The Roman cult of Mithras. Edinburgh: University press, 2000. P. 469.

² Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке. Рим и Киликия. СПб.: Акра, 2005. С. 34.

³ Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III. Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule. Leiden; New York; Kobenhavn; Koln: E.J. Brill, 1991. P. 306.

⁴ Немировский А.А. Каппадокийцы и Каппадокия: к формированию этнополитической карты древней Анатолии // Восток, 1999. № 6. С. 5–6, 9; Абрамзон М.Г. Ук. соч. С. 9; История Древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2001. С. 320.

⁵ Boyce M., Grenet F. Op. cit. P. 276.

находились храмы Митры ахеменидского времени¹. Коммагенцы в ахеменидский период, возможно, также считались киликийцами, так, как и те, и другие в языковом отношении были лувийцами, и те, и другие входили в одну и ту же IV сатрапию.

В эллинистический период киликийцы служили наёмниками в армиях и флоте Александра Македонского, Птолемеев (Theos., XVII, 88–89), Селевкидов (Liv., XXXVII, 40, 13), Атталидов, Александра Янная (Ios. b. Iud., I, 4, 3), Митридата VI Евпатора (App., XXII, 92; Plut., Rom., XXIV; Plut., Luc., XIII), а в период гражданских войн в I в. до н.э. в Риме в армиях и флоте Помпея (Caes. b. c., III, 3–4, 88, 101, 110; App. b. c., II, 49, 71), Цезаря (Caes. b. Al. 1, 13, 25, 26, 34), Антония и Клеопатры² (Dio Cass., LI, 7, 4).

Как полагает Д. Юланси, митраизм возник в I в. до н.э. в среде киликийских пиратов в ходе их контактов с философами-стоиками из Тарса³. На наш взгляд, эта гипотеза вызывает большие сомнения, поскольку киликийские пираты и философы-стоики принадлежали к разным социальным слоям и маловероятно, чтобы пираты проявляли интерес к какой-нибудь философии.

Однако следует отметить, что в среде пиратов было немало греков. По утверждению Плутарха в пиратском промысле приняли участие даже состоятельные и знатные люди (Plut., Rom., XXIV). Поэтому версия Д. Юланси требует дальнейшего изучения.

Ф. Кюмон считает, что киликийцы познакомились с мистериями Митры в армии Митридата VI Евпатора⁴. Однако данных о проведении мистерий Митры в армии Митридата не найдено, а с культом Митры киликийцы должны были быть знакомы и раньше, по крайней мере, с VI в. до н.э.

Пираты в своей борьбе против Рима могли прибегнуть к помощи Митры как покровителя воинов (Яшт. X, III, 11). Пираты также могли использовать имя Митры для своих договоров. Митра вершил Суд над душой усопшего (Яшт. X, XX, 80). Киликийские пираты служили в армии Митридата VI, где для павших в сражениях солдат иранского происхождения маги проводили церемонии, связанные с обращением к Митре как к Судье, который выносит приговор душе. Обряд проводился лицом на восток, где нарастает свет. Молитвы, направленные в сторону солнца, могли привести к предположению, что Митре как солнечному богу было самому доверено поднимать души к себе для их спасения. Если пираты стали так думать о Митре, то эта вера могла фигурировать в тайном культе, который они основали, и который позже развился в более сложные мистерии.

Тайные обряды и инициации напоминают практики, типичные для группы воинов, применявшиеся с целью укрепления связей в объединении. Р. Тюркан указывает на символическое значение солидарности воинов,

¹ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука, 1980. С. 288–291, 299–300.

² Абрамзон М.Г. Ук. соч. С. 37–38.

³ Юланси Д. Загадки митраизма // В мире науки. 1990. № 2. С. 72.

⁴ Кюмон Ф. Мистерии Митры. СПб.: Евразия, 2009. С. 43–44.

устанавливаемое в мистериях¹. И. Кампос Мендес отмечает, что в культе пиратов уже присутствуют оригинальные элементы митраизма, но эволюционный процесс всё ещё продолжается².

По нашему мнению, в I в. до н.э. в Киликии и Ликии сформировался локальный вариант митраизма, для которого характерны мистерии.

В дальнейшем часть Киликии была завоевана Антиохом I Коммагенским, после чего произошло смешение двух локальных вариантов митраизма: мистериального киликийского и до-мистериального царского коммагенского.

В развитии религиозных взглядов Антиоха I Коммагенского можно выделить два этапа. На раннем этапе засвидетельствовано поклонение греческим богам и учреждение теменов. Позднее Антиох основал царский синкретический греко-иранский культ. Особо следует подчеркнуть глубокое почитание Митры. Он был выделен среди других богов и являлся династическим богом Ервандидов. Митра, один из всех богов, имел собственного жреца, о чём свидетельствует текст на обратной стороне большой стелы из Арсаеи-на-Нимфее, на которой изображён Митра-Гелиос-Аполлон-Гермес в иранском платье, пожимающий руку Антиоху³.

Вероятно, можно говорить о коммагенском домистериальном варианте митраизма. Мистерии были введены в Коммагене в I в. н.э., когда Антиох IV Коммагенский присоединил часть Киликии⁴. Таким образом, можно думать, что классический римский мистериальный митраизм сложился на базе синтеза локальных вариантов малоазийского митраизма, в частности, коммагенского синкретического царского культа, и киликийского мистериального митраизма. Распространению митраизма способствовали иранские этнические группы, маги – маги и киликийские пираты, переселённые Помпеем в различные районы Римской республики, и солдаты малоазийцы.

THE ROLE OF CILICIAN PIRATES IN THE DEVELOPMENT OF ROMAN MITHRAISM

I.A. Shvyryaev (Tula)

This article examines the historical conditions under which classical Mithraism developed in southeastern Asia Minor. The author focuses on Cilicia, the land where a unique version of Mithraism developed: the Mystery cult, which, according to the researcher, later merged with the Commagenian (royal) Mithraism, most likely creating the prototype of the later Roman Mithraism.

Keywords: Mithraism, Cilicia, pirates, Commagenian royal cult, Mysteries.

¹ *Turcan R. Mithras Platonius, Recherches sur l' Hellenisation Philosophique de Mithra // EPRO. Leiden, 1975. №47. P. 3-5.*

² *Campos-Mendez I. El culto del dios Mithra en el antiguo Iran y en el Imperio Romano. Diss. Las Palmas, 2005. P. 81.*

³ *Boyce M., Grenet F. Op. cit. P. 325.*

⁴ *Beck R. The Mysteries of Mithras: A New Account of Their Genesis // The Journal of Roman Studies (JRS). 1988. Vol. 88. P. 120.*

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАГМЕНТА УНГВЕНТАРИЯ, НАЙДЕННОГО В ХОДЕ РАСКОПОК 2025 Г. ПОСЕЛЕНИЯ «АДЖИЭЛЬ I» В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Е.В. Шушунова (Тула),
С.В. Ярцев (Тула – Белгород),
Р.М. Бобин (Тула)

Исследование посвящено интерпретации фрагмента унгвентария, найденного в ходе раскопок 2025 г. поселения «Аджиэль I» в Восточном Крыму. Авторы подробно останавливаются на проблеме функциональной принадлежности таких сосудов. На основании тщательного анализа источников выдвигается новая гипотеза, объясняющая труднообъяснимые факты, связанные с использованием этих предметов в древности. По мнению исследователей, миниатюрный сосуд – унгвентарий – нередко выступал в качестве оберега конкретного человека, особенно когда он присутствовал при взрослом пожилым мужчине-воине, бережно хранившем этот статусный для него предмет. Очевидно, что функция защитного талисмана такого унгвентария обеспечивалась, в первую очередь, хранением в сосуде живительной влаги (меда, воды или другой жидкости), возможно, использовавшейся в посвящении данного человека на соответствующую степень богу Митре. При этом форма самого сосуда, напоминающая маленькую амфору – амфориск без ручек, скорее всего, содействовала данным религиозным представлениям. Исходя из этой особенности, уже сам унгвентарий мог считаться символом источника живительной влаги, необходимой для становления души и введения неофита в новую жизнь.

Ключевые слова: Аджиэльская балка, поселение «Аджиэль I», унгвентарий, бог Митра, митраистская инициация, степени посвящения Митре, мед, вода.

В ходе раскопок поселения «Аджиэль I» в 2025 г. в слое светлого желто-коричневого суглинка на юго-восточном участке квадрата № 1, на глубине 0,4 м от дневной поверхности, был найден керамический фрагмент довольно любопытного миниатюрного сосуда – унгвентария (Рис. 1).

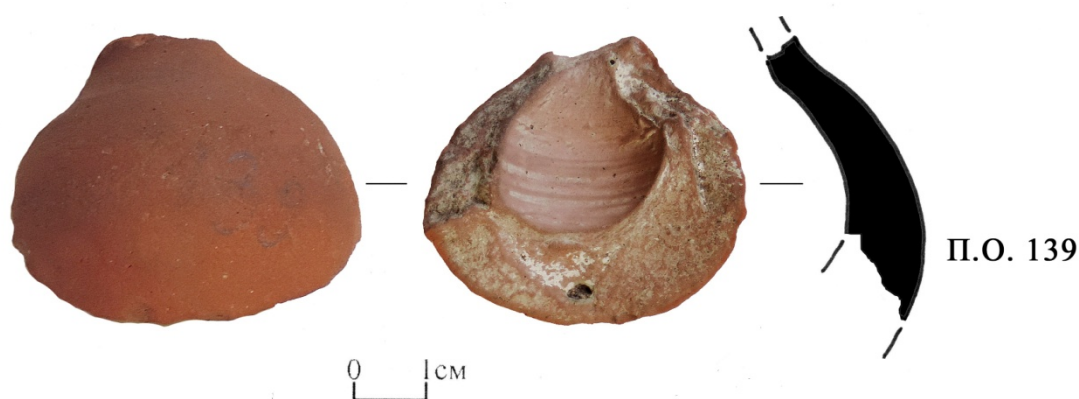

Рис. 1. Поселение «Аджиэль I». Квадрат №1. Слой светлого желто-коричневого суглинка. Глубина 0,4 м от дневной поверхности. Фрагмент унгвентария.

По предварительным данным, поселение «Аджиэль I» представляет собой укрепленный форт, занимающий плоскую поверхность одного из обрывистых мысов Аджиэльской балки. Оно расположено в 1,7 км к востоку от второго прохода в Узунларской оборонительной линии на участке ее

северного фланга. По многочисленной амфорной таре античный слой данного поселения уверенно датируется I в. до н.э. – началом II в. Найденный в слое разрушений унгвентарий по классификации М.Ю. Трейстера относится к первой группе подобных веретенообразных предметов и в целом датируется II – I в. до н.э.¹ Считается, что такие унгвентарии по форме, размерам и пропорциям соответствуют типу 4 по классификации С. Ротрофф², которую ученый относит к 215–150 гг. до н.э.³

Тем не менее, унгвентарий из «Аджиэль I», как и в некоторых изделиях первой группы М.Ю. Трейстера, демонстрирует черты позднего или даже местного регионального производства. Дело в том, что в нашем варианте отсутствует лаковое покрытие, нет на унгвентарии из «Аджиэль I» и характерных концентрических прочерченных бороздок в верхней части тулова в основании горла⁴. Такой красноглиняный сосуд вполне мог быть изготовлен не как обычно в малоазийском центре, а здесь же на Боспоре, и обладать своеобразной региональной спецификой, что является вообще характерной особенностью для таких изделий⁵.

Заметим, что указанные сосуды – довольно малого объема. Это, безусловно, накладывало особую специфику на область их функционального применения. Объем 70% таких изделий не выходит за границы интервала от 3 до 22 см³⁶. Являясь одной из наиболее типичных групп эллинистической керамики⁷ такие сосуды обычно встречаются на поселениях, некрополях и в святилищах⁸. При этом, несмотря на то, что на стенках многих из них не находят следов содержимого, наличие подобных веществ в других позволяет отнести их к емкостям, в которых хранили парфюмированные масла, мед, уксус, гарум⁹, благовония и косметические мази¹⁰. В случае же находок унгвентариев в погребении, их иногда называли «слезницами», отводя им особую роль в погребальном обряде¹¹.

¹ *Трейстер М.Ю.* Веретенообразные унгвентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). 2021. Вып. VII. С. 160–163, рис. 3, 1, 2.

² Там же. С. 165.

³ *Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery: The Plain Ware. Princeton; New Jersey: American School of Classical Studies, 2006. P. 150–154, nos. 439–442, fig. 63.

⁴ *Трейстер М.Ю.* Веретенообразные унгвентарии ... С. 163.

⁵ Там же. С. 166–168, 181.

⁶ *Rotroff S.I.* Op.cit. P. 156–157.

⁷ Там же. P. 150–154.

⁸ См. подбор литературы: *Трейстер М.Ю.* Веретенообразные унгвентарии ... С. 173.

⁹ *Hellström P.* Pottery of classical and later date, terracotta lamps and glass. Lund: C.W.K. Gleerup, 1965. P. 24.

¹⁰ *Hübner G.* Hellenistic and Roman unguentaria: function-related aspects of the shapes // Old Pottery in a New Century: Innovating Perspectives on Roman Pottery Studies. Atti del Convegno Internazionale di Studi, Catania, 22–24 Aprile 2004 / D. Malfitana, J. Poblome, J. Lund (eds.). Roma: L'Erma di Bretschneider, 2006. P. 27–40; *Трейстер М.Ю.* Веретенообразные унгвентарии ... С. 172–175.

¹¹ *Tompson H.A.* Two Centuries of Hellenistic Pottery // *Hesperia*. 1934. Vol. 3. №4. P. 473.

Однако с приведенными выше интерпретациями унгентариев не все обстоит так однозначно. Дело в том, что, учитывая малый объем таких сосудов, любое их содержимое должно было быстро закончиться. Хранить в этом случае данные сосуды не имело никакого смысла. Тем не менее, в реальной жизни мы наблюдаем совершенно противоположную картину. Судя по археологическим данным, к таким миниатюрным емкостям хозяева относились как к редким и статусным предметам, и это даже после использования их содержимого. Напрашивается вывод, что находки унгентариев, например, у погребенных пожилых мужчин-кочевников, наравне с оружием, должны указывать на активное применение этими воинами тех же парфюмированных масел в реальной жизни¹. Согласимся, что это звучит не очень правдоподобно. Создается впечатление, что мы не совсем понимаем функциональное назначение указанных предметов.

По нашему мнению, для определения причины особой статусности данных сосудов необходимо еще раз внимательно проанализировать их содержание. Очевидно, что именно то, что хранилось в этих сосудах, являлось особо ценным для хозяина, ведь он его не просто берег (и скорее всего, даже не использовал), но и забирал с собой в загробный мир. В этой связи, наиболее близко к раскрытию этой загадки, как мы считаем, подошел М.Ю. Трейстер. Ученый обратил внимание на то, что в погребениях, где встречаются унгентарии, нередко находят предметы восточного (в том числе центрально-азиатского) происхождения. И это при том, что речь, как правило, здесь идет о воинах-кочевниках, возможно даже тех, кто около 145 г. до н.э. участвовал в разгроме Греко-Бактрийского царства². Если это так, то, возможно, в данных миниатюрных сосудах хранились жидкости, ценные для таких воинов с сакральной точки зрения, в первую очередь, возможно, именно в связи с тем, что они спасали и оберегали их на поле боя?

Если ко всему вышесказанному добавить восточное происхождение таких верований, то становится очевидным, что речь здесь может идти о довольно известных религиозных представлениях, в культе которых подобные жидкости, как известно, принимали самое действенное участие. Так, несмотря на то, что нам известно, что участвующий в обряде митраистской инициации давал клятву не разглашать тайну обряда, до нас дошли ступени посвящений богу Митре в этой религии. Это «ворон» (согах), «жена» (nymphus), «воин» (miles), «лев» (leo), «перс» (perses), «солнечный вестник» (heliodromus) и «отец» (pater) (Hieron. Ep., 107 [Ad Laetam]). Если доступ к первым обеспечивался даже детям, то начиная с уровня «воина» и особенно «льва», обряд посвящения значительно усложнялся³. Например, при инициации на

¹ Трейстер М.Ю. Веретенообразные унгентарии ... С. 180–181.

² Трейстер М.Ю. Серебряные фалары с изображением Беллерофонта и Химеры из сарматского погребения в Володарке (Западный Казахстан). Еще раз к вопросу о так называемом греко-бактрийском стиле в эллинистической торевтике // Scripta antiquae. Т. 1 / Под ред. М.Д. Бухарина. М.: Собрание, 2011. С. 136–137; Трейстер М.Ю. Веретенообразные унгентарии ... С. 180–182.

³ Элиаде М. История веры и религиозных идей: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М.: Академический проект, 2012. С. 366–367.

степень «воина» не исключено, что претендент действительно должен был пройти через тяжелые испытания, когда «лоб клеймили раскаленным железом» (Tertull., *De prascr. Haeret.*, 40), а тело очищали пылающим факелом (Luc., *Menip.*, 7).

Однако здесь нас должно интересовать то обстоятельство, что на определенных этапах данного сложного комплекса ритуалов и правил появляются некоторые компоненты, начинающие играть фактически ключевую роль в указанных испытаниях. По словам Порфирия, «в мистериях Льва, когда вместо воды для очищения рук посвящаемым льют мед, их увещевают хранить его в чистоте от всего мучительного, вредящего и отвратительного; и поскольку он есть посвящаемый огню, который имеет катарсическое воздействие, они льют на него жидкость, связанную с огнем, отвергая воду как несовместимую с ним. Они также используют мед, дабы очистить язык от всякой вины» (Porphyr. *De antro nymph.*, 15). К этому стоит добавить, что мед не случайно являлся пищей блаженных и новорожденных, ведь в иранской традиции он происходил с Луны¹. По нашему мнению, последнее обстоятельство вполне может объяснить, почему символами посвященного в степень «перса» являются, помимо холодного оружия и серпа, также полумесяц и звезда, ведь последние явно соотносились с данным спутником Земли².

Однако самую главную особенность, важную для нашего исследования, отметил вновь Порфирий Тирский. Известный мыслитель, говоря о посвящении «персов», уточняет, что «когда... они предлагают берегающий плоды мед персам, они символически трактуют именно его охранительные свойства» (Porphyr. *De antro nymph.*, 15). Другими словами, речь идет о необходимости сохранения меда при себе, возможно, даже еще того самого, который использовался в обряде посвящения конкретного человека. Это было необходимо для наибольшей эффективности использования его защитных свойств. Согласимся, что никаким другим способом сохранить при себе мед, кроме как в миниатюрных сосудах с небольшим объемом, практически невозможно. Может быть, именно такая сакральная функция являлась основной для унгвентариев – хранителей священной влаги, особенно для тех, которые были найдены в погребениях мужчин-воинов. Тем более что с таким же успехом мог использоваться не только мед, но даже обычная, на первый взгляд, вода. Действительно, «мед употребляется для очищения и как средство против тления, естественного в природе, вызывает наслаждение, связанное с нисхождением в мир становления, является подходящим символом водяных нимф, потому что и воде свойственна сила предупреждать тление, быть очистительным средством и содействовать становлению» (Porphyr. *De antro nymph.*, 17). Возможно, что именно с использованием сакральных свойств воды связана загадка находок унгвентариев на некрополях без каких бы то ни было следов содержимого.

¹ Cumont F. Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. Brussel: H. Lamertin, 1894. Vol. I. P. 320.

² Клаусс М. Римский культ Митры: Бог и его мистерии. М.: Касталия, 2022. С. 187–188.

В пользу предложенной нами версии свидетельствует и сама форма сосуда, в котором хранилась при человеке, защищающего его, священная влага. Очевидно, что миниатюрный сосудик – унгвентарий, внешне напоминал маленькую амфору – амфориск без ручек. При этом Порфирий утверждал, что каменные чаши и амфоры являлись символами нимф-гидриад (водяных). По-видимому, это было важно, ведь для души становление во влаге представлялось не смертью, а наслаждением¹. Кроме того, именно в амфоры пчелы (то есть, радостные души, рождающиеся в мир), собирали мед², а любая чаша в принципе олицетворяла источник. Все это объясняет крайне важную роль, которую играла вода для полноценной митраистской инициации. «Чаши же – символы источников, как и в культе Митры, чаши употребляются вместо источника, а амфоры – те сосуды, которыми мы из источников черпаем воду» (Porphyg. *De antro nymph.*, 17). Неслучайно поэтому, если планета–покровитель неопита, посвященного в степень тех же «персов», была Луна, то его стихией – покровителем являлась именно вода (океан)³.

Все это свидетельствует в пользу нашего предположения, что миниатюрный сосуд – унгвентарий – нередко выступал в качестве оберега конкретного человека. Особенно когда он присутствовал при взрослом пожилом мужчине-воине, бережно хранившем этот статусный для него предмет. Очевидно, что функция защитного талисмана такого унгвентария обеспечивалась, в первую очередь, хранением в сосуде живительной влаги (меда, воды или другой жидкости), возможно, использовавшейся в посвящении данного человека на соответствующую степень богу Митре. При этом форма самого сосуда, напоминающего маленькую амфору – амфориск без ручек, скорее всего, содействовала данным религиозным представлениям. Исходя из этой особенности, уже сам унгвентарий мог считаться символом источника живительной влаги, необходимой для становления души и введения неопита в новую жизнь.

THE PROBLEM OF INTERPRETING A FRAGMENT OF AN UNGUENTARIUM FOUND DURING THE 2025 EXCAVATIONS OF THE «ADZHIEL I» SETTLEMENT IN EASTERN CRIMEA

E.V. Shushunova (Tula),
S.V. Yartsev (Tula – Belgorod), **R.M. Bobin** (Tula)

The study is dedicated to the interpretation of an unguentarium fragment found during the 2025 excavations of the "Adzhiel I" settlement in Eastern Crimea. The scientists delve into the problem of the functional attribution of such vessels. Based on a thorough analysis of sources, the authors put forward a new hypothesis explaining the difficult-to-explain facts related to the use of these objects in antiquity. According to the researchers, the miniature vessel – the unguentarium – often served as a personal amulet. This was particularly the case when it was present with an adult

¹ Гудимова С.А. Порфирий о пещере нимф // Вестник культурологии. 2006. №3. С. 166.

² Там же. С. 167.

³ Челнокова А.Ю. Митраистические памятники и иконография культа Митры в Римской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2019. №3(35). С. 87.

elderly male warrior, who carefully preserved this status item for himself. It is evident that the protective talisman function of such an unguentarium was primarily ensured by storing life-giving moisture (mead, water, or another liquid) within the vessel, possibly used in the dedication of this individual to the god Mithras at a specific grade. Furthermore, the shape of the vessel itself, resembling a small amphora – an amphorisk without handles – most likely contributed to these religious beliefs. Stemming from this characteristic, the unguentarium itself could be considered a symbol of the source of life-giving moisture, necessary for the formation of the soul and the introduction of the neophyte into a new life.

Keywords: Adzhiel Gully, "Adzhiel I" settlement, unguentarium, god Mithras, Mithraic initiation, Mithraic grades, mead, water.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КРЫМСКОЙ СКИФИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В 1940–1980-Е ГГ.

Д.С. Юркова (Тула)

В статье рассмотрены вопросы изучения в 40–80-е гг. XX столетия позднескифского государства на территории Крымского полуострова. Автором приведено сравнение рассматриваемого историографического периода относительно предшествующего, указаны основные археологические памятники, изученные в рассматриваемые десятилетия, отражена проблематика ключевых научных исследований по истории Крымской Скифии.

Ключевые слова: Крымская Скифия, Неаполь Скифский, позднескифская культура, Таврика, историография.

Начальный этап изучения Крымской Скифии следует датировать со 2-й половины XVIII в. и вплоть до конца 1930-х гг. Охарактеризовать данный историографический период можно с разных позиций. С одной стороны, появляются первые письменные труды – очерки о находках, в том числе относящихся к позднескифскому царству в Крыму, происходит процесс первичного накопления материальной базы. С другой стороны – археологические исследования носят стихийный, непостоянный характер, отсутствует понимание методики ведения полевых работ и строго регламентированной процедуры фиксации находок и оформления отчетной документации. С установлением советской власти исследования оформлялись в виде схематических очерков, соответствующих концепции стадильности и классовой доктрине. Марксистский подход не позволял уделять должное внимание описательной составляющей, поскольку история всего государства планировалась как наука об СССР. К тому же, многие историко-культурные компоненты были под запретом.

Но уже в 30-е гг. XX в. начинается активную работу по изучению позднескифских древностей П.Н. Шульц – один из известнейших советских археологов, занимающийся проблемами «варварской жизни» на территориях Крыма. В предвоенное время им была открыта череда городищ в северо-восточной части полуострова¹, а также введены в научный оборот

¹ Шульц П.Н. О работах Евпаторийской экспедиции // Советская археология. 1937. № 3. С. 252–254.

археологические описания малых укрепленных поселений¹. В целом следует сказать, что проделанная Павлом Николаевичем работа помогла определить основные границы оседания поздних скифов на землях Таврики.

В начале нового десятилетия археологические исследования были прерваны в связи с началом Великой Отечественной войны, и возобновились только в 1945 г. С этого времени начался новый этап изучения Крымской Скифии, который существенно отличался от предыдущего и продлился до 1980-х гг.

Спустя несколько месяцев после окончания Великой Отечественной войны была создана Тавро-Скифская экспедиция ИИМК АН СССР, ГМИИ им. Пушкина и Крымского отдела АН СССР, возглавляемая ранее упомянутым П.Н. Шульцем, получившим тяжелое ранение и обморожение в годы войны и потерявшим пальцы рук. Экспедиция функционировала вплоть до начала 60-х гг. XX столетия². Благодаря археологам начались полномасштабные и планомерные работы по изучению варварской столицы – Неаполя Скифского, что в дальнейшем позволило определить датировку одного из фортификационных узлов городища³. Ещё одним результатом проведённых исследований стало замещение понятия «Неапольская культура» Н.Л. Эрнста на «Позднескифскую культуру», относительно которой «территория распространения... была четко определена еще Страбоном»⁴.

Тавро-скифская археологическая экспедиция стала подспорьем для подготовки высококвалифицированных кадров: О.Д. Дашевская⁵, А.А. Щепинский⁶, Э.И. Соломоник⁷, М.И. Артамонов и др. Последний является автором работы «Скифское царство в Крыму», где отмечается характер сендетаризации варварского государства, а также преемственность самых известных правителей – Скикура и Палака с царями Великой Скифии – Сайтафарном и Атеем⁸.

Изучением некрополя Неаполя Скифского занимался ученик П.Н. Шульца – В.П. Бабенчиков. Его диссертация на соискание ученой степени кандидата наук отразила ключевые характеристики памятника: автором были выделены типы захоронений, их классификация, датировка с учетом научного обоснования каждого из указанных элементов⁹.

¹ Шульц П.Н. Евпаторийский район: 1933–1934 // Археологические исследования в РСФСР: 1934–1936 гг. М.; Л., 1941. С. 265–267.

² Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка, 1979. С. 17.

³ Шульц П.Н. Исследования Неаполя Скифского (1945–1950) // ИАДК. 1957. С. 68–74.

⁴ Шульц П.Н. Позднескифская культура на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии / МИА, 1971. Вып. 177. С. 129.

⁵ Дашевская О.Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном // ВДИ. 1958. №2. С. 143–150.

⁶ Щепинский А.А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 2.

⁷ Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. Вып. 3. С. 32–44.

⁸ Артамонов М.И. Скифское царство в Крыму // ВЛГУ. 1948. №8. С. 56–78.

⁹ Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя скифского. Автореферат дис. ... к.и.н. Киев: [б. и.], 1957. 19 с.

Темой погребальных комплексов варварского государства в Крыму занималась и Т.Н. Троицкая, которая выделила группу коллективных захоронений в виде каменных гробниц с большим материалом человеческих останков. Ею же были выделены «фамильные» погребения Предгорного Крыма, представленные слиянием черт варварского населения – скифов с автохтонным населением – таврами¹.

В период работы Тавро-скифской экспедиции в 1950-е и 1960-е гг. в свет вышел целый ряд научных статей и монографий. К примеру, работа П.Н. Шульца, посвященная изучению мавзолея главных ворот Неаполя, в заключении которой указывалось, что гробница возводилась с целью погребения Скилура². В.Д. Блаватский³ описал и охарактеризовал архитектурную и фортификационную составляющие ансамбля городища. В трудах ранее упомянутой О.Д. Дашевской рассматривалась лепная керамика варварской столицы⁴, а также граффити и росписи в строениях⁵. Обработкой и анализом остеологических материалов занимался В.И. Цалкин⁶, антропологическая составляющая исследований принадлежит Г.Ф. Дебецу, М.М. Герасимову и Т.С. Кондукторовой⁷, эпиграфическая – Э.И. Соломоник⁸.

Помимо всестороннего изучения Неаполя Скифского, в 50-е гг. XX в. и другие древние поселения Северо-Западного, Юго-Западного и предгорного Крыма стали объектами интереса со стороны археологов, что в скором времени дало первые результаты. Исследователям удалось определить границы Скифского государства на карте Крымского полуострова с учетом оседания варваров на землю⁹.

П.Н. Шульц обнаружил и Булганакское городище, расположенное в Центральном Крыму неподалеку от Неаполя Скифского¹⁰. Первые раскопки там были проведены в 1980-е гг. И.Н. Храпуновым¹¹.

¹ Троицкая Т.Н. Скифские погребения в курганах Крыма: Автореф. дис. на соискание ... к.и.н. Симферополь: [б. и.], 1954. 20 с.

² Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М.: Искусство, 1953. 88 с.

³ Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: АН СССР, 1954. 158 с.

⁴ Дашевская О.Д. Лепная керамика Неаполя Скифского // МИА. 1968. 64. С. 248–271.

⁵ Дашевская О.Д. Граффити на стенах зданий в Неаполе Скифском // СА. 1962, №1. С. 173–194.

⁶ Цалкин В.И. Домашние и дикие животные из Неаполя Скифского // СА. 1954, т. XX. С. 253–287.

⁷ Кондукторова Т.С. Населення Неаполя скіфського за антропологічними даними // Матеріали з антропології України. 1964. Вып. 3.

⁸ Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962, Вып. 3. С. 32–44.

⁹ Дашевская О.Д. Скифские городища Крыма, автореф. дис. ... к.и.н. М., 1954, 16 с.

¹⁰ Шульц П.Н. Скифский город на р. Булганак // АИУ, 1965, 1966. Киев, 1967. С. 114–118.

¹¹ Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище // МАИЭТ, 1991. Вып. 2. С. 3–34.

Помимо этого, в 1970–1980-е гг. проводились обширные работы по зондированию позднескифских памятников. Данный метод позволил отследить и датировать культурные напластования на городищах, а также сделать выводы об уровне фортификации варварских крепостей. Отмеченный выше процесс получил отражение в работах таких авторов, как Т.Н. Высотская¹ и В.А. Кутайсов². По мнению авторов, укрепленные стены городищ-убежищ появляются в начале нашей эры³, что, бесспорно, было связано с появлением опасности со стороны соседних государств. Проблема скифских форпостов, их роль, оснащённость и архитектурное устройство также отразились в научных исследованиях ранее упомянутой Т.Н. Высотской⁴.

С возникновением политического плюрализма в 1980-е гг. и рассекречиванием документов, касающихся репрессий против ученых, в число которых входили и археологи, произошли ощутимые изменения в научной среде Советского Союза. К этому времени выделяется такое понятие, как «Крымская Скифия»⁵ и все чаще начинает употребляться определение «Позднескифская культура Крыма», в которой огромный интерес представляли проблемы, связанные с различными сферами жизни рассматриваемых кочевников.

Таким образом, советская историография в большинстве своем опиралась на формационный подход. Второй этап изучения Крымской Скифии, хронология которого – 1940-1980-е гг., совпал в начале с началом Великой Отечественной войны. Тем не менее, в то время продолжался выпуск публикаций, тематика которых касалась проблем поздних скифов. Активную работу в тот период ведёт Тавро-Скифская археологическая экспедиция под руководством П.Н. Шульца. В то же время были даны подробные характеристики фортификационных приемов и строительных методов, использовавшихся рассматриваемыми варварами для строительства столицы скифского государства в Крыму. Помимо этого, результаты археологических исследований способствовали выделению зон проживания позднескифского населения, а также на указанном этапе стала формироваться «новая археология», основное новшество которой состояло в замещении описательного характера исследования на теоретико-объяснительный. До конца 1980-х гг. производились новые раскопки Неаполя Скифского, а также других позднескифских городищ. Именно в этот период в научный оборот вводится термин «позднескифская археологическая культура».

¹ Высотская Т.Н. Позднескифские городища и селища Юго-Западного Крыма // СА, 1968. №1. С. 185–194.

² Кутайсов В.А. Городище первых веков н. э. на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983. С. 144–153.

³ Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. 192 с.

⁴ Высотская Т.Н. Позднескифские городища и селища Юго-Западного Крыма // СА, 1968. №1. С. 185–194.

⁵ Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. Симферополь: Таврия, 1990. 125 с.

**SOME ASPECTS OF THE STUDY OF CRIMEAN SCYTHIA IN DOMESTIC
HISTORIOGRAPHY IN THE 1940s AND 1980s**

D.S. Yurkova (Tula)

The article discusses the study of the Late Scythian state on the Crimean Peninsula in the 1940s and 1980s. The author compares the studied historiographical period with the previous one, identifies the main archaeological sites studied during these decades, and highlights the key research topics on the history of Crimean Scythia.

Key words: Crimean Scythia, Scythian Neapolis, Late Scythian culture, Taurica, historiography.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ПАТРИАРХ ФОТИЙ. МИРИБИБЛИОН (cod. 186-222)

М.М. Синица (Севастополь),
Н.Н. Болгов (Белгород – Севастополь)

В настоящей работе предлагается ознакомительный перевод кодексов 186-222 «Библиотеки» («Мириобиблиона») патриарха Фотия (IX в.), что соответствует III тому стандартного издания Рене Анри. Первые два тома были изданы в переводах ранее. В части текста использованы уже существующие переводы и комментарии, другие части, отсутствовавшие в переводе, переведены заново. В квадратных скобках внутри текста дано обозначение страниц рукописи, использованное в издании Р. Анри.

186. Конон. Повествования

Была прочитана небольшая книжечка Конона¹; посвящено это произведение царю Архелаю Филопатору и состоит из 50 повествований, извлеченных из многих древних авторов.

1. Первое о Мидасе² и бригах³, как он [Мидас] случайно нашел сокровища и стал очень богатым, и как стал учеником Орфея в горах Пиерии⁴, и при помощи каких уловок стал у бригов царствовать. Во время царствования Мидаса подле горы Бремия⁵, где обитал этот многочисленный народ, заметили и привели к нему Силена⁶, и это животное, освободившись от необычайной формы, предстало в человеческом облике. Далее говорится, что у него [Мидаса] все превращалось в золото, даже подаваемые блюда, и о том, что он

¹ Конон – писатель и мифограф греческого происхождения. Жил, предположительно, в I в. до н.э. и работал при дворе царя Каппадокии Архелая Филопатора. Это произведение, которое обширно пересказывает Фотий, известно нам только благодаря настоящему пересказу. Посвящение этого сочинения Архелаю Филопатору (36 г. до н.э. – 17 г. н.э.) служит вехой для определения места и времени жизни автора. См. *Martini*, s. v. *Κονον* (n. 9) // *P. W.*, t. XI. 1922, col. 1335-1338.

² Мидас (*Μίδας*) – имя многих фригийских царей. Первый, мифический Мидас, был сыном Гордия и Кибелы.

³ Бриги (*Βρύγοι* или *Βρίγες*) – народ, обитавший на Балканском полуострове.

⁴ Пиерия (*Πιερία*) – ном в Греции, на юге Центральной Македонии.

⁵ Гора во Фригии. Страбон, именую ее Бермий (XIV, 5, 27) говорит, что Мидас достиг большого богатства, благодаря разработке бывших подле нее рудников.

⁶ Силены – божества собственно малоазиатской мифологии, отождествленные греческой драмой с сатирами, спутниками Вакха, от которых они, однако, изначально отличались, как по происхождению, так и по демоническим свойствам. Согласно мифам, Силена сначала приручили, а затем привели к Мидасу. Этим именем названы также обезьяны, обитающие на острове Борнео.

убедил своих подданных уйти из Европы и перейти Геллеспонт; так они поселились выше Мисии, и он, несколько изменив их имя, назвал вместо бригов фриги [фригийцы]¹. У Мидаса было много таких, которые доносили ему обо всем, что говорилось и делалось среди его подданных; таким способом до самой старости охранял он свое царство от мятежей, и шла молва, что у него длинные [131a] уши; вскоре молва превратила его уши в ослиные²; таким образом, то, что было сказано в шутку, впоследствии воспринималось всерьез, как истина³.

2. Второе о Библиде, дочери Милета⁴, у которой был брат по имени Кавн. Вместе они жили в Милете, что в Азии, который впоследствии был занят пришедшими из Афин ионийцами во главе с Нелеем⁵, тогда там обитали карийцы – многочисленный народ, проживавший в деревнях. Кавн без ума был влюблен в свою сестру Библиду и приложил все усилия, чтобы та уступила его желанию, но, потеряв надежду, он решил покинуть эти земли. И когда он исчез, бесконечное горе овладело Библидой, и не в силах пребывать в доме отца и в родном городе, она отправилась в лес искать уединения, где после долгих скитаний, наконец, поддавшись боли и не надеясь ни на что в своей неразделенной любви, сделала петлю из пояса и, привязав ее к орешнику, повесилась.

Там она выплакала поток слез, образовавших источник, который местные жители называли источником Библиды. Кавн, в своих скитаниях, прибыл в Ликию, где перед ним предстала Пронья (это была наяда), вышедшая из протекавшей там реки. Узнав о жестокой судьбе Библиды, она попыталась утешить его и попросила взять себя в жены, предложив царствовать над побережьем (которым она владела) при вступлении в супружество. Кавн с Проней родили Эгиала, который затем вступил на

¹ Мидас, боясь умереть с голоду, пришёл к Дионису и умолял его взять назад этот дар. Дионис сжалился над ним. Он приказал Мидасу искупаться в реке Пактол, которую стали называть Хрисорроем, отчего река до сих пор несёт в своём течении крупицы золота, а Мидас избавился от своего дара.

² Согласно мифу, Аполлон, разгневанный тем, что при состязании его с Паном (или Марсием) Мидас отдал последнему предпочтение перед богом, сделал его уши ослиными, о чём раб Мидаса рассказал шёпотом в ямку, из которой вырос тростник.

³ Составной характер этого повествования заставляет *Hoefel* (p. 84-85 и 109) полагать, что его источником является утерянное руководство по мифологии. Александрийский источник и эвгемеристическое влияние см.: *Kroll*, s.v. *Midas* (п. 1) // P.W., т. 1, р. XIV. 1932, col. 1526-1536.

⁴ Библида, или Библис (Βυβλίς или Βιβλίς) – персонаж древнегреческой мифологии. Дочь Милета и Кианеи (или Идофеи, Эйдофеи). Отвергала множество женихов. Покончила с собой из-за любви к своему брату Кавну; в Карии превратилась в ручей под каменным дубом. Согласно Парфению, привязала к дубу ленту для волос и повесилась. Согласно Антону Либералу, хотела броситься со скалы, но нимфы удержали её и превратили в гамадриаду, источник называют «Слезой Библиды». Источник Библиды был в Милетской области. По версии, она основала Мелос.

⁵ Нелей (Νηλεΰς, аттич. Нейлей, «безжалостный») – персонаж древнегреческой мифологии. Сын Кодра. Проиграл спор со своим братом Медонтом из-за власти. Решил основать колонию в Милете.

царство, когда умер отец; он собрал народ, разбросанный по деревням, и построил на берегу той же реки большой город, который назвал Кавн¹, по имени своего отца.

3. Третье. Остров Схерия², что в Ионическом море, недалеко от Эпира и Керавнийских гор, был впервые заселен феаками – коренным народом, взявшим это название от одного из своих царей – Феака и сохранял его до тех пор, пока коринфские колонисты не высадились на этом острове, который тогда изменил свое название на Керкиру, и с этими людьми стал первым на море. Когда Феак, царь острова, умер, его сыновья – Алкиной и Локр³ – вступили между собой в распрю, но затем пришли к соглашению о том, что Алкиной остается царствовать над феаками, а Локр с частью жителей отправится в другое место. Согласно этому соглашению, Локр отплыл в Италию, где Латин, царь этой страны, не только хорошо его принял, но сделал зятем, сочетав браком со своей дочерью Лавриной. Вот почему считают связанными кровными узами [131b] феаков и локрийцев, обосновавшихся в Италии.

К тому времени случилось так, что Геракл, везший Эврисфею дивных коров Гериона, высадился в Италии, где любезно был принят Локром. Но Латин, жившей с его дочерью, увидел коров, которые ему очень понравились. Тотчас он возжелал ими овладеть; и уже уводил их, когда Геракл, узнав об этом, пошел к нему на бой, поразил копьем и забрал своих коров. Локр, узнав о сражении и, переживая о несчастном исходе, боясь за Геракла, так как знал, что Латин обладал большой телесной силой и мужеством, взял смену одежды и поспешил на помощь гостю. Геракл, увидев спешно приближавшегося к нему человека, принял его за очередного противника, пустил в Локра стрелу, и тот пал к его ногам; узнав о своей ошибке, он издал стон, но беда была неотвратима. Он оплакивал своего друга, устроил пышные похороны и когда сам оставил жизнь, явился местным жителям и велел построить город в Италии в месте, где был погребен Локр. Этот большой город до сих пор носит его имя и чтит его память⁴.

¹ *Rohde E. Der gr. Roman*, p. 95 sq. et note 2, провел полное изучение этого Повествования, в котором он перечислил все предыдущие версии. Ни одна из них не предлагает функций, которые позволили бы им распознать какой-то определенный источник Конона. В подробностях слез Библиды, породивших фонтан, мы находим текстовую параллель с рассказом Парфения Никейского. Схолия в этой истории относится к основанию Кавна у Аполлония Родосского – работе, которую Парфений также цитирует в другом месте. Мы обязаны этим сравнением *Knaack G. Callimachea*. Stettin, 1897. P. 14 sqq., и Хёфер делает вывод, который приводит к открытию источника этой истории у Аполлония. Заметки Roscher и P.W. о персонажах этой истории не добавляют к ней ничего нового.

² Схерия (Σχέρη) – в древнегреческой мифологии сказочный остров, заселённый феаками; последнее местопребывание Одиссея перед возвращением на родину. В античности Схерию иногда отождествляли с островом Керкирой (Корфу).

³ *Stoll*, s.v. *Phaiax*, in Roscher, t. III, col. 2219, кажется, говорит, что эта история является единственным источником, в котором Локр упоминается как сын Феака и упоминается его отъезд в Италию.

⁴ Несмотря на обилие параллелей, *Hoefler*, p. 85-88, не находит точного источника для этой истории, кроме «руководства», уже подвергнувшегося сомнению, по истории Библиды. *Bayet J. Les origines de l'Hercule romain*. Paris: De Boccard, 1926. P. 159-164, показывает, что локрийская легенда есть переложение легенды о Кротоне и с другими героями; вот почему Р. Анри не сохраняет исправление *Latinos*, вместо *Lakinos*, которое можно найти в тексте Хофера и которое перенято Якоби.

Но тут я отвлекся, подробно сообщая о тех вещах, о которых необходимо было упомянуть лишь вскользь!

4. Четвертое, соответственно, повествует о городе Олинфе и Стримоне, царе феаков¹, чье имя перешло к реке, именовавшейся ранее Эионея. У этого Стримона было три сына: Бранг, Ресс и Олинф. Ресс отправился в Трою на помощь Приаму и пал от руки Диомеда. Олинф во время охоты в одиночку напал на льва и был им убит. Бранг, оплакав печальную кончину брата, возвел могилу на месте его гибели. Решив прийти в Ситонию, он основал там город, в дальнейшем процветавший, и назвал его Олинфом, дав ему имя своего брата².

5. Пятое – история о регийце³ и Эвноме из Локр – двух певцах-кифаристах; оба они прибыли в Дельфы. Региец и локриец были разделены рекой (река эта называлась Алекс); со стороны локрийца пели цикады, а со стороны регийца – они молчали. Эвном в соревновании с регийцем одержал победу по следующей причине: одна из семи струн порвалась, и цикада уселась на кифару, заменив своим пением недостающую струну⁴.

[132a] 6. Шестое о Мопсе, сыне Манто⁵ и Аполлона⁶, получившем в наследство дар матери, оракула Аполлона Кларосского⁷. В то время, когда Мопс занимался прорицаниями, в Колофон⁸ прибыл Калхас⁹, бродивший после захвата Трои. Между ними возник большой спор, который разрешил Амфимах, царь Ликий. Мопс остерегал его от начала войны, предвещая поражение; Калхас, в свою очередь, подталкивал, предвещая победу. И он проиграл, а Мопс оказался лучшим провидцем, Калхас же покончил с жизнью.

¹ Феаки (Φαίῃες, Φαίηκες) – народ в древнегреческой мифологии, живший на острове Схерия. Считались одним из блаженных народов, близких к богам, как и гипербореи, эфиопы, лотофаги. Считалось, что этому народу покровительствовал Посейдон. Феаки верили также в Зевса, Афину, Гермеса и прочих богов древнегреческого пантеона.

² Ситония, Сифония (Σιθωνία) – полуостров в Греции, средний из трёх крупных полуостровов на юге Халкидики, вдающийся в Эгейское море. *Hoefel*, p. 65, находит источник этой истории у Гегесиппа Мекибернского, автора краеведческих сочинений, жившего в III или II в. до н.э., и чей труд известен нам благодаря нескольким фрагментам, собранным Якоби, т. III В (№ 391), p. 273-275.

³ Имя первого музыканта упущено в тексте Фотия, скорее всего, по ошибке одного из переписчиков. Но Страбон рассказывает эту историю согласно Тимею, называя имя музыканта – Аристон.

⁴ Тимей из Тавромения (IV-III вв. до н.э., фрагменты у Якоби, т. III В, p. 561-668), в рассказе о котором Страбон и Антигон Каристский приводят историю, очень близкую к этой, мог быть источник Конона (*Hoefel*, p. 4).

⁵ Другие свидетели этой легенды дают Manto, а не Mante.

⁶ Мопс (Μόψος) – персонаж древнегреческой мифологии. Сын Ракия и Манто (либо сын Аполлона и Манто). Прорицатель из Колофона. По одной версии, основал Колофон.

⁷ Кларос (Κλάρος) в древности местечко в области Колофона, ионийского города на западном берегу Малой Азии, со знаменитым святилищем и оракулом Аполлон.

⁸ Колофон (Κολοφώννα) – город в Лидии.

⁹ Калхас, также Калхант (Κάλχας) – в древнегреческой мифологии сын Фестора из Микен или Мегары, жрец и прорицатель в войске Агамемнона, по словам Гомера «знавший, что есть, что будет или что было». Неоднократно упомянут в «Илиаде» (I, 69 и др.).

7. Седьмое рассказывает о Филаммоне, сыне Филониды, рожденной Эосфором¹ и Клеобоей из Форики, в Аттике. Этот Филаммон был отмечен небесной красотой. Молодой человек полюбил нимфу, и она от него забеременела. Чтобы скрыть свой позор, она покинула Пелопоннес и пришла в Акте², где родила мальчика Тамириса (Фамиру). Когда он вырос, то стал настолько искусным музыкантом-кифаристом, что скифы избрали его своим царем³. Он бросил вызов Музам в песенном конкурсе. Условие было следующим: при победе он женится на музе, а если они возьмут верх, то поступят с ним по собственному желанию. Он проиграл и был лишен зрения⁴.

8. Восьмое говорит о Протее⁵, египетском пророке, и его дочери, Теоное, полюбившей Каноба (он был кормчим Менелая по возвращению из Трои), но без ответа. Каноб был красив и молод. Когда Менелай и Елена хотели отплыть из Египта, где стояли на якоре, то Каноба укусила за ногу змея; образовалась гангрена и тот умер. Менелай возвел могилу на том месте, где позднее в устье Нила был построен город, названный Каноб, или, Канобик, по имени кормчего⁶.

9. Девятое рассказывает о Семирамиде, и Семирамида, заявляет наш автор, была Нину⁷ не женой, как рассказывают другие, а его дочерью. Одним словом, он приписывает Семирамиде все то, что другие приписывали Атоссе Ассирийской⁸; либо он знал лишь одного человека под этими именами, либо история Семирамиды ему не была известна вовсе. Как бы там ни было, он

¹ Эосфор (Ἐωσφόρου «несущий свет») – у древних греков название Утренней звезды. По Гесиоду, Эосфор был сыном титанида Астрея и богини зари Эос и считался любимцем Афродиты, которая сделала его стражем своего святилища.

² Самый восточный из трех языков земли Халкидики, Афон. Cf. *Hirschfeld*, s. v. Akte, in *P.W.*, t. I. 1894, col. 1213.

³ Тамирис (Фамира) выиграл приз на Пифийских играх третьим, после Хрисамона и Филаммона, его отца и деда. Но что он был царем скифов, не сообщают ни Страбон, ни Павсаний. Впрочем, у Геродота есть легенда о царице Томирис у массагетов, сражавшихся с Киром Персидским. Возможно, это лишь случайное созвучие.

⁴ Павсаний говорит, что Тамирис (Фамира) лишился зрения из-за той же болезни, что постигла Гомера. И добавляет, что Гомер, ослепнув, продолжил свое дело, а Тамирис (Фамира), после постигшего его несчастья, стихи более не писал. *Hoefel*, p. 65-66, предполагает, что источником Конона все-таки мог быть Гегесипп из Мекиберны. Ничего более конкретного найти не удалось.

⁵ Протей (Πρωτεύς) – одаренный даром прорицателя морской старец, подчиненный Посейдону, пасший тюленей Амфитриты и имевший местопребывание на острове Фарос у Египта. Т.к. он в полдень выгонял свое стадо на берег и отдыхал с ним в тени скалы, то однажды Менелай, который во время обратного плавания из Трои в отчество был задержан долгое время на этом острове противными ветрами, по совету Эйдофеи, дочери Протея, захватил его во время сна и, как тот ни старался различными превращениями освободиться, принудил его предсказать, как он может возвратиться домой.

⁶ Отдаленным источником данных, касающихся Каноба, является Гекатей Милетский, но недавний характер других элементов указывает на то, что один из них уже упоминался как александрийский источник, вероятно, «учебник». См. *Hoefel*, p. 89-90 и 109.

⁷ Нин (Νίνοϋς) – царь Вавилонии, IX в. до н.э.

⁸ Атосса (Ἀτόσσηϋς) – дочь Ариаспа. Гелланик мог полагать ее одной и той же фигурой, что и Шаммурамат (Семирамида), и это несомненно делает Евсевий (Атосса-Семирамида, дочь царя Ассирии Белоха [или Нина, по Макробию], правит с отцом семь лет – мифическая цифра, затем их сменяет садовник Белетар).

утверждает [132b], что царица имела открытую связь со своим сыном как с мужем; так что то, что порождало гнев других, среди персов и мидян было хорошим тоном и обычным делом¹.

10. Десятое о Ситоне, царе Херсонеса Фракийского, сыне Посейдона и Оссы, отце Паллены от нимфы Мендеиды. Когда многие стали претендовать на нее, был объявлен конкурс: тот, кто в поединке одолеет Ситона – получит и девушку, и царство. Тотчас же предстали и были убиты Мероп, царь Антемусии и Перифет из Мигдонии². После этого Ситон, не желая более сражаться, заявил, что женихи должны за приз биться между собой. Стали состязаться Дриант и Клит, и Дриант погиб по хитрости Паллены³. Узнав об этом, Ситон приказал предать Паллену смерти, но Афродита при помощи жителей города спасла девуцу от смерти. После смерти отца Паллена и Клит стали царствовать, и эта земля стала именоваться по ее имени, Палленой⁴.

11. Одиннадцатое о жертве Гераклу, приносимой линдосцами⁵, которые сопровождали эту жертву проклятиями. Произошел это обычай оттого, что Геракл, пребывая в их стране, спросил земледельца какой-либо еды для своего сына Иолая, которого, совсем еще юным, взял собой в путешествие. Но крестьянин не только не дал им ничего, но и стал над ними насмехаться. Геракл, негодуя, убил одного из его быков, изжарил, и от души с Иолаем наслаждался едой за счет крестьянина. А тот издалека проклинал их от всего сердца. Геракл же только и делал, что смеялся и, усмехаясь, говорил, что никогда еще не ел блюда лучшего, чем приправленного проклятиями.

12. Двенадцатое о Тросе, сыне Эрихтония, внуке Дардана, царствовавшем в земле, расположенной у подножия горы Ида⁶. От жены Каллирой у него была Скамандра, Ил (отсюда и Илион), Асарак и Ганимед, похищенный Зевсом. Асарак вместе с отцом царствовал в Дардане, столице троянцев. Ил построил Илион и победил в бою царя бебриков⁷ по имени Биз и помышлял об увеличении Илиона⁸.

¹ *Hoefler*, p. 90-91, не видит другого возможного источника, кроме того же «руководства», к девятому рассказу Конона.

² Антемусия и Мигдония – провинции Фракии. Фукидид о них говорит, что они были частью Верхней Македонии и завоеваны предками Пердикки.

³ По рассказу мифографа Парфения (Парфений. О любовных страстях, 6), ссылающегося на Феагена и «Палленскую историю» Гегесиппа, когда Сифон состарился, он приказал двум женихам (Дрианту и Клиту) вступить в поединок на колесницах друг с другом, получив в награду царевну и царство. Паллена, влюбившись в Клита, хитростью обеспечила ему победу (её воспитатель подкупил возницу Дрианта, который не закрепил колеса повозки).

⁴ Это приключение, так похожее на приключение Эномая, было рассказано Гегесиппом из Мекиберна, и мы можем прочесть это у Якоби (фр. 2), т. 1, с. 1115, p. 273-274, текст, который при сравнении оказывается источником Конона.

⁵ Линд (Λίνδος) – город, находящийся на мысе Крана – на юго-востоке острова Родос в Греции.

⁶ Ида (греч. Ἰδῆ), также Псилоритис (Ψηλорείτης) – высочайшая гора острова Крит (2456 м). Расположена в центральной части острова.

⁷ Бебрики (Βέβρυκες) (или бебриги) – народ, обитавший в античные времена на территории Вифинии и Мисии. Согласно Страбону, они были одним из фракийских племён, проникших в Малую Азию из Европы; см. *Hoefler*, p. 42-44 и 109.

⁸ Параллель у Аполлодора, III, 12, и схолия у Аполлония Родосского, I, 916, позволяют нам вернуться к источнику этой истории; это Гелланик из Митилены, фр. 138 (Jacoby, t. I, p. 140).

[133a] 13. Тринадцатое про Этиллу, дочь Лаомедона и сестру Приама. Ее пленил Протесилай и вместе с другими троянцами увез на корабле. В наказание на него внезапно, налетела буря, и он с трудом смог встать на якорь между Мендесом¹ и Скионой². Когда Протесилай со своими людьми сошел на берег в поисках воды, Этилла заявила пленным сотоварищам, что если эллины приведут их в Элладу, то все, что было ранее, покажется троянцам золотом по сравнению с ожидающими их несчастьями. Она убедила их поджечь корабли и эллины, вынужденные остаться в этой местности, основали город, названный Скиона.

14. Четырнадцатое про Эндомиона, сына Аэтния, который был сыном Зевса и Протогеней, дочери Девкалиона. У него было двое детей – Эврипила и Этол, который оставил Пелопоннес³ и, отказавшись от отечества, со своими друзьями поселился в земле напротив, затем изгнал [живших там] куретов, назвав ее Этолия, дав свое имя. Сын Эврипилы и Посейдона Элей царствовал после смерти своего деда по материнской линии, и городу, построенному Эндомионом, дал свое имя – Элис⁴.

15. Пятнадцатое о Фенее⁵, Деметре и Коре, которую Плутон похитил втайне от ее матери и увел в свое подземное царство. И фенеаты показали Деметре место, где можно было спуститься под землю (это разлом в Киллене⁶), и помимо прочих благ, которые им за это дала богиня, было обещание того, что в сражениях будет погибать не более ста фенеатов⁷.

16. Шестнадцатое о Промахе и Левкокоме из Кносса (Кносс – город на Крите). Этот Промах страстно полюбил молодого человека, но Левкоком не отвечал взаимностью, он давал ему ежедневно все более сложные и опасные поручения, чтобы тот заслужил его любовь. Когда Промах преодолел все трудности и, видя, что его надежды не оправдались, он в свою очередь сам отомстил Левкокому. Последний свой дар (а это был общеизвестный шлем) он водрузил на голову другому прекрасному юноше в присутствии Левкокома; и тот в отчаянии бросился на свой меч.

¹ Мендес (Μένδης) – крупный древнеегипетский город в северо-восточной части дельты Нила, на южном берегу о. Танис и при устье Нила, столица 12-го нома Нижнего Египта.

² Скиона (Σκίωνα) – главнейший город македонского полуострова Паллены на западном берегу, к востоку от мыса Посидиона.

³ Павсаний (V, 1, 8) говорит, что он стал царем Элиды после брата Эпея. Затем, во время гонок на колесницах, нечаянно задавил колесницей Апида (Аписа), сына Ясона, во время погребальных игр в честь Азана. Сыновья Апида добились его осуждения за убийство, и он бежал в страну Куретиду вдоль Ахелоя. Там он убил сыновей Фтии и Аполлона и назвал землю Этолией.

⁴ Страбон, VIII, 3, 33 и X, 3, 2, совершенно определенно приводит к источнику этой истории, которым является Эфор, фр. 115 и 133 в Jacoby, vol. II A, p. 71 и 77. См. *Hoefel*, p. 69-70.

⁵ Φενεατῶν. Город в Аркадии.

⁶ Κυλλίνη. Гора в Аркадии.

⁷ *Hoefel*, p. 91, указывает на сходство между этой историей и реальной, рассказанной Павсанием, VIII, 15, 4, но этот текст не является источником Конона. *Bolte*, s.v. Pheneos // P. W., t. XIX. 1938, col. 1975, критикует Хофера за то, что он недостаточно подчеркнул тот факт, что это «повествование» является лишь компиляцией ратора.

17. Семнадцатое о братьях Дикее и Силее – сыновьях Посейдона, живших в Фессалии, недалеко от горы Пелион¹. Первый был справедливым², соответствуя своему имени. Силей же – совершенно противоположный³, так что Геракл был вынужден его убить [133b]. Гостя у Дикее, он увидел дочь Силея, жившую у него и воспитывавшуюся; тогда он взял ее в жены. Когда Геракл был вдали от дома, она умерла от тоски по любимому. Геракл вернулся в тот момент, когда проводился похоронный обряд, и возжелал сгореть на том же костре. С трудом присутствующие его удержали, принося слова утешения. После его отбытия земляки соорудили гробницу на могиле девушки, а из нее, в дальнейшем, возвели храм Геракла.

18. В восемнадцатом о том, что локрийцы во время сражения, исходя из того, что Аякс был их соплеменником, соблюдали тот обычай, что оставляли в боевом порядке одно место пустым, как будто Аякс должен был его заполнить. Таким же образом они выстроились и на битву с кротонцами. Автолеон, возглавлявший кротонцев, решил атаковать в том месте, которое ему казалось пустым, и окружить противника, но, раненный в бедро призраком, он был вынужден выйти из сражения. Рана стала переходить в гангрену, если бы не совет оракула о том, что он должен отправиться на остров Ахилла на Понте (что за Истром, близ Тавриды). Там он увидел некоторых старых героев, среди которых и Аякса из Локр, успокоив чей дух, исцелился. Когда он собирался в обратный путь, то Елена велела передать Стесихору, что если он дорожит дневным светом, то должен спеть ей палинодию⁴. Стесихор немедленно спел гимн Елене и вернул себе зрение⁵.

19. Девятнадцатое о том, что дочь Кротопа⁶ Псамата родила ребенка от Аполлона и после родов, так как она боялась отца, отдала его. Назвала она его Лином. Принял его пастух и воспитал как своего сына. Но случилось так, что собаки, охранявшее стадо, растерзали его. Мать в отчаянии пришла с повинной к своему отцу, а отец осудил ее на смерть, полагая, что она предавалась блуду и оклеветала Аполлона. Но Аполлона разгневала казнь возлюбленной, и он в наказание наслал на аргосцев чуму. Когда же они спросили оракул, как им от

¹ На юго-востоке Фессалии.

² Дикей (δικαῖος, от δίκαιος) – «справедливый».

³ Силей (Σύλευς) – «грабитель».

⁴ Палинодия (Παλινωδία, от *pálin* – обратно и *odé* – песнь) – род стихотворения в древности, в котором поэт отрекается от сказанного им в другом стихотворении.

⁵ Стесихор (Στησίχορος, 2-пол. VII в. до н.э. – ок. 556 до н.э.) – древнегреческий лирический поэт, представитель хоровой мелики. Был включен в канонический список девяти лириков. Существовало предание, что поэт ослеп, когда написал стихотворение, порочащее Елену, и вновь прозрел после создания «Опровержения»; в нем говорилось о древнейшей легенде об Елене, согласно которой Елена осталась в Египте, а в Трою отправился только призрак. Из многих версий этой истории наиболее близкой к Конону является версия Павсания, II, 19, 11-13, в которой единственным несоответствием является имя Леонима вместо Автолеона. Hoefner, p. 31-33, полагает, что две версии имеют неопределимый общий источник, вероятно, уже упомянутое «Руководство II». Остров Ахилла – это мифическая Левка в Понте Эвксинском.

⁶ Кротоп (Κρότωπις, Κρότωπος) – персонаж древнегреческой мифологии, царь Аргоса после Иаса.

этого избавиться, он ответил, что надо умиловать Псамату и Лина. Тогда аргосцы кроме прочих почестей стали посылать женщин и девушек оплакивать Лина. А плакальщицы, чередуя мольбы и френы¹, оплакивали еще и свою судьбу. И плач по Лину был так прекрасен, что с тех пор у всех поэтов поется о Лине в каждой скорбной песне. И месяц [134а] назван Арнием, потому что Лин был вскормлен вместе с ягнятами. С тех пор приносят жертвы, когда справляют праздник Арниды. В этот день убивают всех собак, сколько их ни найдут. Однако бедствия прекратились лишь тогда, когда Кротоп², по приказанию оракула, покинул Аргос и поселился в основанном им на земле Мегариды городе, который он назвал Триподиск.

20. Двадцатое о том, как Феокл Халкидиец, плененный бизалтами (бизалты – фракийское племя, обитавшее напротив Паллены), тайком направился к халкидийцам, чтобы предупредить, что если они нападут, то застанут бизалтов врасплох. И те, напав неожиданно, посеяли страх среди бизалтов и при помощи предательства пастуха, захваченного в плен, стали хозяевами занятого города, изгнав оттуда бизалтов. Пастуха же, в нарушение данного обещания за его службу, они убили. В результате их постиг гнев божественный, пока они не обратились к оракулу, и по его велению возвели великолепную гробницу пастуху и наградили его почестями, достойными героя; в результате чего и были спасены от несчастий.

21. Двадцать первое о Дардане и Ясоне, сыновьях Зевса и Электры Атлантиды, живших на острове Самофракия. Ясон, попытавшийся обесчестить Деметру, был поражен ударом молнии. Дардан, приведенный в ужас тем, что постигло его брата, направился в землю напротив, расположенную на широкой равнине подле горы Ида, на плоту (кораблей тогда еще не было). Властвовал в той стране сын Скамандра, бога одноименной реки, и нимфы³ – Тевкр. Жители именовались тевкроями, а сама страна – Тевкрией. После нескольких проведенных совместных бесед Дардану была отдана половина земли, а в том месте, где он пристал на своем плоту, был основан город, получивший имя Дардана. Затем после смерти Тевкра он принял власть над всей страной.

22. Двадцать второе о юноше с Крита, получившем от своего любовника в подарок новорожденную змею. Юноша кормил ее, окружал заботой, до тех пор пока змея, достигнув больших размеров, не стала пугать соседей, которые заставили юношу отнести ее в ближайший лес, что он и сделал, пролив немало слез. Спустя несколько лет юноша, ставший взрослым, пошел туда на охоту и подвергся нападению разбойников. Тотчас же он принялся кричать, и змей, услышав знакомый голос, пришел ему на помощь. Он набросился на разбойников, удушил их всех и спас того, кто с добротой к нему относился⁴.

¹ θρῆνος – погребальная песнь.

² Считается, что Кротоп – это искажение Кореба. Р. Анри передает текст Фотия как он есть, поскольку традиция единодушна.

³ Нимфу звали Идая, ее имя не указано, вероятно, по ошибке одного из переписчиков.

⁴ Элиан, *Varia historia*, XIII, 46, рассказывает точно ту же историю, что и история Конона, но помещает ее в Патры, а не на Крит. Этот анекдот, лишенный точности, трудно найти, и Хофер ограничивается (р. 91-92) тем, что пишет, что Элиан, должно быть, использовал тот же источник, что и Конон.

[134b] 23. Двадцать третье о том, что от Александра-Париса и Эноны, на которой он женился до похищения Елены, родился сын – Корит, красотой превзошедший отца. Мать отослала ребенка к Елене, чтобы вызвать зависть у Александра и уязвить Елену. Корит стал для Елены своим человеком; Александр же вошел однажды в спальню и увидел, что Корит сидит возле Елены – тотчас же Александр вспылал подозрением и убил Корита. А Энона от обиды, нанесенной ей, и из-за смерти сына много наколдовала и наворожила Александру (ведь у нее был дар прорицания, и она знала волшебные травы), и тот однажды был ранен ахейцами, но помощи не получил и пошел домой. А через некоторое время Александр, в битве с ахейцами за Троию был ранен Филоктетом; в повозке его доставили к горе Иде. Он послал вестника и через него призвал Энону, но та обошлась с глашатаем грубо и с бранью приказала Александру вернуться к Елене. И Александр в пути умер от раны. Энона же, еще ничего не зная о его кончине, глубоко раскаялась. Она приготовила отвар из целебных трав и побежала, чтобы не допустить гибели Александра. Узнав от вестника, что Александр скончался и, что убила его она, то швырнула камнем в голову говорившего, а тело Александра обняла и, безумолчно проклиная их общую злую судьбу, повесилась на собственном поясе¹.

24. Двадцать четвертое о том, как в Феспиях в Беотии (этот город расположен недалеко от Эликона), родился красивый мальчик Нарцисс, с презрением относившийся к Эроту и своим обожателям. Многие отчаялись в своей любви, но остался единственный, Аминий, продолжавший добиваться расположения и, придя с посланным ему мечом, покончил с собой у дверей Нарцисса, горячо умоляя бога отомстить за свою смерть. Однажды Нарцисс увидел себя: посмотрев в источник, он увидел² в воде свое отражение и стал первым, кто вспылал сам к себе неестественной любовью. В конце концов, не зная, что делать в своей беспомощности и, считая, что несет наказание за презрение чувств Аминия, он покончил с собой. С тех пор феспийцы окружили культ Эрота еще большим почитанием, и помимо общественных жертвоприношений он пользовался и частными. Местные жители [135a] были убеждены, что цветок нарцисс впервые появился из земли в том месте, куда упали капли крови Нарцисса.

25. Двадцать пятое о Миносе, сыне Зевса и Европы, царствовавшем на Крите, который отправился на поиски бежавшего Дедала в Сиканию (или, как мы говорим сейчас, Сицилию), но погиб из-за происков дочери Кокала (он тогда царствовал в Сицилии). Тогда жители Крита пошли войной на

¹ Два рассказа Парфения Никейского предлагают интересные параллели с рассказом Конона. Среди других версий этой легенды, к которым мы восходим через посредство этого ученого поэта, версия Кефалона из Гергифия, на самом деле Гегесианакса Александрийского (фр. 2 и 6; Якоби, т. I, р. 270-271), является, по мнению Хофера (р. 45-47), предполагаемым источником Конона.

² Греческое слово *indallomenen* принадлежит языку поэтов и выдает поэтический источник, но единственный известный поэт, воспевавший эту легенду, – это Овидий, «Метаморфозы», III, 842 sqq.

сицилийцев, чтобы отомстить за своего царя, но потерпели поражение. Победенные, они возвращались, когда были выброшены штормом к япигам и, осев в этом месте, критяне смешались с япигами. Спустя время часть их, изгнанная из страны во время внутренних беспорядков, спросила оракул, где им поселиться и, получив ответ, что там, где их ждет земля и вода, поселились в землях боттиев¹. Там они увидели детей, которые лепили хлеб из глины. Когда проходящие мимо попросили хлеба, они дали им не настоящий хлеб, а слепленный из глины. Решив, что веление оракула выполнено, они стали просить македонского царя позволить им остаться, на что и получили разрешение жить в земле боттиев и, сменив имя на третье – боттии – стали одним из фракийских племен.

26. Двадцать шестое рассказывает о призраке Аполлона, именуемом Карней Дорийский², который был убит Гиппотом³, потомком Геракла, когда Гераклиды возвращались на Пелопоннес. Тогда чума немедленно поразила их и, следуя оракулу, они изгнали Гиппота из лагеря; тогда был предсказан призрак. Дорийцы вернулись на Пелопоннес; Гиппот же бродил по свету пока не женился и не родил сына, которого назвал Алет, в честь своих скитаний⁴. Когда тот стал мужчиной, то, собрав дорийцев, напал на Сисифидов, царствовавших в Коринфе⁵, изгнал их и населил город ими [дорийцами] и ионийцами. Так продвигаясь по Аттике, он узнал от оракула, что победит, если пощадит царя афинян. Узнав предсказание оракула, афиняне убедили Кодра⁶, который был уже семидесяти лет, посвятить себя спасению отечества. Тот сменил свою одежду на одежду лесоруба и, затеяв ссору с каким-то дорийцем, принял смерть. Тогда дорийцы, узнав, что не смогут победить, заключили с афинянами мир⁷.

27. Двадцать седьмое о Девкалионе, царствовавшем в Фотиде, и о наводнении, затопившем Элладу; также о его сыне, Эллине [135b], которого считали сыном Зевса, сменившем на царстве Девкалеона после его смерти.

¹ Фракийское племя, получившее название от своего предводителя – Боттона.

² Карн, Карней (Κάρνειος) – в древнегреческой мифологии имя героя и известный эпитет Аполлона. В легенде о Карне есть довольно много параллелей, и все они ведут к Феопомпу. Однако для Хофера (p. 78) это не источник Конона. Этимология Алета находится в Etymologicum Magnum. Для войны против Афин основным источником является Эфор, но смерть Кодра – слишком распространенная тема, чтобы мы могли обнаружить точный источник. *Toepfer*, s.v. *Aletes* // P. W., t. I. 1894, col. 1370, находит, что Конон является единственным источником, объединяющим Алета и Кодра и вторжение в Аттику.

³ Гиппот (Ἰπλότης «управляющий конями, лихой ездок, всадник»).

⁴ Алет (Ἀλήτης) – букв. бродяга.

⁵ Сисифиды (Σισυφίδας) – наименование коринфян, чей род по преданию был основан Сисифом.

⁶ Кодр (Κόδρος) – сын Меланфа, мифический царь Аттики (1089–1068 до н.э.), живший во времена переселения дорийцев.

⁷ Смерть Кодра хронографами обычно относится к 1068 до н.э. Жители Аттики решили больше не иметь царей, а выбирать пожизненных архонтов. Первым из них был сын Кодра – Медонт.

У него было три сына; старшего, Эола, он сделал своим преемником, чтобы тот управлял царством, которое затем расширил между реками Асопом и Энипом¹. Поэтому эолийцы и произошли от него. Дор, его второй сын, взял с собой часть людей, и по велению отца подле горы Парнас основал города Бонион, Китиний, Эриней; следовательно, там стали обитать дорийцы. А младший, Афин², достиг Аттики и, основав там так называемый Тетраполис³, женился на дочери Креуса Эрехтея, и та родила Ахей и Иона. Ахей вынужден был покинуть страну из-за совершенного им неумышленного убийства⁴ и прибыл на Пелопоннес, где основал Ахейский Тетраполис, положив начало ахейцам. Ион, после смерти своего деда по материнской линии, Эрехтея, в знак признания его добродетели и прочих достоинств, стал царствовать над афинянами, поэтому афиняне стали зваться ионами, а все население – ионийцами.

28. Двадцать восьмое о Теннесе и Гемитее, детях Кикна, царя Троады. Когда Кикн потерял свою жену, то женился на другой⁵, и та воспылала страстью к своему пасынку, но, не получив взаимности, обвинила юношу в аналогичном поведении. И отец, введенный в заблуждение, заточил Теннеса в сундук, а так как Гемитея оплакивала своего брата, то ее постигла та же участь. Сундук, брошенный в море, был отнесен течением к соседнему острову, жители которого вытащили его на берег, Теннес и Гемитея удостоились власти, а остров изменил свое название с Левкофрия на Тенедос⁶. И Кикн в раскаянии прибыл на остров и с борта корабля стал умолять сына о прощении. Но тот схватил топор и, чтобы не дать отцу сойти на берег, перерубил корабельный канат. И теперь о совершенном безжалостном поступке люди говорят: «Топор Теннеса»⁷.

29. Двадцать девятое о магнетах, которые сейчас проживают в Магнесии, в Азии; прежнее их место жительства было на берегах реки Пеней, подле горы Пелион⁸. Они совместно с ахейцами пошли войной на Трою под предводительством Профоя⁹ и были приглашены в Магнесию. Спустя десять лет, когда магнеты вернулись из-под Трои, он же послал их в Дельфы.

¹ Асоп протекает в Беотии, а Энип – в Фессалии. Таким образом, Эллин на много увеличил территорию царства.

² Другое его имя – Ксуф (Ξούθος).

³ Τετράπολις – союз четырех городов – Энои, Пробалинфа, Трикорифа и Марафона.

⁴ Павсаний (Описание Эллады VII 1, 2-3) говорит, его обвинили в том, что он похитил часть отцовских богатств.

⁵ Первую жену звали Прокла, вторую – Филонома.

⁶ Сейчас это турецкий остров Бозджаада, в северной части Эгейского моря, при выходе из пролива Дарданеллы.

⁷ Павсаний (Описание Эллады, X, 14, 2) говорит: «Поэтому о людях, дающих решительный отказ, принято говорить: «Это тот, кто отрубил то-то и то-то тенедосским топором».

⁸ Пелопоннес, Элида.

⁹ Профой (Профоой, Πρόφωον) – персонаж древнегреческой мифологии. С восточного побережья Фессалии. Сын Тендредона. Жених Елены. Правил у Пелиона. От магнетов привел под Трою 40 кораблей.

Но после многих лет они покинули священное место и, уйдя по морю, прибыли на Крит. Но потом вынужденные покинуть Крит, они прибыли в Азию и [136b] оказались большим подспорьем ионийцам и эолийцам, став их союзниками в борьбе против захватчиков¹. Оттуда пошли далее и основали город, назвав его, в соответствии древним отечеством, Магнесией².

30. Тридцатое о Пифении Аполлонийце, что был пастухом жертвенных стад для Гелиоса. Но из-за его небрежной службы волки зарезали шестьдесят овец, и граждане в наказание лишили его зрения. Тогда земля перестала давать урожай аполлонийцам потому, что бог разгневался на них. Это продолжалось до тех пор, пока они не только умилили Пифения, но и еще подарили ему два дома в округе, и один в городе по его выбору; тогда бесплодие прекратилось. Этот Пифений происходил из знатного рода, как и все его преемники в заботе о священных стадах. А Аполлония – эллинский город³ в Иллирии и расположен на берегу моря⁴, через него течет река Лой⁵ и впадает в Ионическое море.

31. Тридцать первое о Терее, царе Фракии, над Давлидой и прочими, смежными [землями] в Фокиде, который женился на Прокне, дочери афинского царя Пандиона. Он, изнасиловав сестру Прокны, Филомелу, отрезал ей язык, боясь, что та расскажет о его преступлении. Но та на ткани выткала буквы, описав произошедшее с ней. Прокна, узнав об этом, из мести приготовила ему на ужин блюдо из его собственного сына. Терей, узнав, что съел чудовищную пищу, достал меч и решил убить саму Прокну и ее сестру, как сообщницу. Но, согласно мифу, в этот момент Прокна превратилась в соловья, а Филомела – в ласточку и, с тех пор они всегда поют о случившемся горе. Терей же, согласно мифу, превратился в удода; все они, будучи птицами, по-прежнему хранят взаимную ненависть, поэтому удода всегда гоняется за соловьями и ласточками⁶.

32. Тридцать второе о том, как пропала Европа, дочь Феникса, и отец отправил сыновей на поиски сестры. Среди них был Кадм, спутником которого стал Протей, бежавший из Египта в страхе перед царствовавшим там Бусирисом⁷. После долгих и бесполезных скитаний они достигли Паллены.

¹ Эолийцы и эонийцы основывали в Азии свои колонии.

² *Burchner*, s.v. *Magnesia* (n. 2) // *P.W.*, t. XIV. 1930, col. 471-472, считает, что именно Конон сохранил ядро легенды об основании Магнесии на Меандре. Хофер (p. 71) обнаруживает источник этой истории у Эфора.

³ Согласно Страбону (VII,5,8) – это колония коринфян и коркирцев.

⁴ Конон ошибается, она отстояла от моря на 60 стадий.

⁵ Другая ошибка, скорее всего, переписчика. Река именовалась Аой (совр. Виоза) и протекала в 10 стадиях от города.

⁶ Со временем сформировалось множество версий этой известной легенды. Согласно Хоферу, p. 94-96, все они восходят к «Терею», утерянной трагедии Софокла. История Конона по своему этиологическому характеру весьма далека от трагедии и, несомненно, зависит от уже часто подвергавшегося сомнению «учебника».

⁷ Бусирис (Бусирид, Βούσιρις) – царь Египта, сын Посейдона и Лисианассы. Когда страну поразила засуха, длившаяся девять лет, критский прорицатель Фарсий предсказал, что бедствие прекратится, если Бусирис будет приносить в жертву Зевсу по одному чужестранцу в год. Бусирис первым умертвил самого Фарсия, а затем закалывал у алтаря всех чужеземцев, прибывавших в Египет.

Там Протей был гостеприимно [136b] принят Клитом (Клит был мудрым и справедливым царем ситонов – фракийского племени) и, одарив его многими подарками, женился на его дочери Хрисоное. Изгнав бизалтов с их земель в результате войны, развязанной против них Клитом и Протеем, там воцарился Протей и породил сыновей, совсем на него не похожих, жестоких и попирающих законы; нечестивцев этих уничтожил Геракл. Отец их сам вырыл им могилы и провел обряд очищения Геракла (он оказался пораженным проклятием) после совершенного им убийства¹.

33. Тридцать третье о Демокле Дельфийце, у которого был красивый сын по имени Смикр. Отправляясь в Милет, он, по воле оракула, взял с собой своего ребенка. Но, поспешно возвращаясь, по забывчивости оставил своего тринадцатилетнего сына. Тогда сын козопаса Эрифарса нашел Смистра и привел к своему отцу, и тот, тронутый внешностью и постигшей Смистра неудачей, окружил его заботой, как своего собственного сына. Далее, когда двое мальчиков спорили из-за пойманного лебедя, появилась Левкофея² и сообщила милетцам, чтобы те учредили спортивные состязания в ее честь потому, что борьба детей ей очень понравилась³. Смикр женился на дочери одного уважаемого милетца; во время родов ей [его жене] привиделось, будто солнце через рот вошло ей в живот и вышло в его нижней части, и это видение было добрым знаком. Она родила сына и нарекла его Бранхом из-за того, что солнце, проникнув в нее, вызвало хрипоту⁴. Ребенок был красивейшим среди людей и его полюбил Аполлон, когда тот пас овец, и на том месте, где они подружились, был возведен алтарь Аполлону. Бранх получил в дар от Аполлона умение пророчествовать и занялся этим в окрестностях Дидим⁵. И по сей день в эллинском мире после Дельфийского, оракул Бранха наиболее почитаемый⁶.

34. Тридцать четвертое о том, как после смерти Александра-Париса, сыновья Приама – Гелен и Деифоб – стали спорить, кому жениться на Елене. Благодаря своей силе и уважению победил Деифоб, который был моложе.

¹ Схолия к Еврипиду, Рес, 29, говорит о Европе, правящей во Фракии. Эта схолия основывалась на «Паллениаке» Гегесиппа Мекибернского (фр. 3; Якоби, т. III В, р. 274-275), автора, который, по-видимому, уже является источником десятого рассказа. См. Хофер, р. 56-58.

² Левкофея, или Левкотея (Λευκοθέα «белая богиня») – в древнегреческой мифологии имя богини, в которую по желанию Диониса была превращена Ино – вторая дочь Кадма и Гармонии, супруга Афаманта, мать Леарха и Меликерта. Вскормила Диониса.

³ Конон – наш единственный источник информации об этих культах и ритуалах. Cf. *Eitrem S. s. v. Leukothea* // P. W., t. XII. 1925. Col. 2296.

⁴ Бранх (Βράγχος) – «хрипота».

⁵ Διδυμοί – город близ Милета.

⁶ Бранх положил начало роду прорицателей Бранхидов, который служил Дидимскому оракулу еще много столетий. Благодаря сохраненному Фотием этому отрывку из Конона и имеется история происхождения этого оракула. См. у Эфора источник этого рассказа (*Hoefler*, р. 80), потому что Страбон, IX, 421, говорит в отрывке, что при упоминании о Бранхидах, он обычно использует, Эфора, но это является поспешным выводом. Он отвергнут *Heeg*, s.v. Smikros // *Hoefler*, t. IV, col. 1083.

А Гелен, не вынеши оскорбления, удалился [137a] на гору Ида и предался покою. По совету Калханта, осаждающие Трои эллины устроили Гелену засаду; и под воздействием угроз, а еще из-за подкупа, а больше всего из злобы на троянцев, Гелен открыл, что Илион суждено им взять при помощи деревянного коня, и полностью это свершится тогда, когда ахейцы захватят упавший с неба Палладий Афины¹, – наименьший из существующих. И вот, чтобы украсть Палладий, было выслали Одиссея с Диомедом, и Диомед встал на плечи Одиссея и взобрался на стену. И хотя Одиссей протянул ему руки, Диомед не помог ему, а пошел один за Палладием и вернулся с ним к Одиссею. И когда они шли по равнине, Одиссей спросил у Диомеда о подробностях похищения, но Диомед, зная хитрость этого человека, не сказал, какой именно Палладий научил его взять Гелен, а сказал о другом Палладии. Когда же с помощью некоего божества Одиссей узнал Палладий, он отстал от Диомеда и извлек меч, чтобы убить своего спутника и самому принести ахейцам Палладий. Но как только он собрался нанести удар (а было полнолуние), Диомед увидел отблеск меча. Одиссей воздержался от удара потому, что тот тоже извлек меч, но, браня его за трусость и, ударя тыльной стороной меча по спине, стал подгонять идти дальше.

С тех пор существует поговорка: «Принуждение Диомеда», – обо всем, что совершается вопреки желанию².

35. Тридцать пятое о двух пастухах, пасших свои стада у подножия Лисса, возле Эфеса. Там они увидели рой пчел, выходящий из глубокой и труднодоступной пещеры. Один из них привязал к веревке большую корзину и спустился вниз с помощью товарища. Внизу он нашел и мед, который искал, и много золота, которое не ожидал увидеть; три раза он наполнял корзину, которую другой поднимал наверх. Когда все золото было поднято, он обратился к товарищу с тем, что сам сядет в корзину, чтобы подняться. Но, заподозрив, что тот может единолично воспользоваться их удачей, положил в корзину камень и дал сигнал к подъему. Подняв корзину до края отверстия, тот резко отпустил ее на дно пещеры, чтобы погубить товарища. Закопав золото, он стал придумывать возможную причину исчезновения второго пастуха.

Когда несчастный пастух [137b], оставшийся на дне пещеры, потерял надежду на спасение, ему во сне явился Аполлон и приказал нанести себе острым камнем раны и оставаться недвижимым, что тот и сделал. Появившиеся грифы посчитали его мертвым и, уцепившись когтями, кто – за волосы, кто – за одежду, вынесли его из пещеры и отнесли в ближайший овраг. Отправившись в суд, он обо всем рассказал. Злоумышленника эфесцы решили

¹ Палладий – легендарное деревянное изображение Афины Паллады, упавшее с неба. Было одним из залогов несокрушимости Трои.

² Все, что касается Палладия, собрано воедино в диссертации *Chavannon. De Palladii raptu*. Berlin, 1891. Этот эпизод восходит к Малой Илиаде, как и гомеровские схолии и Суда (s.v. *Diomedeios anaggke*), чья запись в точности параллельна рассказу Конона. Источником последнего является неизвестный автор. Хофер, р. 99-100 и 109, здесь вновь обращается к своему александрийскому «учебнику» по мифологии.

наказать; кроме того, тот, хотя и неохотно, показал место, где зарыл золото. Половину золота отдали добропорядочному, а другую половину посвятили Артемиде и Аполлону. Спасенный пастух, получив золото и став очень богатым, возвел алтарь Аполлону на вершине горы, который, в память об этом событии, именуется также и «Грифовым»¹.

36. Тридцать шестое о том, как Филоном Спартиат предал Лакедемон дорийцам, получил в награду Амиклы² и населил их выходцами с Имброса и Лемноса³. Третье поколение [жителей] восстало против дорийцев, покинуло Амиклы, взяло с собой некоторых спартиатов и под началом Полида и Дельфа уплыло на Кипр. Проплывая мимо Мелоса, Аподазм поселился там, и мелосцы, там проживавшие, смешались со спартиатами. Остальные добрались до Гортины⁴, заняли ее без каких-либо осложнений и поселились там с жившими там местными критянами⁵.

37. Тридцать седьмое сообщает, что Фасос⁶ является производным от Фасоса, брата Кадма; там он пребывал с оставленной братом частью войска. Сам Кадм, приобретя в Финикии достаточную силу и известность, был послан в Европу. Финикийцы были тогда (говорит автор) очень могущественными, завоевали большую часть Азии, и центром своего царства сделали Фивы Египетские. Кадм был направлен туда, как говорят эллины, в поисках Европы, дочери финикийца, похищенной Зевсом, который превратился в быка. Но, прибыв в Европу, он попытался там остаться, делая вид, что занят поисками сестры; поэтому миф о Европе и достиг эллинов. Прибыв в Европу и, оставив брата Фасоса, как уже говорилось, на острове, он отплыл в Беотию и остановился у места, именуемого сейчас Фивами; окружив с помощью войска его стенами и дал название «Фивы», во имя [138a] своего отечества. Беотийцы вступили в сражение с прибывшими и стали одолевать финикийцев, но те победили с помощью хитростей, устройства засад, имея необычное оружие и внешний вид; к тому же шлем и щит тогда эллинам были неизвестны. Кадм сделался хозяином земли беотийцев; те, кто спаслись – бежали – каждый в свой город. Финикийцы обосновались в Фивах, а он женился на Гармонии, дочери Афродиты и Ареса. А беотийцы были так сильно поражены оружием

¹ Лишь Конон, в отличие от других авторов, дает второе название этому алтарю, а также и причину его появления. Это снова из того же анонимного источника, что и *Hoefér*, p. 101, кратко об этой истории, которая, очевидно, имеет целью объяснить происхождение эпитета *Gypsaieus*; для бога Аполлона. *Jessen*, s.v. *Gypsaieus* // P. W., t. VII. 1912, col. 1092, отмечает, что Аполлон редко связан со стервятником в мифологии.

² Амиклы (Ἀμύκλεις) – древний ахейский город в Лаконии, располагался в среднем течении р. Эврот, в 3 км южнее Спарты.

³ Имброс – остров у побережья Фракии с одноименным городом. Лемнос – еще один остров у Фракии, где располагались два города – Эфестия и Мирины.

⁴ Гортина (Γορτύν) – античный город на Крите, в римское время столица острова (провинции).

⁵ Strabo, V, 4 и 5, говоря о поселении Амиклы, цитирует Эфора (фр. 117 и 118; Якоби, т. II А, р. 73-74). Таким образом, мы можем полагать, что другие данные исходят от того же автора (*Hoefér*, p. 71-73).

⁶ Фасос (Θάσος) – остров в северной части Эгейского моря.

и устроенными засадами, что были убеждены, будто те выходили из земли в полном вооружении и называли их «спартами», что означает «вышедшие из земли». Такова правдивая история о Кадме и основании Фив, все остальное – миф и красивые сказки¹.

38. Тридцать восьмое о некоем милетце, который в то время, когда его отечеству угрожал Гарпаг, [военачальник] Кира², уехал на Сицилию в Тавромений, где своему другу – меняле – отдал на сохранение золото, а затем уплыл обратно. Когда Кир поработил Милет и не причинил жителям ничего дурного, чего они опасались, милетец вернулся в Тавромений, чтобы забрать оставленные у менялы деньги. Но тот, соглашаясь, что принимал оговоренную сумму, заявил, что ее уже вернул. После долгих споров и пререканий, милетец решил привлечь его к суду, чтобы тот под присягой заверил свои слова, но меняла придумал следующую хитрость. Он влил расплавленное золото в пустотелую палку и заткнул отверстие. Явившись для дачи присяги, он опирался на эту трость, ссылаясь на немощь в ногах. Затем, желая дать клятву, он передал трость стоявшему рядом милетцу. Когда он, вознеся руки, стал клясться, что вернул милетцу деньги, врученные на хранение, тот отшвырнул трость, воскликнув, что есть люди более честные. Трость раскололась, и показавшееся золото раскрыло лжесвидетельство. Так милетец вернул свою собственность, а меняла под тяжестью стыда и всеобщего поношения, покончил с жизнью, надев на себя петлю³.

39. Тридцать девятое о Меланфе⁴ из рода [138b] Нелеида, царствовавшем в Пилосе, в Мессении и произошедшем от Посейдона. Его во время войны низвергли Гераклиды и изгнали из родной земли. Тогда по воле оракула он прибыл в Афины, где народ его принял и стал относиться с большим почтением. Когда между афинянами и беотийцами вспыхнула война, было решено разрешить спор единоборством царей. Но Фимет⁵, царь Афин, испугавшись поединка, заявил, что уступит царство тому, кто сразится против Ксанфа – беотийского царя. Тогда Меланф, желая получить царство, вступил в борьбу, согласившись на условие. Когда они вступили в сражение, Меланф увидел безбородый призрак, следовавший за Ксанфом. Тогда он воскликнул, что тот нарушает договор, идя в бой с помощником, на что Ксанф обернулся,

¹ Хофер не исследовал источники этого повествования. Он лишь указывает в своем указателе на эвгемеристический характер рассказа.

² Гарпаг (Ἄρπαγος) – мидийский сановник, а затем военачальник Кира II Великого и сатрап Лидии. Милет был завоеван и разрушен персами в 494 г. до н.э.

³ Прототип этой истории содержится в рассказе о попытке спартанца Главка обмануть милетцев. Геродот рассказывает об этом в VI, 86; Стобей, 28, 18, рассказывает точно такую же историю, как и эта, но с другими именами персонажей, но действие происходит в Тенедосе. *Hoefel*, p. 101, полагает, что перенос анекдота в Тавромений, который, конечно, не приписывается Конону, может наводить на мысль, что вероятным источником настоящего повествования будет историк Тимей, согласно Хоферу, источник пятого повествования.

⁴ Меланф (Μέλανθος) – мифический персонаж, относящийся к XII в. до н.э.

⁵ Фимет, или Фиметий (Φυμοίτης) – персонаж древнегреческой мифологии. Ленендарный царь Афин в 1134–1126 гг. до н.э.

не веря в нарушение. Меланф тотчас же нанес ему смертельный удар копьем, тем самым в одном поединке сохранив афинянам их владение и приобретя царство для себя. Таким образом, род Эрехтеидов сменился Меланфидами, откуда произошел и Кодр. Позже, по воле оракула, афиняне возвели храм Диониса Меланфида¹, где ежегодно приносили богу жертвы; кроме этого, они приносили жертвы Зевсу Апатурию² в память об обмане, давшем им победу в борьбе³.

40. Сороковая история передает миф об Андромеде, но не так, как его излагают эллины. Жили тогда два брата – Кефей и Финей, и Кефей царствовал над землей, позже называемой Финикией, а тогда именовавшейся Иоппа⁴, взявшей название от Иоппы – приморского города. Его владения простирались – от нашего моря – до земли арабов, живущих на берегу Красного моря⁵. У этого Кефея была дочь чрезвычайной красоты, Андромеда, которой предстояло вступить в брак с финикийцем, или с братом Кефея – Финеем. После долгих размышлений, кому из них отдать предпочтение, Кефей остановил выбор на финикийце, но, стараясь избежать ссоры [с братом], оставил это в тайне. Андромеда была похищена с пустынного острова, где по обыкновению совершала жертвоприношения Афродите. Финикиец похитил ее (воспользовавшись удачей на корабле, называвшемся «Кит», или по схожести с этим животным, или, по какой-то иной причине). Андромеда, похищенная [139a] без ведома отца, предалась плачу, взывая о помощи. Персей, сын Данаи, проплывавший мимо, увидел страдающую девушку и, проникшись к ней состраданием и любовью, разрушил корабль, тот самый «Кит» и, напал на него с такой яростью, что один перебил всех, окаменевших от ужаса. Поэтому-то эллины и придумали миф о чудовище и о превращении в камень при виде головы Горгоны. Взяв в жены Андромеду, Персей отплыл с ней в Элладу, где стал царствовать, поселившись в Аргосе⁶.

41. Сорок первое об Антандре, который ранее населяли пеласги, но, как утверждают некоторые, город был назван по причине того, что был дан выкуп за плененного ими Аскания, после чего он был ими отпущен; таким образом и произошло название Антандр – ἀντὶ ἐνὸς ἀνδρὸς – «вместо человека».

¹ Здесь редакторы Конона предпочитают Melanaigidi, нежели Melauthide, которого они считают заменой, сделанной читателем, не понявшим эпитета Диониса. См. *Hoefel*, p. 102.

² Ἀπάτης – хитрость, мошенничество, обман. В честь этого афиняне установили трехдневный праздник.

³ Мы знаем из Гарпократиона, s.v. Apatouria, что название этого аттического праздника уже было объяснено из *apate* у Эфора, который предлагает слишком много различий с Коконом, чтобы он мог быть источником. *Hoefel*, loc. cit., полагает, что наш мифограф все еще следует здесь александрийскому «руководству», которое так часто цитируется, и автор которого использовал бы для этой легенды аттидографию.

⁴ Яффа или Яффо, Иоппия (ивр. יָפֹ, букв. «красивая») – один из главных портов древнего Израиля и один из древнейших непрерывно населенных городов мира.

⁵ Об этом месте легенды у Конона ср. *Beer*, s.v. Joppe // *P. W.*, t. IX. 1916, col. 1901-1902.

⁶ Хофер не исследовал источники этой версии легенды; он указывает, что она носит эвгемеристический характер, и это мнение подтверждает *Tumpel*, s.v. Kephheus (n. 4) // *Roscher*, t. II, col. 1112.

Этот Асканий был сыном Энея, который после падения Трои царствовал на Иде. Другие повествуют, что пеласги поселились в Антандре по иным причинам; у Аполлона и Креусы родился мальчик по имени Аний, чей сын, Андрокс, дал название одному из островов, на котором жил. Но, изгнанный оттуда, подле Иды, на месте, что было схоже с Андроком, основал город, подобный первому дав ему, поэтому, имя Антандрос. Так как Андрокс был одинок, то поселил там в качестве жителей пеласгов. Кизик также был населен пеласгами. Кизик, сын Аполлона, царь пеласгов, живших в Фессалии, был изгнан эоликами вместе с пеласгами. На Херсонесе в Азии он построил город, дав ему свое имя, а затем намного усилил свое господство, женившись на Клите, дочери Метропа¹, царствовавшего в местности Риндака². В то время Ясон, плывший за руном, прибыл на своем Арго в Кизик, и пеласги, узнав, что корабль прибыл из Фессалии, придя в негодование, ночью напали на Арго³. Кизик направился, чтобы прекратить битву, но Ясон, не узнав, убил его, также он поразил многих пеласгов, после чего Арго отплыл в Колхиду. После смерти царя власть в городе была отдана аристократии (так как Кизик не имел наследника). Так было до тех пор, пока [139b] тиррены не изгнали кизикцев; они, пройдя на Пелопоннес, разгромили в сражении остатки милесийцев и поселились в Кизике.

42. Сорок второе о том, как Гелон Сикелиот, задумав установить тиранию, стал проявлять беспокойство о народе Гимеры, борясь с его угнетателями. И так он стал любим, что, когда попросил охрану для своей личности, то легко ее получил. Стесихор, гимерский поэт, предвидя наступление тирании, своей притчей предупреждал ничего не подозревающих в происходящем. Лошадь – говорил он – пасшаяся на лугу, пошла к источнику, чтобы напиться. Но олень, пасшийся там же, вытоптал траву и взбаламутил воду. Лошадь захотела наказать виновного, но не в силах его догнать, обратилась за помощью к охотнику. Тот пообещал помочь, но при условии, что лошадь закусит удила и возьмет его себе на спину. Она согласилась, олень был убит ударом копья, но тут же лошадь поняла, что оказалась в подчинении. Поэтому, я боюсь, гимерийцы, что то же произойдет и с вами, и вы, пребывая при демократии, преодолев врагов, с помощью Гелона, окажетесь в его власти. Ибо, любая власть бесконечно приятна для того, кто ее получает, но тот, кто однажды ее дал, не получит ее в том же виде⁴.

¹ Метроп (Μέτροπας). В греческой мифологии Метроп – царь фригийского города Перкоты, что вблизи Трои, отец Клиты.

² Стефан Византийский, автор сочинения «Этника» (VI в.), считает, что Риндак (Ῥύνδακον) – город, расположенный между Фригией и Геллеспонтом. Страбон (XII, 3,22; 6,10-11) и Плиний говорят, что Риндак – важная из малоазиатских рек, теперь носящая название Адирнас или Адранос-Чай, берет начало на северном склоне горы Диндима (ныне Мурад-Даг), во Фригии. *Hoefler*, p. 70-71, принимает в двух частях этого повествования выводы своего предшественника Кнаака, который в истоках этимологии Антандроса, как и истории Кизика, находит Эфора. К этому автору он приводит (fr. 184; Jacoby, t. II A, p. 95) схолиаста Аполлония Родосского и Помпония Мелу.

³ Пеласги были изгнаны из Фессалии.

⁴ Маловероятно, чтобы такой автор, как Конон, имел в качестве непосредственного источника самого Стесихора. Мы знаем, что историк Филист из Сиракуз рассказал ту же басню, приписывая ее тому же поэту, и этот историк является гораздо более нормальным источником для Конона. В аристотелевской версии того же анекдота (*Rhet.*, II, 20) это Фаларис, а не Гелон. Источник ошибки обнаружить не просто. Здесь *Hoefler*, p. 102-103, ни в коем случае не затрагивает ни Фотия, ни его переписчиков.

43. Сорок третье о том, как однажды кратеры Этны извергли настоящие реки огня и пламени. И катанцам (в Сицилии был эллинский город Катана) казалось, что для города наступает полный конец. И, убегая, как можно быстрее из города, одни из них уносили золото, другие – серебро, а иные всё, что пожелали взять из припасов на время бегства. Но Анапий с Амфином вместо всех вещей взяли на плечи престарелых родителей и так убежали. Других людей настигало губительное пламя, их же огонь окружил так, что они как бы находились на острове посреди горящего моря. Поэтому сикелиоты назвали это место благостным и воздвигли там статуи этих людей – в память о делах божеских и человеческих.

44. Сорок четвертая история рассказывает о том, что Леодам и Фитрес затеяли спор о том, кто будет царствовать над милетянами, так как оба происходили из царского рода. И народ, долго терпя их разногласия, решил положить конец их вражде, для чего было решено, что из двух победит тот, кто, если бы стал царем, совершит [140a] величайшее благодеяние для милетцев. Они воевали на два фронта: с каристийцами и – с мелосцами¹. Против Мелоса (по жребию – ему пришлось идти туда войной) направился, с армией Фитрес², но вернулся, не добившись успеха. Леодам, напротив, отличился большими подвигами против каристийцев, захватил город, поработил их и вернулся в Милет, где был избран царем, согласно договору. По воле оракула он отправил Бранхидам³ захваченную девицу – каристийку с ребенком под сердцем и многие другие дары – десятую часть добычи. В то время Бранх, руководивший храмом и оракулом, взял в жены девицу и усыновил родившегося вскоре мальчика. Ребенок этот вызывал удивление, так как был умен не по возрасту. Когда он достиг подросткового возраста, Бранх сделал его прорицателем оракулов и назвал Евангелием. В дальнейшем он принял от Бранха оракул и зачал род Евангелидов, бывших милетцев.

45. Сорок пятое об Орфее, сыне Загра и Каллиопы, одной из муз, который царствовал в Македонии в стране одрисов⁴. Он преуспел в музыке, но особенно в игре на кифаре. И этим (поскольку музыку любили как фракийцы, так и македонцы) он доставлял большую радость окружающим. Считалось, что после смерти своей жены Эвридики он спустился за нею в Аид, где Плутон и Кора, очарованные его пением, проявили свою благосклонность; но он недолго пользовался этими благами, потому что позабыл данные ими указания. Очарованные его пением и мелодичными звуками дикие животные, птицы, деревья и камни собирались вокруг. Умер он от рук фракийек и македонянок, раздраженных тем, что он не желал допускать их участия в жертвоприношениях, оргиях и, возможно, по другим

¹ Карист – город возле горы Оха в южной части Эвбеи.

² Хофер и редакторы Конона после него печатают *Amphitres* на протяжении всего повествования вместо *Phitres*; это имя мы читаем и у Николая Дамасского, рассказывающего ту же историю.

³ См. п. 33.

⁴ Фракийское племя.

причинам. Потеряв жену, он, якобы, возненавидел всех женщин. По местному обычаю толпа вооруженных фракийцев и македонцев, собиравшаяся в Либетроисе¹, в большом здании, предназначенном для священных обрядов. Перед входом всё оружие они оставляли у двери. Женщины увидели это и, решив отомстить за выказанное им презрение; однажды, когда мужчины собрались, они пришли, взяли оставленное у входа оружие и перебили всех, кто им попался. Орфея также изрубили и побросали [140b] его части в море. Тогда всех поразила чума потому, что женщины остались безнаказанными. И людям, обратившимся к оракулу за помощью, было объявлено, что они избавятся от напасти тогда, когда найдут голову Орфея и дадут ей погребение. Она была найдена благодаря рыбаку в устье реки Мелос, ибо, отделенная от тела, все равно пела и не была изуродована морем, как это происходит с другими людьми после их смерти. Напротив, после долгого пребывания, попав в невод, она сохранила цветущее состояние и природную красоту. Они взяли ее и устроили пышный похоронный обряд, надежно ее закрыв. В течение долгого времени это было святилищем героя, а позже там возвели храм и приносили в его честь жертвы, как прочим богам. Женщинам вход туда был полностью воспрещен².

46. Сорок шестое о том, как во время осады Трои Приам отправил в Лидию двух сыновей Гектора – Оксиния и Скамандра. После падения Илиона, Эней, сын Анхиса и Афродиты, бежал от ахейцев и поселился на горе Ида, а затем, когда Аксиний и Скамандр вернулись в Лидию и, прибыв в отечество, вступили в наследство, он, взяв отца Анхиса, товарищей, сколько было возможно и ведомый Афродитой, двинулся на Восток³. Переправившись через Геллеспонт, он прибыл в залив, именуемый Фермон⁴, где похоронил только что умершего Анхиса и, не пожелав царствовать над местными жителями, просившими его об этом, двинулся далее. Он прибыл в Брусиаду⁵, где при помощи Афродиты расположил к себе всех жителей. И когда корова, привезенная им с Иды, издала мычание (так велела ему Афродита), он понял знак и принял над этой землей власть. Принеся корову в жертву Афродите, он основал город, назвав его, по своему имени, Энея⁶, но позже, название было изменено на Энос. Такова одна из многих историй, которые рассказывают эллины. Но есть, например и такая, что он основал римский род и построил

¹ Λιβήτροις – город на горе Олимп, со стороны Македонии.

² *Hoefel*, p. 103-104, очень хорошо заметил, что несколько слов, встречающихся ближе к концу повествования, принадлежат стилю поэта, но он не верит, что этот поэт сам был источником Конона. Он думает, что этого поэта, должно быть, использовал александрийский мифограф, опять-таки редактор анонимного руководства, следы которого он так часто видит у Конона. Поэт – пожалуй, александрийский Фанокл, во фрагментах которого мы читаем параллель к Конону о ненависти женщин к Орфею и о судьбе головы певца.

³ По другим источникам, Эней, перейдя Геллеспонт, двинулся на Запад.

⁴ Фермон (Θερμόν) – город в Этолии.

⁵ Возможно, Брусида в Македонии.

⁶ Одни помещают этот город во Фракии, другие – в Македонии.

город Альбу по велению оракула, который приказал ему с товарищами обосноваться в том месте, где, принеся жертву богам, они, поев, съели бы и столы¹, что сейчас стало обычным.

47. Сорок седьмое об Алфемене [147a] из рода Гераклидов, бывшем в третьем поколении после Темена², о том, что он отложился от своих братьев (он был самым младшим) и покинул Пелопоннес с отрядом дорийцев, и некоторыми пеласгами. В это время афиняне отправили Нелея³ и других детей Кодра осваивать колонии; так же и лакедемоняне, недовольные гражданами, которых Филомон поселил в Амиклах, отправили их под руководством Полида и Дельфа⁴. Каждый из них был приглашен Алфеменом принять участие в его предприятии; тогда дорийцы стали его звать с собой на Крит, ионийцы же убеждали пойти в Азию. Но он, не желая следовать ни за теми, ни за другими, верный совету оракула, заявил, что обратится к Зевсу и Гелиосу, чтобы освоить их земли; ибо Зевсу принадлежал Крит, Гелиосу – Родос. Поэтому, покинув Пелопоннес, он остановился на Крите, где высадилась часть его людей, те кто желал там поселиться; остальные, в большинстве своем дорийцы, отплыли на Родос. Родос издревле населяли коренные жители, первые из которых происходили от Гелиадов⁵, затем финикийцы заняли остров; в течение короткого времени финикийцы сами были изгнаны карийцами, которые захватили и некоторые другие острова Эгейского моря. Наконец, там появились дорийцы и, оказавшись сильнее карийцев в войне, основали три города – Линд, Иалис и Камир⁶. Так господство дорийцев, начавшееся с Алфемена, продолжается и до сих пор. А эти три города объединились в один, великий и процветающий, который называли Родос, по имени острова⁷.

¹ Перекусив, спутники Энея надкусили приготовленные из полбы лепешки, служившие неким подобием столов для еды. См. Вергилий, Энеида, 7:

Вышли с Энеем вожди и прекрасный Асканий на сушу,
Наземь легли отдохнуть в тени высокого бука.
Тут же друзья на траве расставляют для трапезы яства,
Их, как Юпитер внушил, разложив на лепешках из полбы,
Диких приносят плодов, на столы из хлеба кладут их ...
Быстро скудный запас истребили троянцы, и голод
Их заставил доест и Цереры дар необильный.
Только успели они хлебов, отмеченных роком,
Дерзкой коснуться рукой и вкусить от круглых лепешек
Юл воскликнул: «Ну вот, мы столы теперь доедаем!»

В отличие от Конона, серьезно относящегося к предсказанию оракула, Вергилий обращает это событие в шутку.

² Темен (Τήμενος) – легендарный царь Дориды и Аргоса, из рода Гераклидов, правивший в конце XII – начале XI в. до н.э.

³ О Нелее см. прим. к п. 2.

⁴ См. п. 36.

⁵ Гелиады (Ηλιάδαι, Ἡλιάδες), в греческой мифологии сыновья и дочери бога Гелиоса.

⁶ Остров был населён ещё с неолита. В XVI в. до н.э. был под контролем минойского Крита, в XV в. до н.э. – микенцев с Пелопоннеса. В VIII в. до н.э. появляются города дорийских греков.

⁷ Дельф и Полид – персонажи, уже встречавшиеся в 36-м повествовании, которое, вероятно, восходит к Эфору. Следовательно, естественно думать снова о том же источнике. Более того, Страбон, X, 4, 15, свидетельствует о колонизационной деятельности Алфемена на Крите по фр. 146 Эфора, Якоби, том II А, р. 84. Страбон также упоминает о его деятельности на Родосе, но Р. Анри не нашел текста, который Хофер цитирует на р. 74 среди фрагментов Эфора. Обо всем рассказе см. *Hoefel*, р. 78-74.

48. В сорок восьмом говорится о Реме и Ромуле, но несколько иначе, чем в других [преданиях]. Здесь повествуется о том, как Амолий вступил в заговор против брата Неметора¹, убил его, а его дочь, Илию², чтобы та не родила, или не вышла замуж, отдал в храм Гестии. С ней сошелся Арес и, открывшись, кто он есть, сказал, что она родит от него двух сыновей, и чтобы она мужалась. Когда она родила, Амолий бросил ее в тюрьму и поручил одному из своих пастухов, наиболее верному, убить новорожденных. Пастух взял их, но, не желая осквернить свои руки убийством, поместил младенцев в корзину и пустил в Тибр по течению. Проплыв большое расстояние, корзина зацепилась за корни большой смоковницы, что росла на берегу; так корзина с детьми оказалась выброшенной на мягкий песчаный берег. Волчица, недавно оценившаяся, набрела на детей и, когда она подошла к ним и, те, заплавав, протянули к ней руки, она дала им свои сосцы; они стали есть, освободив набухшие сосцы, что дало волчице облегчение. Фаустул, один из пастухов [141b] увидел это и, почтив за божественное знамение, стал воспитывать детей как родных. Через некоторое время он встретил того пастуха, который их выбросил и, узнав все о них – а они стали уже юношами – рассказал, что они происходят из царского рода, и что они сыновья Ареса, и о том, что претерпели их мать и дед. Тогда юноши (а они были красивы внешне, обладали телесной силой и врожденным мужеством) немедленно взяли за мечи и, потихоньку подошли к Альбе. Напав на Амолия (а тот, не ожидая измены, не держал при себе охрану), они в отмщение убили его мечами и освободили мать из темницы; их сердечно приняло население, и они стали царями Альбы и ее окрестностей. Так как к ним стало переселяться множество народа, они покинули Альбу и основали город, который называли Рим³ и который до сих пор повелевает народами. О части этих фактов свидетельствует смоковница, все еще хранящаяся в римском сенате и закрытая медной балюстрадой; в храме Зевса также можно увидеть сделанную из ветвей хижину – памятник древней хижине Фаустула, где дети нашли спасение.

49. Сорок девятое об острове Анафи (он расположен выше острова Фера, недалеко от Лакедемона)⁴, где возвышается храм Аполлона Эглета⁵, в котором местные жители приносят жертвы, сопровождаемые шутовством, и происходит это по следующей причине. Когда Ясон с Медеей⁶ плыл из

¹ Нумитор Сильвий (Numitor Silvius) – царь Альба-Лонги (в Лации), потомок Энея.

² По принятой традиции мать Ромула и Рема звали Рея Сильвия.

³ История, как мы видим, обрывается. Хофер не интересовался этим в своих исследованиях, и Р. Анри не может заполнить этот пробел – статью «Ромул и Рем» Дж. Б. Картера в Roscher, т. 1, с. IV, col. 167-209; там мы увидим, как трудно найти следы Конона. По словам Гроага, s. v. Numitor (n. 1) // P. W., т. 1, р. XVII. 1983, col. 1402, ни в одном другом тексте не говорится, что Нумитор был убит Амулием; это наиболее отличающаяся черта, представленная Кононом.

⁴ Ошибка: оба острова принадлежат Кикладскому архипелагу, в Эгейском море. Ошибка связана с тем, что эти острова являлись колониями Спарты.

⁵ Один из эпитетов Аполлона – «Сияющий».

⁶ Медеея (Μήδεια) – в древнегреческой мифологии колхидская царевна, волшебница и возлюбленная аргонавта Ясона.

Колхиды домой, то попал в такой сильный шторм, что кораблекрушение казалось неизбежным. И в то время, когда экипаж Арго возносил мольбы, Аполлон закрыл их своим луком от всех опасностей: с неба грянула молния, и из глубины моря появился остров; и потому, что солнце видело этот остров впервые, они называли его Анафи. Затем построили храм Аполлону Эглету и, радуясь неожиданному избавлению от беды, принялись воздавать молитвы. Медея и другие женщины, гуляя [142a] на свадьбе с Ясоном, помимо игр, разгоряченные вином, стали насмехаться над героями на протяжении всей ночи; те, в свою очередь, стали насмехаться над женщинами. С тех пор проживавшие на Анафи (остров этот был колонизирован) ежегодно отмечают праздник в честь Аполлона Эглета и, подражая им, дразнят друг друга¹.

50. Пятидесятое о тиране Александре², убитом собственной женой Фебой³. Она была дочерью Ясона, царя Фессалии, и у нее было трое братьев – Тисифон⁴, Ликофрон и Питотай; все они были рождены одной матерью, но отец братьев был Эолк. Этот Александр, хозяин Фер, испытывая неприязнь к ним, задумал их убить; зная, что Феба не сможет вынести смерти своих братьев, рожденных с ней одной матерью, сама вздумает покончить с собой. В трезвом состоянии он мог сдерживать свои помыслы, но, будучи пьяным (а он был падок на вино), говорил то, что думал. Феба, узнав о его намерениях, собрала братьев и, вручив им приготовленные кинжалы, призвала к убийству; не теряя времени, она поит Александра, пока алкоголь не поверг его в сон, затем, под предлогом того, что желает принять ванну, отпускает охрану, стоявшую у дверей, и приглашает братьев, призывая их совершить задуманное. Но, видя их колебание, особенно младшего, после многих угроз она заявила, что разбудит Александра и раскроет ему свои планы; это быстро придало им мужества, и они убили спавшего Александра. Феба созвала начальников стражи и, используя как угрозы, так и обещания, убедила помочь ей в приобретении власти. Таким образом, она взяла себе управление, но достоинство тирана она возложила на старшего брата Тисифона⁵.

¹ Эту легенду засвидетельствовали только Каллимах, Аполлоний Родосский, Аполлодор и Конон. Эти последние два тесно согласуются друг с другом, и их общий источник – Каллимах, который в своей *Aitia* объяснил Aigletes и Anaphe. Cf. *Hoefel*, p. 49-50; *Wentzel*, s. v. Aigletas // P. W., t. I. 1894, col. 975.

² Александр Ферский (Ἀλέξανδρος τῶν Φερῶν: ? – 358 г. до н.э.) – сын Полидора, племянник Ясона Ферского, тиран города Феры, область Магнесия, провинция Фессалия, правил с 369 г. по 358 гг. до н.э.

³ У Плутарха (Пелопид, 35) – Фива.

⁴ У Плутарха (Пелопид, 35) – Тисифрон.

⁵ Эта история Конона подтверждается и Плутархом, за исключением некоторых обстоятельств. Кроме этого, Плутарх говорит, что Александр «...оказался единственным или, во всяком случае, первым тираном, погибшим от руки собственной жены, и тело его после смерти подверглось жестокому поруганию – оно было выброшено на улицу и растоптано гражданами Фер...» (Плутарх, Пелопид, 35). Здесь речь идет уже не о легендах, а об исторических личностях. Тисифон все еще царствовал, когда Ксенофонт рассказал об этой драме в «Элленике», VI, 4. 35–37. Ксенофонт не является источником Конона, равно как и Плутарх, Пелопид, 35, который, вероятно, следовал за Феопомпом. Конон использовал более позднюю запись. См. *Hoefel*, p. 105.

51. Таково содержание пятидесяти повествований Конона. Стиль письма – аттический, речевые обороты приятны и увлекательны, но, вместе с тем, несколько путаны, из-за чего доступны не многим.

52. В том же самом кодексе мною была прочитана книжечка Аполлодора¹. Называется она «Библиотека»². Эта книжечка излагала древнейшие сказания эллинов, повествовала [142b] о героях и богах так, как представляли их себе в те времена, рассказывала о происхождении названий рек, мест, народов и городов, и прочего, что восходит к древности. Изложение доводилось до событий Троянской войны. Оно касалось также единоборств, происходивших между некоторыми мужами, и их деяний, и описывало странствия тех, кто возвращался из-под Трои, особенно же Одиссея, на котором и заканчивалось это повествование о древних временах. Это синопсис многих книг, и он не бесполезен для тех, кто желает изучить древние сказания; кроме этого, рекомендуется прочесть приведенные ниже строки.

В этой записи читателю давался совет познавать мифы, не обращаясь ни к Гомеру, ни к авторам элегий, ни к трагикам, ни к лирическим поэтам и авторам киклических поэм, ибо в этой книге читатель найдет все, «что содержит мир».

187. Никомах Герасский. Арифметическое богословие

Я прочитал Никомаха из Герасы³ «Арифметическое богословие» в двух книгах. Удивительное название, способное вызвать живое любопытство; что же касается произведения, то, если не сказать, что оно является продуктом затерянных в пустоте рассуждений и потраченного впустую времени, оно далеко от обещаний своего названия.

¹ Аполлодор Афинский (Ἀπολλόδορος ὁ Ἀθηναῖος) (II в. до н.э.), адепт стоической школы, ученый разнообразных интересов, поэт. Учился у Диогена Вавилонского, а затем у Панетия (или, по крайней мере, был лично с ним знаком) и грамматика Аристарха Александрийского. Автор различных сочинений (иногда отождествляется с автором «Мифологической библиотеки»), среди которых выделяются сохранившееся в ряде фрагментов соч. «О богах» в 24-х кн. (Phot. Cod. 161, p. 103a22 Bekker и др.) и «Хронология» (Χρονικά) в 4-х кн., – написанный ямбами исторический обзор начиная с падения Трои и почти до конца II в. до н.э., содержащий в т.ч. подробные сведения об истории философских школ и биографические данные.

² Мы знаем, что приписывание этого текста Аполлодору Афинскому, мифографу I в., ошибочно. Cf. *Schwartz*, s. v. Apollodoros (n. 61) // P.W., t. I. 1894, col. 2875-2886. Существует несколько изданий этой работы, в частности, *Wagner*. Leipzig: Teubner, 1894 (Mythogr. gr., I); *de Frazer*. London, 1921, с комментариями.

³ Жизнь этого автора, которого тем не менее называют Евклидом арифметики (ср. *Kliem*, s.v. Nicomachos [n. 20] // P.W., t. XVII [1937], col. 463c.), малоизвестна; с помощью всевозможных перекрестных проверок нам удастся расположить его более или менее между 50 и 150 гг. См. *Nicomachus of Gerasa, Introduction to arithmetic, with Studies in Greek Mathematic* / F.E. Robbins, Cl. L. Karpinski. New York; London: Macmillan, 1926. P. 71-78. Именно этим авторам и *Delatte A.* Etudes sur la litterature pythagoricenne. Paris, 1915, P. Анри обязан большей частью своих сведений об этом кодексе, потому что, кроме этих двух работ и заметок историков философии, об авторе известно только из подробных исследований.

Он действительно имеет дело с числами от единицы до десяти, но это не то, что в его более раннем трактате, «Арифметическом введении», где он рассматривает естественные свойства чисел, требующие серьезного изучения. Напротив, они чаще всего являются выдумками зараженной заблуждением мысли, которая не ведет свои рассуждения в соответствии с природой вещей, а придирается, чтобы склонить факты в сторону своих собственных фантазий. Все, за что берется наш писатель, чтобы свести природу вещей к субстанции чисел и заключить их в нее, он делает это, ампутуруя, перегружая, видоизменяя, иногда отрывая данные от фактов, иногда свои дорогие божественные числа, таким образом грубо обращаясь порой с каждой из двух сторон, иногда с обеими. Вероятно, это заслуживает большой критики, но давайте оставим этот вопрос в стороне.

В своем стремлении считать числа богами и богинями и приписывать им это качество исключительно на основании должного и определенного количества каждого, он не оставляет этого количества нетронутым, когда переносит числа в мир богов, а как мы уже говорили раньше, он все равно вычитает, прибавляет, злоупотребляет, и именно так он чаще всего начинает поклоняться им как божествам, изменяя первую величину так, что благодаря ей число становится [143a] божественностью, а затем хочет лишить бога этого количества. Такое богословие не требует ни тайны, ни уважения.

Что самое серьезное в этой книге и что заслуживает внимания, так это то, что она требует от всякого, кто хочет погрузиться в эту удивительную теологию и проникнуть в ее тайны, не несведущего в геометрии, чтобы он также прогрессировал в точном знании чисел, чтобы он не изучал астрологию как простой любитель, и чтобы он был осведомлен о проблемах музыки и даже инструментов. Ибо, чтобы сделать богов чисел и вообразить, что они суть причины сущности существ, он заимствует из каждой из названных наук некоторые свои принципы и вводит их в ткань своих богословских изобретений о числах; незнание этих принципов было бы препятствием для выдвижения подобных концепций; именно в чистую утрату обратит свой пыл тот, кто не получил предварительного посвящения в науки, о которых я только что говорил.

И надо, кажется, потратить и израсходовать человеческую жизнь, прежде чем дойти до этой странной теологии чисел и серьезно ориентироваться в области наук, чтобы иметь возможность совершенно не рассуждать. Таким образом, вкратце, или, вернее, если рассмотреть только название, вот таков труд, как Богословие Никомаха Герасского¹.

¹ Эта работа уже не об арифметике, а об арифмологии, т.е., с замечаниями о формировании, значении и важности первых десяти чисел, в которых смешиваются основательные научные исследования и фантазии религии и философии. Мы видим, что Фотий в своем изложении иногда метким замечанием указывает на этот переход от научного к мистическому. Невозможно дать подробное объяснение такому изложению. Мы знаем, что традиция приписывает *Theologoumena arithmetica* Никомаху и Ямвлиху, который также прокомментировал «Введение в арифметику» упомянутого Никомаха.

Он говорит, среди прочего, о монаде, смешивая ряд изобретений с тем, что истинно для нее, и с ее собственными естественными характеристиками; он говорит, что она будет Духом, а также Гермафродитным Существом, и Богом, и Материей (он действительно все смешивает) и универсальным Вместилищем, содержащим все: Хаос, Смятение, Смешение, Тьму, Мрак, Бездну, Тартар.

Выдуманно также, что это Стикс, Место Ужаса, Одиночество, Подземная Пропась, Забвение, Сильная Дева и Атлант. Это также Ось всех существ и Солнца, Солнечного Огня и Морфо, Башни Зевса и Элементарного Духа, Аполлона и Пророка и Бога Красноречия. Причина, заставляющая его давать эти имена, обусловлена, с одной стороны, его неустойчивым и суеверным умом; с другой стороны, оно не совсем чуждо детскому воображению. Вот так у Никомаха и его учителей монада одновременно обожествляется и оскорбляется.

Диада для них – Смелость и Материя, причина несходства и посредник между множественностью и единством. В одиночку, после композиции и смешивания, оно реализует равенство: именно поэтому оно Равно. Но это также Неравенство, Недостаток, Избыток; [143b] оно одно тоже бесформенно, неопределенно, бесконечно; только оно является отправной точкой Пары; и оно не четное, ни оплата четная, ни обесценение четное, ни нечетное спаривание. Но большинство этих свойств близки природным характеристикам диады.

Но вот что-то фантастическое. Она – Источник всякого согласия; среди Муз она – Эрато, а также Гармония; она – Терпение и Корень, но еще не действующая, а также Сила и Нога Иды, плодотворной весной, Вершинами и Фанесом.

В своих сказочных изобретениях он также обожествляет диадую как просто Зевса, и Справедливость, и Исиду, и Природу, и Рею, и Мать Зевса, и Источник передела. Она по-прежнему для них, как Рея Фригийская, Лидия и Диндимон, и Деметра, и Элевсинка, и Артемида, и Желание, и Диктинна, и Аэрия, и Астерия, и Бедствие, и Субстанция, а также Афродита и Диона, и Михайя, и Киферея, и Неведение, и Неизвестное, и Ложь, и Неопределенность, Инаковость, Ссора и Раздор, Судьба и Смерть. Таковы их богословские соображения по поводу диады.

До нас дошел под названием *Theologoumena arithmetica* сборник, который специалисты не решаются приписать Ямвлиху. Эту компиляцию необходимо упомянуть, потому что она спасла нас от работы Никомаха, которую она цитирует. Сравнивая записи Фотия с оригиналами, видно, что резюме Библиотеки довольно точно следуют тексту проанализированных произведений. Это наблюдение позволяет утверждать, что сочинение Никомаха в определенных отношениях содержало меньше компилятивного, но в других отношениях гораздо больше; среди эпитетов, приписываемых числам, нет эквивалента между изложением и лоигиналом. Более того, компиляция предлагает достаточно точек соприкосновения с резюме, чтобы можно было приписать содержание резюме содержанию оригинала, в частности повторение эпитета для того же имени.

Что касается триады, то это первое действительно нечетное число и первое совершенное число; это Средний термин, Аналогия, и она заставляет монаду прогрессировать в направлении действия и эволюции. Она самая первая и, собственно говоря, сборка единиц. Затем мы захватываем имя, чтобы перейти к изучению его природы.

Триада, по сути, является причиной того, что можно разделить на три, и она способна ограничить неопределенность, присущую числам. Это Подобное, Тожественное, Согласованное и Предопределенное. Все это еще не так фарсово; продолжение не похоже на это.

Триада – это также Дух, это причина благоразумия и понимания; это Знание, то, что верховно в Числе; это Принцип, который управляет всей музыкой, а также композицией, и прежде всего, в геометрии. Именно она также обладает и содержит всю власть в отношении астрономии, природы и познания небесных явлений, и которая ведет к субстантивации. И во всех своих формах добродетель зависит от триады и процесса.

Мифические данные остаются. Именно благодаря им триада есть, по их мнению, Крония и Лето, и Рог Амальтеи; они также воображают, что она – Офион, и Фетида, и Гармония, и Геката, и Эрана, и Харития, и Муза Полимния, и Помощь, и Локсия, и Медведица, и Гелика, и Та, которую бездна не поглощает, и Даматрама, и Диоскория, и Мудрость, и Тригемина, и Тритон, и Та, которая держит море, Тритогеия, Ахелой и Настис, и Та, которая ходит по улицам и придворному приливу, [144a] Гармония-Сила, Помолвка, Брак, Горгония, Форкия, Трисамос и Лидия. Так как они моделируют триаду и таковы боги, чьи формы они ей придают.

Тетрада, в свою очередь, кажется им величайшим из чудес, еще одним божеством, множественным божеством и, скорее, Богом во всем. Фактически, по их мнению, она является источником всех природных совершенств и той, кто владеет ключами природы. С другой стороны, с точки зрения наук, она является возбудителем и причиной их строения и существования, но также и самой природой и разнообразием для них; она также Геракл, и Апогей, и Сила по преимуществу, и мужской Элемент, в ней нет ничего женского, Гермес, Гефест, Дионис, Соритас и Майадей или Майадес (потому что тетрада – ребенок Майи или диады) и Эриуниос и Соκος, Посланник, Бассарей и бог-двойник, у которого была диада матери и женской Формы и Мужественности, порождающей мужской элемент и вызывающей вакханальный бред, и гармонические элементы или Гармонию, и среди Муз Уранию. Вот как ради чудесного обожествляют тетраду. Так заканчивается первая книга Никомаха по арифметическому богословию.

Во второй книге, после введения, дискуссия наполняется пентадой. Это первое выражение среднего термина по преимуществу и наиболее соответствующее природе благодаря дизъюнкции натурального числа по двум его концам; оно связано с монадой как с началом и с десятилетием как с конечным сроком; оно понимает, что проявляется в природе мира; на самом деле именно благодаря монаде мир держится за свои корни; оно закончится в полном свете в этом десятилетии.

Это еще и потому, что пентада – это деление по преимуществу и в своем роде единственное за десятилетие. А первоэлементы Целого идут по пятёрке, потому что наш автор к четырём стихиям прибавляет эфир, который он не осмелился бы прибавить к тетраде своим лиризмом. Таких данных еще много, но они еще не являются ни умением, ни эрудицией.

Рассмотрим следующее. Пентада, по сути, – это Примирение и Дифференциация. Свет и Справедливость, и узкая вершина жизненной силы, и Немезида, и Бубастия, и Юрисдикция, и Афродита, и Гамелия, и Мужская Женственность, и Кифера, и Та, что управляет космическими зонами, и Та, которая управляет циклами, и Полубогиня, и Башня Зевса, и Дидима, и фиксированная ось. Они также прославляют ее как бессмертную, как Палладу и Агитатора, Дирижера, Первую Зарю, Аталанту, Ту, что игнорирует ярмо, Утро и, среди муз, Мельпомену и Ту, что отвечает своим прекрасным голосом, Середина середины, Пик рождаемости. Таким образом он превозносит число пять.

[144b] Число шесть он объясняет как Форму формы; это единственное число, которое соответствует душе; это Сочленение Целого, Автор душ, Творец состояния жизни (отсюда, более того, и его название). Это Гармония и Целостность; именно она, прежде всего, обожествляется как собственно Афродита, которая соединяет, выходит замуж и как Женщина-мужчина. Также Она объединяет Соблазнение, Мир, Дружбу, Здоровье, Наковальню и Истину; они также составляют это число среди Мойры Лахесис, и начала и середины всего, и Той, которая поражает далеко, и Тривии, и Двойного времени, и Персеи, и Тройной формы, и Амфитриты, Непосредственной Справедливости, и Музы Талии, и Той, что исцеляет Все. Таким образом, благодаря их действиям гексада также не могла избежать статуса божества и конкуренции с богами.

А что насчет числа семь? С самого начала мы имеем дело с «Септами»; и даже если использование стирает сигму; он легче всего в мире выводит эту форму из двойной согласной $k\sigma i$, которую природа приписала концу предыдущего числа, чтобы сделать ее защитой этого почтенного числа от нападков вульгарности. Такова эта поразительная демонстрация: существование «Септ» несомненно, и число семь заслуживает почитания.

Гебдомада, сотворенная в свою очередь, также является средним термином между монадой и декадой, Случайностью и Поводом, Афиной и Аресом, Вершиной и Той, которая собирает добычу, и Атритоной, Хранительницей и Дочерью Всеотца здоровья и Тритогенеей; это и Ясные Очи, и Защитник, и Вооружение, и Трудолюбивый, и Часто Умоляемый, и Непорочный, и Род Амальтеи, Эгиды, Осириса, Мечты, Голоса, Слова, Музы Клио и, если хотите, Суждение и Адрастея; и такая ерунда продолжается. Вот так гебдомада, самая почтенная, прославляется в слишком долгом труде как великое многоаспектное божество.

Что касается октады, то если даже она и не получает такого важного развития (у них нет даже восьмого числа среди других чисел), то во всяком

случае, поскольку она также для них является божеством, она также не была свергнута с престола. Они действительно поклоняются ей, как Вселенской Гармонии, и Кадмее, и Матери, и Рее, и Создательнице женского начала, и Кибеле, и Кигебе, и Диндимае, и Той, которая владеет городами, Любовью и Дружбой, Мудростью, Разумом, Орейей, Фемидой, Законом, родившейся раньше срока Музой Эвтерпой.

Эннеада занимает менее важное место как в силу своего ранга божества, так и по сравнению с обширным описанием, превозносящим число семь, за исключением того, что она трактуется как божество, достаточно близкое к октаде. Фактически для них это Океан с круговым течением, и его отмечают как Горизонт; в их священных речах она также Прометей, и Согласие, и Персея, и Солнце, и Примирение, и Аналогия, и Гефест, Гера, сестра и жена Зевса, и Та, что простирается далеко, и [145a] Пеан и Ниссеида, Та, которая ходит по улицам, Эниалий, Собирающая добычу, Тритогенея, Согласие, Убеждение, Куретид и Кора, Гиперион и муза Терпсихора.

Декада для них – это Целое: Бог, верховный Бог, Бог богов, потому что пальцы рук и ног – это десять и десять категорий, а также десять частей речи. Потому что, чтобы декада олицетворяла для них все, они добавляют к частям речи апостроф и ругательство. Должны ли мы сказать, что они видят в декаде твердые тела и плоскости, четное и нечетное, четное нечетное, совершенное, первое и простое, равенство и неравенство, десять способов существования, способность порождать и совершать, гармонии и другие элементы того же рода и как декада есть мир в их системе, а также Небо, Судьба, Время, Сила, Вера, Необходимость, Атлант, неутомимый Бог, Фанес, Солнце, Урания, Память, Воспоминание?

И я думаю, что к декаде они бы приписали все уже упомянутые имена богов, если бы заранее не приписали их в частности, и если бы не отшатнулись от обязанности повторять их последовательно для всех чисел, потому что Декада для них является по преимуществу Богом и содержит в себе силу всей божественности, заключенную в числах. Вот почему работа Никомаха посвящена этому вопросу так подробно; однако это еще длиннее, когда речь идет о монаде и гебдомаде, но в изложении монады такая длина обусловлена тем, что в нем речь идет о многих данных, относящихся к последующим числам, и что изложение расширено введением. Однако в этих двух частях много данных, относящихся к декаде, а также в изложении о числе пять, примерно равном по объему изложению о гебдомаде.

Итак, вот для тебя, мой самый дорогой брат, краткое изложение знаменитого богословия чисел Никомаха, которое так трудно найти; нет, я свидетельствую твою веселость, твою горячность в работе, потому что она есть, из-за ее непостижимого характера и трудностей его понимания за пределами человеческих способностей; ибо в геометрии, арифметике и других науках, как ты сам знаешь, многие из знавших нас имеют такую же проницательность, как сын Гермия, и ты знаешь искусство Аммония в этих

вопросах, и ничто не могло остаться неясным для их среди положений, которые Никомах включил в свою работу. [145b] Но почему работа редкая? Я считаю, что время сделало ее редкой. Тенденция не сохранять полезных дел, потому что бесполезные вещи легко развращают привычки, приобрела великую и непобедимую силу; и было бы очень полезно для творчества Никомаха, если бы мы были близки к мысли, что оно исчезло вместе с рядом полезных произведений. Но оно существует и делает себе великое имя (как ты видишь, и как ты увидишь еще яснее, я знаю) даже в тех сокращениях, которые из него делаются.

188. Александр из Минда. Собрание чудес

Протагор. Всемирная география

Читал Александра¹, собрание чудес. Он сообщает в этой книге ряд потрясающих и невероятных вещей, но сперва он перечисляет других авторов, которые до него сообщили эти факты, причем небезызвестных. Он говорит о животных, о растениях некоторых стран, о реках, родниках, растениях и других предметах такого рода; стиль у него ясный и краткий, и не лишен приятности.

В том же томе труд Протагора², озаглавленный «Всемирная география» в шести книгах. Первые пять, не будучи серьезны или точны, как надлежит географии, составляют описание Азии, Ливии и Европы. Шестая книга составлена в том же ключе, что и собрание Александра, потому что она сообщает экзотические истории, которые циркулируют повсеместно; он приписывает часть из этого древним авторам и претендует на то, чтобы выглядеть не менее странно, чем остальные. Этот автор в равной степени имеет ясный и краткий стиль, прежде всего в шестой книге.

189. Сотион из Александрии. Удивительные рассказы о воде

Николай из Дамаска. Странные обычаи

Акесторид. Городские басни

Прочитал Сотииона³ об удивительных историях, которые случались в разных местах возле рек, источников и озер. Это небольшая работа в том же жанре, что шестая книга Протагора и собрание Александра, за исключением того, что в этой конкретной книге он сообщает чудесные истории об источниках и озерах, тогда как в других присутствует значительное количество других тематик. Стиль близок к стилю этих работ.

¹ Это относится к Александру из Минда, который жил в первой половине I в., а не, как долгое время считали, к Александру Полигистору. Его цитируют Птолемей Хенн (Cod. 190) и Элиан. Сам он использует «Ливику» царя Юбы. Труд этот утрачен.

² Протагор жил во II или III в.

³ Сотион из Александрии – перипатетический философ, время жизни неизвестно.

В том же томе еще прочитал работу Николая¹, посвященную Ироду, царю евреев, которая содержит собрание странных обычаев. Она в точности совпадает с некоторыми из странных историй, собранных Александром, и добавляет ряд деталей к легендам, собранным Кононом; но все же, он опускает некоторые, потому что сообщает о них в другом месте. По стилю он в равной степени умерен [146a] и не испытывает недостатка в ясности, но более краток и более талантлив, чем предшественники.

Он сообщает некоторые факты, которые, как ни странно, признаются многими людьми, и некоторые другие, которые неизвестны, но которые не состоят в резком противоречии с правдоподобием, потому что зачастую эти обычаи он приписывает определенным народам, хотя кто-нибудь найдет среди них такие, нереальность которых очевидна. Этот Николай, я думаю, Николай из Дамаска, который достиг пика карьеры при Августе и считался его другом; и именно по этой причине император назвал пирожное «николаевским»², которое Николай послал ему; он хотел почтить хоть чем-то того, кто оказал ему любезность. Это автор также оставил нам, если правильно помню прочитанное, многотомную «Историю Ассирии».

В том же томе я прочитал четыре книги труда Акесторида «О городских баснях». Это автор, сдается мне, имел гораздо больше возможностей, чем другие, в выборе названия своего труда. На самом деле из историй, которые он пересказывает, более умеренные он не комментирует, а про другие утверждает, что они истинные, и он в своем желании быть точным, называет баснями и собирает коллекцию или даже книгу легенд, как он был счастлив назвать их.

Среди этих историй можно найти много таких, которые собраны Кононом, и которые Аполлодор излагает в своей библиотеке, что были собраны Александром, посвящены Августу Николаем, и ранее обработаны Протагором. Но Акесторид включил и много таких, которые другие опустили; действительно, во многих этих историях, обработанных им самим и другими, можно увидеть, что версии расходятся.

Этот автор сообщает в своих сочинениях много фактов, которые подтверждены известными источниками. Он один из тех, кто мог бы показать их правду ясно и, как кажется, он озаглавил их баснями не для того, чтобы критиковать их композицию, но, чтобы подчеркнуть их приятность и очарование. Но, на мой взгляд, можно признать его мудрость, потому что, предлагая объединить вместе очевидные басни и реальные факты, он избегает обвинения в неоднозначности своего заглавия. Стилем он напоминает предыдущих авторов.

¹ Родился примерно в 64 г. до н.э. В молодости был наставником детей Антония и Клеопатры; позже стал другом Августа, и историографом Ирода Великого, хотя сам не являлся евреем. Его основные труды: Всемирная история в 144 книгах, жизнь Августа, автобиография и работа по национальным обычаям разных стран. Некоторые фрагменты этого труда сохранились.

² История также рассказана Плутархом, *Quaestiones convivales* 8.723D и Афинеем, *Deipnosophistae* 15.652A. Однако в этих версиях участвуют не пироженные, а финики.

190. Птолемей Хенн (Гефестион). Новая история для многознающих¹

Я прочитал «Новую историю, предназначенную для многознающих», Птолемея Гефестионова в шести книгах. Эта книга, действительно, полезна [146b] тем, кто повышает знания в области истории и может позволить в короткий промежуток времени познать множество рассеянного, при самостоятельном тяжелом труде над чем пришлось бы потратить всю жизнь. Он изобилует диковинными и плохо сформированными данными, и самое абсурдное в том, что для некоторых тривиальных басен пытается объяснить причины их появления.

Однако тот, кто объединил все это, несколько наивен, хвастлив и не обладает красотой лексики. Он обращается к некой Тертулле, как к своей госпоже и превозносит ее как большого филолога и эрудита. Он нападает на предшественников, обвиняя их в нездравом рассмотрении некоторых тем. В любом случае, большая часть его историй, свободных от невероятных вещей, неплоха и дает большие знания².

I. Первая книга содержит рассказ о смерти Софокла³, а перед этим – о Протесилае⁴, также, о Геракле, павшем жертвой огня, так как не смог согнуть свой лук, достигнув пятидесятилетия⁵. Также о Крезе⁶, спасенном от костра, смерти Ахилла и гетере Лаиде, умершей, поперхнувшись оливковой косточкой. В каждой из этих тем, он утверждает, что его предшественники совершили ошибки, собирая их и записывая⁷.

Затем он рассказывает, что царь Александр⁸, увидев в Эфесе картину, изображающую Паламеда⁹, хитростью убитого, сильно обеспокоился потому, что предательски убитый походил на Аристонику, товарища Александра по

¹ Использован перевод Д.В. Мещанского. Есть также новейший перевод: *Гараджа А.В.* Новая история Птолемея Хенна (Phot. Bibl. 190) // *Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция*, vol. 16, no. 2. 2022. С. 862-888. Частично использованы комментарии из последнего.

² Предисловие, скорее всего, Фотия, благодаря которому «Новая история для многознающих» и сохранилась в более-менее подробном пересказе.

³ Софокл (Σοφοκλῆς, 496/5 – 406 до н. э.), – афинский драматург, трагик.

⁴ Протесилай (Πρωτεσίλαος) – персонаж древнегреческой мифологии, участвовавший в троянской войне. По версии, его звали Июлай, но он был прозван Протесилаем (Πρωτεσίλαος – «первый от народа»), когда погиб. Упомянут в «Илиаде» (II 708).

⁵ По другой версии, Геракл бросился в огонь, испытывая ужасные мучения, надев отравленную одежду.

⁶ Крész (Κροῖσος, 595-546 до н.э.) – последний царь Лидии в 560-546 до н.э. Был пленен персидским царем Киром и возведен на костер, но, затем, помилован.

⁷ Согласно Гомеру, Протесилай, вождь фессалийцев, первым высадился под Троей и тотчас был убит (II. II.698-702). По одной из версий (Неанфа Кизикийского, РОГИ 84 Р 18), Софокл умер, подавившись незрелой виноградиной на празднике хои. Об упомянутых обстоятельствах смерти Геракла и Лаиды рассказывает только Птолемей. О том, как Кир, завоеватель Лидии, хотел сжечь царя Креза на костре и как тому удалось спастись, повествует Геродот (I.86-87).

⁸ Александр Македонский.

⁹ Паламед (Παλαμήδης) – в древнегреческой мифологии эвбейский герой. Он разоблачил мнимое сумасшествие недавно женившегося на прекрасной Пенелопе Одиссея, не желавшего идти на войну. Согласно поэме «Киприи», Диомед и Одиссей утопили его, отправившись на рыбную ловлю. По более распространенному рассказу, из мести позднее Одиссей подбросил Паламеду в шатер золото и подложное письмо Приама с обещанием золота и обвинил его в измене, воспользовавшись тем, что Паламед советовал грекам закончить войну и вернуться на родину. По решению суда Паламед был приговорён к смерти как предатель и побит камнями.

игре в мяч; таков был характер Алесандра, полный любви к своим товарищам. Затем он утверждает, что смысл выражения Эвфориона¹ в его «Гиагинае», «Лишь Кокит² смоет раны Адониса», заключается в том, что Кокит – имя ученика, которого Хирон учил медицине, и который заботился об Адонисе, раненном вепрем³.

Он говорит, что человек из первой книги истории Геродота, убитый Адрастом⁴, сыном Гордия, звался Агафоном, и был он убит в ссоре из-за перепела. Также Кадм и Гармония⁵ превратились во львов, и Тиресий претерпел семь метаморфоз⁶ и объясняет почему критяне называли его «дочерью Форбанта»⁷. Эриманф, сын Аполлона, был наказан, потому что он увидел, как, во время купания [147a], Афродита соединилась с Адонисом, и Аполлон, в гневе превратившись в кабана, убил Адониса, пробив его доспехи⁸.

Объясняет, почему Поэт⁹ делает голубей слугами, кормящими богов, и он сообщает, о чем говорили царь Александр и Аристотель; также и Гомер говорит о голубях. Он говорит, что поэт Эпихарм¹⁰

¹ Эвфорион Халкидский (Εὐφορίων) – древнегреческий поэт и прозаик III в. до н.э. Родился в Халкиде на Эвбее. Получил образование и провёл большую часть жизни в Афинах, где (около 241 г. до н.э.) изучал философию в Новой платоновской академии у Лакида. Согласно Суде (E 3801), разбогател благодаря любовнице Никее. Около 221 г. до н.э. был приглашён Антиохом в Сирию для создания царской библиотеки, которую возглавлял до конца жизни.

² Кокит (Κοκίτις, букв. «река плача»), в греческой мифологии одна из рек в Аиде, царстве мёртвых, отличающаяся ледяным холодом. Чтобы попасть в Аид, душам умерших необходимо было преодолеть Кокит и другие подземные реки.

³ Об игравшем с Александром в мяч Аристоники из Кариста упоминает Афиней (I, 19a). Евфорион Халкидский (III в. до н.э.) – историк и поэт, на которого не раз ссылается Птолемей.

⁴ Адрастос, сын фригийского царя Гордия; убив нечаянно своего брата, он бежал в Лидию к Крезу, здесь, тоже нечаянно, на охоте, убил сына Креза, своего друга Атиса, и вследствие этого убил самого себя на могиле своего друга. См. Геродот, История, I, 34–45. По Геродоту (I.34–43), фригийский принц Адраст, сын Гордия, очищается Крезом от неумышленного убийства брата, а затем во время охоты на вепря так же нечаянно убивает сына самого Креза Атиса; возможно, упоминание перепела здесь намеренно встроено в общую установку автора на «исправление авторитетов». Согласно Псевдо-Аполлодору (III.5.5) и другим, Кадм с Гармонией превратились в драконов. О семи превращениях Тиресия (вместо обычных двух – в женщину и обратно) повествуется также в одноименной поэме Сострата, пересказанной Евстафием (ad Od. I.390.6–25 = РОГИ 23 P 7); здесь упоминается, как в виде прекрасной девушки (предпоследнее превращение) Тиресий выходит замуж на Крите за некоего Арахна. Форбант (букв. «кормилец») – имя нескольких героев, в том числе змееборца, каковым почитался и Тиресий. Об ослеплении Эриманфа и превращении Аполлона в вепря пишет только Птолемей.

⁵ По общепринятой версии, удрученные смертью внука Актеона и несчастной судьбой дочерей, Кадм и Гармония отправились в странствие. В Иллирии они превратились в змей.

⁶ Тиресий (Τειρεσίης) – персонаж греческих мифов, слепой прорицатель в Фивах. Согласно Гесиоду, на горе Киллений ударил посохом (или наступил на) спаривавшихся змей, превращён в женщину, позже на том же месте наступил на них же и вернулся в прежний облик.

⁷ Известны два Форбанта: 1. Фиванец. У Стация оруженосец Лаия. Рассказывает Антигоне о войсках и героях (Стаций. Фиваида VII 254–289). 2. Действующее лицо трагедии Сенеки «Эдип», пастух Лаия, который отнес Эдипа в горы.

⁸ По общепринятой версии Эриманф был Афродитой ослеплен, а Аполлон, в отместку, убил Адониса.

⁹ Гомер.

¹⁰ Эпихарм (Επίχαρμος) – древнегреческий философ-досократик, поэт и комедиограф. Сочинения: Записки о природе, Гномические изречения, Рассуждения о медицине, автор 52 драм; от его многочисленных сочинений сохранились фрагменты, разбросанные в трудах других авторов древности.

произошел от Ахилла, сына Пелея. Гомер называет первым всадником Патрокла, которого Посейдон, влюбленный в него, научил этому¹.

Одиссей, имея большие уши, сначала был назван Утисом, но во время дождливого дня мать, будучи беременной, не могла его удержать на краю дороги, и по этой причине он получил имя Одиссея².

Аркадец по имени Перитан прелюбодействовал с Еленой, когда та жила с Александром в Аркадии; Александр, чтобы наказать за прелюбодеяние, оскотил его, и с тех пор аркадяне называют евнухов пеританами³.

Аристоник из Тарента⁴ сообщает, что Ахилл, когда пребывал среди девушек в доме Ликомеда⁵, носил имя Керкисера, также его звали Исса, Пирра, Аспет и Прометей. Ботрий из Минда говорит, что все дети Ниобы были убиты

¹ См. Od. 12.62-65 о подносящих Зевсу амвросию голубях; Евстафий (ad Od. II.10.35-11.13) упоминает беседы на этот счет Александра и Аристотеля, подключая к ним еще одного собеседника – Хирона из Амфиполя. Имя отца Ахилла (Пелея) всплывает, очевидно, по созвучию; об эолийском происхождении знаменитого сиракузского поэта Эпихарма сообщает лишь Птолемей, хотя по всей видимости (ср. Suda s.v.) в дорийских Сиракузах он воспринимался как чужак. Конник, конепогонщик – частые эпитеты Патрокла в «Илиаде».

² Одиссей (Ὀδυσσεύς, Ulysses, Улисс) – «сердитый». В «Одиссее» (IX.365-370, 408-414) именем «Никто» Одиссей называет себя с целью обмануть Полифема, Птолемей же выводит его от слова «уши» (получая что-то вроде «Ушлый»), а имя Одиссей связывает с «путь, дорога». В Od. XIX.408-409 находим иную этимологию имени героя: «Многим мужчинам, а также и женам весьма ненавистный / Пусть же прозвище будет ему Одиссей» (пер. В.В. Вересаева). Евстафий (ad Od. II.209.46210.3) приписывает Силену Хиосскому «дорожную» этимологию имени Одиссей и поясняет роль ливня: «и новорожденный был назван Одиссеем из-за ливня на дороге».

³ Зафиксированный лишь здесь термин (очевидно, связанный с «обрезать, отрезать») у Птолемея объясняется именем придуманного ad hoc персонажа. О пребывании Париса с Еленой в Аркадии тоже узнаем только от Птолемея.

⁴ Аристоник (Ἀριστόνικος) – автор сочинений мифолого-исторического содержания – александрийский грамматик и толкователь Гомера, живший на рубеже эр. Аристоник Тарентский скорее всего придуман Птолемеем. Имя Керкисера – возможно, от «ткать с помощью челнока»; Пирра («русская») как имя Ахилла в доме Ликомеда отмечено также у Гигина (Fab. 97). Согласно Плутарху (Pyrrh. 1), Ахилла называли Пирром «на местном наречии» в Эпире. В сообщении Ботрия Миндского (упомянут лишь здесь) акцент либо на том, что убивал один только Аполлон (без Артемиды), либо на полном истреблении детей Ниобы (о выживших см. Ps.-Apollod. III.5.6). Муиск (букв. «напоминающий», лат. mentor) переводим как «советчик», поскольку «наставник» ассоциируется с седовласым учителем, а здесь речь идет о сверстниках и товарищах героев (наставнику едва ли подойдет имя Муиск «мышонок»); несколько более детальный список приводит Евстафий (ad Od. I.432.24-39), останавливаясь на судьбе Халкона (его любви к царице амазонок Пентесилее и смерти от руки Ахилла), однако пропуская советчика Одиссея Мииска. Особое внимание обращает на себя Дарет Фригийский. Гомеровского Дарета, троянского жреца Гефеста, Птолемей делает советчиком Гектора и автором (своей собственной) «Илиады» – отражавшей, очевидно, троянскую перспективу, как и приписываемое ему же сочинение De excidio Troiae historia, дошедшее до нас только по-латыни (греческий оригинал, если таковой существовал, относят ко II в.).

⁵ Ликомед (Λυκομήδης) – в древнегреческой мифологии царь острова Скирос.

Аполлоном¹. Отец дал Одиссею советчика по имени Муиск, чтобы тот сопровождал его в Кефаллению. Ахилла сопровождал наставник Ноемон из Карфагена, а Патрокла – Евдор. Антипатр из Аканфа сообщает, что Дарет, написавший «Илиаду» ранее Гомера, был наставником Гектора, и получил от него обещание не убивать спутника Ахилла. Он же сообщает, что наставником Протесилая был Дардан из Фессалии, а Антилоху Нестор дал наставником Халкона. Эти темы рассматриваются в первой книге.

II. Вторая книга о Геракле, которого от безумия излечил Антикирей, нашедший лекарство в Фокиде, им изобиловавшей; другие дают различные версии излечения. Он говорит, что Нестор Геракл был любим, чего не было. Не Филоктет, говорит он, а Морсим из Трахина зажег костер Геракла. Геракл после того, как Немейский лев откусил один из пальцев, и их у него осталось только девять [147b], воздвиг гробницу этому пальцу. Другие говорят, что он потерял свой палец в результате удара дротика, а в Лакедемонe, над могилой пальца стоит каменный лев, и это – символ мощи героя. С тех пор каменных львов ставят на могилах. Хотя другие дают иное объяснение статуям львов.

При восшествии Геракла на костер, стая саранчи опустошила окрестности как чума, пока не была уничтожена².

Так как Афродита любила Адониса, как и Геракл, она научила кентавра Несса³, как поймать Геракла в западню.

Нирей из Симы, который был возлюбленным Геракла, помогал ему победить Геликонского льва. Другие говорят, что Нирей был сыном Геракла⁴.

Кто является Харитами⁵, упомянутыми поэтом, которых он сравнил с волосами Эвфорбии. Геракл, говорит автор, был назван Нилом при рождении, а затем, когда он спас Геру, убив напавшего на нее безымянного гиганта, дышащего огнем, он изменил имя, потому что спас от опасности Геру. Абдер, возлюбленный Геракла, был убит Тесеем, когда возвестил, что тот принял смерть⁶.

¹ По более распространенной версии, в этом участвовала и Артемида.

² Чемерица (*Veratrum album*) считалась в древности средством от безумия; об исцелении ею Геракла эпонимом Антикиры у подножия горы Эты (к которой приурочивали погребальный костер Геракла) упоминает и Стефан Византийский (s.v.); само растение прозывалось по месту, где оно было особенно обильным и отборным (Hsch. s.v.). О любовной связи Геракла с Нестором пишет также Филострат (Her. 26.3-4). Среди этейцев Геракл почитался, поскольку он избавил их от саранчи (Str. 13.1.64). Павсаний (VIII.34.1) упоминает о памятнике пальца Ореста, который тот откусил себе в припадке безумия, на холме близ аркадского Мегалополя.

³ Несс (Νέστος) – в древнегреческой мифологии кентавр, отравивший Геракла своей кровью.

⁴ Один Птолемей сообщает о связи Геракла с Адонисом и о том, что ревнующая Афродита измыслила «ловушку Несса» (пропитанный ядовитой кровью кентавра хитон Деянира, думая, что это приворотное средство, дала надеть мужу), как и об отношениях Геракла с Ниреем из Симы (остров у побережья Карики), второстепенным героем «Илиады».

⁵ Хариты (Χάριτες от χάρις, «изящество, прелесть») – в древнегреческой мифологии три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности. Соответствуют римским грациям.

⁶ Ср. Нот. II. 17.51-52: «Кровью смочились кудри, подобные девам Харитам, / Золотом и серебром перевитые косы Евфорба» (пер. В.В. Вересаева). Этимология имени «сила, защита, оплот» (с метатезой) известна и по другим источникам (ср. Prob. in Verg. Ecl. 7.61), а об изначально имени Геракла Нил сообщает только Птолемей, как и о гибели его возлюбленного Абдера (об эпониме фракийского города Абдеры, сыне Гермеса, см. также Steph. Byz. s.v.; Philostr. Her. 26.4, 45.6).

Аристони́к из Тарента¹ сообщает, что средняя голова Гидры была золотой. Александр Миндский² говорит, что змей, рожденный землей, вместе с Гераклом сражался против Немейского льва. Геракл кормил его, и тот сопровождал его в Фивы и оставался в шатре, это он съел воробьев и был превращен в камень³.

«Арго» был построен Гераклом в Оссе в Фессалии; имя ему было дано от Аргоса, сына Ясона, его возлюбленного. Из-за него он⁴ предпринял путешествие с Ясоном в Скифию. Гера, будучи в союзе с Герионом, была ранена Гераклом, получив удар в правый бок, под грудь, после этого все было закончено.

Кориф из Иберии, также возлюбленный, был первым, кто изготовил шлем, и эта часть брони носит его имя⁵.

Бывшая на Крите гробница, именуемая Зевсовой, на деле – Критянина Олимпа, который воспитал Зевса, сына Кроноса и научил божественным деяниям. Но Зевс убил своего приёмного отца, потому что тот побуждал гигантов атаковать его сзади. Поразив его, он с сожалением стоял над его телом [148a]. И, не имея никакой возможности успокоить свою боль, он дал его могиле собственное имя⁶.

Кто является автором того, что процитировал Александр, сын Филиппа: «Выпей вина, о Протей, человеческого мяса поевши»? И еще много чего он говорил о Протее. Чью песнь любил петь Александр, и какие были в ней слова? Для кого Александр, сын Филиппа, написал похоронную песнь?⁷ Таково основное содержание второй книги.

III. Третья книга посвящена Гиллу, сыну Геракла, у него был небольшой рог на правой стороне лица, и Эпопей из Сикиона забрал его, убив в поединке, и, наполнив водой из Стикса, стал царем страны. Что касается вод Стикса в

¹ Аристони́к Тарентский – греческий автор сочинений мифолого-исторического содержания, от которых сохранилось несколько фрагментов.

² Александр из Минда (I в.), историк, автор книг о чудесах природы, цитируемый также Элианом в «Истории животных».

³ Псевдо-Аполлодор (II.5.2) пишет, что средняя (девятая) голова Лернейской гидры была бессмертна. История землеродного змея (Срахив) Геракла отсылает к пересказанному в «Илиаде» (II.301-319) Зевсову знамению в Авлиде: дракон пожирает восемь воробьиных птенцов вместе с матерью, а затем обращается Зевсом в камень.

⁴ Геракл.

⁵ Все эти сведения приводит только Птолемей. Согласно Псевдо-Аполлодору (I.9.1, 16), «Арго» построен Аргом, сыном Фрикса и Халкиопы, дочери колхидского царя Ээта. Если Гера противостояла Гераклу в бою с Герионом, то другая богиня, Афина, ему помогала (по иконографическим данным). Отношения Геракла с будущей тещей (Гера – мать Гебы) неоднозначны: на этрусском зеркале из Вольтерры богиня кормит грудью бородатого героя – ср. ритуальные роды Геракла Герой, описанные Диодором (IV.39.2).

⁶ Контаминация двух традиций: о критском детстве Зевса, вскормленном Амалфеей и охраняемом куретами, и о Зевсовом наставнике Олимпе – по Дионисию Милетскому (Diod. III.73.4), он был приставлен к малолетнему Зевсу Дионисом, когда тот сделал его царем Египта.

⁷ Ном. Od. IX.347 (с заменой «о циклоп» на «о Протей», пер. В.В. Вересаева). Источник и контекст этих анекдотов об Александре неизвестен.

Аркадии, он говорит следующее: в то время как Деметра оплакивала свою дочь, Посейдон вторгся в ее горе, и гнев ее превратилась в кобылу и пришла в этом облике к источнику, злясь на который, она сделала его воды черными¹.

О Гекале и всех, кто звался этим именем². Отец Александра был не Филипп, а человек по имени Дракон, по происхождению аркадянин, поэтому возникла легенда о змее. О псе Птолемея, что он сражался со своим хозяином, и, когда умер, обнаружилось, что у него волосатое сердце. Он был молосской породы и звался Бриарей³.

О Полидаманте⁴. Что означают эти слова поэта: «О дочери Пандарея, поющей в зелени», и далее. О Палладии⁵, который украли Диомед и Одиссей. О тростнике, сказавшем Мидасу, что у того ослиные уши⁶. О птицах, что искали у Стесихора. О скале Гигона, что на берегу океана, которая может быть сдвинута лишь асфоделем⁷, но не поддается силе.

¹ Гилла считали обычно не сыном, но возлюбленным Геракла. Царь Сикиона Эпопей («наблюдатель») – сын Посейдона (Ps.-Apollod. I.7.4), но о его единоборстве с Гиллом и роге последнего узнаем только от Птолемея. В сообщении о Деметре и Посейдоне проглядывает аутентичный аркадский миф; прозрачная этимология названия подземной реки («ужасная») привязана к реакции на собственный облик Деметры, объяснимой с учетом того, что конь – зооморфная ипостась Посейдона. Ср. Paus. VIII.25.5.

² Гекала (Ἑκάλη) Персонаж древнегреческой мифологии. Старушка, оказавшая гостеприимство Тесею (на Марафонской равнине), когда он отправился против быка.

³ Бриарей – в греческой мифологии сын Урана и Геи. Чудовищное существо с 50 головами и сотней рук, один из трёх сторуких братьев – участников титаномахии. Когда боги восстали против Зевса, его спас призванный на помощь Фетидой Бриарей, одним своим видом устранивший врагов Зевса. Бриарей – супруг дочери Посейдона. Хтоническое порождение земли, Бриарей служит своей силой новому поколению богов, устанавливающих принцип упорядоченности в устройстве мира. Гекала («безмятежная») – эпоним аттического дема, гостеприимная старушка, приютившая Тесея перед его боем с Марафонским быком (см. Plut. Thes. 15). О змее в постели Олимпиады, матери Александра, рассказывает тот же Плутарх (Alex. 2); вероятно, к самой Олимпиаде восходит история о сверхъестественном зачатии героя, а Птолемей дает лишь ее примитивную рационализацию. Известие о псе Птолемея (вероятно, спутника Александра) также находим лишь у нашего автора.

⁴ Полидамант (Πολυδάμας) – персонаж древнегреческой мифологии, троянец. Сын Панфоя и Фронтисы. Герой «Илиады», ближайший соратник Гектора, родившийся с ним в одну ночь (Π. 18.251). Плавал в Грецию с Парисом.

⁵ Палладий – легендарное деревянное изображение Афины Паллады, упавшее с неба. Было одним из залогов несокрушимости Трои. Троя пала только после того, как любимцы богини, Одиссей и Диомед, во время ночной вылазки выкрали Палладий.

⁶ Мифический Мидас был сыном Гордия и Кибелы, царь мигдонийцев. С именем его связаны рассказы о роковом даре, в силу которого всё, к чему он прикасался, обращалось в золото, и об ослиных ушах, которыми наделил его Аполлон, разгневанный тем, что при состязании его с Паном (или Марсием) Мидас отдал последнему предпочтение перед богом – когда Аполлон состязался с Паном в игре на свирели, Тимол присудил победу Аполлону, а Мидас высказался в пользу Пана. За это Аполлон сделал его уши ослиными, о чём раб Мидаса рассказал шёпотом в ямку, из которой вырос тростник.

⁷ Асфодель (Asphodelus) – название рода растений из подсемейства Асфodelовые. Виды этого рода, числом около 20, дикорастущие в присредиземных странах, почти все многолетники, красивые травянистые растения. У древних греков существовало мифическое представление о полях (или лугах) асфodelей в Аиде (подземный мир), по которым блуждали тени умерших, не совершивших преступлений, за которые отправляли на «поля наказаний», но не настолько героических и праведных, чтобы попасть в Элизиум. На полях асфodelей тени были подвержены только забвению прежней жизни, и асфodelь был символом забвения.

Ропал, сын Геракла, в один день он принёс отцу почести как герою и как богу. Амфиарай получил свое имя потому, что родители его матери молили о том, чтобы та родила его без труда¹.

О том, кто написал гимн, исполняемый в Фивах в честь Геракла, и где он называется сыном Зевса и Геры. Что касается гимнов, поющихся в различных городах, и о поэте Филостефане из Мантинеи, который никогда [148b] с рождения не носил одежды, и о Матрис из Фив, авторе гимнов, что жила на листьях мирта. И как Евпомп из Самоса явил невероятное чудо, воспитав дикого змея, и как говорят, один из его сыновей звался Драконом, воспитал и имел очень острый взор, видя на 20 стадиев. За 100 талантов он отправил его служить к Ксерксу и, сидя с ним под золотым платаном, рассказывал о морском сражении между эллинами и варварами и подвиге Артемисии². И как Плессирой Фессалиец, автор гимнов, был возлюбленным Геродота Галикарнасского и его наследником; он составил предисловие к первой книге, начинающееся словами: «Персы, говорят, хорошо знали, что финикийцы были причиной конфликта». Полизел из Кирены никогда не смеялся отсюда и его прозвище – «Агеласт»³. И превзошедший всех своей набожностью, по одним – Антигон из Эфеса, по другим – Лукий из Гермियोны, о котором Феофраст⁴ говорит в своих письмах, и, как Ахилл и Деидамия⁵ имели двоих детей: Неоптолема и Онира; и Орест убил в Фокиде Онира, сражаясь с ним за место для палатки⁶.

¹ Миф о дочери Пандарея, нечаянно убившей собственного сына Итила и вечно его оплакивающей, пересказан в «Одиссее» (XIX.518-523). О краже Палладия ср. Ps.-Apollod. Epit. 5.13; концовку мифа о Мидасе с упоминанием «говорящего тростника» находим у Овидия (Met. XI.185-193); есть проблема «Акесталийских птиц» Стесихора (fr. 247 Page = 310 Davies-Finglass). Гиганом звали царя эфиопов, побежденного Дионисом и странным образом ставшего эпонимом города во Фракии (Steph. Byz. s.v.). Асфодель была связана с заупокойным культом, ср. Асфоделевый луг царства мертвых (Hom. Od. XI.539, 24.13). Ропал (ср. «дубина») – сын Геракла и отец Феста (Steph. Byz. s.v.), по другим сведениям – внук Геракла, сын Феста и отец Ипполита, царя Сикиона (Paus. II.6.6-7). Прозрачная этимология имени отмечена только у Птолемея.

² Артемисия III Карийская (Ἀρτεμισία; ум. в 350 г. до н.э.) – дочь Гекатомна, сестра и жена карийского правителя Мавсола. После смерти последнего правила Карией в течение 2 лет (352-350 гг. до н.э.), до своей смерти. Придерживалась принципов правления своего мужа, поддерживая, однако, партию олигархов на острове Родос. По легенде, она приказала сжечь тело своего мужа, подмешала прах в вино и выпила, приобретя, тем самым, силу и отвагу Мавсола. Затем два года провела в сражениях с внешними врагами. Вернувшись и, увидев отстроенный в честь ее мужа мавзолей, радостно умерла.

³ Букв. – «Несмеян».

⁴ Феофраст, или Тиртам (Θεόφραστος, Theophrastos Eresios; род. ок. 370 до н.э., в г. Эрес, остров Лесбос – ум. между 288 до н.э. и 285 до н.э., в Афинах) – древнегреческий философ, естествоиспытатель, теоретик музыки.

⁵ Деидамия (Δειδάμεια) – в древнегреческой мифологии дочь Ликомеда, царя острова Скирос. Возлюбленная Ахилла. Ахилл встретил её на празднике Афины. Родила от Ахилла Неоптолема.

⁶ О Геракле как сыне Зевса и Геры см. выше. О земляке Геракла фиванце Матриде с его миртовой диетой упоминает и Афиней – умалчивая, что тот был гимнографом, но добавляя, что и вино не входило в его рацион (II, 44с). Ни о Филостефане из Мантинеи, ни о Евпомпе Самосском, с его то ли змеем, то ли сыном, нигде больше не упоминается. О фессалийце Плессиррое, известном только из нашего автора, речь еще пойдет ниже. Полизел Киренский, Антигон Эфесский и Лукий Гермийонский – все они отмечены только у Птолемея; сомнительно, чтобы Феофраст из Эреса, наследник Аристотеля в Ликее, упоминал о персонаже с римским именем Лукий, да и о письмах его ничего не известно. Омир («сон») как сын Ахилла, убитый в драке с Орестом, засвидетельствован и у Евстафия (ad Od. I.430.37-41).

Затем рассматриваются случаи совпадений в истории¹. На могиле Амика² вырос красный лавр, и те, кто пробовали его, одерживали победы в кулачном бою. Антодор одержал 13 побед, но был побежден Диоскормом из Феры в четырнадцатом бою, как и сам Амик был побежден одним из Диоскуров. Крез, как говорят, был зачат во время праздника Афродиты, когда лидийцы проводят шествие и украшают богиню своим богатством. Отец Фемистокла³ принес в жертву быка, когда было объявлено о рождении сына, — он выпил кровь жертвы и умер. Дарий, сын Гистаспа, выброшенный матерью, был вскормлен лошадиным молоком всадником Спаргаписом, и стал царем благодаря ржанию лошади⁴. Слуга лирического поэта Ивика, которого звали Геракл, был сожжен заживо за то, что сговаривался с разбойниками против хозяина⁵.

Орест⁶ родился во время праздника Деметры [149a] Эринии⁷. Филипп⁸ в детстве по вечерам стрелял из лука в падающие звезды, и Диогнет предсказал, что ребенок будет повелевать многими людьми. Астер — имя того, кто от такой стрелы потерял глаз⁹.

¹ Под «совпадением» подразумевается иронический параллелизм.

² Амик (Ἀμῖκος) — в древнегреческой мифологии сын Посейдона и вифинской нимфы Мелии. Царь бебриков, отличавшийся огромной физической силой. Первым придумал обвивать руки в боях ремнями. Убил брата Лика. Об Амике, сыне Посейдона и царе бебриков, бросившем вызов аргонавтам и побежденном Полидевком, ср., например, Нуг. Fab. 17; всё прочее отмечено только у Птолемея, как и деталь о рождении Креза.

³ Фемистокл (Θεμιστοκλῆς; ок. 524 г. до н.э. — 459 г. до н.э.) — афинский государственный деятель, один из «отцов-основателей» афинской демократии, полководец периода греко-персидских войн (500–449 гг. до н.э.). Согласно Плутарху (Them. 31), сам Фемистокл покончил с собой в изгнании, выпив бычьей крови — которая в древности считалась ядом (ср. Plin. 11.222); так же покончил с собой египетский царь Псамменит — выпив бычьей крови по приказу Камбиса (Hdt. 3.15), который таким же образом расправился со своим братом Таниаксарком (Ctes. F 13.12 Lenfant).

⁴ Дарий и шестеро родовитых персов свергли правившего страной мага Сфендадата и договорились о том, что, у кого конь первым заржет на восходе солнца, тот и будет царствовать. Конюх Дария перед этим подвел его коня к кобылице, а утром поставил ее в стороне, на пути следования этих семерых. Конь, почуяв, знакомый запах, заржал. Дарий и стал царем (Hdt. III.8487, ср. Ctes. F 13.17); сведения о детстве Дария — домыслы Птолемея.

⁵ Поэт Ивик действительно был убит бандитами, перед смертью завещав отомстить за себя журавлям (см. Suda s.v.), но о слуге-Геракле больше нигде не говорится.

⁶ Орест (Ὀρέστης «горец») — в древнегреческой мифологии сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший свою мать и её любовника из мести за убитого ими отца.

⁷ Один из эпитетов Деметры, «Эриния» — «Мстящая».

⁸ Филипп II Македонский.

⁹ Очередной анекдот на эту тему: Астер был искусным лучником из Амфиполя, разгромленного Филиппом. Этот человек оставил свой город и удалился в Метону, который в это время также штурмовал Филипп. Астер, думая отомстить ему, да еще так, чтобы тот понял, от кого исходила месть, написал на одной из стрел: «Астер Филиппу в правый глаз». И действительно, у Филиппа не только оказался выколот глаз, но он чуть не умер от этой раны. Тогда и он решил послать в город стрелу, написав на ней: «Возьму Метону, повешу Астера». Царь македонский взял Метону и сдержал слово.

Марсий, флейтист¹, тот с которого была содрана кожа, родился во время праздника Аполлона, где шкуры, сдираемые с жертв, предлагались богу².

О Титии, который пытался напасть из засады на Александра. Мать Клавдия, будучи им беременной, возжелала и съела несколько болетовых³ грибов, и Клавдий, съев такие же, но отравленные, умер. Кентавр Ламий, схваченный за прелюбодеяние, был убит, согласно одним, – евнухом Пиритом, согласно другим – Тесеем. Так много в этих историях фактов совпадения.

Таково содержание третьей книги⁴.

IV. В четвертой повествуется о том, что Елена⁵ была первой, кто придумала жеребьевку на пальцах, и в этом она победила в споре с Александром⁶; она была дочерью Афродиты. Еленой и Ахиллом на Счастливых островах был рожден крылатый ребенок по имени Евфорион, получивший имя от плодородия этой земли, и Зевс поймал его и сбросил на землю на остров Мелос, где бог продолжил погоню и превратил здешних нимф в лягушек, ибо они похоронили его. Некоторые говорят, что Елена была похищена Александром, когда она охотилась

¹ Марсий – в древнегреческой мифологии сатир, пастух, наказанный Аполлоном за выигранное состязание. Афина изобрела флейту (правильнее авлос), но бросила ее как негодный инструмент. Марсий, однако, подобрал флейту, за что Афина ударила его. Марсий непрестанно упражнялся и довёл игру на ней до такого совершенства, что осмелился вызвать Аполлона на состязание. Судьёй был Мидас, который, будучи близким по духу и вкусам Марсию, вынес приговор в его пользу. По другому рассказу, судили Музы, и Марсий победил, но затем Аполлон стал играть на кифаре и петь, после чего Марсий проиграл состязание. Тогда Аполлон подвесил Марсия на высокой сосне и содрал с него кожу, а Мидаса за его суд наградил ослиными ушами.

² Эпитетом Эриния Деметру наделяли в аркадской Фельпусе в связи с ее реакцией на домогательства Посейдона (Paus. VIII.25.5, ср. выше). Об олинфянине Астре («звезде»), выбившем стрелой глаз царю Филиппу во время осады Мефоны, сообщают многие источники (например, Plut. Parall. 8 = M. 307d). О состязании Марсия с Аполлоном, закончившемся для него плачевно, ср. Ps.-Apollod. I.4.2, но деталь о его рождении добавлена Птолемеем.

³ Болетовые (Boletaceae) – семейство грибов, характеризующееся, прежде всего, пористым гименофором. Грибы этого семейства распространены почти так же широко, как и агариковые. Включают белый гриб (*Boletus edulis*), который больше всего ценится среди грибников.

⁴ Титий и Александр явно связаны здесь неслучайно: возможно, под первым скрыт Филота, сын Пармениона (ср. Plut. Alex. 48-49); из римской истории известен Марк Титий, который предал Марка Антония, перейдя на сторону Октавиана Августа (Plut. Ant. 58), а в римском праве «Луций Титий» использовалось как условное имя – «имярек» (Gell. V.19.9). Об отравлении Клавдия грибами пишут Тацит (Ann. XII.67) и Светоний (Claud. 44); о тяге к грибам матери Клавдия, Антонии Младшей, во время беременности сообщает лишь наш автор; греч. «болетовый» (белый) гриб заимствовано из лат. *boletus*, означавшего любой растущий на земле гриб, в отличие от *fungus* (древесный гриб). Кентавр Ламий, как и увечье Пирифоя, царя лапифов, тоже отмечены только у Птолемея.

⁵ Елена Спартанская (Троянская).

⁶ Парис (Πάρις; также известен под именем Алаксандус (хетт. Alaksandu) или Александр). Троянский царевич, похитивший Елену.

на горе Парфений (Девичьей); пораженная его красотой, она следовала за ним как за богом¹.

О том, что Гера получила от Афродиты расшитый пояс (кест) и передала Елене; его украли служанка Елены Астианасса, у которой его забрала Афродита².

В чем смысл слов Гомера о Елене, которая «голосу наших возлюбленных жен подражая искусно...»?³ Елена была дочерью Гелиоса и Леды, и ее звали Леонта. Это было из-за негодования Афродиты на Менелая, который обещал богине гекатомбу⁴ за брак, и не пожертвовал её⁵.

Цветы Елены растут на Родосе, они получили её имя (ибо выросли под деревом, где Елена повесилась), и тот, кто ест их, неизбежно поссорится. Менелай похитил Елену и, таким образом, женился.

Некоторые авторы сообщают, что Елена, прибыв в Тавроскифию с Менелаем в поисках Ореста, была принесена вместе с ним в жертву Артемиде Ифигенией. Другие [149b] сообщают, что Фетида вернула ее во время возвращения эллинов и превратила в тюлениху⁶.

Говорят, что настоящее имя Елены было Эхо, так как она умела подражать голосам. Еленой её называли, ибо Леда родила ее в болотистом

¹ Передаваемая лишь Птолемеом история Евфориона удивительным образом была подхвачена и переосмыслена Гёте во второй части «Фауста», где Евфорион, воплощение поэзии, – сын Фауста и Елены; скорее всего, Гете имел в виду немного более известного Евфориона – халкидского поэта III в. до н.э. Девичью гору в Пелопоннесе на дороге между Тегеей и Аргосом упоминает, в частности, Павсаний как место, где Телеф, сын Геракла, был брошен своей матерью Авгой и вскормлен ланью; там же находилось известное святилище Пана и водились посвященные ему черепахи, из панцирей которых делались отменные лиры, или кифары (I.28.4, VIII.6.4, 48.7, 54.6-7).

² У Гомера Афродита дарит Гере, желающей соблазнить остывшего Зевса, свой волшебный «расшитый пояс» (кест, II. XIV.214). Астианасса, служанка Елены, упоминается еще только однажды в Суде s.v., где сказано, что она первая изобрела и описала эротические позы, а ее последовательницы Филенида и Элефантина воплотили их в танце.

³ Гомер. Одиссея. IV, 279.

⁴ Гекатомба (ἐκατόμβη, букв. «сто быков») – в Древней Греции – великое жертвоприношение из ста быков.

⁵ Елена пыталась раскрыть хитрость греков, засевших в Троянском коне, изобразив голоса их жен (Hom. Od. IV.279). Гелиос как отец Елены и имя Леонта («львиная») – неуклюжие этимологизации имени героини.

⁶ Древняя богиня Елена связана с растительным культом, ср. у Феокрита о «тенистом платане» (18.47–48): «Врезана будет в коре по-дорийски там надпись, чтоб путник, / Мимо идя, прочитал: „Поклонись мне, я дерево Елены“» (пер. М.Е. Грабарь-Пассек). Имя ее перекликается с названием растения ἐλένιον «душевик» (*Calamintha incana*) (Thphr. HP VI.1.1, etc.); Юлий Поллукс (10.191) объясняет ἐλένη как название плетеных корзин, в которых несли ἱερὰ ἄρρητα на празднике Еленофорий; Павсаний (III.19.9–10) сообщает об обстоятельствах повешения Елены на дереве, давшем начало родосскому культу Елены Древесной (δενδρίτις); он же пишет о том, что на острове Левке Елена стала женою Ахилла (3.19.13); но Антонин Либерал (27) называет женою Ахилла на Левке Ифигению, и она же у него – дочь Тесея и Елены (а не Агамемнона и Клитемнестры, как обычно считалось). О превращении Елены матерью Ахилла в тюлениху (φώκη) сообщает только Птолемей; тюлени ассоциировались с «убийственной вонью» (Hom. Od. IV.442, ср. 404–406).

месте. Местечко Сандалион в Лакедемоне названо так из-за сандалии Елены, которая упала, когда Александр преследовал её здесь. Елена родила дочь от Александра, они не приходили к согласию как ее назвать, ибо он хотел назвать её Александра, а она – Елена, после игры в бабки ребенок получил имя матери. Она была убита, как говорят, Гекубой во время падения Илиона¹.

Во время Троянской войны было много знаменитых Елен: дочь Клитемнестры и Эгисфа, убитая Орестом; та, что помогла союзу Афродиты и Адониса; дочь жителя Эпидамна, которую эпидамнцы чтут как Афродиту, потому что она раздавала деньги во время голода, и дочь Фаустула, приемного отца Ромула и Рема. Женщина, которая съедала по три козленка в день, также звалась Еленой, и сестра Дикеарха, сына Телесина, и еще восемнадцать других, среди которых дочь афинянина Мусея, которая описала Троянскую войну, от неё Гомер узнал тему своей поэмы, и это её ягненок мог говорить на двух языках; еще одна Елена была дочерью этолийца Титира, она вызвала Ахилла на поединок и ранила его в голову, но рана была не смертельна, и она пала под его ударами².

И художница Елена также принадлежит этому списку; она была дочерью египтянина Тимона и изобразила битву при Иссе, будучи на вершине своего таланта. Картина была выставлена в храме Мира Веспасианом. Архелай с Кипра сообщает, что Елена из Гимеры, дочь Микифа, была возлюбленной поэта Стесихора³, она оставила его и ушла к Бугпалу.

¹ Собственное имя (τὸ κύριον) Елены объясняется ее обозначенной выше способностью подражать голосам (τὸ φωνόμιμον). Пелопоннесский Σανδάλιον нигде больше не отмечен, но так назывались пара островов в Эгейском море и крепость в Писидии. Гекуба, жена Приама, в одноименной трагедии Еврипида убивает детей Полиместора, убийцы ее сына Полидора.

² Αἴγισθος – плод кровосмесительного союза Фиеста с собственной дочерью, вскормленный козой (αἶξ) и убивший впоследствии отца (Hug. Fab. 87–88); во время Троянской войны он обольстил Клитемнестру, жену своего двоюродного брата Агамемнона, и убил того после возвращения из-под Трои (Hom. Od. III.254–275, IV.521–537), воцарился вместе с Клитемнестрой в Микенах, а затем оба они были убиты Орестом, сыном Агамемнона и Клитемнестры (Hug. Fab. 118). Фаустул – муж «волчицы» (то есть блудницы) Акки Ларентии, вскормившей Ромула и Рема (Plut. Rom. 4). На итальянский же контекст указывает и самнитское имя Τηλέστινος = Telesinus «уроженец Телезии». Обжора Елена (πλεῖστα βεβρωκένας) упоминается Афинеем (X, 414d) со ссылкой на комика Гераклита. Особенно причудливо сообщение о Елене, дочери Мусея Афинского, написавшей свою «Илиаду» прежде Гомера и «прижившей (либо имевшей) двуязычного ягненка» (κτῆσασθαι τὸ δίγλωσσον ἄρνιον); в Суде s.v. ἄρνιον пословица «ягненок тебе наговорил» разъясняется рассказом о говорившем человеческим голосом и даже прорицавшем грядущее египетском ягненке с царским крылатым змеем на голове, в котором угадывается бог Хнум.

³ Стесихор (Στησίχορος, (ок. 630–555 гг. до н.э.) – лирический поэт, представитель хоровой мелики. Был включен в канонический список Девяти лириков.

Поэт, желая защитить себя от обвинений в глупости, написал, что Елена ушла по его собственному желанию. Рассказ, что Стесихорослеп, ложен¹.

Растение «моли», о котором говорит Гомер², выросло из крови гиганта, убитого на острове Киркой, это был белый цветок. Союзником Кирки³ в убийстве Гиганта был Гелиос. Битва [150a] была тяжелой, так и называли растение⁴.

Дионис был возлюбленным Хирона⁵, который научил его песням и танцам, вакхическим обрядам и инициациям. (Автор пишет) о «Тараксиппе»⁶ в Олимпии и о Миртилах, отце и сыне. Неоптолем Макиот был единственным,

¹ Здесь Птолемей пытается опровергнуть общепринятое обвинение Стесихором Елены Троянской в измене мужу, назвав ее виновницей войны. В ту же ночь он ослеп. Он взмолился богам; тогда во сне ему явилась Елена и сказала, что ее братья Кастор и Поллукс за такие стихи наказали его слепотой. Стесихор написал палинодию, в которой утверждал, что Парис увез в Трою не Елену, но только ее призрак, наведенный ее отцом Зевсом. Настоящую же Елену боги перенесли в Египет, где она пребывала, верная Менелаю, до самого конца войны. Этот странный миф умилил Елену, и зрение поэту было возвращено. О художнице (ἡ ζωγράφος) Елене сообщает лишь наш автор. Архелай Кипрский, возможно, идентичен Архелаю Египетскому, упоминаемому парадоксографом Антигоном из Кариста (Mig. 19). Стесихор, уроженец сицилийской Гимеры (Pl. Phdr. 244a), известен своими отношениями с Еленой Троянской: по рассказу Платона (Phdr. 243ab), поэт ослеп за ее поношение, а поняв причину своего несчастья – ἄτε μουσικὸς ὢν, – написал покаянную «Палинодию» и сразу прозрел (ср. также Paus. III.19.13); Бупал, хиосский скульптор, враждовавший с поэтом Гиппонактом (см. Plin. 36.11), встраивается в эту историю именно как «недруг поэта»; не слишком логичное заявление Стесихора о добровольном (ἐκούσα) уходе его возлюбленной относится, скорее, к ее легендарной тезке, то есть Елена Троянская не была похищена, а по своей воле бежала с Парисом.

² Гомер, Одиссея, X, 303–305.

³ Кирка (Κίρκη; лат. Цирцея) – в греческой мифологии дочь Гелиоса и океаниды Персеиды (или Персы).

⁴ Растение, на «языке богов» зовущееся «моли», с черным корнем и белым цветком, Одиссей получил от Гермеса в качестве оберега от зелий Кирки (Hom. Od. X.302–306). Евстафий (ad Od. I.381.33–34) и другие выводят название от глагола μολύειν «слабеть». Гераклит Грамматик (73.10) трактует μῶλο как аллегория здравомыслия, которое обретается с трудом (μόλις); в этом же русле и предложенная Птолемеем, как и Евстафием (ad Od. I.381.9–10), этимология от μῶλος «бой, сражение» – но с акцентом на тяготы и труды битвы (по контрасту, например, с μάχη). Там же у Евстафия (I.381.34–38) находим более детальную версию переданной нашим автором истории (со ссылкой на Александра Пафосского): Пиколой, один из гигантов, во время Гигантомахии укрылся на острове Кирки и попытался изгнать оттуда хозяйку, но Гелиос вступился за дочь и убил гиганта, из чьей крови и выросло «моли». У поздних авторов растение это отождествляется с чесноком (Dsc. 3.47) либо чертополохом (Ps.-Dsc. 3.24).

⁵ Хирон (Χείρων, Хейрон, «рука») в древнегреческой фессалийской мифологии – кентавр, сын Кроноса и Филиры, изначально наделенный бессмертием. Сообщение о Дионисе и Хироне – единственное в своем роде.

⁶ Тараксипп («Ужас коней») – в древнегреческой мифологии название круглого жертвенника на более длинной стороне гипподрома в Олимпии. Эта сторона ипподрома являлась искусственной насыпью – пустым погребальным холмом (кенотафом) Миртила, возницы Эномая, поставленного Пелопом (см. Paus. VI.20.15–19); Миртил считался сыном Гермеса (Pher. fr. 37a), но о Миртиле-сыне пишет только Птолемей. Тараксиппа считали демоном (призраком), который пугает коней. Ταράξιπλος – также прозвище Посейдона.

кто узнал от дельфийца Эфа оракулы Фемонои¹, именно об этом Эфе говорит Геродот в I книге «Истории»: «Хоть я и знаю его имя, но не буду его называть»².

Автор рассуждает о двойных названиях у Гомера, используемых среди богов и среди людей. Ксанф – единственная река, бог которой – сын Зевса. В Тиррении есть Башня Моря, получившая имя от Моря – тирренской отравительницы, бывшей служанкой Кирки и бежавшей от неё. Именно к ней прибыл Одиссей, которого она снадобьями превратила в коня и держала его, пока он не умер от старости. Благодаря этой истории, трудность гомеровского текста решена: «Тихо смерть на тебя низойдет»³.

Так заканчивается четвертая книга⁴.

V. В пятой книге говорится о том, что с Амиком сражался Ясон, а не Полидевк⁵. Об этом месте свидетельствует его название «Копья Ясона»; а рядом появился источник, названный Еленой. Так проясняется смысл эпиграммы Кринагора. Строка «кобылы Прокла будут есть зеленый псалаканф» неизвестна Каллимаху, а является комедией комика Евбула на Дионисия. Кроме того, автор обсуждает пародию этого стиха. Псалаканф – это египетское растение, которое дает здоровье и победу, когда им украшают лошадей. По другой версии, Псалаканфа – нимфа с острова Икария, которую пленил Дионис, и она помогла ему добиться Ариадны под условием, что он будет также принадлежать ей, а Дионис отказался. Бог превратил ее в растение, а затем раскаялся и поместил растение на венец Ариадны, который занял место среди созвездий. Некоторые говорят, что растение напоминает полынь, по другим – донник⁶.

¹ Фемоноя (Φημονόη) – в древнегреческой мифологии первая пифия в Дельфах, дочь Аполлона, считавшаяся изобретательницей гексаметра (Paus. X.5.7, 6.7).

² Геродот. История. I, 20. Μακιώτης – скорее всего, то же, что и Μακέτας = Μακεδών «македонец»; у Геродота (I.51) человек, имя которого он не хотел называть, определяется как «какой-то дельфиец, желавший угодить лакедемонянам». Ммя Эф (Αἴθος) редкое, но встречается в эпиграфике (ср. αἴθος «пламя, огонь»).

³ Гомер. Одиссея. XI, 135.

⁴ Ср. Нот. II. 20.74: «Боги зовут его Ксанфом, а смертные люди – Скамандром» (пер. В.В. Вересаева). Обрывок строки из «Одиссеи» (XI.133), которую толкует здесь Птолемей, звучит так: ...θάνατος δὲ τοι ἐξ ἁλὸς αὐτῷ – душа Тиресия пророчит Одиссею смерть ἐξ ἁλὸς «вдали от моря» либо «от моря», при этом ἁλς означает и «соль», и – в поэтическом языке – «море»; исполнение пророчества, возможно, описано в несохранившейся «Телегонии», где Телегон, сын Одиссея и Кирки, неумышленно убивает отца изготовленным Гефестом копьем с острием из шипа морского ската. Птолемей, не углубляясь в такие тонкости, попросту выдумал дублирующую Кирку колдунью (φάρμακίς) по имени Соль (или Море) – гиперрационализация, которая выносит его объяснение за рамки рациональности, превращая в грубую игру слов.

⁵ Полидевк, один из сыновей Зевса и Леды, участник похода аргонавтов. В кулачном бою убил Амика – в древнегреческой мифологии сын Посейдона и вифинской нимфы Мелии.

⁶ Кринагор из Митилены – поэт рубежа эр; ни в одной из его эпиграмм, сохранившихся в «Греческой антологии», нет ни о битве Ясона с Амиком, ни указанных топонимов. В строке Каллимаха (fr. spur. 819 Pfeiffer), а точнее Евбула (fr. 27 Kassel-Austin), упоминается Прокл, сдавший сицилийский Наксос тирану Дионисию Старшему (Diod. XIV.15.2); перескочив от Дионисия к Дионису, Птолемей сплетает байку о нимфе Псалаканфе; ψαλάκανθα – что-то вроде разрыв-травы (от ψάλλω «дергать, рвать» и ἄκανθα «колючка») – в Суде (π 3032) со ссылкой на эпического поэта Птолемея Киферского определяется как «растение, обладающее чудесною силой»; Венец Ариадны – это созвездие Corona borealis (между Волопасом и Геркулесом); на траву псалаканфу похожи ἀρτεμισία «белая полынь» и μελίλωτον «желтый донник».

Афинодор из Эретрии¹ сообщает в восьмой части записок, что Фетида² и Медея³ в Фессалии спорили о том, кто красивее, и судьей был Идомей⁴, присудивший победу Фетиде, а Медея в гневе сказала, что «все критяне лжецы» [150b] и наложила на него проклятие, что он никогда не скажет правду; отсюда и следует, что критяне слышат лжецами. Афинодор называет автором этого рассказа Антиоха, в своей второй книге «Мифов городов»⁵.

Ил, отец Лаомедонта⁶, имел [на шлеме] гребень из лошадиных волос, среди сыновей Приама его носили Меланипп и Идеи. Ксанф и Балий, Ахиллесовы кони, некогда принадлежавшие гигантам, были единственными, кто сражался на стороне богов против своих братьев. Когда Одиссей потерпел кораблекрушение у Тилы в Сицилии, Ахиллов щит был выброшен у памятника Аяксу, и, помещенный туда, он был поражен молнией на следующий день⁷.

Геракл носил шкуру не Немейского льва, но гиганта-льва, которого Геракл убил в поединке, бросив ему вызов. Дракон, который охранял золотые яблоки, был братом Немейского льва. Упоминаемый Гомером Ир был беотийцем. Жену Кандавла⁸, имя которой не называет Геродот, звали Ниса, у неё были двойные зрачки и пронзительный взгляд, и она получила камень от змей, благодаря этому дару она разглядела Гигеса⁹. Другие сообщают, что её звали Тудо или Клития. Абант сообщает, что её звали Абро. Её имя Геродот предал забвению, ибо его

¹ Древнегреческий историк – мифолог. Данных нет.

² Фетида (Θέτις, Thetis) в древнегреческой мифологии – морская нимфа.

³ Медея (Μήδεια) – в древнегреческой мифологии колхидская царевна, волшебница и возлюбленная аргонавта Ясона.

⁴ Идомей (Ίδομενεύς) – персонаж древнегреческой мифологии, внук Миноса, сын Девкалиона, критский царь.

⁵ Ни Ἀθηνώδωρος ὁ Ἐρετριεύς, ни Антиох, автор «Городских мифов» (Τὰ κατὰ πόλιν μυθικά), нигде больше не встречаются, как и перепев суда Париса с участием Фетиды и Медеи; Идомей, сын Девкалиона, – критский царь, герой «Илиады»; у Псевдо-Аполлодора упоминается его неверная жена Меда (Epit. 6.9), чье имя и могло вывести Птолемея на Медею.

⁶ Ил и Лаомедонт – в древнегреческой мифологии – цари Трои.

⁷ Гомеру неизвестны гребень (султан, ἵπλουρις) Лаомедонта и сыновья Приама с такими именами, в отличие от коней Ахилла, к которым тот обращается так: «Ксанф и Балий, Подарги божественной славные дети!» (Il. XIX.400, пер. В.В. Вересаева; в 16.151 названы их родители: ветер Зефир и гарпия Подарга); рассказ об их изначальном облике и участии в гигантомахии на стороне Зевса подтверждается Диодором (VI.3). Указание места крушения Одиссея (περὶ τὰς Θύλας τῆς Σικελίας) явно нуждается в конъектуре: вместо Θύλας Скалигер читает Μύλας (Милы – город у северо-восточной оконечности Сицилии); щит Ахилла, выторгованный Одиссеем в споре с Аяксом, сыном Теламона (см. Ov. Met. XIII.1–398), выбросило на могилу Аякса (Paus. I.35.4), которую только Птолемей приурочивает к «сицилийским Тилам».

⁸ Кандавл (Κανδαύλης) – полулегендарный царь Лидии, последний из династии Гераклидов (Геродот I, 8-14).

⁹ Гиг – основатель лидийской династии Мермнадов, к которой принадлежал знаменитый Крёз. Согласно Геродоту, сын Даскила. Он пришёл к власти ок. 680 г. до н.э., умертвив царя Кандавла и взяв его вдову в жёны. Существуют три версии этого события.

возлюбленный Плесиррой повесился от несчастной любви к женщине Нисии из Галикарнаса. По этой причине Геродот не упоминает имя Нисии, которая была ему ненавистна¹.

Кентавры, которые бежали от Геракла в Тирсению, умерли от голода, очарованные песнями сирен. Абдер, возлюбленный Геракла, был братом Патрокла. Эпипола из Кариста, дочь Трактиона, скрыла свой пол и отправилась на войну вместе с эллинами, её разоблачил Паламед, и эллины забили её камнями. Когда Александр похитил Елену, Менелай в Гортине на Крите пообещал Зевсу гекатомбу. Паламед заменил Агамемнона, волей эллинов, на царствовании; когда эллины прибыли в Авлиду, Агамемнон застрелил дикую козу, посвященную Артемиде, и эллины не могли выйти в море, Калхант [151a] предсказал, что Агамемнон должен посвятить свою дочь Ифигению Посейдону. Когда он отказался, греки в ярости сместили его и назначили царем Паламеда².

Филоктет умер, укушенный змеей, и Александр был убит Менелаем ударом копья в бедро. После смерти Деметрия из Скепсиса у его изголовья

¹ Совмещая несовместимое, Птолемей рационализирует образ Немейского льва и тут же осложняет его фантастическим родственником. В начале XVIII книги «Одиссеи» описано столкновение вернувшегося на Итаку инкогнито Одиссея с наглым нищим Иром: «Он назывался Арней (Ἀρναῖος). Такое дала ему имя / Мать при рождении. Но юноши все его Иром прозвали, / Так как ходил с извещеньями он, куда кто прикажет» (XVIII.5–7, пер. В.В. Вересаева), подобно вестнице Ириде (Ἴρις); позже Ἴρος вошло в пословицы и использовалось в нарицательном смысле «нищего бедолаги» (ср. Lib. Or. 18.140); оговорку о его настоящем имени Деметрий Скепсийский (см. ниже) относит к «неуместным вставкам» в гомеровском тексте (Str. 12.3.23), а Птолемей, возможно, за него и цепляется, связывая с Ἀρνη, столицей беотийцев в Фессалии, откуда вскоре после Троянской войны им пришлось переселиться в историческую Беотию (Th. 1.12); кроме того, беотийцев воспринимали как грубых деревенщин, откуда «беотийская свинья» у Пиндара, который и сам был родом из Беотии (O. 6.90, fr. 83). Историю лидийского узурпатора Гигеса, знакомую нам прежде всего по Геродоту (I.8–10) и Платону (R. 2, 359c–360b), Птолемей расцвечивает множеством не известных из других источников деталей, среди которых «драконий камень» (δρακοντίτης λίθος, ср. кольцо невидимости у платоновского героя) и целая россыпь необъяснимых имен, за исключением разве что Τουδῶ, известной по версии Николая Дамасского (FGrH 90 F 47: здесь она – жена Адиатта и мисийская принцесса, да и Гигес – царского рода). Выясняется также, что возлюбленный Геродота Плесиррой едва ли мог сделаться его наследником (как сказано выше), поскольку раньше повесился от несчастной любви.

² О войне Геракла с кентаврами (но в Греции, а не в колдовской Тиррении), во время которой он случайно поразил стрелой Хирона, ср. Ps.-Apollod. II.5.4; по схолии к Лус. Alex. 670, кентавры бежали от Геракла (но не по Тиррении, а из Фессалии) и прибыли на остров сирен, где и были околдованы и убиты. Абдер (о котором см. выше) и Патрокл превращаются в братьев с целью сближения Геракла и Ахилла, чьими возлюбленными они считались. Об Эпиполе известно только из Птолемея. В «Одиссее» (III.286–302) рассказывается, как Менелай, возвращаясь из-под Трои, был отброшен штормом от Пелопоннеса и отнесен к критской Гортине и далее в Египет, где он скитался годами. История стояния в Авлиде, когда греки никак не могли отплыть к Трое из-за противных ветров и по вещанию Калханта требовалось принести в жертву Ифигению, известна по многим источникам (ср. Ps.-Apollod. Epit. III.21–22), но нигде больше не говорится о замещении Агамемнона Паламедом – сыном Навплия и личным недругом Одиссея.

нашли книгу Теллиды; у изголовья Тирониха из Халкиды нашли «Ныряльщиков» Алкмеона; у изголовья Эфиальта – «Нарушителей справедливости» Евполида; у изголовья Александра Македонского – «Евнид» Кратина, у Селевка Никатора – «Труды и дни» Гесиода. Керкид, законодатель из Аркадии, завещал, чтобы вместе с ним похоронили I и II книги «Илиады». Помпей Великий никогда не отправлялся на войну, не прочитав XI книгу «Илиады», ибо восхищался Агамемноном. И римлянин Цицерон был обезглавлен, когда в носилках читал «Медю» Еврипида¹.

Диогнет с Крита, кулачный боец, победил в состязании, но не получил венок от элейцев, ибо соперник, которого он убил, носил имя Геракла, как герой. Этого Диогнета критяне почитают как героя. Стихи Гомера, когда Менелай был ранен: «Но тебя, Менелай, не оставили блаженные боги»², были спародированы Пифийским богом, который заменил Менедема на Менелая. Вопрос был задан на празднике, организованном императором Августом: «Какой стих Гомера был спародирован оракулом, и кто является персонажем, о котором там говорится»? Менедем из Элеи, сын Буния, показал Гераклу, как с помощью реки очистить Авгиевы конюшни, он сражался на стороне Геракла против Авгия, был убит и похоронен в Лепреоне близ сосны. Геракл установил игры в его честь и на них сражался с Тесеем, так как схватка была равной, зрители заявили, что Тесей – второй Геракл³.

¹ Эта версия смертей Филоктета и Париса передается только Птолемеем; по более признанной, Филоктет был исцелен от змеиного укуса, а затем выстрелом из лука сразил Париса (Ps.-Apollod. Epit. V.8). Деметрий Скепсийский – грамматик первой половины II в. до н.э.; о книге Теллида ничего не известно, но его называют (Paus. X.28.3) предком в третьем поколении поэта Архилоха Паросского (VII в. до н.э.), а отцом Архилоха – Телесикла, выведшего колонию с Пароса на Фасос (Eus. PE 314 Mras). О «Ныряльщиках» (Κολυμβώσαι) поэта Алкмана из Спарты (VII в. до н.э.) упоминается и в Суде s.v. Ἀλκμάν (см. fr. 158 Davies); Τυρόνιχος ὁ Χαλκιδεύς неизвестен, зато Платон, например, упоминает поэта Тинниха (Τύννιχος) из той же Халкиды (Pl. Ion 534d). Эфиальт, о котором здесь речь, – это, вероятно, сторонник Демосфена 2-й половины IV в., Евполид – поэт старой комедии (ок. 446 – ок. 411 гг. до н.э.), о его «Бесчинствующих» (Υβριστοδίκαι) см. fr. 285. Чуть больше известно о «Евнидах» (по Евнею, сыну Ясона) еще одного автора старой комедии Кратина (519–422 гг. до н.э.), см. fr. 70–72. Аркадянин Керкид Мегалополитанский (III в. до н.э.) был не только законодателем, но и политиком, полководцем, поэтом и философом кинического толка. Детали о Помпее Магне и Цицероне сообщает лишь Птолемей.

² Гомер. Илиада. IV, 127.

³ Об олимпийском чемпионе критянине Диогнете пишет только Птолемей. Строка из «Илиады» (IV.127, пер. В.В. Вересаева) относится к эпизоду, где по наущению Афины Пандар стреляет в Менелая и Афина же отклоняет стрелу, чтобы рана не стала смертельной; на императорском симпозиуме задается ζήτημα по поводу ее перепева-пародии неизвестным дельфийским оракулом; Авгий – царь элейцев, а Лепрей – город на самом юге Элиды в Трифилии, жители которой считали себя аркадянами (Paus. V.5.3); Менедем, сын Буней (Βουνέας от βουνός «холм, куча»), нигде больше не фигурирует, но в поздней схолии к Овидию (Ib. 451) одноименный персонаж – один из вождей греков, убитый под Троей и тоже ставший героем, а еще одного Менедема Климент Александрийский (Protr. II.40) называет «местным демоном» на Кифносе: о ком-то из этих героев, очевидно, и запрашивали Дельфийский оракул. «Этот – второй Геракл» (ἄλλος οὗτος Ἡρακλῆς) – пословица, означающая, по Суде (α 1338), силовое решение какого-либо вопроса.

Фантасия из Мемфиса¹, дочь Никарха [151b], раньше Гомера составила рассказ о Троянской войне и приключениях Одиссея. Эти книги хранились в Мемфисе, Гомер прибыл туда и получил копии от писца Фанита, и сочинял, вдохновляясь этими текстами.

Адонис был андрогином и вел себя как мужчина с Афродитой и как женщина с Аполлоном².

После победы в Олимпии, в благодарность реке Алфею, Геракл назвал в её честь букву «альфа», поместив в начале алфавита³.

Это вздор, что говорит мифограф, будто Моисей, еврейский законодатель, был прозван «альфа», ибо имел белый лишай на теле. Галерий Красс, бывший военным трибуном при Тиберии, был прозван «Бета» потому, что он любил поесть белую свеклу, которую римляне называли «бетакиум». И Орпиллис, гетера из Кизика, звалась «Гамма», и Антенора, автора «Истории Крита», называли «дельта» из-за любви к родному городу, а критяне называли его «дельтон». Аполлоний, прославившийся во времена Птолемея Филадельфа знанием астрономии, был прозван «эпсилон», ибо форма этой буквы напоминает луну, в знании которой он был весьма опытен. Сатира, друга Аристарха, называли «дзета» из-за любви к исследованиям, и Эзопа его хозяин Идмон называл «тета» из-за переменчивого характера, да и вообще, рабов называют «тетес». Мать Кипсела, которая была хромой, дельфийский бог назвал «лямбда». Демокрит сообщает, что Пифагор, который описал все числа, обозначается третьей буквой.

Таково содержание пятой книги⁴.

¹ Фантасия (Φαντασία; возможно – XII век до н.э., то есть XX династия Нового царства) – египтянка из Мемфиса, легендарная поэтесса времен Троянской войны, которая, по утверждениям некоторых древних авторов, написала поэмы о Троянской войне и возвращении Одиссея на Итаку, послужившие источником вдохновения для Гомера (VIII век до н.э.). Данная легенда, как и многие другие утверждения относительно греческого эпоса, не имеет надежных доказательств.

² Более подробную версию рассказа о Фантасии находим у Евстафия со ссылкой на некоего Навкрата (ad Od. I.2.25–29): Фантасия здесь названа «жрицей мудрости» (σοφίας ὑποφῆτις), храм в Мемфисе – храмом Гефеста (то есть Птаха), а сам поэт – египтянином либо учеником египетских мудрецов. Согласно Диодору (I.22), на территории храма Гефеста в Мемфисе была погребена Исида. О двуснастности Адониса сообщает лишь Птолемей.

³ О реке Алфее у элейской Олимпии и о том, как Алфей течет прямо через море к возлюбленной Аретузе на Сицилии, см. Paus. V.7.1–4. По одной из традиций, Геракл был «силен больше духом, чем телом» (Serv. Aen. VI.395); Плутарх рассказывает о странных письменах на доске из гробницы Алкмены, истолкованных мемфисским прорицателем Хонуфисом (у кого и Платон занимался философией) как «грамота, которую в царствование Протея усвоил Геракл» (De genio Socr. 7 = M. 579a). Чаще считалось, что алфавит завезен в Элладу из Финикии Кадмом (опять-таки в Фивы) и впоследствии расширен Паламедом (Plin. 7.192).

⁴ Лат. beta обозначало листовую свеклу, тогда как позднее betaceus (betacius = βητάκιον) – знакомую нам красную; созвучие названий буквы и овоща обыгрывалось и у латинских авторов. Об Антеноре, авторе «Истории Крита», как и о местном критском δέλτος в значении ἀγαθός больше ничего не известно. Аполлоний из Перги (ок. 240 – ок. 190 гг. до н.э.) – знаменитый александрийский математик и астроном; Филадельф – это египетский фараон Птолемей IV (244–204 гг. до н.э.). Аристарх – вероятно, Аристарх Самофракийский, александрийский грамматик (ок. 220 – ок. 143 гг. до н.э.), приятелем которого хронологически мог быть перипатетик Сатир. Геродот называет Эзопа рабом (θήξ, мн.ч. θήτες) самосца Иадмона (II.134). Он же (V.92) рассказывает о Лабде (именно так произносилось название буквы λάμβδα в древности) из рода Бакхиадов, хромой матери коринфского тирана Кипсела (VII в. до н.э.), приводя и оракул с ее упоминанием. Δημόκριδης – это, вероятно, знаменитый врач Δημόκριδης, сын пифагорейца Каллифонта из Кротона (Hdt. III.125); Исидор Севильский (Etym. I.3.7) сообщает, что Пифагор изобрел букву ипсилон (Υ) и считал ее символом человеческой жизни; его отношение к гамме («третьей букве») неясно.

VI. Шестая книга содержит следующие главы. Ахилл, убитый Пенфесилеей¹, был воскрешен по просьбе Фетиды, чтобы вернуться в Аид, когда убьет Пенфесилею. Ликофрон в «Александре»² пишет: «какой бесплодный соловей – убийца кентавров», но он (наш автор) убийцами кентавров считает сирен. Гелен, сын Приама, был любим Аполлоном и получил от него серебряный лук, которым он ранил Ахилла в руку³.

Что Андромаха с сыновьями и Приамом пришли к Гектору просить кости Ахилла. Фетида [152a] сжигала в тайном месте детей, которых имела от Пелея⁴. Шесть были сожжены, а Ахилла Пелей вырвал из пламени (только нога была сожжена) и передал Хирону. Тот выкопал тело погребенного в Паллене гиганта Дамиса (самого быстрого из гигантов), извлек кость (астрал) и вставил в ногу Ахилла. Когда Аполлон преследовал Ахилла, эта кость выпала, Ахилл упал и был убит. По другому рассказу, Поэт называет его Подарком, потому что Фетида дала новорожденному крылья Арки, а Подарок значит, что его нога (пода) имеет крылья Арки. Арка была дочерью Тавманта и сестрой Ириды. Обе они имели крылья, но во время войны Арка бежала из лагеря богов и присоединилась к титанам. После победы Зевс забрал её крылья перед тем как сбросить её в Тартар и, придя на свадьбу Пелея и Фетиды, подарил их Фетиде. На свадьбе Пелей получил меч от Гефеста, драгоценности с изображением Эроса от Афродиты, коней Ксанфа и Баля от Посейдона, от Геры хламиду, от Афины флейту, от Нерее корзину с солью, называемой божественной, которая вызывает непреодолимым аппетит, улучшает вкус пищи и пищеварения, отсюда и выражение «она насыпала божественную соль»⁵.

¹ Пентесилея (Пенфесилея, Πενθεσίλεια) – в древнегреческой мифологии дочь Ареса и Отреры, царица амазонок.

² Ликофрон (Λυκόφρων; 320-е гг. до н.э. – сер. III в. до н.э.) – греческий поэт и грамматик, работавший в Александрийском мусейоне. Он известен как автор трагедий на мифологические темы, сатировской драмы «Менедем» и трактата «О комедии». Кроме этого, известно, что Ликофрон был искусным создателем анаграмм. Ликофрону приписывают создание поэмы «Александра», в которой пророчица, более известная как Кассандра, предвещает падение Трои и судьбу всех связанных с нею героев, и которая считается самым «тёмным» произведением всей античной литературы.

³ У Квинта Смирнского (I.573–674) и в других источниках еще живой Ахилл убивает Пентесилею и влюбляется в умирающую; об убийстве ее Ахиллом, восставшим из мертвых по просьбе Фетиды, находим еще только у Евстафия (ad Od. I.430.43–45) со ссылкой на «Историю» Теллеса (Τέλλης; возможно, киник III в. до н.э. Телес Мегарский). Лус. Alex. 670–672: τίς οὐκ ἤδ' ὄν στείρα Κενταυροκτόνος / Αἰτωλὶς ἢ Κουρήτις αἰδῶν μέλει / πείσει τακῆναι σάρκα ἀκμήνους βόρας; («Яловка-соловей, кентавробойца ли, / Этолянка, куретянка ли – песнею / Не убедит исцахнуть их от голода?», пер. И.Е. Сурикова со значительными изменениями); ср. выше о бегстве кентавров от Геракла; «яловыми», то есть бесплодными, соловьи-сирены названы, согласно схолии ad loc., так как они были девы. Подробности о Гелене и Аполлоне, подарившем возлюбленному τόξον ἐλεφάντινον, нигде больше не находим, а о ранении в руку Ахилла пишет еще только Диктис Критский (III.6).

⁴ Пелей (Πηλεύς) – в греческой мифологии сын мудрого Эака и Эндейды. Неоднократно упомянут в «Илиаде» и «Одиссее». Фетида (Θέτις, Thetis) в древнегреческой мифологии – морская нимфа, дочь Нереея и Дориды, по фессалийскому сказанию – дочь кентавра Хирона.

⁵ Подробно пишет о выдаче тела Гектора и участии Андромахи с сыновьями Диктис Критский (III.20–27). О закалке Ахилла и его пяте иначе рассказывает Псевдо-Аполлодор (II.13.6); он же приводит свой список свадебных подарков Пелею, где помимо коней от Посейдона фигурирует лишь ясеновое копье от Хирона (II.13.5); о «божественной соли» (цитата из II. IX.214, пер. В.В. Вересаева), даре Нереея, подробнее пишет Евстафий (ad Il. II.704.17–705.7). Он же разбирает эпитет Ахилла ποδάρκης, сопоставляя с практически синонимичным ποδώκης и приходя к выводу, что ποδάρκης помимо быстроты подразумевает стойкость и выносливость (I.102.21–103.27) – имея в виду глагол ἄρκεω ‘удерживать, выдерживать’, тогда как Птолемей попросту изобретает ad hoc обескрыленную сестру Ириды Арку. Ποδάρκης было также изначальным именем Приама (Ps.-Apollod. III.12.5).

Ахилл – сын Земли, который, когда Гера бежала от брака с Зевсом, убедил ее выйти за Зевса замуж, и это был первый брак. Тогда Зевс пообещал, что все, кто носят это имя, будут знамениты, именно по этой причине, Ахилл, сын Фетиды, известен. Хозяин Хирона¹ носил имя Ахилл, и его имя Хирон дал сыну Пелея. И остракизм в Афинах предложил Ахилл, сын Лисона. Ахилл – сын Зевса и Ламии [152b], он был очень красив, из-за него состязались, и он выбрал судьей Пана. Афродита разгневалась и поместила в сердце Пана любовь к Эхо, а также сделала его непривлекательным. И Ахилл – сын некоего галата, с рождения был седым. Есть еще сорок знаменитых Ахиллов, среди которых два пса, чье поведение было изумительным².

Приам был возлюбленным Зевса и получил от него золотую лозу, которую он подарил Еврипилу, сыну Телефа, за союз с ним. Эзоп³, убитый дельфийцами, воскрес и сражался на стороне греков при Фермопилах. Филоктет на Лемносе⁴ был излечен Пирием, сыном Гефеста, от которого научился натягивать лук. У речного бога Скамандра был сын Мелос, который был красавцем, и Гера, Афина и Афродита поссорились из-за того, чьим он будет жрецом. Парис присудил его Афродите, поэтому рассказывают басню о яблоке. Гипермен в «Истории Хиоса» рассказывает, что у Гомера был слуга Скиндапс, и хиосцы оштрафовали его на 1000 драхм за то, что он не сжег тело своего хозяина, а человек, который изобрел инструмент скиндапс⁵, был эретрийцем, сыном флейтиста Пойкия.

¹ Хирон (Χείρων, Хейрон, «рука») в древнегреческой фессалийской мифологии – кентавр, сын Кроноса и Филиры, изначально наделённый бессмертием.

² В этом куске помимо чистого вымысла (включая и псевдоисторического Ахилла, сына Лисона) наблюдаем удивительное взаимопереплетение самых разных мифов. Историю Ламии, разбросанную по множеству источников, в основном вторичных – Σ Αρ. Рах 758, Σ Αρ. V. 1035 = FGrH 76 F 17 (Дурид Самосский), Σ Aristid. 102.2, Diod. XX.41.3–6, etc., – можно подытожить примерно так: прекрасная ливийская (или лестригонская) царица Ламия становится возлюбленной Зевса и рождает ему детей, но ревнивая Гера то ли заставляет соперницу убивать новорожденных, то ли сама их убивает и вдобавок в прямом смысле лишает Ламию сна (сомнительная помощь Зевса в этом случае свелась к тому, что он наделил возлюбленную способностью «отключаться», на ночь вынимая и складывая в ящик измученные бессонницей глаза); страдания превращают Ламию в мстительное чудовище, которое хватает и пожирает малых деток (имя Λάμια Суда s.v. выводит от λαίμος ‘глотка’); есть в этой истории и пещера (ἄντρον) – место рождения Ламии согласно Диодору, превращенное Птолемеем в жилище автохтона Ахилла. Из красавца в чудовище превращается по версии Птолемея и Пан; в «Дафнисе и Хлое» Лонга (III.23) Пан преследует Эхо, заинтересованный больше ее музыкальными способностями, нежели девичьими прелестями, и в конечном счете из зависти наводит безумие на пастухов, которые и растерзывают Эхо. Сообщение об Ахилле, сыне Галата, перекликается с рассказом Авла Геллия (IX.4.6) о том, что в «далекой стране Албании» люди седеют еще в детстве.

³ Эзоп (Ἀἴσωπος) – полулегендарная фигура древнегреческой литературы, баснописец, живший в VI в. до н.э.

⁴ Филоктет (Φιλοκτήτης) – в древнегреческой мифологии сын Пеанта и Демонассы. Из Мелибеи (малиец). Один из женихов Елены и участников Троянской войны. Филоктет участвовал и в походе аргонавтов.

⁵ Струнный музыкальный инструмент.

Такова шестая книга¹.

VII. В седьмой книге мы находим, что Феодор Самофракийский² говорит, что Зевс после своего рождения не переставал смеяться в течение семи дней, и именно поэтому число семь считается совершенным. Ахилл был назван «спасенным из огня», и отец назвал его Ахиллом, так как одна из его губ была обожжена. Телемах был убит сиренами, когда они узнали, что он сын Одиссея. Одиссей в земле тирренцев участвовал в состязании флейтистов и выиграл его, исполняя «Падение Илиона» Демодока³. У Стихия Этолийца, возлюбленного Геракла, при вскрытии было обнаружено волосатое сердце; он был убит самим Гераклом, когда тот, в припадке безумия, убил своих детей; говорят, что он был единственным, кого оплакивал герой⁴.

¹ Еврипил играет важную роль в «Малой Илиаде»; здесь сказано (fr. 6 Kinkel), что золотую лозу (ῥιπέλος) Зевс подарил в качестве возмещения Лаомедонту, отцу похищенного им Ганимеда; Приам же отдал ее своей сестре Астиохе, чтобы та уговорила мужа своего Телефа прислать на помощь Трое их сына Еврипила (Σ Hom. Od. XI.520 = Acus. FGrH 2 F 40). О казни Эзопа дельфийцами сообщает Плутарх (De sera num. 12 = M. 556f–557a), но о его воскрешении узнаем только от Птолемея. Об исцелении Филоктета лемносскими жрецами Гефеста пишут Евстафий (ad Il. I.515.9–11) и Диктис Критский (II.14); вводимый Птолемеем Пилий, возможно, отправляет к элевсинцу, ставшему приемным отцом Геракла, чтобы тот, чужестранец, мог быть допущен к таинствам (см. Ps.-Apollod. II.5.12). Перепев истории о суде Париса основан на банальной игре слов. Σκινδαψός – четырехструнный музыкальный инструмент (Ath. IV, 183a). Все прочие имена и факты в этом куске известны только из Птолемея.

² Античный автор, данных нет.

³ Демодок (Δημόδοκος) – персонаж «Одиссеи» Гомера. Слепой аэд у феаков. Пел об Арее и Афродите; о взятии Трои. Образ Демодока в современной науке об эпосе считается представляющим этап эпического творчества т.н. «малых песен» типа русских былин, предшествующим их циклизации в больших поэмах.

⁴ Θεόδωρος ὁ Σαμοθράξ с его замечательным рассказом о младенце Зевсе скорее всего вымышлены Птолемеем. Об именах Ахилла «Огнестойкий» и «Безгубый» ср. Σ Luc. 158 (со ссылкой на «Эпиталамий Фетиды» Агаместора Фарсальского) и 1244 (к Πυρίσσοος добавлено еще Λιγύρων); имя Лигирон и толкование Ἀχιλλεύς от χεῖλος ‘губа’ находим и у Псевдо-Аполлодора (III.12.6: «потому, что он не прижимал свои губы к груди кормилицы»). Телемах считался основателем города Клузий в Этрурии-Тиррении (Serv. Aen. X.167), с которой ассоциировались и сирены. Этрусский Одиссей (Ulysses = Uthste) совмещает черты эллинского и местного героев: о выселении пеласгов из Фессалии в Корнтону (город к северу от Тразименского озера) под предводительством Нанаса (Νάνας) сообщает Гелланик (FGrH 4 F 4), а в той же схолии к Ликофрону (Σ 1244) находим, что у тирренцев Одиссей прозывался Νάνος, что значит ‘бродяга’ (по-гречески же νά(ν)ος – ‘карлик, коротышка’); можно предположить, что у Птолемея речь идет именно об этруском Одиссее – который, как замечает Плутарх (De aud. poet. 8 = M. 27e), «от природы был сонлив», в отличие от своего деятельного, пусть и невысокого (Il. III.193, Od. VI.230), итакийского двойника; Плутарх же, ссылаясь на Гераклида Понтийского (De mus. 3 = M. 1132b), говорит о Демодоке Керкирском – известном из «Одиссеи» слепом певце феакийского царя Алкиноя – как об авторе «Разорения Илиона». Наконец, еще одна переключка с Плутархом: со ссылкой на «Персику» Аристида Милетского тот сообщает, что и сердце царя Леонида, возглавлявшего эллинов при Фермопилах, было косматым, как выяснилось, когда Ксеркс вырезал его у павшего героя (Parall. 4 = M. 306d); об этолийце Стихии, еще одном возлюбленном Геракла, ничего больше не известно.

Гермес, влюбленный в Полидевка, одного из Диоскуров, подарил ему [153a] Дотора, фессалийского коня. Аполлон устроил погребальные игры по Пифону¹. В них участвовали Гермес и Афродита, она выиграла и получила в награду кифару, которую подарила Александру². Об этом говорит Гомер: «Была бы не в помощь тебе кифара...» и далее³. Какие слова Вакхилид⁴ приписывает Силену и кому он их адресует в эпосе?⁵

Скала Левкада⁶ получила имя от Левка, спутника Одиссея, который был из Закинфа и был убит Антифом. Это он построил храм Аполлона Левката. Те, кто прыгают с вершины скалы, освобождаются от любви и ее причины. После смерти Адониса Афродита блуждала и в Аргосе (город на Кипре), в святилище Аполлона Эрифия рассказала Аполлону о своей любви. Тогда Аполлон привел ее на Левкадскую скалу и приказал спрыгнуть, она сделала это и освободилась. Когда она захотела узнать причину, то Аполлон рассказал, что он как предсказатель узнал, что Зевс, всегда влюбленный в Геру, стоял на скале и отдыхал от любви⁷.

¹ Пифон или Питон (Πύθων от πύθω «гноить») – в древнегреческой мифологии дракон, охранявший вход в Дельфийское прорицалище до занятия его Аполлоном и считавшийся сыном Геи (вариант – Геры). Либо сам Пифон до Аполлона давал прорицания.

² Парису.

³ Гомер. Илиада. III, 54.

⁴ Вакхилид (Bakchylides), греческий поэт V в. до н.э. Родился на о. Кеос. Жил при дворе сиракузского тирана Гиерона, а последние годы – в Пелопоннесе. Писал гимны, дифирамбы, гипорхемы, пэаны, эпиникии – в стиле торжественной хоровой лирики.

⁵ Алкман (fr. 25 Davies) сообщает о даре коней Диоскурам от Геры: Киллара получил Полидевк, Ксанфа – Кастор; по Стесихору (fr. 178), Киллар достался Кастору, а Гермес подарил ему коней Флогей и Гарпага; Птолемей приводит еще одну версию этой истории. Миф об убийстве Аполлоном змея Пифона и учреждению в его честь Пифийских игр емко передан Лактанцием Плацидом (Fab. Ov. I.8); в «Илиаде» строка «Не помогли бы кифара тебе и дары Афродиты» (III.54) помещена в другой контекст. Феогнидова максима (Thgn. 425–428) о том, что лучше всего для смертных – не родиться вовсе, а мертвым быть лучше, чем живым, частично воспроизводится Вакхилидом (Epín. 5.160) и полностью – в аристотелевском диалоге «Евдем, или О душе» (fr. 44 Rose = 65 Gigon), где она вложена в уста Силена, беседующего с царем Мидасом; один из издателей соединяет этот текст Аристотеля с дзетемой-загадкой Птолемея и выстраивает из них фрагмент Вакхилида (fr. 57A).

⁶ Лефкас (Λευκάς), Лефкада – греческий остров и одноимённая провинция в Ионическом море.

⁷ В «Илиаде» описано, как Антиф, сын Приама, случайно убил товарища Одиссея Левка (IV.489–492), а впоследствии сам был убит Агамемноном (XI.101–109). О Белой скале на острове Левкада (Λευκάς πέτρα на мысе Λευκάτας, где стояло и святилище Аполлона) подробно рассказывает Страбон (X.2.8–9), упоминая, со ссылкой на Менандра, и о впервые спрыгнувшей с нее Сапфо – из-за любви к Фаону, и о том, что на ежегодном празднестве Аполлона левкадцы сбрасывали оттуда приговоренного преступника – не имея, впрочем, в виду летального исхода. Упоминаний об Аргосе на Кипре нигде больше не встречается; история Афродиты открыта разным толкованиям: она нашла в этом городе Адониса мертвым или воскресшим? призналась Аполлону Эрифию (от ἔριθος «поденщик на полевых работах»?) и отправилась на Левкадскую скалу до того, как забрала с собой Адониса, или после? В описании посещений скалы закоренелым повесой Зевсом явно проглядывает юмор.

И много других мужчин и женщин, страдающих от боли любви, освободились от своей страсти, прыгнув с вершины скалы, такие как Артемеса, дочь Лигдамида, который воевал с Персией, влюбленная в Дардана из Абидоса и презираемая им, выцарапала ему глаза, пока он спал, но боги только усилили любовь. Согласно оракулу, она пришла к Левкаде, прыгнула со скалы, погибла и была похоронена. Гиппомедон из Эпидамна, влюбленный в юношу-земляка, и, не имея успеха, поскольку тот склонился к другому, убил его, затем пошел к Левкаде и покончил с собой, прыгнув с нее. И Никострат, комический поэт, влюбленный в Тетигидею из Мирины, прыгнул и излечился от любви. Макес из Бутрота был прозван «Белой скалой» (Левкопетра), ибо излечивался от любви, прыгивая со скалы четырежды¹.

И много других избрали этот путь для освобождения. Булагор из Фанагории, влюбленный во флейтиста [153b] Диодора, прыгнул со скалы и погиб уже немолодым. Родопа из Амисены покончила с собой, прыгнув вниз, влюбившись в двух близнецов, стражников царя Антиоха по имени Антифонт и Кир. И ямбический поэт Харин был влюблен в евнуха Эрота, дворецкого Евпатора. Доверяя легенде, он прыгнул, сломал ногу, и умер от боли, сочинив эти ямбы:

Иди к дьяволу, обманчивая, смертельная гора Левкада!

Харин, увы, увы, что сотворил с ямбическою Музой,

Превратил в пепел своими тщетными словами надежды!

Чтобы Евпатор испытал такое же, ради Эрота.

Нирей из Катаны, влюбленный в афинянку Афины, прыгнул со скалы и был избавлен от боли, попав в рыбачьи сети, где нашелся также ларец с золотом. Он стал судиться с рыбаком из-за золота, но во сне ему явился Аполлон и сказал, что тот должен благодарить за спасение, а не требовать золота, что принадлежит другим².

Пан, говорят, морское китообразное, Кастрюля, чья внешность напоминает Пана; в его теле находят камень «астерит», который, выставленный на солнце, воспламеняется, кроме оттого, он дает привлекательность. У Елены был такой камень, на котором было изображение рыбы-пана, и она использовала его как печать.

Таковы главы седьмой книги «Новой истории» Птолемея Гефестиона для пользования эрудитами.

¹ Карийская царица Артемисия I (fl. 480) – исторический персонаж, но историю ее несчастной любви передает только Птолемей, как и историю Гиппомедонта из Эпидамна (город в Иллирии). Комедиографов по имени Никострат было как минимум двое: один (Ath. XIII.587d) относится к Средней комедии, другой (Ath. VI.230d) – к Новой; имя возлюбленной Никострата Τετιγιδία из Мирины (город на Лемносе) восходит к τέτιξ, ἴρος «цикада» (возможно, гипокористическая форма). Βουθρωτός – город в Эпире напротив Керкиры, основанный вслед за падением Трои сыном Приама Геленом (Steph. Byz. s.v.); имя Μάκης, ἦτος засвидетельствовано еще только в эпиграфике.

² Фанагория – одна из столиц Боспорского царства на Тамани; как и понтийский Амис, входил в черноморскую империю Митридата VI Евпатора (135–63 гг. до н.э.); именно с ним (а не с сирийским мальчиком-царем Антиохом V Евпатором, ок. 172–161 гг. до н.э.) скорее всего был связан Χαρίνος, чья приводимая здесь эпиграмма (SupHel 313) – его единственное сохранившееся произведение. История Нирея из Катаны (город на Сицилии) и Афины Аттической опять-таки известна только из Птолемея.

191. Василий Кесарийский. Аскетические сочинения

Прочитано святителем Василием, епископом Кесарии Каппадокийской, сочинение «Аскетики»¹ в двух книгах. Оно полезно прежде всего каждому из тех, кто избирает путь благочестия для достижения благ вечности и особенно тем, кто возглавляет борьбу за подвижничество в общинах. Оно содержит, кроме того, краткие решения и разъяснения для многих затруднений в Священном Писании, помогающих выявить природный талант автора.

Поэтому в его произведениях утверждается природный талант, к которому привык автор, а также его чистая ясность. Однако некоторые из вопросов, которые он рассматривает, приправлены [154a] намеком на акцент. Дело не в том, что его язык содержит юношеские новации словарного запаса, и не в том, что конструкция затенена «дубликациями», и это не факт каких-то иных странных и тщетных поисков нового и отдаленного навыка либо в привычном автору способе, либо в том, что говорится модным языком; но, сохраняя эти привычные ему качества, он как бы сеял местами акценты, не отказываясь ни от одной идеи, относящейся к его предмету, за исключением тех случаев, когда он жертвовал краткостью.

Что касается ясности, то, поскольку он думал о своей работе как о кратком изложении, он большую часть времени ею не пользовался, поскольку она ему была не нужна. Из решений его исследований часто вытекает глубина и убедительность, и повсюду проявляется спасительная полезность для души. Не только краткость уничтожает ясность, ни же тот факт, что не оформлены в форме заключения рассуждения, реализующие решение; но дело в том, что при разбросанности тезисов и при недостатке силы и связности доказательств мысль теряется. Причина этих недостатков кроется в различных порядках мышления, исследование которых я предоставляю вашему мудрому уму.

С другой стороны, акцент в двух книгах не является постоянным; с самого начала, по сути, первая ничего подобного не предлагает; однако в одном месте он говорит злые слова по неохоте; в остальном велика ее простота и равная ей чистота, а также ее аккуратность, и во всех двух книгах проявляется великая простота и большая осведомленность в использовании слов и конструкций, а также стремление приспособиться к пониманию веры и поставить себя на ее уровень, имея в виду только спасение.

Поэтому его первая книга раскрывает причину и опасность такого серьезного расхождения во взглядах и такого серьезного разделения между Церквями Божиими и между людьми. Во-вторых, нарушение любого божественного порядка наказывается со страшной силой, и на него возлагается обязанность показывать Священное Писание. В-третьих, речь идет о нашей святой вере, то есть о нашем чистом и ясном учении о Пресвятой Троице.

Вторая книга, так сказать, серьезно раскрывает основные черты характера христианина и аналогичный портрет тех, кто несет ответственность за учение. Затем он разрабатывает как бы правила подвижничества в виде вопросов и ответов числом пятьдесят пять, затем, еще более кратко, 313 других правил.

¹ Об этом сочинении Фотий уже кратко упомянул в 57-м кодексе.

192а. Максим Исповедник. Вопросы к Фалассию

[154b] Прочел у преподобного Максима¹, монаха и исповедника, книгу святейшего священника и игумена Фалассия, в которой он излагает 164 решения затруднений Писания.

Во введении он говорит о происхождении наших страданий; и он говорит, что зло никоим образом не является реально сущим, ни качеством, ни количеством, ни способом существования, ни природной привязанностью, которую можно увидеть в любом из существ.

Это было бы провалом телеологической энергии сил, присущих нашей природе, или, опять же, иррациональным движением природных сил, движением вслед за ошибкой суждения к цели, отклоняющейся от нее. И эта цель, говорю я, есть та, к которой всё естественным образом стремится, та, которую Адам, оскверненный ошибкой, в которой его привлекло Зло, неправильно понял, позволив полностью увлечься чувствами, спутав себя с животными. И чем больше он привязывался к чувственному знанию, тем больше он отклонялся от знания Бога.

И чем больше он упорствовал в отклонении от него, тем больше он был прикован к наслаждению чутким знанием и тем более увлекался им. И чем дольше он оставался среди него, тем больше он связывал любовь с роковой любовью к себе; и чем больше он привязывался к себялюбию, тем больше открывал для себя множество разнообразных удовольствий; потому что это плод любви к себе. А так как всякий порок уничтожается одновременно с тем, что его составляет, то опыт заставил его обнаружить, что дар всегда следует за удовольствием; и ему хотелось изо всех сил держаться за удовольствие и энергично бороться с болью в невозможной надежде разлучить их друг от друга и насладиться единственным удовольствием, к которому он мог бы отнести любовь к самому себе.

Из всего сонма наших зол, потому что, ища удовольствия из любви к себе и желая избежать боли, мы возбуждаем в уме своем неизреченное рождение губительных страстей. Например, привязываясь к удовольствию, свойственному самолюбию, мы порождаем чревоугодие, гордыню, жадность и все остальное, что каким-либо образом доставляет нам удовольствие. И если мы хотим уйти от боли, свойственной самолюбию, мы порождаем гнев, зависть, ненависть, отчаяние и все другие страсти, не имеющие ничего общего с приятным состоянием души. И из соединения двух отношений мы порождаем лицемерие, лесть, хитрость и, словом, все другие виды злобы, которые может выдумать обман с различными сторонами [155а].

Но, как мы сказали выше, человек, отдалившийся своим заблуждением от познания Бога и обратившийся целиком к ощущению, заблудился до того, что поставил в ранг божества то творение, которое подпадает под чувство из-за полезности, которую оно имеет для своего тела, поклоняясь творению

¹ Св. Максим Исповедник, крупнейший богослов своего времени, жил с 580 по 622 г. Сохранились сочинения, перечисленные Фотием в кодексах 192-195. Получатель этого сборника Фалассий был одним из реставраторов византийского мистицизма.

вместо Творца, из-за чего тело, поддаваясь этому пагубному поклонению, постоянно испытывало удовольствие и активную боль, постоянно вкушая от дерева непослушания, которое давало ему познание добра и зла посредством самого опыта и по показаниям чувств.

И без сомнения, назвав видимое существо деревом добра и зла, мы не отклонились бы от истины; потому что оно может естественным образом чередовать удовольствие и боль. С другой стороны, так как видимое творение обладает также духовными началами, питающими разум, и силой физического порядка, радующей чувства и тревожащей дух, то поэтому оно и было названо деревом познания добра и зла.

В самом деле, именно оно учит страстям тех, кто участвует в нем телесно; несомненно, поэтому Бог запретил на время участие человека в этом, чтобы он мог сначала познать, что и было правильно, свое собственное дело через участие в благодати и бессмертии, дарованном ему благодатью; так что затем, укрепленный этим причастием в бесстрастии и неизменности, он отныне, по вознесению к божеству, подобен Богу и с Богом, и созерцает творения Божии, не страдая от них, и что он получает познание их как Бог, по благодати, но не как человек.

Вот проблемы, над которыми философствовал автор во введении; он объявляет о более полном и более точном рассмотрении его в других сочинениях и обещает завершить исследование в отдельном трактате. Затем он начинает вопросы и ответы.

1. Первый вопрос: что означает фраза «Мой Отец все еще трудится»?
2. О том, кто нес кувшин с водой в Евангелии.
3. На слово «Не имейте двух хитонов».
4. О проклятии земли в творениях Адама.
5. На слово «Всякий, рожденный от Бога, не делает греха».
6. О фразе «Ибо для того и мертвым возвещалась благая весть».
7. О словах [155b] «Бог есть свет».
8. На тему «Какие мы дети Божьи, и какими мы будем в будущем?»
9. О теме «Как тот, кто боится, не достигает совершенства в любви?» и «Нет недостатка для тех, кто боится его».
10. К вопросу о том, какое первенство не удержали Ангелы, и какова их судьба.
11. Что такое хитон, оскверненный плотью?
12. Что значит «То, что невидимо, ибо сотворение мира видимо разуму через его дела»?
13. Что означает «И поклонялись творению вместо его Создателя»?
14. На слова «Воистину, нетленный дух Твой во всем».
15. О тельце, растаявшем в пустыне.
16. Об Ангеле, убившем Моисея на пути в Египет.
17. О теме: «Если соблюдающие Закон должны быть оправданы, то как те, кто оправдан по Закону, отпадают от благодати?»
18. Что означает «Все, кто согрешают без закона, без закона и погибнут»?
19. Что означает засохшая смоковница Евангелия и что о ней сказано?

20. О том, что значит «После свержения начальств и властей... и т.д.», и как лишается этого тот, кто никогда не одевался в него?

21. Если в грядущие времена Бог явит сокровища Своей благодати, то как наступит для нас конец времен?

22. На слово «Бог даст ему дом Давида, отца его». Как мы можем дать это, когда престол Давида попал в руки народов, которые не знают Того, Кто произошел от Него?

23. Что значит «Пройдя через первого и второго стража», и что такое железная дверь?

24. На слово «Всякого человека Христос глава и т.д.»

25. О царе Вавилонском, Иудейском и язычниках.

26. Об откровении Петра о Корнилии и о том, как некоторые не согласились с Петром относительно Корнилия.

27. Слово «Пойдем, сойдем и смешаем их языки», кому оно адресовано?

28. Что означает высказывание в Деяниях: «Те, которые сказали Павлу во имя Духа не ходить в Иерусалим»?

29. В чем разница между чашей и крещением?

30. О высказывании «Не в рукотворных храмах обитает Бог»; как можно было сказать, что он жил в храме иудейском?

31. На слово «Если же они [156a] достигли и нашли Бога?»

32. На слово «Истинно говорю вам, кто бы ни сказал горе сей и т.д.», о чём ни попросите в молитве, верьте, что получите и т.д.»

34. О фразе «Нам заповедано есть мясо и пить кровь, но не дробить кости».

35. Какие виды животных приносятся в жертву у израильтян?

36. О гадюке, укусившей руку святого Павла.

37. К вопросу о саддукеях, которые воображали семерых мужчин, женатых на одной женщине.

38. Что означают три дня, которые народ провел в пустыне со Христом?

39. Что означает число шести гидрий на свадьбе в Кане Галилейской?

40. Что означают пять мужей самаритянки и шестой, не являвшийся ее мужем?

41. Как можно сказать, что мы совершаем и знаем грех, а Господь стал грехом и не знал этого?

42. О дереве жизни и дереве непослушания.

43. Кому было сказано: «Вот, Адам стал как один из Нас», ибо если это слово было сказано Сыну, то как Адам сравнивается с Сыном? А если с Ангелами, то как же Он сравнивает Ангела с Собою?

44. Что означает «Грудь предлежащая и бедро собирающее»?

45. Чем зеркало отличается от загадки?

46. Что означает «Глас вопиющего в пустыне»?

47. Об Озии, царе Иудейском, и о резервуарах и башнях, которые он построил.

48. Что же означает, с другой стороны, в той же книге Паралипоменон: «И Езекия увидел идущего Сеннахирима»?

49. Что также означает в той же книге «И начал царь Езекия молиться, как и Исаия, сын Амоса»?

50. Что означает: «И многие приносили жертвы Господу и дары Езекии, царю Иудейскому»?

51. На слово «Езекия не ответил на благо, которое даровал ему Бог и т.д. ...».

52. И снова относительно Езекии: «Они похоронили его по дороге ко гробницам сынов Давида» и т.д.

53. О том, что написано в первой книге Ездры о Зоровавеле: «Он поднял лицо свое к Небу пред Израилем» [1566] и на молитве помолился.

54. На слово «И всех было из Израиля от двенадцатого года, кроме женщин и детей, сорок три тысячи триста шестьдесят» и т.д.

55. О том, что написано во второй книге Ездры: «И услышав, пришли враги колена Иуды и Вениамина и узнали, что это были за трубные звуки» и т.д.

56. Что означает «Молитва праведника имеет большую силу»?

57. «Вы радуетесь этому, хотя вам еще какое-то время надо огорчаться» и т.д. Как может радоваться тот, кто страдает от искушений?

58. Об этом спасении искали и размышляли пророки?

59. О слове «Как Агнец без упрека и непорочного, Христос предвидит...» – заранее известно кому?

60. Что означает «Время начать суд над домом Божьим» и т.д.?

61. О летающей книге, которую видел Захария.

62. На золотом фонарном столпе живет тот же пророк.

63. Что значит «есть более ста двадцати тысяч человек, которые не знают ни левого, ни правого»? Кто эти мужи? Что слева и что справа?

64. Почему после смерти Саила, обидевшего гаваонитян, Давид, который был невиновен, был наказан голодом, опустошавшим его страну до того момента, пока он не отдал семерых мужей потомков Саула гаваонитянам?

На эти вопросы и собирается ответить этот святой человек и этот доблестный исповедник. Что касается его стиля, то он состоит из чрезмерных периодов; он любит сверхненависть и богат «дубликациями», и его не заботит правильный термин. В результате его трактат от начала до конца отмечен отсутствием ясности и трудностью понимания. Придавая своей речи акцент, отмеченный резкостью в построении и паузами, он даже не удосуживается доставить удовольствие слушателю. И его способ употребления слов в переносном смысле ни в коей мере не изящен и не обаятелен, а реализован очень просто и беззаботно.

И он далек от того, чтобы утомить даже своих сторонников, потому что решения, которые предлагает его мысль, очень далеки от текста и истории, какими мы ее знаем, и тем более от самой трудности. Но для тех, кто любит погрузиться в мысли возвышений и созерцаний, он не мог найти более разнообразных и более изученных, чем здесь. Фактически для некоторых проблем он объединяет замечания своих предшественников и адаптирует к ним размышления, возникшие в результате его собственных работ и обладающие не меньшей, а может быть, даже большей тонкостью и глубиной. Напротив, всюду сияет его благочестие, а также чистота и искренность его любви ко Христу.

192b. Максим Исповедник. Письма (27)

Читал также у него Письма на разные темы, письма полезные для собраний и необходимые для тех, кто заботится об исправлении своего нрава и поддержании ума своего, внимательного к благочестию. Их двадцать семь, среди них единственное длинное – адресованное некоему Иоанну.

Вот их темы.

1. Обвинение тех, кто стремится отомстить еретикам и особенно последователям Севера.

2. Что необходимо во что бы то ни стало сохранить в неприкосновенности переданную веру.

3. О различии и о том, как можно допустить к вере во Христа два естества после их соединения.

4. Это число не делится и не дробится и по своей природе не вносит абсолютно никакого деления в числа, к которым оно прибавляется.

5. Как мы можем использовать число в соответствии с верой, чтобы показать разницу?

6. Как следует понимать слово, которое мы находим в послании святителя Кирилла к Секвенсу, и что выражение «в двух» не противоречит тем, кто говорит, что воплощенная природа Слова одна, при условии, что мы не понимаем это по нечестивому понятию Нестория.

7. Во Христе различаются вещи или сущности, а не качества; и что всякое различие необходимо несет с собой количество, частью которого оно является, и количество, в свою очередь, число, которое его выражает, независимо от того, разделено оно или нет.

8. Нечестиво говорить, что Христос представляет собой всего лишь одну сложную природу, и что это противоречит истине.

9. О сложном содержании и кратком изложении толкования терминов языка веры, относящихся ко Христу и признанных Католической Церковью.

10. О сложной субстанции рассуждение основано больше на природных данных и точной демонстрации того факта, что те, кто признает, что Христос есть уникальная сложная субстанция, не впадают в то же представление, что те, которые говорят, что Он есть уникальная сложная природа.

11. Что единство Слова с плотью было достигнуто только на основании предположения [157b], поскольку Слово существовало прежде и хотело достичь этого единства с плотью, процесс, который невозможно наблюдать ни в каком другом соединении. Потому что в случае других соединений единство достигается не принятием одного из двух элементов другим, а конвергентным движением двух элементов, которые переходят от небытия к строению соединения, суть которых они составляют. Таково это письмо Иоанну и такие темы мы там находим¹.

¹ Данные резюме в точности соответствуют двенадцатому письму сборника Миня, р. 460-509, где получателем является кувикулярый Иоанн, чей. это имя появляется дважды позже. Есть основания полагать, что Фотий имел дело с рукописью, заголовки которой были недостаточно точными, так как он не видел, что получатель этого особенно длинного письма был таким же, как и у других частей коллекции.

Среди прочих писем три адресованы Фалассию, священнику и игумену, два – кувикулярию Иоанну, два – монаху Софронию, прозванному Евкратом, одно – софисту Иоанну и одно – игумену Иании и одно – Фалассию, игумену и иерею, и одно священнику Иордану и Стефану, игумену и священнику, и один епископу Киriskию, и еще один кувикулярию Иоанну, и то же Стефану, священнику и игумену, и одно Конону, священнику и игумену, и одно еще раз Фалассию, игумену и священнику, и два епископу Иоанну и еще раз Иоанну Кувикулярию о том, что такое страдание по Богу, и два Константину иллиустрию и сакеллярию, и три аббату Полихронию и одно Юлиану Александрийскому, отвернувшемуся от ереси акефалов, и одно, предположительно, исходившее от Георгия, префекта Африки, к отлученным от церкви монахиням в Александрии.

Во всех двадцати семи письмах проявляется общий характер его сочинений и, прежде всего, его благочестие. Что же касается их неясности, то, учитывая, что автор соблюдает здесь (и он прав) законы эпистолярного жанра, никакого беспорядка он не внес. С другой стороны, очевидно, что некоторые элементы, вызывавшие темноту, были устранены, другие исправлены.

193. Максим Исповедник. Об аскетике

Прочел у святого Максима труд об аскетике в форме вопросов и ответов. Это полезная книга для всех, но особенно для тех, чьим режимом является аскетизм. Фактически, он учит и культивирует моральные привычки, благодаря которым человек может стать гражданином небес, и, прежде всего, он указывает на ряд ресурсов для достижения знаний и практики благотворительности.

К этому сочинению был причислен и еще один трактат, состоящий из четырехсот глав; он был посвящен некоему Эльпидию, посвятившему себя святости. Сам автор озаглавливает свою работу «О милосердии», несомненно, потому что [158a] именно с ней он обращается в начале своего сочинения и потому, что он часто обсуждает ее в других местах. Однако в произведении содержится много проблем и соображений, пригодных для закрепления богопознания и для освящения и очищения жизни, и из которых можно извлечь большую пользу, если идти по их следу, не будучи управляемым. И аспект его стиля здесь принимает более, чем где-либо, блестящую и отполированную форму, не представляя ничего, что можно было бы отметить для его критики, за исключением того, что он иногда не предпочитает аттический язык другому.

194. Максим Исповедник. Различные письма и теологические центурии

1. Прочтено у того же святого мужа, адресованное префекту Георгию, письмо, полное полезности и сострадания; и его стиль, развивающийся в направлении ясности и естественности, показывает, что он постоянно сохраняет в неприкосновенности свою связь с четырьмястами вышеизложенными главами¹.

¹ Сборник писем в Патрологии Миня открывается довольно длинным письмом, адресованным этой персоне, но неясность данных Фотия не позволяет сказать, действительно ли это именно оно.

Прочтено одновременно в том же томе сочинение, разделенное на сотню глав, и еще одно, также разделенное на такое же количество глав, в котором сияет знание божественных вещей, и чья способность формировать мораль замечательна¹.

И ни в коем случае нельзя было бы заподозрить их общее происхождение с четырьмястами главами, если бы аллегорический язык, который проскальзывает во многих местах, не приближал бы их каким-то образом к семейству произведения, которое рассматривает проблемы, вытекающие из Священного Писания, и их решения, и которые посвящены священнику и игумену Фаласию, и в силу своего родства с этим текстом не дает повода для подозрения, что родство с другим трактатом не будет подлинным.

Прочел в том же томе, того же автора, разные письма, в том числе письмо к Петру Прославленному, имеющее название «Краткая беседа о тайне Христа и против догматов Севера». Вот главы, которые его составляют: посвященные числам, основанным больше на природе, на различии и качестве, на более глубоких исследованиях, а также на ортодоксальном способе их распознавания.

Что кошунственно просто говорить, что Христос – одна природа; о сложной природе и способе рассуждения о ней, и что нечестивы те, кто говорит, что Христос есть одна сложная природа. Что тот, кто говорит: «Христос Бог и человек после соединения (природ), необходимо признает этими терминами существование природ после соединения; очевидно, что это правильно и соответствует убеждениям, которые, по его словам, он выбрал.

[158b] О слове «в двух» и о единстве природы Слова, православном исповедании, сообразующемся с учением Отцов, и отрицании единой составной природы. Что касается составной субстанции, это обсуждение более естественного порядка и демонстрация того, что те, кто признает, что Христос есть единая сложная субстанция и те, кто говорит, что это единая сложная природа. В девятой главе объясняется, что союз с плотью был осуществлен только на основании предположения, учитывая предсуществование (Слова), которое достигло добровольного союза с плотью. Но таково письмо Петру Иллюстрию².

Другое адресовано Косме, диакону Александрийскому, об общем и должном, то есть о сущности и субстанции³. Ее предметом является

¹ Без сомнения, мы говорим здесь о двух богословских столетиях, о которых мы читаем у Migne, P.G., t. XC, p. 1084-1176.

² Это письмо, несомненно, является тринадцатым в PG Миня, т. XCI, p. 509-533; данные в резюме точно совпадают с данными в исходном тексте, за исключением того, что в письме рассматриваются только восемь проблем.

³ Это письмо Косме является пятнадцатым в PG Миня, т. XCI, p. 544–576, первое из двух писем, адресованных этому получателю, содержащихся в коллекции Миня. Краткое изложение из девяти пунктов является точным, а формулировки последующих статей почти дословно соответствуют формулировкам заголовков, обозначающих подразделения письма.

демонстрация естественными доказательствами той идеи, что ничто из существующего не тождественно по существу и субстанции другому объекту, потому что его сущность и субстанция различны; и то, что одинаково по существу, различается по сути, а то, что одинаково по существу, различно по сути и природе.

2. Что Христос, соединив Себя через общие элементы Своих частей с крайностями, сохранил различие между другими частями; и по особенностям своих частей оно показывало, что все, что касается субстанции, было общим для обоих.

3. Те части, которые являются общими по существу, отличают целое, то есть Христа, от крайностей, тогда как те части, которые являются общими с крайностями, связывают Христа по существу с крайностями.

4. Что, найдя себя совершенным Богом и в то же время совершенным человеком, Он имел общее для них и особенное для них, и этими элементами достиг единства с самим собой и различия крайностей; соединением крайностей с самим собой Он удостоверял, что природы, из которых Он был составлен, сохранились в нем, а отличием крайностей от себя самого Он подчеркнул своеобразный характер своей собственной субстанции.

5. Краткое рассуждение о разнице, с помощью которой показано, что количество элементов, единых по сущности, сохраняется.

6. Более обширное и основанное больше на естественных доказательствах различие, количество и число, выражающее их.

7. Пусть тот, кто знает, что природа и субстанция не тождественны, правильно рассуждает, когда дело касается Христа, о единении и различии; одно рассматривается по субстанции, другое по природе.

8. Этот Север, желая объединить природу и субстанцию, путает союз и делает различие различием; таким образом [159a] доказано, что оно искажает понятие Троицы в тетраду, разбивает на двойку тайну божественного единства и исключает Христа из всякого существования как по существу.

9. Краткое изложение со справедливой защитой истинного исповедания Отцов. Таково это письмо, и, судя по отзывам подданных, его полезность для достижения истинной веры очевидна. А стиль, как и положено в такой теме, тяготеет к ясности и не лишен элегантности.

Есть также одно, адресованное Пирру, когда он еще только имел сан священника и еще не вступил на епископский престол. Автор превозносит Пирра и свидетельствует о его правоверности и святости; но поскольку Пирр просил Максима написать ему по некоторым вопросам, мудрый Максим не удовлетворился тем, что отказался от самоотвода, назвав себя человеком со слабым голосом и медленной речью, но он ушел с просьбой написать ему, чтобы она научила его, что такое деятельность, и сколько форм она принимает, и что поступок сравнивается с ней, и чем он отличается и от действия, и от работы, и чем мы должны выражать и представлять уникальную деятельность. Таково письмо Пирру.

1. Он также написал некоему Фоме¹, который просил его объяснить некоторые трудные выражения. Это слова Григория Богослова и святого Дионисия; например, в его трактатах о Сыне и о том: «Вот почему монада движется от начала и т.д.» и «Монада поколебалась от своего богатства» (слово взято из его второй речи о Мире).

2. На тему «В одной главе и т.д.».

3. На это слово, взятое из той же речи: «Этот человек, который теперь вами презирается, и т.д.

4. О фразе «Ибо, как Слово не было ни покорным, ни непокорным и т.д.» И от святого Дионисия это было: «Как вы говорите, что Иисус, который превыше всего, по существу един со всеми людьми и т.д.?» и по ряду других замечаний.

Таково содержание первого письма Фоме.

Во втором он делает как бы повторение слов, изложенных ранее и взятых из трактата по богословию, и аналогично толкует: «Дух, слившийся с полной плотью, до победы лучших». Вот что есть в этих работах.

195. Максим Исповедник. Письмо и диалог между Пирром и Максимом

Прочел у того же святого человека письмо, адресованное [159b] священнику Мариану². Он имеет дело с естественным желанием или намерением, волей, решимостью или обдумыванием, а также с отраженным желанием и объектами, о которых мы размышляем, а также с мыслью, свободой, мнением, разумом или мудростью. И что после воскресения взаимная воля Бога и святых уже не будет во всем единственна, даже если предмет их воли уникален, как утверждают некоторые. К этому добавляется одиннадцатая глава, в которой говорится, что мы не можем говорить о единой воле по отношению ко Христу, будь то естественная или избранная; как думают некоторые. Таково это письмо; он предлагает много пользы не только для достижения истинной веры, но и для многих других прекрасных размышлений.

Прочтен в том же томе диалог о двух волях и двух энергиях во Христе. Действующие лица диалога – Пирр и Максим; первый представляет точку зрения ортодоксальности, а Пирр придерживается еретической концепции³.

¹ У Миня нет письма получателю с таким именем. Следовательно, у Фотия, должно быть, было собрание писем Максима, которое сильно отличалось от единственного, опубликованного до сих пор. Чередование заметок в Библиотеке показывает далее, что патриарх нашел труд исповедника в большом беспорядке.

² В коллекции Миня, т. XCI, р. 597-604, есть письмо, адресованное человеку с таким именем. Однако не этому тексту соответствуют данные сводки, а очень хорошо согласуются с первым из трактатов, опубликованных Минем, р. 9-37, под названием *Opuscula Theologica et Polemica*; вся книга (р. 9-285) посвящена тому же персонажу, которого в тексте святого Максима зовут Марин, а не Мариан. Идентификация оригинала по содержанию краткого изложения не оставляет сомнений: содержащиеся в нем данные в точности воспроизводят одиннадцать разделов трактата св. Максима.

³ Текст этого диалога можно найти у Migne, P.G., t. XCI, р. 288-353. Собеседник Максима – монофелитский патриарх Константинопольский.

Однако, ограниченный и подталкиваемый ортодоксальными доводами и положениями, он становится на сторону истинной веры, признавая, что раньше он мыслил неправильно. Из текста видно, что именно в Риме он пришел к этой дискуссии, после того как обрек себя на изгнание и лишился Константинопольской епископской кафедры.

Диалог составлен в том самом жанре, который обычен, хочет ли писатель сохранить в неприкосновенности импровизированный характер дискуссии, хочет ли он прибегнуть к какой-то другой договоренности; вот почему правила диалектики не могут быть снисходительны к нему. Но даже в этих условиях эта дискуссия очень полезна для сторонников истинной веры.

196. Ефрем Нисибинский. Различные парафразы

Прочтено у святителя Ефрема [Сирина] сорок девять бесед, в первой из которых фигурирует сам автор, сожалеющий о том, как он жил. Она имеет форму пролога к последующим увещаниям. Вторая представляет собой увещание своим братьям, живущим в общине. Третья – призыв к благочестию. Четвертая дает первое посвящение тем, кто принимает монашескую жизнь; то же самое относится и к пятой, шестой, седьмой, восьмой и девятой; того же рода десятая, одиннадцатая и двенадцатая. Посвятительные речи – тринадцатая, четырнадцатая, пятнадцатая, шестнадцатая, семнадцатая, восемнадцатая, девятнадцатая и вплоть до двадцать третьей. Затем следующее увещание [160a] общего характера. Двадцать пятое – призыв не менять местонахождение. В двадцать восьмой беседе в изложении говорится, что нельзя отвергать тех, кто, оставив общественную жизнь, возвращается к ней с новыми установками. Двадцать девятая показывает на опыте, какое великое зло непослушание, и что от христианина требуется долготерпение и контроль над злобой. Тридцатая посвящена страстям и тому, что мы должны избегать их. Тридцать первая беседа гласит, что мы должны увещать тех, кто равнодушен. Тридцать вторая о том, что посредством своего рода противоречия мы укрепляем силу и бодрость, прибегая к воздержанию и целомудрию. Тридцать третья призывает к целомудрию. Тридцать четвертая проповедует спокойствие тем, кто хочет вступить в конфликт. Тридцать пятая касается обязанности не позволять взгляду блуждать; и в уроке в форме вопросов мы спрашиваем, может ли воздержание от пищи разрушить идею блуда и какими еще средствами это можно сделать. Тридцать шестая посвящена мягкости. Тридцать седьмая обращена к непокорным людям и стремится, если они еще не погружены в пучину гибели, умерить их страхом Божиим и перспективой приговора на грядущем суде. Тридцать восьмая учит истинному благочестию. Тридцать девятая адресована тем, кто терпит неудачу по собственной небрежности и выдвигает предлоги, чтобы оправдать свои ошибки. Сороковая обращена к падшему брату и посвящена покаянию. Сорок первая обязует не ругаться и не произносить злых слов. Сорок вторая показывает, что Илия, священник Закона, был справедливо наказан; она адресована тому, кто сомневался по этому поводу. Сорок третья рассказывает о страхе Божиим, а

сорок четвёртая – о любви к Нему. Сорок пятая написана в ответ на просьбу Евлогия; он развивает увещания, полные добродетельных качеств, и доктринальное изложение. Сорок шестая составлена в адрес нерадивого и искушенного монаха и пытается рядом почетных советов отвлечь его от возвращения к жизни века. Сорок седьмая выдвигает обвинение в плохой морали. Сорок восьмая показывает, какое отличие отделяет жизнь одинокого от жизни в мире. Сорок девятая описывает второе пришествие Христа и призывает людей покаяться.

Во всех этих увещаниях святого человека можно восхищаться, до какой глубины достигает его искусство убеждения, и какое наслаждение от него происходит, и, словом, как много в них расцветает естественности. Что же касается слов и цифр, то нет ничего удивительного в том, что они скатываются к несколько обыденному языку и небрежности разговора; ибо ответственность ложится не на того, кто породил эти мысли, а на того, кто их перевел, поскольку тот, кто обладает точным знанием [160b] сирийского языка, знает, что он превосходит в употреблении слова и образы до такой степени, что невозможно определить, из-за этих ли элементов или из-за духа, в них заключенного, от его сочинений исходит такая грация и сила. Нет поэтому ничего удивительного в низости стиля, но удивительно то, что посредством такой пошлости выражения он распространяет для тех, кто к нему привязан, такую добродетель спасения и полезности.

Ту же благодать и ту же силу мы находим в беседе о смирении, состоящей из ста глав. То же самое и с речью, в которой говорится, что нам не следует смеяться или волноваться, а лучше жить в трауре; она не отрицает своих отношений с остальными. Не иначе обстоит дело и с речью, обращенной к монахам Метебина: она учит кротости и борется со злым духом, она настаивает на долготерпении и обвиняет гнев и показывает, что терпение – источник счастья, и клеймит несчастье равнодушных; страх Божий она делает путеводителем вечной мудрости и обрекает презирающего на наказание. Это показывает, что любовь ведет к Богу, а ненависть приближает к тому, что достойно любви. Он говорит, что истина – мать многих праведных поступков, и что ложь разрушает их, и что подобным образом послушание делает счастливыми тех, кто его практикует, а неподчинение подвергает нас проклятию и большому вреду, другим позорам. Быть чистым от зависти и ревности – значит быть богатым милосердием, и те, кто охвачены страстью, подвержены судам диавольским, как и те, кто уличен в привычке к оскорблениям. Точно так же оно относится и к самоконтролю и невоздержанности.

Таким образом, речь, обращенная к монахам Метебина, заканчивается этими вопросами. Мы также цитируем у этого писателя множество других трактатов, переведенных на греческий язык и полных изящества и силы. А сирийцы говорят, что он сочинил более тысячи сочинений, и на этот счет мы имеем свидетельство человека, не лишённого исторического авторитета, если даже ему недостает в вопросах догматов: это Евсевий, по прозвищу Памфил.

197. Кассиан. Три сочинения

Прочтен небольшой том, в котором были два произведения римского монаха Кассиана¹.

Первое было адресовано епископу Кастору², который сам [161a] просил отредактировать это письмо. В нем изложены уставы и правила, согласно которым монахи Египта жили группами, которые в тексте называются, в зависимости от происхождения слова, общинами.

Второе, посвященное тому же персонажу, носит название, в котором речь идет о восьми понятиях, с которыми он связывает чревоугодие, похоть, скупость, гнев, зависть, безразличие, тщеславие и гордость. Эти небольшие тексты чрезвычайно полезны для тех, кто решил выдержать испытание аскетизмом. И они отмечены такой силой и такой святостью, что до наших дней любая община монахов, управляемая по этим уставам и этим положениям, непременно процветает и сияет большим блеском, чем другие, и представляется работным домом добродетелей, тогда как каждый отвергший их будет брошен на жалкие обломки добродетели или поглощен кораблекрушением. Поэтому мы не должны пренебрегать ничем из данных там повелений, потому что эти правила являются развитием и объяснением законодательства, вдохновленного Господом, и установлений, верных Евангелию³.

Для автора выражение соответствует мысли; там сияет ясность, а также дар заставлять благодать легко и плавно проникать в глубину душ, убеждать их и вести к объекту их усердия. И все так умело и так искусно измерено и оформлено, что второе произведение, несмотря на свой богатый фигурами язык, притягательность и обаяние, которыми оно наполнено, все же в изобилии предлагает то, что может испугать, поразить и подтолкнуть к покаянию⁴.

Вместе с ними был прочитан третий небольшой текст⁵; после смерти епископа Кастора он был посвящен тому, кто сменил его в управлении монастырем, правила для которого автор послал ему. Он похож на предыдущие и учит, что такое проницательность; оно превосходит другие добродетели, и

¹ Эпитет «Римлянин» просто означает, что персонаж имеет западное происхождение и знает греческий язык.

² Кастор, епископ Аптский, умер до 426 г.

³ Мы легко узнаем здесь не два произведения, а две части сочинения Кассиана: *De institutis coenobiorum* и *de Octo Principalium litiorum remediis libri XII*. Ошибка Фотия, если она есть, объясняется тем, что пятой книге трактата предшествует второе предисловие к епископу Кастору. Возможно также, что патриарх застал произведение уже разделенным на две части. Следует отметить, что список тяжких грехов (как у Евагрия Понтийского в Migne, P.G., т. XL, col. 1272) здесь составляет восемь, а не семь грехов.

⁴ Такое понимание стиля доказывает, что перед глазами Фотия был греческий текст. Мы знаем, что Кассиан был переведен на греческий язык. О свидетельстве Фотия и об этом переводе ср. *Petschenig J. Johannis Cassiani. De Institutis Coenobiorum et de octo principalium vitiorum remediis libri XII ...* Vienne, 1888. P. xcvi-civ (C.S.E.L., t. XVII).

⁵ Это, несомненно, перевод чужого сокращения работы Кассиана, *Collationes* или вымышленные беседы со знаменитыми анахоретами Египта; работа состояла из двадцати четырех рубрик. Содержание конспекта показывает, что Фотий читал только перевод *Collationes* I, II и VII.

происхождение его чаще всего является даром Свыше. С помощью доказательств, извлеченных из Священного Писания, он устанавливает, что исповедь должна практиковаться, и определяет цель и завершение для тех, кто приближается к испытанию аскетизма, которому следует следовать.

Чтобы преподать эти данные, он изображает некоего Моисея, человека недюжинной добродетели, который основывает свои замечания на тех самых фактах, которые он ставит, так сказать, перед глазами [161b]. Затем он представляет Серена; он не уступает предыдущему в своей жизненной дисциплине и дает то же учение, а именно, что не иметь ума, смущаемого бесами, невозможно, но и не позволять себя вести и принуждать впадать в грех, что от нас зависит, напротив, отвергнуть это мучение или приветствовать его. И не проходя через души, демоны знают мысли человеческие, но обнаруживают их по известным внешним признакам, потому что они принадлежат только им. Только Святая Троица могла проникнуть в души и во все другие существа.

Бывают разные виды демонов: некоторые свирепы и очень вредны; другие в меньшей степени, и он в легком настроении.

Таков материал, которым наполнено третье сочинение. Серен обещает разобраться в свое время с предметом просьбы, а именно¹: «Ибо не против противников из плоти и крови нам надлежит бороться» и т.д. Леонтий было именем получателя этого третьего небольшого сочинения.

198. Аноним. Сводка духовных молитв

Прочел книгу, в которой описывается образ жизни и рассказывается о добродетельных поступках святых людей, способствующих совершенствованию душ и служению им. По всей видимости, это было краткое изложение и обзор великого труда «Духовный отец», повествующего о жизни и деятельности тех, кто жил во времена великого Антония² и после него, так же, как произведение под названием «Новый рай» повествует об аскетических испытаниях, выпавших на долю еще более поздних деятелей, относящихся ко времени императора Ираклия и немного позже.

Настоящая книга разбита на двадцать два предмета³; для каждого из них она показывает через различные примеры, в чем их полезность, и что от них

¹ Несомненно, это было одно из рассматриваемых сопоставлений, которое начинается с высказывания св. Павла, Ефессянам, 6, 12.

² Об этом персонаже и его значении в становлении монашества: *David J. s. v. Antoine* (n. 15) // *Dict. d'hist. et de geogr. ecclesiastiques*, t. III, col. 726-734; *Beck H.G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich*. Munich: Beck, 1959. P. 123.

³ В этом кодексе 198 описывается работа, греческий оригинал которой не дошел до нас в первоначальном виде. Перечисление предметов, сделанное Фотием, совершенно точно соответствует содержанию сборника *Verba Seniorum*, напечатанного в Migne, P.L., t. LXXIII, col. 855-1022. Есть разбросанные греческие фрагменты. По этому вопросу: *Wilmart A. Le recueil latin des Apophthegmes* // *Rep. benedictine*, t. XXXIV. 1922. P. 195-198; мы найдем там точную параллель с элементами настоящего конспекта, латинской коллекцией и фрагментами, сохранившимися на греческом и различных восточных языках. См. также *de Labriolle P. s.v. Apophthegmata partum* // *Diet. D'hist. et de geogr. ecclesiastiques*, t. III, col. 1021-1023.

можно получить. В первой главе содержится призыв к прогрессу в совершенствовании на примере различных персонажей; вторая учит пользе спокойной жизни. Третья касается самоконтроля и учит, что его следует практиковать не только в отношении еды, но также и в отношении всех других движений души. Четвертая учит, как мы должны застраховаться от борьбы, которая возникает на нашем пути из-за блуда. Пятая касается бедности и обязанности защищаться от скупости. Терпение и мужество являются предметом [162а] шестой, седьмая учит тому, что ничего не нужно делать напоказ, а восьмая – что нельзя никого судить. Различение является предметом девятой; десятая говорит, что нужно всегда быть трезвым, а одиннадцатая – что нужно постоянно молиться, практикуя трезвость. Двенадцатая учит, что надо проявлять гостеприимство и жалеть с улыбкой. Тринадцатая учит покорности, четырнадцатая смирению и пятнадцатая терпению в несчастье. Шестнадцатая посвящена благотворительности, семнадцатая – провидцам, а восемнадцатая – чудесным старцам. Деятнадцатая посвящена жизни в любви Божией, которая была жизнью нескольких Отцов. Наконец, двадцатая передает слова людей, состарившихся в аскетизме, двадцать первая изображает рассуждения старцев между собой о своих концепциях, а двадцать вторая и последняя глава содержит изречения Исихия, иерусалимского священника.

Такова была общая идея этой книги, которая представляет собой полезную работу для всех, кто организует свою жизнь с учетом небесного наследия. По своему стилю она имеет ясность, а в остальном она такова, что, пожалуй, книга гармонирует с людьми, которые не думают соревноваться в талантах, но отдают все свои усилия и все свое рвение практике произведений.

199. Иоанн Мосх. Духовная молитва

Прочитана книга, состоящая из трехсот четырех повествований; она тоже стремится, прежде всего, к какому-то аскетическому образу жизни. Короче говоря, она касается тех же вопросов, что и предыдущая работа; отличается тем, что повествует об образцовых произведениях и действиях персонажей более позднего периода; фактически она обзереает жизнь людей, отличившихся своими добродетелями, от тех, кто фигурирует в предыдущей книге, до людей времен правления Ираклия.

Автор дает своей работе имя «Введение». Другие также называют его «Новым Раем»¹. Что касается автора, то его зовут Иоанн и ему дали прозвище Мосх; он сначала удалился в монастырь блаженного Феодосия; затем он разделил жизнь пустынных подвижников в Иорданском крае и жизнь тех, кто подвизается в новой Лавре великого Саввы. Оттуда он посетил окрестности Антиохии, город Александрию и соседнюю пустыню вплоть до Оазиса. Он собирал памятные поступки разных знатных людей, иногда как очевидец, иногда как хранилище

¹ Текст этой работы мы имеем у Migne, P.G., т. 1, с. LXXXVII, 3, col. 2847-3116, но там всего 219 глав; это расхождение не должно нас удивлять, поскольку сам Фотий уже знал несколько версий разного размера.

свежей истории. По той же причине он посетил острова во время своего перехода в Рим; там он собрал сведения такого же рода и написал настоящий труд [162b], посвятив его своему ученику Софронию или Софронасу, и предложил ему его, когда уже предвидел прогресс, который изменит его жизнь¹.

Стиль этого произведения спускается к более низменному и рудиментарному жанру, чем стиль предыдущего. Что касается повествований, то мы не найдем их сохранившихся в одинаковом количестве во всех списках текста, но в некоторых их насчитывается до 342; их число увеличивалось за счет разделения отдельных глав, а иногда и за счет введения рассказов. Однако, выбрав из целого то, что полезно, мудрец, любящий Бога, не может упрекнуть эти сочинения в скучности.

200. Марк монах. Различные сочинения

Прочел написанное Марком монахом² в восьми книгах, первая из которых получила название «О духовном законе». Она полезна тем, кто избрал жизнь подвижничества; следующая – столько же; это показывает, что те, кто думает, что их дела оправданы, впадают в очень тщеславные и крайне ошибочные рассуждения. Эти слова смешаны с другими увещеваниями, которые также возвышают духовное правило. И третья касается покаяния, которое уместно при любых обстоятельствах; цель, которую он преследует, – достичь той же степени полезности.

Его стиль ясен, по крайней мере, в повседневном использовании слов и в лаконичном внешнем виде, хотя в целом ему не хватает точности в использовании аттицизмов. Если в некоторых местах отмечается неясность, то это объясняется собственными данными сюжета, скорее по своей природе схваченными в действии и бунтующими перед словесным выражением; оно не возникает из-за трудности самовыражения. Подобные явления появляются не только в только что рассмотренных книгах, но и в последующих. И это не только у этого писателя, но и у почти всех тех, кто прикоснулся к разоблачению правил аскезы и испытаний и расположений души, проявляющихся в произведениях, иногда проявляется эта неясная манера. Это потому, что то, о чем мы получаем знания через сами произведения, не может быть легко выражено словами. Но довольно об этом.

Четвертая книга построена в вопросах и ответах. Она показывает, что крещение Спасения даровало нам через свою тайну благодать освобождения и очищения наших пороков и вложило в нас дар Святого Духа; в ней [163a] рассматриваются другие подобные вопросы.

¹ Все эти биографические сведения взяты из пролога к этому тексту, пролога, который не является авторским. См. *Beck. Zoe. cit.* Софроний, о котором здесь идет речь, будет патриархом Иерусалимским, носившим это имя (634–638). Об этом отождествлении см. *Bardy O. s.v. Sophrone de Jerusalem // Vacant, t. XIV, 2. P. 2379-2380*, и оговорки Э. Аманна, *op. cit.*, p. 2511.

² Автор произведений на темы аскетизма, живший, вероятно, в начале V в. См. *Amann E. s. v. Marc l'Ermite // Vacant, t. IX, 2. P. 1964-1965*. Мы знаем о нем, кроме описанных здесь сочинений Фотия, то, что он автор «Трактата против несторианства» (ed. Costa-Luzzi, 1905 // *Mai, Nova patrum bibl.*, t. X, p. 195-252).

Пятая представляет собой дух, вовлеченный со своей Душой в своего рода совет, из которого следует, что никто не несет ответственности за наши ошибки, кроме нас самих.

В шестой, составленной в форме диалога, изображен студент, разговаривающий с самим Марком. Вот темы, которые там рассматриваются.

Тот, кто терпит несправедливость, не должен ни защищать себя, ни осуждать тех, кто причиняет ему вред, но он должен видеть наказание за наши собственные ошибки в испытаниях, которые приносят нам другие. Угодить человеку – сложное искусство. Мы должны – безусловно – отдавать молитве приоритет над всей телесной работой. Каково желание плоти?

Седьмая, которая больше не состоит из чередующихся ответов, посвящена молодому человеку.

Восьмая адресована монаху по имени Николай; она учит, как успокоить и упразднить гнев и злобу, и как отогнать плотскую похоть.

Хотя они более или менее отличаются друг от друга, эти восемь книг тем не менее ведут за руку к активной философии.

Девятая, хотя и борется с мелхиседекианцами¹, тем не менее выносит к позорному столбу своего автора, поскольку содержит в себе серьезную ересь. Однако для тех, кто всеми силами ищет полезное, чтение этой книги тоже не останется без плодов.

Что касается порядка книг, о котором только что говорилось, то все их рукописи не сохраняют его одинаковым, но одни выдвигаются вперед, другие отодвигаются назад до такой степени, что в некоторых экземплярах первые книги ставятся последними.

201. Диадок Фотикийский. Различные сочинения

[Нил Анкирский]

Прочел произведение, разделенное на сто глав², которые следуют далее. У них есть способ введения, который не рассчитан на десять глав. Первое из них – это первое определение веры: неизменное представление о Боге. Ниже приводится второе определение – определение надежды, которая представляет собой отклонение ума к тому, на что он надеется. Третье – определение смирения: видя глазами разума невидимое, как если бы оно было видимым, мы терпим, не падая духом.

В-четвёртых, определение бескорыстия: быть внимательным к обладанию ничем, как другой, – значит быть внимательным к обладанию. В-пятых, определение познания: игнорировать себя, теряя себя в Боге.

¹ То, что Фотий принимает за девятую книгу только что изложенного им труда, на самом деле является отдельным произведением. См. *Amann*, op. cit., p. 1966; *Bardy G.* // *Vacant*, t. X, 1, p. 513-516, вошли в историю секты или, вернее, сект мелхиседекианцев. По его словам (op. cit., p. 515-516), и, согласно Аманну (op. cit., p. 1966), это секта, существовавшая около 420 г. в районе Анкиры и которая, по-видимому, была первой группой еретиков, отлученных епископами; они увидели в Мелхиседеке Сына Божия.

² Латинский перевод этой центурии можно найти у *Migne*, P.G., t. LXV, col. 1167-1212, среди сочинений Марка Диадокха. Греческий текст редактировал *J. Weis-Liebersdorf*, Leipzig, 1912.

В-шестых, определение смирения: постоянное забвение того добра, которое мы делаем. В-седьмых, определение равенства: сильное желание не злиться. В-восьмых, определение чистоты: чувствительность, всегда привязанная к Богу. В-девятых, определение милосердия [163b]: возобновление привязанности к тем, кто вас оскорбляет. Десятое, определение совершенного совершенства: в покое в Боге считайте ужасную идею смерти радостью.

Таким образом, за этими десятью главами следует сотня других, и эта работа идеально предназначена для тех, кто посвятил себя аскетизму, а для тех, кто уже практикуется в действиях, ведущих к совершенству, она не предлагает ничего ясного, потому что опыт знания дает легкий доступ к устному обучению. В качестве автора произведения в названии указан Диадокх, епископ Фотики в древнем Эпире.

В том же томе я прочитал сочинение монаха Нила¹, разделенное на 153 главы; именно способ молитвы объясняет этот святой человек. У него также цитируются многие другие ценные сочинения, посвященные различным темам; они имеют эпистолярную форму или форму рассказа; они свидетельствуют о совершенстве в действии и таланте в письмах.

Однако если Диадокха и не так много, то сто глав, которые он написал, ни в каком отношении не ставят его в более низкое положение по сравнению с теми писателями, о которых я только что говорил, потому что его стиль имеет безупречную композицию, а его дух предлагает мудрость, вдохновенную действиями. По мнению Марка, он превосходит его в обоих аспектах своего творчества, а иногда и противостоит ему в своих мыслях. И перед внимательными исследователями он тоже мог открыться для критики к концу сотой главы, то ли за то, что испортил ее не знаю каким дополнением, то ли за то, что позволил сбить себя с толку каким-то видением, потому что мне бы хотелось, чтобы это было неправдой, что его можно было критиковать за его мнение.

Среди только что процитированных он, таким образом, значительно превосходит Иоанна Карпафского, который дал название своему сочинению «Утешение монахам, возвращающимся из Индии». Он также воплотил это в жизнь в ста главах.

202. Ипполит Римский. Комментарий на Даниила и О Христе

Прочитал у Ипполита, епископа и мученика², комментарий к книге Даниила³. Он не дает буквального объяснения; однако это, короче говоря, не искажает его смысла. Однако многие презентации он делает по-старому, а не с той точностью, которая была вложена в них позже. Но он не заслуживает, чтобы у него требовали отчёта за это, потому что не у тех, кто закладывает

¹ Это святой Нил Анкирский, известный как синаит, киновит и богослов V века. См. *Disdier M. s. v. // Vacant, t. XI, 1. P. 661–663*, о его жизни и влиянии.

² Об авторе см. *cod. 121, т. II, р. 95–96*. Именно ему мы должны приписать «Лабиринт», упомянутый в *cod. 48, т. I, р. 35*. Cf. *Amann E. s.v. Hippolyte // Vacant, t. VI, р. 2493–2494, 2496*.

³ Этот текст у нас есть почти полностью. Ed. *Bonnwetsch, t. I A, p. 1–340*, et *M. Lefevre, ed. du Cerf, 1947*.

основы науки, мы должны просить объяснения их упущений, но мы должны прежде всего довольствоваться самой их попыткой и ценить точку, до которой они дошли в понимании того, что исследовали.

Что же касается пришествия Антихриста, во время которого назначен конец этого чувственного мира и которого Сам Спаситель не открывает вопрошавшим Его ученикам, то он фиксирует его через пятьсот лет после Христа, в мысли, что именно через шесть тысяч лет, завершающихся со дня сотворения мира, должно произойти разрушение мира. Это вполне могло быть результатом более живого ума, чем подобает, и следствием человеческого невежества, а не вдохновения свыше.

Его стиль, имеющий прежде всего ясность как собственное достоинство, может быть пригоден для комментария, хотя и несколько пренебрегает законами аттицизма.

Прочтено в то же время другое его сочинение «О Христе и антихристе»¹, где мы замечаем тот же стиль, и в мыслях больше простоты, и более старомодный вид.

203. Феодорит Киррский. Комментарий на Даниила

Прочтен комментарий блаженного Феодорита, епископа Кирского² на книгу Даниила. Этот искусный писатель далеко превосходит не только Ипполита, но и многих других авторов в объяснении и пояснении пророческих писаний³.

По своему стилю он лучше, чем кто-либо другой, подходит для комментирования, потому что чистотой и ясностью употребляемых им слов он раскрывает смысл того, что было неясно, а своей приятностью соблазняет и возбуждает больший пыл чтением, и, поскольку он не позволяет себе увлечься от своего предмета каким-либо обходным путем или отступлением, он устраняет всякую сытость и делает изучение рассматриваемых вопросов ясным, связным и легким для читателей своего произведения.

И его лексика, и его конструкция не отрицают своего происхождения, которое представляет собой хороший аттицизм. Однако в этом вопросе слишком много подробностей и почти странно для понимания рядовой публики; этот недостаток заставляет его отклоняться, потому что он также непригоден для комментариев. Короче говоря, он принадлежит к числу лучших экзегетов, и нелегко найти человека, который сможет объяснить лучше, чем он.

На самом деле другие люди также могут говорить на чистом языке и скрывать смысл того, что мы исследуем. Но выражайтесь ясно, не упуская ничего существенного, и, будучи краткими, не уклоняясь ни к

¹ Это единственная полностью сохранившаяся работа Ипполита. Текст в издании Bonnweisch, t. I B, p. 1-47. Это наиболее полное изложение идеи антихриста из всей древней христианской литературы. Cf. *Amann*, op. cit., p. 2497.

² Об авторе см. cod. 31, т. 1, р. 17, прим. 3. О нем сохранились упоминания в cod. 46 (т. I, р. 30-32), 56 (т. I, р. 45-46) и 273. Текст у Migne, P.G., т. 17, прим. LXXXI, col. 1256-1545.

³ В кодексе 31 Фотий уже хвалил его выдающиеся достижения среди церковных историков. Заявление, которое он делает здесь, получит широкое развитие. Это суждение об экзегезе Феодорита поддерживалось критиками в течение длительного периода времени. См. *Bardy G. s. v. Theodoret // Vacant*, t. XV, p. 311-312.

отступлениям, ни к демонстрации умения, о котором, не будучи иначе бесполезным [164a] предметом, именно об этом позаботился превосходнейший Феодорит больше, чем о каком-либо другом, и это не только в настоящем трактате, но почти во всех тех – а их немало – где он работает для освещения смысла Священного Писания.

На самом деле другие люди также могут говорить на чистом языке и скрывать смысл того, что мы исследуем. Но выражайтесь ясно, не упуская ничего существенного, и, будучи краткими, не уклоняясь ни к отступлениям, ни к демонстрации умения, о котором, не будучи иначе бесполезным [164b] предметом – именно об этом позаботился превосходнейший Феодорит больше, чем о каком-либо другом, и это не только в настоящем трактате, но почти во всех тех – а их немало – где он работает для освещения смысла Священного Писания.

Поэтому в своем объяснении святого Даниила он согласен в некоторых вопросах с мучеником Ипполитом, но тех, в которых он с ним не согласен, гораздо больше. Наиболее примечательны те, о которых я сказал.

204. Феодорит Киррский. Вопросы на Октатевх

Прочтел у того же автора толкования на Октатевх. Их название соответствует содержанию работы, поскольку они посвящены трудностям Священного Писания, среди которых есть те, которые касаются Книги Царств и Паралипоменон.

Книга эта в высшей степени полезна и самыми плодами своими сразу доказывает читателям свою родственность подлинному по отношению к своему автору. В ней предстает привычная форма последней и, учитывая ее размер и простоту понимания, она имеет еще одно преимущество: более того, как своего рода конспект, книга разделена на задачи и решения.

205. Феодорит Киррский. Комментарий к Двенадцати пророкам

Я прочитал «Комментарий к Двенадцати пророкам» того же автора, написанный с такой же красотой стиля и мысли.

206. Прокопий Газский. Различные схолии

Я прочитал у Прокопия Софиста¹ экзегезу «К восьмикнижию Ветхого Завета», книге «Царств» и «Паралипоменон». Он рассеянный и многословный экзегет; не из-за его излишних отступлений, не имеющих ничего общего с его предметом, а из-за слишком частого повторения разногласий по этому поводу. Он начинает с того, что заявляет, что составил важную работу, которая противоречит краткости и красоте Феодорита; и что было бы лучшим и наиболее полезным после этого прочтения уделить время работе этого писателя. Его стиль слишком изыскан и слишком богат для комментария, требующего меньше работы и украшений.

¹ Автор уже несколько раз встречался в Библиотеке в т. I настоящего издания, кодексы 21 (р. 13), 43 (р. 27), 55 (р. 45), 75 (р. 153-154). Его можно найти и в кодексе 240 о книге «О Гексамероне», рассматриваемой в кодексе 43. В издании Анри т. 1, р. 13, примечание 3, он приписывает его W. Kroll, тогда как оно принадлежит A. Gudemann, статья Joannes (n. 21) в P.W. Дополним это уже старой публикацией *Evrard E. Les convictions religieuses de Jean Philopon et la date de son Commentaire aux Meteorologiques* // Bull. de l'Acad. royale de Belgique, Cl. des Lettres, t. XXXIX. 1953. P. 299-357. О философе Филопоне ср. также *Tatakis B. Op. cit.* P. 39-50.

207. Прокопий Газский. Комментарий на Исайю

Я прочитал того же трудолюбивого автора Комментарий к Исайе, который сохраняет ту же структуру, что и предыдущие, и дает ту же литературную силу. Очевидно, его полезность также одинакова для читателя.

208. Евлогий Александрийский. Против новациан

Прочитано святителем Евлогием, архиепископом Александрийским, сочинение «Против новациан» в пяти книгах. Этот автор не хотел оставить после себя хотя бы малейшую известность своего писательского таланта; но, чтобы опровергнуть и сбить с толку изощренные и коварные положения Новата, неподготовленность его в практике письма ни в коем случае не была ему препятствием. Ибо оно богато мыслями, заимствованными из Писания и их размышлениями, и все элементы, которые его противник разорвал тут и там для поддержки и защиты своей ереси, наш автор объясняет их, показывает, в чем состоит в их связи злоба ереси и он их снимает. Более того, с помощью других цитат из Священного Писания он выставил к позорному столбу свое непростительное безумие и свою странную ошибку.

В своей последней книге он путает ложную нечестность мученичества, приписываемого Новату его последователями. Такова польза сама по себе опровержения Новата; в нем, в частности, во многих местах и во многих отрывках Священного Писания можно увидеть комментарий, который, вероятно, будет полезен даже самым уважаемым экзегетам. Что касается искусства убеждения и удовольствия, свойственного этому роду письма, то никто из тех, кто ими восхищался, не мог об этом пожалеть.

209. Дион из Прусы. Рассуждения

Читан Дион, книга, состоящая из восьмидесяти речей. Его родиной является Пруса, но он отправился в изгнание, чтобы избежать рабства и тиранов, и он посетил много стран в своем странствии. Он прослыл искусным оратором, особенно в том красноречии, которое обязывает предписывать манеры. Он жил во времена императора Траяна и оставался с ним очень долго; он нашел там величайшие почести и лучший прием: он даже сидел в паланкине этого государя.

Он был сыном Пасикрата и практиковал занятия софиста и философа. Говорят, что он стремился к величию в своих манерах до такой степени, что часто выходил одетым в львиную шкуру. Он говорил [165b] мягким, уверенным голосом. Походка его не была ни тороплива, ни медлительна, и другие его движения были в гармонии с нею; он был худ и маленького роста¹.

¹ Родившийся около 40 г., Дион умер ближе к концу правления Траяна. Нашими старейшими источниками знания о нем являются, после его собственных речей, Филострат и Синесий. Между текстами Фотия и Суды существует довольно близкое словесное сходство, хотя их содержание вовсе не предлагает того же порядка, и Фотий гораздо более обилён, чем Суда. В качестве новых работ можно обратиться к *von Arnim J. Leben und Werke des Dio con Prusa*. Berlin, 1898; *Schmid W.* s.v. Dio (n.18) // *P. W.*, t. V. 1905. Col. 848-877; *Christ-Schmid-Stahlin*, op. cit., p. 361-367; *Francois L.* Essai sur Dion Chrysostome, philosophe et moraliste cynique et stoicien, diss. Paris, 1921.

Говорят, что он написал много разного рода речей; тех, о которых мы знаем, было восемьдесят. Его выступления заставили современников дать ему прозвище Златоуст.

Как я уже сказал, большинство его речей, которые я знаю, носят совещательный характер; но, поскольку совещательный жанр обычно смешивается с судебным жанром, он показывает ту же ценность в этом жанре, и это особенно относится к Речи к родосцам.

В самом деле, он точен в своих рассуждениях, с собранным стилем – по крайней мере, по сравнению с его манерой письма – энергичным, богатым и обильным. Он превосходит в примерах, и он изобилует повсюду; он берет их любой рукой и с радостью приспособливает. Он особенно любит переплетать свои увещания с легендарными историями, и именно в этом он, кажется, ищет простоты, ибо лишь изредка можно увидеть, как он чрезмерно, по примеру Платона, использует басни, в которых речь идет о высоте и широте, как это он делал и в «Борисфенике».

Поэтому он большую часть времени прост, как я только что сказал, в своих идеях; его словарный запас состоит из разговорного и обычного языка, а композиция не содержит новшеств ни в поиске глубины, ни в поиске удовольствия. И в лексике, и в расположении слов, можно было бы надеяться, писатель стремился к ясности, но тот факт, что выражение мысли развивается через длинноты и что, чаще всего, стиль смешан с перегрузками, не отклоняется – это немало для автора произведений такого стиля. Но это – изменение формы и особый аспект стиля; оно не может быть проявлением погрешности; но преувеличенное значение, которое он придает вступлениям или тому, что их заменяет, не освобождает его от обиды за то, что он позволил себе сменить стиль разговора на стиль красноречия и истории и придать своим речам головы больше, чем тела.

Среди его речей¹ были произнесены – четыре «О царской власти»; пятая, озаглавленная «Лирика» и связанная с предыдущими, повествует о ливийском мифе. Шестая [166a] называется «О тирании», а следующая – «О добродетели». Восьмая называется «Диоген» или Истмийская, и связывает определенный жест и слова Диогена с Истмийскими играми. Девятая

¹ Существует несколько хороших изданий «Рассуждений» (см. *Lesky A. op. cit.*, p. 765), но для изучения конспекта Фотия, параллельной оригиналу, наиболее удобна статья в издании: *von Arnim J. Dionis Prusaensis quae exstant omnia*. Berlin: Weidmann, 1893-1896. 2 vols. Фактически именно в этом издании можно найти речи Диона в порядке, соответствующем анализу Фотия. Он читал рукопись старше всех дошедших до нас, и фон Арним считает, что Библиотека сохранила для нас первоначальный и точный порядок «Рассуждений» (ср. т. I, p. IV-V). О беспорядке, царящем в нумерации этих произведений, и о рукописной традиции Диона см. *Francis L. Dion Chrysostome, deux Diogeniques... precedees d'une esquisse de l'histoire du texte du sophiste de Pruse*, diss. Paris, 1921. Фон Арним указал для каждой речи порядковый номер традиционных изданий рядом с тем, который он присваивает ей согласно Фотию. Вот общий вид этих двух параллельных нумераций (арабские цифры обозначают числа Фотия-фон-Арнима, римские цифры – традиционную нумерацию): 1-6 = I-VI; 7=VIII; 8-12 = IX-XIII; 13 = VII; 14-63 = XXXI-LXXX; 64-80 = XIV-XXX.

называется «Диоген или О слугах»; он призывает каждого лично к тому, чтобы у каждого было много заботы и внимания о себе и мало того, что приходит извне; и нельзя, говорит, преследовать беглого раба; было бы, в самом деле, нелепо с их стороны, для никчемных людей, надеяться жить лучше без господ, и было бы нелепо со стороны учителей не считать их ничтожествами и не верить, что они будут жить лучше, если им не придется извлекать выгоду из глупости беглецов. Десятая озаглавлена «Речь о Трое» и претендует на то, чтобы показать, что Троя не была бы взята; он яростно нападает на Гомера и придерживается противоположной точки зрения на все его рассказы в «Илиаде».

Олимпийская речь, или О первом понятии Бога, которое пытается подчеркнуть эту самую идею, является одиннадцатой. Двенадцатая, озаглавленная «Изгнание из Афин», была прочитана в этом городе; он объясняет, что изгнание не болезненно, и что богатство, слава и власть слишком быстро переходят от тех, кто ими владеет, к тем, кто даже не ожидает этого, в то время как философия и практика добродетели являются благом, которое остается действительным на всю жизнь и которое сопровождает нас, когда мы покидаем его.

Тринадцатая озаглавлена «Эвбея», или «Об охоте»; он изображает людей, ведущих на Эвбее жизнь, посвященную этому занятию, и использует ее, чтобы показать, что жизнь вдали от дел, какой бы бедной она ни была, гораздо приятнее и выгоднее, чем жизнь людей, живущих в суете и удовольствиях города.

Четырнадцатая речь называется Родосской речью; автор критикует причудливый обычай, распространенный среди родосцев. Дело было в следующем: когда они хотели почтить людей посредством статуй, то они не воздвигали их для них, а использовали статуи древних людей или заново вырезали надписи, чтобы получить имена тех, кого собирались чествовать, либо делали надписи на тех, где их уже не было видно от старости; таким образом они оскверняли то, что от них зависело, честь умерших; а тех, кого, по их мнению, они чтили, они оскорбляли этими чужеземными статуями, которые не имели с ними ничего общего. В этой речи оратора проявляется великое значение его силы опровержения.

Пятнадцатая называется «Александрийцам»; она объясняет и атакует темперамент людей; александрийцы, обладающие столь многими специфическими чертами, способными привести к добродетели, не должны также быть рабами [166b] бед и беспорядков, которые сейчас распространяются. Прежде всего они должны остерегаться отвлекающих факторов, свойственных народным собраниям и театрам.

Две следующие речи получили название «Тарсские речи»; первая дает краткую хвалебную речь городу и показывает, что счастливые города – это не те города, которые могут похвастаться наличием источников и рек, портиков и великолепных зданий, большого количества домов, обильных урожаев и других преимуществ того же рода, а те, которые показывают качества порядка и добродетели граждан. В этой речи также критикуется странный и грубый

обычай разговорной речи, преобладающий среди александрийцев¹; он призывает тех, кто практикует это, воздерживаться от этого или заходит так далеко, что энергично расстаётся с ними.

Вторая увещевает их не предаваться доносам по отношению к магистратам, не гневаться с самого начала на смиренных и тех, кто причиняет беспокойство, не подвергать обвинениям.

Восемнадцатая, не имеющая названия, была произнесена в Келенах во Фригии; она объясняет, что красивые волосы и любая другая красивая внешность не являются признаком добродетели, как и их противоположности. К этим замечаниям примешивается похвала города.

Что касается девятнадцатой, то ее название показывает, что она была произнесена на берегу Борисфена, публично, то есть, на родине автора. Он рассматривает там различные предметы и признает, что, подобно Платону, обсуждал перед борисфенитами, в частности, творца всех вещей, порядок и движение Вселенной, и элементы, которые она содержит. Это рассуждение имеет определенный блеск и определенное величие больше, чем другие.

Коринфская адресует упреки его жителям; сначала они почтили говорящего статуей, а позже, после его ухода, отозвали этот почетный знак после несправедливого нападения. Эта речь тоже близка к «Речи к родосцам» по литературной силе и таланту, но расширение, данное здесь, как и почти везде, тому, что служит введением, не является признаком этого таланта.

Название двадцать первой – «О согласии между гражданами Никомидии и Никеи», и эта речь возглавляет это обсуждение, развивая его с уместностью и приятностью, поскольку именно таким образом убеждение предназначено для лучшего проникновения в души.

Что касается двадцать второй, то ее название «О согласии» показывает, что она была произнесена в Никее [167a] после окончания бунта; автор сочиняет эту элогию дабы более не случилось то, что произошло.

Двадцать третья речь «О согласии с народом Апаimei» была произнесена в родном городе автора; это тот же самый предмет, который он рассматривает.

И следующая речь призывает жителей Апаimei к согласию с жителями Прусы.

¹ «Александрийцев» – это, без всякого обсуждения, единогласное чтение рукописей Фотия, и здесь есть небольшая проблема. Действительно, в первой речи к жителям Тарса Дион упрекает жителей этого города в том, что они разговаривают женскими голосами. Однако ни в этой речи, ни в предыдущей, обращенной к александрийцам и бесцеремонно обвиняющей их в их пороках, нет и речи о таких пороках среди александрийцев. В действительности именно жителей Тарса софист просит исправить этот недостаток. Этот порок был известен среди александрийцев до такой степени, что Фотию удалось припомнить его в связи с тем же пороком, процветавшим в Тарсе, и мы не можем объяснить, почему Дион не упомянул об этом в своих многочисленных упреках александрийцам. Возможно, здесь была оговорка Фотия. Более того, между заметкой Фотия и текстом Диона очень мало расхождений в тех элементах, где их можно сравнивать, то есть особенно в названиях речей.

Двадцать пятая – обсуждение в городе автора. Тот, кто рассуждает, делает вид, что не знает, по какой причине, а его речи не несут ничего полезного, но мы слушаем его с удовольствием и жадностью.

Двадцать шестая имеет название политической речи и была произнесена в родном городе оратора, как и следующая, отмеченная дружественным расположением к этому городу в ответ на почести, с которыми он принял автора этих свидетельств дружбы.

Следующая за ними – извинение за свое расположение к родному городу.

Двадцать девятая озаглавлена: «Для практики философии»; была произнесена в его родном городе. Автор мягко относится к тем, кто взялся побить его камнями с другим мужчиной и поджечь его дом; она показывает, что скитаться за границей предпочтительнее, чем оставаться дома из-за царящего там беспорядка. Гнев его сограждан, по его словам, был вызван тем, что он восстановил и украсил свой дом, который разрушался.

Тридцатая, носящая заглавие «Речь, произнесенная в его родном городе», рассматривает ту же тему.

И тридцать первая была произнесена в городе говорящего; она озаглавлена «Политическая речь в народном собрании». Он советует отказаться от насилия и взаимных оскорблений и уладить споры в гармонии.

Следующая была также произнесена оратором в его родном городе и озаглавлена «Отказ от магистратуры перед сенатом», тема, которая ясно видна, потому что автор, избранный декретом для занятия магистратуры, уходит.

Тридцать третья, озаглавленная «Речь к Сенату о его действиях», содержит краткую хвалебную речь Сенату, а также выступает против подозрений, выдвинутых против Диона: действия его сына и его деятельность в городе не являются следствием совета отца.

Следующая, озаглавленная «К Диодору», начинается с призыва к добродетели и делает вид, что восхваляет город, осыпая похвалами Диодора, который восхвалял его.

Тридцать пятая, озаглавленная «Об Эсхиле, Софокле и Еврипиде», или «О луке Филоктета», представляет собой уловку, жертвой которой стал Филоктет, обманутый Одиссеем, ушедшим [167b] с луком в руках.

Тридцать шестая речь озаглавлена «О Гомере» и восхваляет поэта так же, как речь о Сократе восхваляет философа.

А тридцать восьмая речь, «О Гомере и Сократе», показывает, что Сократ был поклонником и учеником Гомера, и что его собственный метод обращения с примерами был усвоен у Гомера философом, который также проникся там всем, что есть изящество и сила его языка.

Тридцать девятая, озаглавленная «Агамемнон, или О царе», объясняет, что царь должен брать своих советников из числа лучших, что он должен слушать их, а не принимать решения по своему усмотрению.

А в речи под названием «Нестор» автор объясняет, как было бы уместно давать советы царям.

Следующая называется «Ахилл»; он не слушает Хирона, который советует ему вести войну расчетливо и умело, а не дерзостью и силой своего оружия; впоследствии у него не было причин радоваться своему непослушанию.

«Филоктет» – это история несчастья последнего.

Следующая, «Несс и Деянира», как будто пытаются привести к известному пределу и некоторому порядку, подвергнув известной обработке неправдоподобность выдумок, сделанных над этими персонажами.

«Хрисеида» – восхваление этой героини.

Речь «О царской власти и тирании» посвящена именно этим идеям, а три следующих «Рассуждения о случайности» формулируют приятные и в то же время философские соображения.

То же самое и со следующими тремя – «О славе», которые советуют и призывают не считаться с мнением толпы. К увещеванию примешиваются красивые и полезные предложения.

Пятьдесят вторая речь озаглавлена «О добродетели» и посвящена ей.

Философии посвящены пятьдесят третья и пятьдесят четвертая речи «О философе».

Пятьдесят пятая озаглавлена «Внешний вид»; это показывает, что не тот, кто носит одежду и обувь философа, тем самым также является философом в своей жизни.

Пятьдесят шестая называется «Уверенность и последующее недоверие»; она призывает к осторожности в сфере твердой уверенности, даже когда имеешь дело с людьми, которые, кажется, любят тебя больше всего на свете; ибо есть много тех, кто оказал им доверие и с кем случились серьезные разочарования, в то время как люди, укрепившиеся за своим недоверием, удивительно хорошо обеспечили свою безопасность. Но это предмет рассуждения о недоверии; прецедент объясняет, что [168a] доверие в целом сильно бьет по доверчивым людям.

Темой пятьдесят восьмой речи, как следует из названия, является «Закон», а пятьдесят девятой – «Обычай»; безопаснее делать все, что требует закон, с удовольствием и убеждением, а не принуждением.

Следующие две посвящены «Зависти», а шестьдесят вторая – «Богатству», в котором он осуждает назойливую и опасную сторону, одновременно показывая, что бедность в правосудии гораздо выгоднее ее.

Шестьдесят третья – речь, произнесенная в Киликии «О свободе»; он представляет свободного человека господином страстей, находящихся в нем, причем тело его имеет бесчисленных внешних хозяев; раб тот, кто поработен своим страстям, даже когда кажется, что он повелевает всем миром.

К тому же порядку идей относятся следующие рассуждения, озаглавленные «О рабстве и свободе», а также следующие – «О рабах». То, что идет после, «О печали», приказывает человеку сердца и ума не предаваться боли, а презирать и подавлять ее.

Шестьдесят седьмая, относящаяся к «Жадности», обязуется отразить ее.

И шестьдесят восьмая, как следует из названия, «Об ораторском обучении», развивает эту тему.

Шестьдесят девятая озаглавлена «О его желании слушать», и он этим и занимается.

Семидесятая озаглавлена «Об отступлении»; она стремится показать, что не поиск пустынных мест есть разрыв со страстями и волнениями существования, а факт возвращения к себе и стремления познать себя, игнорируя при этом зло, приходящее к нам от других.

Речь, следующая за этой, так же, как и озаглавленная «О красоте», посвящена подростку; мы читаем, что у всех народов, в том числе и у варваров, не одно и то же понятие о красоте, а что у каждого из них преобладает разное.

Семьдесят вторая речь имеет название «О мире и войне», и она с этим справляется.

Семьдесят третья показывает, что мудрый человек счастлив, а следующие говорят о счастье и о том, что будет после него, о гениальности; и он квалифицирует как гениев всех тех, кто, имея судьбу командовать другими, заставлял своих подданных действовать лучше или хуже.

Семьдесят шестая речь «О размышлениях» и семьдесят седьмая, озаглавленная «Обсуждение того, что происходит на трапезах», повествуют о некоторых вещах, происходящих там, и говорят, что большинство людей имеют привычку обращаться к философии, когда их жизнь наполнена делами [168b] печали.

Семьдесят восьмая и следующая озаглавлены «Первая и вторая речи о МеланкOME»; они восхваляют этого мальчика и возвращают мучительное воспоминание о его смерти, произошедшей в полном счастье.

Восьмидесятая речь называется «Харидем» и содержит в себе восхваление и сожаление по поводу только что умершего молодого человека.

210. Кесарий Назианзин (Пс.). Вопросы и ответы

Читал Кесария — книгу в восьми главах; его содержанием были церковные вопросы, состоявшие иногда из объяснений текстов, иногда из решений дополнительных исследований; их двести двадцать.

Кажется, что он молодой автор и в полной силе как в литературных произведениях, так и в учености в вопросах светской и христианской философии. Однако это далеко не портит его порывы. Но это ясно по его стилю, хотя он часто вводит новшества, обращаясь к поэтическим терминам, и что, следуя общепринятому употреблению в синтаксисе, он иногда даже в этой области падает слишком низко. С точки зрения корректности в вопросах догмы ей мало чего не хватает. Именно в вопросах и ответах, которыми обмениваются предполагаемые собеседники, выстраивается форма его работы. Говорят, что автором книги является брат Григория по прозвищу Богослов.

211. Дионисий из Эг. Диктиака

Дионисия Эгского прочитал под названием «Диктиака» небольшую книгу, разделенную на сто глав, некоторые из которых устанавливали каждое

отдельное положение (их было пятьдесят), тогда как каждая из пятидесяти пыталась опровергнуть установленные положения. Опровержение прилагается непосредственно после каждого тезиса.

Стиль произведения не слишком витиеват и не выходит за пределы высоты, тем более что для автора произведение имеет целью не выставить его напоказ, а упражнять его; его волнуют своего рода остатки и все, что этому способствует. Книга полезна для практики дискуссии.

Содержание книги следующее.

1. Что выброс спермы и зарождение происходит от обоих родителей, и, наоборот, не от обоих.
2. Что секрция спермы происходит именно из всего тела и, наоборот, только из яичек.
3. Что пищеварение происходит посредством тепла, а это не так.
4. Что пищеварение происходит путем жевания, а не достигается путем жевания.
5. Что пищеварение происходит вследствие разложения, а не посредством разложения.
6. Что пищеварение осуществляется благодаря свойству дыхания, но это не так.
7. Что пищеварение производится свойством [169a] пота, но это не так.
8. Что пищеварение происходит благодаря особенности тепла, а это не так.
9. Что ассимиляция происходит посредством тепла, а это не так.
10. Что усвоение пищи происходит потому, что к ней притягивается тепло, а это не так.
11. Что именно дыхание производит ассимиляцию, а это не так.
12. Что это делается благодаря близости артерий, а это не так.
13. Что именно из-за недостатка, который есть в пустоте, происходит усвоение пищи, а не из-за недостатка, который есть в пустоте.
14. Что глаукома возникает из-за недостатка питания зрительного нерва, но это не так.
15. Что глаукома возникает из-за изливания крови на зрительный нерв, но это не так.
16. Глаукома возникает из-за густоты и выделения жидкости, но это не так.
17. Что транспортировка в мозг происходит при разрыве мозговых оболочек и повреждении крови, но это не так.
18. Что именно из-за обилия тепла в мозг поступает тепло, а это не так.
19. Транспортировка в мозг происходит посредством воспаления, но это не так.
20. Что вялость возникает от воспаления, а это не так.
21. Что именно разрыв и состав вызывают летаргию, но это не так.
22. Что позыв к питью и еде локализуется во всем теле, а не только в желудке.
23. Что желание есть и пить заключается в идее.
24. Что именно недостаток влаги вызывает жажду, а это не так.
25. Что именно в желудке проявляется проявление двойной энергии, но это не так.
26. Что внутренняя оболочка, расположенная в полости черепа, является местом отправления нервов, и это не так, а наружная оболочка.
27. Что лекарства очищают, усваивая себя, и это не так, а через их прием внутрь.
28. Не следует использовать слабительные средства, а следует их использовать.
29. Что вино необходимо давать лихорадочным и, напротив, что оно противопоказано.
30. Что баня полезна при лихорадке, и не показана.
31. Что необходимо ставить клизмы в восходящий период заболеваний, и что эта практика не подходит.
32. Что помазаниями нельзя пользоваться в начале болезней, и это указано.
33. Что на голову следует ставить припарки, и что этого делать не следует, а следует применять только ингаляции.

34. Что вызывать рвоту неправильно и что это полезно. 35. Пусть сердце не гонит кровь, а оно гонит ее. 36. Что не сердце испускает дыхание, а артерии всасывают его, и наоборот. 37. Что сердце движется само по себе, а не само по себе. 38. Что кровь в артериях есть по природе, и что артерии не являютсяместилищем крови. 39. Что все сосуды внутри [169b] тела просты и являются тканями. 40. Что именно через нервы реализуются в живых существах чувствительность и движение, а это не так. 41. Что сердце является отправной точкой вен, а это не так. 42. Что печень является отправной точкой вен, а это не так. 43. Что живот является началом вен, а это нет. 44. Что началом всех сосудов является мозговая оболочка, а это не так. 45. Что легкие являются отправной точкой артерий, а это не так. 46. Что артерия возле позвоночного столба является началом артерий, а что нет. 47. Что сердце является отправной точкой артерий, а это не так. 48. Не сердце является отправной точкой нервов, а оболочка, окружающая мозг, и это не так. 49. Местонахождение мысли находится не в области сердца, а в голове, и наоборот. 50. Место мысли находится в центральной полости мозга, но это не так.

Таков предмет этой книги¹.

212. Энесидем. Пирроновы сочинения

Читал Энесидема восемь книг Пирроновых сочинений². Общая цель работы состоит в том, чтобы установить, что нет ничего, что можно было бы постичь ни путем ощущения, ни путем размышления. Вот почему ни пирронианцы, ни другие философы не знают онтологической истины. Философствующие по другой секте не знают, между прочим, что сами изнуряют себя и тратят себя напрасно в непрекращающихся мучениях, и не сознают именно того, что они не достигли ничего из того, что, по их мнению, они постигли.

Что же касается того, кто философствует по Пиррону, то он знает, помимо прочего блаженства, что мудрость знания прежде всего состоит в том, что он не обладает никакой уверенностью; и, насколько он знает, он такой человек, что одобряет это скорее утверждением, а не отрицанием.

К чему стремится вся работа, я только что сказал. Энесидем написал свои книги, посвятив их одному из своих товарищей по Академии, Луцию Туберону, римского происхождения, человеку знатному и прославленному, предназначенному для непосредственных государственных должностей.

В своей первой книге, где он вводит различие между пирронианцами и академиками, он говорит это почти дословно: философы Академии – догматики; они полагают одни принципы несомненными и без колебаний

¹ Тождество этого произведения с уже рассмотренным Фотием в кодексе 185 (II, р. 200-203), без сомнения. Здесь, как и в самом недавнем случае с Евлогием (кодекс 208), патриарх, кажется, совершенно забыл о своей первой встрече с Дионисием Эгским.

² Работа утрачена. Запись Фотия является наиболее полным источником, по которому мы до сих пор можем ее узнать. Мы можем завершить его свидетельство с помощью нескольких отрывков из Секста Эмпирика; «Жизнь Пиррона» Диогена Лаэртца и несколько трактатов Филона Иудея также позволяют приблизиться к его учению.

отвергают другие; ученики Пиррона практикуют сомнение и свободны от всякого утверждения принципов, и никто из них, во всяком случае, не говорил, что все неуловимо или постижимо [170a], ни более того, что вещи такие-то, или иногда такие, а иногда нет, ни то, что они таковы для одного, а не для другого, ни совершенно не существуют для третьего; ни то, что все они не могут быть объектом общего понимания, ни то, что некоторые из них могут быть достигнуты, ни то, что некоторые из них могут быть достигнуты или нет, но не более того, что они могут быть достигнуты или нет, или что они иногда могут быть, а иногда нет быть одним, а не другим. И, более того, не существует ни истинного, ни ложного, ни вероятного, ни невероятного, ни существования, ни несуществования, но одно и то же данное, короче говоря, не является более истиной, чем ложью, или более вероятным, чем невероятным, или существованием, а не несуществованием, или иногда таким, а иногда нет, или действительно таковым для одного, а не для другого.

Ибо в общем-то пирронианство ничего не определяет, даже саму идею, что ничего не определено; но, говорит он, мы говорим, не имея ничего, что могло бы выразить наши мысли. А академические философы, говорит он, особенно современные, иногда ссылаются на мнения стоиков и, по правде говоря, выглядят как стоики, борющиеся со стоиками.

Затем они переходят к утверждению по многим предметам. Действительно, они выдвигают добродетель и безумие, устанавливают в принципах добро и зло и с уверенностью определяют истину и ложь, вероятное и невероятное, бытие и небытие, и многие другие понятия. Нет никаких сомнений, говорят они, за исключением всеобъемлющего представительства. Вот почему ученики Пиррона, ничего не определяя, остаются совершенно безупречными; представители Академии, говорит он, подвергаются той же критике, что и другие философы, но самое серьезное то, что, находясь в сомнении по каждому предмету дискуссии, они остаются едины, не противореча друг другу, и те, кто противоречит себе, не осознают этого. Ибо установить данное и уничтожить его без малейшего колебания и в то же время утверждать, что существуют общедоступные данные, – значит вызвать очевидное противоречие: в самом деле, как это возможно, если мы осознаем, что такое понятие истинно ли и такое другое ложно, мы все еще находимся в нерешительности и сомнении вместо того, чтобы со всей ясностью выбрать первое и остерегаться другого? Ибо, с одной стороны, если мы не знаем, что это хорошо или плохо, и что это истинно, а это ложно, и что это существует, а это нет, то мы должны определенно признать, что каждое из этих понятий ускользает от постижения; если же, с другой стороны, они могут быть ясно постигнуты чувственностью или размышлением, то следует заявить, что каждое из них постижимо.

Таковы рассуждения, а также другие такого же рода, которыми в начале своего сочинения Энесидем Эгский выявляет и описывает различие между [170b] пирронианцами и академиками. Позже, в той же первой книге, он кратко излагает генеральную линию пирроновой системы.

Во второй книге он с самого начала подробно излагает то, что сказал в своем изложении, и дает изложение истинных понятий и причин, страстей, движения, рождения, смерти и их противоположностей; нападая на все эти понятия, он доказывает, посредством рассуждений, которые считает надежными, их неопределенный и неуловимый характер.

Третья книга посвящена движению и ощущениям, и их особенностям; он тщательно исследует те же самые противоречия и отодвигает эти понятия к числу тех, которые находятся за пределами досягаемости и понимания.

В четвертой он говорит, что видимые вещи, которые мы называем знаками невидимого, никоим образом не являются таковыми, и что управляющие ими обманываются тщетной аффективностью; затем он снова поднимает обычные трудности, касающиеся всей природы, мира и богов, пытаясь показать, что ни одно из этих понятий не попадает в сферу понимания.

Его пятая книга выдвигает на первый план случаи сомнения относительно причин¹; он утверждает, что ничто ничем не вызвано, и утверждает, что те, кто рассуждает о причинах, заблуждаются, и перечисляет способы, которыми, по его мнению, эти люди были приведены к рассуждению о причинах и приводят к такому заблуждению².

А шестая книга приводит к тем же бесполезным рассуждениям о хороших и плохих вещах, о том, что следует выбирать, и о том, чего следует избегать, о том, что находится на первом месте, и о том, что отклоняется от них, по крайней мере, по его мнению, и исключает их из области нашего понимания и знания.

Что касается седьмой книги, то она снабжает его оружием против добродетелей, говоря, что те, кто философствует о них, составили тщетные мнения, и что они обманывают себя мыслью, что им удалось бы претворить их в жизнь и превратить в учение.

И последняя книга, восьмая, атакует последнюю цель, отказываясь признать, что честь, удовольствие, мудрость или что-либо еще является целью, как кто-то мог бы утверждать, философской секты; но, проще говоря, то, что все празднуют как конец, не существует³.

Поэтому сочинения Энесидема сражаются в битве, которую мы только что видели; что их усилия – тщеславие и пустая болтовня; они доказали Платону и многим философам до нас, что они не могут помочь в формировании мнения; это проявилось с очевидностью, когда они попытались изгнать из нашей мысли существовавшие там принципиальные идеи [171a].

Однако для тех, кто занимается дискуссией, если их неустойчивость не дает себя обмануть своими придиранками, и если проникновение их суждений не ухудшается, то эта работа не лишена полезности.

¹ Эта пятая книга, несомненно, была призвана завершить демонстрацию, развитую во второй. Там аргументация сопровождалась перечислением восьми тропов, отличных от десяти тропов, упомянутых выше, список которых сохранил Секст, *Hypotyposes*, I, 180.

² Это была критика демонстрации.

³ Последние три книги изложили, как мы видим, нравственное учение, вытекающее из пирронизма вообще, а не из самого Энесидема.

213. Агатархид. О Красном море

Прочитал труды по истории Агатархида, некоторые также называют его Агатаркий. Его родина Книд, он по профессии грамматик, был писцом и занимал должность секретаря Гераклида Лембросского. Он был учеником Киннея.

Агатархид написал Историю Азии в десяти книгах, Европы в сорока девяти книгах, затем описание всего Красного моря и его окрестностей в пяти книгах. Он, кажется, упоминает в последней из своих книг, где, среди прочих причин, почему он больше не писал, он говорит, что он стар.

Некоторые говорят, что он написал другие труды, но я не смог на них взглянуть. Он упоминает краткое изложение того, что он написал о Красном море, пять книг о троплодитах, выдержки из поэмы «Лида» Антимаха из Колофона, другое извлечение из собрания о необычных ветрах, выдержки из истории и трактат по искусству жить хорошо с друзьями.

Этот автор, как я смог в этом убедиться при чтении его книг, серьезен и богат изречениями; его речь несомненно великолепнее и достойнее, чем у других. Этот автор не гоняется за необычными словами, хотя вполне овладел искусством блеснуть новым оборотом в предложении, составленном из употребительных слов; кого-нибудь, кто пользуется таким приемом, не видит новизны в его стиле; его речь не менее ясна, чем у того, кто использует обычные слова.

Своим выбором предложений он показывает такую же тщательность, как и талант; что касается перестановки слов, понятно, что он талантливейший из писателей, особенно в совокупности его трудов, которые были рассмотрены [171b].

Когда он использует риторические фигуры с умеренностью, их смысл не так уж и труден, это не означает только перестановку слов, он выказывает в своих сочинениях все то, что может порадовать и доставить удовольствие; никто не способен более умело сделать из существительного глагол, из глагола существительное, и сократить фразу до существительного.

Отметим также, что он подражает Фукидиду своею речью, но также сравним с ним по величию и превосходит ясностью.

Вот грамматика, которая принесла славу этому писателю. Наконец, хотя он не назывался риторм, но, на мой взгляд, ни один известный мастер не превзошел его, ни как грамматика или ритора, ни как преподавателя, ни как писателя.

214. Гиерокл. О провидении и судьбе

Прочел труд Гиерокла¹ «О провидении и судьбе» и согласии между тем, что зависит от нас, и божественным правлением. Автор там занимается

¹ Ученик Плутарха Афинского, о котором он сам упоминает, Гиерокл был неоплатоником 1-й половины V в. У нас есть его «Комментарий к Золотым стихам Пифагора». Трактат «О провидении» известен только по Фотию, кодексы 214 и 251. В Кодексе 39 Фотий в трех строках упоминает опровержение Евсевия, направленное против сочинения Гиерокла об Аполлонии Тианском.

философией; книга называет его судьей Олимпиодора; он представляет его как человека, который дал отправную точку для его работы, человека, который сам влюблен в философию и не лишен знаний в политических вопросах; он действительно отличился в римских посольствах и привел в повиновение римлянам многие великие варварские народы, что принесло им величайшие почести. Таков Олимпиодор, которому посвящено произведение и к которому писатель обратился в конце своей первой книги со словами утешения в связи с потерей приемного сына, сожаление которого наполнило его мрачной скорбью.

Заявленная цель настоящего исследования – разобраться с провидением, пытаясь примирить доктрину Платона с доктриной Аристотеля; автор хочет, собственно, примирить мнения этих мыслителей не только в их мнениях о провидении, но и во всех тех, где они мыслят душу бессмертной и где они философствовали о небе и о мире. Что касается всех тех, кто подчеркивал у этих авторов разногласия, то это имеет тенденцию демонстрировать, что они отклонились настолько далеко, насколько можно себе представить, от первоначального замысла двух мыслителей, и что они отклонились от истины, в некоторой степени по собственной воле, что они предложили себя [172a] жертвами своей сварливости и своей глупости, другие же потому, что были рабами предвзятого мнения и своего невежества. Он добавляет, что предыдущие авторы сами составляли внушительный хор до того момента, пока не засияла мудрость Аммония, о котором он заявляет, что был прозван «учеником Божиим». Именно он, говорит он, вернул в чистоту учения античных философов, подрезал лишние побеги, выросшие у одного и другого, и показал согласие между мыслью Платона и Аристотеля о важных и наиболее необходимых вопросах учения.

Такова посредством этой работы цель, к которой стремятся рассуждения Гиерокла; он пытается установить то, что, как он утверждает, является мнением авторов, и он борется с теми, кто пытался продемонстрировать обратное, то есть с эпикурейцами и стоиками, а также со всеми теми, кто, претендуя на Платона и Аристотеля, неверно истолковывает их сочинения.

Что же касается тех, кто привязан к установлению гороскопов, то он сбивает их с толку, показывая, что их мнение о судьбе обманчиво. Тех, кто осмелится подорвать идею провидения, используя уловки или шарлатанства, он подвергает тем же самым проверкам рассуждения. И, словом, он восстает против всех представлений, которые хотят привести невежд к мысли, что божественного промысла не существует или что он существует, но бессилен.

И его исследование направлено на то, чтобы заранее установить существование бога, согласно Платону, в основе всего видимого и невидимого порядка, который мастер, по его словам, не извлекал из какой-либо модели, потому что его воли было достаточно, чтобы привести существа в порядок существования. Путем соединения телесной субстанции с бестелесным творением из двух порядков возникает абсолютно совершенный мир, мир одновременно двойной и единственный, в котором существа, занимающие вершину, середину и конец, естественно отличаются мудростью Вселенной.

Первые из этих разумных элементов называются небесными телами и богами; что касается разумных элементов, которые получила в совместном пользовании область, следующая за этим ансамблем, он назвал их эфирными телами и благородными духами; они стали толкователями и посланниками того, что полезно людям.

Человеческое племя занимает последнее место; их называют земными существами, человеческими душами и, как сказал бы Платон, бессмертными людьми. Эти три вида, как составляющие одно единое существо или организм, родственны друг другу, но различие их в природе сохраняется без смешения в их единстве и взаимной связи. Низшие виды управляются теми, кто выше их, и над всем царит Бог, их отец и создатель. И это отцовское царствование Бога считается [172b] провидением, и оно одно; именно оно распределяет каждому виду то, что ему подходит.

Что касается справедливости, которая сопутствует провидению, то она называется судьбой, ибо, хотя это имя судьбы было неправильно и во многих смыслах понято любителями новизны, автор не верит ни в какую другую судьбу, кроме той, в которой он показывает, во что верят Платон и Аристотель. Ибо он никоим образом не признает слепой фатальности авторов гороскопов, ни силы стоиков, ни даже той, которой учил Александр Афродисийский, который отождествляет ее с природой тел по Платону. И дело здесь не в часе рождения, последствия которого можно было бы изменить заклинаниями и жертвоприношениями¹.

Он почитает, как мы уже сказали, ту судьбу, на которую претендуют ученики Платона; это судебное действие божества, которое нападает на тех, кто отклоняется от закона, установленного его провидением; по порядку и границам, которые оно налагает, это действие направляет нашу деятельность на те жилища, которые мы выбираем для своих свободных работ.

Вот темы, которые можно найти в творчестве этого писателя; но главный вопрос, по которому он борется больше всего, – это предсуществование человеческих душ и их переселение через тела; он не одобряет переселение душ из неразумных существ или к ним, но решительно выступает за переход человеческих душ в других людей. Он совершенно разрушает это ошибочное и тщеславное представление; именно через него он думает, что может утвердить идею божественного промысла; именно через него он хочет утвердить нашу свободную волю и нашу независимость, укрепляя при этом дорогое для него представление о судьбе; он исходит из странных размышлений и выдвигает для своих доказательств непоследовательные, но действительные в его глазах доказательства, не имея ни малейшего представления о тех, которыми мог бы быть установлен догмат промысла.

¹ Здесь содержание конспекта после указания итогов исследования возвращается к полемике против философов, о которой говорилось выше, затем сосредотачивается на особенно важном пункте дискуссии – предсуществовании и переселении душ, ибо заканчивается «аргументом» из всех семи книг произведения.

Более того: в глазах того, кто хотел бы поставить истину перед автором, последний провоцирует полное разрушение этой истины теми доводами, благодаря которым он полагает ее установить; ибо, дав ему хрупкое основание, как мы более подробно показали в другом месте ввиду требований субъекта, он показал, что его истину легко повернуть в противоположном направлении и что она необоснованна. Действительно, предсуществование и переселение душ, которые он дает в качестве поддержки и основания идеям провидения, свободной воли и судьбы, подталкиваются истиной в область иррационального и невозможного; [173a] очевидно, что тот, кто трактует эти вопросы с этими аргументами видят, что его провидение, его свобода и его судьба рушатся вместе с ним, и все усилия его рвения тратятся впустую.

Его труд разделен на семь книг. Первая состоит в изложении выполненных им упражнений и исследований о провидении, справедливости и суде, который падет на нас в соответствии с заслугами наших дел.

Вторая, объединяющая платоновские мнения, ищет доказательства в сочинениях самого Платона.

Третья представляет возражения, которые можно было бы использовать для оспаривания его мнения, и стремится уменьшить опасность.

Четвертая желает примирить с учениями Платона то, что называется оракулами и жреческими законами.

Пятая относит Орфея и Гомера и всех, кто прославился до появления Платона, к философской теории Платона по вышеуказанным предметам.

Шестая включает всех философов после Платона, во главе с самим Аристотелем, вплоть до Аммония Александрийского, наиболее замечательными учениками которого были Плотин и Ориген; поэтому он берет после Платона и вплоть до только что цитированных авторов всех тех, кто сделал себе имя в философии, и доказывает, что все они согласны с суждением Платона; всех тех, кто пытался нарушить единство взглядов между Платоном и Аристотелем, причисляет к посредственным людям, достойным отвращения; они переиначили многие данные из сочинений Платона, провозгласив его своим учителем, и то же самое касается сочинений Аристотеля со стороны тех, кто претендует на принадлежность к его школе. И все их махинации не имели иной цели, кроме как найти способы втянуть Стагирита и сына Аристона в конфликт.

Седьмая книга, посвященная отдельной теме, связана с учением, исповедуемым Аммонием; Плотин и Ориген, а также Порфирий и Ямвлих, а также их преемники, по его словам, были рождены от божественного происхождения, вплоть до афинского Плутарха, который, по его словам, был учителем, посвятившим его в такое учение; все это соответствует философии Платона, сведенной к состоянию чистоты.

Стиль писателя ясен, чист и соответствует творчеству философа, но он не украшен красками и пестротой, которые являются тщетными украшениями [173b] риторики.

215. Иоанн Филопон. Против трактата «На статуи» Ямвлиха

Прочел у Иоанна Филопона трактат против произведения, которое Ямвлих озаглавил «На статуи». Цель Ямвлиха состоит в том, чтобы показать, что идолы — ибо именно это он подразумевает под названием статуи — божественны и наполнены присутствием божественности; и речь идет не только о тех, что руки человеческие сотворили в тайне, призвав их, из-за тайны мы остались мастерами статуй, упавших с неба, — потому что они были бы самой необычной природы и упали бы с неба на землю, и именно по этому явлению их следует назвать, но речь идет даже о тех, которые искусство литейщиков, скульпторов по камню и дереву сформировало работой, выполненной среди бела дня и за плату.

Произведения всех этих художников имеют сверхъестественный характер, выходящий за пределы человеческого понимания, пишет Ямвлих, который рассказывает ряд неправдоподобных басен и связывает многие явления со скрытыми причинами, не краснея во многих случаях писать против них доказательства. Весь свой трактат он делит на две части, одну из которых он называет большой, а другую второстепенной.

Филопон восстает против него и тем, что употребляет привычную ему терминологию, и тем, что упорядочивает его построение в жанре, в котором он подобен самому себе; на самом деле он не отклоняется от чистоты и аккуратности и, однако, не имеет украшений выбранного им аттического стиля. Его опровержения аргументов Ямвлиха часто кажутся энергичными и вытекают из самих фактов; иногда они приносят лишь поверхностное и буквальное возражение и очень далеки от понимания предмета спора, хотя мнения противника легко поддаются критике и сами обнаруживают свою нежизнеспособность.

216. Орибасий. Эпитома произведений Галена

Прочитал четыре книги, где Орибасий развивает медицинский трактат, им составленный и, кроме того, такой же в семи книгах, который сделан, как кажется, почти в том же виде¹.

В первой книге он обобщил труды Галена. Она посвящена Юлиану Отступнику и начинается так: «Охотно подчиняюсь твоей воле, божественный император Юлиан, когда ты поручил мне кратко изложить замечательные книги по медицине несравненного Галена. Ибо тот, кто хочет погрузиться в это искусство (так он говорит) без естественных наклонностей и не имея подходящего возраста, или тот, кто зачастую не имеет понятия об основах (и по этим причинам не может изучать книги слишком объемные), для того написанного мною будет достаточно. Очерк потребует минимум времени, и понимание будет легче, потому что краткое изложение рассеивает тьму. Но тем, кто уже прикоснулся к медицинской науке и кому не препятствуют ни возраст, ни естество вникать в полное собрание сочинений, это извлечение также подойдет: особенно, когда они вынуждаемы необходимостью срочно восстановить в памяти необходимые основы».

¹ Орибасий — известный персонаж в окружении императора Юлиана, придворный врач и сподвижник. Он жил с 325 по 395 г.

Вот предисловие настоящего трактата. Он обещает собрать мысли только Галена и уважать искусство медицины. Этот труд он осуществил...¹ книги.

217. Орибасий. Медицинский сборник

Второй трактат, также посвященный Юлиану, состоит из семидесяти книг². Он представляет собой вклад столь же полезный, как и первый, и даже более полезный из-за его важности³.

Он также имеет введение; выглядит оно так: «Император Юлиан, я завершил, подчиняясь вашему желанию, в течение нашего пребывания в Галльской стороне, краткое изложение, обращаясь только к трудам Галена, которое Ваша Божественность поручила мне. После пользования этим собранием, вы подрядили меня на другой труд, найти и собрать то, что есть самое важное у лучших врачей, и все то, что способствует достижению цели в медицине; и я с готовностью решил сделать такой труд в меру своих способностей, в уверенности, что подобное собрание будет очень полезным, так как читатели могли бы быстро найти то, что в каком случае подходит для больных. Считая излишним и даже совершенно бессмысленным повторять несколько раз одно и то же, делая выписки у авторов, которые имеют наилучшие сочинения, так и у тех, которые не составили свои произведения с той же тщательностью, я возьму только у лучших писателей, не опуская ничего из материала, что был дан некогда только Галеном, сообразуя мою книгу с почтением, которое сей автор получает от всех других, кто занимался теми же вопросами, потому что он использует методы и определения наиболее точные, принимая во внимание, что он следует принципам и мнениям гиппократиков. Я принял здесь следующий порядок: я соберу, во-первых, то, что касается области гигиены и терапии, затем то, что было сказано о природе и строении человека, то, что относится к сохранению здоровья и восстановлению сил у больных, после этого то, что содержит учение о диагностике и прогностике; наконец, я займусь исцелением болезней и симптомами, словом, тем, что против природы».

Вот введение второго трактата. Он начинается с тех же самых доводов, что и первый, предоставляя свойства продуктов питания. В семидесяти книгах он рассматривает то, что было объявлено. Этот труд, написанный в то время, — первый по полезности, так как он содержит не только то, что Гален записал для потомков, но и вопросы, которые он оставил в стороне, и то, чему учили другие. И по моему мнению, этот труд полезен, но не больше, чем все то, что можно прочесть о медицинском искусстве и науке, но в любом случае,

¹ Пробел в рукописи.

² Из этого обширного собрания мы имеем книги I-X, XIV-XVI, XXI, XXII (последние две в выдержках), XXIII, XXV, XLIV-LV, а также выписки, точное место которых не определено. Эти тексты находятся в издании Даремберга-Бюссемакера, Париж, 1851-1876, в 6 тт., в томах I-IV.

³ Фотий предпочитает этот второй трактат не только первому, но и почти всему, что было когда-либо сделано в медицине. Это верно и сегодня.

больше, чем большинство из них, ибо ясность с каковою излагается это дело, и потому, что ничего не оставлено в стороне, и потому, что большинство собранных вещей выражаются в различных терминах. Если нечто рассказано кем-то другим слишком неясно, это вскоре проясняется объяснением других авторов. И тем, кто практикует в медицинской науке, я бы посоветовал постоянно справляться с этим трактатом.

Таково второе собрание Орибасия о медицинской практике и науке.

218. Орибасий. Эпитома медицинского сборника

Третье издание трудов автора содержит, как он сам говорит во введении, сокращение его работ. Посвящено оно его сыну Евстахию. Всего оно разделено на девять книг, в которых идет речь о лекарствах от болезней, очень легко получаемых и быстродоступных. Хирургия в этом сборнике опущена.

Данная книга представляет собой руководство для тех, кто уже знаком с теорией и практикой медицины, дает немало пользы, и способом легким и доступным. Тем, кто надеется быстро освоить профессиональные знания при помощи этого сокращения, я бы сказал, что это могло бы быть полезно в некоторой степени, сам я не узнал из практики о его недостатках в методах и определениях; они ведут людей несведущих в этих знаниях и тех, которые слишком поспешно принимаются за лечение, к крупным ошибкам для больных, а иногда даже для здоровых. Кроме того, он включает в девять обсуждаемых книг сокращение из семидесяти книг.

В первой автор рассказывает об осторожности, которой надлежит придерживаться при физических упражнениях, и о самих физических упражнениях, об упражнениях полных и частичных, о болезнях мнимых и тех, которые во власти природы. Обсуждает климат, купания природные и искусственные, купания в оливковом масле, либо в оливковом масле с водой, и купания, резко воздействующие на кожу; о лечении хронических болезней, которые врачебная методика называет удалением жидкости из организма.

Вторая посвящена действенности лекарств, изготовленных из лечебных трав, их сбора и подготовки, мазям, которые называются укрепляющими, пластырям, весам, так называемым большим клейким «раздроблинам», приготавливаемых из травы с клеем.

Третья книга содержит различные рецепты из лекарственных трав.

Четвертая посвящена свойствам пищи, ее приготовлению, воде с медом и другим напиткам, необходимых больным, и, наконец, водам.

Пятая описывает болезни беременных женщин, их диету, и рассказывает, как нужно кормить младенца, о детском питании и о том, что обычно происходит с детьми. Рассказывает о состоянии усталости, вызванной физическими упражнениями, и о той, причина которой не очевидна, обсуждает одряхление кожи. В этой книге вы также найдете диету для пожилых людей, описание болезней, которые обезображивают тело и вызывают жалость при виде их, а также советы как удалить и вылечить эти искажения. В свою очередь, рассказывается об уходе за зубами, лекарствах для

людей с ослабленным слухом и зрением, о лечении заболеваний, вызванных чрезмерной едой, о диете для работников, о людях, в которых уничтожаются продукты питания. Затем автор обсуждает диету для путешественников и моряков, для похудения и восстановления сил, сведения о теле и лечении его недугов.

В шестой книге автор собрал все, что касается надежного распознавания признаков заболевания, определение лихорадки и симптомы, разновидности лихорадки и способы лечения. Говорит о чуме, слабости, обмороках, болях, икоте, о терапии, – собачий голод, отсутствие аппетита и волчий голод; кроме того обсуждается морская болезнь, рвота, бессонница, спячка, обезвоживание, сухость и лечение гнойников в области крестца.

В седьмой обсуждаются все виды ран, которые называются обычными, глубокими и гнойными, и такие, которые требуют лечения сами и чрезмерно заросшие мясом; дается способ лечения ожогов, сыпи, чесотки, прыщей, язв, гнойных и злокачественных. Описаны методы лечения карбункулов, опухолей, судорог, растяжений, ушибов, дает способы удаления острых шипов, тростника, чертополоха, или шипов, которые застряли в теле. Далее говорит о вросших ногтях на ногах, ранах в суставах, кровотечениях, повреждениях нервов, напряжениях суставов, воспалений, склонности к отекам; о гангрене и костоеде, нагноении, язвах, свищах, румянце, лишаях, опухолях твердых и припухлостях, отеках, язвах, болезненных особенно ночью, вырезании связок; далее – о наростах, бородавках, волдырях, бородавках с тонкой шейкой, бородавках в форме муравьев и другие подобные медицинские симптомы. Он говорит о лечении так называемого подкожного отека, об обморожении ног, трещинах кожи, изъязвлениях половых органов, обсуждает проказу, сыпь, чесотку, лишай, опухоли, отек, и говорит, что укус гадюки – лучшее лекарство от слоновой болезни.

Таковы темы седьмой книги.

В восьмой речь идет о потере памяти, о больных, сильно страдающих от бессонницы и вялости, представляет ночные кошмары, эпилепсию, головокружение, удар (инсульт), меланхолию, безумие, сексуальные извращения, оборотничество, и дает способы их лечения. Затем обсуждаются заболевания, вызывающие расстройство мозга, укусы бешеной собаки, паралич, трясучка, при которой нет жара, судороги, столбняк и болезни головы. Дает лекарство от истощения, случающегося у детей, от неприятного запаха, который выделяется из носа, от синяков под глазами и от постоянного насморка. В свою очередь обсуждает растрескивание губ с указанием средств, пятна на лице, стеблевидные знаки, прыщи и фиговые наросты на подбородке. Он говорит о неприятном запахе из подмышек, заболеваниях глаз, вшах, закупорке ноздрей. Таково содержание восьмой книги.

В девятой обсуждаются болезни легких, брюшной полости вплоть до половых органов. В ней перечислены женские болезни, способы лечения подагры, артрита и радикулита.

Таков третий труд Орибасия.

219. Орибасий. Эйфория

Четвертый труд имеет целью обобщить медицинское искусство автора; он разделен на четыре книги. Писатель упоминает Евнапия как того, кто внес свой вклад в этот труд и хвалит его красноречие. Он пытается представить изготовление лекарств очень легким действием и дает наставление о них тремя способами. В первом рассматривает общие свойства трав и обсуждает применение каждой из них в отдельности, тогда как во втором составляет лекарства для отдельных болезней, в третьем обсуждает способы изучения больных частей тела и применение наркотиков, которые используются в лечении. С другой стороны – это четвертая тема, которая помещена перед иными проблемами здоровья, и сразу же, в соответствии с естественным порядком вещей, начинается с воспитания детей.

Труд посвящен Евнапию и почти такой же, как тот, что он написал для своего сына. Действительно, ни один из них ни слова не говорит о хирургии, кроме того, во всех темах они согласны друг с другом и построены по одной схеме. По некоторым вопросам в одном он дает больше материала, чем в другом; например, во многих случаях в отношении частей тела и приготовлении лекарств из трав лучшим является труд, посвященный Евнапию. Бывает и так, в труде, посвященном Евстафию, автор излагает материал на более высоком уровне, чем в ином. Тем не менее, автор заслужил благодарности за оба труда, потому что как он сам сказал, ни один из них никому не приносит вреда; равно как полезны и другие ранние работы. Кажется, что говорить об особенностях этого труда автора не трудно, а кроме того нет необходимости; все его сочинения представляют собой сборники, сделанные из разного вида трактатов, и к тому же благоразумный врач не будет смотреть на красоту и изящество стиля, но на то, как он изложил и представил медицинские вопросы.

Я сам видел другой труд этого автора из четырех книг, озаглавленный «Простейшие лекарства». Инициатором этой работы назван Евгений. Этот Евгений назван человеком очень красноречивым. Трактат этот полезен в сельской местности, в путешествии и там, где нет врачей. Эта книга, с одной стороны, имеет некоторые отличия в названии, в своем предназначении и посвящении, а с другой – хорошо видно, что она является копией трактата, посвященного Евнапию, так что я пришел к выводу, что ни в коем случае это не авторство Орибасия, но результат ошибки, допущенной переписчиком, который переписав книгу, посвященную Евнапию, изменил ее название на «Простейшие лекарства» и вместо Евнапия вставил Евгения, или авторитетом кого-то, кто хотел найти себе славы новым посвящением, он прибег к идее заменить Евнапия Евгением, а прежнее название заменил на «Простейшие лекарства».

220. Феон Александрийский. Человек

Прочитал книжечку архиатра Феона из Александрии под названием «Человек»; автор посвятил свою работу Феоктисту. Лекции о лечении начинаются с терапии головы и заканчиваются терапией ног, даются способы

лечения болезней всех частей тела. Нет лекции, разве что краткой, в нескольких словах, о сути заболеваний, и с помощью необходимых определений не объясняются темы, которые оговорены во вступлении.

После описания лечения болезней – подагры и артрита – он обсуждает травы, используемые как слабительные, и пытается объяснить, – на мой взгляд, его объяснения не являются ни правильными, ни соответствующими истине – некоторые причины, которые придают препарату свойства слабительного. Затем говорит о сочетании всякого вида лекарственных трав, которые, по его словам, достаточно эффективны при вышеуказанных заболеваниях, а также о всяких телесных недугах, опущенных при описании курса лечения больных частей тела. Он также пишет о пластырях, укрепляющих средствах, глазных каплях и иных лекарственных препаратах, составленных по рецептам разных врачей. Таково содержание этого труда. Книга очень полезная, так же, как и справочник Орибасия.

221. Аэций Амидский. Медицинские сочинения

Читал Аэция Амидского¹ сочинение по медицине в шестнадцати книгах; его трактат в целом состоит из заимствований из сочинений Орибасия, адресованных Юлиану, Евнапию и Евстафию, из терапевтических сочинений Галена, из сочинений Архигена, Руфа, а также Диоскорида и Геродота, Сорана, Филагрия и Филумена, Посидония и некоторых других, оставивших имя в медицине.

Он начинает со свойств лекарственных средств, получаемых из трав и пищевых продуктов, согласно Галену, и вкратце проводит их обзор; его работа заканчивается в шестнадцатой книге развитием женских болезней. Он добавляет некоторые другие предметы: он указывает ингредиенты для туалета лица и всего тела, препараты из энанта (*oinantharion*)² и тому подобное.

Поэтому здесь описан весь его трактат с темами, с которых он начинается, и теми, которыми он заканчивается³.

Что касается деталей, то в первой книге кратко рассматриваются свойства простых продуктов и лекарств.

Во второй в краткой форме раскрываются свойства металлов и их применение, а также все, что можно с пользой извлечь из целых живых существ или из их частей, и это, возможно, не менее важная часть трактата о лечебных травах⁴.

¹ Этот врач жил в VI в.: *Wellmann C.M. s.v. Aetios (n. 8) // P.W., t. I. 1894, col. 703-704, и Suppl., t. I. 1903, col. 19.* Полного критического издания греческого текста этого автора пока нет: полностью его можно прочитать только в латинском переводе Корнария (Bale, 1542), послужившем основой для английского варианта Ricci (1950), очевидное доказательство трудности, которую испытал Р. Анри во время своей работы, в расположении существующих частичных изданий, что будет указано в примечаниях к различным частям конспекта.

² Растение из семейства зонтичных – омежник.

³ Для первых четырех книг есть хорошее критическое издание *Olivieri. Leipzig, 1935 (CMG, VIII, 1).*

⁴ Сводные данные по этим первым двум книгам очень похожи на формулировку «incipit» в рукописях автора.

Его третья книга посвящена физическим упражнениям всех видов и всему, что достигается физическими упражнениями; затем, после эвакуации или элиминации соков невидимыми путями, он занимается рассечением вен, различая способы их рассечения, протяженность разрезов, их формы, подходящий момент для кровотоков и их значение. В ней также рассматриваются рассечение артерий и способы остановки артериального кровотечения, наложение банок, скарификация, а также способы сбора, содержания и использования пиявок. Затем он обсуждает очистительные лекарства, различные приготовления очистительных вин, очистительные вина с медовым вином, ароматизированные вина, настойку абсента, розовое вино, мёд, ароматизированный розой, слабый мёд, кислый рассол, кислый сок, молоко, слабительные масла; это все элементы, на которых он излагает свое учение.

В нем также рассматриваются пищеварительные составы и различные [177b] очищающие средства, леденцы, слабительные сухие хлебцы. Он также описывает слабительные пилюли из алоэ и даже соляные пилюли и пять священных противоядий¹ и средства для тех, кто принял слабительное, которое не подействовало, и для тех, у кого слишком сильное опорожнение. В нем речь идет о рвоте, о пациентах, которым нужно давать морозник, о его достоинствах, о людях, способных его усваивать; в нем объясняется, как пробовать морозник и готовить того, кто его выпьет, различные способы использования морозника и меры предосторожности, которые следует проявлять к тому, кто его съел.

Он касается очистительных повязок и тех наших органов, которые можно очистить: глаза, уши и т. д. Он касается окулирования, достигающего той же цели, и слабительных средств для тонкой кишки и плоских частей печени и тому подобного. Он имеет дело с воздухом, ветрами, знаками, указывающими на времена года, водами, искусственными ваннами и естественными ваннами, холодными ваннами, масляными ваннами, омовениями лица, орошениями, подпорками для сидения, лосьонами, припарками и различными примочками, мазями для депиляции, аппликациями смолы, горчичниками, отхаркивающими средствами и пациентами, которым необходимо использовать средства, способствующие выведению жидкостей. Это то, что объединяет его третья книга.

Четвертая содержит набор заповедей для здоровья; он начинает с диеты, которую следует давать младенцу, рассматривает болезни младенцев и их лечение, затем говорит о диетах, подходящих для всех возрастов и различных образов жизни, об уменьшении толщины плоти, о лечении их недостатков; речь идет об утомлении от физических упражнений и его различных видах, об утомлении от плотских удовольствий и об утомлении, причины которого не видны и которое называется самопроизвольным утомлением. В нем

¹ Это приготовления, которых, согласно тексту Аэция, III, 113-117, не пять, а шесть. Автор заимствует их у шести своих предшественников, которых он перечисляет: Логадия, Галена, Архигена, Руфа, Юстина и Антиоха. Расхождение, которое предлагает Фотий относительно данных оригинала, не имеет своего источника в варианте текста автора.

рассказывается, какие процедуры полезны для пищеварения¹, а какие – для утолщения кожи. Он занимается воспалением, своевременным трением, несварением желудка, пьянством, привычным нездоровьем. Он учит, как распознавать лучший темперамент, как узнавать вспыльчивость и все остальные простые или сложные состояния не только для всего тела, но и для головы, мозга, желудка, легких, сердца, печени и яичек, и как излечить их от отклонения, которое привело их из состояния нормального в состояние противоестественное.

В его пятой книге² речь идет о болезнях и, в первую очередь, о лихорадочных болезнях, признаках, которые предвещают их, [178a] их прогнозе и их диагностике и лечении; он с вниманием излагает ее, как и все понятия, относящиеся к этой части медицинской доктрины. Он говорит, что следует называть началом болезни, и что этот термин употребляется в трех смыслах, каковы периоды нарастания, убывания, кризиса и упадка, идет ли речь о развитии болезни, поражающей лишь часть тела, или что влияет на все тело. Он объясняет, какие признаки являются признаками выздоровления больного или признаками его смерти, а какие позволяют судить о медленном, быстром или среднем продвижении к здоровью или к смерти.

Он касается значения сердцебиения и диагностики по моче и признаков, которые они приносят, значения экскрементов и их исследования, предсказания рвоты и ее значения, носового кровотечения и слабительных выделений у женщин, а также критического значения признаков, вызывающих потливость, и дающих нагноения, и признаки, которые можно извлечь из мокроты. Он говорит, что самый лучший врач будет знать, окончена ли болезнь окончательно или нет, как бы ни казалось, и день, и час, когда больной умрет.

Он делает сообщение об общих, эпидемических и заразных болезнях³ и об обмороках от различных причин, и об обмороках, возникающих по разным причинам у живых существ; лечит болезни, вызванные лихорадкой: головную боль, бессонницу, боль в ушах, воспаленные глаза, нарушение зрения, людей, у которых при лихорадке возникают носовые кровотечения; в нем рассматриваются способы лечения этих болезней и меры предосторожности, которые следует принимать в случае лихорадки. Он имеет дело и с мочевым пузырем, дизурией, болями в тазу при изъязвлениях крестцовой кости, яичек и заднего прохода. Он лечит высыпания, возникающие по всему телу или на отдельных его частях при лихорадочных заболеваниях, тремор, судороги, для чего составляет приятные и особенно полезные снадобья при лихорадках. Так заканчивается пятая книга.

¹ Слово *pepseis*; что дает Фотий (A²) перед *peuseis* (AM), является определенной неисправностью, виновник которой не может быть идентифицирован. Рукописи Аэция имеют *psuxeis*, что имеет совсем другое значение.

² Книги с V по VIII также были опубликованы *Olivieri*, Berlin, 1950 (O.M.G., VIII, 2).

³ В то время как до сих пор конспект Фотия, несмотря на его сухую и схематическую форму, следовал модели, весьма точно извлекая существенное, здесь он скачет от V, 56 к V, 95. Конспект не содержит следов длительного развития различных видов лихорадок, описанных Аэцием в V, 57–94.

В шестой он лечит болезни всех видов, которые поражают голову и мозг; он объясняет их, а также их лечение. Он также говорит о людях, укушенных бешеными собаками, об апоплексическом ударе, параличе, параличе бровей или век, языка, голосового аппарата и горла, когда они поражены той же болезнью, и заботится о них. Он касается собачьих судорог, лечения везикулярного недержания мочи, шейки мочевого пузыря и прямой кишки, ног и всех других конечностей¹. Он касается столбняка, различных проблемах с головой [178b], вызванных различными причинами, головной боли, мигрени. Описано лечение очаговой алопеции, выпадения волос и бровей, лосьоны для окрашивания волос, для завивки волос, от выпадения волос, для облегчения выпадения волос, для удаления и осветления волос.

Он говорит о мучнистой чесотке, педикулезной болезни, коросте и сыпи, появляющейся на голове без известной причины, и делает обзор методов лечения всех этих и подобных им болезней, болезней, поражающих ухо в силу различных причин, и против них, кровоизлияния в уши; он касается свинки и заболеваний носа, чихания и способов остановить их, если они размножаются. Для всех этих болезней он объединяет лекарства и методы лечения в шестой книге.

В седьмой, поскольку шестая представляет собой обзор болезней, которые поражают нас от головы до ушей и носа, и обзор средств их лечения, автор начинает с природы глаз и болезней глаз и всякого вида аффективных состояний, которые достигают их, независимо от того, представляют ли они внутреннюю причину или они произведены внешней причиной. Дает представление о перерезке артерий, скифской болезни², разрезе кожи черепа, разрезе вен³; именно здесь он составляет мази, припарки и различные глазные капли для лечения глазных болезней. Эти вопросы рассматриваются в седьмой книге.

В восьмой он говорит сначала об уходе за бровями; объясняет, что такое мешки под глазами, как они образуются и как за ними ухаживать, как защитить лицо от палящего солнца или ветра и как сохранить его без морщин, как убрать темный цвет лица, украсить другими способами и изменить кожу тела, чтобы чувствовать себя достойно.

¹ Теперь мы находимся в VI, 29-37. Порядок конспекта отличается от оригинала. В оригинале Аэций имеет дело с собачьей конвульсией после различных местных параличей. Что касается рассматриваемого здесь поражения бровей, то Аэций не говорит о paresis; бровях, но о paralusis. Это несоответствие, которое появляется в конспекте, несомненно, связано с близостью, в которой два слова встречаются в контексте. Более того, это не серьезное нарушение, поскольку эти два термина в некотором роде синонимичны у Аэция. Ср., например, VI, 29.

² Текст Фотия предлагает нам любопытное искажение. Peri skythismou – это всего лишь плохое прочтение слова periskythismou, Aetius, V, 13. Это круговой разрез на коже черепа, другой разрез, о котором говорится сразу после этого, представляет собой менее обширный разрез.

³ Слово ангиология используется греческими врачами в смысле «исследования вен». Здесь это слово обозначает (ср. VII, 95) целую тонкую операцию, заключающуюся в обнажении сосуда для перевязки ствола, при которой хирург делает надрез. Его цель состоит в том, чтобы удалить только скопившееся количество крови.

Начиная отсюда, он рассматривает все поражения, которые достигают лица, рта и миндалин, как они возникают по внутренней причине или как они возникают по внешней причине; например, мы находим там собранные различные заболевания зубов и их лечение, заболевания языка, язычка и, одним словом, всех органов, содержащихся во рту; среди этих болезней – искривление и ангина, болезни, поражающие горло; воспаление миндалин также является одним из этих заболеваний.

Он объясняет, как можно оживить повешенных, если они [179a] еще не умерли; затем он описывает их артериальные поражения и «артериакции»¹, катар и кашель, и он прописывает в качестве успокаивающих средств при кашле окуривания и пластыри. Он имеет дело с легким дыханием и астмой, одышкой² и учащенным сердцебиением, а затем, проходя в обзоре болезней легких и грудной клетки, заканчивает свою книгу учением о плеврите, истинном и ложном, описывая и то, и другое, и то, что способствует к их лечению.

В своей девятой книге³ он начинает с сердца; затем он рассматривает тех, чьи желудки выстланы черной желчью, и, короче говоря, болезни, которые проявляются при входе в кишечник, перечисляя припарки и лекарства для тех, чей желудок поражен различными болезнями. Именно там он лечит тех, у кого спазмы желудка, как у эпилептиков, а также потерю аппетита, собачий голод, расстройство желудка и средства для лечения этих болезней.

Он также объясняет, как облегчить состояние больных пьянством, и прописывает лечение кишечной непроходимости. Он касается вздутия живота, окклюзии и, короче говоря, пациентов, страдающих кишечником, диареей, болезнью, называемой коликой, чахоткой, кишечными червями, называемыми круглыми и тарелочными, и так называемыми круглыми червями. Он лечит кишечные заболевания, которые также появляются у тех, кто проглотил золото, бронзу или какой-либо другой предмет того же рода; он описывает лекарства, которые им следует назначать, а для пациентов, страдающих дизентерией, он перечисляет лекарства, которые следует принимать верхними и нижними путями: пилюли, суппозитории, мази, повязки, и заканчивает свою книгу описанием лечения всего кишечника.

Его десятая книга⁴ начинается с описания атонии печени, а отсюда – со всеми поражениями этого органа и средствами их лечения. Затем он переходит

¹ Именно в VIII, 55-56 Аэций дает название всем средствам против поражений трахеи-артерии и легких.

² Здесь текст (VIII, 63) несет оттенки значений.

³ Греческий текст этой книги был отредактирован Зервосом, в «Афине», т. XXIII. 1911, р. 265 и сл.

⁴ Еще не существует критического издания греческого текста десятой и одиннадцатой книг Аэция. Р. Анри сравнил краткое изложение с латинской версией Корнария. Сравнивая их с первыми восемью книгами, изданными на греческом языке Оливьери, можно понять, что она была сделана на основе греческого манускрипта, который в некоторых местах представляет собой сокращенную традицию. С оговоркой, краткое изложение этих двух книг не содержит каких-либо заметных отклонений от контекста.

к поражениям селезенки, чтобы рассмотреть ее расстройства и лечение, ее опухоли, воспаления, твердые опухоли, аномальные новообразования и склероз. Он касается желтухи, кахексии, водянки, показывая происхождение каждой болезни и средства, с помощью которых их можно вылечить. На этом и заканчивается десятая книга.

[179b] В одиннадцатой он имеет дело с диабетом, атонией почек, гематурией, почечным и пузырьным камнем, воспалением почек и их склерозом, нагноением в почках, дизурией, странгурией, задержкой мочи, дилатацией мочевого пузыря, недержанием мочи во сне, воспалением мочевого пузыря, кровотечением из этого органа, [описывая] образующиеся в нем сгустки, опухоли и язвы, выделения и вегетации из мочевого пузыря, сатириаз, приапизм, гонорейю и потерю семени во время сна. Для всех только что упомянутых болезней он перечисляет, насколько это возможно, их причины, средства их предотвращения и лечения¹. В конце книги он помещает упражнения и средства для тех, кто не может вступать в половую связь.

В двенадцатой книге² он имеет дело с ишиасом, подагрой и артритом, указав общие причины этих болезней и их частные причины, все виды лечения, которые их касаются, и все другие болезни, которые могут быть связаны с этими болезнями, и различные способы борьбы с ними; он составляет мази, смягчающие средства, продукты для растирания, укрепляющие средства, продукты для притираний, слабительные средства, подходящие для этих болезней, и противоядия, и все, что относится к облегчению указанных заболеваний.

В тринадцатой книге³ он имеет дело с животными, укусы которых причиняют несчастье и страдания их жертвам, и объясняет способы их лечения. То же самое он говорит и о ядовитых животных, и тот же труд он прилагает к растениям и травам, употребление которых опасно. Подобным же образом он имеет дело с грибами, бычьей кровью и молоком, которые сворачиваются в желудке, а также дает представление о тех металлах, поглощение которых в желудке губительно для живых существ. Он касается поглощения холодной воды и вина, вредных для живых существ, повешенных людей, тех, кто рискует задохнуться в воде, падений с высоты, сторожевых животных и домашних животных, сигнализирующих об опасности. Кроме того, в нем рассказывается о средстве Андромахи, основанном на яде гадюки,

¹ Это означает, что на протяжении всей книги описания лекарств переплетаются с описаниями болезней.

² Греческий текст этой книги был отредактирован Г. Костомирисом (Paris, 1892). Р. Анри не удалось достать это издание.

³ В последний раз эту книгу опубликовал Зервос в Афинах, т. 1, с. XVIII. 1906, р. 201 и сл. Р. Анри также не смог ознакомиться с этим текстом, и он не единственный, кто столкнулся с такой же трудностью. В *Theodorides J. Sur le XV livre du traite d'Aetios d'Amida, medecin byzantin du VIe siecle* // *Janus*, t. XLVII. 1958. Р. 221-237, читаем на р. 223: «Как только Зервос издаст греческий текст, мы надеемся, что сможем дать полный французский перевод Книги XIII». Почти половина ее посвящена ядовитым и вредным животным, что делает ее одним из старейших сборников медицинской зоологии» (р. 224). Список названий абзацев, данный М. Феодоридисом после издания Костомириса, не совпадает со списком заголовков в переводе Корнария.

против укусов, подробно описывается его приготовление, как и когда его [180a] использовать, как его проверять, какую дозу давать и заболевания, при которых оно показано. В нем также обсуждаются другие средства от укусов, приготовление противоядия Митридата, его применение и когда оно полезно; он также перечисляет различные другие противоядия.

Он также имеет дело с двумя «сурphi»¹ и слоновой болезнью, зудящей сыпью, белыми прыщами, потницей, язвенной сыпью на ногах и рубцами, оставленными язвами и затемняющими кожу. Затем он обсуждает две разновидности белого налета, белую проказу и, наконец, проказу; он перечисляет процессы их появления, причины, которые их вызывают, и способы их лечения. Такова тринадцатая книга.

В четырнадцатой он занимается различными болезнями ануса и наростов, щелями, воспалениями, грызущими ранами и карбункулами половых органов и язвы в уретре, зудом в сумке яичка и разновидностями грыж; он также касается состава пластырей и способа приготовления вводимых в них ингредиентов. Он также лечит травмы и ушибы нервов, бубоны и общие воспаления, а также абсцессы и полые язвы; в ней излагается характер каждого из указанных состояний и их лечение².

Он добавляет средства для лечения гельминтов при язвах, грызущих ранах, язвах, которые приводят к разложению и кровоизлияниям. Он также лечит дивертикулы, свищи, гангрену, сухую гангрену, раковые опухоли, карбункулы, рожистое воспаление, герпес, злокачественные пустулы, язвы и волдыри; он рассматривает причины, которые их производят, и процедуры, которые им подходят. Он также имеет дело с ожогами огнем или водой и лечением ран, нанесенных кнутом, ссадин, ушибов и разрывов плоти, конвульсий, искривлений, вывихов конечностей, обморожения, перегибов пальцев, тяги, сломанных, кровоточащих, рыхлых, зудящих или пораженных проказой ногтей и способы защиты и предотвращения выпадения ногтей и что вызывают отрастание других, кольца, которые иногда застревают на пальцах, фурункулы и трещины на ногах и варикозное расширение вен. Сделав полезный обзор всех этих поражений [180b] и сообразуясь с правилами медицины, он заканчивает тем, что учит в этой области о подкожных червях ног и рук. Так заканчивается четырнадцатая книга.

В пятнадцатой книге он имеет дело с отеками, вздутиями, твердыми опухолями, рубцами, зобами и бородами, жировыми опухолями, ганглиями, аневризмами, клеточными язвами и гидроцефалией; он объясняет их происхождение и причины, их лечение с помощью хирургии и других средств, а также приготовления различных пластырей³.

¹ Непереводимое слово. Это название «ароматической смеси, содержащей экстракты кипариса, можжевельника, винограда, смолы, вина и мирры». *Theodorides*, op. cit., p. 234.

² Эта книга еще критически не издана на греческом языке. Сопоставление краткого содержания с латинским переводом и здесь не обнаруживает серьезных несоответствий в работе эпитоматора.

³ Р. Анри также не смог ознакомиться с изданием этой пятнадцатой книги Зервуса в *Athena*, t. XXI. 1909, p. 8 и сл. Особенность этой книги в том, что она предлагает в двух совершенно разных частях описание болезней, с одной стороны (XV, 1-11), и описание лекарств, с другой стороны (XV, 12-47).

В последней книге, которая является шестнадцатой¹, он имеет дело с положением матки, ее размером и формой в целом, и он объясняет, в какое время у женщин происходит [месячное] очищение и производство семенного зародыша. Речь идет о времени их фертильности, о признаках, по которым мы узнаем женщин фертильных или уже зачавших, а также обо всех других недугах, которые составляют удел беременных, о том уходе, который необходимо оказывать им, тем, кто более склонны рожать и тех, кто нет; речь идет о тяжелых родах, аномальных родах, эмбриотомии, отсутствии последа; он объясняет, какие причины мешают мужчине и женщине размножаться.

В этой книге перечислены способы лечения всех только что названных заболеваний: снадобья, пессарии и окуривание оплодотворением. После этого он лечит со всем мастерством, которое подобает его искусству, все заболевания груди; он развивает [далее тему на] их конституцию, их рождение, их хирургию и другие способы лечения. Затем он говорит о ежемесячных послаблениях, вызванных различными причинами у женщин, и о чрезмерных послаблениях, о красных и белых выделениях у женщин, об ущемлении матки, о гонорее, заболеваниях, лечение которых он очень хорошо объясняет; он также говорит о других различных заболеваниях матки, я имею в виду абсцессы, отеки, аборт, потерю вод, язвы и другие подобные заболевания.

Здесь, рассматривая сужение матки, некроз матки и иные подобные аномалии, он описывает лечение. А что касается малых половых губ, хвостовидных наростов, варикоцеле, папиллом и тому подобного, то он описывает методы лечения таким же образом. Он предписывает для этих случаев растирания лица и всего тела и препараты для окуривания, завершая здесь трактат о медицине, который он поставил перед собой в качестве задачи.

[181a] И, насколько я могу судить, настоящее сочинение этого автора во всех отношениях превосходит суммарно Орибасия как в том, что адресовано Евстафию, так и в том, что написано для Евнапия. Фактически, он превосходит их как своими представлениями о причинах болезней, диагнозах, прогнозах, определениях, так и глубиной и степенью изложений о лечении. И мы видим, что оно не выходит за эти пределы², но также преобладает над кратким изложением сочинений Галена Орибасием, потому что при меньшем объеме он предлагает более ясное учение и касается большего количества болезней, чем тот.

¹ Зервос опубликовал эту книгу в Лейпциге в 1901 г. Заголовки пунктов были переведены на французский язык: *Ruelle Ch.-E. Quelques mots sur Aetius // Bull. de la Soc. franc. d'Hist. de la medicine. 1908*. Не воспроизводя здесь, как и в других местах, перечисления всех разделов этой книги, конспект дает полный обзор ее содержания, и между элементами, общими для конспекта и оригинала, Анри не находит текстового несоответствия.

² Хорошее впечатление, которое у Фотия есть об этом произведении, не таково, как у всех современных специалистов. *Theodorides J. op. cit., p. 222-223*, отметил различные суждения, которые были вынесены в историографии о работе Аэция. Возможно, Аэций не был блестящим ученым, но его книга полна ценных данных по истории греческой медицины.

Если бы, с другой стороны, это сочинение не защищало себя от соперничества с трактатом, который Орибасий составил в семидесяти книгах, возможно, оно имело бы и оборотную сторону, потому что оно оставляет в стороне трактовку анатомии, которую развил другой, и потому что также опущено рассмотрение использования частей, которое относится скорее к области философии, чем к области терапии.

По тем же самым причинам этот трактат вряд ли перевесит краткое изложение сочинений Галена, которое только что обсуждалось. Но я бы сказал, что касается меня, что, учитывая небрежность людей нашего времени и их предпочтение другим вопросам, чем те, в которых медицина может принести исцеление страдающим, необходимо, чтобы мы рекомендовали именно этот свод, а не другие работы.

Это особенно верно для всех тех, чья цель не состоит в том, чтобы углубить свои познания в медицине или приобрести понятия, основанные на подлинном знании природы, но которые имеют в виду только заботу о теле и заботу о том, чтобы не упустить из виду ничего, что соприкасается с этой практикой. Действительно, те, кто решил на практике продемонстрировать, что забота избавляет от болезней, должны бережно обращаться с этой книгой и постоянно изучать ее. Тот, кто позволит себе быть тронутым этим советом, получит пользу от опыта.

222. Иов монах. О Воплощении

Прочитал труд монаха Иова¹ в девяти книгах, сорока пяти главах, к которым он добавляет некоторые другие материалы. Автор дал название своей книге «Трактат о Воплощении», потому что, по его словам, он содержит большое количество исследований Воплощения.

В трудных вопросах автору обычно не хватает ни ценности, ни энергии; его продвижение от одного решения к другому не является равномерным, но во многих случаях он находит решение путем тщательного поиска и находится в точке, где он довольствуется поверхностным решением [181b], не углубляясь далее в ощущение точной истины. Другой, возможно, сказал бы, что его усилия зачастую даже ниже поверхностного решения.

Что же касается истинной веры, то, насколько мне известно, во всяком случае, как в настоящем сочинении, так и в своем трактате «Против Севира»², он обнаруживает привязанность к ней, достойную похвалы; его упорный труд нельзя недооценивать, и он хорошо разбирается в знании Священного Писания.

По его словам, он приступил к своей работе по приказу человека выдающейся добродетели. Первая трудность, которую он ставит в своей

¹ Византийский монах и богослов VI в. Он мало изучен. Помимо упоминания *Amann E. s.v. Job* (n. 3) // *Vacant*, t. VIII, 2, p. 1486-1487, Р. Анри нашел только исследование, уже старое и не очень полезное для комментатора, которое дон Реми Селье посвятил «Трактату о воплощении» в своей «*Histoire generale des auteurs sacres et ecclesiastiques*». Paris, 1862², t. XI, p. 181-185. Но это всего лишь анализ конспекта Фотия.

² Эта работа полностью утрачена.

книге, заключается в следующем: «Почему именно Сын, а не Отец или Святой Дух принял нашу форму»?¹ Для этой проблемы вот что он считает решением: Сын есть Слово и человек, который был прославлен Словом Божиим и образом Его, выродился и был отвергнут среди чина зверей без разума и стал подобен им².

Вот почему Слово пришло к тем, кто впал в безумие: оно должно было исправить нашу ошибку и вернуть нас к нашему состоянию древнего достоинства. Ибо, говорит он, «Слово стало плотью» (Ин 1, 14) означает, что Он взял нашу природу, впадшую в глупость, лишенную всякого стремления к разуму и целиком приобретающую плоть, «и остался среди нас». И для того, говорит он, Слово, тотчас же из чрева Девы, было принято в яслях, трапезе животных без причины, питающей волов и ослов, первых из этих животных, ибо их чистота представляла древний Израиль, остальные же, из-за своей нечистоты, представляли массу язычников.

Каждая из этих общин из-за своих дел и своих верований без всякой причины опустилась до положения зверей, и Слово напомнило им, как пророк Исайя объявил где-то³: «Посреди двух животных ты проявишь себя; когда время приблизится, тебя узнают». И сеть Евангелия свидетельствует, говорит он, о крайней глупости, в которую впал род человеческий; он дошел до того, что ничем не отличался от рыб, которые из всех животных самые тупые и самые лишенные разума. И сеть, заброшенная, очевидно, Словом, вывела их из этого состояния, вернув дар разума существам, лишенным его.

И приказ, который получил Петр от Слова, открыть пасть рыбы, где он нашел статер, символизирует избавление человека, взятого от его унижения Словом; ибо статер, говорит автор, обозначал царскую чеканку, то есть, слова Учителя: «Ибо слова Господни – [182а] серебро, очищенное огнем». А то, что статер был спрятан во рту рыбы, означает, что сила и дар разума были глубоко погребены и спрятаны в существах, столь же лишенных разума, как и рыбы. Именно им Петр, укрепленный Словом, открыл свои уста, чтобы извлекать этот дар, показывать его и выявлять, помогая им использовать его в действии, которое ему подходит. И что воплощенное Слово, сидящее на осле, и с осла предлагает, говорит он, тот же смысл.

¹ Эта формула в некоторой степени объявляет *Cum Deus homo* святого Ансельма.

² Свободная цитата из Псалма 40, 19. Этот кодекс изобилует библейскими цитатами; Анри проверил их по Иерусалимской Библии и именно в соответствии с этим драгоценным рабочим инструментом отсылает к двум Заветам.

³ Эта цитата не из Исайи, а из Аввакума, 3, 2 (Хаббакук). Текст, который мы читаем здесь, представляет собой вариант Септуагинты, отвергнутый Иерусалимской Библией. У нас нет доказательств того, что путаница между Аввакумом и Исайей связана с Фотием, но, во всяком случае, она, несомненно, объясняется тем, что в Исае, 1, 3 имеется намек на вола, осла и ясли. Это два текста, которые (ср. Иерусалимская Библия, с. 1256, прим. б) лежат «у истоков традиции о двух животных в Вифлеемском вертепе».

То же самое касается рыбы, которую после Воскресения готовили на углях¹; ибо то, что прежде было лишено разума, проходит через Слово, выходит из состояния лишения разума и явно становится духовной пищей Слова. Кроме того, дар языков, данный Апостолам², провозглашает указ об их апостольском избрании, чтобы этот весьма чувствительный знак мог научить их, что они получили такую великую благодать именно для того, чтобы служить Слову в Его делах. И Предтеча, провозглашенный Священным Писанием «гласом Слова вопиющего»³, не означает ничего противоречащего сказанному, но скорее то, что Слово жило среди нас, чтобы исцелить немощи, вызванные утратой разума; так же говорит и Давид: «Он послал им слово и исцелил их»⁴.

Таким образом, именно эти темы он рассматривает в первых двух книгах; в этом предварительном обсуждении он с юношеским пылом спорит с теми, кто говорит, что Слово стало человеком и пришло как спаситель, потому что для тех, кто был призван быть усыновленным, было необходимо, чтобы именно Сын, а не кто-либо другой, мог быть создан и провозглашен руководителем и обновителем усыновления.

В третьей книге он объясняет причину, по которой Слово воплотилось, и говорит, что Создателю и Архитектору самому пришлось переделать и обновить свое деградировавшее произведение. Ибо, если Отец и Святой Дух являются одинаково творцами, все же все было совершено через Сына, как свидетельствует Священное Писание. Поэтому строителю, столкнувшемуся с разрушением своей конструкции, было необходимо вернуть ее себе, чтобы спасти ее путем восстановления. А в чем, с другой стороны, смысл святых слов: «Все, говорят, было через Него и без Него ничего не было»⁵ и «Все от Него», говорят, и через Него, и для него»⁶. И «Кем он создал века»⁷. И, конечно, единодушный голос наших Отцов, имеющий свой источник, свято научил, что Отец все творит через Сына.

[182b] Сформулировав таким образом решение настоящего вопроса, он переходит к другому, вытекающему из него, и ищет, почему, хотя мы считаем и прославляем ту же деятельность, ту же мысль и ту же силу в Святой Троице, Слова как благие Отцы постоянно говорили, что Отец все сотворил через Сына⁸, а не Сын через Отца.

¹ Ин, 21, 9. Здесь речь идет о сети, о которой говорилось выше в аннотации. Не произошла ли у автора путаница между уже цитировавшимся отрывком из Матфея и настоящим отрывком из Иоанна?

² Аллюзия на Деяния 2, 3.

³ Ис, 40, 3.

⁴ Пс 107:20.

⁵ Ин, 1, 3.

⁶ 6. Письмо к римлянам, 11, 36.

⁷ Послание к Евреям, 1, 2.

⁸ Мы удивлены, не найдя здесь из-под пера богослова, столь плодотворного в цитировании Священных Писаний, ссылки на Послание к Колоссянам, 1, 15-20, где святой Павел активно развивает первенство Христа в творении и искуплении.

Вот с какой силой он формулирует проблему. В его ответе говорится, что все божественные качества являются общими для Отца и Сына; все, что говорится о Сыне, относится и к Отцу, если верно, что и он тоже и сын; поэтому Сын не исключает Отца из дел, которые Он, как сказано, совершает, но даже более того, Он соприобщает Его и разделяет Его с Ним. Более того, поскольку Сын назван правой рукой Отца, и Его мышцей, и Его мудростью, и Его Словом, и Его силой, а об Отце ничего подобного не говорится в отношении Сына, то мы вполне естественно можем сказать, что Отец творит все через Сына, так как и в нашем мире соблюдается тот же порядок; но, наоборот, Сын не действует через Отца.

Он вводит также еще одну причину, не касающуюся данного вопроса, и которая, как мне кажется, не имеет никакой связи с предыдущей. Он говорит, собственно, что так как все, как говорится, было сделано Сыном, то если бы и Воплощение не произошло через него, то это утверждение могло бы быть обвинено во лжи. Действительно, поскольку он говорит, что все сотворено Сыном, то он не сказал бы, что Сын принял природу этих созданий – этого не может быть, – но что они суть его дела.

Затем он мудро говорит, что сотворение и восстановление мира произошло через него, потому что в этом состоит явная критика сторонников безумия Мани¹. Действительно, хотя Священное Писание провозглашает, что эти два дела были совершены Иисусом, тем не менее, противнику Сына эта нечестивая секта приписывает созидание вселенной. Насколько далеко они зашли бы в своем нечестии, если бы Святые Слова открыли, что творение – дело одного человека, а искупление – дело другого?

После вышеупомянутых глав он сочиняет одиннадцатую, где говорит, что Священное Писание, обычно называя Сына Демиургом по преимуществу, приписывает ему, как следствие, право судить и издавать законы, и даже более того, обновление творения, когда оно было мертво. Ибо свойство Демиурга – знать природу и, познав ее, создавать законы, соответствующие тем, кто их принимает, а свойство законодателя [183a] – также судить тех, кто презирает законы, и всех тех, кто подстроил свою жизнь под них.

«Вот почему, – сказал он, – Отец никого не судит; весь суд Он отдал Сыну»². И еще: «Отец любит Сына; Он вернул все в свои руки»³. Именно Он, сам восстанавливая творение и исполняя законы прежде всего, предлагает нам себя в качестве образца жизни, жизни, которую нетрудно вести прямо, если мы обратим свой взор на Руководителя, который ведет нас за руку. И лучший законодатель – тот, кто не ограничивается словами, предписывающими, что должно быть сделано, а скорее создает закон своими действиями. Вот почему он также говорит: «Что Иисус делал и чему учил с самого начала»⁴.

¹ Игра слов непереводаима. О манихейском учении об искуплении ср. *Bardy G., s. v. Manicheisme* // *Vacant*, t. IX, 2, p. 1878-1879.

² Иоанна, 5, 22. 2.

³ Иоанна, 3, 35. 3.

⁴ Деяния, 1, 1.

Затем он спрашивает, почему Спасение не пришло через человека или почему воплотился не ангел. И он говорит, что Спасение часто предпринималось людьми нашего племени, например, Моисеем и пророками, но что не было ни одного народа в его совокупности, я имею в виду евреев, который был бы спасен от общего зла. Как же тогда мы можем вылечить всю большую человеческую природу, или сковать сильного, или убрать его оружие? И как мог человек в своей нищете очистить свой собственный вид, если он сам получил свою долю осквернения? «Ибо никто не чист от нечистоты»¹.

И не принадлежало бы даже ангелу, если бы ему было дано право воплотиться, чтобы возглавить Начала и Власти в своем триумфальном шествии и устроить из них зрелище².

И как мог он, раб, упорядочить и изменить предписания Господа и Царя – я имею в виду предписания Закона – в смысле евангельского законодательства, посредством которого мы имеем доступ на небеса, как это сделал Спаситель, сказав: «Это сказано в Законе, и это говорю вам...»³

И как по приказу брата в рабстве могли быть низвергнуты во тьму демоны и их предводитель, в то время как архангел Михаил, когда он умолял дьявола за единственное тело Моисея, который был тем не менее праведным человеком, не осмелился по своей воле вменить ему возмутительное обвинение?⁴

И как мог бы Он возвысить нас до ранга приемных сыновей, когда сам был рабом, или как бы нашему роду, как это происходит теперь благодаря Сыну, было позволено сесть с Ним на престол Отца?

Рассмотрев все эти темы, он объясняет, что Иордан и Красное море открылись для прохода Моисея, Илии и Елисея в их страхе перед повелением Учителя, хранителями которого они были; но это, с другой стороны, естественное явление, что при падении тяжелого тела вода раскрывается и разделяется, так что сверхъестественный эффект был произведен [183b] без того, чтобы они победили природу.

Но когда нога Учителя остановилась там, море уже не разверзлось в силу своего подчинения законам природы, но чудом сохранило свою консистенцию и подчинилось своему господину, потому что оно получило консистенцию большую, чем его собственная; вот почему, не терпя последствий, противоречащих его природе, оно не отреклось от своей природы, и его чудесная последовательность придает весь блеск шествию Учителя.

И мы могли бы, говорит он, не ошибаясь, сравнить хождение Господа по воде, которую Он не разделяет, с неделимостью Божества и, с другой стороны, водой, которую Он раскрывает, – как в рассказе о Моисее, а другие – с толщиной человека и нашим составом из двух элементов: материи и формы, которые также лежат в основе других тел.

¹ Цит.: Иов 14,4.

² Аллюзия на Посл. к Колосс. 2, 15.

³ Цит.: Матф. 5, 21-22.

⁴ Посл. к Евр. 9.

После этих замечаний он переходит к тринадцатой главе, в которой ищет, почему Слово не спасло человечество своей божественностью без завесы.

Он начинает с того, что, если бы это было осуществлено, это никоим образом не помешало бы этим дерзким злодеям, если бы, по крайней мере, эти безумцы имели наглость призвать божество к ответу, искать еще иного рода спасения, потому что они не были довольны случившимся; и если бы им было дано другое, они бы критиковали его, требуя того, чего им не было дано.

И потом, какого безумия не хватает им, чтобы поверить, что они сами лучше знают, что уместно, чего не знает Тот, кто все создал и все сохраняет в своей мудрости?

Мы также решаем вопрос о том, как современное мнение и Священное Писание прославляют Бога как всемогущего. А святой Павел говорит, что Бог «не может отвергнуть Себя»¹, но есть и бесчисленное множество вещей, о которых мы можем сказать, что Бог не может их отрицать, например, отклонение от Своей благодати, допущение изменения и другие явления того же порядка. Вот в чем вопрос; он решает его в идее, что то, что мы говорим о невозможном для божественности, не находится ни в области существующего, ни в области возможности.

Ибо где для Бога факт отречения от себя, или изменение, или отклонение от Своей благодати, или истина, ставшая ложью? Мы воспеваем его всемогущество и говорим, что он всемогущ в идее, что все, что принадлежит ему и способствует защите его созданий, он может сделать, когда захочет. Кроме того, слова о том, что он не может делать то, что его не устраивает, действительно сводятся к его власти.

Ибо если все это есть не что иное, как недостаток и бессилие, то как же было бы невозможно, чтобы высшая и сильнейшая сила утвердилась на бесконечном расстоянии над всеми этими слабостями?

[184а] И, пожалуй, можно было бы, не сбиваясь с пути, добавить к только что сказанному, что Слово это не ограничивается попытками против божества свергнуть его всемогущество, а, словом, пусть применяет насилие, чтобы запутывать и трансформировать природу всего сущего. Действительно, если справедливость не может сделать то, что может несправедливость, — а справедливость не могла совершить несправедливость, — следовательно, зло перевешивает силу добродетели; и если человек не может быть камнем, то камень может оказаться сильнее существа, наделенного разумом.

Однако, если мы перевернем эти положения, то, что считалось превосходящим по силе, тем не менее, окажется более слабым, чем то, что оно преодолело по силе. То же самое и со всем остальным, настолько, что подобные рассуждения являются лишь детской игрой и развлечением тщеславной софистики.

Мы могли бы опровергнуть злонамеренность или невежество рассуждений такого рода, сказав, что они игнорируют или отказываются

¹ 2 Посл. к Тим. 2, 13.

признать, что имя «сила» имеет два значения. Одно выражает власть, строго говоря, в том смысле, в котором мы говорим, что божество всемогуще, и что каждое существо делает то, что соответствует его природе, согласно присущей ему врожденной силе; другой указывает на естественно подходящий атрибут.

Поэтому, когда мы говорим, что божественность не может отрицать себя, мы говорим, что для Бога не является ни правильным, ни естественным отрицать свое собственное существование.

То же самое происходит, когда мы говорим, что он не может допустить изменения или отклониться от своей доброты: для него не подобает и не естественно приспособляться к переменам и искажениям; это не только никоим образом не является признаком бессилия, но неопровержимым свидетельством в пользу всемогущей силы. И то же самое касается и всего остального¹.

Но это своеобразные примеры.

Полный рвения, наш автор пишет четырнадцатую главу настоящей книги, где устанавливает, что искупление заслуживает большей чести и свидетельствует о большей мудрости, чем творение, среди прочего потому, что творение было совершено Словом, а искупление – делом Творца. И именно, как он утверждает, Павел говорит, чтобы превознести величие мудрости: «Чтобы Начала и Небесные Силы могли теперь через Церковь иметь познание бесконечной мудрости в ресурсах, используемых Богом... во Христе Иисусе»². И чтобы показать избыток любви Божией к нам, он не говорит, что Он сотворил человека в начале мира, и что он имеет форму по его образу, и что он совершил еще несколько великих и замечательных дел.

[184b] Но о чем он говорит? О пришествии воплотившегося Сына, от которого к нам придет искупление. «Ибо, – говорит он, – так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного»³ за жизнь мира. Ибо какую любовь не продемонстрировал бы не тот факт, что Он предал Своего Единородного Сына на смерть за нас, но та самая любовь, которая признала, что Его Сын, Владыка вселенной, принял образ раба, так как не было возможности ему предстать перед очами людей со своей божественностью без покрова и подать делами и телесными действиями пример той жизни, которую он проповедовал, и через которую пришло к нам Спасение, и что оно стало спутником нашей жизни, чтобы наставлять нас.

И в этом, говорит он, смысл жеста, заключающегося в том, чтобы оставить девяносто девять овец и пойти к одной, заблудшей, и взять ее на свои плечи⁴. Ибо не по общему и привычному процессу вселенского творения он

¹ Кому мы должны приписывать расплывчатые формулы такого рода, которые встречаются довольно часто в кодексе 222? Р. Анри не решает возложить ответственность за это на Фотия, который, когда мы можем сравнить его конспекты с сохранившимися текстами, обычно кажется верным данным своих источников, тогда как автор, изложенный здесь, кажется, был человеком скорее ревностным, чем писателем.

² Усеченная цитата из Послания к Ефесянам, 3, 10.

³ Ин 3, 16.

⁴ Аллюзия на Лк 15,4.

восстановил и нашу природу через Слово; но то, что он не принял ни за кого из других существ, ни за ангелов, ни за какое другое существо, он принял ради спасения людей, сделав себя рабом господина, которым он был. Поэтому будет справедливо, как я уже сказал, сказать, что он отказался от девяноста девяти овец; на самом деле именно его уход и изменение пути к творению более необычному и более восхитительному, чем творение, и к перевороту обычного, что притча выражает загадочно, и это означает, что это не те пути, по которым он следовал в начале времени для творения, но новым и невыразимым путем, чтобы Он добился нашего искупления.

Затем он говорит, что Слово по всей разумности и необходимости совершило наше спасение путями плоти. Действительно, любой другой метод раньше отвергался – ведь были пророки, и вожди народа, и чрезвычайные чудеса, и блага, и угрозы, и наказания как на местном, так и на глобальном уровне – и поскольку человеческий род не стремился измениться, чтобы стать лучше для себя, и его зло шло ко все более неизлечимому состоянию, в силу последовавшего за этим по необходимости или, вернее, по неизреченному изобилию человеколюбия, Слово приняло плотское тело и стало нашим наставником, и Учителем, и нашим Искупителем по благоволению Отца и содействию Духа.

Именно это объясняет для любителей созерцания, что именно в его последние дни, а не в начале его жизни Слово было уничтожено во плоти¹, но когда внимательное провидение добилось успеха, и бенефициары этого провидения не приветствовали их; в этих условиях, наконец, он во всяком крайнем случае обеспечивал собой спасение нашей природы.

[185a] К этим событиям он добавляет вопрос, представленный как ожидаемый ответ на возражение. Надо, говорят, чтобы человек по виду был честен, чтобы не создавать так много затруднений, непрерывно скатываясь к злу и тем самым требуя воплощения в многообразных и разнообразных формах для обретения своего спасения, и чтобы единое существо, созданное по образу Божию, не совершало беззакония.

Вот в чем состоит возражение; но, говорит он, люди, которые сплотятся вокруг него, услышат сами уста истины, говорящие им: «Просите и не получаете, потому что просите неправильно»². Но у них следует еще одно абсурдное высказывание, заключающееся в том, что они не признают ни Провидения, ни божественного суда и требуют от творца, чтобы творение формировалось и корректировалось в соответствии с их волей и замыслами, и чтобы оно было согласно их указам, даже если они еще не достигли света солнца, пусть творение будет управляемо.

Более того, эти же люди демонстрируют, что человек должен быть хорошим и плохим. Ибо искать, чтобы он был честен, и притворяться, что он таков по необходимости, значит отнимать у него свободную волю и притворяться, что ничто не является для людей ни наградой, ни наказанием за то, что они делают; на самом деле, то, что человек делает против своей воли, не влечет за собой ни награды, ни наказания.

¹ Напоминание отрывка из святого Павла: Послание к Филиппийцам. 2, 7.

² Посл. Иак. 4,3.

Но на самом деле, сказал он, что помешало людям создаться подобными ангелам? Однако и у ангелов господствует воля, и они ничего не делают под влиянием необходимости; ибо стали они свидетелями падения Люцифера и всего восставшего вместе с ним племени демонов.

И как было бы лучше, если бы человек был возведен в состояние ангелов, у которых грех не подлежит покаянию и, следовательно, не имеет никакого прощения, тогда как наш род даже при падении возвышается через покаяние?

Более того, по крайней мере со времени пребывания Господа среди нас, мы можем видеть в людях дела, значительно превосходящие дела ангелов. «Ибо вот, я, Павел, говорю вам, что если хотя бы Ангел с неба благовествует вам не то, которое вы приняли, да будет анафема»¹.

И еще: «Архангел Михаил не посмел произнести возмутительный суд над диаволом»², а мы получили власть «попирать ногами змей, скорпионов и всю силу вражью»³; и ни один ангел не осмелится провозгласить кого-либо себя или Богом, или Сыном Божьим, и наш род называется божественным и чадом Всевышнего⁴.

И тот из ангелов, которого зовут Люцифером, за то, что он сказал, что он будет равен [185b] Всевышнему и поставит свой престол выше небес⁵, был лишен благ, которыми он обладал; сказал, и теперь это для вечности – объект насмешек и позора, а нам указ истины дал нам силу быть подобными Отцу и восседать на том же престоле, что и сам Сын.

А вот еще лучше: «Он воскресил нас и посадил на небесах во Христе Иисусе»⁶.

И: «Если мы будем стоять твердо, то с Ним будем царствовать»⁷.

И: «Мы знаем – это еще один Апостол, который свидетельствует – что, когда он проявится, мы будем подобны ему»⁸. Так что желающие иметь один ранг с ангелами уже получили дар.

Но мы грешим, говорит он, слишком легко; но чем чаще наши ошибки, тем быстрее мы восстанавливаемся, если захотим, потому что есть бесчисленные пути покаяния и спасения, которые по Своей высочайшей доброте дал нам Тот, Кто наблюдает за нами. И ты, желающий быть сродником Ангелов, поистине удостоился высшей милости, ибо мы стали братьями Господа по плоти.

Причём грех ангелов, хотя и менее серьёзный, чем наш, подлежит большему наказанию, потому что «сильного ожидает суровое

¹ Вольная цитата из Послания к Галатам, 8·9.

² Свободная цитата из Послания Иуды, 9.

³ Лк: 10, 19.

⁴ Псалом 82, 6.

⁵ Аллюзия на Исаию, 14, 13.

⁶ Послание к Ефесеям, 2, 6.

⁷ 2 Послание к Тимофею, 2, 12.

⁸ 3 Послание Иоанна, 3, 2.

расследование»¹, и тот, кто налагает на них тяжелейшие наказания, не налагает и на нас, ибо какова ошибка, таково и наказание. При этом для нас вина быстрее стирается и то, что запечатлено в них только один раз, остается неизгладимым; и для нас соединение с телом дает нам повод быть прощенным; для них, чем более они считаются выше тела, тем более неумолимое наказание стоит вокруг них.

Вот почему на сосуде избрания сказано: «Ангелов будем судить, тем более дела житейские»², и: «Святые будут судить мир»³; мы, прикованные к толще плоти, если совершаем добрые и праведные поступки, то мы осуждаем и заставляем замолчать существа, свободные от телесных оков, когда они совершают действия, не соответствующие своему состоянию или ниже его, потому что, обладая меньшей силой, чем те, у кого есть большая, мы добились большего, чем они.

А для нас, когда мы грешим, вся жизнь предназначена для нашего выздоровления и нашего покаяния; и тех из ангелов, которые согрешили, справедливость наказания охватила их в данный момент. Фактически он говорит: «Он поместил их в Тартар и предал их в бездны тьмы, где они сохранены для суда»⁴.

И в бесчисленных других чертах признается премудрый промысел Божий по отношению к нам, и что безумие и недомыслие тех, которые хотят, чтобы мы были ангелами, а не [186а] людьми, обречены на презрение всех.

И если бы Бог сотворил человека по ангельской природе, то само это состояние не остановило бы его склонности к критике, но он искал бы снова другую природу, способную превзойти состояние ангельское.

Разберитесь со мной еще раз в этом вопросе: если бы Адам, созданный по образу Божию, имел состояние, равное ангельскому, то и мы не были бы лишены ангельской славы; и если бы он, хотя и родился в состоянии немного ниже ангельского, тем не менее, восстал духом и не смог сохранить то, что получил, как если бы он получил большие привилегии, не был ли бы он доведен до более серьезного падения?

И мы не должны упускать из виду следующее: роковое действие есть дело не разумных существ, а природы, лишенной разума и души; также рассуждение, лишаящее людей свободы воли, ставит на место существа, наделенного разумом, лошадь, или быка, или рыбу, или всех существ, принадлежащих к растительному царству.

И если, делая подобные размышления, автор налагает на себя такое же наказание, его не судят по справедливости, потому что он нашел наказание, соразмерное своей вине, и сам осуждает отвратительную сторону своего мнения.

¹ Книга Премудрости, 6, 8.

² 1 послание к Коринфянам, 6, 3.

³ 1 послание к Коринфянам, 6, 2.

⁴ 2-е послание Петра, 2, 1.

Рассмотрев несколько предметов такого рода, автор упомянутых положений заканчивает свою пятнадцатую главу восхвалением свободы воли.

Шестнадцатая глава представляет собой исследование, имеющее немалую ценность; автор, действительно, тщательно рассматривает вопрос о том, почему человек состоит из двух элементов, весьма различных по своей природе; и он пытается привести расследование к разгадке, но не справляется с трудностью.

Он начинает с утверждения о словах, заимствованных у отцов. Он говорит тогда, что земная природа должна была быть украшена разумом, как небесная природа – небесными силами, и поэтому человек появился на земле как сложное существо. Связывая друг с другом эти и другие положения того же рода, он составляет свою главу.

Затем он спрашивает, почему воплотился Бог-Слово, и решает вопрос; оно, говорит он, отчасти для того, чтобы оставить нам пример добродетели, благодаря которому мы можем идти по его стопам, подражая ему не по принуждению, а по собственной воле; затем он приводит слова Григория Богослова: «Ибо он носит, – сказал он, – плоть ради плоти моей, и соединяется с разумной душой ради души моей, чтобы очищать подобное подобным»¹. Притом для того, чтобы Он, Слово, освобождал и возвышал разумную природу, поработленную природой, наделенной [186b] разумом.

Более того, побежденный Адам погреб под своими бесчисленными плотскими страстями свой божественный элемент и передал потомкам своим недостаток, который был в нем; вот почему Господь воплощает и собирает в океан Своей божественности каплю воды нашей природы, чтобы смертная природа была поглощена жизнью, и дар распространился на весь род, и пусть проявится неизреченный океан Его любви к нам. И Демиургу необходимо было после крушения собственного творения самому стать его обновителем.

И он добавляет, что некоторые качества, считающиеся общими для Святой Троицы, часто особым образом сообщаются Писанием одной из августейших особ. Вот как качество Творца, приписываемое в равном разделении чести Отцу и Святому Духу, тем не менее, приписывается, с другой стороны, Сыну как совершенно особенное свойство. Точно так же и наше спасение, совершенное Словом, мы находим приписываемым Отцу.

«Он говорил с нами, – говорит он, – через Сына»² и «чтобы стала познана бесконечная мудрость в ресурсах Божиих, которые Он вложил во Христа»³. И: «Мы находимся, собственно, в его творении, созданной во Христе Иисусе на добрые дела»⁴. *Труды и созидание* – это, очевидно, имена, которые слово Апостола дает нашему искуплению.

¹ Св. Григорий Назианзин. О рождении Христа // *Migne. PG*, t. XXXVI, p. 325b. Цитата почти дословная.

² Послание к Евреям, 1, 2.

³ Заимствовано из Послания к Ефесянам, 3, 10-11.

⁴ Послание к Ефесянам, 2, 10.

И еще: «Он открывает нам тайну воли Своей, этот благодатный замысел, который Он заранее образовал в Себе, чтобы все подчинить одному Главе, Христу»¹.

Ибо, если мы верим, что все родилось через вмешательство Сына, то мы должны, следовательно, признать и Отца Творцом по тождеству воли, деятельности и силы, и то же самое относится и к Святому Духу, и прежде всего то, что искупленные наслаждаются очищением и остаются в своем искупленном состоянии, является делом творческой и сохраняющей деятельности Святого Духа.

«По дыханию уст его, – говорит Давид о проходящих тварях, – приходит все войско их». И очевидно, что в словах, которые говорит Пророк: «Словом Господним небеса утвердились», именно Слово воспевается как творец – потому что это требует консолидации, первой консолидации творения. И он приписывает Духу способность совершать и давать силу этими словами, к которым он добавил: «От дыхания уст Его приходит все войско их»². И еще зоркое³ и святое слово говорит: «Он думает прежде всего об ангельских силах, и мысль его была действием, которому Слово дает полноту, а Дух – завершение», и еще тысячу других слов.

[187a] И в каком-то смысле полезно и уместно для обучения и посвящения то, что проповедь познания Бога развивалась. Ибо на протяжении всего Ветхого Завета Отец провозглашается на первом месте как первая и определяющая причина всего; во-вторых, Сын обозначен как творящая причина и, в-третьих, Святой Дух как причина, ведущая к цели.

Ибо способности, способные вести к цели, точно выраженные словом «конец», проявляются в прогрессе и росте вещей и времен, так же как венец победы, даруемый за атлетические состязания, уместен только в конце их. Вот почему Бог начал с формирования человека, а затем, чтобы усовершенствовать его, вдохнул в его лицо дыхание жизни⁴.

Обсудив эти и другие аргументы того же рода на тему, что Святой Дух есть сила, совершающая конец, наш трудолюбивый автор говорит, что получившие свет носят белое в течение семи дней, потому что Ветхий Завет также предлагает форму крещения, являющуюся его тенью, и соблюдал этот обычай.

Фактически он говорит: «И ешьте хлеб, положенный в корзину жертвы посвящения, и семь дней не отходите от входа в Шатер Встречи»⁵.

И дело не только в количестве дней, которое предписывал Ветхий Завет, но и во всем, что касается обряда. Действительно, в этот момент нас погружают в воду, затем натирают миррой, и с этого момента мы считаемся достойными Драгоценной Крови. Так Моисей, описывающий эти обряды

¹ Послание к Ефессянам, 1, 9-10.

² Все эти последние три цитаты взяты из Псалма 32:6.

³ Grigorios; игра слов, потому что отрывок из Григория Назианзина, Hom. 38, На Рождество // Migne, PG., t. XXXVI, p. 320.

⁴ Бытие, 1, 7.

⁵ Обработанная цитата из двух отрывков из книги Левит: 8, 31 и 32.

завуалированным языком, сначала оmyвает посвященных в воде, затем одевает их и препоясывает, затем помазывает их маслом и окропляет кровью и приводит на преломление хлеба¹.

Вот почему и святой Лука говорит в своем Евангелии, что чаша сначала освящается кровью Учителя, и что верующие принимают свою долю, а затем причащаются хлебом². Однако святой апостол ставит благословение чаши иногда перед благословением тела Учителя, а иногда после, ибо говорит: «Не есть ли чаша, которую благословляем, приобщением Крови Христовой?» И «хлеб, который мы преломляем»³. И еще: «Не можете пить из чаши Господней и из чаши бесовской, и не можете делить трапезу Господню»⁴. В другом месте он говорит: «В ту ночь, когда он был предан, – он говорит об Учителе – он взял хлеб»⁵, а затем говорит и о чаше.

Рассмотрев эти темы, он пытается объяснить другой порядок, который только что обсуждался, и говорит, что, поскольку в первую очередь образуется кровь, которая [187b] затем превращается в плоть, Писание следует за движением природы, когда она сохраняет этот порядок в объяснении тайн. Что же касается обратного порядка, то он имитирует порядок общего стола, потому что туда сначала кладут хлеб, а затем приносят вино.

И этот общий порядок трапезы, в свою очередь, имитирует процесс нашего творения; на самом деле, поскольку, по Иову, мы были замешаны грязью⁶, а грязь представляет собой смесь земли и воды, и наше образование также является в известном смысле пищей, восполняющей утраченное и восстанавливающей его, то это и есть почему, как и при сотворении нас Богом, сухой элемент был взят раньше влажного элемента; таким образом, чтобы подражать тому, как было создано наше творение, мы едим хлеб перед вином. Таковы рассуждения, заимствованные из естественного порядка, которого он придерживается в отношении порядка мистерий, хотя они и недостойны более высокого рассуждения, имеющего своим предметом Бога.

Что же касается того, что крещенные носят белые одежды⁷, то это является символом сияния ангелов, которое для них представляет чистоту духа, освобожденного от всякого контакта с материей и страстями.

И он сказал, что Моисей, который собирался издавать законы для людей и предлагать им обещания чести для тех, чья жизнь будет праведной, и угрозы божественного наказания для грешников, справедливо представляет в форме истории сотворение всего, что способствует к добрым делам и выражению угроз в отношении тех, кого он предупреждает. Он даже говорит: «Небо будет из меди, а земля из железа»⁸.

¹ Это обряды искупления, предусмотренные в книге Левит, 16, 3 и далее.

² Намек на Тайную Вечерю, рассказанную Лукой, 22, 14–19.

³ 1 Послание к Коринфянам, 10, 16.

⁴ Там же, 10, 20.

⁵ Там же, 11, 23.

⁶ Иов, 33, 6.

⁷ О символике белого цвета: *Leclercq H. s.v. Blanc // Chabrol. Dictionnaire d'archeologie chretienne et de liturgie*, t. III. P. 925-926.

⁸ Свободная цитата из Второзакония, 28, 23.

И все другие подобные элементы творения, которые должны служить на благо тех, кто поступает хорошо, или для наказания грешников, рассматриваются.

Поэтому цель законодателя состояла в том, чтобы провозгласить спасительные законы для рода человеческого и обеспечить прочность своего законодательства угрозой наказания и обещанием наград и заимствовать эти два порядка идей у тварей; вот почему из всего, что способствовало его замыслу, он составил рассказ о творении и оставил в стороне то, что не было существенным.

[188a] Затем, именно через чувственный мир, как через образ, Моисей хотел сделать своего мастера и творца известным тем, для кого он предназначал свои законы, потому что в то время, в их широком понимании, они едва ли были способны зачать от разумных существ, среди которых они жили, творца и мастера всего, что они видели. И этой цели невозможно было достичь, начав с истории о сотворении ангелов: фактически, делая невидимое известным, начиная с невидимых существ, а не с тех, которые очевидны, – это бесполезный и очень неэффективный метод.

Другими словами, еврейский народ верил в Бога, если не правильно, то, по крайней мере, в определенном смысле, еще до обнародования закона. Что же касается ангелов, то он даже не знал их имен¹, за исключением одного или двух из них, которых открыла им благодать Святого Духа.

Свидетелем тому то, что говорится еще в наше время: секта саддукеев признает существование Бога-творца, но категорически отрицает существование ангелов².

Природа и имена ангелов были неизвестны в первые дни, и мы начали узнавать о них с того момента, как было признано благочестие Авраама; с тех пор оно развилось и распространилось на всех верующих. Однако Моисей в конце своего рассказа помещает его среди остального творения и говорит: «Возрадуйтесь, небеса, и пусть все посланники Божии поклонятся ему»³.

В-третьих, он говорит так: если видимые вещи ближе к нам, чем невидимые, и с большей вероятностью могут быть познаны, то Моисей не без оснований, разоблачая происхождение чувственных существ, оставляет на время в стороне тех, кого он хочет посвятить, тех, кто более высокого ранга, из-за трудности их понимания и строгих инструкций, которые они от них требуют.

И давайте вместе со мной подумаем и об этом: довольно того, что касается чувственных вещей, чтобы учить только тому, что они произошли от Бога; для умопостигаемого следует дать двойное учение: что этот порядок существует, и что он получает свое существование от Бога.

¹ Не имя ангела, потому что оно было известно из Ветхого Завета. Остальная часть предложения ясно указывает на то, что это индивидуальные имена, данные некоторым из них.

² Отрицание подтверждено Деяниями, 23, 8. Учение об ангелах появилось в иудаизме сравнительно недавно (Bible de Jer., p. 1471, note e).

³ Свободная и усеченная цитата из Второзакония, 32, 43.

Более того, автор не упомянул ангелов в начале своего рассказа о творении, чтобы избежать того, чтобы некоторые люди, желающие расширить свою веру и склонные к переменам, думали, что все существует благодаря ангелам и было создано ими.

Потому что, хотя Моисей и не дал им никакого предлога в том, что он написал, тем не менее, довольно большое число евреев, которым было сочувственно заблуждение этих людей, бездумно повторяют, что мир и то, что «в нем содержится», сотворены ангелами; насколько далеко не распространилось бы это зло, если бы законодатель написал что-нибудь подобное? И убедитесь в точности рассуждений. От греха Адама до рождения [188b] Ноя природа ангелов не была известна людям; это будет первый период времени. И не иначе было бы во второй период, завершившийся дерзостью строителей башни.

Но третий период времени также не может претендовать на познание ангелов и простирается, как мы хорошо знаем, до познания Бога через Авраама.

И когда Авраам получил обетования, которые каким-то образом установили и заранее определили пришествие Учителя среди нас, и что человеческое племя стало лучше просвещать очи своей мысли светом Истины, и что движущийся поток мысли начал основываться на устоявшейся религиозной вере, тогда, да, тогда это представляет ангела, который приходит к помощи Агари, служанки Авраама¹, чтобы успокоить беспокойство и мужество, которые она испытала, в то время как история почти не говорит ни слова, чтобы показать, что между творцом и слугами огромная дистанция; с одной стороны, по сути, это состояние Господа и Господина, с другой – это состояние подчинения и рабства.

Вот почему Павел, более всех сведущий в Законе, спросил: «Не всем ли духам вверено служение и послано в него в услужение?»² Именно по этой причине, как я только что сказал, его история вначале не касается сотворения ангелов.

Этими замечаниями и добавлением других вопросов, которые, как мне кажется, не имеют тесной связи с предметом, автор заканчивает свою третью книгу.

Четвертая и пятая книги его труда, ограниченные двумя главами, посвящены только следующим вопросам: не могло быть более уместно, чтобы

¹ Намек на эпизод, изложенный в Бытие, 21, 17. Агарь изгнана по приказу Сарры вместе с Измаилом, сыном, которого она имела от Авраама, и ангел приходит утешить ее в пустыне, куда она бежала.

² Послание к Евреям, 1, 14. Словарь католического богословия, т 1, с. 1189–1271, представляет собой подробное исследование ангелов, проведенное несколькими сотрудниками. История учений об этих сверхъестественных существах прослеживается от Ветхого Завета до современных богословов. Автору, чья работа здесь кратко изложена, нет ни малейшего места в этом подробном обзоре. Выше было отмечено, что этому уделялось мало внимания; этот персонаж и его запутанные доктрины, вероятно, не заслуживали лучшего.

неизменный и естественный образ Отца, черты которого мы, сотворенные по этому образу, изменили, мог быть нами овеществлен и восстановлен в своей древней красоте; и необходимо было, чтобы истинная и существенная мудрость Божия спасла от их неразумия тех, кто отпустил себя туда и опустился до уровня жизни зверей, и чтобы она вернула им достоинство разумности.

Его шестая книга в качестве первой главы предлагает вопрос о том, почему мы называем Сына творцом нашего первого существования и нашего восстановления в конце веков, а затем также универсальным судьей во время всеобщего воскресения.

Потому что, если эти три атрибута стоят вместе и относятся к одному и тому же мастеру [189a] и ремесленнику, то исследование и решение, которые их порождают, стоят и смешиваются вместе. Ибо, поскольку он создал, то правильно, что он воссоздает существа после их уничтожения; а раз это так, то следует, что он также и законодатель своего собственного творения; и в этом качестве, очевидно, на нем лежит обязанность вершить правосудие для тех, кто соблюдает закон, и для тех, кто решает его нарушить, а также самому выносить приговор без апелляции.

Поэтому возникает вопрос, почему, когда внутри Троицы не существует никакого различия, я имею в виду превосходство или неполноценность, Сын больше других провозглашается творцом и исполнителем, и, поскольку этот вопрос немедленно получает свое решение, очевидно, что следующие изыскания получают их в то же время.

Поэтому он говорит, что почетно и разумно приписать сотворение вселенной преимущественно Сыну. Ибо именно потому, что Слово обитало среди нас в материальном теле, возникли самые важные и многочисленные ереси о творении; некоторые, игнорируя единого и истинного творца, приписывали существование существ многочисленным причинам; и поэтому некоторые не только предались многобожию, но, противопоставляя добро злу, разделили неделимое управление Вселенной между противоположными провидениями¹.

Некоторые другие до сих пор выставляют себя щепетильными и несправедливыми причастниками неделимого божества, равного во всех; они сохранили за Отцом все божественные качества, отделились от общего в божественной природе Сына и Духа, взяв в качестве предлога – так судили их ограниченные умы – что Он есть единственный Бог, которого Он также называют Отцом, как тексты древнего закона провозглашают, и что дерзость, доведенная до нарушения закона, – признавать одновременно, что Сын и Дух есть Бог.

В их ряды могли быть помещены те, кто заблуждался из-за незнания относительно Сына и Духа, те, кто был запятнан верой иудеев и язычников, и те, кто получил знание о ней, но мало достоверного знания подобно Арию и сторонникам Македония, которые в своем нечестии поместили творца среди тварей².

¹ Вероятно, намек на манихеев?

² Арий сказал, что если Отец родил Сына, то последний не вечен, и есть только тварь; следовательно, он не мог играть никакой роли в Творении. Македоняне в основном нападали на Святой Дух. См. *Le Dachelet*. s.v. Arianisme // Vacant, t. I, p. 1780; *Bardy G.* s. v. Macedonius et le macedonianisme // Vacant, t. IX, 2, p. 1472-1478.

Посмотрите тогда, когда столь серьезное заблуждение могло распространиться до такой степени, даже если бы достоинство творца вселенной было приписано исключительно Отцу с прибавкой искупления и суда, какой бы предлог для оправдания своего безумия не был бы дан нечестивцам, чтобы они отказались верить в существование Сына и Духа или, даже веря в это, осмелились низвести их до ранга тварей. Вот почему Отец обычно вначале уступает место Сыну для творения и для искупления, а затем и для суда.

[189b] Тем не менее, даже если бы Отец уступил Сыну только одно из вышеупомянутых качеств, а не все, эта ситуация не была бы ситуацией провидения, которое направляет все с мудростью, поскольку, не имея даже тени предлога для этой ошибки, многие еретики приписывали два Завета противоборствующим законодателям¹.

Также именно в силу гармоничного и достойного замысла Божества и в силу мудрого замысла творение, искупление и суд, хотя и являются делами, общими для трех Лиц, все вместе приписываются в особенности Сыну.

Вот как благочестивый автор решает данный вопрос, добавляя некоторые другие данные, которые не несут той же полезности, что и те, о которых мы только что говорили.

Помимо предложенного исследования, существует еще одна проблема, заслуживающая рассмотрения. Фактически он пытается понять, почему Отец был поставлен перед Сыном, и почему Дух был поставлен на третье место.

И он говорит, что, поскольку божественная природа невыразима и неуловима, очевидно, что никакое рассуждение или никакое слово не может открыть или выразить, что она такое; и для тех, кому она открывается в видении по невыразимой благодати, дело не в ее истинной природе, а в том способе, который возможен и полезен для каждого получателя дара явления, оно посылает лучи своей красоты тем, чей взор обращен к нему, и что им дано заранее насладиться им.

Вот почему, если говорить более глубоким языком, более совместимым с богословием, будь то Троица или Единство, будь то Отец, Сын или Дух, или божественность, или какой-то другой аспект, под которым мы задумали или выразили эту непостижимую и невыразимую природу, то она не является ни одним из этих аспектов, но находится над ними.

Вот почему Зачинатель мистерий восклицает: «Несовершенно наше знание, несовершенно и наше пророчество; когда придет то, что совершенно, то, что несовершенно, исчезнет»².

И его подлинный ученик, мудрый Дионисий, свидетельствует то же самое и примерно в тех же выражениях, особенно в своих замечаниях о совершенстве и единстве³.

¹ Намек на Маркиона, который, как известно, приписывал Ветхий Завет Богу иудеев, а Новый Завет – чуждому миру Богу, явленному Иисусом. См. *Amann E. s. v. Testament // Vacant, t. XV, 1, p. 187; ib. s. v. Marcion, t. IX, 1, p. 2020.*

² 1 Послание к Коринфянам, 13, 9-10.

³ Св. Дионисий Ареопагит. Об именах Божиих, 13.

Поэтому, поскольку большая часть того, что говорится о Боге, не предполагает, что Он такое, а, скорее, является руководством и помощью, позволяющей посредством вещей и слов, которые нам знакомы, возвысить наш разум до представлений, которые находятся за пределами нас, очевидно, что это факт того же порядка, когда в словесной формуле Отец ставится первым, а Сын и Дух после Него, как учит нас где-то сам Учитель, когда говорит своим ученикам: «Итак идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа»¹.

Ибо сама по себе божественная природа не может быть классифицирована ни до, ни после, но находится выше всякого понятия о числе и единстве, поскольку число и единство относятся к субстанции, а божественность выше всякой субстанции.

Подобно тому, как божество знает, что подчинено времени вне времени и что разделено вне разделения, и что течет вне потока, так и вся сотворенная природа созерцает в понятии времени то, что ускользает от времени, а в разделении то, что не может быть разделено, и невыразимо посредством языка, который ему знаком и который преобразован в существительные и глаголы.

Затем он исследует, почему Сын в формуле призывания помещен посередине, а Отец и Святой Дух – на двух крайностях. И он говорит, что, поскольку Бог назван игом справедливости, то по аналогии с игом, существующим в нашем мире, и было задумано это постановление, чтобы Сын, занимая среднее место, сохранял строгое равенство по отношению к крайностям. Ибо именно он осуществил сотворение нашего вида в первые времена, а затем и его искупление; а пример ига предполагает равенство в значении и силе всемогущей Троицы: ни одно из трех лиц не имеет преимущества или склонности к низшему рангу, но их слава и их сущность находятся в совершенном равновесии чести, которое не оставляет между ними никакой разницы, и именно этим славится их божественность; именно по этой модели и среди созданий дается равенство и взвешивается справедливость. Таковы данные, собранные автором в двадцать второй главе его шестой книги и в двадцать третьей.

Затем он говорит, что есть своего рода соответствие (идеи Троицы) в двойной триаде видения² крыльев Серафима, и что центральные крылья представляют собой образ Отца, а внешние крылья – Сына и Духа; а тройное призывание святости³, абсолютно неизменяемое само по себе, выражает таким образом, что оно отклоняет неизменность трех Лиц в их сущности, и единство трех Лиц скрепляется и спаивается введением и добавлением в тексте слова «Господь» только один раз.

А двойные крылья также показывают, что все знания, которые через них нисходят к нам, даже если они сообщаются нам нематериальными духами,

¹ Матфея, 28, 19. Эта точная формула Троицы, возможно, нашла отражение в более позднем литургическом использовании. См. Иерусалимскую Библию, с. 1333, прим. б.

² Видение из Исая, 6, 2.

³ Исая, 6, 3.

приходят к нам не в чистом виде, а материализованные, устроенные в соединение, предназначенное для сложных существ по формам и фигурам, характерным для нашего мира.

И все материальное двойственно и состоит из материи и формы; и [190b] разумные силы также состоят, как сказано – и в этом смысл двойных крыльев – из святости и сущности; и очевидно, что их познание имеет порядок ниже совершенного знания и превосходит всякую простоту, которая свойственна одной только Творящей Троице и что, будучи несовершенной, она не может быть исключена из всякого состава.

А само слово «Святой», которое повторяется, ничего не добавляя и не вкрапляя в повторение какой-либо другой термин призывания, способствует демонстрации простого, незамысловатого характера, священного превосходства божественной природы по отношению ко всей другой природе и веществу.

И это слово «Святая святых» предполагает идею превосходства и чистоты без примеси по отношению к любой другой святости, которую можно назвать; ибо всех тех, кого называют святыми ради имени Божия, можно было бы признать оскверненными и нечестивыми по сравнению с Богом, как мы могли бы судить всех царей как рабов и несуществующим все существующее, когда мы рассматриваем его в сравнении с действительным.

Следовательно, слово «святой» возвещает в Боге о превосходстве, как уже было сказано, а также об уникальном характере и превосходстве над всей остальной природой; потому что «святой» в этом смысле не означает чистый от всякой скверны, проходящей через душу или тело, нет, потому что где бы была хвала Божья и как бы не было, скорее, высшим порицанием взять на себя тему, чтобы воспевать божественность, мысль о том, что она свободна от наших страстей?

Но призыв прославляет то, что отделено от всех других существ, установлено над всеми ними и далеко от них. И часто в Священном Писании это выражение имеет аналогичный смысл. «О каждом мужчине, открывающем материнское лоно, будут говорить, что он посвящен Господу», что означает это сохранение»¹.

А в Книге Судей: «Родишь сына, и бритва не пройдет над его головой, ибо ребенок освящен»².

И есть тысяча других подобных слов. Так освящаются место, хлеб и вино, которые, как мы говорим, предназначены для Бога и которые не используются для какого-либо обычного использования.

И в качестве доказательства того, что нематериальные силы доставляют блага Свыше материальным существам в материальной форме, он хочет привести щипцы, которые держал один из Серафимов, посланных к Пророку и принесших угли³.

Ибо очевидно, что именно в телесных символах бестелесная сила открыла пророку тайны неких неосязаемых и умопостигаемых реальностей: Священное Писание учит нас тому, что, как невозможно пользоваться огнем

¹ Аллюзия на Книгу Чисел, 8, 16, и на Лк 2, 16.

² Книга Судей 13, 5.

³ Аллюзия на Исайю, 6, 6.

без орудия или весьма стойкого материала, точно так же мы не можем постичь ничего из божественной реальности без материальных символов, которые находятся в пределах досягаемости тех, кто их получает.

[191a] И щипцы представляют материю, как уголек представляет божественное: «Ибо Бог наш есть огонь поядущий»¹, и «Слово Господне испытано»². А сам термин «клещи» выражает идею прикосновения, которое, очевидно, наблюдается только в чувствительной сфере.

И, возможно, также о воплощении Слова, которое было создано для нас, косвенно возвещается символами, о которых мы только что говорили; это неправда сказать; на самом деле божественный огонь соединился для нас с толщей нашей плоти.

И возможно, говорит автор, что щипцы олицетворяют тьму Закона и угли Нового Завета; ибо именно через символы Закона тайны Нового Завета подразумеваются и открываются тем, чей разум прав.

И он говорит, что, когда тело Господне кладется на Святую Трапезу, стоящие по обе стороны от совершающих жертвоприношение машут над грозными приношениями перьями вееров, которые символизируют шестикратные крылья³; это для того, чтобы посвященные не задерживались на уровне видимых подношений, а для того, чтобы, господствуя над всем материальным, они были готовы подняться глазами разума, через то, что они видят, до невидимого зрелища и до этой невыразимой красоты.

Ибо, когда там Учитель, даже телом своим, Серафимы служат Ему в страхе и трепете⁴; и этого страха и этого трепета неясным признаком является движение крыльев, которыми машут слуги. И если мы увидим Серафимов, служащих Слову, как рабов, хотя бы в своем воплощенном лице, и если это рабство Свыше никоим образом не уменьшится из-за нисхождения Слова на землю, то очевидно, что это все другие чины бестелесных духов служили ему и обожали его даже в его плоти. Ибо если первый из чинов среди них ничего не меняет в его состоянии рабства, то это уверяет нас и в том, что такое же рабство существует и для чинов, следующих за ним, ибо написано: «Ангелы приблизились и служили ему». И имя ангела, как и у ученых, сведущих в божественных науках, есть имя, общее для всех сил, одаренных разумом.

А, с другой стороны, по поводу входа Первенца в мир Священное Писание говорит: «Да поклонятся Ему все Ангелы Божии». Вот почему, одновременно с приближением священников к алтарю, певчий с высоты произносит воззвание: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный». По его словам, эта песнь-гимн взята из грозного почитания Серафимов.

¹ Второзаконие, 6, 24.

² Псалом 18, 31.

³ Символизированные здесь шестикратные крылья напоминают те, с которыми были представлены Херувимы ковчега, которые представляли собой Серафимов из видения Исаяи. См. *Lesetre*, s. v. Cherubin // *Diet. de la Bible*, t. I, p. 658.

⁴ Это стереотипное библейское выражение сочетает в себе идеи страха и уважения; переводы, приведенные в различных книгах, отличаются лишь нюансами.

И он говорит, что пришел к этой мысли не благодаря одному из нас, [191b] но это, говорит он, еврей, наставленный в слове истины и получивший от Церкви власть истреблять других, мудрый человек, и жизнь, сверкающую заслугами, который посвятил его в это знание, научив его, из каких элементов был составлен священный гимн.

И научил его, сказал он, что песнь составлена из гимна Херувимов и из сорок первого псалма священных певцов, ибо в псалме мы поем: «Бог крепкий, Бог живой», и слово «живой» было заменено синонимом «бессмертный», а слово «крепкий» было сохранено дословно; так была составлена священная песнь.

Слова «Боже» и «Святой» употреблялись для различения от предметов поклонения идолопоклонников, которыми являются земля, дела рук человеческих¹ и истинные мерзости, а слово «Крепкий» противопоставлялось их молчанию, их косности и их слабости, и слово «Бессмертный» – отсутствию в них дыхания, их отсутствию энергии, их отсутствию участия в какой-либо форме жизни.

Он также говорит, что тот же святой человек научил его, что и другие говорили, что именно блаженному Проклу – он был епископом Константинопольским – было научено по откровению составление упомянутой песни: в то время как ангелы пели священную песнь, он был первым, кто получил от них это посвящение².

Это обсуждение содержится в двадцать четвертой главе, а также следующей, двадцать пятой.

В первоначальном творении есть фигура, призванная прославить Божественную Троицу, и, среди прочего, это показывает: «День дню публикует историю, а ночь ночи передает знание». А еще: «В свитке книги мне предписано...» для того, чтобы все, кому дано было, осознали, что в течение этих шести дней от начала не было необходимости понимать по видимости. Ибо главой и началом книги, то есть, всего вдохновленного Богом Писания, являются шесть дней, в течение которых совершилось Творение, величие и красота которых делают Творца постижимым и прославляемым.

Он также говорит, что те же шесть дней являются образом Троицы и способствуют учению об этой тайне как о священном и символическом выражении, обозначающем шесть крыльев Херувимов. Он хотел научить познанию творческой Троицы, которое приходит к нам через посредство материала и соединения. Конечно, тринитарное свойство простой и несложной субстанции само предлагается через посредство [192a] материала и составной субстанции. Из этого следует, что именно через двойную Троицу открывается превосходящее всякую простоту познание Троицы.

¹ Псалм 112, 15.

² Других подтверждений этой особенности Р. Анри не нашел. Традиция делает Прокла (434–446) автором Трисвятого, но это не точно. См. *Fritz G. s.v. Proclus de Constantinople // Vacant., t. XIII, 1. P. 665.* Однако именно при патриархате Прокла в 430 г. было начато в использовании это знаменитое призывание. Cf. *Leclercq H. s. v. Trisagion // Chabrol. Diet. d'arch. chret., t. XXX, p. 2797.*

И, чтобы обрести веру в свои соображения, он говорит, что седьмой день представляет собой время, когда мы прекратим наши материальные и телесные дела, как также где-то говорит Павел: «Суббота предназначена для народа Божия, ибо тот, кто входит в покой свой, также отдыхает от своих дел, как отдыхал Бог от своих»¹.

И если седьмой день является образцом покоя в наших материальных делах, поскольку, по словам того же святого Павла, мы заменим нашу несовершенную мудрость на совершенное знание², то не без оснований мы считали шесть дней цифрой материального знания, согласно которому знание божественного дошло до нас в несовершенном виде и в загадках.

К этим замечаниям он добавляет слова Григория Богослова, который говорит, что тайна Божества открылась нам до трех Лиц: «Единство приведено в движение, говорит он, из-за своего богатства; диада была превзойдена из-за материи и формы, из которой происходят тела, и триада обозначила предел из-за своего совершенства, потому что триада первая превзошла соединение, которое есть диада; это для того, чтобы божественность не оставалась ограниченной и не рассеивалась в неопределенном»³.

К этой причине он добавляет еще одну, объясняющую распространение божественности до триады, и говорит, что это происходит потому, что из всех чисел только число три представляет собой наиболее ясную фигуру ига (упряжки), а иго является одновременно произведением и символом равенства; вот почему и в числах троица является единственной среди всех, которая удерживает середину на равном и постоянном расстоянии от крайностей, при этом в трех числах нельзя увидеть абсолютно никакой композиции.

На этом заканчивается шестая книга этого любящего созерцание писателя.

В седьмой книге он поясняет, что Священное Писание описывает три смены мирового порядка; он называет их «Землетрясениями» (потрясениями).

Первая – это переход от идолопоклонства к режиму Закона, в котором только Отец провозглашается совершенно ясно, тогда как Сын и Дух скорее предлагаются в символах и загадках. Второе изменение описывает это состояние в Евангелии, где Сын и Дух раскрываются более ясно; и третье изменение, наконец, есть такое менее материальное и более возвышенное состояние по отношению к Богу, где во всем единство Троицы, [192b] ее неделимость и ее всемогущество проникают глубоко, насколько это возможно в сотворенной природе, в определенных знаниях людей.

Извещение о первом потрясении находится у святого Давида такими словами: «Пред лицом Господним земля поколебалась, пред лицом Бога Иакова»⁴. И продолжает: «Идолы народов, серебро и золото, дела рук человеческих»⁵.

¹ Послание к Евреям, 4, 9-10.

² Аллюзия на 1-е послание к Коринфянам, 13, 9.

³ Greg. Naz., Oratio XXIII, De pace, III, 8 // *Migne*, PG, t. XXXV, col. 1160.

⁴ Псалм 114, 7.

⁵ Псалм 115, 4.

А второе землетрясение он возвещает словами: «Доложите Яхве, семьи народов... и войдите во двор Его»¹, но оно не в единственном жилище иудеев, потому что он тут же добавляет: «Трепещи пред Ним вся земля! Скажите среди язычников: настало время Яхве, который царствует»². И еще: «Яхве царствует! Ликуй, земля, да ликуют многие звезды»³. Потом: «Молния твоя озаряет мир, Земля видит и опрокидывается»⁴. И таких слов у него много; и Исайя говорит: «Когда Он восстанет, чтобы сокрушить землю»⁵.

А святой Павел, видимо, описывает второе и третье землетрясение, когда выкрикивает слова пророка Аггея: «Тот, чей голос однажды потряс землю... теперь еще раз потрясет ее, и потрясет не только землю, но и небо»⁶. И автор цитирует Григория Богослова, который делает то же самое⁷.

После этих слов он начинает глубже исследовать, почему первым возвещается Отец. Решение состоит в том, что Божье провидение по отношению к нам сделало это намеренно и с великой мудростью, чтобы удержать нас от многобожия. Потому что было бы ошибкой метода и плана, когда мы хотим отвернуться от политеизма, доверить тринитарный аспект божественности Душам, долгое время находившимся под впечатлением многобожия. Более того, представление об Отце по молчаливому одобрению подтверждало существование Сына и Духа, и в то же время вводило познание о них, не оскорбляя слабых и определяя мистическим образом основу религии. Действительно, Отец – это абсолютно отец сына, а Дух можно назвать чьим-то сыном. Отца, следовательно, [можно было] объявить народу, не предлагая никому никакой поддержки многобожию, тем более, что существовал у евреев и у эллинов обычай называть самого Бога отцом людей; этот обычай фактически скрывал чудесный союз и сосуществование Отца и Сына и их положение по отношению друг к другу с прежних времен.

А называть Бога отцом мы научились из [193a] почетных званий, которые даются нам, людям. Ведь для нас нет ничего слаще имени отца, нет ничего более почетного, более уважаемого, более знакомого или более близкого к идее создания человека. В сущности, отец черпает из ничего и питает; он заботится о существовании своих детей. Это прежде всего и в первую очередь атрибуты Бога, а отсюда, по принципу причастности, и атрибуты отца, который порождает, и именно так мы, дети земли, научены называть Бога отцом.

Но чтобы называть божество Духом или Сыном, у нас нет аналогичной точки отсчета. Но причисление этих двух лиц к Отцу не устраняет повода для

¹ Комбинация Псалма 96, 7 и 9.

² Комбинация Псалма 96, 9 и 10.

³ Псалм 97, 1.

⁴ Псалм 97, 4.

⁵ Исайя 2, 21.

⁶ Послание к Евреям, 12, 26, со ссылкой на Аггея, 2, 6.

⁷ Greg. Naz., Oratio XXXI, Theologica, V, 25-29, De Spiritu sancto: *Migne*, PG., t. XXXVI, col. 161 D-168 B, предлагает развитие событий, которое вполне могло быть источником развития событий Иова.

многобожия, даже среди тех, кто склонен к нечестию, как это делает провозглашение одного лишь Отца. Поэтому интересно и благоразумно, что Закон и Пророки открыто провозглашали только Отца; Его провозглашение не могло оскорбить людей с узким кругозором, а для умов, более способных к созерцанию, оно несло в себе понятие и признание Сына. И если бы Сын был провозглашен первым, мудрость Божьего плана не развивалась бы таким же образом; не развивался бы и Святой Дух, творец жизни.

Тот факт, что воплотился не Отец, также объясняется тем же провиденциальным планом. Как, в самом деле, признать, что вместо «Ты сын Мой, сегодня Я родил тебя»¹ мы говорим: «Ты Отец Мой, сегодня Ты родил Меня».

Ибо что бы не сделал еврейский народ на пути слабоумия, если бы нашел оправдание своей дерзости в этой недопустимой и нелогичной вещи – в том, что Воплотившийся сказал: «Я – Отец Божий»?

Как можно не верить в басню, если сказать, что глас с небес воззвал к Воплотившемуся: «Сей есть Отец Мой возлюбленный, Который имеет ко Мне всякое благоволение», или если Он Сам сказал: «Сын Мой послал Меня² и Он больше Меня», и многие другие слова того же рода.

И то же самое можно сказать и о Святом Духе. Однако Святой Дух трактуется в Боге более явно, чем Сын, в Священном Писании. Ибо сказано, с одной стороны, о Сыне: «Великое дело десница Яхве сотворила»³, и «Словом Господним сотворены небеса»⁴, и другие слова того же рода; они соответствуют разуму и согласны с изображением Сына, но не застрахованы от оскорбительного толкования этого термина.

Но обратите внимание на безошибочную ясность слов о Святом Духе: «Дыханием уст [193b] Его все воинство их»⁵, и «Дух Господень наполняет вселенную»⁶, и «Пусть твое доброе дыхание приведет меня через единую землю»⁷, и «Дух Господень на мне»⁸, и «Это было дыхание Бога, которое создало меня»⁹, и «Ты посылаешь свое дыхание, и они созидаются»¹⁰, а также ряд других высказываний.

То, что божественность Сына выражается в чужеземных терминах, и что Дух обозначается Его собственным именем, также является следствием неизреченной мудрости Божией. Ибо слово «Сын», немедленно произнесенное, тотчас принесло с собой идею индивидуального существования, которая для сторонников политеистического заблуждения была бы возможностью броситься в это заблуждение, от которого их учили

¹ Псалм 2, 7.

² Переложение текста Иоанна, 5, 36.

³ Псалм 118, 15-16.

⁴ Псалм 33, 6.

⁵ Там же.

⁶ Книга премудрости, 1, 7.

⁷ Псалм 143, 10.

⁸ Исайя 61, 1.

⁹ Иов 33, 4.

¹⁰ Псалм 104, 30.

бежать; что же касается Духа, то истинно верующие, конечно, признают, что он также имеет индивидуальное существование; однако для массы людей меньшей утонченности мы можем скрыть тот факт, что он представляет другого человека, и он может, тем не менее, когда его назовут, сохранить свою силу в монархической прерогативе.

Таким образом, высказывание «Дыхание мое выходит»¹ не вводит представление о двух людях, а сохраняет единство личности; равным образом и выражение «Дух Божий», понимаемое с недостаточной проникновенностью древних и в том смысле, в каком оно понимается в наше время, не принесло никакого скандала вследствие склонности к многобожию.

Вот почему, следовательно, Дух явно провозглашается в Ветхом Завете, тогда как Сын еще не там, но существует под именами, которые таковы, что не разделяют единство личности, как рука Божия, сила, премудрость, власть; право и Слово, и другие термины того же рода. И действительно, в человеческой природе эти термины не делят единицу на две части и не разделяют человека. Но если слово Сын где-то цитируется, произносится сразу же, Сын выражает различие личностей, как это утверждает слово «Ты Сын Мой», но в завуалированных тенью терминах, потому что он добавляет: «Сегодня Я родил тебя»² и «Спроси меня»³, выражения, которые, поскольку они человечески и не присущи божественной природе, затеяют провозглашение Сына. И то же самое касается подобных выражений. Почему же тогда «право», «Слово» и «сила», и все эти другие имена даны Сыну Отца, а не, наоборот, Отцу Сына? Или почему не Отец приходит к Сыну, а Сын к Отцу? И снова, рука, сила, мудрость, слова обозначают атрибуты человека здесь, внизу, но мы бы не сказали «человек права», «мудрости» или других подобных характеристик, точно так же, как мы не говорим «дерево-ветвь», но ветка дерева.

[194a] И Дух называется перстом Божиим; а так как палец есть часть руки, то мы правы, говоря, что он принадлежит не только Отцу, но и Сыну, который есть правая рука Отца. Но, напротив, мы не говорим, что Дух принадлежит Сыну, потому что мы не могли бы сказать, что и рука принадлежит пальцу; поэтому было ни невозможно, ни выгодно по этим причинам возвещать вместо Отца в начале Сына или Духа. Воистину, Бог, как мы сказали, был. Его также называли отцом людей, но называть Бога нашим Сыном или Богом нашим Духом было бы невозможно и неправильно. Поэтому провозглашение Отца, по причине привычного употребления слова, тогда дало толпам понять и открыло только одно лицо; и если бы было объявлено о Сыне или Духе, то двойственность лиц была бы полностью признана: тот, кто слышал слово Сын, был приведен непосредственно к Отцу. То же самое было и с Духом, ибо тот, кому принадлежал этот дух, искал бы его среди людей, в которых политеистическое заблуждение достигло неисцелимой степени, отступив от спасительного понятия о Боге.

И, помимо того, что было только что сказано, невозможно было, как это было в случае с Сыном и Духом, скрыть характер Отца хитрыми средствами.

¹ Псалм 143, 4.

² Псалм 2, 7.

³ Псалм 2, 8.

Ибо выражения Дух Божий, право, мудрость или сила могли бы избежать напоминания о многобожии, потому что они скрывают от масс, что они имеют следствием различие лиц; но, проповедуя Отца Бога, понимаемого как рожденный или как исходящий от него, уже невозможно было скрыть, что это выражение вызывало идею различия между лицами, и не предлагало того же средства для тех, кто находился в политеистическом заблуждении.

И, конечно, даже если бы, наоборот, Отец был назван рукой Сына или Духа, Он не мог бы скрыть себя или скрыть двойственность лиц, не говоря уже о том, что никто не мог бы предположить, что эти слова были просто сказаны, и что они имели какой-либо смысл или естественную основу. И почему же тогда Троица не была провозглашена сразу в начале? Потому что как для страдающих зрением яркий свет, хотя и спасителен, но наиболее вреден, когда он силен, так и для ослепленных многобожием тринитарное представление о божестве было бы вредным и пагубным.

Но именно об этом этот благочестивый автор рассуждает в трех главах седьмой книги, порядок которых следует за двадцать шестой главой.

В тридцатой главе объясняется, что первое землетрясение¹ послужило основанием для второго, и что оно было полезно не только современникам Моисея, которым оно возвестило о Боге [194b] Отце, но и тем, кто жил во времена милости. Ибо, поскольку Он дал Богу почитаться Отцом людей, то каждый из тех, кто подлинно покоится в Боге, справедливо назван сыном Божиим; в результате этого открывается дверь и путь к Воплощению.

Вот почему второе землетрясение при возвещении Сына, поскольку это слово уже было обычно приписано даже простым людям, не так сильно смутило тех, кто его слышал, и чье понимание уже привыкло к употреблению Ветхого Завета, и поэтому они уже не раздражались этим словом, как это было бы, если бы оно не было им знакомо из Ветхого Завета.

И точно так же, как громкое провозглашение Сына под властью Закона или Духа, по причинам, указанным выше, казалось бы, могло нанести вред тем, кто все еще носил в себе следы политеистического заблуждения. Точно так же невозможно было Отцу или Духу воплотиться, остаться в тени и остаться скрытым так же, как Сын.

Ибо если, когда наименование Сына уже было в ходу и привычно, они были настолько глупы, что, поскольку Он называл себя Сыном Божиим, что было правдой, захотели бросить воплотившегося Сына в пропасть², избить Его³ и наконец, привязать его к кресту, что бы они не сделали, они и ученики, если бы Воплощенный, увидев его под видом раба, сказал: «Я – Отец или Святой Дух»? Таким образом, все, что касается Воплощения, было упорядочено в соответствии с божественным планом, который превосходит всякий разум и всякую мысль и привел к спасению людей.

¹ Мы видели выше определение этих «землетрясений», которые являются переходами от идолопоклонства к Закону, от Закона к Евангелию и от Евангелия к откровению Троицы».

² Эпизод, описанный в Лк 4, 29.

³ Слова взяты из Мк 14, 65.

Однако Слово не было воплощено с самого начала, в том числе и потому, что не было необходимости применять к больным с самого начала самые сильные средства, а только те, которые по своей природе способны в некоторой степени отразить зло.

Это также потому, что Слово, воплотившееся от начала, не только не имело бы¹ той же действенности, если бы не явилось в конце, но и скорее было бы сочтено идолопоклонниками призывом к заблуждению.

Ибо когда появились сыны эллинов, которые легко возвели людей, равных им по положению, до божественного достоинства, как, видя Слово, явившееся во плоти и прославленное как Бог, не обратились ли бы они с тех пор обратно к божественному? И как они могли не отослать тем, кто хотел вывести их из заблуждения, упрек, который они им делали, будто они прославляют и почитают человека как Бога?

Именно по этой причине, в действительности, в то время, когда эллины обожествляли людей, именно лицо [195a] Отца было провозглашено². Поэтому необходимо было сначала устранить эти трудности, и необходимо было, чтобы они были устранены провозглашением, которое объявляло только Отца; и тогда необходимо было, чтобы благодаря забвению ошибки, создавшей богов, истинный Бог явил себя во плоти. Вот причина воплощения Слова в последнее время. И как первое землетрясение исцелило многобожие противоположностями, скрыв различие лиц, так и в новейшее время, когда вера евреев в одного человека была укреплена Законом и временем, и многобожие было изгнано, в этот момент Сын воплотился по Божественному замыслу и из любви к людям и постепенно раскрыл тайну Троицы.

Автор добавляет к этому развитию событий, что Спаситель, по его словам, со всей мудростью смирил себя и приглушил блеск своей божественности, но сделал так, чтобы это просияло в его творениях, и именно через них он счел достойным провозглашения достоинства его суверенного всемогущества.

Поэтому Он сказал: «Слова, которые говорю Я, говорю не от Себя, но Отец, пребывающий во Мне, Сам творит дела. Верьте мне: Я в Отце и Отец во Мне. По крайней мере, поверьте в это, глядя на дела»³.

¹ В группе греческих слов или *μωων ου*, или Беккер ошибочно приписывает второе отрицание исправлению Шотта, и это вытекает из рукописи А.

² Текст, который воспроизведен здесь и который, согласно указаниям двух основных рукописей «Библиотеки», должен следовать за *ekerytteto* (p. 195a 1), в обеих рукописях находится в руках их редакторов, которые сравнивали каждую из двух рукописей по его образцу. См. *Martini E. Text-geschichte*, S. 11–12, 18, а также Введение Р. Анри к тексту *Bibliothèque*, т. I, p. XXIX–XXX и XXXIV–XXXV. Является ли это «маргинальным» действительным дополнением к тексту или схолия? Это не так просто определить, как можно подумать, но в любом случае это может помочь нам прояснить ситуацию из текста Фотия и помочь нам обнаружить, в «Предыстории», древней традиции этого текста, определенное единство: то, что две рукописи из разных семей заполняют пробел или воспроизводят одну и ту же запись в одном и том же месте, весьма показательно.

³ Ин 14, 10.

Именно по этим двум причинам он использовал это смирение языка: во-первых, чтобы утихомирить разгоравшуюся ненависть иудеев, и, во-вторых, чтобы предписать нам в действиях пример смирения, и, в-третьих, потому что блеск речей не отдает всего своего блеска действиям, тогда как демонстрация чудесного и божественного действиями возвышает до самого своего уровня смирение речей.

Автор поясняет значение слова из Евангелия, которое гласит: «Что легче сказать: прощаются тебе грехи твои, или сказать: встань и иди?»¹

Он говорит, что самый простой приказ – первый, потому что «быть избавленным» не произносит слов, которые исходили бы от личной власти или приказа – на самом деле. Ничто не мешает даже тому, кто не является хозяином прощения грехов, возвестить эту новость, но «встань и иди» исходит исключительно из приказа Господина, среди [195b] других причин, потому что слова «встань и иди», неся в своей реализации неоспоримый знак своей подлинности, подразумевали в то же время силу прощения. Действительно, тот, кто даровал благодать ходьбы, очевидно, даровал в то же время и прощение грехов, связанных с болезнью.

И такова природа господина, любящего людей, – дать плеть грешникам и освободить того, кого он ударил, как от наказания, так и от вины.

И поскольку он знал, что этот акт производит впечатление прощения грехов и демонстрирует суверенность прощающего, он добавляет: «И чтобы вы видели, что Сын Человеческий имеет силу...»²

Необходимо, чтобы тайна воплощения Слова оставалась в тени, чтобы быть приемлемой для тех, кто хотел бы ее услышать, и избежать Князя Тьмы.

Действительно, святой Игнатий³ говорит, что три вещи были неизвестны Князю мира сего: девство Марии, зачатие Господа и Его распятие.

И святой Павел также говорит о властителях мира сего, что «если бы они познали Его, то не поверили бы, что Он есть Владыка славы»⁴.

После этих слов он добавляет, что вечная и суверенная Троица существует всегда и, что Троица есть Отец, Сын и Святой Дух, но на более высоком уровне, чем то, что мы себе представляем или говорим.

Ибо во всем, что мы думаем или говорим о божестве, мы размышляем или говорим о нем по аналогии с вещами или словами нашего мира.

И есть равенство чести и равенство силы в Пресвятой Троице, которая все упорядочивает ради нашего спасения, и все, что мы можем сказать о Ее Божественности, она Сама, в Своей любви к людям, делает нас благодарными за то, что мы принимаем Ее.

¹ Мф 9,5.

² Мф 9, 6.

³ Это святой Игнатий Антиохийский (35–107). См. о нем *Bareille G., s.v. Ignace d'Antioche (saint) // Vacant, t. VII, p. 685-713*. Здесь Иов довольно точно следует тексту Послания к Ефессянам (XIX, 1). Согласно *Bareille*, *op. cit.*, p. 696., это письмо не является подлинным.

⁴ 1-е послание к Коринфянам, 2, 8.

Вот почему вначале, из-за многобожия, Священное Писание, спускаясь на наш уровень, передает нам Троицу не так, как она есть по своей природе или своему порядку, но так, чтобы ее было легко принять нам, и возвещает Отец с сиянием, а затем Сын, во время второго землетрясения, когда мы одновременно получаем знание Духа; однако это несовершенное знание; это, по сути, приходит к нам только в будущей жизни и во время последнего землетрясения, в момент явления всей Троицы и ее откровения нам в полной ясности.

Ибо если мы имеем и залог Духа, как свидетельствует Сосуд избрания¹, то мы не [196а] достигли совершенства духовного состояния. Действительно, само название задатка – это лишь символ совершенного дара, но не сам дар. И во многих местах апостол прославляет Духа как залог нашего будущего наследия² и первые плоды счастливых времен; так мы получаем совершенство Духа после искупления тела. И поскольку на человеческом плане то, что мы называем Отцом или Сыном, появляется и познается только в союзе брака, вот почему слова связывают два землетрясения настоящей жизни: одно с Отцом, а другое с Сыном.

С другой стороны, поскольку Дух, даже тот, что в нас, превосходит толщу тел, то справедливо, что более высокая и блестящая жизнь, которая наступит после окончания бракосочетания, – эта жизнь будет жизнью воскресения: «Ибо в воскресении никто не женится и не выходит замуж»³ – было явно сохранено для духа.

Для жизни, где отцы порождают детей, необходимо было, чтобы Бог Отец был познан прежде Сына; не то, чтобы Троица требовала такого порядка – в самом деле, зачем нужен порядок, если равенство непреложно? – но из-за порядка, который существует в ее организации и который повелевает, чтобы отцы почитались своими детьми.

И Священное Писание, возвеличивая достоинство Духа, всю Троицу называет именем Духа; таким образом: «Бог есть дух, и поклоняющиеся ему должны поклоняться в духе и истине»⁴. И: «Всякий грех будет прощен, но кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения»⁵; если мы применим это слово ко всему божеству, то оно может согласоваться с вышеприведенным утверждением.

И познание в зеркале и через загадки высшего божества в Троице доводится до совершенства Духом для нас в будущем. Фактически, именно здесь землетрясение приписывается Святому Духу, поскольку одно из двух предыдущих приписывается Отцу, а другое – Сыну. С другой стороны, очевидно, что землетрясение, которое является первым по порядку, является последним по своей значимости и степени своей эффективности; в

¹ 2-е послание к Коринфянам, 1, 22.

² Послание к Ефесеям, 1, 14; Римлянам, 8, 23.

³ Мф 22, 30.

⁴ Ин 4, 24.

⁵ Свободная цитата из Евангелия. Ближайший отрывок к письму – Мф 12, 31, но ср. также Мк 3, 29 и Лк 12, 10.

действительности очевидно, что Благодать намного превосходит Закон и более плодотворна, чем он, по своим преимуществам. Но и второе ниже третьего, если, по крайней мере, «сегодня мы видим как бы сквозь тусклое стекло, а тогда будет лицом к лицу»¹. Поэтому также «когда придет совершенное, то, что несовершенно, исчезнет»².

И узри высшую мудрость и справедливость равновесия [196b] божественного Провидения в его деяниях. Отец когда-то, казалось, имел самый высокий ранг; Сын, с другой стороны, в недавние времена считался в глазах некоторых имеющим низший ранг, а в глазах большинства – равным ему; и Святой Дух многим казался занимающим низшее положение, а некоторым – занимающим равное положение.

И для того, чтобы неравенство, рожденное человеческим толкованием, могло быть возвращено к равенству, первое землетрясение, которое было приписано Отцу, имело низший ранг; второе, которое было от Сына, имело ранг выше первого, а то, что от Духа – превзошло их обоих³.

И ясно увидите, как неравенство, существовавшее во мнениях людей благодаря неравенству трех эпох, было возвращено к точнейшему и удивительному равенству, получив своего рода блестящее озарение от божественного авторитета Троицы.

Что касается порядка лиц в Троице, то он соответствует порядку, задуманному множеством людей, но он не исходит из той чудесной и неизреченной природы, как учил Посвятитель мистерий, получивший от Божества вдохновение иногда помещать Сына и Духа прежде Отца: «Он говорит, что, действительно, существуют различные духовные дары, но дух один и тот же; служения различны, а Господь один и тот же; разнообразие действий, но Бог один и тот же»⁴. И обращаясь к Галатам: «Павел, Апостол, не от человеков и не через человеков, но Иисусом Христом и Богом Отцом»⁵.

Также, цитируются ли имена членов верховной божественной Троицы, которая превышает всякого порядка и всякого выражения, до или после, не зависит от соблюдения границ, присущих естественному порядку, но это порядок, который дается ему посредством его изменения таким образом, чтобы он служил спасению тех, кто слышит его произнесение.

Вот вопросы, которые прославленный и ревностный любитель божественных наук подробно рассмотрел в своих тридцать первой и тридцать второй главах.

В следующей главе он объясняет, почему Ветхий и Новый Заветы полны неясностей и трудностей толкования, особенно Ветхий Завет, а Завет благодати – в меньшей степени.

¹ 1-е послание к Коринфянам, 12, 13.

² 2-е послание к Коринфянам, 12, 10, см. выше, с. 176 и 182.

³ Наш автор часто повторяется. Свидетельством этого является понятие «землетрясение», которое появилось два раза выше и здесь.

⁴ Первое послание к Коринфянам, 12, 4.

⁵ Послание к галатам, 1, 1.

А относительно этих положений он говорит, что поскольку они были образом и тенью будущих благ, то вполне естественно – как в случае с тенью и образом – что они предлагают сами слова и расположение слов, где господствует неясность.

Однако в двойных скрижалях Закона они имеют двойную пользу: они заставляют внутренний свет духа сиять в тех [197a], кто возвысил свой интеллект, и они привлекают менее тонкие умы тенью, которую они отбрасывают на текст.

Грядущие блага, главным из которых является знание Троицы, оставались скрытыми по причинам, которые мы часто приводили, я имею в виду слабость слушателей и необходимость притворства перед Князем Тьмы¹ и, в-третьих, чтобы полностью искоренить многобожие, оставив тем, кто заблуждался или был невежествен, посредством ясного и открытого провозглашения Троицы никакого повода для впадения в заблуждение.

А Священное Писание подобно золотоносному полю, которое не всем и не кому-либо, но тем, кто копает его с усердием и умением, дает золото чести и прибыль, превосходящую их труды.

Как тот, кто касается золотоносного песка ради его красоты или ради игры и времяпрепровождения, не трудясь и не исследуя то, что лежит под поверхностью, не освобождается от своей нищеты, так и тот, кто, придерживаясь только буквы, не пытается обнаружить скрытое в ней сокровище и извлечь пользу, лежащую в основе мыслей, ею выраженных, не может освободиться от своего невежества или от обиды, выдвигаемой против ленивых.

Более того, сам факт сокровенности божественных мыслей свидетельствует об их исключительной драгоценности и возвышенности и возбуждает в душах повышенную жажду исследования, которая отдает предпочтение любви к Богу и труду над расслабленностью. И именно злоба иудеев и их дерзость в тех областях, где в этом не было необходимости, ответственны за неясности в Ветхом Завете; ибо для того, чтобы они не замалчивали и не заставляли исчезнуть из Писания явные и весьма очевидные свидетельства о Христе, их утверждение окутано тенью.

В-третьих, еврейский народ, будучи высокомерным, презирал даже божественные повеления; это было из страха, что он ясно поймет, что все предписания Закона прейдут, что все, что было почитаемо и уважаемо среди них, будет трансформировано в другую организацию, и что перед лицом этого очевидного знания он придет к еще большему презрению к заповедям – ибо зачем мне привязываться к тому, что вскоре будет разрушено и чей безумный характер вскоре станет очевидным? Вот почему эти истины окутаны мраком и трудностями.

Ибо если они даже без всякого повода тысячу раз отступали от божественных заповедей, не зная, что им надлежит измениться, и что они

¹ Идеи, фактически часто перефразированные автором и снова чуть выше, в отрывке, в котором некоторые термины, как мы видим, повторяются слово в слово.

несовершенны, и не зная, что они являются лишь смутным прообразом иного положения вещей, то чего бы они не сделали, если бы [197b] узнали из самих Писаний о своей собственной гибели и изменении?

Другими словами, Закон, абсолютный владыка учения, мог скрыть от тех, кто только начал свое обучение, то, что было слишком совершенным до момента его завершения, и подготовить ученика к познанию более совершенных материй посредством предварительных учений.

Добавим к выдвинутым аргументам, что мы видим, как сама природа управляет и регулирует свои владения таким же образом. Ибо первые семена и ростки не являют видимым образом своей законченной формы, но несут в себе первые скрытые начала; так зерно не есть колос, но содержит в себе обетование колоса; и для всех других плодов и всех других ростков это тот же самый естественный процесс, который мы признаем.

Это процесс того же рода, который Закон устанавливает по отношению к Благодати, поскольку благодать сотворила урожай зерен, посеянных в Законе. Поэтому так кратко изложены причины, по которым законодательство Моисея оказалось окутано неясностью.

А недостаток ясности, делающий Благодать неочевидной для всех, имеет своими причинами недавний характер посвящения слушателей и слабость их мысли. Вот почему в Сосуде Избрания говорится: «Я питал тебя молоком, а не твердой пищей; ты ещё не мог вместить её»¹.

Как всякая неподходящая пища вредит тому, кто ее принимает, так и знание, даже если оно предлагает чистую истину, бесполезно для тех, кто несовершенен; ибо, если Новый Завет излагает тайну Веры более ясно, чем Ветхий, все же, хотя он и предлагает нам объяснение принципа и семени, и что касается новой организации, то он не сразу, а постепенно открывает своим посвященным совершенные материи.

Кроме того, псам, то есть врагам, возвышающим голос, не следует бросать святых тайн легкомысленно и необдуманно, ни же «бисера перед свиньями»²; это заповедь Учителя, которая управляет учением.

Помимо того, что было только что сказано, посвящение, которое освящает нас, также называется тайной, а тайна – это не обычное и не легкодоступное для непосвященных явление. Более того, святые тайны также в духовном плане окружены Серафимами и Херувимами, а на уровне материи – завесами, крыльями, дверями и преградами. Поэтому необходимо, чтобы и наше Священное Писание было сокрыто от нечестивых, чтобы святые тайны не подвергались поруганию, и чтобы оно было открыто лишь посвященным и верующим.

¹ 1-е послание к Коринфянам, 3, 2, где апостол сокрушается о том, что не может обращаться к своим как к духовным людям, но вынужден говорить с ними как с «детьми во Христе».

² В Евангелии от Матфея 7:6 изложены эти мягкие запреты. Тема пищи, которая должна быть сохранена для детей Израиля, поднимается в третьем отрывке из Книги Иова в Migne, P.G., t. LXXXVI, 2, стб. 3316-3317.

Кроме того, если то, что легче достается, не является [198a] предметом стольких забот, как то, что достается с трудом, то вполне справедливо, что Священное Писание скрывает свое сокровище от слабых и делает его даром для тех, кто любит труд. Но именно через пот приобретается и извлекается польза из всего драгоценного и вся добродетель, тогда как порок приобретается легче и доступен каждому. И то, что достигается с трудом, становится более желанным, а то, что легко достается, также легко теряется и становится предметом презрения, а не желания.

Вот почему Адам, который без испытаний и страданий был признан достойным близости с Богом и других благ, легко лишился того состояния, которым он наслаждался. И поскольку, освободившись от страданий и испытаний, он сделался кормильцем бездны, врач всякой мудрости лечит его болезнь средствами, которые ей противостоят, предписывая ему законом в поте лица своего есть хлеб, предназначенный для его тела¹, и всем тем, кто имеет любовь духа, он предлагает свою духовную трапезу.

И, в дополнение к только что сказанному, если бы понимание смысла Писания было доступно каждому без усилий, то какова была бы награда тем, кто посвящает этому свои бдения и непрестанную борьбу? И кто захотел бы посвятить себя усердному изучению, если бы те, кто посвящает себя ему лениво, имели не меньше преимуществ, чем они? Итак, по указанным причинам, кажется справедливым и полезным, чтобы смысл Писания не упрощался и не распространялся без предосторожности, а также не делался доступным для всех, даже для недостойных людей.

Однако, несмотря на сказанное, среди тех, кто любит труд и заслуживает духовной благодати познания, никто не может обвинить Писание в неясности. Но почему ленивый человек, который дает себе волю, должен раздражаться из-за непонимания? Ибо если он считает познание божественных истин достойным внимания, то почему он не заботится об этих драгоценных благах?

И если он считает, что это не приносит ничего необходимого для добродетели, то почему он раздражается, когда не терпит никакого наказания? И какой вред понесет от недостатка ясности тот, кто стремится понять мысль? Ибо нет никакой трудности в понимании для тех, кто желает того, чего ищет.

Действительно, существуют труды многих почитаемых авторов, которые комментируют и упрощают святыя слова, и тот, кто решил жить, следуя их учению, не упустит своей цели.

Что касается того, кто не принимает эту сторону, то очевидно, что, даже если бы божественные слова были яснее всего, он не познал бы их.

Чтобы доказать истинность этого утверждения, скажу, что есть люди, которые даже не знают названий апостольских посланий и которые не в состоянии даже устно перечислить список пророческих книг [198b] или других священных книг Ветхого и Нового Завета. И все же, что же непонятного, неясного и трудного в знании списка названий? Сколько труда это займет? Но для тех, у кого нет честной воли, эти названия остаются не

¹ «В поте лица твоего будешь есть хлеб твой»: Бытие, III, 19.

менее неизвестными, чем загадки. Итак, не неясность божественных слов является причиной невежества масс, а небрежность последних и их мягкотелость, которые привели их в такое положение, игнорирование даже того, что яснее всего.

У людей такого рода ясность, как было показано, ничем не отличается от неясности; а что касается тех, кто активен, то безвестность, помимо того, что делает их личную выгоду неизменной, показывает, что они мудры и полны добродетели и рвения.

Более того, тот, кто желает, чтобы смысл Писания был прояснен, если он желает этого в поисках человеческой славы, по веской причине его удерживают вдали от дворов божественной мудрости. Но если он желает этого ради добродетели и ради награды свыше, то насколько его добродетель возрастает благодаря его трудам и поту, настолько же и наслаждение наградой даруется тем, кто борется, без вопросов.

Но это также план неизреченной мудрости. Действительно, Бог, изгнав из нас изначально то, что было предосудительным, дарует нам наслаждения рая без всяких страданий. И когда Он убедил нас нашими делами, что жизнь без испытаний и несчастий не приносит человеку никакой пользы, Он влил в нашу жизнь, как лекарство, тяжесть наших мучительных трудов и наших тягот, предложив нам ее как поле борьбы, приносящее великую пользу и великие награды.

Именно на этих мыслях автор заканчивает свою тридцать третью главу и седьмую книгу.

Восьмая книга посвящена обсуждению двух вопросов, один из которых – разрешение трудности, требующей усилий, не лишенных мастерства. Эта трудность берет свое начало в развитии рассуждения, которое показывает, что у Отца есть сын.

Автор представления – Григорий Нисский¹. Аргумент гласит, что всякий, кто признает, что Бог не есть существо, лишенное разума, безоговорочно соглашается с тем, что у Него есть Слово, а Слово Бессмертного бессмертно, а бессмертное Слово не может быть ничем иным, как Сыном, в Которого мы веруем.

Доказательство того, что у Бога должен быть сын, поэтому таково; далее он ставит на сцену одного из своих друзей, который высказывает возражение против этой демонстрации; он друг, которого он хвалит как самого почтенного.

Вот возражение: ничто не мешает нам иметь те же понятия о Сыне, что и о Духе, – ибо оба они суть Бог, – и, таким образом, тайна приведет не [199a] к Троице, а к бесконечности лиц, по крайней мере, согласно этому рассуждению.

¹ Мы знаем, что святитель Григорий Нисский был великим защитником догмата Троицы. Ср. *Godet P. s. v. Gregoire de Nysse (saint) // Vacant, t. VI, p. 1847-1852*. В своей проповеди «О Божественности Сына и Святого Духа» в *Migne, P. G., t. XLVI, стб. 553-576*, имеется целое развитие, подкрепленное цитатами из Священного Писания, на тему тождества Сына и Отца.

Это возражение сильное и сложное; автор пытается опровергнуть его с помощью различных аргументов, не достигая, по крайней мере, на мой взгляд, точного опровержения. Однако пот, который льется из его работы над этим вопросом, обилён, поскольку он приводит до тринадцати доказательств.

Но в глазах тех, кто чтит истинную веру, в этом аргументе есть некоторые вещи, которые не лишены ценности; однако человек, который клянется с энтузиазмом, не только не предлагает ничего, что ведет к вере, но даже становится поводом для смеха.

Можно было бы в краткой и сжатой форме сказать тому, кто вступает в борьбу с этим возражением, что если кто-то сначала выдвигает Отца, а затем спрашивает о нем, то независимо от того, относится ли это к порядку разума и доказывает ли отсюда, что у Отца должен быть сын, – это тщетное возражение, которое, возможно, имеет некоторую видимость силы.

Но если он этого не сделает – потому что это не нужно, и достопочтенный Григорий не развивал свои рассуждения таким образом, – выдвинув вперед само имя Бога, что является общим и неделимым именем суверенных божественных лиц, и в его отношении, если он подвергает сомнению его Слово или его творческую силу и, если хотите, его дыхание жизни, то это установит тайну Святой Троицы и не оставит никаких препятствий для тех, кто захочет неосторожно вмешаться в его доказательство.

Разве это было бы одно и то же или почти одно и то же – рассматривать не божество в его целостности, а отдельную личность и активно искать то, что было бы достойно рассматривать относительно божества в целом? Ибо кто до такой степени лишен рассудка, тому ничто не мешает, даже без малейшей тонкости, дойти на этом основании до неразумия и сказать, что поскольку для нас Бог есть Троица, то каждый член Троицы необходимо должен также умножаться в другую Троицу.

По моему мнению, против такого пустого языка невозможно выдвинуть никаких разумных возражений. Но именно это могло бы стать решением этого возражения и всех возражений, идущих в том же направлении. Такова первая глава седьмой¹ книги.

Другой спрашивает, почему, хотя Сын и Дух исходят от Отца в равном ранге, один называется Сыном, а другой Духом, и почему оба не сохраняют имя и ранг сына. И, когда он таким образом сформулировал трудность, он предлагает решение; то есть, одним словом, теология, выражая посредством известных нам понятий родство и равенство божественной природы в Троице именами Отца и Сына и [199b] Святого Духа, внушила нам невыразимое и непередаваемое наименование божественности терминами, которые естественны и знакомы нам.

И поскольку в нашем мире принято и нормально говорить о сыновьях о поколении, а о дыхании – об исхождении, «духе». «Кто уходит», – говорит

¹ Ошибка? Должно быть – восьмой книги.

он, – «не возвращается»¹ и «выходит его дух»², «если дуновение пройдет над ним, его уже нет»³; итак, поскольку в человеческом роде мы согласуем с идеей сына идею рождения, а с идеей дыхания – идею исхождения, то по аналогии, также и в отношении невыразимой и сверхъестественной природы, мы узнаем, что Сын был рожден и получил от Бога откровение об исхождении Духа.

По этой же причине, собственно, Святой Дух с тех пор в нашем мире называется Духом Отца и Сына, с тех пор, в нашем мире также мы говорим о душе каждого из них, но мы не говорим об отце или сыне духа, потому что этого также не существует в нашем мире.

С другой стороны, здравый смысл единогласно соглашается с тем, что божественность по самой своей природе не может быть выражена или постигнута нами, и многие отрывки Священного Писания провозглашают это, а почти единодушный хор наших Отцов подтверждает это; нет необходимости цитировать их слова, поскольку они известны.

Именно эти темы автор рассматривает в своей восьмой книге.

В девятой же, после создания своего рода вступления, в котором он говорит, что Иисус, сын Навина, когда он спрашивает предводителя войск: «Ты один из нас или из наших врагов?»⁴, он задает свой вопрос, чтобы узнать, не является ли он каким-то врагом не в чувственной сфере, а в интеллигибельной.

Действительно, многие признаки показывали ему, что это был не кто-то из неприятельского войска и не кто-то из его собственных войск: внезапность его появления и то, что никто из неприятелей не осмеливался проходить через неприятельский лагерь или показываться на глаза полководцу, но также и то, что тот, кто проявил такую дерзость, не делал ничего, как враг.

Другими словами, не самый мудрый из полководцев не знал ни внешнего вида, ни вооружения своих соотечественников, ни иноземцев, но он знал, что видение перед ним было видением разумных духов, и он стремился узнать, предназначалось ли это видение вражеской армии или той, что сражалась за Израиль.

Итак, во введении он рассматривает именно эту тему; затем он спрашивает: как можно допустить эти две точки зрения – что мы обретаем благодать, превосходящую ангельское достоинство, и что мы должны явиться равными ангелам при воскресении?

И он решает этот вопрос, прежде всего, говоря, что ничто [200a] не мешает одному и тому же существу, с одной стороны, иметь долю в некоторой чести, превосходящей его ранг, а с другой стороны, находиться в низшем состоянии. Ибо поскольку Господь, облекшись в нашу природу, приобщил ее к Себе и, возвысив ее над всяким Начальством и всякой Властью, поместил ее одесную Отца, то очевидно, что наша природа поставлена в ранг,

¹ Псалм 78, 39.

² Псалм 146, 4.

³ Псалм 103, 16.

⁴ Книга Иисуса Навина, 5, 13.

превосходящий достоинство ангелов. И где Начала и Небесные Силы имели знание через Церковь, то есть, людей, уверовавших во Христа¹, бесконечной мудрости в ресурсах Бога, которую он явил во Христе Иисусе, именно в такой же степени наш вид имеет преимущество.

В-третьих, по благодати мы получили наслаждение благами, «на которые ангелы взирают с вожделением»². И поскольку после двойного падения Адама и ангельского состояния Христос, чтобы спасти его, принял природу первого, а не других, то из этого факта очевидно, что наша природа была признана достойной высшей чести. И тот факт, что при воскресении люди подобны ангелам³, не учит нас тому, что почести между двумя видами равны, но свидетельствует о сходстве состояния; действительно, в тот момент род человеческий, как и род ангелов, до тех пор не будет нуждаться в браке или плотской близости.

Более того, нет ничего, что могло бы помешать людям, равным ангелам⁴, или тем, кто был низведен на мгновение ниже ангелов, наслаждаться большим даром, когда те, которые получили бестелесную природу, отказавшись от своей славы и своего чина, продолжают вести жизнь без раскаяния в своем падении, тогда как мы, получившие от самого творения состояние ниже их, ввиду нашего единения с телом, освободившись от заповеди, не желаем оставаться в своем падении, но приходим через покаяние к тому, чтобы вернуть себе ту часть, которая была у падших, и что благодаря избытку щедрости мы получаем в наследство небо и Царство Божие вместо земного рая⁵.

Решив таким образом исследуемый вопрос, автор переходит к объяснению притчи, в которой изображены младший, блудный сын и старший сын с отцом⁶, и излагает их историю. И он говорит, что юный сын олицетворяет ангельские силы, поскольку и по времени, и по природе они имеют приоритет над нашим видом, а блудный сын олицетворяет наш вид и отца, Творца и Владыку всего сущего.

[200b] Что касается негодования старшего сына по поводу возвращения младшего сына и оказанного ему приема, то оно не является результатом мысли или расположения, свойственного только ангелам, но притча создала такое отношение, чтобы показать меру пользы, потому что после такого расточительства блудный сын извлек пользу из такой щедрости, что сам чин ангелов, если бы зависть была в его природе, мог бы возмутиться и найти избыток этой щедрости невыносимым. В самом деле, как может быть, чтобы одни и те же ангелы радовались об одном кающемся грешнике и, с другой стороны, негодовали, что им приходится судить его как достойного отеческой нежности?

¹ Парафраз Послания к Ефесянам, 3, 10-11.

² Первое послание Петра, 1, 12.

³ Мф, 22, 30; Лк, 20, 36.

⁴ Послание к Евреям, 2:7.

⁵ Это превосходство над ангелами, дарованное нам через дар искупления, обсуждается в четвертом отрывке из Книги Иова. Migne, P. G., t. LXXXVI, 1, col. 3317-3319.

⁶ Лк, 15, 11, 32.

Но такова уж конструкция притч: на самом деле они рассказывают не только о том, что произошло или должно произойти, но и о том, что можно в них примешать, чтобы сделать их поразительный характер более ясным, а также их удовольствие, их последствия или просто легкость их понимания и их полезность.

А притчу о ста овцах¹ автор связывает с ангелами и человеческой природой. Он также вспоминает, что в отношении притчи о блудном сыне существуют и другие толкования, которым он предпочитает то, которое мы только что рассмотрели, и которое он восхваляет в многочисленных дискуссиях. Но именно этим темам посвящена тридцать седьмая глава.

Тридцать восьмой вопрос рассматривает, как можно сказать, что Христос умер за всех, поскольку Воплощение Спасителя произошло много поколений спустя, после того как бесчисленные человеческие потомки увидели свет и были преданы смерти.

И проблема решается следующим образом: во многих местах Писания содержится свидетельство о том, каким образом спасение пришло через Христа к тем, кто тогда жил, и каким образом спасение было идентично спасению тех, кто находился в аду.

Ибо главный апостол говорит: «Ибо Христос умер и воскрес, чтобы властвовать над мертвыми и живыми»². И, с другой стороны: «Он находящимся в темнице³ духам, сойдя, проповедал, дабы они, будучи судимы по плоти, жили духом»⁴, то есть, чтобы неверующие, которые таким образом оставались грешниками, были осуждены за то, что стали исключительно плотью и отделены от Духа, и чтобы все те, кто даже в аду уверовал во Христа в праведности, могли наслаждаться радостью духа⁵. Поэтому слова «чтобы судимы были по плоти» обращены, говорит он, к тем, кто не уверовал. А слова «дабы жили духом» обращены к тем, кто уверовал.

Он говорит так, как будто речь идет только об одном объекте, потому что, даже если судьба двух групп [201a] тех, кто уверовал, и тех, кто не уверовал, различна, он объединяет в одну группу тех, кто находится под землей.

Итак, в случае одного тела мы можем сказать, что оно одновременно и больно, и здорово в той или иной своей части. И как мы говорим о ком-либо, что он осужден на огонь и наказан, так и Священное Писание говорит: «Да будут судимы по плоти». Ибо это есть величайшее наказание, и особенно во время воскресения, когда праведники, наслаждаясь утешением,

¹ Лк 15, 4.

² Это слово не от св. Петра, а от св. Павла, Послание Римлянам 14:9.

³ Первое послание Петра, 3, 19.

⁴ Свободная цитата из Первого послания Петра, 4, 6.

⁵ Об эволюции верований относительно судьбы людей, не познавших Христа. независимо от того, умерли ли они до его пришествия, или умерли в младенчестве, или умерли, не имея возможности услышать его послание, каждый с пользой для себя прочтет статьи *Riviere J. Limbes // Dictionnaire pratique des connaissances religieuses*, t. IV, p. 395-399, и более подробно *Gaudel A. Limbes // Vacant*, t. IX, 1, p. 760-772.

превосходящим человеческое состояние, и живя в Духе, тогда как множество грешников уходит и теряет навечно жизнь только плотскую и отделенную от всякой духовной благодати.

Этому высказыванию можно дать еще одно объяснение. Святой Павел говорит: «У кого дело сгорит, тот потерпит урон; но он спасется, но так, как бы из огня; дело же каждого этот огонь испытает»¹.

И чтобы никто не поверил, что, как грех, так и грешник сгорает и идет в погибель, он добавляет, что, даже если дела сгорят и погибнут, сам виновник греха, с другой стороны, не сгорит и не погибнет вместе с ними, но будет спасен, то есть, останется в запасе для бесконечного наказания.

И чтобы слова «спасётся» не подразумевали для еретиков, что, когда вина будет оправдана, каждый из грешников будет помещен одновременно и среди праведных, и среди тех, которые будут спасены, в то время как он покончил с наказанием, и всем было бы предложено общее блаженство, то после слов «спасётся» он добавляет, явно чтобы свести их мысль на нет: «как из огня», то есть, как тот, кто не освобождается от наказания огнём.

Это также очень похоже на значение в словах, сказанных о тех, кто находится в аду и не уверовал во Христа; действительно, словами «чтобы быть судимым по плоти и т.д.» он хотел бы показать, что они судимы таким же образом, как плоть судится по природе, и что они, тем не менее, живут не как плоть, которая гибнет и освобождается от бремени своих наказаний, но как существа, которые не гибнут и поддерживаются силой Святого Духа, и как нетленные существа, которые проводят бесконечную жизнь испытаний в наказании, которому нет конца.

Но это объяснение этих слов в порядке отступления.

Его целью было показать, что как за живых, так и за умерших в древние времена, начиная с Адама, наш Учитель и Спаситель претерпел смерть, и что именно через Него всем возвещается спасение и дается как плата за испытание.

[201b] Я только что изложил первый из аргументов, с помощью которых он подтверждает свое положение.

Во-вторых, он говорит: Если награды и венцы, вознаграждающие добродетель, приобретаются воскресением, и если именно Крест приносит нам воскресение, и если без него невозможно получить никакого блага, то очевидно, что ради спасения всех нас Христос отдал Себя на смерть.

После этих слов он поясняет и комментирует слова Учителя, который говорит: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию»². И он говорит, что Спаситель произнес эти слова не потому, что разделил толпу людей на праведников и грешников. Действительно, такая мысль противоречит богодухновенному Писанию и самой природе вещей. Ибо, прежде всего, именно всех, а не некоторых или других, призвал к

¹ Свободная цитата из Первого послания к Коринфянам, 3, 15, затем 13.

² Мф, 9, 13. Здесь мы имеем ту же тему, что и в отрывке III из Migne, LXXXVI, 2, col. 3316 D-3317 D.

спасению Спаситель всех, и всем дал Свое учение. И тот факт, что Евангелие провозглашается по всему миру, устраняет это различие между грешниками и праведниками. И Павел говорит: «Мы все едины во Христе»¹.

А притча о сети² возвещает, что участь всех, попавших в нее, одинакова, ибо эта сеть не захватывает одних, не стараясь поймать и других, но она внезапно охватывает всех, кто попадает в нее. И явившаяся Петру³ пелена есть знак общего призыва, обращенного ко всем, а не только к грешникам, исключая тех, кто чист. И «конец закона – Христос, к оправданию всякого верующего»⁴, а не только грешников.

Но тот же апостол, с другой стороны, говорит, что он проповедует Христа, силу и премудрость Божию⁵, самым призванным, иудеям и эллинам. И, с другой стороны, как не найти противоречия в поговорке: «Не ходите путем язычников и не входите в город Самарянский, а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева»?⁶ Ибо, поскольку овцы были потеряны, они были ближе к справедливости и добродетели, чем самаритяне и эллины. И как он сказал, что сначала нужно накормить детей, а остатки оставить собакам?⁷

И, кроме того, в наставлениях своим ученикам он сказал: «В какой бы город или селение вы ни вошли, попросите кого-нибудь честного и не грешного указать вам дорогу, и оставайтесь у него, пока не уйдете»⁸. Зная это, продавец пурпура сказал Варнаве и Павлу: «Если вы считаете меня [202a] верным последователем Господа, то оставайтесь со мной»⁹. И сказать апостолам, которые были образцами добродетели: «Вам дано знать тайны, а им не дано»¹⁰, очевидно, означает: тем, кто этого недостойны.

Как же всем этим словам не противопоставить резко фразу «Я пришел призвать не праведников, но грешников», если понимать это слово в смысле разделения человечества на лагерь грешников и единственного праведника?

Кроме того, если Он не призвал праведников, а грешники не допущены, ибо «всякий, делающий зло, ненавидит свет и не идет к свету»¹¹, и «злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое»¹², и «сколько раз хотел Я собрать детей твоих, а вы не захотели»¹³, – то если Он не призвал праведников, а грешники, как сказано, предпочли удалиться, нежели приблизиться, то ради кого был провозглашен этот указ?

¹ Послание к Римлянам, 12, 5.

² Матфея 13:47-50.

³ Деяния, 10, 11.

⁴ Послание к Римлянам, 10, 4.

⁵ 1 послание Коринфянам 1, 24.

⁶ Матфея 10:5-6.

⁷ Матфея 15:26.

⁸ Матфея 10:11.

⁹ Деяния, 16, 15.

¹⁰ Матфея 13, 11.

¹¹ Иоанна 3, 20.

¹² Матфея 12, 35.

¹³ Матфея 23, 37.

Давайте вместе посмотрим, исходя из самих фактов. Нужно было, чтобы Богородица была на земле; он призвал ту, которая превосходит всех других всеми добродетелями. Ему надлежало назвать отцом и братом на земле того, у кого нет отца; Он не избрал их из среды разбойников и блудников, но избрал тех, которые светились праведностью. Таковы были, в сущности, Иосиф и его дети. Что касается Иакова, то высокая степень добродетели, до которой он поднялся, и уважение, которое он привлек к себе среди еврейского народа, возвешаются самим его именем; действительно, народ прозвал его Облиасом за его великую добродетель и его искреннее отношение к Богу, и это прозвище, которое было ему дано, означает «защита и охрана народа»¹.

По-прежнему необходимо, чтобы Предтеча предшествовал Слову; он тот, кто ходит выше пророков и всех людей. Необходимо было также, чтобы был представлен свидетель его славы: он призвал Симеона и Анну². Ему пришлось брать учеников: он выбирал лучших. «Ибо я знаю, – сказал он, – тех, кого я избрал»³.

Необходимо было воскресить Лазаря, умершего в Вифании⁴, но он был из благочестивого дома, где жили Марфа и Мария, чей божественный суд провозгласил, что они избрали благу ю участь⁵. Надлежало призвать некоторых из язычников: Корнилий был призван первым; его великая добродетель, еще прежде его крещения, возвешена Священным Писанием⁶. Двое разбойников распяты, но один, имеющий честные чувства, открывает рай; другой, который богохульствует и несет на себе [202b] неизгладимые стигматы своего рождения, предан правосудию для наказания.

Итак, в каждом народе, в каждом племени и во всех образах жизни мы можем видеть, что именно те, кто живет добродетельно, а не те, кто живет противоположной жизнью, были призваны, поспешили и последовали за Тем, Кто их призвал. И если мне скажут о куртизанке и мытаре, то да будет известно, что среди тех, кто ведет такой образ жизни или занимается таким ремеслом, те, кто сохранил хоть на мгновение искру человеческого благородства, откликнулись на призыв Спасителя и по праву оценены и названы людьми заслуг, по крайней мере, по сравнению с теми, кто не откликнулся.

Где же тогда призыв, обращенный к грешникам, когда среди куртизанок, мытарей и разбойников мы видим присоединившимися к призыву Спасителя только тех, кто, насколько это было возможно в такой пучине зол, тем не менее, были среди лучших в своем роде? И нечестно выходить за рамки этого принципа. Группа дев была десятью, но мудрые девы были избраны в брачном чертоге, а неразумные отвергнуты. И та, кто не наденет свадебное платье, а остальные останутся на своих местах, будет единственным исключенным.

¹ Во время исследования книги Иова Р. Анри не нашел никаких следов этого прозвища для Иакова или его значения.

² Аллюзия на Луки 2, 25 и 36.

³ Иоанна 13, 18.

⁴ Иоанна 11, 1-43.

⁵ Луки, 10, 42.

⁶ Римский сотник, обращенный святым Петром, Деяния, 10, 1-48.

И кто те, кого в день Страшного суда поведут ангелы на встречу с Господом? Разве не очевидно, что это праведники, а не грешники?

Что значит: «Я пришел призвать не праведников, но грешников»? Он имеет в виду: я пришел призвать и вернуть к судьбе, от которой он отклонился, весь род человеческий, отклонившийся от точной и совершенной справедливости. Ибо если люди нашего рода находятся в разном положении относительно друг от друга, потому что одни жили вне правил, а другие в пределах дозволенного, то, тем не менее, никто не без греха.

И подтверждением такого образа мыслей является сама формулировка предложения, которая представлена без детерминативного артикля. Ибо если бы Он сказал: «Я пришел призвать не праведников, но грешников», то, может быть, возникло бы мнение, что призваны именно грешники, а не праведники; но неопределенность терминов, выраженных без артикля, безоговорочно показывает, что это мнение ложно¹; и этот взгляд подтверждается святым Павлом, который говорит: «Христос пришел в мир спасти грешников, из которых я первый»², и «Мы установили, что и иудеи, и эллины подвержены греху, как написано: нет праведного [203а] ни одного; нет разумного, ни ищущего Бога, потому что все согрешили и лишены славы Божией». И слова «Господь пришел взыскать и спасти погибшее» были сказаны, очевидно, для всего человеческого рода; это же подразумевается и под овцой, заблудшей среди ста разумных овец, и под зарытой драхмой, которая является одной из десяти драхм. Ибо и над нею царствовала смерть, по словам того же святого Павла, и не над одними и не над другими, но над людьми от Адама до Моисея³, между которыми были Авель и Енох, и весь собор праведников и пророков Закона.

И, с другой стороны, этот же глашатай, столь горячо преданный милосердию, говорит: «С теми, кто любит Его, Бог все содействует ко благу, с теми, кого Он призвал по Своему замыслу»⁴. Затем «кого Он рассудил, тех и предопределил» и «кого Он предопределил, тех и призвал; а кого призвал, тех и оправдал, и прославил»⁵. И «Он избрал нас прежде создания мира»⁶ не только из иудеев, но и из язычников. И «Избранные достигли этого; остальные же закалились»⁷. И «Тот, кто есть Спаситель всех человеков, верующих прежде всего»⁸. И невозможно перечислить все цитаты того же рода. Рассмотрев эти темы, не без амбиций, деятельный автор заканчивает свою тридцать восьмую главу.

¹ Согласно этому замечанию, которое верно, поскольку текст утверждает: Мф, 9, 13, не имеет артиклей перед именами, поэтому необходимо было бы перевести «праведники», «грешники». Р. Анри придерживается традиционного перевода.

² Послание к Тимофею, 1, 15. Иерусалимская Библия также приводит здесь перевод вместе со статьей.

³ Аллюзия на Послание к Римлянам, 5, 14.

⁴ Послание к Римлянам, 8, 28.

⁵ Послание к Римлянам, 8, 29.

⁶ Послание к Ефессянам, 1, 4.

⁷ Послание к Римлянам, 11, 7.

⁸ 1 послание к Тимофею 4, 10.

В тридцать девятой он осторожно пытается уменьшить кажущиеся разногласия, существующие в Священном Писании. Он удивляется, в самом деле, как Господь не мог творить чудеса в Своем отечестве из-за неверия его жителей, и как, с другой стороны, тем, кто упрекал Его за то, что Его ученики не изгнали беса, Он сказал, перекладывая вину на упрекавших Его: «Это из-за вашего неверия». А его истинный ученик Павел говорит, наоборот: «Ибо знамения даются неверующим, а не верующим». И он разрешает вопрос, говоря, что чудеса совершаются ради неверующих по всеобщему и общему замыслу: тот, кто их совершает, намеревается привести их к вере спасения; однако эти знамения предлагаются тем, кто взамен представляет расположение к послушанию и кто присваивает себе добро, проистекающее из этих знамений.

Что касается тех неверных, которые, как мы знаем, добровольно слепы к сверхъестественным делам, то предлагать им чудеса — дело недостойное Провидения и тщетное. Так что [203b] чудеса предлагаются также неверным, и это находится в согласии и гармонии с идеей, что они не должны предлагаться им; с одной стороны, потому что через них они обретают свое спасение; с другой стороны, потому что, будучи погруженными в бездну погибели, блага, из которых другие извлекают большую выгоду, ведут их самих, из-за их злобы, к несчастью. Но это предмет, рассматриваемый в настоящей главе.

В следующих отрывках он предпринимает любопытный поиск, чтобы объяснить, почему для падших ангелов Сын не стал ангелом, как он стал человеком для людей. И это он называет своей первой причиной.

Поскольку из всей природы, наделенной разумом, человек — единственный, кто привязан к плоти и материи, и поскольку материя имеет склонность к падению, и поскольку человек состоит из двух природ, которые борются друг с другом, и каждая из которых стремится отделиться от другой, чтобы идти к тому, что ей свойственно, то и живое существо стремится к разделению, «потому что похоть плоти, как свидетельствует святой Павел, закону Божию не покоряется»¹. Вот почему человек, как единственное разумное существо, связанное такими телесными узами и способное к тому же добровольно принести покаяние в своей вине, естественно нуждается для своего выздоровления в более полном и большем вмешательстве Провидения и более щедро пользуется помощью Божией. И то, что вначале поставило нас ниже других существ, наделенных разумом, справедливый Судия сделал началом нашего великого спасения, Тот, Кто привязал нас к плоти, чтобы наказать гордость, из-за которой легионы ангелов были подняты к непоправимому падению, и Кто затем сделал отправной точкой благословения, превосходящего всякое понимание, то, что считалось оковами материи.

¹ Послание к Римлянам, 8, 7.

Ибо что может быть более великим и более высоким в порядке благословения, чем видеть нашу природу утвержденной одесную Отца и наш род, прежде находившийся в покорном и мирном восстании, примиренным с Отцом вселенной? Именно это совершило Слово, когда оно принесло себя в жертву как первенец, приняв эту природу.

Это тот мир, который, как мне кажется, Он оставляет миру в качестве залога через Своих учеников, когда говорит: «Мир Мой даю вам, мир не оставляю вам, как мир дает мир»¹. И именно в соответствии с этими словами подлинный ученик говорит: «Мир Божий, который превыше всякого ума, обретет опеку над сердцами вашими»² и «Получив наше [204а] оправдание, мы находимся в мире с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, который дал нам доступ к ...»³.

Ибо это место не должно понимать как мир, который следует за войнами, или мир между нами, но, очевидно, мир каждого с самим собой и, благодаря ему, мир с Тем, Кто дает его нам и Кто является руководителем нашего спасения, который ничто не может поколебать, мир, который хранит наши сердца и превосходит всякое понимание, тот, которого мир дать не может.

Поэтому нет никакого противоречия с высказыванием: «Не мир пришел Я принести, но меч»⁴. Ибо именно мир во всем мире, говорит автор, он не пришел принести. И снова: «Вы будете ненавидимы всеми»⁵, и много слов в том же роде. Ибо привязанность верующих к Богу возбуждала в нечестивых ненависть, ревность и убийственную страсть. Поэтому Спаситель пришел, чтобы принести мир, который приводит тело в гармонию с душой и подчиняет низшую часть существа воле лучшего. И он дал нам это, соединив с нашей мятежной природой божественную владычицу мира.

Этому учит нас святой Павел, когда говорит: «Ибо чего не мог сделать закон, обессиленный плотью, то Бог, послав Сына Своего в подобии плоти греховной, и за грех осудил грех во плоти»⁶, так что справедливо о ней сказать: «Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать»⁷. Вот почему Воплощение Христа среди нас называется в Священном Писании правосудием, судом и милосердием Божиим, в том смысле, что по справедливому суду Божию только существа, наделенные разумом и смешанные с костью, были единственными судьями, достойными столь великой чести и неизреченной милости⁸.

¹ Свободная цитата из Иоанна, 14, 27.

² Послание к Филиппийцам, 4, 7.

³ Неполная цитата из Послания к Римлянам, 5, 1-2.

⁴ Матфея 10, 34.

⁵ Марка 13, 13.

⁶ Послание к Римлянам, 8, 3.

⁷ Послание к Римлянам, 5, 20.

⁸ Здесь невозможно привести многочисленные священные тексты, на которые ссылается автор. Их можно найти, обратившись к: *Michel A. s. v. Incarnation // Vacant, t. VII, p. 1464-1466.*

Писание хотело показать это через Осию, который говорит: «Я обручусь с Собою в справедливости, в нежности и любви»¹. И бесчисленное множество других слов священных писаний провозглашают, что именно из-за своих уз плоти человеческий род был признан достойным сострадания, и в качестве компенсации за эту связанную с нами материю Господь дал нам дар Своего Воплощения и благословения, которые приходят к нам через него. «Ибо Он помнит слова Давида, что мы – прах² и плоть»³. И Иов: «Вспомни, что Ты образовал меня из кости»⁴.

Вторая причина такого внимания к людям тоже может быть указана; она заключается в том, что в начале Творец не дал человеческому роду [204b], как ангелам, совершенную природу саму по себе, но счел его достойным достичь совершенства незаметным прогрессом; вот почему Он дает ему совершенство как награду за его добродетель и как возмещение за претерпеваемые им злодеяния. И он поместил его на полпути между смертью и бессмертием, предоставив ему свободу выбора одного из них. И ангелы, и все другие виды, наделенные разумом и не имеющие тел, уже по своему внешнему виду обрели совершенство своей природы.

Вот почему Давид говорит: «Могучие герои, делатели слова Его»⁵, то есть, как существа, которые, подобно нам, не тягостятся и не смущаются ничем материальным, поэтому они быстро и без всякого колебания исполняют то, что им приказано. Поэтому неизреченная справедливость Божия должна была восполнить недостатки несовершенных существ в тот момент, когда она считала это правильным, и не вознаградить тем же уважением тех, кого она сразу же сотворила совершенными, но рассудить, что некоторые имеют достаточно того, что они получили заранее, и дать другим необходимое, чтобы восполнить то, чего им не хватало. И те ангелы, которые пали, не потому что их привлекла материя, или плоть потянула их за собой, а потому, что они выбрали неправильный путь, лишились своей славы.

И мы, возмущаемые плотью и соблазняемые страстями, исходящими от нее, впадаем в большую часть своих грехов без полного согласия, если не совсем против своей воли. И действительно, племя демонов, любящее кровь и наслаждающееся страданиями плоти, не получило от себя естества, которое могло бы сделать что-либо подобное, и даже не имеет в себе никакой причины, влекущей его к запретному. Ибо она не поднимает меч в руке, чтобы убивать, и не разрушает браки между людьми из-за прелюбодеяния, и не побуждает ее гнев к убийству в отмщение за причиненное зло, и не желает она телесного соития. И мы, часто побежденные тяжестью материи, совершаем поступки, выбор которых ужасает нас, и, предавшись умерщвлению, поддаемся рабству страстей.

¹ Свободная цитата из Осии, 2, 21.

² Псалом 103:14.

³ Псалом 7:39.

⁴ Иов 10:9.

⁵ Псалм 103: 20.

Вот почему Павел воскликнул: «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть во плоти моей, доброе; потому что хотеть оно есть в моей силе...»¹. И еще: «Ибо не то доброе, которого хочу, делаю, а то, чего не хочу»². «Это от природы!» – говорит автор, – «хотя мы знаем больше демонов, мы получаем прощение, мы, а не они».

Более того, даже если бы, говорит он, кто-то признал, что [205a] наш Спаситель и Искупитель принял природу ангелов, чтобы спасти их, то ничего хорошего из этого контакта для них не вышло бы. Ибо принуждение не вернуло бы их к добру, как и людей от их падения; а жизнь в любви Божией, жизнь по преимуществу, достигается нашими лучшими действиями и нашей склонностью к Богу, то есть непорочной верой, и эти средства установлены и преподаны нам Воплощенным Словом. И ни одно из этих двух средств не могло способствовать обучению и наставлению ангельского племени – ангелы знали оба в совершенстве, – потому что сами по себе, по своему сотворению, обладали этими знаниями. Действительно, их состояние как бестелесных существ не лишено подобных средств, как и у нас. Более того, когда Сын Божий присутствовал во плоти, демоны узнавали его и провозглашали его своим судьей, своим палачом и своим господином³. Священное Писание свидетельствует об этом, говоря: «Ты веруешь, что есть Бог, и бесы веруют, и трепещут»⁴.

И в другом месте: «Я знаю Христа, и я знаю, кто такой Павел; а кто ты?»⁵ Из чего следует, что племя демонов знало, боялось и почитало не только Христа, но и его истинных слуг.

К неизреченной любви Божией к людям следует добавить еще и следующую причину. Он открывает нам небеса, которые еще не были доступны или видимы, те небеса, которые, я верю, называются Царствием Небесным. Ибо, по словам святого Павла, «Он открыл нам путь новый и живой»⁶. И «вошел Он не в рукотворный храм, или в изображение подлинного, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред Богом⁷. И «Куда Христос вошел ради нас как предтеча...»⁸. Это путь, который Он нам открыл, и Он был для нас примером справедливости, направляющим нас по нему, чтобы, познав его, мы возжелали его и чтобы, охваченные этим желанием, мы подготовились к достижению его цели.

Что касается ангелов, то им с самого начала было легко познать небеса, и они их познали. Более того, соединяясь с нами, Он дарует нам воскресение, нетление и бессмертие через Свое воскресение; что же касается вида, не имевшего тела, то он был бессмертен и не имел нужды в этой благодати.

¹ Послание к Римлянам 8, 18.

² Послание к Римлянам 8, 19.

³ Аллюзия на Матфея 8:29.

⁴ Послание Иакова 2:19.

⁵ Деяния 19, 15.

⁶ Послание к Евреям, 10, 20.

⁷ Послание к Евреям, 9, 24.

⁸ Послание к Евреям, 6, 20.

И поскольку ради нас Он жил во плоти, то освободил ее от тирании дьявола, владевшего ею, восторжествовав на Кресте над Начальствами и Властями¹ и дав нам силу попирать ногами всю силу врага²; и если бы Он облекся в их природу, кого бы Он умалил? Над кем бы он восторжествовал? Какую власть он бы дал, кому и против кого? [205b]

И в дополнение к сказанному, для нас, после нашего падения, никто, наделенный той же природой, что и мы, не мог быть образцом для нашего исцеления, но для демонов, которые пали, бесчисленные легионы духов, которые остались тверды, находятся перед их глазами и являются для них примером покорного Богу поведения и образцом для их исцеления, свободным от слабости.

Вот почему наш Бог, который есть вся мудрость, который предвидит и действует выше всякого разума, Слово Божие, когда человеческая природа впала в падение, принял ее в неизреченной мере Своей любви к человеку и через посредство этой природы даровал всем Своим ближним дар исцеления, нетления и бесчисленных благ; что же касается племени демонов, то Он не нашел справедливым или интересным принять их природу. Вот так заканчивается эта глава нашего любознательного и деятельного автора, а также и следующая.

В сорок второй он пытается выяснить, почему для нас переход от зла к добру и от добра ко злу столь част, столь разнообразен и почти непрерывен, тогда как для видов, лишенных тел, добро в одних и зло в других неизменны. И причиной импульса, толкающего нас то в одну, то в другую сторону, он называет непостоянное течение нашей основной материи, которая иногда преобладает над разумом, а иногда подчиняется ему. Но у духов, где материя не имеет власти, только разум контролирует действия. Итак, поскольку они были сосланы по своей свободной воле и действительно по свободному решению ко злу, то их падение неисцелимо, потому что они не имеют в себе другого более сильного элемента, который мог бы вернуть к добру их мысль, которая является хозяйкой самой себя и которая сама собой соскользнула ко злу; точно так же, с другой стороны, у тех, кто по своей свободной воле избрал любовь к добру, желание остается непоколебимым и не тревожится никаким течением.

И мы, в некотором смысле, двойные существа; вот почему под влиянием раскаяния в своих ошибках мы упрекаем себя так, как упрекали бы других. И когда две стихии сражаются друг с другом и попеременно побеждают и терпят поражение, как может состояние победы или падения оставаться неизменным?

И не только в действиях, которые заслуживают похвалы или порицания, изменения, приливы и отливы внутри нас не имеют непобедимой силы, но это касается и всех наших действий, и всех наших привязанностей. Ибо мы не можем постоянно сидеть или стоять, потому что преувеличение в любом из

¹ Послание к Колоссянам, 2, 15.

² Луки, 10, 19.

положений имеет своим непосредственным следствием естественное расслабление; [206a] и очевидно, что это явление происходит в нас из-за разнообразия элементов, которые там конкурируют; в самом деле, тепло имеет тенденцию подниматься, в то время как земной элемент тяготеет вниз и тянется к земле. И то же самое относится и к другим подобным элементам, которые не имеют места в бестелесных натурах.

Но как у нас устанавливается разнообразие и обилие форм, так у них царит отсутствие разнообразия и единообразие. Это приводит к трудности изменения и трансформации простых и уникальных натур, а также к изменению и переделке сложных существ. Тот факт, что не существует абсолютно никаких изменений или превращений даже в бестелесных субстанциях, – а среди демонов действительно имело место изменение от добра к злу, – может послужить поводом для кого-то утверждать, что существа, не имеющие тела, начались с изменения и превращения.

Действительно, они также перешли от небытия к бытию, хотя их бытие было освобождено от смешения с материей. И, возможно, именно из-за этого уникального изменения они также раскрыли в себе то уникальное изменение своего мышления, которое привело их ко злу.

После этих слов этот благочестивый автор, преданный священным учениям, подводит итог нечестивой, бессмысленной и полной ошибок болтовне Оригена¹ о демонах, ангелах, людях, звездах и всем остальном видимом творении и заканчивает свою сорок вторую главу.

Далее он сосредоточит свое исследование на следующих двух моментах. Во-первых, почему святые и разумные силы – насколько нам известно и как нам наставляют вдохновенные слова – сохраняют свою доброту неизменной от начала до конца, тогда как злые силы сохраняют свою злобу? И почему в то время, когда многим людям предстоит понести наказание, Спаситель сказал, что огонь приготовлен для дьявола и его демонов?²

И в ответ на первый вопрос, для обеих сторон, то есть для ангелов и для демонов, он ставит под сомнение простой характер их природы, отсутствие в ней состава и разнообразия, по причине чего эта природа не может допускать изменения в свою противоположность.

На второй вопрос он отвечает, что написано, что огонь был уготован для дьявола и его ангелов, а не для людей, потому что в нас изменение от зла к добру не есть неожиданное явление, тогда как в них оно сознательно, что они создали себе судьбу без надежды. И мнимое слово Спасителя он [206b] приводит сразу и как решение второго вопроса, и как второе доказательство, доказывающее невозможность для демонов изменить свою злую природу.

¹ Известно, что Ориген был главным образом предметом споров, потому что он верил в вечность творения. Подробности его мнений и последовавших осуждений см. *Bardy G. s. v. Origen // Vacant, t. XI, 2, особенно p. 1528-1538.*

² Матфея 25, 41.

После этих слов в сорок четвертой главе он объясняет, почему идущие в купель возрождения отрекаются от сатаны и его дел¹, но в то же время не от злых людей и их дел. Но если мы отвергаемся не от природы демонов, а от дел их, потому что они злы, то мы должны отвергаться не от природы человеческой, а от дел ее. Ибо не тем, что можно было бы сказать, что дела демонов слишком велики, слишком трудны и слишком превосходят нашу природу, можно было бы решить проблему; напротив, трудность усложняется, если кто-то отказывается от совершения ошибок, которые не свойственны его природе, но к совершению которых он ведом.

Вот как он поднимает проблему. В качестве первого ответа он ссылается на невозможность покаяния среди демонов, что гораздо серьезнее и отвратительнее гораздо более тяжких грехов, совершенных людьми, поскольку они могут вернуться на путь покаяния.

Его второй ответ заключается в том, что с самого начала наш Спаситель, заботясь о нашей безопасности, воздвиг непреодолимую преграду² вражды между дьяволом и нами, так что, сохраняя в себе нетронутой нашу ненависть к нему, мы никогда больше не будем приветствовать уловку, которую он подкладывает под наши ноги.

Поэтому каждый из тех, кто принимает свет, как бы признавая, что до сих пор был одержим заблуждением нашего предка, справедливо и мудро отказывается от дружбы с ним на всю оставшуюся жизнь. А для людей, хотя они и живут во зле, Господь ничего подобного не заповедал, не говоря уже о том, что Он заповедал совсем противоположное.

И многое другое можно было бы сказать, и одна из самых убедительных мыслей заключается в том, что Радость Церкви, которая внимательна к взаимной любви, – той Церкви, которую лукавый стремится всячески разрушить, – побуждает нас пробуждать и поддерживать эту любовь всеми силами мудрости.

Вот почему закон не позволяет нам стыдить или ненавидеть самих нечестивых, потому что они наши братья³; но он повелевает, напротив, любить и лелеять их, насколько это возможно, и даже думать о том, как очистить их от нечестия, заботиться о них и привлекать их к себе, а не отвергать их.

Это то отношение, к которому Павел обязывает нас в отношениях с [207a] другими, – тот, кто стал иудеем для иудеев, язычником для язычников, чуждым для беззаконных и всем для всех, чтобы спасти хотя бы кого-то любой ценой⁴. И если бы хор праведных от начала и доныне отделился от грешных, кто бы спасся? Как может быть спасен мир, если нечестивые не приносят пользы друг другу, а нечестивые ненавидят и отвергают их? А скатерть, увиденная Петром и полная чистых и нечистых существ, скорее наводила на мысль о присутствии и приеме нечестивых, чем об их отстранении⁵.

¹ Здесь мы узнаем формулу тройного отречения, произносимую при крещении; она очень древняя и встречается у многих отцов в Латинской и Греческой Церкви. По этому вопросу см. *Bareille G. s. v. Baptism // Vacant, t. II, p. 213-214.*

² Намек, несомненно, на отрывок из Бытия 3:15, где сказано: «И вражду положу между тобою и между женою, между родом твоим и между родом ее».

³ Намек на Мф, 5, 43-45, отрывок, цитируемый ниже, с определенной свободой.

⁴ Адаптация Первого послания к Коринфянам, 9, 20-22.

⁵ Здесь имеется в виду уже упомянутая выше история о неводе (Матфея 17:27) и видении пелены (Деяния 10:11).

И если, в то время как Божественное Слово предписывает милосердие во всех случаях и через Своих учеников провозглашает его выше всякой другой добродетели, мы тем не менее ведем себя как враги по отношению к самим себе, и если почти каждый из нас из зависти оскорбляет своего ближнего, как бы честен он ни был, и если бывают даже моменты, когда мы пытаемся причинить ему вред, и если мы хотим воспользоваться этим предлогом, — я¹ имею в виду отделение нас от злых согласно признанному закону — из того, что я вижу у людей, я утверждаю, что совершенно ненормально, что мы ненавидим даже наших благодетелей, когда они причиняют нам легкую боль, и даже когда они делают это нам по причине, и что мы отворачиваемся от них, выдвигая вперед, чтобы скрыть наши завистливые мысли и стыд, который мы испытываем от ненависти друг к другу, божественное установление и заставляя его ходатайствовать за нас; и мы не положим конец даже смерти, нашей вражде к людям такого рода, хотя Бог в Своей благодати повелевает, чтобы солнце не заходило во гневе нашем², и хотя Отец показывает нам, что мы должны подражать Ему, будучи почтительны ко всем, даже к тем, кто ненавидит нас, Тот, Кто посылает дождь на праведных и нечестивых, и Кто повелевает солнцу Своему восходить одинаково над одной стороной, как и над другой³.

И если бы было постановлено, чтобы получившие свет отделялись от нечестивых, то жена могла бы воспользоваться этим, чтобы отделиться от мужа, и муж от жены, и сын от отца, и дочь от матери, и раба от господина своего; каждый из них полагался бы на свое соглашение с Богом и сделал бы его непреложным законом, установленным их собственной волей.

Вот почему нам было приказано бежать, ненавидеть и держаться подальше только от дьявола, демонов и их дел, отказываясь участвовать в их замыслах и обязуясь всегда сохранять такое отношение и молиться об этом, ввиду их постоянной и неизменной склонности ко злу и их [207b] неспособности испытывать отвращение к своим грехам.

Но в наших отношениях друг с другом, будь то вина человека или даже божества, мы не должны выносить поспешных и резких суждений; такое отношение, по сути, является нападением на взаимную любовь, которая присуща нам из-за материи, которая прикреплена к нашему роду, и потому, что для тех, кто пал, остается надежда на выздоровление.

Итак, если кто говорит: «я не хожу по следам беса», и говорит это искренне, тот не должен быть отвергнут. А кто хвалится, как фарисей, и хвалится, что он не как мытарь, тот осужден⁴. Ибо не факт, что стоящий не упадет, и что упавший не встанет.

В дополнение к сказанному необходимо учесть и следующее: поскольку племя бесовское игнорирует покаяние, а мы через покаяние идем к крещению,

¹ Очевидно, что от первого лица говорит не Фотий, а автор.

² Послание к Ефесеям 4:26.

³ Свободная цитата из Матфея 5:45.

⁴ Луки 18, 9-14.

то самым тем, что мы отделяем себя от тех, кто не кается, очевидно, что мы формально обещаем Богу покаяться. И кто отрекается от демонов по причине их неспособности измениться, как он прежде не отрекся от себя самого по причине невозможности измениться? И тот, кто просит прощения за свои прошлые грехи и нечестие, как может он, ради людей, разделяющих его испытания, закрыть себе жалость, которую он сам приобрел покаянием?

Но именно это и содержит настоящая глава; автор также говорит, что в воскресении мы будем жить жизнью ангелов, никогда больше не уклоняясь ни во что злое, но пребывая в неизменном состоянии, которое мы приобретем не естественным образом, но силой Духа, как и сам чин ангелов.

В том же смысле он говорит, что «меньший в Царстве Небесном больше Иоанна»¹, что осуществляется через обилие благодати Духа, ведущее к стабильности.

Действительно, поскольку Тот, Кто есть Истина в дарах Святого Духа, нашего общего Творца и Владыки, сказал, что Иоанн был величайшим из детей жен, то, чтобы показать разницу между нашим будущим состоянием и настоящей жизнью, Он говорит, что если даже в этой жизни Предтеча больше по благодати Духа, то каково же будет в будущем улучшение нашего настоящего состояния и обилие даров Духа, чтобы тот, кто меньше в ином мире, получил более великолепную награду, чем те, кто больше здесь, на земле?

И действительно, человек здесь внизу, хотя бы он и занимал высокое положение, не обладал даром неизменяемости, тогда как низший в Царствии Небесном, кем бы он ни был, сохранял благо, носителем которого он был, не будучи отнятым, и никоим образом не подвергаясь слабости изменения.

[208a] А в сорок пятой главе он исследует, как первые два создания каждого вида: дьявол и Адам, пали из своего творения. То, что Адам был первым существом своего вида, очевидно; и то, что дьявол также пал, как вождь, который находился впереди, как говорит автор в Иове: «Он – цвет дела Господа, который сделал его посмешищем для своих ангелов»².

И сказал Пророк: «Как он пал, Люцифер, утренняя звезда»³. Ибо Люцифер, который в своем шествии ближе других звезд, является первым вестником солнца; именно по аналогии с этой звездой, говорит автор, дьявол в скрытых терминах обозначается Писанием как противопоставленный духовному солнцу справедливости.

Но вернемся к теме. Прискорбно, говорит он, что первые существа всякого рода творения, умопостигаемого и того, что участвует в жизни чувств, впали в падение; тем не менее, для всех тех, кто пришел после них, их падение представляет собой полезный пример для всех, кто, подобно глашатаю, возвещает, что должно быть очень внимательное отношение к своей безопасности, чтобы не впасть в те же ошибки и не наслаждаться случаями

¹ Матфея 11, 11.

² Иов 40, 19.

³ Исайя, 14, 12.

падения, но всячески и всеми силами ненавидеть непослушание и грех, который из него вытекает, поскольку существа, которые были в некотором роде основами и фундаментами творения, за то, что не сочли правильным хранить себя на страже, как это было необходимо, потерпели такое падение.

Ибо Адам, который верил, что станет Богом, и у него откроются глаза, и он обогатится, познав добро и зло, увидел себя смертным, обуреваемым страданиями и унаследовавшим природу, полную многообразного невежества; а другой, который возмечтал установить свой престол на небесах и сделать себя равным Всевышнему, был, по всей справедливости, низвергнут под землю и ввергнут в глубины Тартара, и их ненасытность заставила их пасть даже из обычного состояния, в котором они жили. И мудрость врача заключается в том, чтобы применять противоположности в качестве лекарств против их противоположностей.

И этим-то сей автор, сведущий в священных вещах и любящий созерцание, заканчивает свою сорок пятую главу и все свое произведение.

ХРОНИКА

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В КЕСАРИЮ ПАЛЕСТИНСКУЮ

Н.Н. Болгов (Белгород – Севастополь),
А.М. Болгова (Белгород)

В августе 2013 г., находясь в первой ознакомительной поездке в Святой земле, нам удалось посетить археологический памятник Кесария, расположенный на месте римской и византийской столицы Палестины.

Конечно, этот город был одной из основных целей поездки, но посмотреть его довелось уже под занавес программы. Тем не менее, практически полное представление о состоянии городища и его памятников составить получилось.

Прежде всего, нужно отметить удобное расположение городища близ основной трассы Хайфа – Тель-Авив, в 34 км к югу от Хайфы и в 55 км к северу от Тель-Авива. Глядя на исторические карты, легко впасть в эффект некоторого территориального сдвига, полагая древнюю Кесарию ближе к Хайфе¹, однако, она расположена заметно южнее², на полпути между Яффо и Птолемаидой.

Современный городок Кейсария расположен на некотором отдалении от берега, четко разграничиваясь с древней Кесарией, целиком включенной в Национальный парк.

Подъезжая к памятнику, справа в достаточно большом отдалении можно увидеть монументальный акведук³, расположенный прямо на пляжах современной Кейсарии.

Вход на территорию сопровождается постройками времен крестоносцев и османов, особенно выделяется боснийский минарет. В целом город окружен стеной византийского времени, которая неплохо сохранилась.

Весь город и ансамбль его построек создают ощущение обращенности к морю. Почти плоская поверхность совсем неощутимо имеет легкий уклон вверх от берега на восток.

Второе кольцо стен, охватывающее примерно половину городища – это Иродовы стены, которые значительно хуже сохранились. Чисто визуальны объемы города в эпоху Пилата невелики, но ненамного большим представляется и Иерусалим (в пределах стен Сулеймана, ограничивающих Старый город).

¹ Болгов Н.Н. Шикмона (Хайфа) в римско-ранневизантийский период // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2016. С. 30-31

² Болгов Н.Н., Болгова А.М., Агаркова Ю.Н. К истории Кесарии Палестинской в ранневизантийское время // Кондаковские чтения-IV. Белгород, 2013. С. 78-83.

³ Negev, Avraham. The High Level Aqueduct at Caesarea // Israel Exploration Journal. № 14, 4. 1964. P. 237-249.

Прямая дорога выводит на мол в предполагаемом районе Стратоновых башен, с которых и началось строительство города.

Бухту с двумя молами практически полностью перекрывает замок крестоносцев, который, в свою очередь, вдвое меньше по площади, чем Город Ирода. Остатки замка в виде участков фундаментов стен не портят общего впечатления о преимущественно римско-византийском городе¹.

В пределах центра (в контурах замка находятся остатки храма Августа и византийской базилики. Византийская улица, ориентированная по линии север-юг, отходит от юго-восточного угла замка в меридиональном направлении. Западнее замка расположен основной комплекс жилых построек, которые неплохо сохранились, раскопаны и дают представление о характере застройки и городских усадеб с мозаиками и внутренними дворами.

Значительно выделяется как визуальная топографическая доминанта Ипподром², скамьи которого смотрят прямо на море, на запад. Сейчас песок арены идеально ровен, сохранилось несколько рядов трибун. И сидя на них и глядя на море, в полной мере можно представить тоску римских администраторов и солдат по Риму, в сторону которого они могли смотреть во время представлений, пока блеск закатного солнца не ослеплял их настолько, что ничего рассмотреть на арене уже было нельзя.

На мысу, вдающемся в море в этой части города, расположен знаменитый дворец царя Ирода, попасть куда можно, обогнув амфитеатр с юга. Сегодня этот комплекс визуально не производит большого впечатления, но в свое время это был роскошный комплекс.

Наконец, в южной части городища, за амфитеатром, расположены византийская крепость и реставрированный театр, в котором и сегодня проводятся концерты и прочие представления. С восточной стороны к стенам театра примыкает небольшая выставка мраморной скульптуры, происходящей из города.

Возвращение ко входу и парковке лучше сделать по контуру восточной византийской стены, через некрополь. Именно там есть какая-то растительность, деревья и кустарник, которых не хватает в центральной части городища, залитой солнцем и покрытой песком. Широких мощеных улиц и ощущения урбанистического благоустройства в центре немного не хватает в отличие от того же Скифополя, где сохранились основные линии улиц и который образовывал пару Кесарии в качестве основных целей нашей первой поездки в Израиль в августе 2013 г.

¹ Levine L. *Caesarea under Roman Rule*. Leiden, 1975. 297 p.

² Porath Y. Herod's 'Amphitheatre' at Caesarea: a Multipurpose Entertainment Building // *The Roman and Byzantine Near East: Some Recent Archaeological Research* / ed. J.H. Humphrey / *Journal of Roman Archaeology Supplement Series*. 14; Ann Arbor, 1995. P. 15-27; *Patrich, Joseph*. Herod's Hippodrome-Stadium at Caesarea and the Games Conducted Therein // *What Athens has to do with Jerusalem. Essays on Classical, Jewish, and Early Christian Art and Archaeology in Honor of Gideon Foerster* / Ed. Leonard V. Rutgers. Leuven, 2002. P. 29-68.

В целом здесь чувствуется присутствие людей, и не только дайверов и просто туристов. Если собственно новая Кейсария не видна с памятника, то высокие трубы другого, более южного городка, все же заметны.

Более заметен, чем в Скифополе, хронотоп из различных времен. И если арабского практически ничего нет, то крестоносное и османское достаточно ощутимо.

В целом же еще необходимо свыкнуться с размерами древних городов, чтобы не создавался эффект искажения. Они все же были значительно меньше современных. И даже императорский Рим от Ватикана до Колизея или даже терм Каракаллы обозрим всего за несколько часов. На этом фоне великая Кесария Ирода или византийская столица Палестины выглядит вполне неплохо. А более полное представление о городе дадут многочисленные публикации материалов археологических раскопок¹, интерес к которым в огромной мере пробуждает аутопсия, личный осмотр на месте.

Любая такая поездка, и Кесария не исключение, является мощным источником вдохновения и побуждает не только знакомиться с литературой, но и разрабатывать тему. Так как нельзя объять необъятное самому, такие темы, как правило, становятся темами ВКР студентов, диссертациями. Кроме того, нами был подготовлен перевод книги Ли Левина о Кесарии римского времени, который, возможно, будет когда-то опубликован.

На Святую Землю удалось впоследствии съездить еще раз (2019), но это уже иная история.

В работе использованы фотографии Н.Н. Болгова (август 2013 г.).

¹ Обобщающая работа: *Caesarea Maritima. A Retrospective after Two Millennia* / ed. A. Raban, K.G. Holum. Leiden; New York, Koln: Brill, 1996.

*Научное электронное издание
сетевого распространения*

КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – VIII

Материалы VIII международной научной конференции
к 100-летию со дня кончины акад. Н.П. Кондакова

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: Н.А. Вус
Выпускающий редактор: В.С. Берегова

Подписано к использованию **XX.XX.xxxx.**
Гарнитура Times New Roman. Объем издания – **XXX** МБ
Оригинал-макет подготовлен в ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48